stratum plus
Археология и культурная антропология
№6. 2014

E-ISSN: 1857-3533
Категория B

ВРЕМЯ ВОЙНЫ. ПОБЕДИТЕЛИ И ПОБЕЖДЕННЫЕ

Редакция журнала *Stratum plus* выражает особую благодарность за помощь в подборе и подготовке материалов номера С. В. Белецкому, В. С. Синике

Ad gloriam. А. Н. Кирпичников
Оружие холодное и огнестрельное
Воинское снаряжение минувших веков
Военные силы Византии в Таврике в VI—VII вв.
Войны и завоевания XV в.
Крепостные сооружения средневековой Алушты
Ворота дунайского Доростола и бастионы Ямбурга
Античные монеты Херсонеса и Тиры
Денежное обращение домонгольской Руси
Средневековые монеты Сербии и Молдавии

Редколлегия номера: Николай Д. Руссев (ответственный редактор),
Владимир П. Кирилко (зам. ответственного редактора),
Сергей В. Белецкий, Виталий С. Синика

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КИШИНЕВ ОДЕССА БУХАРЕСТ **2014**

E-ISSN: 1857-3533
Category B

Stratum plus. Nr. 6.
Archaeology and Cultural Anthropology

Wartime. Winners and Vanquished

Ad gloriam. A. N. Kirpichnikov
White Weapons and Firearms
Munitions of Bygone Centuries
Byzantine Military Forces in Taurica in 6th—7th cc.
Wars and Conquests in 15th c.
Fortifications of Medieval Alushta
Gate of Dorostol on the Danube and Bastions of Yamburg
Ancient Coins of Chersonesos and Tyras
Monetary Circulation in pre-Mongol Rus'
Medieval Coins of Serbia and Moldavia

Editorial Advisory Board: **Nicolai D. Russev** (Editor-in-Charge),
Vladimir P. Kirilko (Associate Editor),
Serge V. Beletsky, Vitalij S. Sinika

Saint Petersburg. **Kishinev**. Odessa. Bucharest.
2014

Stratum plus. Nr. 6.
Arheologie şi antropologie culturală

În timp de război. Învingători şi învinşi

Ad gloriam. A. N. Kirpichnikov
Arme reci şi arme de foc
Echipamentul militar din secolele trecute
Forţele armate bizantine din Taurica secolului VI—VII
Războaie şi cuceriri din sec. XV
Fortificaţiile Aluştei medievale
Porţile Dorostolului de pe Dunăre şi bastioanele Iamburgului
Semne din diferite veacuri
Monede antice din Chersones şi Tyras
Circulaţia monetară în Rusia premongolă
Monedele medievale ale Serbiei şi Moldovei

Colegiul redacţional: **Nicolai D. Russev** (redactor responsabil),
Vladimir P. Kirilko (redactor-adjunct),
Serge V. Beletsky, Vitalij S. Sinika

Sankt Petersburg. **Chişinău**. Odesa. Bucureşti.
2014

High Anthropological School

Высшая Антропологическая Школа

Editor-in-Chief — doctor of history **Mark E. Tkachuk**

Coordinating Editor — doctor of history **Roman A. Rabinovici**
Responsible Secretary — doctor of history **Leonid A. Mosionjnic**

Administration and promoting — **Alexander N. Burean**

Founder — **Alexei S. Tulbure**

Editorial Advisory Board:

M. B. Shchukin. *Through the Decision of the Senate of the High Anthropological School and Stratum plus editorial board, the name of Mark B. Shchukin shall be recorded forever in the list of editors of this journal in memory of his outstanding merits.*

G. Atanasov — doctor of historical sciences (Regional History Museum, Silistra, Bulgaria).
M. Babeş — doctor of history (Institute of Archaeology "Vasile Pârvan", Bucharest, Romania).
S. Beletsky — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation).
Yu. Berezkin — professor, doctor of historical sciences (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (the Kunstkamera), Saint Petersburg, Russian Federation).
V. Borshevich — doctor habilitat of physical-mathematical sciences (Moldovan Branch of the UN International Academy of Informatization, Kishinev, Moldova).
I. Bruyako — doctor of historical sciences (Odessa Archaeological Museum of Ukraine National Academy of Sciences, Odessa, Ukraine).
V. Cavruc — doctor of history (Eastern Carpathians National Museum, Sfântu Gheorghe, Romania).
S. Covalenco — doctor of history (Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Kishinev, Moldova).
V. Dergacev — doctor habilitat of history (Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Kishinev, Moldova).
A. Dobrolyubsky — doctor of historical sciences (South Ukraine Pedagogical University, Odessa, Ukraine).
E. Girya — candidate of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation).
B. Govedarica — professor, doctor habilitat (Free University of Berlin, Berlin, Germany).
S. Hansen — professor, doctor habilitat (German Archaeological Institute, Eurasia Department, Berlin, Germany).
M. Kazansky — doctor of historical sciences (CNRS — French National Center for Scientific Research, Center for Studies in History and Civilization of Byzantium, Paris, France).
V. Kirilko — candidate of historical sciences (Crimea Branch of the Archaeology Institute of the National Academy of Sciences of Ukraine, Simferopol).
A. Kovalev — member correspondent of the German Archaeological Institute, leader of Central Asian International Archaeological Expedition (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation).
I. Manzura — doctor of history (High Anthropological School University, Kishinev, Moldova).
K. Marchenko — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation).
S. Monachov — doctor of historical sciences (Institute of Archeology and Cultural Heritage of the N.G. Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russian Federation).
V. Myts — candidate of historical sciences (The State Hermitage Muzeum, Saint Petersburg, Russian Federation).
E. Nicolae — doctor of history (Institute of Archaeology "Vasile Pârvan", Bucharest, Romania).
L. Nikolova — PhD, professor (International Institute of Anthropology, Salt Lake City, USA).
K. Randsborg — professor in archaeology (University of Copenhagen, Copenhagen, Denmark).
N. Russev — doctor habilitat of history (High Anthropological School University, Kishinev, Moldova).
O. Sharov — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation).
P. Shuvalov — candidate of historical sciences (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation).
O. Shcheglova — candidate of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation).
N. Telnov — doctor of history (Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Kishinev, Moldova).
L. Vishnyatsky — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation).
V. Zuev — candidate of historical sciences (Saint Petersburg, Russian Federation).

Address: Zimbrului St. 10a, Kishinev, MD-2024, Republic of Moldova
High Anthropological School University, "Stratum plus" Journal.
Tel./fax: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Redactor şef — doctor în istorie **Mark E. Tkachuk**

Redactor coordonator — doctor în istorie **Roman A. Rabinovici**
Secretar responsabil — doctor în istorie **Leonid A. Mosionjnic**

Administrare şi promovare — **Alexander N. Burean**

Fondator — **Alexei S. Tulbure**

Colegiul redacțional:

M. B. Shchukin. *Prin Decizia Senatului Universității „Şcoala Antropologică Superioară” şi a redacției revistei „Stratum plus”, în memoria meritelor savantului de seamă Mark B. Shchukin, numele său a fost înscris pe veci în componența colegiului redacțional.*

G. Atanasov — doctor în ştiințe istorice (Muzeul regional de istorie, Silistra, Bulgaria).
M. Babeş — doctor în istorie (Institutul de arheologie „Vasile Pârvan”, Bucureşti, România).
S. Beletsky — doctor în ştiințe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiințe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).
Yu. Berezkin — profesor, doctor în ştiințe istorice (Muzeul de antropologie şi etnografie „Petru cel Mare” al Academiei de Ştiințe a Rusiei (Kunstkamera), Sankt Petersburg, Rusia).
V. Borşevici — doctor habilitat în fizică şi matematică (Filiala Republicii Moldova al Academiei internaționale de informatizare pe lîngă ONU, Chişinău, Moldova).
I. Bruyako — doctor în ştiințe istorice (Museul de arheologie din Odesa, Academia Națională de Ştiințe a Ucrainei, Odesa, Ucraina).
V. Cavruc — doctor în istorie (Muzeul Național al Carpaților Răsăriteni, Sfântu Gheorghe, România).
S. Covalenco — doctor în istorie (Institutul patrimoniului cultural al Academiei de Ştiințe a Moldovei, Chişinău, Moldova).
V. Dergacev — doctor habilitat în istorie (Institutul patrimoniului cultural al Academiei de Ştiințe a Moldovei, Chişinău, Moldova).
A. Dobrolyubsky — doctor în ştiințe istorice (Universitatea pedagogică din Ucraina de Sud, Odesa, Ucraina).
E. Girya — candidat în ştiințe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiințe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).
B. Govedarica — profesor universitar, doctor habilitat, (Universitatea Liberă din Berlin, Germania).
S. Hansen — profesor universitar, doctor habilitat (Institutul German de Arheologie, Departamentul de Eurazie, Berlin, Germania).
M. Kazanski — doctor în ştiințe istorice (Centrul Național pentru Cercetări Ştiințifice din Franța, Centrul pentru Studii în Istorie şi Civilizație Bizantină, Paris, Franța).
V. Kirilko — candidat în ştiințe istorice (Institutul de arheologie, filiala Crimeea, al Academiei Naționale de Ştiințe din Ucraina, Simferopol).
A. Kovalev — membru corespondent al Institutului German de Arheologie, conducător al Expediției arheologice internaționale în Azia Centrală (Universitatea de Stat din Sankt Petersburg, Rusia).
I. Manzura — doctor în istorie (Universitatea „Şcoala Antropologică Superioară”, Chişinău, Moldova).
K. Marchenko — doctor în ştiințe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiințe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).
S. Monachov — doctor în ştiințe istorice (Institutul de arheologie şi patrimoniul cultural, Universitatea de Stat din Saratov „N. G. Cernîşevskii”, Saratov, Rusia).
V. Myts — candidat în ştiințe istorice (Muzeul de Stat Hermitage, Sankt Petersburg, Rusia).
E. Nicolae — doctor în istorie (Institutul de arheologie „Vasile Pârvan”, Bucureşti, România).
L. Nikolova — doctor, professor (Institutul Internațional de Antropologie, Salt Lake City, SUA).
K. Randsborg — profesor în arheologie (Universitatea din Copenhaga, Copenhaga, Danemarca).
N. Russev — doctor habilitat în istorie (Universitatea „Şcoala Antropologică Superioară”, Chişinău, Moldova).
O. Sharov — doctor în ştiințe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiințe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).
P. Shuvalov — candidat în ştiințe istorice (Universitatea de Stat din Sankt Petersburg, Rusia).
O. Shcheglova — candidat în ştiințe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiințe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).
N. Telnov — doctor în istorie (Institutul patrimoniului cultural al Academiei de Ştiințe a Moldovei, Chişinău, Moldova).
L. Vishnyatsky — doctor în ştiințe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiințe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).
V. Zuev — candidat în ştiințe istorice (Sankt Petersburg, Rusia).

Adresa: str. Zimbrului 10a, Chișinău, MD-2024, Moldova
Universitatea „Şcoala Antropologică Superioară”, revista „Stratum plus”.
Tel./fax: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Главный редактор — доктор истории **Марк Е. Ткачук**

Редактор-координатор — доктор истории **Роман А. Рабинович**
Ответственный секретарь — доктор истории **Леонид А. Мосионжник**

Управление и продвижение — **Александр Н. Бурян**

Основатель журнала — **Алексей С. Тулбуре**

Редколлегия:

М. Б. Щукин. *Решением Сената университета «Высшая антропологическая школа» и редакции журнала «Stratum plus» имя Марка Борисовича Щукина в память о его выдающихся заслугах навсегда вписано в состав редколлегии этого издания.*

Г. Г. Атанасов — доктор исторических наук (Региональный исторический музей, Силистра, Болгария).
М. Бабеш — доктор истории (Институт археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния).
С. В. Белецкий — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).
Ю. Е. Березкин — профессор, доктор исторических наук (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской Академии наук (Кунсткамера), Санкт-Петербург, Россия).
В. И. Боршевич — доктор хабилитат физико-математических наук (Молдавское отделение Международной Академии информатизации при ООН, Кишинёв, Молдова).
И. В. Бруяко — доктор исторических наук (Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины, Одесса, Украина).
Л. Б. Вишняцкий — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).
Е. Ю. Гиря — кандидат исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).
Б. Говедарица — профессор, доктор хабилитат (Свободный университет Берлина, Берлин, Германия).
В. А. Дергачев — доктор хабилитат истории (Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова, Кишинев, Молдова).
А. О. Добролюбский — доктор исторических наук (Южноукраинский педагогический университет, Одесса, Украина).
В. Ю. Зуев — кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Россия).
В. Каврук — доктор истории (Национальный музей Восточных Карпат, Сфынту-Георге, Румыния).
М. Казанский — доктор исторических наук (Национальный центр научных исследований, Центр по изучению истории и цивилизации Византии, Париж, Франция).
В. П. Кирилко — кандидат исторических наук (Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины, Симферополь).
А. А. Ковалев — член-корреспондент Немецкого Археологического института, руководитель Центрально-Азиатской международной археологической экспедиции (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия).
С. И. Коваленко — доктор истории (Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова, Кишинев, Молдова).
И. В. Манзура — доктор истории (Университет «Высшая антропологическая школа», Кишинев, Молдова).
К. К. Марченко — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).
С. Ю. Монахов — доктор исторических наук (Институт археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия).
В. Л. Мыц — кандидат исторических наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия).
Л. Николова — доктор, профессор (Международный Институт антропологии, Солт-Лейк-Сити, США).
Е. Николае — доктор истории (Институт археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния).
К. Рандсборг — профессор археологии (Копенгагенский университет, Копенгаген, Дания).
Н. Д. Руссев — доктор хабилитат истории (Университет «Высшая антропологическая школа», Кишинев, Молдова).
Н. П. Тельнов — доктор истории (Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова, Кишинев, Молдова).
С. Ханзен — профессор, доктор хабилитат (Немецкий археологический институт, Евразийское отделение, Берлин, Германия).
О. В. Шаров — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).
П. В. Шувалов — кандидат исторических наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия).
О. А. Щеглова — кандидат исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: ул. Зимбрулуй 10а, Кишинев, MD-2024, Республика Молдова
Университет «Высшая антропологическая школа», журнал «Stratum plus».
Тел./факс: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Издан при поддержке
Ольги Витальевны Свиридовой,
Олега Алексеевича Тюренкова
и Алексея Александровича Рыбалко

Stratum plus. Археология и культурная антропология (сокращенно *Stratum plus*) — международный рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным проблемам археологии и культурной антропологии. Издается университетом «Высшая антропологическая школа» с 1999 года. Выходит на русском языке.

Тематика публикаций журнала не ограничена ни регионально, ни хронологически. Публикуемые материалы — результаты аналитических исследований, интерпретации, качественная публикация новых источников. Помимо материалов по археологии и культурной антропологии, принимаются к публикации материалы по истории, этнологии, нумизматике, эпиграфике и другим вспомогательным историческим дисциплинам.

Журнал выходит шесть раз в год в виде тематических номеров, каждый из которых посвящается отдельной исторической эпохе. Последний, 6-й номер годового цикла включает статьи по нумизматике и эпиграфике разных периодов, а также статьи по культурной антропологии, этнологии, истории позднего средневековья и начала нового времени. Каждый вышедший номер имеет свое собственное уникальное название, характеризующее содержание номера.

Электронная версия журнала (e-ISSN 1857-3533) доступна на сайте **www.e-anthropology.com**. Здесь же можно ознакомиться с полным архивом журнала.

Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology (abridged as *Stratum plus*) is an international peer-reviewed academic journal covering topical issues of archaeology and cultural anthropology, published by the High Anthropological School University since 1999. The journal comes out in the Russian language. All papers are supplemented by abstracts in English, Russian and Moldovan languages.

Subjects are not limited either regionally or chronologically. They include results of analytical research, interpretations or a high-quality publication of new sources. Contributions on history, ethnology, numismatics, epigraphics and other auxilliary historical disciplines are accepted along with papers on archaeology and cultural anthropology.

The Journal comes out six times a year in subject-oriented volumes dedicated to a specific historical age. The last, the sixth issue includes papers on numismatics and epigraphics of different periods, as well as papers on cultural anthropology, ethnology, history of late Middle Ages and early New Time. Each volume has its own unique title relevant to its content.

Online journal (e-ISSN 1857-3533) and **full archive** are available on **www.e-anthropology.com**.

Все права защищены.
© Университет «Высшая антропологическая школа», Р. Р. «Stratum plus», журнал «Stratum plus. Археология и культурная антропология»
© Обложка: Д. А. Топал
Редактор материалов на английском языке: Ю. Д. Тимотина
Перевод на государственный язык Республики Молдова: С. Церна
Технический координатор: Ж. Б. Кроитор
Оригинал-макет: Д. А. Топал, Л. А. Мосионжник, Г. В. Засыпкина
Редактор карт: Л. А. Мосионжник
Корректор: Г. В. Засыпкина

Статьи этого журнала доступны учреждениям-подписчикам базы данных EBSCOhost.com
Содержание номеров журнала доступно также и в научной базе данных Elibrary.ru

Article level content of this publication is available to subscribing institutions via EBSCOhost.com databases
Article level content of this publication is also available via Elibrary.ru scientific databases

85-летию

Анатолия Николаевича Кирпичникова

посвящается

Dedicated to 85th anniversary of **Anatoliy N. Kirpichnikov**

Se dedică aniversări de 85 de ani a lui **Anatoliy N. Kirpichnikov**

СОДЕРЖАНИЕ

AD GLORIAM

С. В. Белецкий, Н. И. Платонова (*Санкт-Петербург, Россия*). Анатолий Николаевич Кирпичников. Жизнь и труды 17

Л. М. Всевиов (*Санкт-Петербург, Россия*). Список трудов А. Н. Кирпичникова 27

ОРУЖИЕ И ВОИНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская (*Санкт-Петербург, Россия*). Предметы вооружения с Рюрикова городища (по материалам раскопок 2011—2012 гг.) 47

И. П. Возный (*Черновцы, Украина*). Ударное вооружение Северной Буковины XII — первой половины XIII вв. 55

С. В. Белецкий (*Санкт-Петербург, Россия*). Топорик из Суздальского Ополья 65

Е. Р. Михайлова (*Санкт-Петербург, Россия*). Снаряжение всадника и коня в псковских длинных курганах 73

С. Ю. Каинов, Ю. А. Кулешов (*Москва, Россия*). Боевые полумаски Восточной Европы в свете последних находок и новых исследований 83

А. В. Курбатов (*Санкт-Петербург, Россия*). Ольстра по письменным и археологическим данным 99

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

М. М. Казанский (*Париж, Франция*). Гелон с косой: о древковом оружии эпохи переселения народов 105

С. Б. Сорочан (*Харьков, Украина*). Византийские военные силы в Крыму в VI—VII вв. 113

А. В. Федорук (*Черновцы, Украина*). Артиллерия в Великой войне 1409—1411 гг. (по письменным источникам и археологическим материалам) 133

В. Л. Мыц (*Санкт-Петербург, Россия*). Армянская община Каффы в войне с турками-османами 1475 г. 149

П. Е. Сорокин, Б. С. Короткевич, В. Н. Матвеев, К. А. Михайлов (*Санкт-Петербург, Россия*). Штурм крепости Ландскрона по археологическим данным 163

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

В. П. Кирилко (*Симферополь, Крым*). Крепостные сооружения средневековой Алушты 177

Введение 178
Глава 1. История исследования памятника 178
Глава 2. Ранневизантийский Алустон: вторая треть VI — конец VII вв. 189
Глава 3. Хазарская Алус и ее наследники: VIII — 80-е годы XIV вв.. 200
Глава 4. Генуэзская Алуста: 80-е годы XIV в. — 1475 г.. 202
Заключение 230
Литература 231

МОНУМЕНТАЛЬНОЕ ЗОДЧЕСТВО

Г. Г. Атанасов (*Силистра, Болгария*), Н. Д. Руссев (*Кишинёв, Молдова*). Крепостные ворота ранневизантийского Доростола и средневекового Дрыстра VI—X вв. 237

Н. Ю. Скрипинская (*Санкт-Петербург, Россия*). Бастионная система крепости Ямбург 249

А. И. Сакса (*Санкт-Петербург, Россия*). Старый кафедральный собор в Выборге — уникальный объект культурного наследия 261

ЗНАКИ ВРЕМЕНИ

М. В. Иващенко (*Саратов, Россия*). Керамические клейма из херсонесского «нимфеума» 273

Л. С. Клейн (*Санкт-Петербург, Россия*). «Русь» в системе этнонимов как ключ к происхождению термина 283

А. Г. Шпилев (*Курск, Россия*). Перстни с христианской символикой конца X — XVII вв. из Курской области 287

ТАЛАНТЫ И ЛЕПТЫ АНТИЧНОГО МИРА

Е. Я. Туровский (*Севастополь, Крым*). Монетное дело Херсонеса: между Митридатом Евпатором и императором Тиберием (63 г. до н. э. — 37 г. н. э.) 307

Л. В. Носова (*Одесса, Украина*). Тира середины I в. н. э.: политическая история по данным нумизматики 315

ЗВОНКИЕ ЦВЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Г. Ю. Стародубцев (*Курск, Россия*). Русские монеты последней четверти X — первой половины XI вв. и денежное обращение домонгольский Руси 329

А. В. Кривенко (*Тирасполь, Молдова*). Находки сербских средневековых монет в междуречье Прута и Днестра 339

Н. А. Алексеенко (*Севастополь, Крым*), Л. В. Дергачёва (*Кишинёв, Молдова*), Ю. А. Цепков (*Севастополь, Крым*). Новые находки молдавских монет в юго-западном Крыму 347

Список сокращений 355

Авторам «*Stratum plus*» 357

CONTENTS

AD GLORIAM

S. V. Beletsky, N. I. Platonova (*Saint Petersburg, Russian Federation*). Anatoliy Nikolaevich Kirpichnikov. Life and Works 17

L. M. Vseviov (*Saint Petersburg, Russian Federation*). List of Scientific Works by A. N. Kirpichnikov 27

WEAPONS AND MUNITIONS

E. N. Nosov, N. V. Khvoshchinskaia (*Saint Petersburg, Russian Federation*). Weapons from Rurikovo Gorodishche (excavations of 2011—2012) 47

I. P. Vozny (*Chernivtsi, Ukraine*). Shock Weapons during the 12th — Early 13th Centuries on the Territory of Northern Bukovina 55

S. V. Beletsky (*Saint Petersburg, Russian Federation*). A Hatchet from Suzdal Opolye. 65

E. R. Mikhaylova (*Saint Petersburg, Russian Federation*). Rider and Horse Equipment of Pskov Long Barrow Culture 73

S. Yu. Kainov, Yu. A. Kuleshov (*Moscow, Russian Federation*). Battle Half-masks of Eastern Europe in Light of Recent Findings and New Research 83

A. V. Kurbatov (*Saint Petersburg, Russian Federation*). What Was Olstra According to Written Sources and Archaeological Evidence 99

HISTORICAL RECONSTRUCTIONS

M. M. Kazanski (*Paris, France*). Gelon with Falx: About Staftarms of the Great Migrations Period 105

S. B. Sorochan (*Kharkov, Ukraine*). Byzantine Military Forces in the Crimea in 6th—7th Centuries 113

A. V. Fedoruk (*Chernivtsi, Ukraine*). Artillery in the Great War of 1409—1411 (according to written sources and archaeological materials) 133

V. L. Myts (*Saint Petersburg, Russian Federation*). Armenian Community of Kaffa during the War with the Ottoman Turks in 1475 149

P. E. Sorokin, V. N. Matveev, B. S. Korotkevich, K. A. Mikhailov (*Saint Petersburg, Russian Federation*). Assault on the Landskrona Fortress by Archaeological Data 163

MONOGRAPH INSIDE THE JOURNAL

V. P. Kirilko (*Simferopol, Crimea*). Fortress Structures in the Medieval Alushta 177

MONUMENTAL ARCHITECTURE

G. G. Atanasov (*Silistra, Bulgaria*), N. D. Russev (*Kishinev, Moldova*). Fortress Gate of the Early Byzantine Dorostol and the Medieval Drăstăr (6th—10th cc. AD) 237

N. Yu. Skripinskaya (*Saint Petersburg, Russian Federation*). Yamburg Bastion System. 249

A. I. Saksa (*Saint Petersburg, Russian Federation*). The Old Cathedral in Vyborg — a Unique Object of Cultural Heritage 261

SIGNS OF TIME

M. V. Ivashchenko (*Saratov, Russian Federation*). Ceramic Stamps from Chersonesos "Nymphaeum" 273

L. S. Klejn (*Saint Petersburg, Russian Federation*). "Rus'" in the System of Ethnonyms as a Clue to the Origin of the Term 283

A. G. Shpilev (*Kursk, Russian Federation*). Rings with Christian Symbols of the Late 10th — 17th cc. from Kursk Region 287

TALENTS AND LEPTA OF THE ANTIQUITY

E. Ya. Turovsky (*Sevastopol, Crimea*). Monetary Business of Chersonesos: between Mithridates Eupator and Emperor Tiberius (63 BC — 37 AD). 307

L. V. Nosova (*Odessa, Ukraine*). Tyras in the Middle of the 1st Century AD: Political History by Numismatic Data 315

HARD FLOWERS OF THE MIDDLE AGES

G. Yu. Starodubtsev (*Kursk, Russian Federation*). Russian Coins in the Last Quarter of the 10th — first half of the 11th Centuries and Russian Monetary Circulation in pre-Mongol Rus' 329

A. V. Crivenco (*Tiraspol, Moldova*). Serbian Medieval Coins Found on the Territory between the Rivers Prut and Dniester 339

N. A. Alekseienko (*Sevastopol, Crimea*), L. V. Dergaciova (*Kishinev, Moldova*), Ju. A. Tzepkov (*Sevastopol, Crimea*). New Findings of Moldavian Coins From the South-Western Crimea 347

List of Abbreviations 355

Submissions 362

CUPRINS

AD GLORIAM

S. V. Beletsky, N. I. Platonova (*Sankt Petersburg, Rusia*). Anatoliy Nikolaevich Kirpichnikov. Viața şi opera 17

L. M. Vseviov (*Sankt Petersburg, Rusia*). Lista lucrărilor lui A. N. Kirpichnikov . . 27

ARMAMENT ŞI ECHIPAMENT MILITAR

E. N. Nosov, N. V. Khvoshchinskaia (*Sankt Petersburg, Rusia*). Piese de armament de pe cetățuia lui Riurik (în baza materialelor din săpăturile din 2011—2012) 47

I. P. Vozny (*Cernăuți, Ucraina*). Arme de lovire din sec. XII — prima jumătate a sec. XIII de pe teritoriul Bucovinei de Nord 55

S. V. Beletsky (*Sankt Petersburg, Rusia*). Un topor din Suzdal Opolie 65

E. R. Mikhaylova (*Sankt Petersburg, Rusia*). Echipamentul pentru călăreț şi cal din cultura tumulilor lungi Pskov 73

S. Yu. Kainov, Yu. A. Kuleshov (*Moscova, Rusia*). Semimăştile militare din Europa de Est în lumina ultimelor descoperiri şi a noilor cercetări 83

A. V. Kurbatov (*Sankt Petersburg, Rusia*). „Olstra” conform izvoarelor scrise şi datelor arheologiei 99

RECONSTRUCȚII ISTORICE

M. M. Kazanski (*Paris, Franța*). Gelon cu coasă: despre armele cu tijă din perioada marilor migrații 105

S. B. Sorochan (*Harcov, Ucraina*). Forțele armate bizantine din Crimeea secolului VI—VII. 113

A. V. Fedoruk (*Cernăuți, Ucraina*). Artileria în Marele război din 1409—1411 (în baza izvoarelor scrise şi a materialelor arheologice) 133

V. L. Myts (*Sankt Petersburg, Rusia*). Comunitatea armenească din Kaffa în războiul cu turcii osmani în 1475 149

P. E. Sorokin, V. N. Matveev, B. S. Korotkevich, K. A. Mikhailov (*Sankt Petersburg, Rusia*). Asediul cetății Landskrona în baza datelor arheologiei 163

MONOGRAFIE ÎN REVISTĂ

V. P. Kirilko (*Simferopol, Crimeea*). Fortificațiile Aluştei medievale 177

ARHITECTURĂ

G. G. Atanasov (*Silistra, Bulgaria*), N. D. Russev (*Chişinău, Moldova*). Porțile Dorostolului din perioada bizantină timpurie şi ale Drăstărului medieval (sec. VI—X d. Hr.) 237

N. Yu. Skripinskaya (*Sankt Petersburg, Rusia*). Sistemul de bastioane al cetății Iamburg 249

A. I. Saksa (*Sankt Petersburg, Rusia*). Vechea catedrală din Vîborg — un obiect unicat al patrimoniului cultural. 261

SEMNELE TIMPULUI

M. V. Ivashchenko (*Saratov, Rusia*). Ştampile ceramice din „nimfeumul” de la Chersones 273

L. S. Klejn (*Sankt Petersburg, Rusia*). „Rus” în sistemul de etnonime: cheie pentru provenienţa termenului 283

A. G. Shpilev (*Kursk, Rusia*). Inele cu simboluri creştine de la sfârşitul sec. X — sec. XVII din regiunea Kursk 287

TALENTELE ŞI LEPTE ANTICHITĂŢII

E. Ya. Turovsky (*Sevastopol, Crimeea*). Monedele Chersonesului: de la Mitridates Eupator la imperatorul Tiberius (63 î.e.n. — 37 e.n.) . . . 307

L. V. Nosova (*Odesa, Ucraina*). Oraşul Tyras în mijlocul sec. I d. Hr.: istoria politică în baza datelor numismaticii 315

FLORI NEVEŞTEJITE ALE EVULUI MEDIU

G. Yu. Starodubtsev (*Kursk, Rusia*). Contribuţii la problema circulaţiei monedelor ruse în ultimul sfert al sec. X — prima jumătate a sec. XI şi circulaţia monetară în Rusia premongolă 329

A. V. Crivenco (*Tiraspol, Moldova*). Descoperirile de monede medievale sârbe din interfluviul Pruto-Nistrean 339

N. A. Alekseienko (*Sevastopol, Crimeea*), L. V. Dergaciova (*Chişinău, Moldova*), Ju. A. Tzepkov (*Sevastopol, Crimeea*). Monede moldoveneşti recent descoperite în sud-vestul Crimeei 347

Listă de abrevieri 355

Submissions 362

Ad gloriam

Анатолий Николаевич Кирпичников. Жизнь и труды

Анатолий Николаевич Кирпичников родился 25 июня 1929 г. в семье петербургского инженера-строителя Николая Васильевича Кирпичникова и врача Марии Ивановны Кирпичниковой (в девичестве Олисовой). Родители его в конце 1920-х — 1930-х гг. чурались политики, стараясь забыть о своих былых связях с русской «буржуазией». А такие связи и вправду имелись — и деловые, и родственные. Но в те времена о них лучше было не помнить. «Оказавшись примерно в 1915 г. в Петрограде, Маша Олисова... стала работать в одной из наиболее модных мастерских по шитью женской одежды... [Владельцем мастерской] был Владимир Антипович Олисов... приходившийся Маше дядей... Грянула "великая октябрьская". Каким-то природным чутьем Владимир Антипович понял, что для него наступают плохие времена. Уже 9 ноября 1917 года с... женой и дочерьми... он уехал на юг страны в Ялту, а оттуда на одном из английских кораблей попал в Александрию, затем в Лондон...». В день отъезда из Петрограда рачительный хозяин передал 19-летней "крестьянке" Марии Ивановне Олисовой нотариально заверенную доверенность на управление магазином-мастерской и "всеми торговыми и другими делами" в течение трех лет "от сего числа". Так неожиданно Маша Олисова оказалась управляющей частного предприятия, видимо, одной из первых "капиталисток" с тех пор как появилась советская власть... О дальнейшей судьбе заведения В. А. Олисова нетрудно догадаться. Скорее всего, еще до истечения трехлетнего срока доверенности оно было закрыто, а его бывший хозяин стал пожизненным эмигрантом, в дальнейшем британским подданным. Как знать, может быть, своим отъездом из России он спас семью от грядущих репрессий 1930-х годов» (Кирпичников 2003: 174—175). Забегая вперед, скажем, что, узнав о существовании родственников-эмигрантов, власти долго не выпускали Кирпичникова, ставшего крупным ученым, за границу: а вдруг он найдет там своих родственников и станет невозвращенцем.

Детство ленинградского мальчишки было таким же, как и у многих его сверстников. Любящие родители, игрушки, книги, школьные друзья, поездки на море. Но началась война: «Лето того военного года запомнилось грохотом постоянных разрывов. Немецкая армия, убедившись, что город не сдастся, с дьявольской жестокостью вела огонь из дальнобойных орудий, круша все подряд. Один из снарядов попал во двор военного завода №181, который располагался на Выборгской стороне. Мать, заводской врач, в тот момент шла на обед. Осколки изрешетили женщину. Она умерла на операционном столе. Ее истерзанное тело я, тогда школьник 6-го класса средней школы, увидел в коридоре больницы среди убитых в тот день. Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами. В первый, самый страшный год блокады Ленинграда — зиму 1941—1942 гг. — мать спасла меня и отца от голодной смерти. Будучи находчивой и энергичной женщиной, она за хлеб отдала все сколько-нибудь ценные вещи. Мы выжили, еще не зная, что скоро потеряем свою спасительницу» (Кирпичников 2003: 170).

В 1948 г. Анатолий Николаевич окончил школу и поступил на истфак ЛГУ, собираясь стать искусствоведом. Дальнейшую его судьбу решил случай — в лице М. А. Тихановой, с неподражаемой безапелляционностью изрекшей своим низким, прокуренным контральто: «Искусствоведы только болтают. Настоящее дело мужчины — археология». Первокурсник Кирпичников, разумеется, предпочел мужскую профессию. И — оказался на кафедре археологии.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© С. В. Белецкий, Н. И. Платонова, 2014.

Фото 1. Отец, Николай Васильевич Кирпичников. Фото ок. 1914 г.

Photo 1. Father, Nikolay Vasilyevich Kirpichnikov. Photo taken around 1914.

Фото 2. С мамой, Марией Ивановной Кирпичниковой. Фото начала 1930-х годов.

Photo 2. With mother, Maria Ivanovna Kirpichnikova. Photo taken in the the beginning of 1930s.

На рубеже 1940—1950-х гг. связь истфака ЛГУ с ЛОИИМК (с 1959 г. — ЛОИА, ныне ИИМК РАН) была очень тесной. В университете читали лекции крупнейшие археологи, работавшие одновременно и в ЛОИИМК — В. И. Равдоникас, М. К. Каргер, М. И. Артамонов, П. И. Борисковский, М. А. Тиханова, Г. Ф. Корзухина и многие другие. Благодаря этому университет находился на переднем крае новейших достижений в археологии.

Начиная с 1949 г., Анатолий Николаевич попадает «на выучку» к М. К. Каргеру, имевшему репутацию «видящего землю насквозь». В его архитектурно-археологических экспедициях всегда находилось место и археологам, и искусствоведам, так что, в известном смысле, тут произошло соединение былой мечты с действительностью. В дальнейшем А. Н. Кирпичников участвовал в экспедициях Каргера в Киеве, Переяславле-Хмельницком, Галиче, Владимире Волынском, Полоцке и других городах, включая городище у с. Городище близ г. Шепетовка (Хмельницкая обл., Украина) атрибуированное Каргером как древнерусский Изяславль. Этот город, погибший в 1240 г. при нападении татаро-монгольской рати и более не возродившийся, был раскопан целиком. Зрелище остатков сгоревших кварталов, с огромным количеством находок и многочисленными костяками защитников города, оставшихся непогребенными, производило совершенно неизгладимое впечатление. История русских городов и их культуры всерьез захватила воображение молодого археолога.

Фото 3. В экспедиции. Фото 1959 г.

Photo 3. In expedition. Photo taken in 1959.

В 1953 г. Анатолий Николаевич защитил дипломную работу «Древний Белгород (Киевский)», с отличием окончил университет и вместе с сокурсником И. Н. Хлопиным поступил на службу в Артиллерийский музей (ныне Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи). Там обоих выпускников «обожгла романтическая идея» — найти исчезнувшую вместе

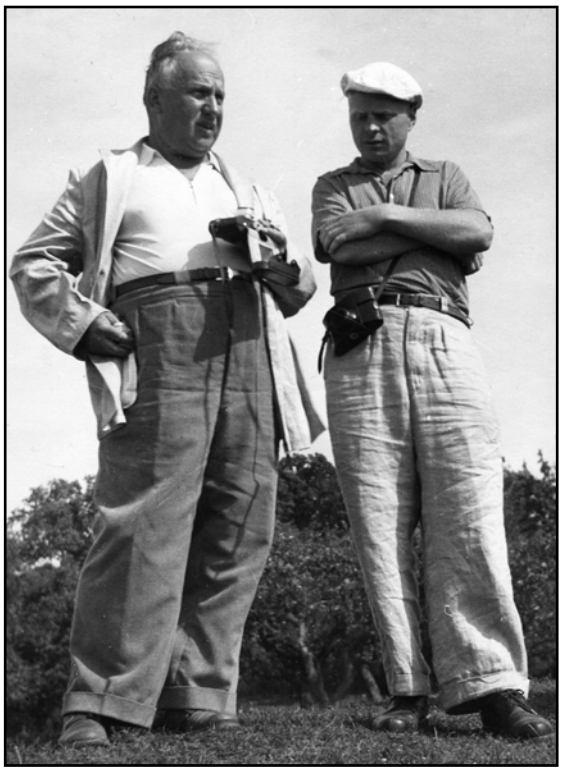

Фото 4. С М.К. Каргером. Фото 1963 г.

Photo 4. With M.K. Karger. Photo taken in 1963.

Фото 5. С Л.И. Тарасюком. Фото 1969 г.

Photo 5. With L.I. Tarasyuk. Photo taken in 1969.

Фото 6. С женой, О.А. Кондратьевой. Фото 1970 г.

Photo 6. With the wife, O.A. Kondratieva. Photo taken in 1970.

с вооружением оружейную палату крупнейшего в России Кирилло-Белозерского монастыря. Им удалось получить командировку в г. Кириллов Вологодской области. Это стало их первой самостоятельной археологической экспедицией (1953—1954 гг.). Увы, в развалинах палаты нашлось лишь несколько старых карабинных стволов: свой арсенал монахи распродали еще в конце XVIII в. И все же на долю молодых исследователей выпало настоящее открытие — чудом сохранившийся полный строительный архив монастыря, накопленный в ходе строительства «Нового города» — самой большой русской крепости XVII в. (Носов 2004а: 7).

Социальная активность Анатолия Николаевича была редкостной и с самого начала приносила плоды. С помощью военных инженеров ему удалось воссоздать модель средневековых камнеметов. Испытание на музейном дворе показало, что модель «работает»:

Фото 7. С И.Н. Хлопиным. Фото 1971 г.

Photo 7. With I.N. Khlopin. Photo taken in 1971.

камни летели весьма угрожающе. Убедившись в том, что сказка стала былью, дирекция Артиллерийского исторического музея распорядилась выставить модель в экспозиции.

Создатель музея Н.Е. Бранденбург когда-то ввел в научный оборот мнение, что древнерусские орудия были хаотичны по калибру. При этом он ссылался на «Описную книгу пушек и пищалей» русских городов XVII в. Эту книгу А.Н. Кирпичников изучил и полностью опубликовал. Выяснилось, что, на самом деле, пушечные мастера и кузнецы изготовляли большие серии одинаковых по калибру стволов и ядер к ним. Пушечный наряд Московского государства предстал в ином, строго упорядоченном виде.

Однажды в библиотеке ЛОИИМК молодой сотрудник Артиллерийского музея разговорился о своей работе с умным и вдумчивым П.А. Раппопортом. Тот дал ему добрый совет — заняться не только позднесредневековым, но и древнерусским оружием. Этот материал никто еще всерьез не обобщал и не анализировал, а следовало бы... И вот А.Н. Кирпичников начал поиски. В литературе, в архивах, в музеях он собирал всевозможные сведения о шлемах, мечах, копьях, топорах, доспехах, кольчугах... В его картотеку вошли до 10 000 предметов вооружения (кроме стрел). М.К. Каргер оценил перспективную тему, и в 1955 г. А.Н. Кирпичников был принят в аспирантуру ЛОИИМК, «и с тех пор его судьба неразрывно связана с этим академическим центром археологической науки Ленинграда — Санкт-Петербурга. Здесь тогда молодой ученый прошел научный путь от аспиранта до главного научного сотрудника, а в 1974 г., в связи с образованием в структуре Института сектора (позже отдела) славяно-финской археологии, стал его заведующим» (Носов 2004: 7).

Но вернемся к аспирантским годам Анатолия Николаевича. Судя по списку печатных работ А.Н. Кирпичникова, подготовка диссертации шла успешно. Стоит иметь в виду: статьи, сданные в печать, лежали тогда в портфеле центральных научных изданий по несколько лет. Между тем, его первая крупная публикация в «Советской археологии» вышла уже в 1957 г., а работы, посвященные раннесредневековому оружию, начали выходить с 1958 г. Диссертация была готова к сроку, а затягивание защиты еще на 4 года произошло вовсе не по вине аспиранта. Секторальный фольклор 1970-х гг. сохранил рассказ о том, как М.К. Каргер уговаривал своего ученика, представившего ему на суд готовую работу по теме «Русское оружие ближнего боя X—XIII вв.», не торопиться с защитой и увещевал его: «Ну, надо же быть скромнее...». Однако, несмотря на эти увещевания, Анатолий Николаевич в 1963 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию.

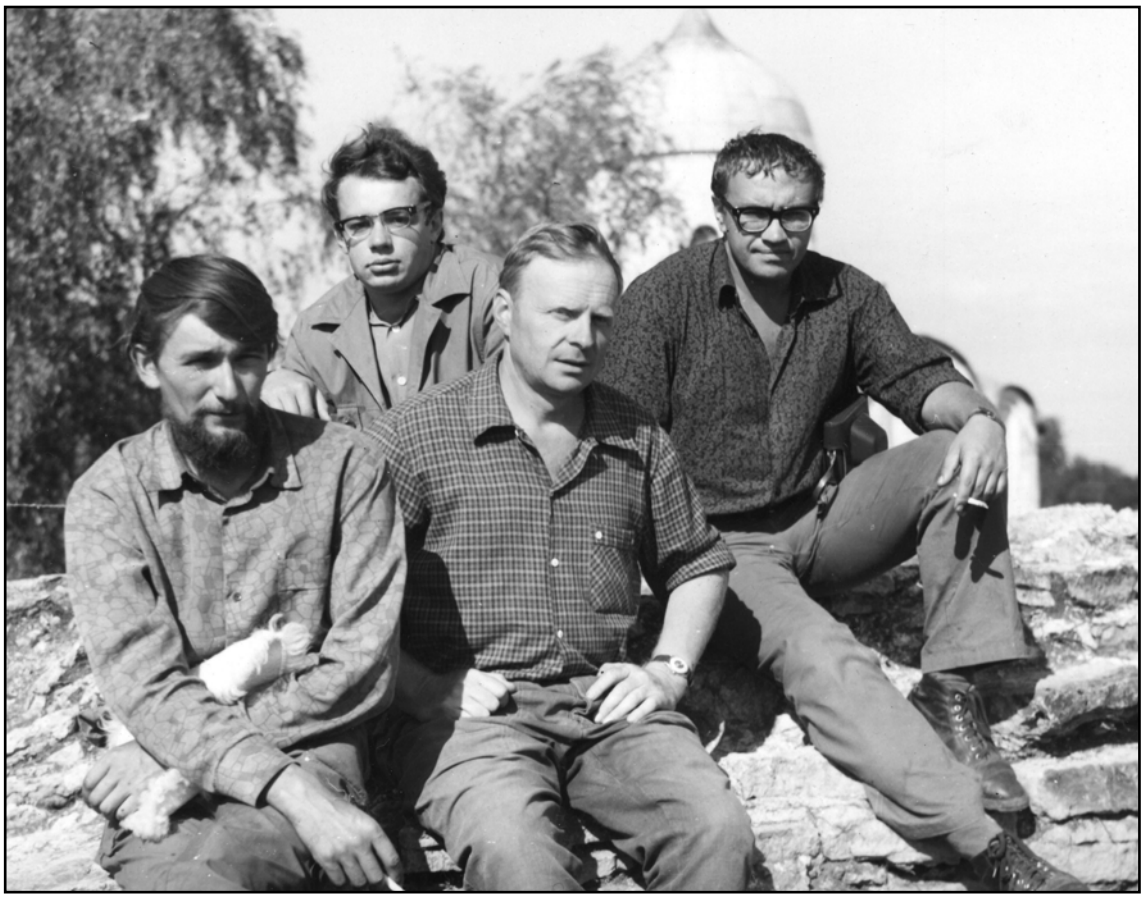

Фото 8. С Е.А. Рябининым, Е.Н. Носовым и В.П. Петренко. Фото 1973 г.

Photo 8. With E.A. Ryabinin, E.N. Nosov and V.P. Petrenko. Photo taken in 1973.

Вскоре после защиты диссертации, привлекшей внимание широких кругов оружиеведов самых различных специальностей, к Анатолию Николаевичу в Институт зашел рижский металловед А.К. Антейн. «Он поставил перед ним пузырек с зеленой жидкостью. “Вы не заметили главного, — сказал он, — не заметили на старинных мечах их клейм. Помажьте этой жидкостью — реактивом Гейна — и через 20 секунд увидите выявленное клеймо кузнеца, сделавшего клинок 1000 лет тому назад”. Сначала Анатолий Николаевич подумал, что это розыгрыш, но затем попробовал и был буквально ошеломлен — на каждом клинке, если его расчистить и протравить, открывалось клеймо с именем мастера или знаками. Долгие годы ученые разных стран спорили о месте выделки мечей, не подозревая, что этот адрес написан на самих клинках» (Носов 2010: 15—16). Так было положено начало созданию и обоснованию новой в археологической науке отрасли знаний — клинковой эпиграфики. В дальнейшем А.Н. Кирпичников расчистил, выявил и изучил более 400 клинков мечей с клеймами, найденных на территориях России, Украины, Белоруссии, Швеции, Норвегии, Финляндии, Польши и Чехии. Отечественное оружиеведение в этом отношении до сих пор является мировым лидером.

Анатолий Николаевич возглавил сектор славяно-финской археологии ЛОИА в трудное время. Из жизни постепенно уходили ведущие археологи-слависты института, а смены не было. Именно с приходом А.Н. Кирпичникова кадровая пустота начала заполняться: пришла плеяда молодых амбициозных (в лучшем смысле этого слова) специалистов — выпускники кафедры археологии 70-х и 80-х годов, прошедшие школу славяно-варяжского семинара (Клейн 2009: 273—301). «При всей индивидуальности каждого, все эти годы Отдел жил одной командой — мирно, интересно, без скандалов, подковёрных игр, в товарищеском общении друг с другом. Созданием такого творческого коллектива Отдел, несомненно, обязан А.Н. Кирпичникову» (Носов 2010: 20).

В 1975 г. А.Н. Кирпичников защитил докторскую диссертацию «Военное дело Руси

Фото 9. С В. В. Седовым. Фото 1980 г.

Photo 9. With V. V. Sedov. Photo taken in 1980.

Фото 10. С В. Л. Яниным. Фото 1986 г.

Photo 10. With V. L. Yanin. Photo taken in 1986.

IX—XV вв.». Огромный материал по вооружениям первых семи веков русской истории, накопленный в течение 150 лет, впервые был изучен, систематизирован и датирован именно трудами Анатолия Николаевича. Полученные данные уже к середине 1970-х гг. были практически полностью опубликованы в четырех томах серии «Свод археологических источников», а также в многочисленных статьях и книгах. Опираясь на комплексное изучение письменных и археологических источников, в совокупности с многолетними оружиеведческими разработками, А. Н. Кирпичников сформулировал основополагающие выводы о развитии военного дела в Древней Руси.

Книги А. Н. Кирпичникова о средневековом оружии стали настольными не только у профессионалов, но и у многочисленных участников военно-исторических клубов, занимающихся реконструкцией боевой экипировки и тактики старинных боев европейских и азиатских народов. С опорой на книги А. Н. Кирпичникова энтузиасты-реконструкторы изготавливают вооружение и снаряжение, и в одежде и экипировке средневековых воинов принимают участие в столь популярных ныне исторических фестивалях, иногда приуроченных к научным конференциям (Овчаренко 2014: 158—163; Бутин: 2014: 164—169). При ИИМК РАН уже много лет активно работает созданный Анатолием Николаевичем общероссийский семинар, посвященный проблемам военной археологии. А в 2005 г. по инициативе А. Н. Кирпичникова в Санкт-Петербурге была проведена большая международная конференция «Военное дело России и её соседей в прошлом, настоящем и будущем».

Особым направлением научной деятельности Анатолия Николаевича стал поиск и введение в научный оборот неизвестных или малоизвестных письменных и графических источников по истории и культуре России — городовые описи XVI—XVII вв., планы и рисунки городов-крепостей, свидетельства иностранных путешественников. Так, Анатолий Николаевич проехал дорогой, по которой прибыл в Москву в 1664—1655 гг. голландец Николаас Витсен, и нашел места, откуда путешественник рисовал достопримечательности Пскова, Новгорода, Торжка, Твери, Москвы. Это позволило подтвердить достоверность рисунков голландского путешественника.

Со студенческих лет и до настоящего времени А. Н. Кирпичников ежегодно принимает участие, а с 1968 г. возглавляет археологические экспедиции, ведущие работы на Северо-Западе России — в Новгороде, Пскове, Порхове, Велье, Острове, Гдове, Копорье, Ивангороде, Орешке (Шлиссельбург), Кингисеппе (Ямгород), Выборге, Приозерске (Корела), на Тиверском городке. За прошедшие десятилетия сделан ряд интереснейших археологических открытий. Им было заново обрисовано развитие средневековых укреплений, городских ремесел и торговли, международных контактов Руси. В работах по консервации древних укреплений Старой Ладоги и Орешка их инициатор работал вместе с рабочими простым каменщиком и учился тому, как правильно укладывать известняковые плиты стен. «Было тяжеловато, но в новинку», — скажет он потом.

Но, разумеется, важнейшими в экспедиционной деятельности Анатолия Николаевича стали широкомасштабные исследования

Фото 11. С Д.А. Мачинским. Фото 1997 г.

Photo 11. With D.A. Machinski. Photo taken in 1997.

Фото 12. С князем Н.Д. Лобановым-Ростовским. Фото 2001 г.

Photo 12. With prince N.D. Lobanov-Rostovski. Photo taken in 2001.

Старой Ладоги, производившиеся под его руководством более 40 лет. В процессе раскопок были найдены предметы разных народов, в том числе скандинавского, славянского и финского происхождения, женские украшения из цветных металлов и формы для их отливки, элементы скандинавского и славянского костюма, а также множество других предметов, всесторонне характеризующих жизнь и быт ладожан. Они конкретизировали данные об этническом составе населения Ладоги периода формирования древнерусской государственности. Новые материалы позволили также выявить особую социальную группу *ремесленников-торговцев*, производивших ювелирные украшения из цветных металлов, кости, янтаря, стекла и пр. и занимавшихся их сбытом — продажей или обменом.

Результаты раскопок Земляного городища привели А.Н. Кирпичникова к убеждению, что именно Ладога в 862 г. явилась первой резиденцией Рюрика — заморского пришельца, ставшего основателем древнерусского княжеского рода — первой на Руси династии. Сохранившиеся в некоторых летописях сведения о том, что Ладога стала его стольным городом, нашли археологическое подтверждение. Поэтому в 2003 г. как национальный праздник было отмечено 1250-летие этого древнего поселения. Кстати говоря, раскопки недавних лет принесли настоящую сенсацию, которая, однако, не затмила проведенный юбилейный праздник: новые находки и анализы почвоведов позволили удревнить возникновение Ладоги, а точнее Протоладоги, с IX в. на вторую половину VI — VII в. Тем самым она вошла в число древнейших раннегородских поселений Балтийского региона Европы.

В 2000-х гг. на базе раскопок в Старой Ладоге был осуществлен проект участия в археологических изысканиях зарубежных коллег. Начиная с 2004 г. на раскопки стала приезжать молодежь из Эстонии, Литвы, Латвии, Финляндии, Германии, Австрии, Норвегии, США, Ирландии. Опыт международного сотрудничества оказался удачным не только в научном отношении. Одна из приезжих участниц очень точно определила значение этого участия: «Хорошо, что Россия нас не забыла, пригласив в такую увлекательную экспедицию!».

Более трех десятилетий Анатолий Николаевич отдал борьбе за спасение культурного наследия Отечества. О недостаточной координации работ по сбережению и использованию памятников истории и культуры, о гибели памятников, о безнаказанности чиновников, ответственных за их охрану, он писал с начала 1980-х годов, причем от статьи к статье — все более резко (Белецкий, Богуславский 2004: 64—71). «Многолетняя недооценка культуры и истории России породила пренебрежение к прошлому... Так называемый остаточный принцип поддержки культуры обернулся усечением исторической памяти» (Кирпичников 1989: 12—15). В научных и научно-публицистических статьях А.Н. Кирпичников не только констатировал сложившуюся ситуацию, но и формулировал задачи, требующие первоочередного решения: «Отечественное культурное насле-

Фото 13. С дочерьми Марией (слева) и Еленой (справа). Фото 2003 г.

Photo 13. With daughters Maria (to the left) and Elena (to the right). Photo taken in 2003.

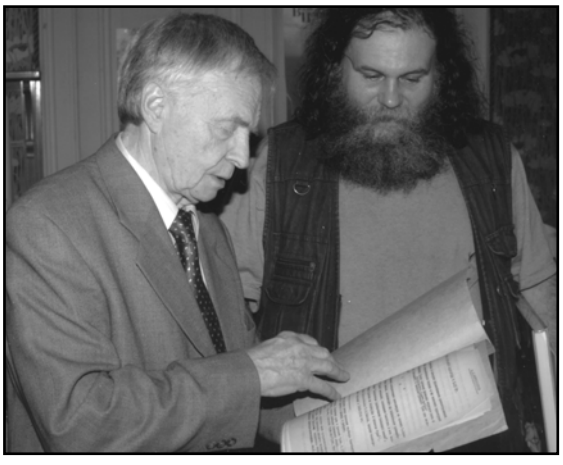

Фото 15. С С. В. Белецким. Фото 2004 г.

Photo 15. With S. V. Beletski. Photo taken in 2004.

Фото 14. С П. П. Толочко. Фото 2004 г.

Photo 14. With P. P. Tolochko. Photo taken in 2004.

дие, которое в течение XX столетия подвергалось неоднократным сокрушительным ударам, ныне вновь переживает кризис. В результате наше общество несет невосполнимые нравственные, материальные, научные, просветительские и, думаю, политические потери. Укоренился остаточный принцип выделения средств на развитие культуры... Работники библиотек, архивов, музеев, учителя, архитекторы-реставраторы придавлены нищетой. Горят, обкрадываются, затопляются ценнейшие собрания книг и документов. В новых условиях приватизации и рыночных отношений ценности России оказались практически беззащитными. Под натиском коммерческой стихии их все труднее сохранять. Все старинное стало объектом неудержимой купли-продажи... С новой силой происходит разворовывание и распродажа по всему миру исторического достояния Отечества» (Кирпичников 1998: 32).

Привычным для Кирпичникова стало хождение из одного чиновничьего кабинета в другой и разъяснение «слугам народа» важности и нужности памятников прошлого для современности, с попутным растолковыванием необходимости охраны, реставрации и музеефикации самих памятников. Привычным стало не только убеждать чиновников в принятии конкретных мер, но и попытки возрождения у власть предержащих исторической памяти. По сути дела, это — просветительство, причем просветительство «высокой пробы».

Много внимания Анатолий Николаевич уделяет пропаганде юбилейных дат в истории Отечества. Что уж тут лукавить: на самом деле, юбилей — это, прежде всего, выделение для подготовки к празднованию бюджетных средств, малая толика которых иногда перепадает на научные исследования, реставрацию и музеефикацию. Иными словами, все это, по сути, поиски тех самых средств, из-за отсутствия которых «охрана памятников пришла в упадок, их реставрация во многих местах заброшена» (Кирпичников 1998: 32). Но «юбилейные средства» не спасают ситуацию. Во-первых, юбилеев меньше, чем хотелось бы, а во-вторых, после окончания юбилейных торжеств выделяемых средств становится, к сожалению, заметно меньше. Кроме того, чиновники в кабинетах меняются, так что устные просьбы приходится начинать сначала. Выходом из ситуации неизбежно должно было стать специальное издание, объединяющее под одним переплетом историков, археологов, архитекторов, деятелей церкви, чиновников. Общая задача — сохранить наследие Отечества. О необходимости такого издания Анатолий Николаевич твердил, начи-

ная с 1980-х годов. В конечном счете, понял — надо организовывать самому. И — создал при поддержке администрации Ленинградской области. Вышло уже шесть томов под общим названием: «Культурное наследие Российского государства. Ученые, политики, журналисты об историческом и культурном достоянии», идет работа над седьмым сборником.

Культура России не знает государственных границ. Именно поэтому в названных томах есть специальный раздел «Люди и культура русского зарубежья», включающий и статьи о русских военнопленных, мемуары, и рассказы о выдающихся соотечественниках, и уникальные материалы семейных архивов, на основании которых можно изучать судьбы людей в преломлении семейных традиций и преданий. Интерес А. Н. Кирпичникова к русскому зарубежью давний. Он начался с обнаружения памятников исторического наследия России в зарубежных музеях и архивах и продолжился разысканиями судеб соотечественников и активными личными контактами. Кирпичников — один из инициаторов регулярных встреч представителей русского зарубежья с Россией, активный борец за сохранение памятников истории и культуры России за рубежом. Он не дает прерваться и многолетним совместным с зарубежными коллегами научным проектам, в частности — регулярным встречам археологов из России и Финляндии, а также из России и Литвы, начавшимся в середине 1970-х гг. и продолжающимся по сию пору.

Результаты научных исследований А. Н. Кирпичникова опубликованы в более чем 700 печатных работах, в том числе — в 25 монографиях. Они посвящены истории, культуре, археологии, архитектуре, искусству, военному делу, городской топографии и фортификации, сфрагистике, источниковедению истории России и сопредельных стран. Ряд работ опубликован за рубежом. Трудно представить, что один человек смог так много сделать для изучения прошлого. Под руководством А. Н. Кирпичникова подготовлено и защищено 13 кандидатских диссертаций. Ученики Анатолия Николаевича трудятся в университетах, музеях и институтах разных городов России, а также за ее пределами. С 1978 г. А. Н. Кирпичников являлся заместителем председателя Ленинградского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, а в 1997 г. стал его председателем и членом Президиума Центрального совета ВООПИК. Анатолий Николаевич неоднократно входил в состав различных ученых советов научных организаций и музеев. Он награжден орденами и медалями СССР и РФ, в 2011 г. избран почетным членом Общества древностей Финляндии за вклад в области российско-финляндского научного сотрудничества, год спустя стал почетным гражданином Ленинградской области. В 2012 г. Анатолий Николаевич был удостоен Правительством Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургским научным центром Российской Академии наук премии имени академика Ольденбурга «за выдающиеся результаты в области изучения и популяризации древней истории и археологии Российского государства».

Фото 16. Выступление в Законодательном собрании Ленинградской области. Фото 2012 г.

Photo 16. Speech in the Legislative Assembly of the Leningrad Oblast. Photo taken in 2012.

«Несмотря на высокие звания заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора, награжденного различными медалями и грамотами, Анатолий Николаевич всегда готов для активного, дружеского общения, установления новых научных связей с коллегами из различных стран, к участию в общественных мероприятиях по пропаганде отечественной истории, защите памятников национальной культуры и выработке строго научных методов их изучения и охраны» (Носов 2010: 20).

Завершая рассказ об Анатолии Николаевиче Кирпичникове, мы хотели бы от имени всех участников настоящего сборника пожелать юбиляру новых открытий и книг, новых традиционных лыжных походов во время зимнего отпуска, счастья и удачи, крепкого здоровья, благополучия и жизненных сил. Ab imo pectore!

Литература

Белецкий С. В., Богуславский О. И. 2004. От спасения памятников к поискам национальной идеи. В: Всевиов Л. М. (сост.). *Анатолий Николаевич Кирпичников. Биобиблиография*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 64—71.

Бутин Д. А. 2014. Конференция: ученые и любители. В: Кирпичников А. Н. (отв. ред.). *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья* 4. Материалы международной конференции, Старая Ладога, 12—13 июля 2013 г. Санкт-Петербург: Сезам-принт, 164—169.

Кирпичников А. Н. 1989. Защитить памятники Отечества. В: Петренко В. П., Эфендиев Э. Ф. (ред.). *Нарва, Ивангород, Принаровье. Воздействие культур. История и археология*. Нарва: Нарвский городской музей, 12—15.

Кирпичников А. Н. 1998. Время собирать камни. О сбережении памятников истории и культуры. В: Кирпичников А. Н. (гл. ред.). *Культурное наследие Российского государства*. Санкт-Петербург: ИПК «Вести», 28—38.

Кирпичников А. Н. 2003. Русский разлад (по материалам одной семейной хроники). В: Дмитриев В. А. (гл. ред.). *Метаморфозы истории. Альманах* 3. Псков: ПГУ, 170—177.

Клейн Л. С. 2009. *Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон*. Санкт-Петербург: Евразия.

Носов Е. Н. 2004. Анатолий Николаевич Кирпичников. К 75-летию со дня рождения. В: Всевиов Л. М. (сост.). *Анатолий Николаевич Кирпичников. Биобиблиография*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 5—16.

Носов Е. Н. 2010. К 80-летию Анатолия Николаевича Кирпичникова. В: Носов Е. Н., Белецкий С. В. (отв. ред). *Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран* I. *80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова посвящается*. Санкт-Петербург; Москва: Ломоносовъ.

Овчаренко А. А. 2014. Опыт и перспективы проведения исторических фестивалей в Старой Ладоге. В: Кирпичников А. Н. (отв. ред.). *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья* 4. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург: Сезам-принт.

References

Beletsky, S. V., Boguslavskii, O. I. 2004. In *Anatolii Nikolaevich Kirpichnikov. Biobibliografiia (Anatolii Nikolaevich Kirpichnikov. Biobibliography)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, 64—71 (in Russian).

Butin, D. A. 2014. In *Ladoga i Ladozhskaia zemlia v epokhu srednevekov'ia (Ladoga and Ladoga Land in the Middle Ages)* 4. Saint Petersburg: "Sezam-print" Publ. (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1989. In *Narva, Ivangorod, Prinarov'e. Vozdeistvie kul'tur. Istoriia i arkheologiia (Narva, Ivangorod, Narva Region. Impact of Cultures. History and Archaeology)*. Narva: Narva city museum, 12—15 (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1998. In *Kul'turnoe nasledie Rossiiskogo gosudarstva (Cultural Heritage of the Russian State)*. Saint Petersburg: "Vesti" Publ., 28—38 (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 2003. In *Metamorfozy istorii (Metamorphoses of History)* 3. Pskov: Pskov State University, 170—177 (in Russian).

Klejn, L. S. 2009. *Spor o variagakh. Istoriia protivostoianiia i argumenty storon (The Varangian Dispute. History of Confrontation and Arguments of Opponents)*. Saint Petersburg: "Eurasia" Publ. (in Russian).

Nosov, E. N. 2004. In *Anatolii Nikolaevich Kirpichnikov. Biobibliografiia (Anatolii Nikolaevich Kirpichnikov. Biobibliography)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, 5—16 (in Russian).

Nosov, E. N. 2010. In *Kraeugol'nyi kamen'. Arkheologiia, istoriia, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran (Cornerstone. Archaeology, History, Art and Culture of Russia and Its Neighboring Countries)* I. Saint Petersburg; Moscow: "Lomonosov" Publ. (in Russian).

Ovcharenko, A. A. 2014. In *Ladoga i Ladozhskaia zemlia v epokhu srednevekov'ia (Ladoga and Ladoga Land in the Middle Ages)* 4. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. Saint Petersburg: "Sezam-print" Publ. (in Russian).

Статья поступила в номер 9 июля 2014 г.

Serge Beletsky (Saint Petersburg, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences[1].

Serge Beletsky (Sankt Petersburg, Rusia). Doctor în ştiinţe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiinţe a Rusiei.

Белецкий Сергей Васильевич (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: serge_beletsky@mail.ru

Nadezhda Platonova (Saint Petersburg, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences[2].

Nadezhda Platonova (Sankt Petersburg, Rusia). Doctor în ştiinţe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiinţe a Rusiei.

Платонова Надежда Игоревна (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: niplaton@gmail.com

Address: [1, 2] Dvortsovaya Nab., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation

Список трудов А. Н. Кирпичникова

1957

Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия. *СА* (3), 60—76.

Русская крепость XVI—XVII вв. *Красный север*. 18.7, 4.

1958

К вопросу о появлении огнестрельного оружия на Руси. *Сборник исслед. и материалов Артиллерийского ист. музея* 3, 243—252. (Совместно с В. Б. Вилинбаховым).

К вопросу об устройстве древнерусских метательных машин. *Сборник исслед. и материалов Артиллерийского ист. музея*, 405—418: ил.

Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI—XVIII вв. *МИА* 77, 143—149. (Совместно с И. Н. Хлопиным): ил.

Метательная артиллерия Древней Руси: (Из истории средневекового оружия VI—XV вв.). *МИА* 77, 7—51: ил.

Русские шлемы X—XIII вв. *СА* (4), 47—69: ил.

1959

К истории древнего Белгорода в X—XI вв. *КСИИМК* 73, 21—32: ил.

Описная книга пушек и пищалей как источник по истории средневековой русской артиллерии: (К характеристике городового наряда Московского государства второй четверти XVII вв.). *Сборник исслед. и материалов Артиллерийского ист. музея* 4, 265—328.

[Обзор]: История античной и раннесредневековой артиллерии в книге А. Брун-Хоффмейер «Античная артиллерия» [Bruhn-Hoffmeyer A. Antikens artillerie. — København, 1959]. *Сборник исслед. и материалов Артиллерийского ист. музея* 4, 341—346.

1961

Мечи Киевской Руси (IX—XI вв.). *СА* (4), 179—197: карт., ил.

О некоторых памятниках русской средневековой артиллерии. *СА* (3), 233—240: ил. (Совместное И. Н. Хлопиным).

Русские мечи XI—XIII веков. *КСИА* 85, 11—25: ил.

Рец.: Blair C. European armour. — London, 1958. *ВИЖ* (1), 114—115.

1962

Шлем XII в. из погребения кочевника: (По материалам раскопок Кобяковской археологической экспедиции 1960 г.). *Археологические раскопки на Дону*. Ростов-на-Дону, 138—141: ил.

Шлем XI в. из Юго-Западной Руси. *СА* (2), 230—234: ил.

Рец.: Nadolski A., Abramowicz A., Poklewski T. Cmentarzysko z XI wieku w Lutomiesku pod Łodzią. — Łódź, 1959. *ВИ* (2), 175—176.

1963

Русское оружие ближнего боя (X—XIII вв.): Автореф. канд. дис. АН СССР. ЛОИА. — Ленинград. 17 с.

К 60-летию М. К. Каргера. *СА* (4), 124—126: портр. (Совместно с Г. К. Вагнером).

1965

Восточноевропейская клинковая эпиграфика. *Тезисы докл. на I Междунар. конгрессе славянской археологии в Варшаве*. Москва, 73—74.

Так называемая сабля Карла Великого. *СА* (2), 268—276: ил.

Древнейший русский подписной меч. *СА* (3), 196—201: ил.

Рец.: Ярославское Поволжье X—XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников. Москва, 1963. *СА* (1), 317—320. (Совместное И. П. Шаскольским).

1966

Древнерусское оружие 1. *Мечи и сабли IX—XIII вв.* АН СССР. ИА. — Москва; Ленинград: Наука. — 176 с.: ил. карт. (Археология СССР. САИ. Е1—36). — Рез. фр.

Древнерусское оружие 2. *Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв.* АН СССР. ИА. — Москва; Ленинград: Наука. — 147 с.: ил., карт. (Археология СССР. *САИ*. Е1—36). — Рез. фр.

Мечи куршей. *Древности Белоруссии*. Минск, 299—300.

Надписи и знаки на клинках восточноевропейских мечей IX—XIII вв. *Скандинавский сборник* 11, 249—298: ил. Рез. эст., швед.

Популярная археология [О работе лектория при ЛОИА]. *СА* (3), 289—291. (Совместно с А. Н. Мелентьевым).

Страницы железной книги. *НиЖ* (6), 49—54: ил. Перепечатано: *Московский комсомолец*. 7.05, 2—3: ил.

Рец.: Пятышева Н. В. Железная маска из Херсонеса. —

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© Составитель: Л. М. Всевиов, 2014.

Москва, 1964. *СА* (4), 214—217.
Рождение крепости Великой. *Красный Север*. 17.08, 4. (Совместно с И.Н. Хлопиным).

1967

Михаил Константинович Каргер. *Культура и искусство Древней Руси*. Ленинград, 7—20: портр.
О своеобразии и особенностях в развитии русского оружия IX—XIII вв.: (К проблеме культурных влияний в истории раннесредневековой техники). *Культура и искусство Древней Руси*. Ленинград, 90—95.
Les armes de la Russie Médiévale (en russe). Moscou; Leningrad, 1966, Vol. 1—2. *Gladius* 6, 95—101: ил.
Шедевры Белозерской крепости: (Находки советских ученых в древнем монастыре). *Вестник агентства печати Новости. По Советскому Союзу*. (132 (1685)). 8.06, 1—4. (Совместно с И.Н. Хлопиным).

1968

Конское боевое изголовье пер. пол. XIII в. из Южной Киевщины. *Славяне и Русь*. Москва, 62—65: ил. (Совместно с Е.В. Черненко).
Памяти Яна Петерсена. *СА* (3), 306—307: портр. (Совместно с Д.А. Авдусиным).
Die russischen Waffen des 9—13 Jahrh. und orientalische und westeuropäische Einflüsse auf ihre Entwicklung. *Gladius* 7, 45—74: ил.
Сюрпризы Соловецкого кремля. *Правда Севера*. 22.12, 3. (Совместно с К.К. Шиликом).

1969

Битви Стародавньої Русі (IX—XIII ст.). *УІЖ* (10), 74—83.
Древнерусский бой. *2-я Всесоюз. научн. конференция оружейников*. Тбилиси, 23—24.
Обследование башен Соловецкого кремля. *АО* 1968, 25—26. (Совместно с К.К. Шиликом).
Памяти Хольгера Арбмана. *СА* (1), 262—264: портр. (Совместно с М.А. Тихановой).
Памяти Туре Арне. *СА* (2), 242—243: портр.
Раскопки древнего Орешка. *АО* 1968, 24—25.
Федор Конь и старец Александр: К выявлению одной исторической подделки. *СА* (2), 278—280. (Совместно с И.Н. Хлопиным).
Russisk-skandinaviske forbindelser i IX—XI århundrede illustreret ved våbenfund. *Kuml*, 165—189: ил. Рез. нем.
Рец.: Мугуревич Э. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв.: Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига, 1965. *СА* (1), 307—308.
Рец.: Oakeshott R.E. The Sword in the age of chivalry. London, 1964. *СА* (3), 271—274.
Как было найдено место захоронения Джакомо Кваренги. *Строительный рабочий* (21), 12—13: ил.
Открытие древнего Орешка. *Строительный рабочий* (25), 106: ил.
Потайное золото скифов. *Неделя* (52), 7: ил.
Скифский курган раскрывает тайны. *Правда*. 4.10, 3.
Сокровища скифского царя. *Ленинградская правда*. 30.09, 3.
Тайна старой крепости. *Строительный рабочий* (37), 8—9: ил.

1970

Вивчення давньоруськоі зброі. *УІЖ* (10).
Вооружение Руси в IX—XIII вв. *ВИ* (1), 42—55.
Камнеметная артиллерия. *Уральский следопыт* (12), 61—62.
Ключ-город. *Строительство и архитектура Ленинграда* (12), 28—29: ил. (Совместно с М.В. Иоагансен).
Надписи и знаки на клинках восточноевропейских мечей IX—XIII вв. *I Międzynar. Kongres archeologii slowiańskiej* 5. Wrocław, 336—351: ил.
Неожиданная находка на Урале. *НиЖ* (10), 15—17: ил. (Совместно с Р.М. Джанполадян).
Потайное золото скифов. *Курьер ЮНЕСКО* (Октябрь), 8—21: ил. Перепечатка: *Вісті з України* (4), 6; *Týdenik aktualit* (3), 13: ил.
Результаты раскопок древнего Орешка. *АО* 1969, 29—31: ил.
Снаряжение русского всадника в IX—XIII вв. *Тез. докл. сов. делегации на 2-м Междунар. конгрессе славянской археологии в Берлине*. Москва, 22—23.
Страна городов. *НиЖ* (6), 61—64: ил. (Совместно с П.А. Раппопортом).
Connections between Russia and Scandinavia in the 9th and 10th cent., as illustrated by weapon finds. *Varangian problem*. Copenhagen, 50—76: ил.
Die Feldschlacht in Altrussland (IX—XIII Jh.). *Gladius* 9, 31—51.
Рец.: Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968. *УІЖ* (3), 142—143.
Загадочный Орешек. *Неделя* (6), 23: ил.
Поиски Джакомо Кваренги. *Неделя* (29), 20: ил.
Сюрпризы древней крепости. *Ленинградская правда*. 29.03, 4. (Совместно с О.В. Овсянниковым).
Рассказы древних мечей. *Неделя* (47), 24.

1971

Древнерусское оружие 3. *Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв.* АН СССР. ИА. — Ленинград: Наука. — 92 с.: ил. — (Археология СССР. *САИ* Е1—36). — Рез. фр.
Изучение древнего Орешка. *АО 1970*, 27—28.
Крюк для натягивания самострела (1200—1240 гг.). *КСИА* 125, 100—102: ил.
Оружейные новшества в русском войске XII—XIII веков. *Тез. докл. и сообщ. 3-й Всесоюз. конференции историков оружия*. Ленинград, 61—63.
Раскопки в Копорье. *АО 1970*, 25—27. (Совместно с О.В. Овсянниковым).
Oreczek: Rezultaty badań historyczno-archeologicznych miasta i twierdzy na jez. Ładoga. *Kwartalnik historii kultury materialnej*. Rok 19 (4), 679—688: ил.
Встает древний Ямгород. *Ленинградская правда*. 8.09, 4.
Загадка старой крепости. *Ленинградский университет* (35), 3—4: ил.
Исчезнувшая крепость. *За коммунизм* (87), 2—3.
Находки в Кирилловском кремле. *Новая жизнь* (92), 2: ил.
Приглашение к экспедиции. *Ленинградский университет* (18), 4.

1972

Великая государева крепость. — Ленинград: Художник РСФСР. — 254 с.: ил. (Совместно с И.Н. Хлопиным).
Крепость Орешек. — Ленинград: Лениздат. — 99 с.: ил.

(Совместно с В. М. Савковым).

Археологическое и геофизическое обследование в Соловецком кремле. *АО 1971*, 45—46. (Совместное К. К. Шиликом).

Военное дело Руси XII—XIII вв. (Итоги изучения техники и тактики боя). *Тез. докл. на сессии к пленуму, посвящ. итогам полевых исслед. в 1971 г.* Москва, 49—53.

Исследование древнего Тиверского городка. *АО 1971*, 40—42. (Совместно с В. П. Петренко).

Исследование средневековых городов-крепостей на территории Ленинградской области. *Краткие тез. докл. к пленуму, посвящ. итогам археол. исслед. 1971 г.* Ленинград, 21—23.

Озброення воїнів Киевскої Русі в світлі русько-скандинавських контактів IX—X ст. *УІЖ* (7), 76—85.

Раскопки в Кирилло-Белозерском монастыре. *АО 1971*, 45. (Совместно с И. Н. Хлопиным).

Раскопки древнего Ямгорода. *АО 1971*, 42—43.

Средневековая сабля с армянской надписью, найденная в Приполярном Урале. *Эпиграфика Востока* 21, 23—29: ил. (Совместно с Р. М. Джанполадян).

Исчезнувшие и найденные: Экспедиция в древнюю Русь. *Ленинградская правда*. 14.09, 3.

Рассказ о древнем Пскове. *Псковская правда*. 17.06, 2. (Совместно с О. В. Овсянниковым).

Стояла на Ладоге крепость. *Правда*. 12.11, 4.

Чтоб не стало «белых пятен». *Ленинградский университет* (34), 3—4.

1973

Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. АН СССР. ИА. Ленинград: Наука. — 112 с.: ил. — (Археология СССР. САИ Е1—36). — Рез. фр.

Загадочный Орешек. *Хочу все знать*. Ленинград, 209—219: ил.

Исследования древней Корелы и Ладожской крепости. *АО 1972*, 17—18.

К методике изучения городов-крепостей Северо-Западной Руси XIII—XVII вв. *Тез. докл. сессии, посвящ. итогам полевых исслед. 1972 г. в СССР*. Ташкент, 259—260.

Когда, кем и почему строилась самая большая русская крепость XVII века. *История СССР* (1), 202—210: ил. (Совместно с И. Н. Хлопиным).

О времени появления шпоры со звездочкой на территории Древней Руси. *Kwartalnik historii kultury materialnej*. Rok 21 (2), 299—304: ил.

Планы из шведских архивов как источники для изучения замков и городов-крепостей Эстонии и Северо-Западной Руси. *Тез. докл. VI Всесоюз. конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии*. Таллин. Ч. 1, 123—125. (Совместно с Е. А. Кальюнди).

Der sogenannte Säbel Karl der Grossen. *Gladius* 10, 69—80: ил.

Snaraženie vsadnika i verchovogo konja na Rusi IX—XIII vv. (Harnachement du cavalier et de la monture en Russie aux IX—XIII siècles). *Gladius* 10, 100—103.

Mittelalterlicher Säbel mit einer armenischen Inschrift, gefunden im Subpolaren Ural. *Gladius* 10, 15—23: ил.

Russische Helme aus frühen Mittelalter. *Waffen und Kostümkunde* (2), 89—98: ил.

Drevnerusskoe oružie (Les armes de la Russie médiévale). London, 1971. Vol. 3 (en russe). *Gladius* 10, 114—117.

Загадочный Орешек. *Хочу все знать*: Научно-художественный сборник. Ленинград, 209—219: ил.

Загадки острова Коневец. *Ленинградский речник* (60), *3*.

1974

Древнерусский храм в Копорье. *Культура средневековой Руси*. Ленинград, 139—146: ил.

Каменщики Костоусовы. *Культура средневековой Руси*. Ленинград, 194—199: ил. (Совместно с И. Н. Хлопиным).

К 70-летию М. К. Каргера. *Культура средневековой Руси*. Ленинград, 3—4: портр.

Обследование острова Коневец на Ладожском озере. *АО 1973*, 14—15. (Совместно с И. Н. Хлопиным).

«Петровский Шлиссельбург»: (По новооткрытым архивным материалам). *Русское искусство первой четверти XVIII века*. Москва, 27—54: ил. (Совместно с М. В. Иогансен).

Раскопки в Ладожской крепости и в г. Приозерске. *АО 1973*, 12—14.

Тиверский городок (К вопросу изучения древностей Русской Карелии). *КСИА* 139, 106—113: ил. (Совместно с В. П. Петренко).

Мечи с клеймом. *Советская культура* (37), 4.

Подсказала летопись. *Правда*. 2.01, 4.

Ред.: *Культура средневековой Руси*. Ленинград. — 213 с. (Отв. ред. Совместно с П. А. Раппопортом).

1975

Броня праотеческая. *Вокруг света* (5), 64—67: ил.

Исследования средневекового Порхова и его округи. *АО 1974*, 18—20. (Совместно с Е. А. Рябининым).

Каменное оборонное строительство на границах раннефеодальной Руси. *Тез. докл. советской делегации на III Междунар. конгрессе славянской археологии*. Москва, 51—52.

Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 году. По донесению Эрика Дальберга правительству Швеции. *Сканд. сб.* 20, 68—80: ил. Рез. эст., швед. (Совместное Е. А. Кальюнди).

Ладога и Переяславль Южный — каменные крепости раннесредневековой Руси. *Новейшие открытия советских археологов*. Тез. докл. Киев. Ч. 3, 77—79.

Мечи из раскопок древнего Изяславля. *КСИА* 144, 30—54: ил.

Могила архитектора-реставратора Ю. П. Спегальского. *Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Псковская область*. Москва, 41—43.

Об одной «челобитной» на Федора Коня. *История СССР* (4), 219—223: ил. (Совместно с И. Н. Хлопиным).

Работы в Ладожской крепости. *АО 1974*, 17—18.

Разведочные раскопки древнего Велья. *АО 1974*, 10. (Совместно с М. Е. Васильевым).

1976

Военное дело на Руси в XIII—XIV вв. АН СССР. ИА. Москва: Наука. — 104 с.: ил. — Рез. фр.

Архитектурно-археологические открытия в Старой Ладоге. *АО 1975*, 18—19.

Исследование Островской крепости в Псковской обла-

сти. *АО 1975*, 19—20.
Пороховница XVI в., найденная в Порхове. *Средневековая Русь*. Москва, 332—335: ил.
Шведское и русские укрепления в Корele-Кексгольме XIV—XVII вв. *Тез. докл. VI Всесоюз. конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии*. Таллин. Ч. 1, 120—121.
Russische Körper-Schufzwaffen des 9—16 Jh. *Waffen und Kostümkunde*. Hf. 1, 22—37: ил.

1977

Вооружение воинов Киевской державы в свете русско-скандинавских контактов. *Сканд. сб*. 22, 159—174. Рез. эст., швед.
Крепость Ладога в X—XII веках. *Новгород древний — Новгород социалистический: Археология, история, искусство*. Новгород, 11—12.
Ладога и Переяславль Южный — древнейшие каменные крепости на Руси. *ПКНО*, 417—434: ил.
Михаил Константинович Каргер. *СА* (3), 333—334: портр.
О задаче и работе Сектора славяно-финской археологии *ЛОИА* АН СССР в 1974—1975 гг. *КСИА* 150, 107—111.
Открытие крепости Велья. *АО* 1976, 15—16. (Совместно с М. Е. Васильевым).
Первый советско-финляндский симпозиум по археологии. *ВИ* (7), 187—189. (Совместно с Е. Н. Носовым).
Первая каменная крепость в Ладоге. *Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР (раскопки 1972 и 1973 гг.)*. Ленинград, 66—71: ил.
Раскопки древней Корелы. *АО 1976*, 16—17. (Совместно с В. А. Назаренко).

1978

Башня посадника Якова в средневековой Кореле. *Древняя Русь и славяне*. Москва, 352—358: ил.
Массовое оружие ближнего боя из раскопок Изяславля. *КСИА* 155, 30—37: ил.
Русские укрепления ливонских замков Эстонии. *АО 1977*, 457—459. (Совместно с В. А. Назаренко).
Симпозиум советских, и финских археологов. *ВИ* (10), 187—188. (Совместно с Е. Н. Носовым).
Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства (IX—XI вв.). *Scando-Slavica* 24. Munksgaard; Copenhagen, 63—89. (Совместно с Г. С. Лебедевым, В. А. Булкиным, И. В. Дубовым, В. А. Назаренко).
Рец.: Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Göttingen. 1973—1974. Т. 1—2. *СА* (2), 321—330. (Совместно с Г. С. Лебедевым, И. В. Дубовым).
Гдовский барс. *Советская культура*. 24.10, 8.
Из истории Гдовской крепости. *Гдовская заря*. 10.10, 2.
Каменные стражи Древней Руси. *Советская культура*. 1.09, 6.
Эпоха столь далекая. *Ленинградская правда*. 22.05, 4.

1979

Крепость Орешек: Историко-архитектурный очерк. Ленинград: Лениздат. — 119 с.: ил. (Совместно с В. М. Савковым).
Изучение Копорской крепости. *АО* 1978, 14—15. (Совместно с В. А. Назаренко).
Историко-археологические исследования древней Корелы: («Корельский город» XIV в.). *Финно-угры и славяне*. Докл. первого сов.-финлянд. симпозиума по вопросам археологии. Ленинград, 52—73: ил.
Каменное оборонительное строительство на границах раннефеодальной Руси. *Rapports du III Congrès International d'Archéologie Slave* 1. Bratislava, 427—435: ил.
Крепости бастионного типа в средневековой России. *ПКНО* 1978 (1979), 471—499: ил.
Крепость Копорье по новым данным архитектурно-археологических исследований. *СА* (3), 102—118: ил. Рез. англ. (Совместно с О. В. Овсянниковым).
Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья. *Славяне и Русь*. Киев, 92—106: ил.
Находки в Старой Ладоге. *Памятники Отечества* 4, 312—319: ил.
Опыт комплексного использования писцовых книг и исторической топографии для характеристики средневекового русского города: (по материалам Корелы XV—XVII вв.). *ВИД* 11, 68—89: карт.
Открытия в Гдовской крепости. *АО* 1978, 13—14. (Совместно с В. А. Назаренко).
Русско-скандинавские связи в IX—XI вв. на современном этапе археологического изучения. *VIII Всесоюз. конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии*. Тез. докл. Ч. 1, 172—173. (Совместно с Г. С. Лебедевым, В. А. Булкиным, В. А. Назаренко, И. В. Дубовым).
Финно-угорские племена в составе древней Руси: (Некоторые итоги археологических исследований). *Вопросы финно-угроведения. Этнография, антропология, археология, фольклористика, литературоведение*. Тез. докл. XVI Всесоюз. конференции финноугроведов. Сыктывкар. Ч. 2, 74—75. (Совместно с Е. А. Рябининым).
[Выступление в прениях]. *Финно-угры и славяне*. Ленинград, 157—159.
В низовьях древнего Волхова. *Советская культура*. 14.8, 3. (Совместно с Д. С. Лихачевым, В. А. Сусловым).
Ред.: Б. Г. Васильев. *Старая Ладога. Памятник архитектуры XII—XIII вв.* Волхов. 23 с.
Ред.: Финно-угры и славяне. *Доклады первого советско-финляндского симпоз. по вопросам археологии*. Ленинград. — 178 с. (Член редколл.).

1980

Древний Орешек: Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. АН СССР. ИА. — Ленинград: Наука. — 127 с.: ил.
Куликовская битва. АН СССР. ИА. Ленинград: Наука. — 124 с.: ил., карт.
Археология. *Советское финно-угроведение, 1975—1980*. Материалы к V междунар. финно-угорскому конгрессу 1, 8—29. — Библиогр.: Вып. 2. Москва, 5—50.
Исследования Новгородского кремля. *АО 1979*, 9—10.
Каменные крепости Северной Руси: (Итоги архитектурно-археол. исследования). *Тез. докл. советской делегации на 4-м междунар. конгрессе славянской археологии*. Москва, 93—95.
Каменные крепости Северной Руси: (Итоги архитектурно-археол. исследования). *Крепостное зодчество Псковской земли и ее соседей*. Тез. докл. научи, конференции, посвящ. 650-летию Изборской крепости. Изборск, 6—7.
Новооткрытая ладожская каменная крепость IX—XI вв.

ПКНО. 1970 (1980), 441—455: ил.

О создании в Старой Ладоге историко-архитектурного и археологического музея-заповедника. *Проблемы охраны памятников археологии в населенных местах*: Материалы Всесоюз. конференции. Ереван, 62—64.

Оружие времен Куликовской битвы. *ВАН* (8), 92—101: ил.

Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археол. изучения. *КСИА* 160, 24—38. (Совместно с Г. С. Лебедевым, В. А. Булкиным, И. В. Дубовым, В. А. Назаренко).

Финно-угорские племена в составе древней Руси: (некоторые итоги археол. исследований). *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Turku. 2, 328. (Совместно с Е. А. Рябининым).

Stadt und Gebiet Ladoga zur Zeit des frühen Mittelalters. *Fennougri et slavi* 1978. Helsinki, 141—156: карт.

«О светло светлая и украсно украшенная земля Русская». *Знание — сила* (8), 12—15: ил., карт. (Совместно с А. Я. Дегтяревым, И. В. Дубовым).

Стояние на Угре. *Знание — сила* (10), 12—14: ил. (Совместно с И. В. Дубовым, А. Я. Дегтяревым).

1981

Защитное вооружение. Graz. — 81 с.: ил. — (Grossarium Armorum. Arma defensiva). (Совместно с И. Н. Хлопиным).

Европейский средневековый меч, найденный в Западной Сибири. *ПКНО*. 1980 (1981), 528—533: ил. (Совместно с Д. А. Дрбоглавом).

Северная Русь: (некоторые итоги археол. исследований). *КСИА* 164, 3—10. (Совместно с Г. А. Лебедевым, И. В. Дубовым).

Советско-финляндский симпозиум по археологии. *ВАН* (11), 99—102. (Совместно с Е. Н. Носовым).

Стены древнего Пскова. *АО 1980*, 13—14.

Серебряное обрамление Ленинграда. *Советская культура*. 10.07, 3.

Ред.: Ф. Д. Гуревич. *Древний Новогрудок. Посад — окольный город*. Ленинград. — 160 с. (Отв. ред.).

Ред.: Е. А. Рябинин. *Зооморфные украшения древней Руси X—XIV вв. Свод археологических источников*. Ленинград. — 123 с. (Отв. ред.).

Ред.: Е. А. Горюнов. *Ранние этапы истории славян днепровского Левобережья*. Ленинград. — 133 с. (Отв. ред.).

1982

Археологические исследования острога в Кирилло-Белозерском монастыре. *Реставрация и исследования памятников культуры* 2, 82—88: ил. (Совместно с С, Подъяпольским).

Великое Донское побоище. *Сказание и повести о Куликовской битве*. Ленинград, 291—305.

Каменные крепости Северной Руси: По данным новых архитектурно-археологических исследований. *ВАН* (5), 95—107: ил., карт.

Новые расчистки мечей, найденных в Ярославском Поволжье. *Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья*. Ленинград, 147—152: ил. (Совместно с И. В. Дубовым).

Памяти Евгения Алексеевича Горюнова. *СА* (4), 294—295: портр. (Совместно с М. Б. Щукиным).

Финно-угорские племена в составе Новгородской земли: некоторые итоги новых исследований. *СА* (3), 47—62. (Совместно с Е. А. Рябининым).

Ред.: П. А. Раппопорт. *Русская архитектура X—XIII вв. Каталог памятников*. Свод археологических источников. Ленинград. — 136 с. (Отв. ред.).

1983

В поисках древней Руси. *Ленинградская панорама* (8), 30—32: ил. (Совместно с О. М. Иоаннисяном).

Исследования в Новгородском кремле и Порховской крепости. *АО 1981*, 16—17.

Новые археологические исследования Сектора славяно-финской археологии на Северо-Западе СССР. *Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда*. Ленинград, 18—20.

Памяти Марии Александровны Тихановой. *СА* (3), 236—237: портр. (Совместно с М. Б. Щукиным).

Памятники крепостного зодчества. *Охраняется государством: Архит. наследие Ленинградской земли*, 18—99: ил.

Русские доспехи X—XVII вв. Вступит. статья к *Каталогу рисунков художника Вл. Семенова*. Москва.

Советско-финляндский симпозиум по археологии. *ВАН* (11), 89—91. (Совместно с Е. Н. Носовым).

Спасение «Златокипящей». *Нева* (4), 178—179.

Языческое святилище у Пскова: (по данным И. Д. Вундерера). *Древнерусское государство и славяне*. Минск, 109—110: ил.

Medieval town-fortresses in the North-West of the USSR: [Буклет]. — London. — [6 с.: ил.]. (Совместно с В. М. Массоном).

Steinfestungen Nordrussland aus der Sicht der neueren bautechnisch-archäologischen Forschungen. *Burgen und Schlösser*. Jg. 24. Hf. 2, 66—78: ил.

Двенадцать веков истории. Старая Ладога: быть ли государственному заповеднику. *Советская культура*. 5.06, 8.

Дивился русским городам. *Правда*. 20.05, 3.

1984

Каменные крепости Новгородской земли. АН СССР. ЛОИА. — Ленинград: Наука. — 275 с.: ил.

К вопросу о реконструкции Ладожской каменной крепости 1490 г. по описям XVII в. *Новгородский край*. Ленинград, 217—222.

Новые архитектурно-археологические исследования в Новгородском кремле. *Новгородский край*. Ленинград, 147—151.

От редколлегии [сборника]. *Новое в археологии СССР и Финляндии*. Доклады третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. Ленинград, 56. (Совместно с Б. А. Рыбаковым, Е. А. Рябининым).

Приладожская лопь. *Новое в археологии СССР и Финляндии*. Ленинград, 137—144: карт. Рез. нем., фин.

Сообщение Самуила Кихеля о Пскове (1586 г.). *АИППЗ*. Псков, 17—18.

Средневековая Ладога (К итогам археол. исследований). *Древнерусский город*. Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева. Киев, 48—50.

Триста лет спустя: Рисунки русских городов Николааса Витсена. *Знание — сила* (9), 24—25: ил.

Reports of foreign writers and travelers on 16th century Pskov and Russia. *ISKOS* (4). Helsinki, 179—182.

Дивился русским городам. *Настольный календарь*, 56.

Откуда пошла Русская земля. *Ленинградский университет*. 14.09, 8.

Повесть о начале Отечества. *Комсомольская правда*. 12.08, 2.

Сокровища земли русской. *Ленинградская правда*. 22.08, 3. (Совместно с Д.И. Фоняковым).

Тайны Старой Ладоги. Места заповедные. *Правда*. 23.11, 6.

Ред.: *Новое в археологии СССР и Финляндии*. Ленинград. — 228 с. (Член редколл.).

Arkeologia ei tunne valtiorajoja. *Helsingin Sanomat*. 15.07, 8.

1985

Вооружение. В: Колчин Б.А. (отв. ред.). *Древняя Русь: Город, замок, село*. Москва: Наука, 298—363: ил. (Совместно с А.Ф. Медведевым).

Золотые ворота в Киеве. *Архитектура СССР* (3), 105—107: ил. (Совместно с П.А. Раппопортом, В.В. Косточкиным, А.А. Тиц).

Исторические города Ленинградской области: (К вопросу о сбережении культурного наследия). *Новое в археологии Северо-Запада СССР*. Ленинград, 140—144.

Каменные крепости Северо-Западной Руси в свете новых архитектурно-археологических исследований. *Стенам и башням Московского кремля 500 лет*. Тез. докл. Москва, 19—23.

Крепнет сотрудничество. *Вестник Конгресса финно-угроведов* (2), 3.

Ладога в XII в.: Этапы городского развития по археологическим и письменным источникам. *Тез. докл. советской делегации на 5-м Междунар. конгрессе славянской археологии*. Москва, 56—57.

Некоторые итоги изучения средневековой Ладоги. *Новое в археологии Северо-Запада СССР*. Ленинград, 48—51. (Совместно с Е.А. Рябининым, В.П. Петренко).

Николаевский Перынь (Перинский монастырь) у Пскова. *АО 1983*, 13—14.

Новообнаруженные рисунки русских средневековых городов Николааса Витсена. *Всесоюзная археол. конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке»*. Тез. докл. Баку, 178—180.

Новые документы о строительной деятельности Кирилло-Белозерского монастыря в XVII веке. *Памятники письменности в музеях Вологодской обл.: Каталог-путеводитель*. Ч. 4. Вып. 1. Вологда, 145—162. (Совместно с И.Н. Хлопиным).

Новые исследования городов-крепостей Новгородской земли. *Новое в археологии Северо-Запада СССР*. Ленинград, 83—91.

Новые исследования культуры финно-угорских племен Северо-Западной Руси. *Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий*. Таллин, 47—56. Рез. эст., нем. (Совместно с Е.А. Рябининым).

Посад средневековой Ладоги. *Средневековая Ладога*. Ленинград, 170—180.

Раннесредневековая Ладога: Итоги археол. исследований. *Средневековая Ладога*. Ленинград, 3—27: ил.

Содружество советских и финляндских археологов. *ВАН* (7), 86—88: ил. (Совместно с Е.Н. Носовым).

Факты, гипотезы и заблуждения в изучении русской военной истории XIII—XIV вв. *Древнейшие государства на территории СССР*. 1984 (1985), 229—243. Рез. англ.

Рец.: Wikinger und Slawen: Zur Frühgeschichte der Ostseevölker. — Berlin, 1982. *ВИ* (12), 153—156. (Совместно с Г.С. Лебедевым, И.В. Дубовым).

1986

Деятельность Сектора Славяно-финской археологии в 1974—1984 гг. *КСИА* 187, 93—100. (Совместно с К.В. Павловой).

Ладога і Ладозька земля у VIII—XIII ст. *Наука и культура: Україна*. Вип. 20. Київ, 283.

Новая жизнь Старой Ладоги. *Знание — сила* (8), 20—23: ил.

Осада Пскова шведскими войсками в 1615 г.: По новообнаруженным или малоизвестным графическим документам. *АИППЗ*. Псков, 12—13.

Псков XVI века по иностранным и русским источникам. *Земля Псковская, древняя и социалистическая*. Псков, 12—13.

Раскопки в Старой Ладоге. *АО 1984*, 9.

Русь и варяги: русско-скандинавские отношения домонгольского времени. *Славяне и скандинавы*. Москва, 188—298: ил., карт. (Совместно с И.В. Дубовым, Г.С. Лебедевым).

Славяне и скандинавы в эпоху средневековья: (Проблемы интеграции и периодизации культур). *X Всесоюз. конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавии и Финляндии*. Тез. докл. (Совместно с И.В. Дубовым, Г.С. Лебедевым).

Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.: мечи и сабли XI—XIII вв. *Злато слово: Слово о походе Игоревом: Русь и степь в эпоху Слова о полку Игореве*. Москва, 362—375: ил.

Russische Waffen des 9—15 Jh. *Waffen und Kostümkunde*. Hf. 1—2. C. 1—22; Hf. 9. C. 85—130: ил.

Как защитить наследие. *Советская культура*. 20.11, 3.

Находки в датских архивах. *Советская культура*. 24.07, 4.

Рукою Маркса. *Правда*. 12.03, 4.

Слово о Ладоге. *Советский алюминий*. 14.08, 2.

Ред.: С.И. Кочкуркина. *Корела и Русь*. Ленинград. — 144 с. (Отв. ред.).

Ред.: Е.А. Рябинин. *Костромское Поволжье в эпоху средневековья*. Ленинград. — 160 с. (Отв. ред.).

1987

Встреча археологов в Ленинграде. *ИАН ЭССР. Общественные науки* 36, 84—86. (Совместно с Н.В. Хвощинской).

Историко-архитектурное значение Порховской крепости и вопросы ее сбережения и использования. *Памятник веков*. Тез. докл. Псков, 7—8.

К образованию Русского государства. *К 1125-летию Изборска*. Тез. докл. Изборск, 20—22.

Ладога и Ладожская земля. *Труды 5-го Междунар. конгресса славянской археологии*. Т. 1. Вып. 2а. Москва, 101—111.

Ладога и Новгородская земля в XII—XIV вв.: по данным письменных и археологических источников. *Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС*. Тез. докл. Москва, 112.

Некоторые проблемы изучения славяно-финских межэтнических и культурных связей в эпоху средневековья. *Проблемы отечественной и всеобщей истории* 10, 92—100.

О единообразии в изготовлении русских средневековых артиллерийских орудий и их классификация. *Fasciculi archaeologiae*. Fasc. 2. Łódź, 29—48: ил. Рез. фр.

Охрана памятников архитектурной археологии

городов-крепостей Северо-Западной Руси. *Методические основы охраны и использования памятников археологии*. Москва, 88—95.

Раскопки в Старой Ладоге. *АО 1985*, 14—15. (Совместно с В. А. Назаренко).

Сотрудничество советских и финляндских археологов. *ВАН* (1), 115—118. (Совместно с Е. Н. Носовым).

Das frühmittelalterliche Ladoga im Lichte der neuesten Forschungen. *Das Altertum*. Bd. 33. Hf. 1, 54—61: ил. (Совместно с Е. А. Рябининым, В. П. Петренко).

Pleskau nach dem Zeugnis ausländischer Berichte und Abbildungen des 16 Jh. *Visby-Colloquium des Hansischen Geschichtsvereins*. 1984. Köln; Wien, 129—139.

Finnougrische Volksstämme und Nordrussland: (Vom Standpunkt neuer Forschungen). *Fennoscandia archaeologica*. T. 4, 49—72. Рез. англ. (Совместно с Е. А. Рябининым).

Старше на полтора века. *Ленинградский рабочий*. 23.10, 2. (Совместно с В. А. Тюленевым, В. В. Дмитриевым). Перепечатано: *Karjala*. 21.04.1988, 9.

1988

Введение [к сборнику]. *Славяно-русские древности* 1, 3—6. (Совместно с И. В. Дубовым, И. Я. Фрояновым).

Доклад об охране памятников Ленинградской области. *Материалы V съезда ВООПИК. Горький*. Москва, 43—46.

Древнерусское святилище у Пскова. *Древности славян и Руси*. Москва, 34—37: ил.

Известия и рисунки голландца Николааса Витсена, посвященные Новгороду и Новгородскому краю. *Новгород и Новгородская земля: История и археология*. Новгород, 104—105.

Иностранцы о Пскове XVI в.: Новые исследования. *Древний Псков: История, искусство, археология: Новые исследования*. Москва, 225—235.

Куликовская битва и исторические судьбы Руси: (Общенародное войско городов и земель — преобразующий фактор русской истории XIV в.). *Проблемы отечественной и всеобщей истории* 11, 154—165.

Ладога в международной торговле VIII—XIII вв.: (По находкам куфических монет). *Историко-археол. семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.»*. Тез. докл. Чернигов, 15—16.

Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. *Славяно-русские древности* 1, 38—79: карт.

Памяти Кнуда Рабека Шмидта. *Сканд. сб.* 31, 221—224: портр. (Совместно с Е. А. Мельниковой).

Раскопки Староладожской экспедиции. *АО 1986*, 20—21. (Совместно с В. А. Назаренко).

Языческое святилище у Пскова. *АИППЗ*. Тез. докл. науч. конференции «Древнерусское язычество и его традиции». Псков, 18—19.

Det gamle Ladoga: Kronik. *Skalk* (3), 18—24: ил.

Staraja Ladoga: Alt-Ladoga und seine überregionalen Beziehungen im 8—10 Jahrh. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*, 307—337: ил., карт.

О пользе доброхотства. *Советская культура*. 17.09, 9.

[Письмо о реформе в охране памятников] в разделе «Слово читателю». *Огонек* (12), 3.

Старая Ладога. Путешествие в X век. *Ленинградский рабочий*. 11.11, 16.

Это наше наследие. *Московские новости*. 11.09, 2.

1989

А не создать ли народный банк культуры. *Родина* (1), 13.

Время собирать камни. *Наше наследие* (4), 1—7: ил.

Защитить памятники Отечества. *Нарва, Ивангород, Приноровье*. Тез. докл. Нарва, 12—15.

Из истории дохристианских верований в Северо-Западной Руси: (Находка из Пскова). *Из истории православия к северу и западу от Великого Новгорода*. Ленинград, 225—246.

Исследовательские проекты советских и финских археологов. *ВАН* (4), 128—131. (Совместно с Е. Н. Носовым).

К оценкам военного дела средневековой Руси. *Древние славяне и Киевская Русь*. Киев, 141—147.

Меч с именным клеймом из Юго-Восточного Приладожья. В: Кочкуркина С. И. *Памятники Юго-Восточного Приладожья X—XIII вв.* Петрозаводск, 336—338: ил. (Совместно с В. А. Назаренко).

Памяти Павла Александровича Раппопорта. *СА* (3), 297—298: портр.

Средневековые мечи. Новые исследования. *Взаимодействия древних культур в бассейне Балтийского моря*. Тез. докл. симпоз. Ленинград, 46—47.

Рец.: В. В. Косточкин. Чердынь, Соликамск, Усолье. — Москва: Стройиздат, 1988 — *Архитектура и строительство России* (11), 4—5.

Наука помогает церкви. *Московские новости*. 29.10, 13.

Русская диаспора. *Советская культура*. 20.05, 8.

«Старый Русик» в запустенье. *Советская культура*. 29.10, 7.

Jyden blev russisk fyrste. *Kristeligt Dagblad*. 1.11, 1: карт.

1990

Новые данные о средневековом Торжке: (по сообщению и рисункам Николааса Витсена). *Города Верхней Руси*. Торопец, 20—50: ил.

Памяти Ф. Д. Гуревич. *СА* (2), 281—283. (Совместно с М. В. Малевской).

Предисловие: В. А. Лапшин. *Археологическая карта Ленинградской области*. Ч. 1. *Западные районы*. Ленинград. (Совместно с Е. А. Рябининым).

Предисловие [к сборнику]: *Финны в Европе VI—XV веков. Историко-археологические исследования* 1. Москва, 5—7.

Предисловие [к сборнику]: *Финны в Европе VI—XV веков. Историко-археологические исследования* 2. М., 1990, 5.

Прибалтийско-финские племена в составе Древнерусского государства. *Финны в Европе VI—XV веков. Историко-археологические исследования* 2. Москва, 101—124. (Совместно с Е. А. Рябининым).

Приладожская лопь. *Финны в Европе VI—XV веков. Историко-археологические исследования* 2. Москва, 135—144: ил.

Раннесредневековая Ладога: Историческая роль и международное значение. *Тезисы советской делегации на 6-м Междунар. конгрессе славянской археологии*. Москва, 156—158.

Финно-угорские племена и Древняя Русь: (в свете новых исследований). *Fasciculi archaeologiae historicae*. Fasc. 4. Łódź, 7—25. (Совместно с Е. А. Рябининым).

Neue bauarchäologische Forschungen zu den Stadtfestungen Nordwestrussland. *Stadtbau Kunst im Mittelalter*. Berlin, 104—111.

Old Ladoga dirhems. *ISKOS*. Vol. 9. Helsinki, 63—67.

Берегите Соборную Горку: Открытое письмо. *Красный*

Север. 15.11, 3. (Совместно с Д.С. Лихачевым, В.А. Сусловым, Б.В. Сапуновым, Ю.С. Ушаковым, Вал.А. Булкиным, В.А. Гусевым, И.Я. Богуславским и др. — всего 14 подписей).

В Старую Ладогу. *Советская культура*. 18.08, 2. (Совместно с Г.С. Лебедевым).

Забытые шедевры: Вернутся ли на Родину картины русских художников. *Советская культура*. 24.02, 14. (Совместно с Н.Н. Толстой).

«Это единственное, что меня интересует…». *Советская культура*. 29.09, 6. (Совместно с Н.А. Никитиной).

Suomella ja Neuvostolliitolla useita prajekteja Humanistisen yhteistyön mahdollisuudet. *Turun Sanomat*. 29.7, 2: ил.

Ред.: *Финны в Европе VI—XV веков* 1—2. Москва. — 152 с.; 197 с. (Отв. ред. Совместно с Е.А. Рябининым).

1991

Военное дело Руси: Некоторые оценки и новые исследования. *Археология и социальный прогресс* 2. Москва, 98—112: ил.

Вооружение Руси IX—XIII вв. *Ex oriente lux. Mélanges offerts en hommage au prof. J. Blankoff à l'occasion de ses soixante ans*. Bruxelles. Vol. C, 161—189: ил.

От каменного века до позднего средневековья: (Советские и финские археологи совместно разгадывают тайны истории). *ВАН* (4), 105—108. (Совместно с Е.Н. Носовым).

Столица Руси в Санкт-Петербургской области. *Новый журнал* (6), 64—69.

Тайна казачьего серебра. *Правда*. 7.05, 7.

1992

Археологические открытия в Старой Ладоге. Черты сходства средневековых городов региона Балтики. *АВ* 1, 141—151: ил. (Совместно с В.А. Назаренко).

Древнерусский воинский отряд — «клин». *Arma et ollae*. Łódź, 97—100: ил.

Заметки о средневековых гаковницах. *Materiały museum wnętrz zabytkowych w Pszczyne*. Vol. 7, 189—197: ил.

Каменные выкладки Европейского Севера и их истолкование. *Древности славян и финно-угров*. Санкт-Петербург, 64—74: ил., карт. (Совместно с В.А. Назаренко, А.И. Сакса, В.Я. Шумкиным).

Ливонское войско в Ледовом побоище 1242 г. *Земля Псковская, древняя и современная*. Тез. докл. Псков, 35—37.

Мечи эпохи викингов: новые международные исследования. Новые открытия и методол. основы археол. хронологии. Санкт-Петербург, 28—30.

Научное сотрудничество между СССР и Финляндией в области археологии: Итоги и перспективы. *Древности славян и финно-угров. Доклады советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии*. Санкт-Петербург, 5—9.

Новообнаруженные клейма раннесредневековых мечей. Fasciculi archaeologiae historicae. Fasc. 5. Łódź, 61—81: ил.

Потаенные сокровища Старой Ладоги. *Санкт-Петербургская панорама* (11), 8—9: ил.

Boligus i det gamle Ladoga. *SPOR*. Årgang 7 (2), 20—21: ил. (Совместно с В.А. Назаренко).

Parseller fra vikingtiden i Staraja Ladoga. *SPOR*. Årgang 7 (1), 16—17: ил. (Совместно с В.А. Назаренко).

Sverd fra vikingetiden. Russisk-norske undersøkelser. *Norsk våpenhistorisk selsskap*. Årbok 1992. Oslo, 31—44: ил., рез. англ. (Совместно с А. Стальсберг).

Где казачье серебро. *Совершенно секретно* (10), 17: ил.

День памяти Александра Невского. *Ленинградская правда*. 23.01, 3. (Совместно с Г.С. Лебедевым).

Поклялись умереть за своего князя. *Санкт-Петербургские ведомости*. 4.04, 7. (Совместно с Ю.К. Бегуновым).

Ред.: *Древности славян и финно-угров*. Санкт-Петербург. — 185 с. (Ред. Совместно с Е.А. Рябининым).

1993

Города новгородской земли. *Древнерусское градостроительство X—XV веков*. Москва, 149—153: ил. (Совместно с В.Л. Яниным).

Каменные крепости Северной Руси: Итоги исследования и некоторые оценки. *Древности Северо-Запада России*. Санкт-Петербург, 98—114: ил.

Ледовое побоище 1242 г. и его тактические особенности. *СГЭ, посвящ. эпохе Александра Невского*. Санкт-Петербург, 106—120.

Мечи с надписью Ulfberht в Европе. *Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова*. Чернігів, 78—79.

Мечи эпохи викингов: (Новые международные исследования). *Новые открытия и методические основы археологической хронологии*. Санкт-Петербург, 28—30.

Норвежско-Российский проект по изучению мечей эпохи викингов. *XII конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии*. Тез. докл. Ч. 1. Москва, 108—113. (Совместно с А. Стальсберг).

Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего средневековья (по находкам в России, на Украине и в Татарстане). *АВ* 2, 122—134: ил. Рез. англ. (Совместно с В.П. Коваленко).

Сотрудничество археологов России и Финляндии. *АВ* 2, 233—235. (Совместно с Е.Н. Носовым).

Fortidens Staraja Ladoga. *Vikingernes Rusland*. Roskilde, 9—26: ил. (Совместно с В.А. Назаренко).

Steinfestungen Nordrusslands: Untersuchungsergebnisse und einige Bewertungen. *Castella Maris Baltici*. Stockholm, 101—107: ил.

To sverd med innskrifter. *Bøgda Vår. Oppdal historielag* 11. 1993, 84—86: ил.

Vikingsverdene avslører sine hemmeligheteren unvanlig vitenskapelig undersøkelse på Vitenskapsmuseet. *SPOR*. Årgang 8 (1), 36—37: ил. (Совместно с А. Стальсберг).

Кремли России. *Созвучие*, прил. к газете «Федерация» (82), 5.

«По высоким берегам сторожами стоят курганы…». *Санкт-Петербургские ведомости*. 27.08, 3: ил.

1994

Василий Дмитриевич Белецкий. *Памятники средневековой культуры: Открытия и версии*. Санкт-Петербург, 8—16. (Совместно с В.И. Кильдюшевским, Г.С. Лебедевым, О.В. Овсянниковым).

Иностранец о Пскове XVI в.: Сообщение Самуэля Ки-

хеля. *Труды Псковского музея-заповедника* 1, 47—67.

Исследования на Земляном городище в Старой Ладоге. *АО 1993* (1993), 14—15.

Кочівське поховання середини XIII ст. на Чернігівсько-Переяславському кордоні. *Тези всеукр. наук. конф. «Переяславська земля та і місце в розвитку української нації, державності й культури»*. Переяслав-Хмельницкий, 14—15. (Совместно с В. П. Коваленко).

Ладога. *Градостроительство Московского государства XVI—XVII вв.* Москва, 152—154: ил.

Ладога — укрепленное поселение на востоке Балтийского региона в эпоху раннего средневековья. *Изучение древних культур и цивилизации. Материалы к пленуму. Археол. изыскания* 14, 49—50. (Совместно с В. А. Назаренко).

Ледовое побоище 1242 г. и его тактические особенности. *Древний Псков*. Санкт-Петербург, 106—121.

Ледовое побоище 1242 г.: (новое осмысление). *ВИ* (5), 162—166.

Невская битва 1240 года и ее тактические особенности. *Fasciculi archaeologiae*. Fasc. 7. Łódź, 31—36.

Новые исследования Древней Ладоги (1972—1994). *Материалы конференции, посвящ. 100-летию со дня рожд. В. И. Равдоникаса*. Тез. докл. Санкт-Петербург, 42—54.

Новые исследования шведских мечей эпохи викингов. *Изучение древних культур и цивилизаций. Материалы к пленуму*. (Археол. изыскания 14), 104—107: ил. (Совместно с Л. Толин-Бергман).

Новые сфрагистические находки из Старой Ладоги. *АВ* 3, 132—135: ил. (Совместно с С. В. Белецким).

О сбережении отечественного культурного наследия. *Памятники средневековой культуры: Открытия и версии*. Санкт-Петербург. 1994, 100—121.

Оборона Пскова в 1581—1582 годах и его крепостные сооружения в период Ливонской войны. *Археологическое изучение Пскова* 2, 189—215: ил.

От редактора. В: Белецкий С. В. *Сфрагистика средневекового Пскова* 1, 3—4.

Памяти Владимира Владимировича Косточкина (1920—1992). *РА* (1), 249—250: портр. (Совместно с Г. К. Вагнером, С. Айдаровым).

Сообщение немецкого путешественника Самуэля Кихеля о Пскове XVI в. Ч. I: (публ. источника). *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 2. Вып. 2, 3—8.

Сообщение немецкого путешественника Самуэля Кихеля о Пскове XVI в. Публикация источника и исследования. Ч. II: (исследование). *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 2. Вып. 3, 9—20.

Medieval sabers with brands from the collections of the National Museum of Finland. *Fenno-ugri et slavi*. 1992. Helsinki, 26—33: ил.

«Россов усердный защитник». *Санкт-Петербургские ведомости*. 9.09, *3*.

Ред.: С. В. Белецкий. Печати псковские. *Сфрагистика средневекового Пскова* 1. Санкт-Петербург. — 74 с. (Отв. ред.).

Ред.: С. В. Белецкий. Вислые печати Пскова. *Сфрагистика средневекового Пскова* 2. — Санкт-Петербург. — 177 с. (Отв. ред.).

Ред.: *Памятники средневековой культуры. Открытия и версии*. Сборн. статей к 75-летию В. Д. Белецкого. — Санкт-Петербург. — 272 с. (Отв. ред. Совместно с О. В. Овсянниковым).

1995

Россия XVII века в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. Санкт-Петербург. — 206 с.: ил., карт. — Рез. англ. Библиогр.: 195—200.

Архитектурно-археологическое изучение Новгородского кремля. *НИС* 5, 76—99: ил.

Встреча российских и финляндских археологов в Выборге. *АВ* 4, 292—294. (Совместно с Е. Н. Носовым).

Город Ладога — ровесник Русского государства. *Гуманитарные науки* 1 (2), 97—101.

Заметки о наследии Николая Ефимовича Бранденбурга. *Сб. материалов. Программа «Храм и культура». Чтения памяти Н. Е. Бранденбурга* 8, 29—33.

Игорь Николаевич Хлопин и изучение древнерусской фортификации. Фортификация в древности и средневековье. Санкт-Петербург, 102—103.

Исследование Старой Ладоги. *АО 1994*, 37.

К вопросу о распространении грамотности в дохристианской Руси: (На примере подписного меча из собр. Нац. музея истории Украины). *Церковная археология*. Ч. 1. Санкт-Петербург; Псков, 109—110.

Катастрофа, обнаруженная через 160 лет. *Изучение памятников морской археологии* 2. Санкт-Петербург, 99—104. (Совместно с Г. С. Лебедевым).

Князь Александр Невский: История и современность. *Князь Александр Невский*. Материалы науч.-практич. конференции Санкт-Петербург, 5—8.

Ладога VIII—X вв. и ее международные связи. *Славяно-русские древности* 2. Санкт-Петербург, 28—53.

Ладога — город эпохи викингов на европейском пути Запад — Восток. *Восточный путь* 1. Таллинн, 11—14: ил.

Невская битва 1240 года и ее тактические особенности. *Князь Александр Невский и его эпоха*. Санкт-Петербург, 24—30.

Новые исследования мечей викингов: (По материалам норвежских музеев). *АВ* 4, 171—180: ил. Рез. англ. (Совместно с А. Стальсберг).

О книге и ее авторе. В: Бехайм В. *Энциклопедия оружия*. Санкт-Петербург, 5—6.

От редакторов. *Александр Невский и его эпоха*. Сб. ст. Санкт-Петербург, 7—11. (Совместно с Ю. К. Бегуновым).

Памяти Игоря Николаевича Хлопина (7.06.1930—7.12.1994). *АВ* 4, 317—320. (Совместно с В. М. Массоном).

Письмена на серебре. *Славяно-русские древности* 2. Санкт-Петербург, 237—240.

Работы Староладожской экспедиции. *Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия*. Санкт-Петербург, 63—64. (Совместно с О. И. Богуславским).

Раннесредневековая Ладога: Историческая роль и международное значение. *Славянская археология 1990: Раннесредневековый город и его округа*. МАР 2. Москва, 18—28.

Реликвии казачества и российской императорской армии в Брюсселе. *Казачий Петербург*. Санкт-Петербург, 61—65.

750-летие Невской битвы и ее значение. *Князь Александр Невский*. Материалы науч.-практич. конференции Санкт-Петербург, 48—55.

Сообщение Иоганна Вундерера о Пскове и России

1590 г.: Исследование и публикация источника. *Славяно-русские древности* 3. Санкт-Петербург, 167—235: ил.

Ред.: *Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы*. Санкт-Петербург. — 215 с. (Совместно с Ю. К. Бегуновым).

Ред.: *Князь Александр Невский. Материалы научно-практических конференций*. Санкт-Петербург. — 111 с. (Отв. ред. Совместно с Ю. К. Бегуновым).

1996

Старая Ладога — древняя столица Руси. Санкт-Петербург: Славия. — 199 с.: ил., карт. — Рез. англ. (Совместно с В. Д. Сарабьяновым).

Александр Невский: между Западом и Востоком. *ВИ* (11/12), 115—118.

В какое время строили в Ладоге каменную крепость «огнестрельного боя». *Проблемы изучения древнерусского зодчества*. Санкт-Петербург, 148—150.

Всеволод Викторович Арендт: Трагическая судьба ученого. *Традиции российской археологии*. Санкт-Петербург, 558—662.

Две великих битвы Александра Невского. *Александр Невский и история России*. Санкт-Петербург, 29—41.

Исследования в Старой Ладоге и Юго-Восточном Приладожье. *АО 1995*, 47—48: ил.

О рисунках Н. Витсена, созданных во время его путешествия в Россию в 1664—1666 гг. В: Витсен Н. *Путешествие в Московию 1664—1666*. Санкт-Петербург, 219—224.

Оборона Пскова в 1615 г.: (по новым русским и шведским материалам). *Средневековая и новая Россия*. Сб. ст. к 60-летию И. Я. Фроянова. Санкт-Петербург, 424—450: ил.

Охрана и сбережение памятников отечественной культуры: Некоторые идеи и проекты. *Проблемы изучения древнерусского зодчества*. Санкт-Петербург, 195—198.

Реликвии Русской Императорской армии в Брюсселе. *Сборник материалов. Программа «Храм». «Погибшие святыни»* 9, 86—92.

«Сказание о призвании варягов»: Легенда и действительность. *Ладога и Северная Европа*. Санкт-Петербург, 28—29.

Сказание о призвании варягов как исторический источник: заметки и комментарии. *Slowiańszczyzna w Europie średniowiecznej*. Wrocław. Vol. 1, 131—136.

Творческий портрет Павла Александровича Раппопорта. *Проблемы изучения древнерусского зодчества*. Санкт-Петербург, 3—7.

Dwa miecze wikingów z Polesia Lubelskiego. *Archeologia żywa* (1), 18—19: ил. (Совместно с M. Bienia).

Early harquebuses and pistols from the collections of Russian Museums. *Fasciculi archaeologiae*. Fasc. 9. Łódź. C. 43—50: ил.

Ladoga — an early medieval fortified settlement in the Eastern Baltic Region: Its significance, feature and functions. *Castella Maris Baltici*. Vol. 2, 85—91: ил. (Совместно с В. А. Назаренко).

Staraja Ladoga Russlands gamle hovedstad. *Skrift… i meddelalderens Russland og Trondheim*. Trondheim, 12—14: ил.

Рец.: R. Elgood. The arms and armour of Arabia in the 18th—19th and 20th centuries. 1994. *Оружейный двор*. 1996. 5 (6), 86—87: ил. (Совместно с Д. И. Фоняковым).

1997

Булава-«клевец» из раскопок в Новгороде. *ННЗ* 11, 186—187: ил. (Совместно с П. Г. Гайдуковым).

Виолле-ле-Дюк. Жизнь, деятельность, творчество. *Виолле-ле-Дюк. Жизнь и развлечения в средние века*. Санкт-Петербург, 7—14.

Деревянные сооружения Старой Ладоги по раскопкам 1984—1992 гг. *Древности Поволховья*. Санкт-Петербург, 63—82: ил. (Совместно с В. А. Назаренко).

Древнерусское вооружение из коллекции И. Хойновского: (По материалам польских музеев). *Любецький з'їзд князів 1097 року в історичні долі Київської Русі*. Чернігів, 76—77: ил.

Древнерусское вооружение из коллекции И. Хойновского: (По материалам польских музеев). *Новые исследования археологов России и СНГ*. Санкт-Петербург, 44—45.

Изучение культур славян, финнов и скандинавов в Отделе славяно-русской археологии ИИМК РАН (1974—1994). *Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. Доклады российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии*. Санкт-Петербург, 196—208: портр.

Каменный щит. *Родина* (7), 98—103: ил.

Костяной предмет со знаками из Старой Ладоги. *Ладога и религиозное сознание*. Санкт-Петербург, 118—120: ил.

Ледовое побоище: Тактические особенности, построение, численность: Новые изыскания. *Цейхгауз* (1), 2—6: ил.

Мечи с надписью Ulfbeht в Северной Европе. *Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. Доклады российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии*. Санкт-Петербург, 116—122: ил.

Начало древней Ладоги и новые историко-археологические изыскания: (К 25-летию деятельности Староладожской археол. экспедиции). *Петербург и Россия*. Петербургские чтения. Санкт-Петербург, 7—27.

Новообнаруженный древнерусский подписной меч. *ТОДРЛ*. Т. 50, 717—722: ил.

Памяти Игоря Николаевича Хлопина. *РА* (1), 238—245: портр. (Совместно с В. М. Массоном).

Первые русско-финские города. *Восточный путь* 3, 27—29: ил. Рез. англ. (Совместно с А. И. Сакса).

Печать и пломба из раскопок в Старой Ладоге. *Дивинец староладожский*. Санкт-Петербург, 72—76: ил. (Совместно с С. В. Белецким).

Раннесредневековая Ладога и основание династии Рюриковичей. *XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии*. Тез. докл. Москва; Петрозаводск, 161—163.

Раннесредневековая Ладога по данным новых историко-археологических исследований. *Древности Поволховья*. Санкт-Петербург, 5—25: карт.

Ранние ручницы и пистолеты из собраний российских музеев. *Памятники старины. Концепции. Открытия*. Версии. Санкт-Петербург; Псков. Т. 1, 281—288.

Растительный мир крепости Орешек (Шлиссельбургской) и его изменение с XIV по XX век. *Краеведческие записки музеев истории Санкт-Петербурга* 5, 38—50. (Совместно с Н. В. Малышевой, Г. П. Игнатьевой).

«Сказание о призвании варягов»: Анализ и возможно-

сти источника. *Первые Сканд. чтения*. Санкт-Петербург, 7—18.

Старая Ладога в свете новых историко-археологических изысканий: К итогам работ Староладожской археол. экспедиции ИИМК РАН в 1972—1997 гг. *Современность и археология: Междунар. чтения, посвящ. 25-летию Староладожской археол. экспедиции*. Санкт-Петербург, 37—45.

Тайна мечей викингов. *Оружейный двор* 6, 70—73: ил. (Совместно с А. Стальсберг).

Ред.: В. Д. Белецкий. *Псковский кремль в планах и изображениях*. Санкт-Петербург. — 94 с. (Отв. ред.).

Ред.: И. Л. Измайлов. *Вооружение и военное дело Волжской Булгарии X — начала XIII в.* Казань; Магадан. — 214 с. (Отв. ред.).

Ред.: *Древности Поволховья. Санкт-Петербург*. — 210 с. (Член редколл.).

Ред.: *Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии*. Памяти В. Д. Белецкого. Т. I—II. Санкт-Петербург; Псков. — 416 с.; 409 с. (Отв. ред.).

Ред.: Е. А. Рябинин. *Финно-угорские племена в составе Древней Руси*. Санкт-Петербург. — 260 с. (Отв. ред.).

Ред.: *Славяне и финно-угры. Археология, история, культура*. Санкт-Петербург. — 208 с. (Отв. ред.).

Ред.: *Современность и археология. Междунар. чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции*. Санкт-Петербург. — 104 с. (Член редколл.).

1998

Александр Невский между Западом и Востоком. *Первые Троицкие чтения*. 1997 (1998). Сборник научных исследований по материалам научной конференции, 133—142.

Византийская митрополичья печать, найденная в Старой Ладоге. *Ладога и эпоха викингов*. Санкт-Петербург, 78—85: ил. (Совместно с Н. Н. Казанским).

Военная археология: ее международная, научная и общественная значимость. *Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе*. Материалы междунар. конференции. Санкт-Петербург, 10—12.

Время собирать камни: О сбережении памятников истории и культуры. *Культурное наследие Российского государства*. Санкт-Петербург, 28—38.

Историко-культурное наследие Старой Ладоги. *Ладога и эпоха викингов*. Санкт-Петербург, 140—142.

Мечи эпохи викингов и их клейма: (По материалам норвежских музеев). *Военная археология*. Санкт-Петербург, 210—213: ил. (Совместно с А. Стальсберг).

Научная встреча археологов России, Финляндии, Эстонии и Швеции в Хельсинки. *АВ* 5, 365—368. (Совместно с Е. Н. Носовым).

Новообнаруженный древнерусский подписной меч. *Історія Русі — України*. Київ, 135—141: ил.

О начале производства мечей на Руси. *Общество, экономика, культура и искусство славян*. Труды 6-го Междунар. конгресса славянской археологии. Москва, 246—251: ил.

Памяти Василия Дмитриевича Белецкого (1919—1997). *РА* (1), 247—249: портр. (Совместно с А. А. Александровым, С. В. Белецким, Г. С. Лебедевым, Ю. М. Лесманом, О. В. Овсянниковым, С. А. Плетневой, К. М. Плоткиным).

Печать византийского митрополита из Старой Ладоги. *Церковная археология* 4, 115—124: ил. (Совместно с Н. Н. Казанским).

Сказание о призвании варягов: Легенды и действительность. *Викинги и славяне*. Санкт-Петербург, 31—55: ил. Рус., англ.

Старая Ладога — древняя столица Руси. *Паспорт-экспресс* (6 (11)), 78: ил.

Neue Untersuchungen von Schwertern der Wikingerzeit aus der Sammlung des Staatlichen Historischen Museums in Stockholm. *Studien zur Archäologie des Ostseeraumes*. Neumünster, 497—506: ил. (Совместно с L. Thålin Bergman).

New investigation of Viking Age swords Materials in Norwegian museums. *Studien zur Archäologie des Ostseeraumes*. Neumünster, 507—513: ил.

Tajemnice mieczy z Legnici. *Archeologia żywa* (2), 22—24: ил.

Zum Gedenken an Wsewolod Arendt: (1887—1937). *Waffen und Kostümkunde* (1), 67—74.

Археологи открыли новую землю. Ученый из Санкт-Петербурга намерен «нарушить границу» между Финляндией и Россией. *Санкт-Петербургские ведомости*. 18.03, 3.

Ред.: *Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях*. Санкт-Петербург. — 94 с. (Отв. ред. Совместно с А. Хедманом).

Ред.: *Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе*. Санкт-Петербург. — 344 с. (Чл. редколл.).

Ред.: *Культурное наследие Российского государства*. Санкт-Петербург. — 136 с. (Составитель, отв. ред. Совместно с В. М. Массоном, В. С. Пономаревым).

1999

Автографы Юрия Павловича Спегальского. *Псков: Памяти Юрия Павловича Спегальского, 1909—1969*. Псков, 97—100: ил.

В. В. Арендт — историк оружия и военного дела. *ВИ* (1), 145—149.

Исследования в Старой Ладоге и Юго-Восточном Приладожье. *АО 1997*, 23—25.

Кремли России. *Кремли России*. Тез. докл. всероссийского симпозиума, 8—9.

Крепость древнего Велья. *Древности Пскова. Археология, история, архитектура*. Псков, 127—142: ил.

Малоизвестные богатства Псковского края. *Псков* (10), 250—251.

Оборонительные сооружения псковского пригорода Велья. *Средневековая архитектура и монументальное искусство*. Санкт-Петербург, 105—106: ил.

О начальном этапе международной торговли в Восточной Европе в период раннего средневековья (по монетным находкам). *Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII веков*. Казань, 107—115.

Первая международная конференция «Военная археология». *Archaeologia Petropolitana* 3. Санкт-Петербург, 35.

The finnish Population of the medieval Cities of Northern Russia. *Finno-ugri et slavi 1997. Area of the Gulf of Finland in the 9th — 13th centuries. Museoviraston*

Arkeologian Osaston Julkaisuja 8. Helsinki, 23—28.

Печать из Лаодикеи. Уникальная находка петербургских археологов. *Санкт-Петербургские ведомости*. 10.03, 5: ил.

2000

Крепость древнего Гдова. Санкт-Петербург: ИПК «Вести». — 56 с.: ил.

«Балтийская идея» в строительстве русских городов. *VI World congress for central and east European Studies*. Helsinki, 208.

Булава и кистени из коллекции Войска Польского. *АВ* 7, 229—235: ил.

Великий подвижник. *Бомбардир* 9, 6—7: ил.

Выдающиеся исследователи русской средневековой фортификации. *Бомбардир* 12, 66—68: ил.

Древнерусский «клин» — боевой отряд или населенная местность. *Iš baltų kultūros istorijos*. Vilnius, 205—206. Рез. англ.

Допрос с пристрастием: Судьба историка оружия Всеволода Арендта. *ΣΥΣΣΙΤΙΑ*: Памяти Ю.В. Андреева. Санкт-Петербург, 399—404.

Историк оружия Всеволод Арендт. *Бомбардир* 9, 43—45.

Каролингские мечи из Булгарии: (из фондов государственного объединенного музея Республики Татарстан). *Средневековая Казань: возникновение и развитие*. Казань, 207—218: ил. (Совместно с И.Л. Измайловым).

Научные традиции международного археологического сотрудничества. *Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: Доклады междунар. научного симпозиума по вопросам археологии и истории*. Санкт-Петербург, 9—12.

Новые комплексные исследования мечей эпохи викингов из собрания Государственного исторического музея в Стокгольме. *Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады междунар. научного симпозиума по вопросам археологии и истории*. Санкт-Петербург, 100—125: ил. (Совместно с Л. Толин-Бергман).

Новые археологические открытия в Старой Ладоге. *Михайловский замок* 3. Санкт-Петербург, 116—119. (Совместно с П.Е. Сорокиным).

Прошлое среди нас: О памятниках отечественной истории и культуры. *Культурное наследие Российского государства* II. *Прошлое и современность. Ученые и политики об историческом и культурном достоянии*. Санкт-Петербург, 50—63.

Работы Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН. *АО 1998*, 29—31. (Совместно с О.И. Богуславским).

Размышления о национальном характере и национальной идее России. *Культурное наследие Российского государства. и современность. Ученые и политики об историческом и культурном достоянии* II. Санкт-Петербург, 15—20.

Старая Ладога в первые века русской истории: традиции культуры и государства. *Традиции и обычаи народов России* 1. Санкт-Петербург, 158—166.

Militaria — broń sieczna. *Wczesnośredniowieczne mosty przy Ostrowie Lednickim*. T. 1. *Mosty traktu gnieźnieńskiego*. Legnica; Toruń, 73—76: ил. Рез. англ. (Совместно с M. Głosek).

Рец.: Фундаментальное исследование по военному делу эпохи средневековья. *АВ* 7, 341 –344.

Обрывки семейной хроники на фоне двадцатого столетия. *Русская мысль*. 19—25.10. Париж, 12—13: ил.

Основатель империи Рюриковичей. *Наш следопыт* 21, 24—27: ил.

Первая столица Руси. *Наш следопыт* 2, 10—11.

Ред.: С.В. Белецкий. Знаки Рюриковичей. Часть первая: X—XI вв. *Исследование и музеефикация древностей Северо-Запада* 2. Санкт-Петербург. — 120 с. (Отв. ред.).

Ред.: *Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады международного научного симпозиума по вопросам археологии и истории*. Санкт-Петербург. — 266 с. (Член редколл.).

Ред.: *Культурное наследие Российского государства. Прошлое и современность. Ученые и политики об историческом и культурном достоянии* II. Санкт-Петербург. — 190 с. (Составитель и отв. ред. Совместно с Е.Н. Носовым, В.С. Пономаревым).

2001

Великий Волжский путь, его историческое и международное значение. *Великий Волжский путь. Материалы круглого стола и международного научного семинара*. Казань, 9—35: ил.

«Волга — золотое дно». *Россия: третье тысячелетие. Вестник актуальных прогнозов* (4), 12—14.

Богоматерь из Старой Ладоги. *Родина* (5), 32.

Крышка туалетной коробочки с изображением «лесного странника» из раскопок древнего Велья. *Instantia est mater doctrinae*. Szczecin, 271—274: ил.

К семидесятилетию со дня рождения И.Н. Хлопина: О моем друге и соратнике. *АВ* 7, 322—324.

Меч с рельефными украшениями рукояти из раскопок Гнездовского могильника. *Археологический сборник: Гнёздово. 125 лет исследования памятника*. (Труды ГИМ 124), 68—72: ил. (Совместно с С.Ю. Каиновым).

Новоприобретенный раннесредневековый меч из собрания Московского кремля. *Норна у источника судьбы*. Москва, 169—173: ил. (Совместно с С.Ю. Каиновым).

Новые исследования средневековых мечей из собрания Национального музея Финляндии. *XIV конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии*. Тез. докл. Москва; Архангельск, 140—141. (Совместно с А.И. Сакса, Л. Томантеря).

Основание Гдовской крепости и этапы ее усовершенствования. *Архитектурно-археологический семинар. Материалы заседания памяти Ю.П. Спегальского (1909—1969)*. Санкт-Петербург, 17—19: ил.

Работа Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН. *АО 1999*, 22—24. (Совместно с О.И. Богуславским).

Раскопки в Старой Ладоге. *АО 2000*, 22—23. (Совместно с П.Е. Сорокиным).

Слово о друге: К 70-летию Жана Бланкова. *Jean Blankoff 70 ans 21 mai 2001*. Bruxelles, 1—4. (Совместно с В.В. Седовым).

New analysis of Viking-Age swords from the collection of the Statens Historiska Museer, Stockholm, Sweden. *Russian History*. Vol. 28, N 1—4. Idyllwild, California, 232—233: ил.

Русские реликвии на чужбине. *Наш следопыт (3)*. Санкт-Петербург, 29.

Старая Ладога — древняя государственная столица исторической России. *Ладога-транзит*. Санкт-Петербург, 3—5: ил.

Рец.: Международная конференция «Военная археология: оружие и военное дело в исторической перспективе». *АВ* 8, 804—805. (Совместно с В. А. Горончаровским).

Ред.: С. В. Белецкий. Знаки Рюриковичей. Часть вторая: знаки XII—XIII вв. на памятниках сфрагистики (материалы к своду). *Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада* 3. Санкт-Петербург. — 186 с. (Отв. ред.).

Ред.: С. В. Белецкий. Введение в русскую допетровскую сфрагистику. *Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада* 4. Санкт-Петербург. — 192 с. (Отв. ред.).

2002

Старая Ладога. История и достопримечательности. Санкт-Петербург: Славия. — 60 с.: ил. Рус., англ. (Совместно с Л. А. Губчевской).

«Балтийская идея» в строительстве русских городов. *Культурное наследие Российского государства. Ученые, политики, журналисты, деятели церкви об историческом и культурном достоянии* III. Санкт-Петербург, 49—54.

Великий Волжский путь: государство, главные партнеры, торговые маршруты. *Скандинавские чтения 2000 года*. Санкт-Петербург, 7—19.

Великий Волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего средневековья. Санкт-Петербург, 34—58: карт.

Великий Волжский путь. *Родина*. № 11—12, 59—64: ил.

Исследование Староладожского «Земляного городища» в 2000 г. *Ладога и ее соседи в эпоху раннего средневековья*. Санкт-Петербург, 151—158: ил. (Совместно с П. Е. Сорокиным).

Каменные крепости Псковской земли: Гдов, Изборск. *Изборск и его округа. Материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию Изборской археологической экспедиции*. Псков, 27—34: ил.

Ладога в третьей четверти XVI в.: (первопубликация писцовой книги 1568 г.). *Ладога и ее соседи в эпоху раннего средневековья*. Санкт-Петербург, 268—277.

Николай Константинович Рерих и Старая Ладога: Путешествие в первые века русской истории. *Первая международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие»: Музей институт семьи Рерихов в культурно-историческом пространстве Санкт-Петербурга*. Санкт-Петербург, 433—440: ил.

Новые сфрагистические находки из Старой Ладоги. *Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша*. Санкт-Петербург, 183—185: ил.

Производственный комплекс IX в. из раскопок в Старой Ладоге. *Ладога и ее соседи в эпоху раннего средневековья*. Санкт-Петербург, 227—250.

Путешествие Николая Рериха в первые века русской истории. *Культурное наследие Российского государства. Ученые, политики, журналисты, деятели церкви об историческом и культурном достоянии* III. Санкт-Петербург, 274—283.

Работы Староладожской археологической экспедиции. *АО 2001*, 33—34. (Совместно с О. И. Богуславским, П. Е. Сорокиным).

Старая Ладога. *Наследники России*. Москва, 44—48.

Старая Ладога в первые века русской истории: Некоторые итоги историко-археологического изучения. *Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси*. Санкт-Петербург, 9—15.

1250-летие Старой Ладоги. *Культура, образование, история Ленинградской области*. Научно-практическая конференция. Тез. докл. Санкт-Петербург, 39—47.

Финское население в составе северорусских средневековых городов. *Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси*. Санкт-Петербург, 134—144: ил. (Совместно с А. И. Сакса).

Ред.: *Культурное наследие Российского государства. Ученые, политики, журналисты, деятели церкви об историческом и культурном достоянии* III. Санкт-Петербург. (Составитель и отв. ред.).

Ред.: *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. Санкт-Петербург. (Отв. ред.).

Ред.: 1250-летие Старой Ладоги. *Культура, образование, история Ленинградской области*. Научно-практическая конференция. Тез. докл. Санкт-Петербург. (Составитель и отв. ред.).

2003

Старая Ладога — древняя столица Руси. 2-е изд. Санкт-Петербург: Славия. — 184 с.: ил. Рез. англ. (Совместно с В. Д. Сарабьяновым).

Археологические открытия в Старой Ладоге: (по результатам раскопок 2002 г.). *Скандинавские чтения 2002 г.* Санкт-Петербург, 16—22. (Совместно с О. И. Богуславским, В. И. Кильдюшевским).

«Балтийская идея» в строительстве русских городов. *Санкт-Петербург в диалоге цивилизаций и культур Востока и Запада*, 174—179.

В поисках национальной идеи. *Культурное наследие Российского государства. Ученые, политики, журналисты об историческом и культурном достоянии* IV. Санкт-Петербург, 27—31.

Древнейший город Руси. *Наука в России*. № 3, 137—144: ил.

Древности Старой Ладоги в исследованиях Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН. *Старая Ладога. Древняя столица Руси: Каталог выставки*. Санкт-Петербург, 36—45: ил., карт.

Исторический город-крепость Руси-России. Вступительная статья к фотоальбому. Санкт-Петербург. [С. 5—19]: ил.

Историческое наследие Старой Ладоги. *Культурное наследие Российского государства. Ученые, политики, журналисты об историческом и культурном достоянии* IV. Санкт-Петербург, 341—368. (Совместно с О. И. Богуславским).

Кремли России и их изучение. *Кремли России. Материалы и исследования*. Москва, 44—52.

Ладога на международных торговых путях эпохи раннего средневековья. Новые археологические подтверждения. *Великий Волжский путь*. Материалы второго этапа Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь». Ч. 2. Казань, 80—88.

Ладога — культурный и исторический феномен России и Балтийского моря. *Москва — Петербург: Российские столицы в исторической перспективе*. Москва; Санкт-Петербург, 10—17.

Новые историко-археологические исследования Старой Ладоги. *Ладога и истоки российской государственности и культуры*. Санкт-Петербург, 17—22.

Николай Ефимович Бранденбург — выдающийся оружиевед, историк, археолог. *Бранденбургские чтения* 1. Санкт-Петербург, 13—15.

О летописном термине «клин». *От древней Руси к России нового времени. Сборник статей к 70-летию А.Л. Хорошкевич*. Москва, 85—87.

Петербургский регион как заповедное место первой столицы Руси. *Жизненный мир политкультурного Петербурга.* Материалы международной научно-практической конференции 2003 г. Вып. 1. Санкт-Петербург, 141 –148.

Приветственное слово [участника конференции]. *Великий Волжский путь. Материалы второго этапа международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь»*. Часть 1. Казань, 38—39.

Псков в преддверии нового времени и сообщения иностранцев об этом городе. *Псков в российской и европейской истории: К 1100-летию первого летописного упоминания*. Международная научная конференция. Т. 1. Москва, 39—58.

Русский разлад: По материалам одной семейной хроники. *Метаморфозы истории* 3. Псков, 170—177: ил.

Храм искусств в русском селе. *Respect Antic*. Санкт-Петербург. № 5—6, 60—61: ил.

Центральное укрепление древнерусских городов (на примере Новгорода и Пскова) и изучение крепостного зодчества. *АИППЗ*. Псков, 199—209.

Каменная башня с дыркой. *Новости Пскова. Пятница*. 19.12, 19: ил.

1250-летие Старой Ладоги. *Материалы VIII Царскосельских чтений*. Санкт-Петербург. Т. 1, 18—22.

Ред.: *Культурное наследие Российского государства. Ученые, политики, журналисты об историческом и культурном достоянии* IV. Санкт-Петербург. — 619 с. (Автор проекта, составитель, отв. ред.).

Ред.: *Ладога и истоки Российской государственности и культуры*. Санкт-Петербург. — 384 с. (Отв. ред.).

2004

Археологические неожиданности в Старой Ладоге. *Новгородские археологические чтения* 2, 94—99: ил.

Гдовская крепость. *Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости* 32, 148—153: ил.

Древняя Ладога — стольный город, крепость и порт исторической России. *Старая Ладога: Международная археологическая экспедиция-школа*. Санкт-Петербург, С. 17—45: ил. (Совместно с О.И. Богуславским).

Игорь Васильевич Дубов. *Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы*. Санкт-Петербург, 5—10. (Совместно с В.Н. Седых).

Исследование Старой Ладоги. *Великий Волжский путь*. Казань. Ч. 2, 55—61.

К исторической оценке древнерусской Ладоги. Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст. Київ, 118.

Ладога в первые века русской истории. *АИППЗ*. Псков, 290—291.

Литейные формы для производства слитков из Старой Ладоги. *Восточная Европа в средневековье*. Москва, 290—296. (Совместно с Н.В. Ениосовой).

Литейные формы для слитков из Старой Ладоги. *Тез. докл. XV конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии*. Москва, 220—222. (Совместно с Н.В. Ениосовой).

Надо ли было разрушать редкостный памятник псковского зодчества. *Псковский букет*. Санкт-Петербург. Вып. 2 (5), 20—24: ил.

Неотпитая чаша. *Старая Ладога: Международная археологическая экспедиция-школа*. Санкт-Петербург, 5—16: ил.

Обрывки семейной хроники. *Родина*. № 1, 27—28: ил.

Общие впечатления о работе конференции. *Великий Волжский путь. Материалы III Международной научно-практической конференции*. Казань. Ч. 1, 181—183.

Памяти профессора Игоря Васильевича Дубова. *АВ* 11, 394—396: портр. (Совместно с В.Н. Седых).

Пережившие века. В: Иванов Ю.Г. *Старинные крепости России*. Смоленск, 3—4.

Подведение итогов. *Великий Волжский путь: Материалы III Международной научно-практической конференции*. Казань. Ч. 1, 188—189.

Раскопки Староладожского «Земляного городища» в 2003 г. *Старая Ладога: Международная археологическая экспедиция-школа*. Санкт-Петербург, 251—284.

Русская средневековая артиллерия: О единообразии в изготовлении орудий и их классификации. *Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы*. Санкт-Петербург, 202—227.

New studies of Viking Age and Medieval swords from the collections of the National Museum of Finland. *Fenno-Ugri et Slavi* 2002 (2004). С. 28—35. (Совместно с L. Tomantera, A.I. Saksa).

A Viking Period workshop in Staraya Ladoga, excavated in 1997. *Fornvannen*. 2004/Arg 99. № 3. С. 183—196: ил.

Ред.: *Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы*. Санкт-Петербург. — 374 с. (Ред. Совместно с В.Н. Седых).

2005

«Балтийская идея» в строительстве русских городов и основание Санкт-Петербурга. *Два города — две судьбы*. Санкт-Петербург, 120—129.

В поисках национальной идеи России. *Россия. Третье тысячелетие: Вестник актуальных прогнозов*. Москва. № 12. Т. 2, 223—224.

Выступление на пленарном заседании в г. Ярославле 8 августа 2004 г. *Материалы IV этапа международной конференции «Великий Волжский путь»*. Казань, 51—53.

Живая история Старой Ладоги. *Родина* (3), 69—72: ил.

Зарождение Великого Волжского пути. *Великий Волжский путь: прошлое, настоящее, будущее*. Казань, 23—48.

Исторические рекорды Старой Ладоги. *Труды Объединенного Научного Совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию*. 2004 (2005), 64—79: портр.

История становления и развития Великого Волжского пути. *Материалы IV этапа международной конференции «Великий Волжский путь»*. Казань, 143—145.

Об авторе и его книге. В: Петерсен Я. *Норвежские мечи эпохи викингов*. Санкт-Петербург, 5—19. Рус., англ.

2006

«Балтийская идея» в строительстве русских городов и основание Санкт-Петербурга. *Приневье до Петербурга*. Санкт-Петербург, 7—16: ил.

В России о них забыли: О судьбе коллекции русского искусства в Швеции. *От Древней Руси до современной России*. Санкт-Петербург, 339—346: ил.

«В наших жилах течет имперская кровь». *Известия* (134), 8.

Великий Волжский путь и ладожско-волховский север Руси в эпоху раннего средневековья. *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья* 1. Санкт-Петербург, 5—12.

Великий Волжский путь и международная торговля и этнокультурная интеграция в эпоху раннего средневековья. *Современные проблемы археологии России* 1. Новосибирск, 34—39: ил.

Великий Волжский путь: Торговые связи с Северной Европой и Востоком. *История татар с древнейших времен* 2. Казань, 229—315: карт. (Совместно с Ф. Ш. Хузиным).

Вооружение и военное дело средневековой Руси как исторический источник и культурный феномен. *Международная науч.-практич. конф. «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем»*. Москва, 125—130.

Вооружение и военное дело средневековой Руси как исторический источник и культурный феномен. *Quaestiones Medii Aevi. Arms and Armour*. Warszawa, 37—43.

Восток и Запад в развитии русского средневекового вооружения и его своеобразие. *Исследования по русской истории и культуре*. Москва, 75—82.

Мечи средневековой Карелии. *Славяне и финно-угры*. Санкт-Петербург, 41—72: ил., карт. (Совместно с А. И. Сакса, при участии Л. Томантери).

Непридуманные факты: [Беседа с редактором журнала]. *60 параллель*. № 4, 7—13: ил. Рус., англ.

От редактора. *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья*. 2006. Вып. 1, 3—4.

От редакции. *Славяне и финно-угры*. Санкт-Петербург, 6—7. (Совместно с Е. Н. Носовым).

Отдел славяно-финской археологии: [Работа в 2001—2005 гг.]. *Записки ИИМК* 1, 147—157. (Совместно с А. А. Песковой).

Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок в Старой Ладоге в 2006 г. *Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. 2006*. Санкт-Петербург, 263—303: ил. (Совместно с С. В. Белецким).

Раскопки Староладожского «Земляного городища» в 2005 г. *Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. 2006*. Санкт-Петербург, 222—262: ил.

Слово о Валентине Васильевиче Седове. *АИППЗ*. Псков, 5—7.

Слово о нашем друге: [А. Н. Цамутали]. *Отечественная история и историческая мысль в России XIX—XX веков*. Санкт-Петербург, 5—8. (Совместно с Р. Ш. Ганелиным).

Wezesnośredniowieczny miecz znaleziony w Elblągu. *Świat Słowian wczesnego średniowiecza*. Szczecin; Wrocław, 437—442. (Совместно с M. F. Jagodzinski).

Ред.: *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья* 1. Санкт-Петербург. — 118 с. (Отв. ред.).

2007

12 веков нашей истории. *РФ сегодня*. № 9, 64—65: ил.

Есть чему удивляться: [Буклет Старая Ладога]. Санкт-Петербург.

Исследование стен южной части Новгородского кремля в 1979 году: О состоянии памятника и возможностях его восстановления. *ТГЭ*. Т. 34, 321—326: ил. Рез. англ.

Мечи типа Ulfberht на восточном пути. *Чернігів у середньовічній та ранньомодерні історії Центрально-Східної Європи*. Чернігів, 82—90.

Новые данные о позднесредневековой Ладоге (по материалам раскопок в 2006 г.). *Санкт-Петербургский международный культурно-исторический университет 2007*. Санкт-Петербург, 190—219: ил.; 1 отд. л. ил.

Новые материалы о международных торговых связях средневековой Ладоги с Балтийским регионом и странами Востока: (по данным раскопок 2002 г.). Северная Русь и народы Балтики. *Труды ИИМК*. Т. 24, 195—220: ил.

Новые сфрагистические находки из Старой Ладоги. *Тезисы докладов и сообщений XIV Всероссийской нумизматической конференции*. Санкт-Петербург, 165—166. (Совместно с С. В. Белецким).

О национальной идее России. *Труды по истории России*. Москва, 508—514.

Опыт изучения вооружения средневековой Руси. *У истоков русской государственности*. Санкт-Петербург, 316—320. Рез. англ.

Раскопки Земляного городища. *АО 2005*, 23—27. (Совместно с О. И. Богуславским, В. И. Кильдюшевским).

Русские доспехи XIII—XIV вв.: Исторические реконструкции [Предисловие к подборке открыток]. Санкт-Петербург.

Ladoga im 8—9 Jahrhundert. Zur Frage der ersten slawischdonischen Kontakte. *Medieval Towns in Northeastern Europe*. Tonning, 9—19.

2008

Археологические исследования в Старой Ладоге в 2007 г. (Краткие итоги). *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья* 2. Санкт-Петербург, 7—12: ил.

Восстановленная антикварная воинская редкость. Новые наблюдения о раннесредневековых шлемах. *Дньѣслово*, Київ, 67—75: ил.

К вопросу о первой столице Руси. *УЖ* (3), 4—30.

Ладожская жемчужина в Балтийском море. *Родина*. № 9, 37—40.

Новые археологические исследования раннесредневекового города Ладога (по данным раскопок 2007 г.). *Санкт-Петербургский международный культурно-исторический университет 2008*. Санкт-Петербург, 329—362; 3 отд. л. ил.

Новый путь (вместо предисловия). *Военная археология*. Вып. 1. Москва, 5.

От редактора. *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья*. Санкт-Петербург. Вып. 2, 3—6: ил.

Откуда пошла земля русская… [Интервью]. *Достояние поколений* 1 (4), 62—69.

Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок Земляного городища в Старой Ладоге в 2007 г. *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья* 2. Санкт-Петербург, 216—235: ил. (Совместно с С. В. Белецким).

Первый международный симпозиум «Археология и история Литвы и Северо-запада России». *АВ* 15. Санкт-Петербург, 269—273. (Совместно с Н. И. Платоновой).

Старая Ладога — Выборг — Свенгард: Буклет.

Старая Ладога. В: Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. *Цивилизации: теория, история, диалог, будущее*. Т. IV. *Истоки и вершины восточнославянской цивилизации*. Москва, 339—361: ил.

Старая Ладога историческая и поэтическая. *Календарь «Старая Ладога» на 2009 год*.

Ред.: *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья* 2. Санкт-Петербург. — 238 с. (Отв. ред.).

2009

Без башни. Интервью. *Санкт-Петербургские ведомости*. 1 сентября, 3.

Из Старой Ладоги в Новгород. *Родина*. № 1, 12—14.

Исследования средневековых мечей из собрания Национального музея Финляндии. *Великий Новгород и Средневековая Русь*. Москва, 365—370: ил. (Совместно с Л. Тимантеря, А. И. Сакса).

Историография русского средневекового вооружения и задачи его изучения. *Верхнее Подонье: археология, история*. Тула, 141—146.

Историческое наследие Старой Ладоги. *АО* 1991—2004 гг. Европейская Россия. Москва, 333—348: ил.

Каролингские мечи на «Восточном пути». *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света*. Тр. *ГЭ*. XLIX. Санкт-Петербург, 173—178.

Ладога в первые века своей истории. *Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости* 35—36. Санкт-Петербург, 87—94.

Новые данные относительно трансгрессии Ладожского озера, образования реки Невы и земледельческого освоения Северо-Запада России. *Доклады Академии наук, 2009*. Т. 424, № 5, 682—687 (Совместно с А. Л. Александровским, Х. А. Арсланов, Н. Н. Давыдовой, П. М. Долухановым, Г. И. Зайцевой, Д. Д. Кузнецовым, М. Лавенто, А. В. Лудиковой, Е. Н. Носовым, Л. А. Савельевой, Т. В. Сапелко, Д. А. Субетто).

Новые находки памятников древнерусской сфрагистики в Старой Ладоге. *Археология и история Литвы и Северо-запада России в раннем и позднем средневековье*. Доклады международного российско-литовского семинара. Санкт-Петербург, 4—8 декабря 2006. Санкт-Петербург, 21—51 (Совместно с С. В. Белецким).

О национальной идее России. *Проблемы культурогенеза и культурного наследия*. Санкт-Петербург, 10—15.

Об охране археологического наследия. *Достояние поколений* 2 (6), № 1, 48—51.

От редколлегии. *Археология и история Литвы и Северо-запада России в раннем и позднем средневековье. Доклады международного российско-литовского семинара*. Санкт-Петербург, 4—8 декабря 2006. Санкт-Петербург, 21—51. (Совместно с Е. Н. Носовым и Н. И. Платоновой).

Раннесредневековые золоченые шлемы: Новые находки и наблюдения. Санкт-Петербург. — 68 с.: ил.

Раскопки на Земляном городище в Старой Ладоге. *АО 2006*, 42—44: ил. (Совместно с Н. В. Григорьевой).

Сокол из раскопа. *Санкт-Петербургские ведомости*. 20 марта, 1—2.

Творческий путь Михаила Константиновича Каргера. Архитектура и археология древней Руси. *ТГЭ* XLV. Санкт-Петербург, 5—7.

Это исторический концлагерь. *Новая Газета в Санкт-Петербурге*. № 77. 15—18.10.2009 г.

[Выступление на церемонии вручения Национальной премии «Достояние поколений». Москва. 19 мая 2008 года]. *Достояние поколений*. № 2, 85—86.

Закон Украины «Об охране археологического наследия». *Достояние поколений*. № 2, 48—51.

2010

Старая Ладога — древняя столица Руси. 3-е изд. Санкт-Петербург: Славия. — 208 с.: ил. Рез. англ. (Совместно с В. Д. Сарабьяновым).

Старая Ладога. История и достопримечательность. Санкт-Петербург: Славия. — 56 с.: ил. (Совместно с Л. А. Губчевской).

За Родину, за Рюрика! Близится 1150-летие Русского государства. Когда отмечать будем? Интервью. *Аргументы и факты*. № 51. 22 декабря 2010 г.

Здесь был Рюрик. Археологические раскопки в Старой Ладоге. Интервью. *Аргументы и факты — Петербург*. № 39, 43.

Исследование «Земляного городища» в Старой Ладоге. *АО 2007*, 32—33. (Совместно с. Н. В. Григорьевой и др.).

Исторические богатства Старой Ладоги — древней столицы Руси: по новым археологическим раскопкам и архитектурно-реставрационным работам/ИИМК. — Санкт-Петербург: Славия. — 28 с: ил. (Совместно с А. М. Новиковым).

Историческое наследие Старой Ладоги. *Сборник археологических открытий 1991—2004. Европейская Россия*. Москва, 333—348.

Отрывки фамильной хроники на фоне XX столетия. *Культурное наследие Российского государства. Ученые, политики, журналисты, деятели церкви об историческом и культурном достоянии*. Вып. V. Часть 2. Санкт-Петербург, 289—294.

Творческий путь Евгения Николаевича Носова. *Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова*. Санкт-Петербург, 2010, 9—13.

Что представляет собою и что содержит музей-заповедник в Старой Ладоге. *АИППЗ* 55. Псков, 227—232.

Сектор/Отдел славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН: исследования и исследователи. *ЗИИМК*. Вып. 5, 7—71: ил. Рез. англ. (Совместно с Н. И. Платоновой).

Семинар «Военная археология». *АВ* 16. Санкт-Петербург, 264—266. (Совместно с К. А. Жуковым).

La vieille Ladoga, ancienne capitale de Russie. L'Archéo Théma. Revue d'histoire et d'archéologie 1, mars, 2010. Paris, 29—33.

Надо думать, как выходить из положения великого города с печальной судьбой. *Псковская губерния*, № 29—30. 28.07.10, 8.

Нашим археологам впору идти на паперть. Исследователи древней столицы Руси вынуждены сами искать деньги на уникальные раскопки. *Невское время*. 15 апреля 2010, 4.

Ред.: *Культурное наследие Российского государства. Ученые, политики, журналисты об историческом и культурном достоянии*. Вып. V. Части

1—2. Санкт-Петербург. — 710 с. (Автор проекта и отв. ред.).

2011

Золотоносный воин. *Non sensistis gladios*. Łódź, 195—199: ил.

Исследования на «Земляном городище» в Старой Ладоге. *АО 2008*, 34—36. (Совместно с Н. В. Григорьевой, А. И. Волковицким, А. А. Селиным).

Исторические данные о 1150-летии создания Русского государства: (862—2012 гг.). *Труды III Всероссийского археологического съезда*. Т. 2, 45—47.

Машина времени. Ею может стать археологический музей в устье Охты. Круглый стол. *Санкт-Петербургские ведомости*. 27 мая 2011 года. Специальный выпуск.

Навершие «посоха» из раскопок в Старой Ладоге. *Висы дружбы. Сборник в честь Татьяны Николаевны Джаксон*. Москва, 153—156.

Обстоятельства зарождения: исторические данные о 1150-летии Российской государственности. *Родина*. № 4, 73—75.

Памяти Евгения Александровича Рябинина: (19.05.1948—17.12.2010). *АВ* 17, 395—397: портр. (Совместно с И. В. Стасюком).

Политический выбор давних времен. *Северо-Запад сегодня и завтра*. № 4 (15), декабрь 2011.

Псков XVII в. глазами иностранцев. *АИППЗ* 57. Москва; Псков, 61—69: ил.

Старая Ладога — историческое, археологическое и научное богатство России. *IV Подпорожские чтения: Патриотизм как социокультурный феномен*. Санкт-Петербург, 100—106.

Старая Ладога — колыбель российской государственности. *ВРГНФ*. № 1, 144—154: ил.

Вернуть общую историю. К 1150-летию создания Русского государства (862—2012 гг.). *Завтра*, январь, № 4. Москва, 4.

2012

Гончарное клеймо из Старой Ладоги. *Stratum plus*. № 5. Другая Русь. Чудь, меря и инии языци. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест, 17—20. (Совместно с С. В. Белецким, Б. Г. Васильевым, А. Ю. Черновым).

Государственной России — 1150! *Родина*. № 9, 23—24.

К 1150-летию создания Русского государства (862—2012). *Первые Тихоновские чтения. Материалы конференции 15 ноября 2011 года*. Санкт-Петербург, 81—90.

К 1150-летию создания Русского государства (862—2012). *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья* 3. Санкт-Петербург, 5—16.

К 1150-летию создания Русского государства (862—2012). Россия, оглянись на народный юбилей. *Скандинавские чтения 2010 г.* Санкт-Петербург, 7—12.

Ладога и 1150-летие Российской государственности. *ВРГНФ*. № 4, 5—18: ил.

Меч с Чудских берегов. *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья* 3. Санкт-Петербург, 90—101. (Совместно с С. Г. Поповым).

Начало государственной Руси. *Русь в IX—X вв.: Общество, государство, культура*. Тезисы докладов 6—8 ноября 2012 г. Москва, 31—32.

Откуда пошла Русская земля. *Вестник Совета Федерации* (3). Москва, 77—81.

Пособи, Бог, князю Александру. *V Подпорожские чтения: Истоки Российской государственности*. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 13—17.

Работа Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН в 2006—2010 гг. *ЗИИМК* 7. Санкт-Петербург, 200—206.

Раскопки в Старой Ладоге в 2008 г. *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья* 3. Санкт-Петербург, 37—58.

Слово о Евгении Александровиче Рябинине (19.05.1948—18.12.2010). *Stratum plus*. № 5. Другая Русь. Чудь, меря и инии языци. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест, 17—20 (Совместно с Т. Б. Сениченковой, И. В. Стасюком).

Средневековые камнеметы (по описанию восточного источника XII в.). *Археология Москвы — линия жизни. Сборник статей и материалов в связи с 80-летием академика архитектуры, проф. Александра Григорьевича Векслера*. Москва, 205—213: ил.

Старая Ладога — первая столица Руси. 4-е изд. Санкт-Петербург: Славия. — 215 с.: ил. Рез. англ. (Совместно с В. Д. Сарабьяновым).

[Интервью]. *Санкт-Петербургские ведомости*. 25 мая 2012. Специальный выпуск, 3.

Ред.: *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья* 3. Санкт-Петербург. — 164 с. (Отв. ред.).

2013

Государственной России 1150 лет. *Староладожский сборник* 10, 7—17.

Государственной России 1150 лет. *Домонгол. Альманах древней культуры и искусства* 3. Москва; Санкт-Петербург, 8—13.

Исторические данные о 1150-летии создания Русского государства (862—2012 гг.). *Археология и история Литвы и Северо-Запада России в средневековье*. Доклады российско-литовского семинара. Вильнюс, 28—30 марта 2011 г. Вильнюс, 11—15.

К 1150-летию создания Русского государства: (862—2012 гг.). *Вестник ИзбиркомЛО*. № 1. 9017: ил.

Ладога и 1150-летие Российской государственности. *ВРГНФ*. 2012, 4 (69). Москва, 5—18.

О структуре общества периода создания русского государства: (к постановке проблемы). Слов'яні і Русь. Київ, 103—104.

О человеческом факторе в первые века русской истории. *Вояджер: мир и человек*. № 3. Самара, 74—75.

Отдел славяно-финской археологии: история и ученые. *Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК к ИИМК РАН. 1919—2014)*. Санкт-Петербург, 191—242. (Совместно с Н. И. Платоновой).

Первая столица Руси Старая Ладога. *Наше наследие*. № 106, 43—55: ил.

Сергей Васильевич Белецкий: Жизнь и творчество. *Stratum plus* (5), 17—24: ил.

Средневековые камнеметы по трактату ал-Тарсуси, XII в. *Вопросы истории фортификации* 4, 4—10.

2014

Древняя Ладога в эпоху викингов в свете международной культурной интеграции. *Культурное наследие Российского государства. Ученые, политики, журналисты, деятели церкви об историческом и культурном достоянии* VI (1). Санкт-Петербург, 225—252.

Петербург сохранил свое лицо. *Санкт-Петербург столетие спустя. Фотоальбом*. Санкт-Петербург, 7—8.

К характеристике общественного строя начальной Руси. *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья* 4. Материалы международной конференции «Старая Ладога и Северная Русь в эпоху викингов и период славянского расселения». Старая Ладога, 12—13 июля 2013 г. Санкт-Петербург. 2014, 7—8.

Открытие Ниеншанца. *Археологическое наследие Санкт-Петербурга* 4. Санкт-Петербург, 6—10.

Early Ladoga during the Viking Age in the Light of the International Cultural Transfer. *Vers l'Orient et vers Occident. Regards croisés sur les dinamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne*. Caen, 215—230.

Swords of medieval Karelia. *Waffen- und Kostümkunde. Zeitschrift für Waffen- und Kleidungsgeschichte*. Heft 2, 235—270: илл. (Совместно с А. И. Сакса).

Ред.: *Культурное наследие Российского государства. Ученые, политики, журналисты об историческом и культурном достоянии*. Санкт-Петербург VI (1—2). — 860 с. (Автор проекта, составитель, отв. ред.).

Ред.: *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья* 4. Материалы международной конференции «Старая Ладога и Северная Русь в эпоху викингов и период славянского расселения». Старая Ладога, 12—13 июля 2013 г. Санкт-Петербург. — 172 с. (Отв. ред.).

Новые данные о происхождении Ладожского поселения и о появлении славян в Поволховье. *Stratum plus* (5), 129—136. (Совместно с А. В. Курбатовым).

Составитель Всевиов Л. М.

Lev Vseviov (Saint Petersburg, Russian Federation). Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences[1].

Lev Vseviov (Sankt Petersburg, Rusia). Institutul de istorie a culturii materiale al Academiei de Ştiinţe a Rusiei.

Всевиов Лев Михайлович (Санкт-Петербург, Россия). Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: biblio@archeo.ru

Address: [1] Dvortsovaya Nab., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation

Оружие и воинское снаряжение

Weapons and Munitions
Armament şi echipament militar

Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская

Предметы вооружения с Рюрикова городища
(по материалам раскопок 2011—2012 гг.)

Keywords: Old Rus', Rurikovo Gorodishche, 9th—13th centuries, objects of arms, arrows, lances.

Cuvinte cheie: Rusia Medievală, cetățuia lui Riurik, secolele IX—XIII, piese de armament, săgeți, sulițe.

Ключевые слова: Древняя Русь, Рюриково городище, IX—XIII вв., предметы вооружения, стрелы, сулицы.

E. N. Nosov, N. V. Khvoshchinskaia

Weapons from Rurikovo Gorodishche (excavations of 2011—2012)

In 2011—2012, on Rurikovo Gorodishche — the old residence of Novgorod knyazes — an excavation was launched on the spot identified for installation of a stela. This archaeological excavation at Volkhov River head yielded over 2,000 finds, weapon items among them, including 22 arrowheads, two darts, fragment of spur and fixture of a battle shield. The study complements and ascertains attribution of materials from the Corpus of archaeological evidence on medieval armament, prepared for publication by A. N. Kirpichnikov half a century ago. The authors offer a typology and chronology of newly discovered artefacts. It was marked that, of the arrowheads typical for 10th — 13th cc. Eastern Europe, found in the center of the settlement, over a half are represented by lance-shaped forms, dated by as early as 10th — 11th cc.

E. N. Nosov, N. V. Khvoshchinskaia

Piese de armament de pe cetățuia lui Riurik (în baza materialelor din săpăturile din 2011—2012)

Între anii 2011—2012 pe cetățuia lui Riurik, reședința veche a cnejilor din Novgorod, a fost deschisă o secțiune arheologică în locul în care urma să fie instalat un semn comemorativ. Ca rezultat al acestor săpături de la izvorul râului Volhov, au fost descoperite peste 2000 de piese. Între ele se remarcă descoperirile de armament, care includ 22 vârfuri de săgeți, două vârfuri de lance, un fragment dintr-un pinten și un element de fixare a scutului. Studierea acestora completează și precizează atribuirea materialelor „Corpusului izvoarelor arheologice privind armamentul medieval", redactat cu jumătate de secol în urmă de către A. N. Kirpichnikov. Autorii prezintă tipologia și cronologia artefactelor recent descoperite. S-a observat că în partea centrală a cetățuii, printre vârfurile de săgeată tipice pentru Europa de est a secolele X—XIII, mai mult de jumătate sunt de formă lanceolată, datate într-o perioadă mai timpurie, cea a sec. X—XI.

Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская

Предметы вооружения с Рюрикова городища (по материалам раскопок 2011—2012 гг.)

В 2011—2012 гг. на Рюриковом городище, древней резиденции новгородских князей, был заложен раскоп на месте, предназначенном для установки памятного знака. В результате этих археологических раскопок у истока реки Волхов было обнаружено более 2000 находок. Среди них — предметы вооружения, в том числе 22 наконечника стрел, два дротика, часть шпоры и крепления боевого щита. Их изучение дополняет и уточняет атрибуцию материалов Свода археологических источников по средневековому вооружению, подготовленного к изданию полвека тому назад А. Н. Кирпичниковым. Авторы предлагают типологию и хронологию новых открытых артефактов. Отмечено, что на центральной части городища среди типичных для Восточной Европы X—XIII вв. наконечников стрел более половины составляют ланцетовидные формы, датируемые ранним временем — X—XI вв.

The project was implemented with financial support from the Historical-Philological Department, History Section, of the Russian Academy of Sciences under the Program of Fundamental Research 'Nations and State in World History' ("Early Russian Culture in the Central Areas of Novgorod Land at the Crossroads of Eastern European Cultural Traditions" Project). ■ Lucrarea a fost executată cu suportul financiar din partea Secției științe istorico-filologicea AȘ din Federația Rusă în cadrul Programului Cercetări fundamentale pentru secția istorie „Națiuni și stat în istoria mondială", proiectul „Cultura rusă veche din raioanele centrale ale ținutului Novgorod la intersecția tradițiilor popoarelor din Europa de Est" . ■ Работа выполнена при финансовой поддержке Отделения историко-филологических наук РАН в рамках программы фундаментальных исследований по секции истории «Нации и государство в мировой истории», проект «Древнерусская культура центральных районов Новгородской земли на перекрестках традиций народов Восточной Европы».

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская, 2014.

Значительная часть научного творчества А. Н. Кирпичникова связана с изучением древнерусского оружия. Основным результатом этих работ явилась серия сводов различных предметов вооружения, остающихся и сейчас настольными книгами отечественных археологов. В рамках данной тематики и интересов исследователя в его юбилейный сборник мы решили поместить заметку о новых находках предметов вооружения с Рюрикова городища. Летописное «Городище» известно в литературе как военно-административное и торгово-ремесленное поселение у истоков Волхова — непосредственный предшественник Великого Новгорода и основная резиденция новгородских князей.

В 2011—2012 гг. исследования проводились на достаточно компактном участке, выбранном для установки памятного знака — «Княжьего камня» в честь юбилейного события — 1150-летия зарождения российской государственности, празднование которого прошло в Великом Новгороде 21—23 сентября 2012 г. (Носов, Хвощинская 2012: 155—164; 2013: 15—24). Раскоп общей площадью 180 м^2 располагался на краю холма в центральной части памятника, в 40 м к юго-западу от церкви Благовещения. Культурный слой здесь имеет довольно плохую сохранность и сильно перемешан, так как по краю коренного берега в конце XIX — начале XX в. тянулась линия домов и построек деревни, что хорошо видно по фотографиям начала XX в., а также именно здесь проходила линия обороны советских войск в годы Великой Отечественной войны. Взрывы тяжёлых снарядов и бомб, многочисленные окопы и огневые гнезда переворачивали культурные напластования и без того нарушенные жизнью деревни — подпольями и фундаментами домов, хозяйственными строениями и ямами. Не случайно на городищенском холме верхний культурный слой представляет собой аморфный темно-серый гумус мощность 1—1,20 м, который не разделяется на хронологические пласты. В нем встречаются предметы и керамика различных эпох от раннего металла до наших дней, в том числе и относящиеся к периоду существования княжеской резиденции древнерусского времени.

За два года раскопок в культурных напластованиях и при разборке отдельных комплексов, помимо обломков керамики, было обнаружено более 2000 индивидуальных находок. Среди них к числу предметов вооружения относятся 23 наконечника стрел, два наконечника дротиков (сулиц), обломок шпоры и заклёпка от рукояти щита.

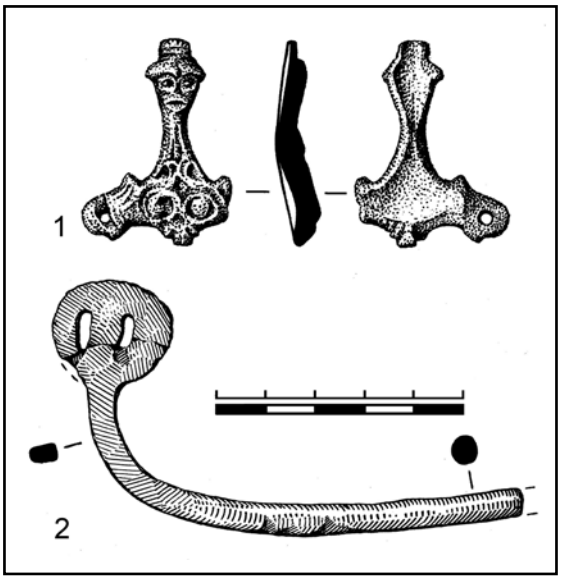

Рис. 1. Предметы вооружения из раскопок Рюрикова городища 2011—2012 гг.: 1 — декоративная заклепка от рукояти щита; 2 — часть шпоры.

Fig. 1. Weapons from excavations of 2011—2012 from Rurikovo Gorodishche. 1 — decorative rivet of a shield handle; 2 — fragment of spur.

Заклепка от рукояти щита. Крайне интересной и редкой находкой является бронзовый предмет трехлопастной формы (лопасти исходят из единого центра), найденный в темно-сером перемешанном слое (рис. 1: 1). Одна из боковых лопастей обломана. В средокрестии стилистическое изображение головы животного с большими глазами и расположенными над ними ушами. Боковые лопасти короткие и напоминают лапы животного. Центральная лопасть, идущая вверх от средокрестия, завершается антропоморфным изображением. Обращает на себя внимание, что предмет в целом выпуклый, за исключением плоских окончаний боковых лопастей, в которых были проделаны небольшие отверстия. Подобные предметы были найдены в ряде погребений Бирки (Arbman 1940: Taf. 19: 1—7). По расположению в захоронениях они относятся к деталям щита. Имеется реконструкция щита из погребения №850 могильника Бирка (Arbman 1943: 323—325). Данные предметы интерпретируются как трехконечные крепления для рукояти щита. Ими приклепывались концы рукояти к деревянному полотнищу щита[1]. Стилистически находка с Рюрикова городища больше всего напоминает заклеп-

[1] Реконструкция системы крепления рукояти щита выполнена С. Ю. Каиновым. Мы благодарны ему за консультацию.

ку из погребения №467 Бирки (Arbman 1940: Taf. 19: 1—5). Ю.С. Каинов указывает еще одну полную аналогию из кургана №6 польского могильника Свелюбе (Swielubie). Одним из мест изготовления подобных накладок являлась Бирка, где, по сведениям Ф. Андрощука, было найдено три литейных формы для их изготовления (информация Ю.С. Каинова).

Шпора. В темно-сером перемешанном культурном слое городища был обнаружен фрагмент предмета, относящегося к снаряжению всадника. Это железная дисковидная петля шпоры с двумя прорезями для пропуска ремешка (рис. 1: 2). По мнению А.Н. Кирпичникова, прорезные пластинчатые петли получают распространение у шпор с изогнутой дугой (Кирпичников 1973: 62, табл. XVIII: 5). Сам шип мог быть различной формы. Хронологически шпоры с данным типом петель в Новгороде в основном использовались в XI—XII вв. (Медведев 1959: 191, рис. 23: 14).

Сулицы. К группе оружия дальнего боя относятся два наконечника дротиков (метательных копий) или, как их называли в древнерусских письменных источниках, сулиц (Кирпичников 1966: 23). Они были найдены при зачистке материка раскопа 2011 г. Это ланцетовидные черешковые наконечники с упором и плоским лезвием (длина 18,5 и 19,5 см, ширина 1,8—1,9 см) (рис. 2: 12, 13). По мнению А.Н. Кирпичникова, история ланцетовидных копий (а дротик — это миниатюрное копьё) связана с Европой, где их очень много в Центральной и особенно в Северной Европе. Эти копья восходят там к VII—VIII вв., и исследователи склоняются к их франкскому происхождению. В Скандинавии у викингов ланцетовидные копья представляли собой основной тип боевого копья. А.Н. Кирпичников считает, что копья подобного типа на Руси «восходят к западным или северным образцам VIII—IX вв., об их местном происхождении пока ничего сказать нельзя» (Кирпичников 1966: 9, 12). Относительно дротиков А.Н. Кирпичников полагает, что они в основном предназначались для охоты, но иногда, снабженные прочным узким лезвием, могли служить для военных целей (Кирпичников 1966: 23). Наши экземпляры, несомненно, относятся к последней категории.

Наконечники стрел. Самая многочисленная группа наконечников стрел, встреченная на раскопе 2011—2012 гг. (11 экз. из 22), имела ланцетовидную форму. Это узкие черешковые наконечники стрел (рис. 3). Длина целых экземпляров колеблется от 10 до 11 см. Только в двух случаях они незначительно превышали эти размеры (соответственно 12,4 см и 13,2 см). Ширина пера, как правило, около 1 см. Только у одного экземпляра она составляет 1,55 см. Соотношение длины черешка к длине остальной части наконечника 1:5. Черешки чаще имели подчетырехугольное сечение, но иногда из-за коррозии трудно установить их форму.

Ланцетовидные стрелы исследователи часто относят по своему происхождению к скандинавским (Арциховский 1966: 37), опираясь при этом на историю формирования ланцетовидных наконечников копий (Клейн, Лебедев, Назаренко 1970: 239; Кирпичников 1966: 9, 12). Впрочем, А.Ф. Медведев, указывая на широкое распространение ланцетовидных наконечников стрел в Скандинавии, полагал, что район их происхождения мог быть шире и его нельзя связывать только с Северной Европой. Этот вывод он сделал в 1959 г. при публикации материалов по оружию древнего Новгорода. Но в этой работе А.Ф. Медведев ещё не делил ланцетовидные наконечники стрел на отдельные виды (Медведев 1959: 164). В более позднем исследовании автор показал, что существуют два вида ланцетовидных наконечников стрел: 1 — с плоским черешком без упора для древка и 2 — с граненым черешком с упором и шейкой. Первый вид появился на рубеже нашей эры в Прикамье и был распространен в северной полосе Европы в IX — первой половине XI вв. Наконечники стрел второго вида появились значительно позднее — в VIII—IX вв. и были распространены по всей Восточной Европе в IX — первой половине XI вв. Как признает сам А.Ф. Медведев, они шире использовались в этот период в Скандинавии, чем на Руси (Медведев 1966: 73—74). Обращает на себя внимание, что ланцетовидные наконечники стрел, найденные на Городище в раскопе 2011—2012 гг., представлены стрелами второго типа с граненым черешком, упором и шейкой. Учитывая общий североевропейский контекст материальной культуры Городища IX—X вв., можно сделать вывод о скандинавской традиции в появлении данного вида вооружения у жителей поселения.

В тенденции к более ранним типам наконечников стрел относятся две трехлопастные стрелы (рис. 2: 4, 5). Сама идея трехлопастных стрел появилась еще в I тысячелетии до н.э. у степных народов, у которых такие наконечники просуществовали до X в. н.э. (Медведев 1966: 58). По данным А.Ф. Медведева, в X в. трехлопастные стрелы в целом выходят из употребления. «Более поздние экземпля-

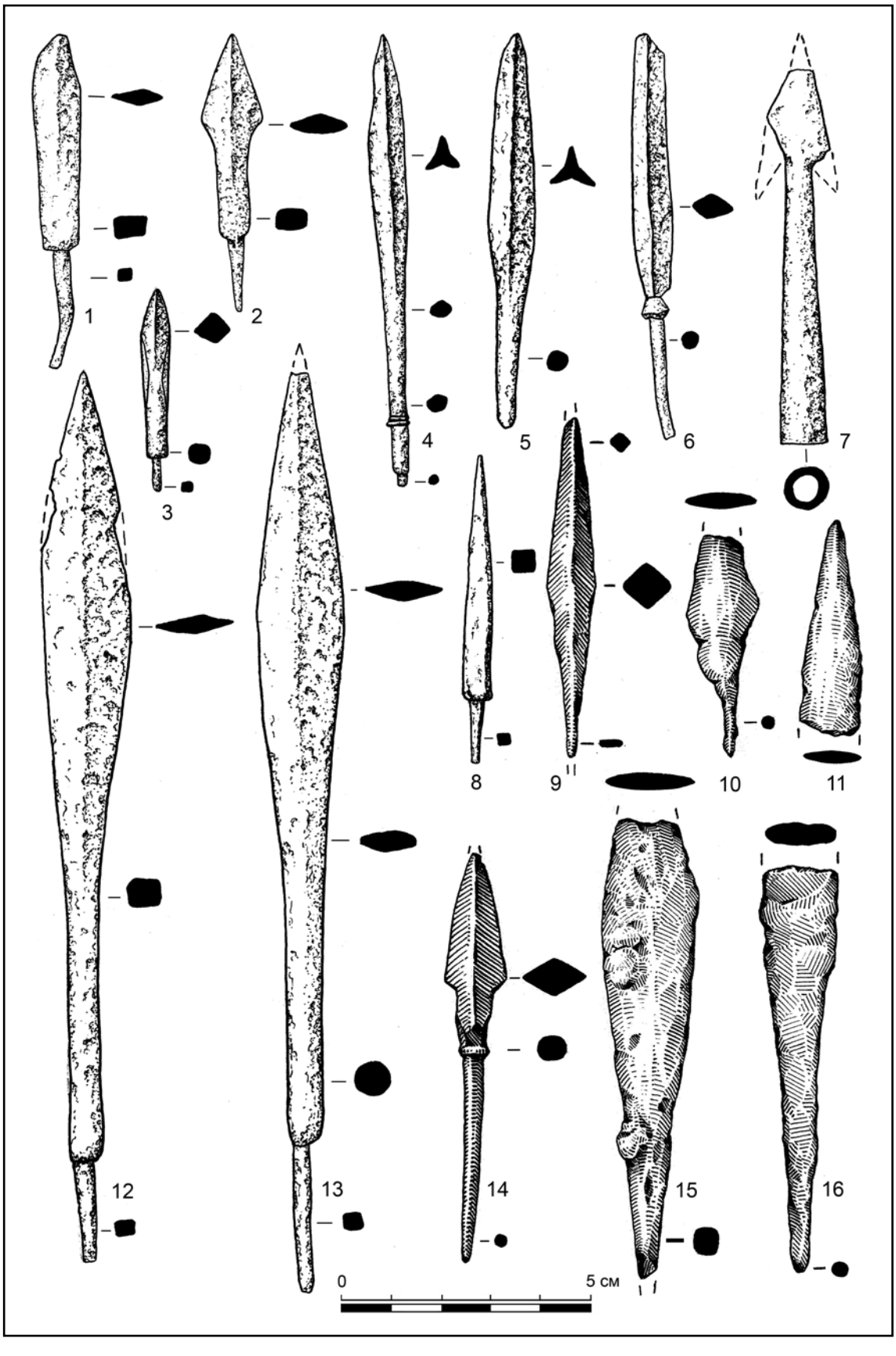

Рис. 2. Наконечники стрел и сулицы с Рюрикова городища: 1—11, 14—16 — наконечники стрел; 12, 13 — сулицы.

Fig. 2. Arrowheads and darts from Rurikovo Gorodishche: 1—11, 14—16 — arrowheads; 12, 13 — darts.

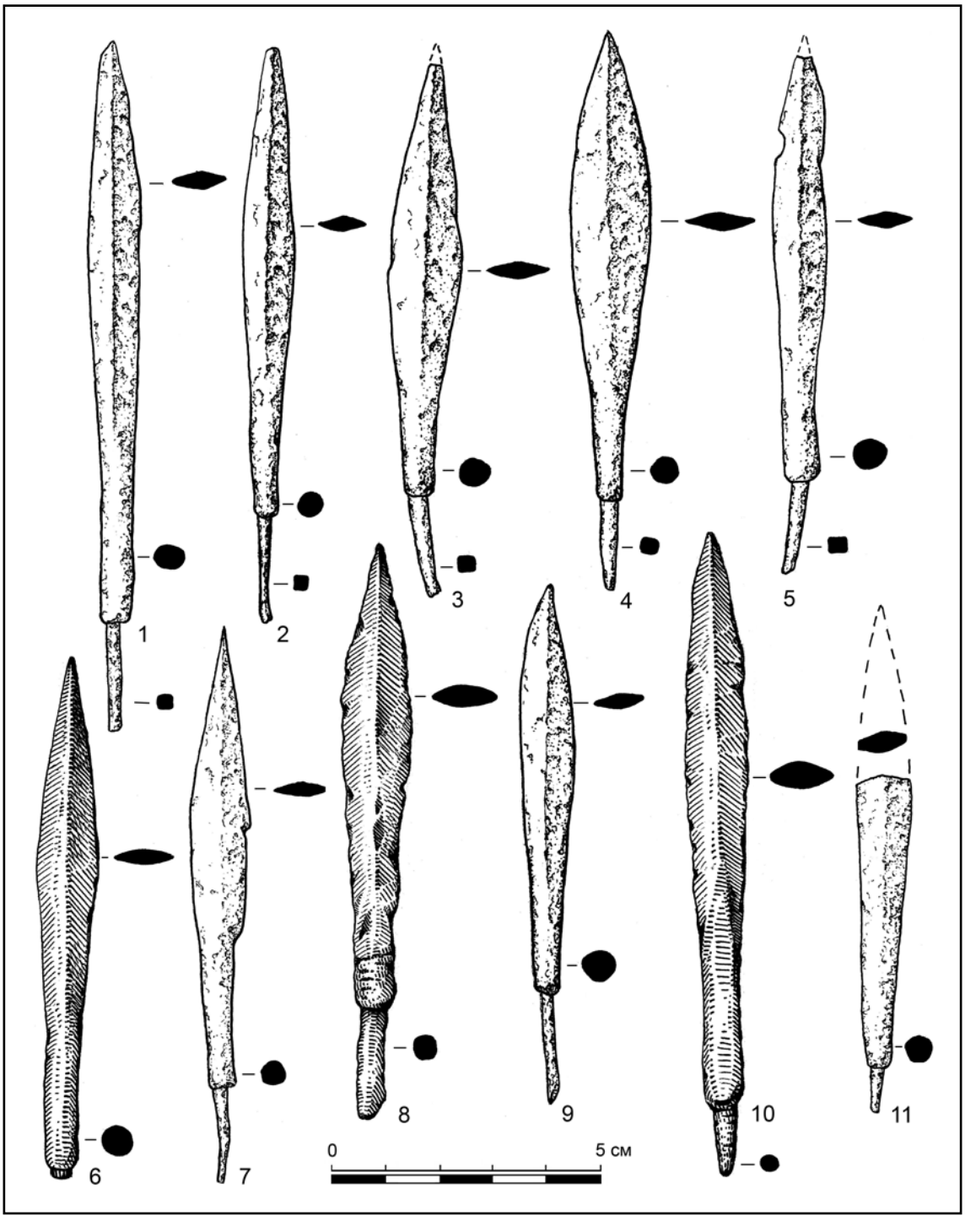

Рис. 3. Ланцетовидные наконечники стрел.

Fig. 3. Arrowheads with arrow lanceolate blades.

ры единичны, отличаются своеобразной формой и представляют курьёз или шедевр мастерства» (Медведев 1966: 58). В качестве примера в своем своде он приводит находку наконечника стрелы из слоя Новгорода первой половины XII в., который действительно отличается вычурностью и оригинальностью формы (Медведев 1966: 61, табл. 20: 9). На Городище ранее трехлопастные наконечники стрел не встречались. Из 16 типов трехлопастных наконечников, выделенных А. Ф. Медведевым, наши экземпляры не подходят ни к одному. По форме пера они напоминали узкие ланцетовидные стрелы, и перо у них плавно переходит в шейку (длина пера 8,3 см и 9,4 см; ширина — соответственно

0,9 см и 0,8 см). Один наконечник имел черешок с простым упором для древка, у другого, возможно также был черешок, но он не сохранился).

В составе коллекции стрел имеется двушипный втульчатый наконечник (тип 2 по классификации А. Ф. Медведева) (рис. 2: 7). При исследовании центральной части городищенского холма 1980—1983 гг. подобные наконечники были наиболее многочисленны (21 экз.) и составляли в коллекции 28,5% от их общего числа (Носов 1990: 100, 103, 115—117, 164—165). А. Ф. Медведев в свое время заключил, что «несомненно, этот тип был заимствован русскими у западных соседей» (Медведев 1966: 56). Р. С. Минасян, специально занимаясь вопросами распространения двушипных наконечников в Восточной Европе и их хронологией, пришел к выводу, что установленное расширение территории, где они были найдены, «отражает поэтапное заселение различных областей Восточной Европы какими-то группами славянского населения» (Минасян 1978: 36, 37; 1982: 24—29). Выводы А. Ф. Медведева и Р. С. Минасяна в своей основе поддержал В. Б. Перхавко (Перхавко 1979: 51). Здесь важно подчеркнуть, что, как ни многочисленны аналогии материалам Городища в Скандинавии, в частности, в Бирке, в самом могильнике Бирка нет ни одного двушипного наконечника, хотя стрелы в захоронениях представлены достаточно широко (Носов 1990: 165, сноска 92). Соглашаясь, в первую очередь, со славянским происхождением двушипных наконечников стрел, надо заметить, что на Северо-Западе в достоверных комплексах они появились не ранее второй четверти X в. и остается сомнение в их обязательной связи с первоначальным славянским населением Приильменья (Носов, Горюнова, Плохов 2007: 131).

Одна находка представляет шиловидные наконечники стрел от лука (рис. 2: 8). Это небольшой предмет (дл. 6,4 см) с квадратным пером с простым упором и подквадратным в сечении черенком (тип 90 по А. Ф. Медведеву). На Городище и ранее было найдено несколько таких экземпляров (Носов 1990: 119). Подобные наконечники стрел имели широкие хронологические рамки употребления. Появились они на рубеже нашей эры и были распространены вплоть до XIV в. и позднее (Медведев 1966: 83).

К группе бронебойных стрел относятся три наконечника (рис. 2: 1—3). Один из них — с короткой массивной головкой килевидной формы ромбовидного сечения (рис. 2: 3). Шейка при переходе от пера квадратная в сечении, а затем у черешка округлая. Длина пера вместе с шейкой — 3,6 см, черенок, видимо, обломан. В наибольшей степени он соответствует второму варианту типа 84 по классификации А. Ф. Медведева (Медведев 1966: 82, табл. 21: 43). По его мнению, они были наиболее характерны для XII—XIII вв.

Второй бронебойный наконечник стрелы, по типологии А. Ф. Медведева, относится к типу 97 (Медведев 1966: 85). По размерам он подходит к его второму варианту (рис. 2: 2). Общая длина изделия около 9 см (верхняя часть наконечника немного обломана). Перо ромбовидного сечения при переходе к шейке имело плечики (ширина пера по плечикам 1,3 см). А. Ф. Медведев характеризует данный тип как бронебойные стрелы в виде «кинжальчиков» ромбического сечения с перехватом. В целом этот тип наконечников стрел имеет широкую датировку распространения в Восточной Европе: с IX—X вв. до XIV в. В Новгороде наконечники данного подвида были характерны для второй половины XI—XII вв. (Медведев 1959: 170; 1966: 85).

Третий бронебойный наконечник с массивной головкой ромбовидной в сечении, с подчетырехугольной шейкой и черенком с простым упором (длина 6,9 см, ширина 1 см) (рис. 2: 1). На Городище уже встречались единичные находки подобных наконечников стрел (Носов 1990: 120, рис. 41: 11). Их можно отнести к типу 83 по классификации А. Ф. Медведева (Медведев 1966: 81), который был наиболее распространен в XI в.

Кроме того, при исследовании Городища в 2011—2012 гг. были найдены наконечники стрел, которые в силу фрагментарности или их коррозированности трудно вписать в разработанную А. Ф. Медведевым типологическую схему. Четыре из них, скорее всего, относятся к ромбовидным наконечникам (тип 46 по А. Ф. Медведеву) (рис. 2: 10, 11, 15, 16). Характерной особенностью этих стрел является отсутствие упора для древка. В Новгороде такие наконечники встречаются в слоях X—XIII вв. (Медведев 1966: 67). Не ясен тип и небольшого наконечника, обломанного с обоих сторон, так что установить длину невозможно. Ширина пера 1 см, а его сечение квадратной формы (рис. 2: 9).

Таким образом, достаточно разнообразная коллекция стрел, собранная на небольшом участке центральной части Городища, в целом представляет хорошо известные типы на-

конечников, распространенные в Восточной Европе в X—XIII вв. Обращает на себя внимание, значительное число ланцетовидных наконечников стрел, относящихся к ранней группе стрел Городища и малое число стрел поздних, время бытования которых можно ограничить в пределах XII—XV вв. Находка на раскопе лишь одного двушипного наконечника стрелы заставляет очень осторожно относиться к выводу о массовой их встречаемости на поселении, как могло показаться при анализе результатов археологических исследований начала 1980-х гг. Планиграфические наблюдения над распространением находок на разных участках памятника еще требуют дальнейшего изучения.

Литература

Арциховский А.В. 1966. Археологические данные по варяжскому вопросу. В: Монгайт А.Л. (отв. ред.). *Культура Древней Руси*. Москва: Наука, 36—41.

Кирпичников А.Н. 1966. *Древнерусское оружие* 2. *Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв.* САИ Е1—36. Ленинград: ИА АН СССР.

Кирпичников А.Н. 1973. *Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.* САИ Е1—36. Ленинград: ИА АН СССР.

Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. 1970. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. В: Носов Н.Е., Шаскольский И.П. (ред.). *Исторические связи Скандинавии и России*. Ленинград: Наука, 226—252.

Медведев А.Ф. 1959. Оружие Новгорода Великого. *Труды Новгородской археологической экспедиции* II. МИА 65, 121—191.

Медведев А.Ф. 1966. *Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв.* САИ Е1—36. Москва: ИА АН СССР.

Минасян Р.С. 1978. Втульчатые двушипные наконечники стрел Восточной Европы. *СГЭ* 43, 35—37.

Минасян Р.С. 1982. Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных. В: Столяр А.Д. (ред.). *Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья*. Ленинград: ЛГУ, 24—29.

Носов Е.Н. 1990. *Новгородское (Рюриково) городище*. Ленинград: Наука.

Носов Е.Н., Горюнова В.И., Плохов А.В. 2005. *Городище под Новгородом и поселения Северного Прильменья (Новые материалы и исследования)*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.

Носов Е.Н., Хвощинская Н.В. 2012. Рюриково городище — археологические исследования накануне юбилея Российской государственности. *Вестник Российского гуманитарного научного фонда* 69 (4). Москва, 155—164.

Носов Е.Н., Хвощинская Н.В. 2013. Рюриково городище — археологические исследования накануне юбилея Российского государства. *Новгородика-2012. У истоков российской государственности.* Материалы IV международной научной конференции I. Великий Новгород: НовГУ, 15—24.

Перхавко В.Б. 1979. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана. *СА* (4), 40—55.

Arbman H. 1940. *Birka* I. *Die Gräber. Tafeln*. Stockholm: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien.

Arbman H. 1943. *Birka* I. *Die Gräber. Text*. Stockholm: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien.

References

Artsikhovskii, A.V. 1966. In *Kul'tura Drevnei Rusi (Culture of Old Russia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 36—41 (in Russian).

Kirpichnikov, A.N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Armaments)*. Issue 2. *Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni IX—XIII vv. (Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th —13th cc.)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—36. Leningrad (in Russian).

Kirpichnikov, A.N. 1973. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX—XIII vv. (Equipment of the Rider and Riding Horse in Russia of 9th —13th cc.)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—36. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, Institute of Archaeology (in Russian).

Klejn, L.S., Lebedev, G.S., Nazarenko, V.A. 1970. In *Istoricheskie sviazi Skandinavii i Rossii IX—XX vv. (Historical Links between Scandinavia and Russia in 9th — 20th cc.)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 226—252 (in Russian).

Medvedev, A.F. 1959. In *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition)* II. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Researches on the Archaeology of USSR)) 65, 121—191 (in Russian).

Medvedev, A.F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII—XIV vv. (Hand Missile Weapons (bow and arrows, crossbow) of 8th —14th cc.)*. Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—36 (in Russian).

Minasian, R.S. 1978. In *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* 43, 35—37 (in Russian).

Minasian, R.S. 1982. In *Severnaia Rus' i ee sosedi v epokhu rannego srednevekov'ia (Northern Rus' and its Neighbors in Early Middle Ages)*. Leningrad: Leningrad State University, 24—29 (in Russian).

Nosov, E.N. 1990. *Novgorodskoe (Riurikovo) gorodishche (Novgorod (Rurik's) Town)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nosov, E.N., Goriunova, V.I., Plokhov, A.V. 2005. *Gorodishche pod Novgorodom i poseleniia Severnogo Priil'men'ia (Novye materialy i issledovaniia) (The Ancient Fortified Settlement near Novgorod and Settlements of Northern Ilmen Region (New Materials and Researches))*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Nosov, E.N., Khvoshchinskaia, N.V. 2012. In *Vestnik Rossiiskogo Gumanitarnogo nauchnogo fonda (Bulletin of the Russian Foundation for Humanities)* 69 (4). Moscow, 155—164 (in Russian).

Nosov, E.N., Khvoshchinskaia, N.V. 2013. In *Novgorodika-2012. U istokov rossiiskoi gosudarstvennosti (Novgorodika-2012.*

At the Roots of Russian Statehood) I. Veliky Novgorod: Novgorod State University, 15—24 (in Russian).

Perkhavko, V. B. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 40—55 (in Russian).

Arbman, H. 1940. *Birka* I. *Die Gräber. Tafeln*. Stockholm: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien.

Arbman, N. 1943. *Birka* I. *Die Gräber. Text*. Stockholm: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien.

Статья поступила в номер 23 мая 2014 г.

Evgenii Nosov (Saint Petersburg, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences [1].

Evgenii Nosov (Sankt Petersburg, Rusia). Doctor în ştiinţe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiinţe a Rusiei.

Носов Евгений Николаевич (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: nosov.evg@gmail.com

Nataliia Khvoshchinskaia (Saint Petersburg, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences [2].

Nataliia Khvoshchinskaia (Sankt Petersburg, Rusia). Doctor în ştiinţe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiinţe a Rusiei.

Хвощинская Наталья Вадимовна (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: kottimoshka85@mail.ru

Address: [1, 2] Dvortsovaya Nab., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation

И. П. Возный

Ударное вооружение Северной Буковины XII — первой половины XIII вв.

Keywords: Northern Bukovina, 12th—13th cc., spear, pike, axe, mace, flail, sulitsa, strike-piercing weapons, strike-slashing weapon, strike-pounding weapon.

Cuvinte cheie: Bucovina de Nord, sec. XII—XIII, lance, pică, topor, măciucă, bici de luptă, suliță, arme de lovire și spargere, arme de lovire și tăiere, arme de lovire și zdrobire.

Ключевые слова: Северная Буковина, XII—XIII вв., копье, пика, топор, булава, кистень, сулица, ударно-колющее оружие, ударно-рубящее оружие, ударно-дробящее оружие.

I. P. Vozny

Shock Weapons during the 12th — Early 13th Centuries on the Territory of Northern Bukovina

The article considers strike weapons which were discovered on ancient archaeological sites between the Upper Prut and the Middle Dniester area. Short distance weapons by their use can be divided into strike-piercing, strike-slashing, and, additionally, strike-pounding. The author offers a typology of such weapons as spear, pike, axes, maces and flails and suggests broad analogies with other related areas. It implies that the warfare on the researched territory was highly developed and close contact with other lands of Ancient Rus'.

I. P. Vozny

Arme de lovire din sec. XII — prima jumătate a sec. XIII de pe teritoriul Bucovinei de Nord

În siturile arheologice medievale rusești din spațiul cuprins între cursul superior al Prutului și Nistrul de Mijloc au fost descoperite piese diverse din categoria armelor de lovire. Armamentul destinat luptei corp la corp poate fi împărțit în arme de lovire și spargere (armele primului atac), arme de lovire și tăiere și cel auxiliar — arme de lovire și zdrobire. Articolul prezintă clasificarea tipologică detaliată a unor asemenea tipuri de arme precum lancea, pica, măciuca și biciul de luptă, dar sunt aduse și multiple analogii din teritoriile învecinate. În baza izvoarelor arheologice se ajunge la concluzia, că arta militară a populației din spațiul respectiv era dezvoltată la un nivel înalt și evolua în strânsă legătură cu alte teritorii din cadrul statului medieval rus.

И. П. Возный

Ударное вооружение Северной Буковины XII — первой половины XIII вв.

На древнерусских археологических памятниках на территории между верхним течением Прута и Среднего Днестра были найдены разнообразные предметы ударного вооружения. Вооружение ближнего боя по принципам его использования можно разделить на ударно-колющее (оружие первого натиска), ударно-рубящее и вспомогательное — ударно-дробящее. В статье проведена детальная типологическая классификация таких видов вооружения, как копье, пика, топор, булава и кистень, приводятся широкие аналогии вооружения с других, смежных территорий. Всё это позволяет сделать вывод, что военное искусство населения исследуемой территории было на высоком уровне и развивалось в тесном контакте с другими землями Древнерусского государства.

Одним из основных показателей уровня военного дела является воспетое в былинах и летописях оружие. Известное по многочисленным находкам на археологических памятниках, оно является одним из показателей культурного уровня общества. Его невозможно рассматривать в отрыве от производства, социальной среды, а также тех слоев и групп, из которых состояло войско. Изучая оружие, можно прийти к выводам, характеризующих как военное дело, так и хозяйственную, торговую и социальную жизнь древнерусского общества (Кирпичников 1966: 6). Высокая степень развития металлообрабатывающего ремесла на территории Сирет-Днестровского междуречья давала возможность производить все виды высококачественного оружия. Вооружение славяно-русского населения края не уступало ни ассортиментом, ни качеством вооружению войск других территорий Киевского государства и соседних стран.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© И. П. Возный, 2014.

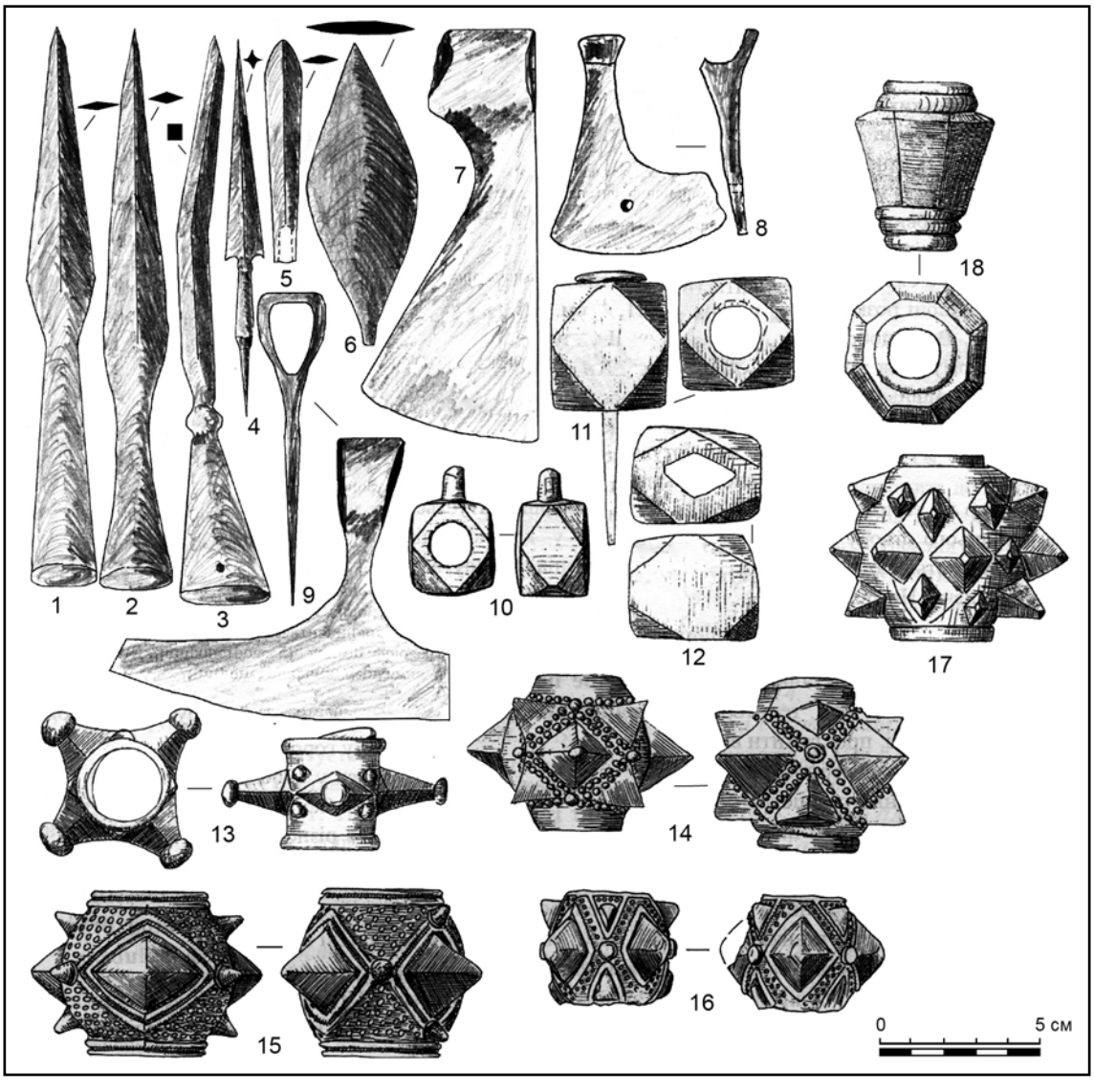

Рис. 1. Прорисовки оружия ближнего боя. 1, 2 — наконечники копий; 3 — наконечник пики; 4—6 — наконечники сулиц; 7—9 — топоры; 10—18 — булавы. 1 — Бузовица; 2, 3, 6, 8, 10, 13 — Черновка, 4, 5 — Ленковцы на Пруте; 7 — Горбово; 9 — Слобода; 14, 17 — Васильев; 15 — Черепковцы; 16 — Галица; 18 — Недобоевцы (1, 4, 14 — по Тимощук 1976: рис. 18: 27; 1982: рис. 14: 3; рис. 16: 10; 5 — по Малевская 1970: 116; 2, 3, 6, 8, 10 — по Возний 2009: рис. 7: 3, 6, 8, 14; 7, 9, 15, 17 — фонды ЧКМ; 11—13, 16, 18 — по Пивоваров 2012: рис. 1; 2).

Fig. 1. Drawings of short distance battle weapons. 1, 2 — spear tip, 3 — peak tips, 4—6 — javelin tips 7—9 — axes, 10—18 — maces. 1 — Buzovitsa; 2, 3, 6, 8, 10, 13 — Chornivka; 4, 5 — Lenkivtsi on the Prut; 7 — Horbovo; 9 — Sloboda; 14, 17 — Vasiliv, 15 — Cherepkivtsi; 16 — Halytsia; 18 — Nedoboyivtsi. (1, 4, 14 — after Тимощук 1976: рис. 18: 27; 1982: рис. 14: 3; рис. 16: 10; 5 — after Малевская 1970: 116; 2, 3, 6, 8, 10 — after Возний 2009: рис. 7: 3, 6, 8, 14; 7, 9, 15, 17 — Funds of Chernivtsi Museum of Local Lore; 11—13, 16, 18 — after Пивоваров 2012: рис. 1; 2).

Одна из самых многочисленных категорий археологических находок на славяно-русских памятниках региона — вооружение, которое по своему функциональному назначению принято делить на средства дальнего и ближнего боя.

Наступательные средства ближнего боя по принципам их использования можно разделить на несколько категорий. Оружие первого натиска — ударно-колющее. В него входят копья, пики и сулицы. Обычно они одноразового использования. Оружие ударно-рубящее (топоры) и вспомогательное — ударно-дробящее (булавы, кистени). В отличие от первого, оно многоразового использования.

Важной категорией оружия первого натиска ударно-колющего типа являются копья. Они были одним из атрибутов профессиональных воинов как важное наступательное оружие и в составе вооружения древнерусского войска играли не меньшее значение, чем меч. Присутствие копий в армии пред-

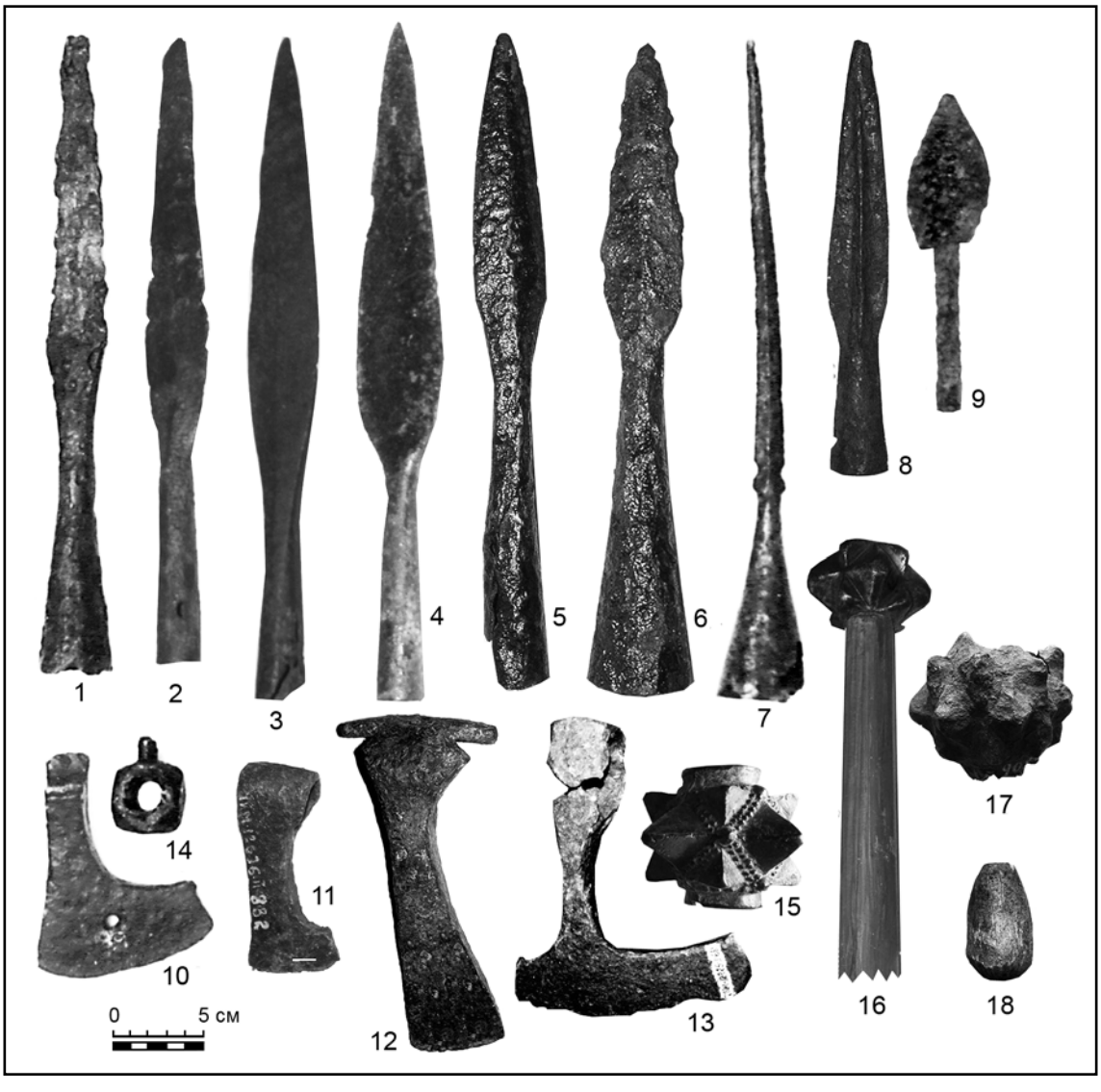

Рис. 2. Ударное оружие. 1—6 — наконечники копий; 7 — наконечник пики; 8, 9 — наконечники сулиц; 10—13 — топоры; 14—17 — булавы; 18 — костяной кистень. 1, 7, 10, 14 — Черновка; 2 — Дарабаны; 3 — Ванчиковцы; 4, 16 — Черепковцы; 5—6, 12 — Ленковцы на Пруте; 8 — Молодия; 9 — Вовчинец; 11 — Горбово; 13 — Слобода; 15, 17 — Васильев; 18 — Галич (фонды ЧКМ). Фото автора.

Fig. 2. Strike weapons. 1—6 — spearheads; 7 — peak tip; 8, 9 — javelin tips; 10—13 — axes; 14—17 — maces; 18 — bone flail. 1, 7, 10, 14 — Chornivka; 2 — Darabany; 3 — Vanchikivtsi; 4, 16 — Cherepkivtsi; 5, 6, 12 — Lenkivtsi on the Prut; 8 — Molodiya; 9 — Vovchynets; 11 — Horbovo 13 — Sloboda; 15, 17 — Vasilyiev; 18 — Halych (Funds of Chernivtsi Museum of Local Lore). Photo by the author.

усматривало наличие хорошо вышколенных ратников, способных вести бой в правильном тактическом строе (Кирпичников 1966: 310). Ядро русского войска составляли копейщики, о которых письменные источники упоминают с XII в. как об основной боевой силе феодальной дружины. Возможно, этим объясняется терминология учета войска: «И бысть же оу поганых 900 копии, а в Руси — 90 копии» (ПСРЛ 2001: 558). Упоминания о боевом использовании этого вида оружия часто встречаются в нарративных источниках: «…изломи Андреи копие свое въ супротивне своем», «…Изяславу стоящю в песцехъ оунезапу приехавъ один, оудари копьем за плеча и тако оубьнъ бысть» (ПСРЛ 2001: 193, 390). Недаром на миниатюрах древнерусских летописей русские войска изображались с целым лесом копий. Этот вид оружия в XV в. использовался во время конных атак в качестве оружия первого натиска (Кирпичников и др. 1985: 308). Копье давало ратнику в рукопашном бою ряд преимуществ. Оно было длиннее любого другого оружия, им скорее можно было достать противника. Кроме того, удар-укол копьем

обеспечивал легкий прием поражения даже бронированного воина. Относительная дешевизна этого вида оружия делала его доступным практически всем социальным слоям Древнерусского государства.

На территории Сиретско-Днестровского междуречья найдены узколистые втульчатые наконечники копий, в основном удлиненно-треугольной формы. Известны они среди находок на славяно-русских поселениях и городищах в Бузовице, Черновке, Молодии, Дарабанах-Щовб, Ленковцах на Пруте, Ванчиковцах, Черепковцах (рис. 1: 1, 2; 2: 1) (Возний 1998: 97, фото 97; 2009: 267—268; Тимощук 1971: рис. 2: 1; 1976: рис. 18: 27; 1982: рис. 56: 7; 64: 17; ЧКМ. Фонды: №18193-II-1254; 12225-II–931; 23664-II-1580; 12225-II-685; 26569-II-1583). Длина их колеблется в пределах 21—28,1 см, ширина лезвия 3,2—4,5 см. Меняется только диаметр втулки. Если в копье из славянского поселения X в. Бузовица диаметр втулки равен 2 см, то на древнерусских памятниках XII — первой половины XIII вв. в Ленковцах на Пруте и Черновке диаметр составлял 2,8—3 см. Такое утолщение древка копья связано с изменением применения данного вида оружия. В IX—XI вв. удар осуществлялся движением руки. В XII в. появляется техника «копейного тарана», рассчитанная на пробивание защитных доспехов всадника или сбрасывания его с лошади в результате мощного удара (Кирпичников и др. 1985: 309). Поэтому, собственно, и укреплялись, в первую очередь, ратища самых копий. Этот процесс характерен для всей территории Древней Руси. По классификации А. Н. Кирпичникова, такие наконечники относятся к типу III и датируются XI—XIV вв. (Кирпичников 1966: 14). Наконечники копий из Бузовицы и Ленковцев на Пруте принадлежат к разным хронологическим фазам типа IIIА, у которых отношение лезвия к втулке составляет 1:1. Остальные наконечники копий относятся к узколезвийным копьям (тип IIIБ). Наибольшее время их бытования приходится на XII—XIII вв. На начальном этапе они могли использоваться как охотничье оружие, но со временем происходит усиление их боевой направленности. Копья этой группы являются наиболее распространенными на территории средневековой Восточной и Западной Европы (Артемьев 1982: рис. 2: 3; Беляева и др. 1995: 75, рис. 58; Винокур и др. 2004: 141, рис. 88: 25; Гончаров 1950: рис. 22: 1; Звіздецький 2008: 54, рис. 12: 1; Коваленко и др. 2004: 133, рис. 6: 1; Моця и др. 2011: 178; Терський 2010: 26, рис. 4: 2—3; Cynkałowski 1961: tabl. XXV: 4). Изготавливались они из единой заготовки методом горячей ковки.

Как боевое оружие, рассчитанное на эффективное пробивание железных доспехов, выступала пика, обнаруженная на городище в с. Черновка — феодальном замке XII — первой половины XIII вв. (рис. 1: 3; 2: 7). Этот вид вооружения характерен исключительно для конных воинов (Кирпичников 1966: 15). Черновская находка имеет четырехугольное перо длиной 18 см и сторонами в 0,6 см, которое переходит в воронковидную втулку диаметром 4 см. Такой наконечник относится к V типу и датируется X—XVII вв. (Кирпичников 1966: 15). В XII в. бронебойные пики выделяются как специальные кавалерийские копья и, очевидно, всадники в это время использовали исключительно это оружие. Пика была довольно распространенным видом вооружения как на территории Древней Руси, так и в Западной Европе (Іванченко 1990: 137; Никольская 1981: рис. 95: 15; Петегирич 1983: рис. 3: 12). Свое происхождение она ведет от кочевников, но довольно быстро стала интернациональным оружием, настолько совершенным, что практически не изменила своего вида до XVII в. Возможно, первоначально пики были исключительно оружием монголо-татар, поскольку найдены на древнерусских городищах, погибших при нашествии, и в то же время они неизвестны на Северо-Западе Руси (Артемьев 2004: 146).

Еще один черешчатый наконечник, возможно, пики обнаружен на посаде древних Черновцов — Ленковцы на Пруте (Малевская, Раппопорт, Тимощук 1970: 116; Тимощук 1982: рис. 16: 10; Фонды ЧКМ: №40707-II-2200). Этот наконечник удлиненно-треугольной формы. В сечении имеет вид равноконечного креста. Длина его 13 см, длина пера 10 см, ширина наконечника в самом широком месте — 2 см (рис. 1: 4). По своим параметрам наконечник подходит к черешковым копьям типа V (Кирпичников 1966: 17). Но такие копья, как и черешковые пики с пером в виде равноконечного креста, выходят из употребления в X—XI вв. Неудобство и непрочность их крепления с древком заставили в дальнейшем перейти к более надежному втульчатому соединению (Кирпичников 1966: 17). В основном они были характерны для северной полосы Древнерусского государства, а именно для чудских племен. Аналогии этому наконечнику не найдены.

Предметы ближнего боя на территории Сирет-Днестровского междуречья представлены также фрагментами и целыми экземплярами наконечников сулиц. Последние служили вспомогательным средством поражения врага в бою, когда при приближении противника можно было ее метнуть. Преимущественно, это вспомогательное оружие пешего воина, которое использовалось в бою один раз. О нем не раз упоминается в летописных сообщениях: «Ляхом же крепко борюще и соуличамы мечюще», «и соулицы его кроваве соущи», «Ятвязи со сулицами и гонишася на поли подобной игре» (ПСРЛ 2001: 768, 810, 818). Их, как и копья, могли широко использовать на охоте. В XII — первой половине XIII вв. значение сулиц растет, что объяснялось удобством использования их в условиях ближнего боя (Кирпичников 1966: 23—25). В основном эти наконечники широколезвийные, уплощенной листовидной формы. Длина древка сулицы колебалась в пределах 1,2—1,5 м. На территории Черновского городища и на поселении в Волчинце обнаружены три наконечника сулиц (Возний 1998: рис. 60: 3; Пивоваров 2001: рис. 1: 15). Они черешковые, лавролистой формы длиной 9,5—12 см (без черенка), наибольшая ширина 3,4—4 см (рис. 1: 6; рис. 2: 9). Эти наконечники относятся к типу 2 — листообразные черешковые с плоским пером (Медведев 1959: 128, рис. 4: 9). На территории феодального замка в Молодии обнаружен наконечник втульчастой лавролистой сулицы (рис. 2: 8) (ЧКМ Фонды: №18193-II–1254), который можно отнести к типу IVA (Кирпичников 1966: 14). Использование сулиц было характерно не только для Руси, но и для народов Западной Европы.

К сулице, очевидно, можно отнести костяной втульчатый наконечник, обнаруженный на Ленковецком городище. Он лавролистой формы, изготовлен из рога оленя (рис. 1: 5) (ЧКМ Фонды: №40707-II–2200), ромбовидный в сечении со сторонами 0,8×2,7 см, длина — 9,8 см. По сопровождающему находку материалу наконечник можно датировать XII — первой половиной XIII вв.

Ударно-дробящим оружием ближнего боя были боевые топоры. Они, наряду с мечом и саблей, составляли основной инструментарий сечи. Преимущество его над двумя предыдущими было в том, что ударное поле меча значительно уступало топору, а скос его лезвия компенсировал режущий момент сабли (Бережинський 2000: 29). Этим видом оружия пользовались, в большинстве своем, пешие ратники. Хотя всадники тоже использовали топоры-чеканы, особенно во время затяжного боя конницы. Фрагменты боевых топоров обнаружены в Горбове, Слободе, Черновке и Ленковцах на Пруте. Все они относятся к универсальным. Черновский топор с обломанным, оттянутым вниз лезвием, длиной 7,3 см, шириной 3,5 см, и удлиненным врезным обухом (рис. 1: 8; рис. 2: 10). Диаметр обушного отверстия — 2,5 см. На лезвии имеется отверстие диаметром 0,6 см, с помощью которого крепился чехол или топор подвешивался к поясу. Такие топоры относятся к типу IVA и датируются XI—XIII вв. (Кирпичников 1966: 37). Их значительному распространению способствовал высокий коэффициент полезного действия (близок к 1) и надежное строение обуха. Похожие топоры обнаружены на ряде древнерусских памятников (Козловський 1990: рис. 25: 5; Плавінскі 2010: 127, рис. 14: 1; Шекун и др. 1997: рис. 33: 19; Штыхаў 2008: 218, рис. 148: 14; Spinei 1994: fig. 4: 1).

Из Черновского городища происходит топор типа IV (Кирпичников 1966: 29). Такие топоры с опущенным лезвием и выемкой в домонгольский период были распространенной формой.

Другой топор (типа VA) выявлен вблизи городища у с. Горбово и в Ленковцах на Пруте (рис. 1: 7, рис. 2: 11, 12) (Кирпичников 1966: 38; ЧКМ Фонды: №12636-II–882). Характерная особенность этого типа оружия — прямая верхняя грань обуха. Это топор с выемкой и опущенным лезвием. Такое оружие встречается на южнорусских памятниках XIII—XIV вв. (Spinei 1994: рис. 4: 6—7). В хозяйстве крестьян Западной Украины и Молдовы топоры этого типа сохранились до наших дней.

К редкому типу B (Кирпичников 1966: рис. 40) относится топор из с. Слободка (рис. 1: 9; рис. 2: 13) с вырезанным обухом и симметричным лезвием (ЧКМ Фонды: №12225-II-684). По форме они являются предшественниками позднесредневековых бердышей. Аналогии известны на Вологодчине и в Твери. Их бытование приходится на XI—XII вв., но больше они использовались в XI в. (Кирпичников 1966: 43, табл. 11).

О разнообразном употреблении походно-боевых топоров свидетельствует большой процент их повреждений. Использование восточными славянами данного вида оружия упоминается в летописях. В ходе Липицкой битвы 1216 г. «князь Мстиславъ, проехавъ трижды сквозе полкы княжи Юрьевы и Ярославли, секучи люди, бе бо оу него топоръ с паворозою в руце» (ПСРЛ 1997: 498). «Глебъ же

вынемъ топоръ ростя и» (ПСРЛ 1997: 181). «Наеха многажды на полкъ ихъ и бьяшеся единымъ топоромъ не имея страха въ души своеи и паде неколико от его» (ПСРЛ 1997: 480). В основном, топоры этого типа использовались в пешем войске. Они особенно характерны для юга и юго-запада Руси в XII — первой половине XIII вв. (Кирпичников 1966: 37). Аналогии им известны на многих древнерусских памятниках (Довженок и др. 1966: табл. VI: 24; Никольская 1974: 34—42).

Если брать соотношение принадлежности обнаруженных на исследуемых землях топоров к боевым и рабочим, то видно, что тип В был исключительно боевым топором, а IVA и VA — универсальными. Впрочем, на других территориях преобладали рабочие топоры данного типа (Кирпичников 1966: 44, табл. 12).

Неотъемлемой частью вооружения ратника была булава — короткая палка длиной до 50 см, на один конец которой одевалось массивное металлическое навершие. Ею пользовались и пехотинцы, и всадники, когда требовалось нанести внезапный удар в любом направлении. Сила удара булавы или кистеней равна примерно 6,6—14 кг, тогда как для поражения человека она должна составлять не менее 8 кг (Кирпичников 1966: 64). Булавами, в зависимости от типа защитных доспехов на противнике, можно было довольно сильно его покалечить и, таким образом, надолго вывести из строя. Этот вид оружия служил, прежде всего, для удара по голове или шлему, наносившего тяжелые контузии и внутренние переломы. Ударом булавы можно было сломать руку даже хорошо защищенному латами ратнику. Предполагается, что этот вид оружия был заимствован восточными славянами у кочевников в XI в. (Кирпичников 1966: 48).

На землях Северной Буковины обнаружено шесть железных (Черновка, Васильев, Недобоевцы, Галица) и три бронзовые (Черепковцы, Васильев) набалдашника булав (рис. 1: 10—18; 2: 14—17) (Возний 1998: 99; Пивоваров 2001: рис. 1: 19; 2012: 34).

Черновская булава имеет форму куба (длина стороны 2,7 см) со срезанными вершинами. Роль шипов играли 4 пирамидальных выступа, образовавшихся в результате пересечения боковых граней. С одной стороны булавы выступает шип, круглый в сечении, длиной 1,4 см и диаметром 0,7 см. Его назначение — локальное пробивание брони (рис. 1: 10; рис. 2: 14). Это достаточно распространенная среди воинов «булава-клевец» (тип IIA), шип которой показывает направление удара (Кирпичников 1966: 48).

Другие навершия из Черновки и Галицы имеют форму куба с усеченными гранями без шипа (рис. 1: 11, 12). Они относились к простому виду булав (тип II) и были известны на Руси в XII—XIII вв. (Кирпичников, Медведев 1985: табл. XXV: 3). Простота изготовления таких булав свидетельствует о том, что их использовали в основном рядовые воины. Оружие с рукояткой длиной до 50—60 см в случае нанесения прямого удара могло искалечить даже тяжеловооруженного ратника. Галицкая находка дает возможность проследить систему крепления булавы к рукояти. Для этого использовался гвоздь с плоской шляпкой, который вбивался в древко на глубину 4,5 см и таким образом расклинивал его (Пивоваров 2012: 33). Аналогичный способ крепления булавы к рукоятке прослежен в Новгороде на Троицком раскопе, Золотаревском городище (Артемьев и др. 1995: 206, рис. 2; Белорыбкин 2001: рис. 82). Булавы этого типа найдены на Райковецком городище, Дорогобуже, Княжей Горе, в Колодяжине, Серенске, Москве, а также в Латвии (Гончаров 1950: 95, табл. XII: 12—14; Медведев 1959: 137, рис. 7: 3; Никольская 1981: рис. 95: 8; Прищепа 2011: рис. 161: 2; Шноре 1961: табл. X: 22; Юра 1962: 117, табл. 1: 5; Liwoch 2006: 67—78; Michalak 2006: 55, рис. 6).

В летописном Василеве обнаружена пустотелая железная булава в форме шара с шипами на поверхности. Диаметр отверстия для рукоятки составлял 2,5 см (ЧКМ Фонды: №12679-II-909). Для усиления удара, полость булавы заливалась свинцом, но поскольку оружие побывало в огне, свинец, очевидно, расплавился и вытек. Такие шаровидные навершия относятся к типу IIA и датируются XII — первой половиной XIII вв. (Кирпичников 1966: 61—62). Аналогичные предметы вооружения широко представлены в городах южной и юго-западной Руси: Галиче, Райках, Княжей Горе, Липляве, Городище, а также в Центральной Европе и др. (Медведев 1959: 138; Пастернак 1943: 234, рис. 70: 24; Петровић и др. 1997: 124, рис. 9; Рыбаков 1948: 249, рис. 52).

Своеобразный тип представляет железная булава, обнаруженная во рву Черновского городища. Это навершие цилиндрической формы с четырьмя крестообразно, резко выступающими наружу, шипами, заканчивающимися шариками (рис. 1: 13). По сторонам шипов расположено восемь небольших декоративных выступов. Как и в предыдущем случае,

булава крепилась к рукояти с помощью гвоздя. Такой тип наверший, по мнению автора находки, является продолжением эволюционного развития бронзовых булав с четырьмя центральными шипами и относится к первой половине XIII в. (Пивоваров 2012: 34).

Интересна другая находка с городища в Недобоевцах. Это — железное навершие, имеющее форму усеченного восьмигранника с продольным отверстием (рис. 1: 18) (Пивоваров 2012: 33). По артефактам, выявленным в раскопе, оно датировано XII — началом XIII вв. Аналогии этой находке пока не обнаружены; в типологию А. Н. Кирпичникова она не вписывается.

Своего расцвета производство булав достигло в XII — первой половине XIII вв., когда появились бронзовые булавы (Кирпичниов 1966: 48). Отливались они по восковой модели в двусторонней разъемной глиняной форме.

Еще более характерными для изучения развития ударного оружия являются бронзовые булавы из с. Черепковцы и летописных Васильева и Кучелмина. Первая, в виде куба с четырьмя крестообразно расположенными шипами, изготовлена из бронзы, что случается довольно редко (ЧКМ Фонды: №12679-II–913). Высота ее составляет 3,8 см, ширина — 6 см, внутренний диаметр — 2,3 см (рис. 2: 16). По своим параметрам эту находку можно отнести к типу I (Кирпичников 1966: 48; Измайлов 1997: 97). С. В. Пивоваров в своей публикации о булавах Буковины, по неизвестным причинам, дал не соответствующий действительности рисунок навершия, которое отнес к типу III (Пивоваров 2012: рис. 1: 2). Между тем, аналогичные находки XII — первой половины XIII вв. известны на многих памятниках Древнерусского государства, Северного Кавказа, Дунайской Болгарии и др. (Гусева; Гусынин 2009: 153—158; Парушев 1998: рис. 11; Прищепа 2011: 28, рис. 17: 7; Якубовський 2010: 64, рис. 5: 9; Kuśnierz 2005: табл. IV: 33).

Булава из Васильева имеет четыре крупных центральных и восемь малых крайних шипов. Все 12 шипов обведены двухрядным поперечно-рифленым валиком с гороховидными выступами (ЧКМ Фонды: №12232-II–693). Конструктивно она более совершенна, чем черновская, поскольку во время действия таким оружием сила удара обязательно приходится на один, два или три соседних шипа. Как считает А. Н. Кирпичников, такое оружие появилось на юге Руси в XII — первой половине XIII вв. и относится к типу IV (Кирпичников 1966: 52). Булава этого типа была обнаружена в летописном Кучелмине — ур. Галица (Пивоваров 2012: 33). Возможно, такие булавы были импортом из Киева, где обнаружена бронзолитейная мастерская для их производства (Каргер 1958: 380, рис. 82). С. В. Пивоваров предполагает, что они произведены в самом Кучелмине (Пивоваров 2012: 33). Аналогичные находки известны в Колодяжине, Киеве, на Асотском и Бородинском городищах, Княжей Горе и др. (Гончаров 1950: 95, табл. XI: 7, 8; Маярчак 2006: 84, табл. 1: 26; Никольская 1981: рис. 95: 2; Седов 1960: 111, рис. 56; Терський 2010: 221, рис. 140).

Ударным оружием ближнего боя были кистени. Они привязывались за ушко к ремешкам, прикрепленным к короткой палке или руке. Благодаря этому можно было наносить внезапные удары по врагу в любом направлении. Кистенями пользовались как пешие воины, так и всадники, чаще всего их использовали в бою легковооруженные всадники (рис. 2: 18). Искусный и быстрый удар мог оглушить противника. Кистень, как и булава, был вспомогательным средством борьбы, к которому обращались, когда уже нельзя было действовать основными видами оружия. Как заимствование от кочевников Востока, этот вид оружия появился на Руси во второй половине X в. и существовал в снаряжении войска до XIV в. (Кирпичников и др. 1985: 311).

В краеведческом музее Черновцов хранится фрагмент костяного кистеня, переданый из Галича (ЧКМ Фонды: №6770-II–410). Он яйцевидной формы с продольным отверстием, куда вставлялся железный стержень с петлей для крепления ремня. Такие кистени относятся к типу 1 и датируются X—XIII вв. (Кирпичников 1966: 59). Аналогии им широко известны в Восточной Европе (Сергєєва 2009: 30, рис. 1: 3; Kotowicz 2006: рис. 2).

Таким образом, видно, что славяно-русское вооружение населения исследуемого региона было на достаточно высоком уровне. Его эволюция проходила в общем русле развития военного искусства Восточной Европы, но при этом было определенное локальное своеобразие в использовании некоторых видов вооружения, что связано, в первую очередь, с особенностями географического расположения края. Это проявилось и в достаточно раннем ознакомлении местного населения с огнестрельным оружием.

Литература

Артемьев А. Р. 1982. Копья из раскопок в Изборске. *КСИА* 171, 87—93.

Артемьев А. Р. 2004. Проблемы выделения монголо-татарского комплекса вооружения среди древнерусских материалов XIII в. В: Макаров Н. А. и др. (ред.). *Восточная Европа в средневековье.* К 80-летию Валентина Васильевича Седова. Москва: Наука, 143—152.

Артемьев А. Р., Гайдуков П. Г. 1995. Две уникальные булавы из раскопок в Новгороде. В: Анкудинов И. Ю., Гайдуков П. Г. (сост.). *Новгород и Новгородская земля. История и археология* 9. Материалы научной конференции. Новгород: б. и., 202—206.

Белорыбкин Г. Н. 2001. *Золотаревское поселение*. Санкт-Петербург; Пенза: ПГПУ.

Беляєва С. О., Кубишев А. І. 1995. *Поселення Дніпровського Лівобережжя X—XV ст.* Київ: Наукова думка.

Бережинський В. Г. 2000. *Техніка бойового застосування давньоруського озброєння*. Київ: б. и.

Винокур и др. 2004: Винокур І. С., Журко О. І., Мегей В. П., Якубовський В. І. 2004. *Літописний Губин XII—XIII ст. Болохівська земля*. Київ; Кам'янець-Подільський; Хмельницький; Старокостянтинів: Центр Поділлєзнавства.

Возний І. П. 1998. *Чорнівська феодальна укріплена садиба XII — XIII ст.* Чернівці: Рута.

Возний І. П. 2009. *Історико-культурний розвиток населення межиріччя Верхнього Сірету та Середнього Дністра в X—XIV ст.* Ч. 2. *Матеріальна, духовна культура та соціально-історичний розвиток*. Чернівці: Золоті литаври.

Гончаров В. К. 1950. *Райковецкое городище*. Київ: АН УРСР.

Гусева Т. В. 2000. *Мужская «забава». Дамская «штучка»*. URL: http://www.opentextnn.ru/history/archaeology/museum/?id=2456. Дата обращения 12.03.2014.

Гусынин В. А. 2009. Оружие ударно-дробящего действия X—XIII веков с территории Пензенской области. *Вестник военно-исторических исследований.* Межвузовский сборник научных трудов 1. Пенза: ГУМНИЦ, 153—158.

Довженок В. Й. и др. 1966: Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О. 1966. *Древньоруське місто Воїнь*. Київ: АН УРСР.

Звіздецький Б. 2008. *Археологічні дослідження в північно-східних районах Житомирського Полісся (матеріали та дослідження до археологічної карти області: Коростенський, Овруцький та Народницький райони)*. Коростень: ІА НАНУ.

Измайлов И. Л. 1997. *Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X — начала XIII в.* Казань; Магадан: Казанский государственный университет.

Іванченко Л. І. 1990. Давньоруське городище поблизу с. Сахнівка на Росі. *Археологія* (3), 134—141.

Каргер М. К. 1958. *Древний Киев.* Т. 1. Москва; Ленинград: АН СССР.

Кирпичников А. Н. 1966. *Древнерусское оружие* 2. *Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв.* САИ Е1—36. Москва; Ленинград: Наука.

Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. 1985. Вооружение. В: Колчин Б. А. (отв. ред.). *Древняя Русь. Город, замок, село*. Археология СССР 15. Москва: Наука, 298—363.

Коваленко В. П., Ситий Ю. М. 2004. «Свої погани» Чернігівських князів. *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII — X ст.* Київ: Корвін Пресс, 121—138.

Козловський А. О. 1990. *Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX—XIV ст.* Київ: Наукова думка.

Малевская и др. 1970: Малевская М. В., Рапопорт П. А., Тимощук Б. А. 1970. Раскопки на Ленковецком поселении в 1967 г. *СА* (4), 112—127.

Маярчак С. П. 2006. *Археологічні пам'ятки IX—XIII ст. Лівобережжя Середнього Подністров'я*. Кам'янець-Подільський: ПП Мошак М. І.

Медведев А. Ф. 1959. Оружие Новгорода Великого. *МИА* 65, 121—191.

Моця О., Казаков А. 2011. *Давньоруський Чернігів*. Київ: Стародавній Світ.

Никольская Т. В. 1974. Военное дело в городах земли вятичей (по материалам древнерусского Серенска). *КСИА* 139, 34—42.

Никольская Т. Н. 1981. *Земля вятичей. К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки в IX—XIII вв.* Москва: Наука.

Парушев В. 1998. Боздугани от музея в Дробич. *Археология* (3—4). София, 67—72.

Пастернак Я. 1998. *Старий Галич. Археологічно-історичні досліди у 1850—1943 рр.* Івано-Франківськ: Плай.

Петегирич В. М. 1983. Пам'ятки навали золотоординців на Галицьку землю. *Археологія* 42, 47—51.

Петровић П., Јовановић С. 1997. *Културно благо књажевачког краја: археологија*. Београд: Типографик.

Пивоваров С. 2001. Нові знахідки предметів озброєння та спорядження вершника і верхового коня з Чорнівського городища (перша половина XIII ст.). *ПССІАЕ* 2, 133—142.

Пивоваров С. В. 2012. Металеві навершя булав з давньоруських пам'яток Буковини. *Вісник національного університету «Львівська політехніка». Серія «Держава та армія»* 724. Львів: Львівська політехніка, 31—35.

Плавінскі М. 2010. Браслаўскае Паазер'е ў канцы I — пачатку II тыс. н. э.: Сучасны стан і перспектывы даследаванняў. *МДАПВ* 14, 114—134.

Прищепа Б. А. 2011. *Дорогобуж на Горині у X—XIII ст.* Рівне: ПП ДМ.

ПСРЛ 1997: *Полное собрание русских летописей* I. Москва: Языки славянской культуры.

ПСРЛ 2001: *Полное собрание русских летописей* II. Москва: Языки славянской культуры.

Рыбаков Б. А. 1948. *Ремесло Древней Руси*. Москва: АН СССР.

Седов В. В. 1960. *Сельские поселения центральных районов Смоленской земли*. МИА 92.

Сергєєва М. 2009. Сліди косторізного виробництва у кварталі Е7 (Київ, Поділ). В: Коцур В. П. (гл. ред.). *Наукові записки з української історії* 23. Переяслав-Хмельницький: ПХДПУ, 29—34.

Терський С. В. 2010. Зброя та захисний обладунок населення Надстублянщини — волості княжого міста Пересопниці у X—XII ст. *Вісник національного університету «Львівська політехніка». Серія «Держава та армія»* 670. Львів: Львівська політехніка, 22—30.

Терський С. В. 2010. *Княже місто Володимир*. Львів: Львівська політехніка.

Тимощук Б.О. 1971. Дослідження давньоруського городища Дарабани-Щовб. В: Шевченко Ф.П. (відп. ред.). *Середні віки на Україні* 1. Київ: ИА АН УССР, 187—190.

Тимощук Б.О. 1976. *Слов'яни Північної Буковини V—IX ст*. Київ: Наукова думка.

Тимощук Б.О. 1982. *Давньоруська Буковина (X — перша половина XIV ст.)*. Київ: Наукова думка.

Шекун О.В., Веремійчик О.М. 1997. Поселення Ліскове у верхів'ях р. Білоус. В: Моця О.П., Коваленко В.П., Петрашенко В.О. (ред.). *Південноруське село IX—XIII ст*. Київ: Інститут змісту і методів навчання, 69—99.

Шноре Э. 1961. *Асотское городище*. Рига: Зинатне.

Штыхаў Г.В. 2008. Курганы могыльнык Ізбішча-Дзвінаса. *Матэріалы па археалогіі Беларусі* 16. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі.

Юра Р.О. 1962. Древній Колодяжин. *АП УРСР* 12, 57—130.

Якубовський В. 2010. Дослідження городища давньоруського м. Губин (XII — XIII ст.) та його найближчої сільськогосподарської округи. *Археологічні студії* 4. Київ; Чернівці: Зелена Буковина, 255—266.

Cynkałowski A. 1961. *Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wołyńskiego*. Warszawa: Polskie Towarzystwo Archeologiczne.

Kotowicz N. 2006. Uwagi o znaleziskach kiścieni wczesnośredniowiecznych na obszarze Polski. *Acta Militaria Mediaevalia*. Kraków; Sanok: Muzeum Historyczne w Sanoku; Polska Akademia Umiejętności, 51—66.

Kuśnierz J. 2005. Militaria z Czermna nad Huczwą. Próba rekonstrukcji sposobu ataku tatarów na gród (w 1240 r.) na podstawie dotychczasowych badań archeologicznych. *Acta Militaria Medievalia*. Kraków; Sanok: Muzeum Historyczne w Sanoku; Polska Akademia Umiejętności, 115—132.

Liwoch R. 2006. Buławy z zachodniej Ukrainy. *Acta Militaria Mediaevalia* 2. Kraków; Sanok: Muzeum Historyczne w Sanoku; Polska Akademia Umiejętności, 67—78.

Michalak A. 2006. Wpływy wschodnie czy południowe? Z badań nad pochodzeniem buław średniowiecznych na ziemiach Polskich. *Вісник Національного університету "Львівська політехніка"* 571, 48—74.

Spinei V. 1994. *Moldova în secolele XI—XIV*. Chişinău: Universitas.

References

Artem'ev, A.R. 1982. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief Reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR)* 171, 87—93 (in Russian).

Artem'ev, A.R. 2004. In *Vostochnaia Evropa v srednevekov'e. (Eastern Europe in Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 143—152 (in Russian).

Artem'ev, A.R., Gaidukov, P.G. 1995. In *Novgorod i Novgorodskaia zemlia: Istoriia*
i arkheologiia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology) 9. Novgorod: s. ed., 202—206 (in Russian).

Belorybkin, G.N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotarevskoe Settlement)*. Saint Petersburg; Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).

Belyayeva, S.O., Kubyshev, A.I. 1995. *Poselennya Dniprovs'koho Livoberezhzhya X—XV st. (Settlements of the Left Bank of the Dnieper in 10th—15th cc.)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).

Berezhyns'kyj, V.H. 2000. *Tekhnika bojovoho zastosuvannya davn'orus'koho ozbroyennya (Methods of Tactical Employment of the Old Russian Arms)*. Kiev: s. ed. (in Ukrainian).

Vynokur, I.S., Zhurko, O.I., Mehej, V.P., Yakubovs'kyj, V.I. 2004. *Litopysnyj Hubyn XII—XIII st. Bolokhivs'ka zemlya (Gubin of the Chronicles in 12th — 13th c. Bolohov Land)*. Kiev; Kam'yanets'-Podil's'kyj; Khmel'nyts'kyj; Starokostyantyniv: "Tsentr Podillyeznavstva" Publ. (in Ukrainian).

Vozny, I.P. 1998. *Chornivs'ka feodal'na ukriplena sadyba XII—XIII st. (Chornivska Feudal Fortified Estate of 12th — 13th cc.)*. Chernivtsi: "Ruta" Publ. (in Ukrainian).

Vozny, I.P. 2009. *Istoryko-kul'turnyj rozvytok naselennya mezhyrichchya Verkhn'oho Siretu ta Seredn'oho Dnistra v X—XIV st. (Historical and Cultural Development of the Population in the Region between the Upper Siret and Middle Dniester in 10th — 14th cc.)*. Part 2. *Material'na, dukhovna kul'tura ta sotsial'no-istorychnyj rozvytok (Material and Spiritual Culture and Social-Historical Development)*. Chernivtsi: "Zoloti lytavry" Publ. (in Ukrainian).

Goncharov, V.K. 1950. *Raikovetskoe gorodishche (Raikovetskoe Fortified Settlement)*. Kiev: Academy of Sciences of Ukrainian SSR (in Russian).

Guseva, T.V. 2000. *Muzhskaia «zabava». Damskaia «shtuchka» (Men's 'fun'. Ladies' 'trick')*. Available at: http://www.opentextnn.ru/history/archaeology/museum/? id=2456. (accessed 12.03.2014) (in Russian).

Gusynin, V.A. 2009. In *Vestnik voenno-istoricheskikh issledovanii (Bulletin of the Military Historical Research)* 1. Penza, 153—158 (in Russian).

Dovzhenok, V.J., Honcharov, V.K., Yura, R.O. 1966. *Drevn'orus'ke misto Voïn' (Old Russian Town Voin)*. Kiev: Academy of Sciences of Ukrainian SSR (in Ukrainian).

Zvizdets'kyj, B. 2008. *Arkheolohichni doslidzhennya v pivnichno-skhidnykh rajonakh Zhytomyrs'koho Polissya (materialy ta doslidzhennya do arkheolohichnoï karty oblasti: Korostens'kyj, Ovruts'kyj ta Narodnyts'kyj rajony) (Archaeological Research in the North-Eastern Districts of Zhitomir Polessye (materials and research on the archaeological mapping of the Oblast: Korosten, Ovruch and Narodychi Raions))*. Korosten: Archaeology Institute of Ukraine National Academy of Sciences (in Ukrainian).

Izmailov, I.L. 1997. *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniia Volzhskoi Bulgarii X — nachala XIII v. (Armament and Warfare of the Population of Volga Bulgaria in 10th — Early 13th c.)*. Kazan; Magadan: Kazan State University (in Russian).

Ivanchenko, L.I. 1990. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3), 134—141 (in Ukrainian).

Karger, M.K. 1958. *Drevnii Kiev (Old Kiev)*. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kirpichnikov, A.N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Armaments)*. Issue 2. *Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni IX—XIII vv. (Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th —13th cc.)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—36. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kirpichnikov, A.N., Medvedev, A.F. 1985. In *Drevniaia Rus'. Gorod, zamok, selo (Ancient Russia. Town, Castle, Village)*. Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 15. Moscow: "Nauka" Publ., 298—363 (in Russian).

Kovalenko, V.P., Sytyj, Yu.M. 2004. In *Starodavnij Iskorosten' i slov'yans'ki hrady VIII—X st. (Ancient Iskorosten' and Slavic Towns of 8th —10th cc.)*. Kiev: "Korvin Press" Publ., 121—138 (in Ukrainian).

Kozlovs'kyj, A.O. 1990. *Istoryko-kul'turnyj rozvytok Pivdennoho Podniprov'ya v IX—XIV st. (Historical and Cultural Development of Southern Dnieper Region in the 9th —14th Centuries)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).

Malevskaia, M.V., Rapoport, P.A., Timoshchuk, B.A. 1970. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 112—127 (in Russian).

Mayarchak, S.P. 2006. *Arkheolohichni pam'yatky IX — XIII st. Livoberezhzhya Seredn'oho Podnistrov'ya (Archeological Sites of the Left Bank of the Middle Dniester Re-*

gion in the 9th —13th Centuries). Kam'yanets'-Podil's'kyj: "Moshak M. I." Publ. (in Ukrainian).

Medvedev, A. F. 1959. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Researches in Archaeology)* 65, 121—191 (in Russian).

Motsya, O., Kazakov, A. 2011. *Davn'orus'kyj Chernihiv (Chernigov in Old Rus' Times)*. Kiev: "Starodavnij Svit" Publ. (in Ukrainian).

Nikol'skaia, T. V. 1974. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief Reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR)* 139, 34—42 (in Russian).

Nikol'skaia, T. N. 1981. *Zemlia viatichei. K istorii naseleniia basseina Verkhnei i Srednei Oki v IX—XIII vv. (The Land of the Vyatichi. On History of Population in the Basin of the Upper and Middle Oka in the 9th — 13th cc.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Parushev, V. 1998. In *Arkheologiya (Archaeology)* (3—4). Sofia, 67—72 (in Bulgarian).

Pasternak, Ya. 1998. *Staryj Halych. Arkheolohichno-istorychni doslidy u 1850—1943 rr. (Old Galich. Archaeological-Historical Studies of 1850—1943)*. Ivano-Frankivs'k: "Plaj" Publ. (in Ukrainian).

Petehyrych, V. M. 1983. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 42, 47—51 (in Ukrainian).

Petrović, P., Jovanović, S. 1997. *Kuljturno blago knjaževačkog kraja: arheologija (Cultural Wealth of the Knyazhevatsky Kray: Archaeology)*. Belgrade: "Tipografik" Publ. (in Serbian).

Pyvovarov, S. 2001. In *Pytannya starodavn'oï ta seredn'ovichnoï istoriï, arkheolohiï j etnolohiï (Questions of Ancient and Medieval History, Archaeology and Ethnology)* 2, 133—142 (in Ukrainian).

Pyvovarov, S. V. 2012. In *Visnyk natsional'noho universytetu «L'vivs'ka politekhnika». Seriya «Derzhava ta armiya» (Bulletin of the National University "Lviv Polytechnic". Series "State and Army")* 724. Lviv: Lviv Polytechnic National University, 31—35 (in Ukrainian).

Plavinski, M. 2010. In *Materialy doslidzhen' z arkheolohiï Podillya j Volyni (Materials from the Research into the Archaeology of Podoly and Volhynia)* 14, 114—134 (in Belorussian).

Pryshchepa, B. A. 2011. *Dorohobuzh na Horyni u X—XIII st. (Dorogobuzh on Horyn in the 10th —13th Centuries)*. Rivne: "PP DM" Publ. (in Ukrainian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) I. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) II. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Rybakov, B. A. 1948. *Remeslo drevnei Rusi (Crafts of Old Russia)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Sedov, V. V. 1960. *Sel'skie poseleniia tsentral'nykh raionov Smolenskoi zemli (Rural Settlements in the Central Zone of the Smolensk Land)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Researches in Archaeology) 92 (in Russian).

Sergeeva, M. 2009. In *Naukovi zapysky z ukraïns'koï istoriï (Scientific Notes on Ukrainian History)* 23. "G. Skovoroda" Pereiaslav-Khmelnytskyi: Pereiaslav-Khmelnytskyi State Pedagogical University, 29—34 (in Ukrainian).

Ters'kyj, S. V. 2010. In *Visnyk natsional'noho universytetu «L'vivs'ka politekhnika». Seriya «Derzhava ta armiya» (Bulletin of the National University "Lviv Polytechnic". Series "State and Army")* 670. Lviv: Lviv Polytechnic National University, 22—30 (in Ukrainian).

Ters'kyj, S. V. 2010. *Knyazhe misto Volodymyr (Prince's Town Volodimir)*. Lviv: Lviv Polytechnic National University (in Ukrainian).

Tymoshchuk, B. O. 1971. In *Seredni viky na Ukraïni (Middle Ages in Ukraine)* 1. Kiev: Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Ukrainian SSR, 187—190 (in Ukrainian).

Tymoshchuk, B. O. 1976. *Slov'yany Pivnichnoï Bukovyny V—IX st. (Slavs of Northern Bukovina in 5th —9th Centuries)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).

Tymoshchuk, B. O. 1982. *Davn'orus'ka Bukovyna (X — persha polovyna XIV st.) (Old Russian Bukovina (10th — First Half of 14th Century))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).

Shekun, O. V., Veremijchyk, O. M. 1997. In *Pivdennorus'ke selo IX — XIII st. (South-Russian Village of the 9th—13th cc.)*. Kiev, 69—99 (in Ukrainian).

Shnore, E. 1961. *Asotskoe gorodishche (Asotskoe Fortified Settlement)*. Riga: "Zinatne" Publ. (in Russian).

Shtykhaŭ, H. V. 2008. In *Matèrialy pa arkhealohii Belarusi (Proceedings on Archaeology of Belarus)* 16. Minsk: National Academy of Sciences of Byelorussia, Institute of History (in Belorussian).

Yura, R. O. 1962. In *Arkheolohichni pam'yatky URSR (Archaeological Sites of Ukrainian SSR)* 12, 57—130 (in Ukrainian).

Yakubovs'kyj, V. 2010. In *Arkheolohichni studiï (Archaeological Studies)* 4. Kiev; Chernivtsi: "Zelena Bukovyna" Publ., 255—266 (in Ukrainian).

Cynkałowski, A. 1961. *Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wołyńskiego*. Warszawa: Polskie Towarzystwo Archeologiczne.

Kotowicz, N. 2006. Uwagi o znaleziskach kiścieni wczesnośredniowiecznych na obszarze Polski. *Acta Militaria Mediaevalia*. Kraków; Sanok: Muzeum Historyczne w Sanoku; Polska Akademia Umiejętności, 51—66.

Kuśnierz, J. 2005. Militaria z Czermna nad Huczwą. Próba rekonstrukcji sposobu ataku tatarów na gród (w 1240 r.) na podstawie dotychczasowych badań archeologicznych. *Acta Militaria Medievalia*. Kraków; Sanok: Muzeum Historyczne w Sanoku; Polska Akademia Umiejętności, 115—132.

Liwoch, R. 2006. Buławy z zachodniej Ukrainy. *Acta Militaria Mediaevalia* 2. Kraków; Sanok: Muzeum Historyczne w Sanoku; Polska Akademia Umiejętności, 67—78.

Michalak, A. 2006. Wpływy wschodnie czy południowe? Z badań nad pochodzeniem buław średniowiecznych na ziemiach Polskich. *Visnyk Natsional'noho universytetu "L'vivs'ka politekhnika"* 571, 48—74.

Spinei, V. 1994. *Moldova în secolele XI—XIV*. Chişinău: Universitas.

Статья поступила в номер 26 марта 2014 г.

Igor Vozny (Chernivtsi, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. Yuriu Fedkovych Chernivtsi National University[1].

Igor Vozny (Cernăuți, Ucraina). Doctor în ştiinţe istorice. Universitatea Naţională „Iuri Fedkovici" din Cernăuți.

Возный Игорь Петрович (Черновцы, Украина). Доктор исторических наук. Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича.

E-mail: voznyj_igor@rambler.ru.

Address: [1] Kafedralnaya St., 2, Chernivtsi, 58012, Ukraine

С. В. Белецкий

Топорик из Суздальского Ополья

Keywords: Kievan Rus', Rurik dynasty, hatchet, bident, trident, power symbols (regalia), voivode, conspiracy.

Cuvinte cheie: Rusia Kieveană, Riurikovicii, topor, bident, trident, simbol al puterii, voievod, conspirație.

Ключевые слова: Киевская Русь, Рюриковичи, топор, двузубец, трезубец, регалия власти, воевода, заговор.

S. V. Beletsky

A Hatchet from Suzdal Opolye

In 2011, during excavation of a tumulus at the cemetery of Shekshovo-9 near Suzdal, there was found an iron war hatchet inlayed with silver. Along with a geometric motif, the incrustation included representations of two princely signs — a bident and a trident. N.A. Makarov, I.E. Zaytseva and A.M. Krasnikova who published this find have convincingly identified this hatchet as a "symbol of power".

The bident is an ordinary type of a familial two-pronged battle fork sign of the Rurik princes; it was consequently used by representatives of the senior branch of the dynasty. The trident belonged to one of the junior sons of Prince Vladimir Svyatoslavich. A contemporary of Vladimir Svyatoslavich's sons among the princes who used the family bident of the Rurik dynasty was represented by Svyatopolk Yaropolchich — the posthumous son of Yaropolk Svyatoslavich adopted by Vladimir. He used the bident in the years of the Turov princedom. The trident on the hatchet can have belonged (and, most probably, indeed belonged) to Vsevolod Vladimirovich who reigned in Volhynia.

Svyatopolk Yaropolchich considered himself as a legal pretender to the Kievan throne "lawlessly" occupied by Vladimir Svyatoslavich who had killed his elder brother, Kievan Grand Prince Yaropolk. The frondeur opposition resulted in Svyatopolk being arrested and imprisoned in a dungeon on charges of conspiracy. Possibly, Vsevolod took Svyatopolk's side in the confrontation with Kiev and became a participant of the plot.

S. V. Beletsky

Un topor din Suzdal Opolie

În 2011, în timpul săpăturilor unui tumul din necropola Șekșovo 9, de lângă Suzdal a fost găsit un topor din fier incrustat cu argint. Pe lângă figurile geometrice, decorul includea reprezentările a două semne voievodale — bident și trident. N.A. Makarov, I.E. Zaițeva și A.M. Krasnikova, care au publicat piesa, pe bună dreptate au interpretat acest topor ca fiind un „simbol al puterii".

Bidentul este tipic pentru neamul Riurikovicilor, fiind utilizat de către reprezentanții ramurii mai timpurii ai dinastiei. Tridentul aparținea unuia dintre fiii mai mici ai lui Vladimir Sveatoslavovici. Dintre cnejii care utilizau bidentul Riurikovicilor, contemporanul fiilor lui Vladimir Sveatoslavovici era Sveatopolk Iaropolcici — fiul postum al lui Iaropolk Sveatoslavovici, adoptat de către Vladimir; el utiliza bidentul în anii knezatului de la Turov. Tridentul de pe topor putea aparține (și, probabil, chiar aparținea) lui Vsevolod Vladimirovici, cneaz în Volânia.

Sveatopolk Iaropolcici se identifica drept pretendentul legitim pentru marele tron din Kiev, ocupat „ilegal" de către Vladimir Sveatoslavovici, care și-a ucis fratele mai mare, kneazul Kievului Iaropolk. În timpul frondei, Sveatopolk a fost arestat, acuzat de conspirație și închis. Probabil, în conflictul cu Kievul, Vsevolod a luat partea lui Sveatopolk, devenind astfel unul dintre participanți la conspirație.

С. В. Белецкий

Топорик из Суздальского Ополья

В 2011 г. при раскопках кургана в могильнике Шекшово-9 близ Суздаля был найден железный топор, инкрустированный серебром. Наряду с геометрическим орнаментом, инкрустация включала изображения двух княжеских знаков — двузубца и трезубца. Н.А. Макаров, И.Е. Зайцева и А.М. Красникова, опубликовавшие находку, справедливо расценили этот топор как «символ власти».

Двузубец представляет собой обычный тип родового двузубца Рюриковичей; его последовательно использовали представители старшей ветви династии. Трезубец принадлежал одному из младших сыновей Владимира Святославича. Из князей, пользовавшихся родовым двузубцем Рюриковичей, современником сыновей Владимира Святославича был Святополк Ярополчич — посмертный сын Ярополка Святославича, усыновленный Владимиром; он использовал двузубец в годы туровского княжения. Трезубец на топорике мог принадлежать (и, вероятно, принадлежал) Всеволоду Владимировичу, княжившему на Волыни.

Святополк Ярополчич осознавал себя законным претендентом на великий киевский стол, занятый «не по праву» Владимиром Святославичем, убившим своего старшего брата, великого киевского князя Ярополка. Следствием фрондирования стал арест Святополка и заключение в темницу по обвинению в заговоре. Вероятно, в противостоянии с Киевом сторону Святополка принял Всеволод, ставший одним из участников заговора.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© С. В. Белецкий, 2014.

В 2011 г. при раскопках кургана в могильнике Шекшово-9 близ Суздаля был найден железный топорик, инкрустированный серебром (рис. 1). Он принадлежит к типу IV по классификации А. Н. Кирпичникова. Датировка таких топоров определяется в пределах X—XII вв. (Кирпичников 1966: 30).

Наряду с геометрическим орнаментом, инкрустация топорика включает изображения двух княжеских знаков — трезубца на торцевой грани и двузубца на боковой (рис. 2)[1]. Публикуя находку, Н. А. Макаров с соавторами отмечали: «Помещение на топоре тамгообразных княжеских знаков — уникальное явление» (Макаров, Зайцева, Красникова 2013: 441). Находка действительно редкая, но не уникальная. На торце топорика из кургана третьей четверти XI в. в могильнике Никольское III, как будто бы, также угадывается инкрустированный серебром княжеский знак. Судя по опубликованной прорисовке, сохранность инкрустации крайне плохая (Макаров 1988: 456, верхний рисунок). Тем не менее, эта находка определенно свидетельствует о том, что использование парадного оружия с изображениями княжеских гербов не было в Древней Руси чем-то экстраординарным. Очевидно, подобное «дорогое парадное оружие» действительно можно расценить как «символ власти» (Макаров, Зайцева, Красникова 2013: 443). Иными словами, топорик являлся такой же регалией власти, как и геральдические подвески, но только представлял собой инсигнию власти воинской (воевода?), а не гражданской.

По мнению Н. А. Макарова с соавторами, трезубец на топорике близок «знакам князей Владимира Святославича и Ярослава Владимировича» (Макаров, Зайцева, Красникова 2013: 438). Двузубец на топорике из Шекшово исследователи предложили рассматривать как «общий родовой знак князей Рюрикова дома», а трезубец охарактеризовали как тамгу, которая «могла принадлежать кому-то из ближайших родичей Владимира и Ярослава. Летопись сохранила известия лишь о двух Рюриковичах, занимавших ростовский стол в конце X — начале XI в. — Ярославе и его брате Борисе, сменившем на ростовском княжении Ярослава после перехода последнего в Новгород. Вполне вероятно, что тамгообразный знак с треугольником на среднем зубце принадлежал Борису Владимировичу, однако эта атрибуция не может быть строго доказана», — заключили исследователи (Макаров, Зайцева, Красникова 2013: 441). Думается, однако, что сам факт обнаружения топорика в погребении, совершенном на территории Суздальского Ополья, не является основанием ни для персонификации трезубца князю, занимавшему именно ростовский стол, ни для уверенной идентификации владельца инсигнии в качестве представителя княжеской администрации именно на северо-востоке Руси. В любом случае, персонификация одного из двух знаков, помещенных на топорике, не может быть выполнена без учета второго знака.

Изображенный на топорике двузубец (рис. 2: 1) представляет собой обычный тип родового двузубца Рюриковичей: такие двузубцы известны по изображениям на печатях (Янин 1970: 166, №1; Щербак 1959: 364, рис. 1), на геральдических подвесках (Белецкий 2004: 252, 311, 313, рис. 12: 1; 14, №31, 40; 2014: №63), в гончарных клеймах (Кучера 1960: 121, рис. 3: 11; 1961: 144, рис. 1: 6), в граффити на монетах (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 139, 140, 144, 162, №72, 82, 149, 433; Мельникова 1996: 47, №1, 2, 5, 8, 11, 12; Нахапетян, Фомин 1994: 159, №253; Нечитайло 2012: 6, №4), оружии (Артамонов 1958: 76, 77, рис. 55; Белецкий, Белецкий 1998: 169—173), амфорах (Щербак 1959: табл. VI; IX; Флерова 1997: табл. XV: 229, 230) и бытовых предметах (Михайлова, Соболев, Белецкий 1998). Но никаких оснований считать двузубец общим родовым символом всех князей Рюрикова дома, на мой взгляд, нет. Простой двузубец последовательно использовали Рюрик (?), Игорь Рюрикович, Святослав Игоревич, Ярополк Святославич и Святополк Ярополчич, то есть — представители старшей ветви рода (Белецкий 2000: 418, рис. 35). Однако социально престижным изобразительным символом младшей ветви рода стал не двузубец, а трезубец — именно такой знак был усвоен Владимиром Святославичем уже при жизни отца, и сыновья Владимира также использовали трезубцы, а не двузубец. Полагаю, поэтому, что двузубец на топорике из Шекшово обозначал не «род Рюриковичей» в целом, а вполне конкретного представителя старшей ветви этого рода.

Трезубец на топорике (рис. 2: 2) отличается от трезубца Владимира Святого завершением центрального зубца — треугольник, обращенный вершиной вверх. Этот знак был ранее зафиксирован в гончарном клейме из Вышгорода (Строкова 2000: 163, рис. 6: 5). Именно фор-

[1] Предварительные комментарии к знакам на топорике из Шекшово см.: Белецкий 2012: 458—463.

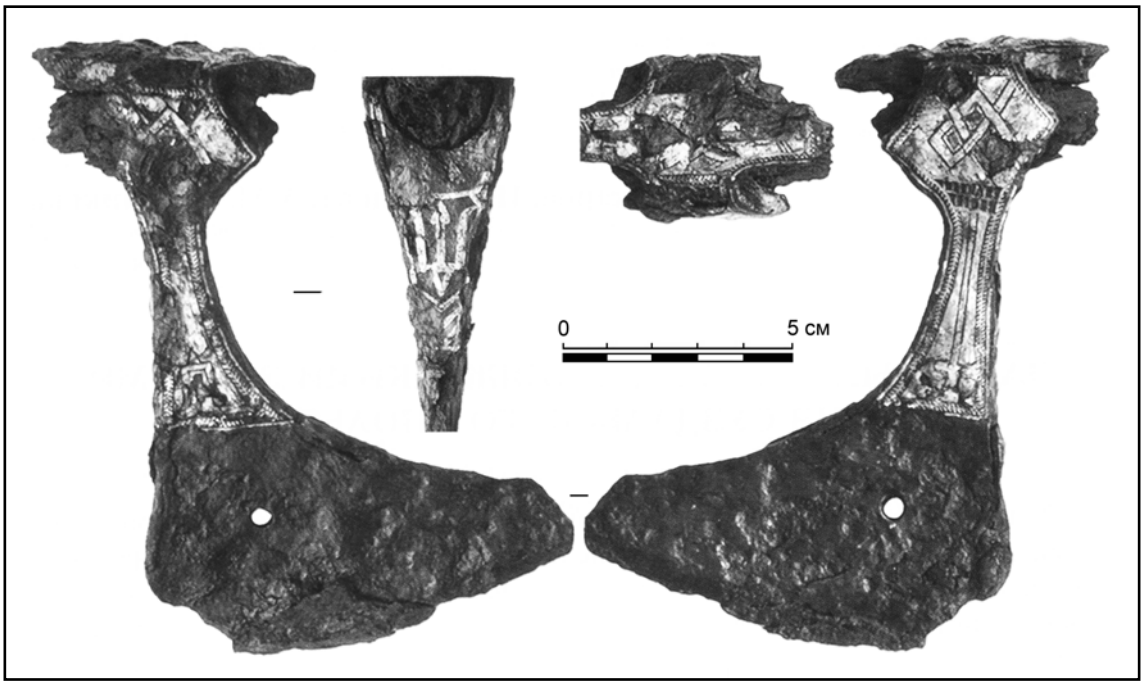

Рис. 1. Топорик из кургана в могильнике Шекшово-9 (по Макаров, Зайцева, Красникова 2013: 436, рис. 1).

Fig. 1. War hatchet from a barrow at the cemetery of Shekshovo-9 (after Макаров, Зайцева, Красникова 2013: 436, рис. 1).

мой завершения центрального зубца отличаются от трезубца отца и друг от друга знаки младших сыновей Владимира — крестик на вершине центрального зубца у трезубца Изяслава, кружок у трезубца Ярослава, ромб у трезубца Мстислава и т.д. (Белецкий 2000: 418, рис. 35). Очевидно, что трезубец с треугольником на вершине центрального зубца принадлежал одному из младших сыновей Владимира. Следовательно, топорик вряд ли может быть датирован ранее первой половины — середины 980-х гг., то есть — того времени, когда сыновья Владимира получали «из руки отца» княжеские столы (ПВЛ 1950, I: 83; Войтович 1992: 20—24).

Таким образом, воевода (?), получивший право на ношение и использование парадного боевого топорика с изображениями двух княжеских знаков, выступал представителем одновременно двух князей — и владельца двузубца, и владельца трезубца. Следовательно, эти князья были современниками.

Из князей, пользовавшихся родовым двузубцем Рюриковичей, современником сыновей Владимира Святославича был только Святополк Ярополчич — посмертный сын Ярополка Святославича, усыновленный Владимиром: он использовал двузубец в годы туровского княжения (Белецкий 2000: 386, 387). Полагаю, что именно Святополк туровский скрывается за изображением двузубца

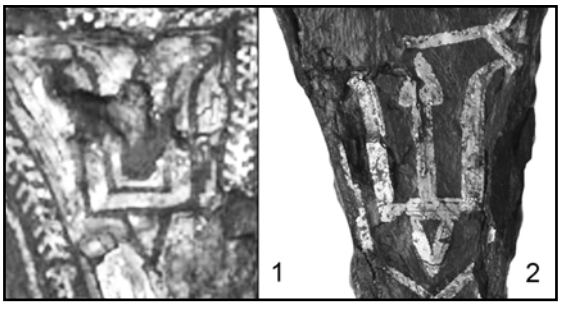

Рис. 2. Древнерусские княжеские знаки на топорике (по Макаров, Зайцева, Красникова 2013: 436, рис. 1).

Fig. 2. Old Russian princely signs on the hatchet (after Макаров, Зайцева, Красникова 2013: 436, рис. 1).

на топорике. Помещение же на топорике изображения трезубца указывает на то, что полномочия, которыми был наделен владелец топорика, были предоставлены ему одновременно и Святополком, и одним из его кузенов по отцу.

Размещение на топорике двух разных княжеских знаков соответствует размещению двух разных знаков на одной и той же геральдической подвеске. В тех случаях, когда один из знаков принадлежал великому киевскому князю, а другой — одному из его сыновей, властные полномочия держатель подвески получал одновременно и от главы государства, и от княжича, посаженного от-

цом на местный княжеский стол. Сочетание на одной из подвесок (Белецкий 2014: №63) изображений родового двузубца Рюриковичей и трезубца Владимира Святославича прекрасно иллюстрирует летописный рассказ о передаче великим киевским князем Святославом Игоревичем новгородского стола бастарду Владимиру (ПВЛ 1950, I: 49, 50). Точно так же была изначально оформлена и костяная подвеска из Новгорода (Белецкий 2004: №31), а «редактирование» двузубца, переделанного в трезубец, прекрасно иллюстрирует летописный рассказ о борьбе Святославичей за наследство отца (ПВЛ 1950, I: 53, 54). Соответствует летописному сообщению (ПВЛ 1950, I: 83) и размещение на ряде подвесок одновременно трезубцев Владимира Святославича и его сыновей — Вышеслава (Белецкий 2004: №51, 52), Ярослава (Белецкий 2004: №34) и Бориса (Белецкий 2011: 44—45; 2014: №56, 94) Владимировичей.

В летописи княжичи, получившие столы «из руки отца», именуются князьями, но, очевидно, что эти князья не были суверенами, а находились в зависимости от великого киевского князя, который был вправе переводить их со стола на стол. Статус княжичей, посаженных отцом на местные столы, соответствует положению великокняжеского наместника. Однако стороны подвесок были формально равнозначными, так что речь должна идти об усвоении князю-наместнику статуса сопрвителя великого князя.

Сложнее ситуация с размещением на одной подвеске знаков, принадлежавших двум князьям-наместникам. Очевидно, что держатели этих подвесок являлись такими же должностными лицами государственного аппарата «державы Рюриковичей», как и держатели подвесок с изображениями знаков великого князя и князя-наместника. Понять правовой статус держателей подвесок с изображениями знаков двух князей-наместников позволяют подвески со знаками Ярослава Мудрого и Мстислава Тмутараканского (Белецкий 2004: №30; 2014: №57). Появление в княжеском аппарате лиц, полномочных выступать от имени одновременно Ярослава и Мстислава Владимировичей, находит объяснение в летописном рассказе о разделении в 1026 г. верховной власти между Ярославом и Мстиславом (ПВЛ 1950, I: 100, 101). В таком случае, прочие подвески с изображениями лично-родовых знаков князей-наместников на обеих сторонах, вероятнее всего, также материализовали собой дуумвираты — новгородского князя Вышеслава и ростовского князя Ярослава Владимировичей (Белецкий 2004: №8, 33, 41; 2014: №98), псковского князя Судислава Владимировича и новгородского князя Владимира Ярославича (Белецкий 2004: №237), новгородского князя Владимира Ярославича и полоцкого князя Брячислава Изяславича (Белецкий 2004: №28, 38; 2014: №101). Отсутствие в письменных источниках сведений о перечисленных дуумвиратах, как кажется, свидетельствует о том, что такие дуумвираты представляли собой вполне традиционное явление для властных структур Киевской Руси.

Таким образом, держатели подвесок с изображениями княжеских знаков на обеих сторонах могли выступать представителями или великого киевского князя и князя-наместника, или же двух князей-наместников. Совместная деятельность владельцев знаков, помещенных на топорике, происходила в годы великого княжения Владимира Святого, так что прямыми аналогиями топорику следует признать геральдические подвески с изображениями знаков, принадлежавших двум князьям-наместникам. При этом одним из тех двух князей-наместников, которых представлял владелец топорика, был туровский князь Святополк.

В настоящее время известны подвески с изображениями знаков новгородского и ростовского, новгородского и псковского и, наконец, новгородского и полоцкого князей-наместников. Во всех случаях держатели подвесок выступали представителями князей, занимавших столы в граничащих между собой княжествах. Если это не случайность, то владелец трезубца, помещенного на топорике, с наибольшей вероятностью занимал княжеский стол во Владимире-Волынском, столичном центре пограничной с туровскими землями Волыни. В таком случае речь может идти либо о Всеволоде, либо о Борисе Владимировичах. О княжении Всеволода Владимировича на Волыни сообщается в летописном рассказе о распределении княжеских столов между сыновьями Владимира Святого (ПВЛ 1950, I: 83), а о княжении во Владимире-Волынском Бориса Владимировича упомянуто в Чтении Нестора Печерского (Милютенко 2006: 364—365).

Комментируя обстоятельства, при которых Борис был отозван отцом с Волыни, Нестор объясняет это враждебными намерениями Святополка и страхом Владимира за жизнь Бориса (Милютенко 2006: 364—365). Если это так, то совместная деятельность Святополка и Бориса в период кратковременно-

го (?) пребывания последнего на Волыни в принципе маловероятна[2], и трезубец на топорике из Шекшово принадлежать Борису Владимировичу никак не мог[3].

Достоверные сведения о деятельности Всеволода Владимировича в летописи, как будто бы, отсутствуют. Одним из объяснений этому является предположение, что «он ушел за море в “Варягы” вследствие разрыва с отцом» (Пресняков 1993: 32). Основанием для этого предположения является отождествление Всеволода с упомянутым в сагах Виссивальдом, конунгом из Аустрвега, просившем руки овдовевшей шведской королевы Сигрид Гордой и сожженным заживо по ее приказу вместе с другими женихами (Джаксон 2012: 148, 168, 288). Однако, убийство женихов датируется 995 г., когда Всеволоду было не более 11—13 лет (Войтович 1992: 24), а Сигрид — не меньше 30—35[4], так что отождествление Виссивальда с Всеволодом Владимировичем маловероятно.

Следовательно, вопрос о том, когда именно Всеволод получил «из руки отца» стол во Владимире Волынском — до или после княжения здесь Бориса Владимировича — нельзя ставить в зависимость от даты гибели конунга Виссивальда[5]. Если верны летописные сведения о выделении княжеских столов младшим Владимировичам после смерти Вышеслава (ПВЛ 1950, I: 83), то Борис и Всеволод были посажены Владимиром Святославичем, соответственно, в Ростов и во Владимир Волынский приблизительно одновременно и не ранее 1010 г. В таком случае, Борис действительно первоначально занимал княжеский стол на Волыни, и только после его перевода из Владимира Волынского в Ростов во Владимир был направлен Всеволод.

После сказанного решусь предположить, что трезубец на топорике из Шекшово мог принадлежать (и, вероятно, принадлежал) сыну Владимира Святого Всеволоду. В таком случае владелец данного символа власти получил властные полномочия одновременно от Святополка Ярополчича и Всеволода Владимировича.

Вероятность того, что Святополк в период пребывания на туровском столе находился в оппозиции Киеву, достаточно велика. Туровский князь-наместник осознавал себя Ярополчичем, то есть — законным претендентом на великий киевский стол, занятый «не по праву» убийцей отца. Есть основания считать, что в своих претензиях на верховную власть Святополк находил достаточно широкую поддержку: об этом свидетельствует не только летописный рассказ о поддержке Святополка боярами Вышгорода[6], но и отмеченное В.И. Татищевым присутствие сторонников Святополка среди новгородцев[7]. Именно следствием фрондирования стал арест Святополка и заключение его вместе с женой в темницу, известные по Хронике Титмара[8].

---

[2] Отмеченный Длугошем (Милютенко 2006: 408—409) совместный поход Святополка и Бориса в 1015 г. против мятежного Ярослава приходится на время, когда статус Святополка претерпел значительные изменения по сравнению со временем, предшествовавшим аресту и заточению князя (Белецкий 2000: 387). Замечу, что считать «возмущение обоих старших Владимировичей» — Ярослава и Святополка — следствием одного и того же события (Древняя Русь 1999: 323) нет никаких оснований: причины для фронды у Святополка и Ярослава были различными, а проявление этой фронды происходило с разницей в несколько лет (Белецкий 2001: 105, 106).

[3] Ранее я персонифицировал Борису Владимировичу знак в форме трезубца, вершина центрального зубца у которого имела вид миниатюрного трезубца (Белецкий 2011: 44—45; 2014: №56, 94).

[4] По подсчетам Н.М. Карамзина, к 1015 г. Сигрид было не менее 50 лет: «Ежели Сигрида в 981 году вышла замуж, ... то по смерти Владимировой, — то есть, когда Всеволод мог приехать в Швецию — сей красавице было, по крайней мере, лет 50» (Карамзин 1991: 202).

[5] Комментируя летописный рассказ о распределении княжеских столов между сыновьями Владимира, Д.С. Лихачев отмечал: «Шахматов, а вслед за ним и некоторые другие исследователи считали, что во Владимире-Волынском первоначально был посажен не Всеволод, а Борис, который затем был переведен в Ростов с заменой его во Владимире Волынском Всеволодом. Вряд ли это, однако, так: Всеволод уже в 90-е годы X в. исчезает с политического горизонта Руси. По-видимому, данные саги об Олаве Тригвасоне, согласно которой Всеволод бежал в Скандинавию, где и погиб в 995 г., точны» (ПВЛ 1950, II: 343).

[6] «Святополк... рече им (вышгородцам — *С.Б.*): прияте ли ми всем сердцем? Рече же Путьша с вышегородьци: можем главы своя сложити за тя» (ПВЛ 1950, I: 90).

[7] «Новгородцы не всхотели слышать Ярослава и умыслили его ссадить, а Святополку поддатися» (Татищев 1963: 238).

[8] «Названный король (Владимир — *С.Б.*), услышав, что сын его, подстрекаемый Болеславом, тайно готовится восстать против него, схватил его вместе с женой и названным отцом, и заключил их отдельно друг от друга под стражу... Болеслав же, узнав обо всем этом, не преминул отомстить, насколько мог. После этого названный король, исполненный дней, умер, оставив все свое наследство двум сыновьям, тогда как третий до тех пор находился в темнице; впоследствии, улизнув оттуда, но оставив там жену, он бежал к тестю» (Титмар 2009: 162—163).

А. В. Назаренко подчеркивал, что «словам Титмара, будто Святополк действовал “по наущению Болеславову” (Болеслав Храбрый, тесть Святополка — *С. Б.*), нельзя придавать большого значения: хронист был яростным ненавистником польского князя и имел обыкновение во всем усматривать его козни» (Древняя Русь 1999: 323). Возможно, это так, однако не учитывать того, что у Святополка была серьезная поддержка в лице тестя все-таки нельзя. Во всяком случае, победоносный поход на Русь, состоявшийся в 1013 г.[9], А. В. Назаренко считает «местью Болеслава за заключение в Киеве его дочери и зятя» (Древняя Русь 1999: 322).

Таким образом, Святополк был посажен в темницу в Киеве ранее 1013 г. Ссылаясь на известие Титмара, А. В. Назаренко объяснял арест Святополка тем, что он «обвинялся в заговоре против киевского князя» (Древняя Русь 1999: 323). Короткий период волынского княжения Всеволода Владимировича близок по времени аресту Святополка. Не перешло ли в начале второго десятилетия XI в. вялотекущее фрондирование Святополка в открытое противостояние с Киевом, причем в такое противостояние, в котором сторону тридцатилетнего Святополка туровского принял двадцатипятилетний Всеволод волынский, ставший одним из участников заговора против великого киевского князя? Это предположение могло бы объяснить факт обнаружения топорика с изображениями знаков туровского и волынского князей на территории Ростовского княжества, то есть — в землях, переданных под управление Борису. Борис Владимирович, судя по всему, был в глазах современников наиболее вероятным преемником отца на великокняжеском столе[10]. Погребение в Суздальском Ополье воеводы Святополка и Всеволода как будто бы свидетельствует о походе в Ростовскую землю дружины князей-заговорщиков и согласуется с упоминавшимися сведениями из Чтений Нестора Печерского о враждебных намерениях Святополка в отношении Бориса (Милютенко 2006: 364—365).

Литература

Артамонов М. И. 1958. *Саркел — Белая Вежа.* МИА СССР 62.

Белецкий В. Д., Белецкий С. В. 1998. О знаках на кистене из Белой Вежи. В: Немчинова Л. Е., Таллерчик Т. М. (ред.). *Скифы, хазары, славяне, древняя Русь.* Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора Михаила Илларионовича Артамонова. Тезисы докладов. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 169—172.

Белецкий С. В. 2000. Зарождение русской геральдики. *Stratum plus* (6), 366—424.

Белецкий С. В. 2001. Династическая война на Руси в первой четверти XI в. в свете данных древнейшей русской геральдики. В: Мачинский Д. А., Селин А. А. (ред.). *Миграция и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. Пятые чтения памяти Анны Мачинской.* Санкт-Петербург: СИААМЗ, 99—112.

Белецкий С. В. 2004. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков. В: Мачинский Д. А. (ред.). *Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 243—319.

Белецкий С. В. 2011. Две древнерусские геральдические подвески. В: Лабутина И. К. (отв. ред.). *АИППЗ. Материалы 57-го заседания.* Москва; Псков, 44—48.

Белецкий С. В. 2012. Древнейшая геральдика Руси. В: Дмитриенко А. (отв. ред.). *Повесть Временных лет.* Санкт-Петербург: Вита Нова, 431—463.

Белецкий С. В. 2014. Геральдические подвески древней Руси (новые находки). В: Кирпичников А. Н. (отв. ред.). *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья* 4. Санкт-Петербург, 12—54.

Войтович Л. В. 1992. *Генеалогія династій Рюриковичів і Гедиміновичів.* Київ: Таурус.

Джаксон Т. Н. 2012. *Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий.* 2-е изд. Москва: Русский Фонд содействия образованию и науке.

Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. 1991. *Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны.* Ленинград: ЛГУ.

Древняя Русь 1999: Мельникова Е. А. (ред.). *Древняя Русь в свете зарубежных источников.* 1999. Москва: Логос.

Карамзин Н. М. 1991. *История Государства Российского.* Т. II—III. Москва: Наука.

Кирпичников А. Н. 1966. *Древнерусское оружие* 2. *Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. X—XIII вв.* САИ Е1—36. Москва; Ленинград: Наука.

Кучера М. П. 1960. Гончарные клейма из раскопок древнего Плеснеска. *КСИА АН УССР* 10, 118—123.

[9] «После этого он с нашей помощью напал на Русь. Опустошив большую часть этой страны, он приказал перебить всех печенегов, когда между ними и его людьми случилась размолвка, хоть те и были его союзниками» (Титмар 2009: 128).

[10] «Мы не знаем ничего определенного о каких-либо предсмертных распоряжениях Владимира. Но есть серьезные основания думать, что он прочил себе в преемники на киевском столе Бориса. Такое намерение сказывается в известиях, что Борис жил при престарелом отце, что ему отец передал командование киевской дружиной и поручил за себя вести борьбу с печенегами» (Пресняков 1993: 364).

Кучера М.П. 1961. Кераміка древнього Пліснеська. *Археологія* XII, 143—154.

Макаров Н.А. 1988. Декоративные топорики из Белозерья. *Памятники культуры. Новые открытия. 1987*. Москва: Наука, 455—460.

Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Красникова А.М. 2013. Парадный топорик с княжескими знаками из Суздальского Ополья. В: Молодин В.И., Шуньков М.В. (ред.). *Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии*. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 435—444.

Мельникова Е.А. 1996. «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах. В: Мельникова Е.А. (отв. ред.). *Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура древнерусского государства*. Москва: Институт российской истории, 45—50.

[Милютенко Н.И. 2006]. *Святые князья-мученики Борис и Глеб*. Исследование и подготовка текстов Н.И. Милютенко. Санкт-Петербург: Олег Абышко.

Михайлова Е.Р., Соболев В.А., Белецкий С.В. 1998. Пряслице с граффити X в. из урочища Боровское купалище. В: *VI Всероссийская нумизматическая конференция*. Тезисы докладов и сообщений. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 119—120.

Нахапетян В.Е., Фомин А.В. 1994. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX—X вв. В: Новосельцев А.П. (ред.). *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 г.* Москва: Наука, 139—208.

Нечитайло В.В. 2012. *Каталог древнерусских печатей X—XIII веков* 1. *Древнерусские печати Великих князей Киевских и Митрополитов Руси*. Киев.

ПВЛ 1950: *Повесть временных лет*. 1950. Ч. I—II. Москва; Ленинград: АН СССР.

Пресняков А.Е. 1993. *Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории*. Москва: Наука.

Строкова Л.В. 2000. Гончарські клейма з Вишгорода. В: Відейко М.Ю. (відп. ред.). *Археологічні дослідження в Україні в 1994—1996 роках*. Київ, 148—164.

Татищев В.Н. 1963. *История Российская*. Т. II. Москва; Ленинград: АН СССР.

Титмар Мерзебургский. 2009. *Хроника в 8 книгах*. 2-е изд., исправл. Москва: Русская панорама.

Флерова В.Е. 1997. *Граффити Хазарии*. Москва: Эдиториал УРСС.

Щербак А.М. 1959. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи (к вопросу о языке и письменности печенегов). *МИА СССР* 75, 362—414.

Янин В.Л. 1970. *Актовые печати древней Руси X—XV вв.* Т. 1. Москва: Наука.

References

Artamonov, M.I. 1958. *Sarkel — Belaia Vezha (Sarkel — Belaya Vezha)*. Proceedings and Research on the Archaeology of the USSR 62 (in Russian).

Beletsky, V.D., Beletsky, S.V. 1998. In *Skify. Khazary. Slaviane. Drevniaia Rus' (Scythians. Khazars. Slavs. Ancient Russia)*. Saint-Petersburg: State Hermitage Museum, 169—172 (in Russian).

Beletsky, S.V. 2000. In *Stratum plus (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropokogy)* (6), 366—424 (in Russian).

Beletsky, S.V. 2001. In *Migratsiia i osedlost' ot Dunaia do Ladogi v pervom tysiacheletii khristianskoi ery. Piatye chteniia pamiati Anny Machinskoi (Migration and Settled Life from the Danube to the Ladoga Rivers in the I Millennium AD. 5th Readings in Memory of Anna Machinskaia)*. Saint-Petersburg: Staraya Ladoga Historical, Architectural and Archaeological Museum and Preservation Area, 99—112 (in Russian).

Beletsky, S.V. 2004. In *Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chteniia pamiati Anny Machinskoi (Ladoga and Gleb Lebedev. 8th Readings in Memory of Anna Machinskaia)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 243—319 (in Russian).

Beletsky, S.V. 2011. In *Arkheologiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and Pskov Land)* 57. Moscow; Pskov, 44—48 (in Russian).

Beletsky, S.V. 2012. In *Povest' vremennykh let (Primary Chronicle)*. Saint-Petersburg: "Vita Nova" Publ., 431—463 (in Russian).

Beletsky, S.V. 2014. In *Ladoga i Ladozhskaia zemlia v epokhu srednevekov'ia (Ladoga and Ladoga Land in the Middle Ages)* 4. Saint-Petersburg, 12—54 (in Russian).

Vojtovych, L.V. 1992. *Henealohiya dynastij Ryurykovychiv i Hedyminovychiv (Genealogy of Rurik and Gediminias Dynasties)*. Kiev: "Taurus" Publ. (in Ukrainian).

Jackson, T.N. 2012. *Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoi Evrope. Teksty, perevod, kommentarii (Icelandic King's Sagas on Eastern Europe (1000—1030): Texts, translations, comments)*. Moscow: "Russkii Fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke" Publ. (in Russian).

Dobrovolskii, I.G., Dubov, I.V., Kuzmenko, Yu.K. 1991. *Graffiti na vostochnykh monetakh: Drevniaia Rus' i sopredel'nye strany (Graffiti on Eastern Coins: Ancient Russia and Neighboring Countries)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).

Drevniaia Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov (Ancient Russia in the Light of Foreign Sources). 1999. Moscow: "Logos" Publ. (in Russian).

Karamzin, N.M. 1991. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo (History of the Russian State)* II—III. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kirpichnikov, A.N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Armaments)*. Issue 2. *Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni. X—XIII vv. (Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th —13th cc.)*. Corpus of Archaeological Sources E1—36. Moscow; Leningrad: Nauka (in Russian).

Kuchera, M.P. 1960. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk Ukrainskoi SSR (Brief Reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Ukrainian SSR)* (10), 118—123 (in Russian).

Kuchera, M.P. 1961. In *Arkheolohiya (Archaeology)* XII. Kiev, 143—154 (in Russian).

Makarov, N.A. 1988. In *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. 1987 (Cultural Sites. New Discoveries. 1987)*. Moscow: "Nauka" Publ., 455—460 (in Russian).

Makarov, N.A., Zaitseva, I.E., Krasnikova, A.M. 2013. In *Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Evrazii (Fundamental Problems of the Archaeology, Anthropology and Ethnology of Eurasia)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, 435—444 (in Russian).

Melnikova, E.A. 1996. In *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Politicheskaia struktura Drevnerusskogo gosudarstva (Eastern Europe in Antiquity and Middle Ages. Political Structure of the Ancient Russian State)*. Moscow: Institute for the Russian History, 45—50 (in Russian).

[Miliutenko, N.I. 2006]. *Sviatye kniaz'ia-mucheniki Boris i Gleb (Holy Knyazes-Martyrs Boris and Gleb)*. Saint-Petersburg: "Oleg Abyshko" Publ. (in Russian).

Mikhailova, E.R., Sobolev, V.A., Beletskii, S.V. 1998. In *VI Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia (6th All-Russian Numismatic Conference)*. Saint-Petersburg: State Hermitage Museum, 119—120 (in Russian).

Nakhapetian, V.E., Fomin, A.V. 1994. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. Materialy i issledovaniia. 1991 g. (The Most Ancient States of the Eastern Europe. Proceedings and Research. 1991).* Moscow: "Nauka" Publ., 139—208 (in Russian).

Nechitailo, V.V. 2012. *Katalog drevnerusskikh pechatei X—XIII vekov (Catalogue of the Early Russian Stamps in the 10th—13th Centuries)* 1. *Drevnerusskie pechati Velikikh kniazei Kievskikh i Mitropolitov Rusi (Early Russian Stamps of the Great Kievan Princes and Metropolitans of Russia).* Kiev (in Russian).

Povest' vremennykh let (Primary Chronicle). 1950. Part I—II. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Presniakov, A.E. 1993. *Kniazhoe pravo v Drevnei Rusi. Lektsii po russkoi istorii (Knyaz Law in Early Rus'. Lectures on Russian History).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Strokova, L.V. 2000. In *Arkheolohichni doslidzhennya v Ukraïni v 1994—1996 rokakh (Archaeological Investigations in Ukraine 1994—1996).* Kiev, 148—164 (in Ukrainian).

Tatishchev, V.N. 1963. *Istoriia Rossiiskaia (Russian History)* II. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian) (in Russian).

Thietmar of Merseburg. 2009. *Khronika v 8 knigakh (Chronicle of Thietmar).* Moscow: "Russkaia panorama" Publ. (in Russian).

Flerova, V.E. 1997. *Graffiti Khazarii (Graffiti of Khazaria).* Moscow: "Editorial URSS" Publ. (in Russian).

Shcherbak, A.M. 1959. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Proceedings and Research on the USSR Archaeology)* 75, 362—414 (in Russian).

Yanin, V.L. 1970. *Aktovye pechati Drevnei Rusi X—XV vv. (Stamps of Medieval Russia)* 1. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Статья поступила в номер 16 мая 2014 г.

Serge Beletsky (Saint Petersburg, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences [1].

Serge Beletsky (Sankt Petersburg, Rusia). Doctor în ştiinţe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiinţe a Rusiei.

Белецкий Сергей Васильевич (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: serge_beletsky@mail.ru

Address: [1] Dvortsovaya Nab., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation

Е. Р. Михайлова

Снаряжение всадника и коня в псковских длинных курганах

Keywords: Pskov long barrow culture, early Middle Ages, Balts, rider and horse equipment, bridle, bit, spurs, horse burials.

Cuvinte cheie: cultura tumulilor lungi Pskov, evul mediu timpuriu, Balți, echipament pentru călăreț și cal, căpăstru, zăbale, pinteni, morminte de cai.

Ключевые слова: культура псковских длинных курганов, раннее средневековье, балты, снаряжение всадника, узда, удила, шпоры, погребения коней.

E. R. Mikhaylova

Rider and Horse Equipment of Pskov Long Barrow Culture

The article describes the finds of rider and horse equipment from sites of Pskov long barrow culture: typology, chronology, composition of the complexes. Pskov long barrows yielded bits (two- or three-piece), spurs with hooks and conical spike, a fragment of lash, elements of bridle. Most items are dated to a wide span within the middle — third quarter of the I Millennium. Horse burials in Pskov long barrows are quite numerous, they yield two types of bridle: 1) bridle with metal parts, 2) set of bit and a small bronze buckle. Horse burials and finds from them are similar to Balt antiquities. Possible relationship between Pskov long barrows and Baltic cultures requires further detailed study.

E. R. Mikhaylova

Echipamentul pentru călăreț și cal din cultura tumulilor lungi Pskov

Articolul realizează o trecere în revistă a descoperirilor de echipament pentru călăreți și cai din siturile culturii tumulilor lungi Pskov, fiind prezentate și tipologia pieselor, cronologia și inventarul complexelor. În tumulii lungi Pskov au fost descoperite zăbale (din două sau trei elemente), pinteni cu cârlige și vârf conic, fragmentul unui bici, detalii de la căpăstru. Majoritatea pieselor pot fi destul de larg datate în limitele jumătății – celui de-al treilea sfert al mileniului I. Mormintele de cai din tumulii lungi Pskov sunt destul de numeroase. Ele conțin două tipuri de căpăstru: 1) cu elemente metalice; 2) set din căpăstru și o cataramă mică din bronz. Mormintele de cai și inventarul acestora își găsesc analogii în antichitățile balților. Posibila legătură dintre tumulii lungi Pskov și culturile balților necesită a fi studiată mai detaliat.

Е. Р. Михайлова

Снаряжение всадника и коня в псковских длинных курганах

В статье рассмотрены находки снаряжения всадника и коня из памятников культуры псковских длинных курганов: типология находок, хронология, состав комплексов. В псковских длинных курганах найдены удила (двух- и трехчастные), шпоры с крючками и коническим шипом, деталь плети, элементы узды. Большинство предметов широко датируется в пределах середины — третьей четверти I тыс. Захоронения коней в псковских длинных курганах довольно многочисленны. В них встречены два типа узды: 1) наборная узда с металлическими деталями; 2) комплект из удил и маленькой бронзовой пряжки. Захоронения коней и находки из них находят аналогии в древностях балтов. Возможная связь псковских длинных курганов с балтскими культурами требует дальнейшего подробного изучения.

Среди находок в памятниках культуры псковских длинных курганов (КПДК) известна выразительная серия предметов, связанных со снаряжением коня и всадника: удила, шпоры, детали уздечного набора. В настоящей работе будет рассмотрена типология этих находок, их хронология, а также состав комплексов находок из конских захоронений.

Удила представлены несколькими разнотипными находками (рис. 1: 1, 2; 5: 1, 6). В могильниках Дорохи I и Залахтовье найдены двучленные удила с кольчатыми окончаниями; в Жеребятино — фрагмент удил с кольчатыми окончаниями, по-видимому, также двучленных (Чернягин 1941: 101; Штыхаў 1992: 127, мал. 17: 1; Хвощинская 2004: 183). Удила из Гринино 2 трехчастные, их крайние звенья скованы из сложенного пополам железного прута (Олейников 2013: 492).

Двучленные удила с подвижными кольцами широко распространены в Восточной Европе на протяжении длительного времени (Каргапольцев 2000; Хвощинская 2004: 26).

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© Е. Р. Михайлова, 2014.

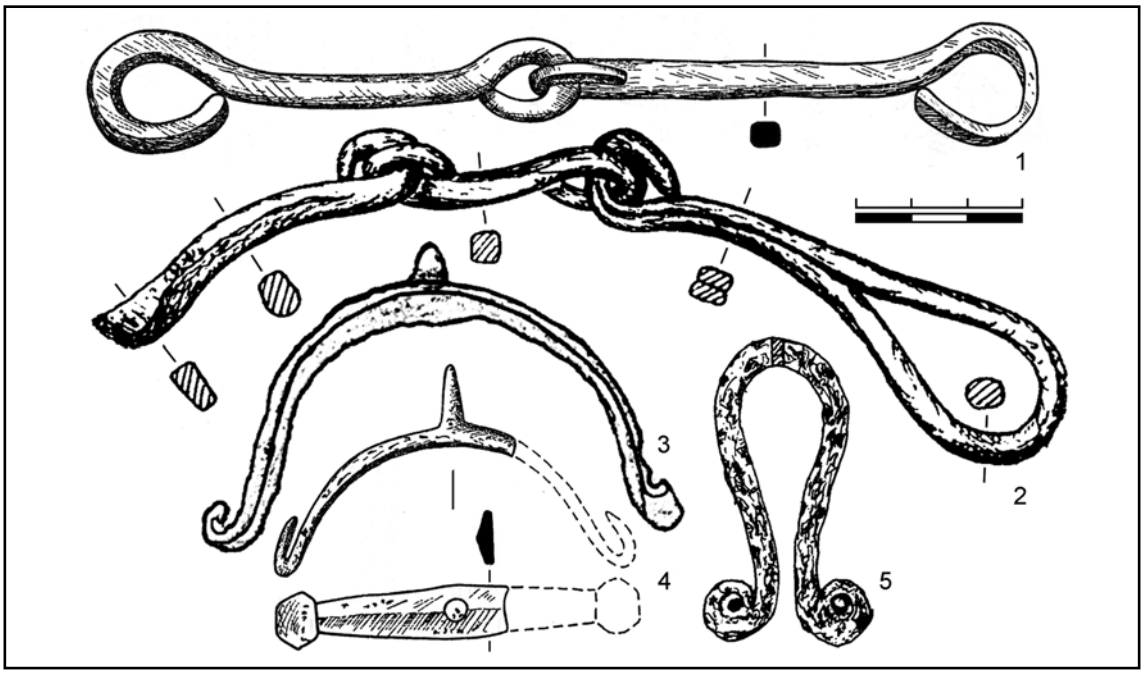

Рис. 1. Снаряжение коня и всадника. Находки из псковских длинных курганов. 1 — Дорохи I, курган 1, погр. (по Штыхаў 1992: мал. 17: 1); 2 — Гринино 2, курган 2, погр. 4 (по Олейников 2013: рис. 17: 4); 3 — селище Горка (по Попов 2010: рис. 5: 9); 4 — Дорохи IV, курган 1, погр. 1 (по Штыхаў 1992: мал. 17:); 5 — селище Крюково озеро (по Торопов 1997: рис. на стр. 14) (1—5 — железо).

Fig. 1. Rider and horse equipment from sites of Pskov long barrow culture. 1 — Dorokhi I, barrow 1, grave (after Штыхаў 1992: мал. 17: 1); 2 — Grinino 2, barrow 2, grave 4 (after Олейников 2013: рис. 17: 4); 3 — settlement Gorka (after Попов 2010: рис. 5: 9); 4 — Dorokhi IV, barrow 1, grave 1 (after Штыхаў 1992: мал. 17:); 5 — settlement Kryukovo ozero (after Торопов 1997: рис. на стр. 14) (1—5 — iron).

В лесной зоне Восточной Европы они найдены, например, в верхних слоях дьяковских городищ (Смирнов 1974: 62; Розенфельдт 1982: рис. 35: 15), в рязано-окском Никитинском могильнике (Воронина, Зеленцова, Энговатова 2005: рис. 15: 4; 18: 1; 30: 4), в тушемлинских поселениях Демидовка, Близнаки, Слобода Глушица (Шмидт 1976: рис. 44: 18; 1995: 113), на памятниках удомельского типа Курово 2, Бережок (Исланова 1997: 67, 83, рис. 79: 8, 9; 140: 14), в нижнем слое Изборского городища (Седов 2007: 107, рис. 88: 1, 3). Аналогичные удила встречены также на раннеславянских памятниках пражской и пеньковской культур, в частности, на городище Зимно (Аулiх 1972: 47, табл. VIII: 29—31), на раннесредневековых балтских городищах Кентескалнс (Kenteskalns) и Каткушкес (Katkuškės) (Stubavs 1976: tab. XI: 5; Kulikauskas, Kulikauskene, Tautavičus 1961: fig. 204: 1). В Западной Европе такие удила неоднократно встречены в комплексах меровингского времени (см., напр.: Oexle 1992: Taf. 8: 29.1; 40: 89.1; 41: 94.20; Koch 2001: Taf. 2B; Schach-Dörges 2004: Taf. 43: 6; Quast 2006: Taf. 11: 28).

Трехчастные удила также не имеют узкой даты. Известна целая серия комплексов с трехчастными удилами с кольчатыми окончаниями, датирующихся V—VI вв., включая курганное погребение восточнолитовской традиции в Доложском, недалеко от могильника Жеребятино. Сведения об этих находках обобщил М. М. Казанский (1999: 410; 2014). Необходимо упомянуть также трехчастные удила, встреченные в нижнем слое с лепной керамикой Изборского (Труворова) городища (Седов 2007: 107, рис. 88: 4). Наиболее поздние находки таких удил в Северной Европе датируются эпохой викингов (Кочкуркина 1981: табл. 2: 25; Ørsnes 1993: 190, 191).

Хотя удила из могильника Гринино 2 отличаются от подавляющего большинства находок своими окончаниями, довольно небрежно выполненными из согнутых петлей железных прутков, их можно рассматривать как подражание этому типу удил. Радиоуглеродные даты, полученные для кургана, где найдены удила, соответствуют их широкой датировке — 670 ± 125 гг. н. э. (Олейников 2013: 492).

В памятниках КПДК найдено несколько железных шпор с коротким шипом и крючками для крепления к обуви (рис. 1: 3, 4). Одна из них найдена в могильнике Дорохи IV в Северной Белоруссии (Штыхаў 1992: 129,

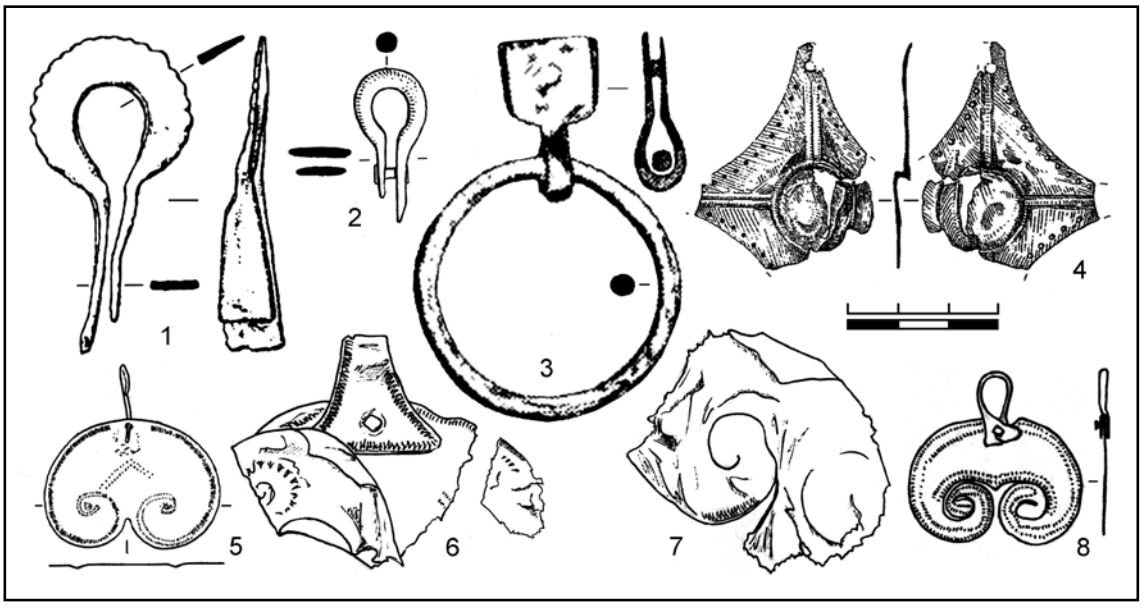

Рис. 2. Детали узды. Находки из псковских длинных курганов. 1 — Усть-Смолка III, курган 3, погр. 6 (по Лопатин 2004: рис. 3: 1); 2 — Гринино 2, курган 2, погр. 1 (по Лопатин 2004: рис. 3: 4); 3 — Куреваниха III, курган 15, погр. 2 (по Башенькин, Васенина 2007: рис. 6: 7); 4 — Гринино 1, курган 3, погр. 2 (по Черных, Олейников, Исланова 2013: рис. 13: 2); 5 — Горско, высокий курган (рис. А.А. Александрова); 6, 7 — Любахин I, курган 6, погр. 1 (рис. автора); 8 — Рысна-Сааре II, курган 2, погр. 4 (рис. А.Г. Фурасьева) (1—3 — железо; 4, 5 — бронза; 6—8 — серебро).

Fig. 2. Elements of the bridle from sites of Pskov long barrow culture. 1 — Ust'-Smolka III, barrow 3, grave 6 (after Лопатин 2004: рис. 3: 1); 2 — Grinino 2, barrow 2, grave 1 (after Лопатин 2004: рис. 3: 4); 3 — Kurevanikha III, barrow 15, grave 2 (after Башенькин, Васенина 2007: рис. 6: 7); 4 — Grinino 1, barrow 3, grave 2 (after Черных, Олейников, Исланова 2013: рис. 13: 2); 5 — Gorsko, high barrow (drawing by A.A. Alexandrov); 6, 7 — Lyubakhin I, barrow 6, grave 1 (drawing by the author); 8 — Rõsna-Saare II, barrow 2, grave 4 (drawing by A.G. Furasiev) (1—3 — iron; 4, 5 — bronze; 6—8 — silver).

мал. 17: 6), еще две — на поселениях (селище Заозерье в бассейне р. Мсты (раскопки В.Я. Конецкого, не опубл.); селище Горка в бассейне Плюссы (Попов 2010: 372, рис. 5: 9)).

Г.Р. Шмидт в сообщении о своих раскопках на территории Шелонской пятины Новгородской земли (работы велись преимущественно в среднем течении р. Плюссы) упоминает о случайной находке шпоры неизвестного типа в длинном кургане, не сообщая точного места находки: «…шпора, которая была найдена одним из моих работников в “долгой могиле”, как местное народонаселение называет длинные курганы. По словам рабочего, он эту шпору нашел в слое пепла, и кроме нее, ничего там не находилось» (Шмидт 1886: 621). Находка была представлена Г.Р. Шмидтом в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, ее дальнейшая судьба не известна.

Железные шпоры с коротким шипом и крючками для крепления к обуви бытовали долго — от римского времени вплоть до эпохи раннего средневековья.

Их находки в Восточной Европе уже привлекали внимание исследователей (Перхавко 1978; Седов 1999: 93—96; Kazanski 1999, 2007: Appendix n°3). Последние по времени обзоры находок в Центральной Европе принадлежат А. Реттнеру и П. Шлеммеру (Rettner 1997; Schlemmer 2004).

Наиболее ранние находки шпор с коротким шипом и крючками в Восточной Европе представлены уже в римское время, в черняховских памятниках и на ряде городищ лесной зоны, относящихся к позднему этапу культур штрихованной керамики и днепродвинской (Дедиловичи, Лабенщина, Девички) (Митрофанов 1978: 108—109, рис. 25: 1; Шадыра 2006: 60).

Позднее они встречаются на целом ряде поселений: на банцеровских (Шадыра 2006: табл. 15/II: 40—42), тушемлинских (Перхавко 1978: 122; Митрофанов 1978: рис. 54: 6), колочинских (Перхавко 1978: 122; Kazanski 1999: II. 14) и др. Шпора с крючками на концах обнаружена в предматериковых отложениях Изборского городища (Седов 2007: 109, рис. 88: 6).

Шпоры с крючками известны также в Юго-Восточной Прибалтике в середине — третьей четверти I тыс. н. э. Это находки на могильнике Плинкайгалис (Plinkaigalis) (Kazakevičius 1993: 80, pav. 136: 1), могильни-

Рис. 3. Потерпелицы I, курган 8, погр. 4. Находки из погребения. Бронза. Фото С.Е. Торопова.

Fig. 3. Poterpelitsy I, barrow 8, grave 4. Finds from grave. Bronze. Photo by S.E. Toropov.

ке Саука (Sauka) (Moora 1929: Taf. 32: 6), городищах Кентескалнс, Асоте (Asote), Сокишкяй (Sokiškiai) и др. (Stubavs 1976: tab. XI: 11; Седов 1999: 94, 96).

Шпоры из Дорохов и Горки можно отнести к типу V-а по В.Б. Перхавко (с уплощенной дужкой и острым коническим шипом, длина которого достигает ½ общей длины шпоры) (Перхавко 1978: 122, рис. 3); по мнению А. Реттнера, шпоры с пластинчатым сечением дуги составляют типологически наиболее архаичную разновидность шпор с коротким шипом и крючками, хотя встречаются вплоть до 700 г. (Rettner 1997: 140 f.).

В целом, шпоры с коротким шипом и крючками для крепления к обуви пока не могут быть датированы уже, чем IV — начало VIII вв. В этот промежуток укладывается и радиоуглеродная дата, полученная для селища Горка (Попов 2010: 367).

Единственной находкой представлена привеска для плети — она найдена на Крюковском селище (Торопов 1997: 14) (рис. 1: 5).

Необходимо упомянуть еще несколько находок, которые предположительно также связываются с конской упряжью (рис. 2: 1—3). В могильнике Куреваниха III (курган 15, погр. 2) найдено железное кольцо с обоймой (Башенькин, Васенина 2007: 49, рис. 6), а в Гринино 2 (курган 2, погр. 1) и Усть-Смолке III (курган 3, погр. 5) — железные дугообразные обоймы (Лопатин 2004: 204—205; Олейников 2013: 483). Вероятно, все эти предметы представляют собой зажимы для уздечных ремней. Отношение их к деталям конской узды подтверждается присут-

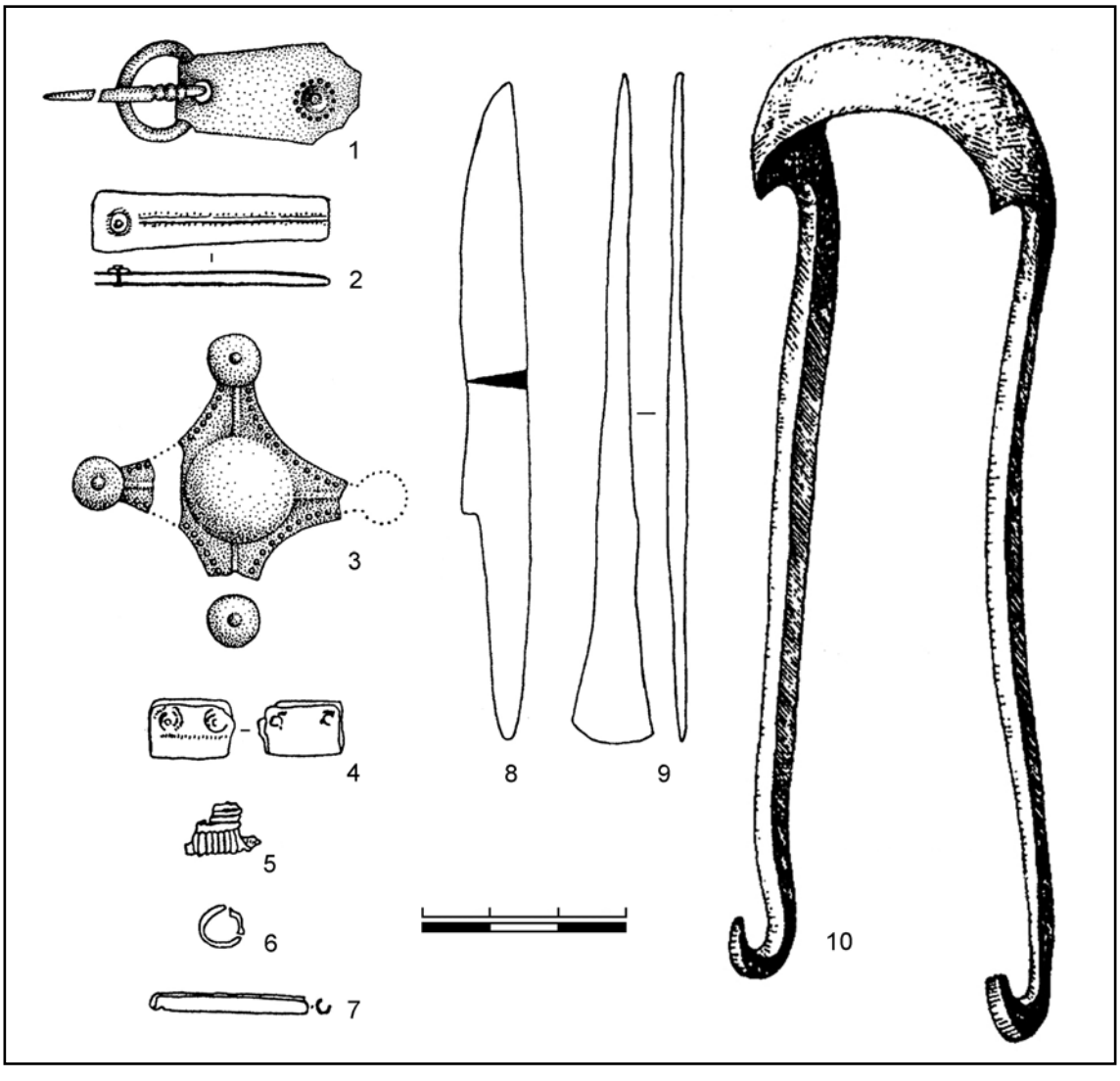

Рис. 4. Шихино, курган 25, погр. 1. Находки из погребения (по Исланова 2006: рис. 100). (1—7 — бронза; 8—10 — железо).

Fig. 4. Shikhino, barrow 25, grave 1. Finds from grave (after Исланова 2006: рис. 100). (1—7 — bronze; 8—10 — iron).

ствием костей коня в погребениях в Гринино 2 и Куреванихе III.

Перечисленными характерными деталями находки сбруи не исчерпываются. Известно три захоронения коней без человека с деталями ременной гарнитуры.

1. Потерпелицы I, курган 8, погр. 4: бронзовые бляшки-скорлупки (25 экз.), бронзовая умбоновидная бляха с заклепками для крепления, бронзовая обоймица, два бронзовых штырька-заклепки, бронзовые проволочные кольца (1 экз. и 1 фрагмент), три бронзовые удлиненные орнаментированные бляхи (Мильков 1989: 8) (рис. 3).

2. Шихино, курган 25, погр. 1: бронзовая пряжка с круглой рамкой и щитком-обоймой, бронзовые крестовидные бляшки (целая и фрагменты), бронзовая узкая орнаментированная обойма, бронзовая обоймица, бронзовая трубочка с продольной прорезью, железный долотовидный предмет, железный нож с прямой спинкой, железный скобель или скребница (Исланова 2006: рис. 100) (рис. 4).

3. Млевский Бор, курган 5, погр. 3: бляшки-скорлупки, оплавленные бронзовые фрагменты (Исланова 2006: рис. 102: 1—6).

В погребениях из Шихина и Потерпелиц представлены, по-видимому, сравнительно полные комплекты уздечного набора.

Для некоторых деталей можно указать аналогии в соседних регионах.

Четырехконечные бляхи с выпуклым центром из Шихина и Гринина 1 (см. рис. 2: 4; 4: 3) служили накладками на скрещивающиеся уздечные ремни. Такие бляхи недавно подробно проанализировал Б. Контны

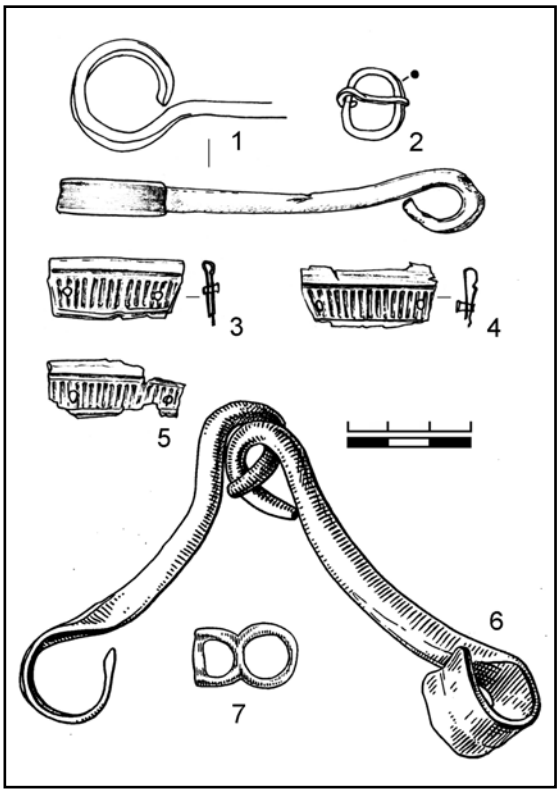

Рис. 5. Погребения с удилами: 1—5 — Жеребятино, курган 1, погр. 1 (рис. автора); 6, 7 — Залахтовье, курган 154, погр. 10 (по Хвощинская 2004: табл. III: 1, 3) (1, 6 — железо; 2—5, 7 — бронза).

Fig. 5. Burials with bits: 1—5 — Zherebyatino, barrow 1, grave 1 (drawing by the author); 6, 7 — Zalakhtovje, barrow 154, grave 10 (after Хвощинская 2004: табл. III: 1, 3) (1, 6 — iron; 2—5, 7 — bronze).

в монографической публикации могильника Новинка в Северной Польше (Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: 101—102). Они представлены как в балтских могильниках эльблонгской и ольштынской групп, так и (гораздо реже) в древностях меровингского круга и на Скандинавском полуострове и датируются второй пол. VI — ранним VII в.

На связь бляхи из Шихина с балтскими древностями ранее уже указывал М. М. Казанский, собравший ряд аналогий в древностях Пруссии, Литвы и региона Сувалки, а также с территории Латвии и Эстонии (Kazanski 2000: App. n°8).

В лесной полосе Восточной Европы подобная накладка встречена на городище Варварина Гора в бассейне Мсты (Буров 2003: рис. 13; 14: 69). В. А. Буров связывает накладку с дьяковскими древностями, однако она явно воспроизводит более западные образцы (ср.: Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: t. XIII: 2; XXIII: 6; XXXIX: 14; LV: 10 et al.).

В целом соответствует предложенной Б. Контны датировке и калиброванная радиоуглеродная дата, определенная для погребения в Гринино 1: 610±30 гг. н. э. (Черных, Олейников, Исланова 2013: 464).

Круглые бляхи, аналогичные найденным в Потерпелицах, также имеют аналогии в древностях балтов. Так, очень похожа на них серебряная бляшка (возможно, от обувной фурнитуры) из могильника позднеримского времени Байтай (Baitai) в западной Литве (Banytė-Rowell 2008: 107, Abb. 5: 10). Любопытно, что круглые умбоновидные бляшки из кургана 8 в Потерпелицах I, судя по всему, использованы вторично: в поля обеих бляшек, неточно совпадая с расположенными на них выпуклостями, вбито по четыре заклепки из иного, чем сами бляшки, металла.

Роль привесок к ремням узды могли выполнять пластинчатые пельтовидные привески-лунницы (см., напр.: Kivikoski 1939: 116, Abb. XXV: 2; Prahistoria… 1981: 283). Такие привески из тонкого металлического листа встречены в псковских длинных курганах несколько раз (рис. 2: 5—8) и широко датируются в пределах VI—VIII вв. (подробнее см.: Михайлова 2011: 537).

В упомянутом выше захоронении лошади из Шихина встречен также железный предмет (см. рис. 4: 10), который трактуется разными авторами по-разному: как скобель для обработки дерева (Kazakevičius 1993: 71—72; Исланова 2006: 106) или как конская скребница (Kazanski 2007: 246). М. М. Казанский указывает аналогичные предметы в балтских погребениях эпохи римских влияний и переселения народов. Учитывая контекст находки, вероятно, следует согласиться с французским исследователем.

По набору накладок и обойм уздечные наборы, представленные в могильниках Потерпелицы I и Шихино, оказываются аналогичны наборам пластинчатой гарнитуры, выделенным на материалах мужских поясов (подробнее см.: Михайлова 2010). Любопытно, что они не сочетаются ни с деталями снаряжения всадника (напомню, что в обоих случаях определены только кости животных), ни с удилами.

Удила обнаружены в трех других погребениях (Дорохи I, курган 1; Жеребятино, курган 1, погр. 1; Залахтовье, курган 154, погр. 10), причем в двух из них (в Жеребятино и Залахтовье) — вместе с небольшими бронзовыми пряжками (по одной в погребении) (см. рис. 5: 2, 7). Видимо, здесь представлены простейшие конские уздечки — шитые из рем-

ней и застегивавшиеся единственной небольшой пряжкой.

Отмеченная разница в снаряжении коней совпадает и с географическими различиями: наборная узда встречена в могильниках в бассейне Мсты, сочетание удил с маленькой пряжкой — в могильниках Восточного Причудья

Вообще, захоронения коней в культуре псковских длинных курганов довольно многочисленны. Неоднократно встречены коллективные захоронения, где вместе с человеческими останками определены и лошадиные. Известно также несколько захоронений только коней, без присутствия костей человека: Гринино 1, курган 3, погр. 2; Гринино 1, курган 3, погр. 3; Залахтовье, курган 154, погр. 10; Заозерье; Ладыгинский Бор, курган 3; Млевский Бор, курган 5, погр. 3; Потерпелицы I, курган 8, погр. 4; Сторожинец, курган 11, погр. 3; Шихино, курган 6, погр. 2; Шихино, курган 25, погр. 1 (Черных, Олейников, Исланова 2013: 454, 457; Хвощинская 2004: 183; Конецкий 1987: 15; Данилов 1880: 39—40; Исланова 2006: рис. 102; Попов 1991: 4; Фехнер 1965; 1966).

Любопытно, что среди конских погребений есть захоронения не сожженных останков животных. Таковы погребения в Шихино (курган 6) и в Заозерье (одиночный курган). В могильнике Лаоссина V под пережженными человеческими костями лежала несожженная часть туловища крупного животного (курган 13, погр. 1) (Аун 1992: 97); в могильнике Куреваниха III перемешанные несожженные кости молодой лошади сопровождали трупосожжение человека (курган 15, погр. 2) (Башенькин, Васенина 2007: 49). Однако большинство захоронений коней (как и все погребения, где определены вместе останки людей и животных), совершены по обычному для псковских длинных курганов обряду трупосожжения на стороне.

Отмеченная черта погребальной обрядности (многочисленные захоронений коней), как и значительная часть находок из их погребений, больше всего соответствует западным, балтским традициям. Сходство псковских длинных курганов с древностями балтов может объясняться как некоей общей подосновой этих культурных групп, так и прямым воздействием на КПДК с балтийской стороны. Возможная связь псковских длинных курганов с балтскими культурами уже отмечалась в литературе (см., напр. Казанский 1999; Лопатин, Фурасьев 2007: 284; Михайлова 2012) и требует дальнейшего подробного изучения.

Литература

Аулiх В.В. 1972. *Зимнівське городище — слов'янська пам'ятка VI—VII ст.н.е. в Західній Волині.* Київ: Наукова думка.

Аун М. 1992. *Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии.* Таллинн: Олион.

Башенькин А.Н., Васенина М.Г. 2007. Исследования комплекса памятников у д. Куреваниха на реке Мологе в 2004—2005 гг. В: Кудряшов А.В. (ред.). *Археология Севера* 2. Материалы археологических чтений памяти С.Т. Еремеева 26—27 февраля 2006 г. в г. Череповце. Череповец: Музей археологии г. Череповца, 42—73.

Буров В.А. 2003. *Городище Варварина Гора. Поселение I—V и XI—XIV веков на юге Новгородской земли.* Москва: Наука.

Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В. 2005. *Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977—1978 гг.* Труды Отдела охранных раскопок Института археологии РАН 3. Москва: ИА РАН.

Данилов И.Г. 1880. Раскопки слушателями Института курганов в Гдовском и Лугском уездах С.-Петербургской губ. и в Валдайском уезде Новгородской губ. (Из летних экскурсий слушателей в 1878/9 академическом году). *Сборник Археологического института.* Кн. 3. Отделение I. Санкт-Петербург, 20—40.

Исланова И.В. 1997. *Удомельское поозерье в эпоху железа и раннего средневековья.* Москва: Эдиториал УРСС.

Исланова И.В. 2006. *Верхнее Помостье в раннем средневековье.* Москва: Тверской государственный университет.

Казанский М.М. 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов. *Археологические вести* 6, 404—417.

Казанский М.М. 2014. Удила эпохи переселения народов из погребения в Доложском погосте. *Stratum plus* (5), 119—127.

Каргапольцев С.Ю. 2000. Составные кольчатые удила как индикатор синхронизации восточноевропейских древностей эпохи Великого переселения народов. В: Седов В.В. (отв. ред.). *Археология и история Пскова и Псковской земли.* Материалы научного семинара 1996—1999 гг. Псков: ПГОИАХМЗ, 157—160.

Конецкий В.Я. 1987. Исследования в бассейне р. Мсты. *АО 1985 г.* Москва: Наука, 15—16.

Кочкуркина С.И. 1981. *Археологические памятники корелы X—XV вв.* Ленинград: Наука.

Лопатин Н.В. 2004. Новые данные о предыстории Изборска. В: Макаров Н.А., Чернецов А.В., Лопатин Н.В. (ред.). *Восточная Европа в средневековье: К 80-летию Валентина Васильевича Седова.* Москва: Наука, 200—206.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. 2007. Северо-Запад России и Север Белоруссии. В: Гавритухин И.О., Обломский А.М. (отв. ред.). *Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э.* Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей 9. Москва: ИА РАН, 276—300.

Мильков В. В. 1989. *Отчет к Открытому листу № 66 о проведении раскопок археологического комплекса у дд. Плесо-Потерпелицы Боровического р-на, жальника у д. Каплино в Мошенском районе, курганно-жальничного комплекса Бор-Заручевье в Окуловском районе, а также археологических разведок в Любытинском, Мошенском и Хвойнинском р-нах Новгородской области*. Архив ИА РАН. Р-1. № 13742.

Митрофанов А. Г. 1978. *Железный век Средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э. — VIII в. н. э.)*. Минск: Навука і тэхніка.

Михайлова Е. Р. 2010. Поясная гарнитура и поясные наборы КДК. В: Гайдуков П. Г. (отв. ред). *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы 55-го заседания, посвященного юбилею профессора И. К. Лабутиной. Псков: ИА РАН; ПГОИАХМЗ, 136—146.

Михайлова Е. Р. 2011. Хронология и периодизация вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов. В: Шаров О. В. (отв. ред.). *Петербургский апокриф. Послание от Марка*. Санкт-Петербург; Кишинев: Высшая антропологическая школа, 527—554.

Михайлова Е. Р. 2012. Формирование культуры длинных курганов: процесс на фоне эпохи. В: Мачинский Д. А. (ред.). *Истоки славянства и Руси*. Сборник статей по материалам X Чтений памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 24—25 дек. 2005 г.). Санкт-Петербург: Нестор-История, 201—210.

Олейников О. М. 2013. Курганная группа Гринино 2 (Тверская область, Осташковский район). В: Черных И. Н. (ред.). *Тверской археологический сборник* 9. Материалы 13—15-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь: Триада, 482—496.

Перхавко В. Б. 1978. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы. *СА* (3), 131—138.

Попов С. Г. 1991. *Отчет о работах Гдовского отряда ИИМК РАН в 1991 г.* Архив ИА РАН. Ф. Р-1.

Попов С. Г. 2010. Некоторые проблемы ранней хронологии культуры длинных курганов на Северо-Западе России. В: Мусин А. Е., Хвощинская Н. В. (отв. ред.). *Диалог культур и народов средневековой Европы*. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 365—378.

Розенфельдт И. Г. 1982. *Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв.* Москва: Наука.

Седов В. В. 1999. *Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование*. Москва: Языки русской культуры.

Седов В. В. 2007. *Изборск в раннем средневековье*. Памятники отечественной науки. XX век. Москва: Наука.

Смирнов К. А. 1974. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги). В: Краснов Ю. А. (отв. ред.). *Дьяковская культура*. Москва: Наука, 7—89.

Торопов С. Е. 1997. Поселение культуры длинных курганов на озере Крюково. В: Андреев В. Ф. (сост.). *Прошлое Новгорода и Новгородской земли*. Материалы научной конференции 11—13 ноября 1997 г. Новгород: НовГУ, 11—15.

Фехнер М. В. 1965. *Отчет об археологических раскопках в Калининской области в 1965 г.* Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 3098.

Фехнер М. В. 1966. *Отчет об археологических раскопках 1966 г. на территории Новгородской и Калининской областей*. Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 3258.

Хвощинская Н. В. 2004. *Финны на западе Новгородской земли (По материалам могильника Залахтовье)*. ИИМК РАН. Труды VI. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

Черных И. Н., Олейников О. М., Исланова И. В. 2013. Курганный могильник Гринино 1 (по материалам исследований 1989—1990 гг.). В: Черных И. Н. (ред.). *Тверской археологический сборник* 9. Материалы 13—15-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь: Триада, 445—481.

Чернягин Н. Н. 1941. Длинные курганы и сопки (археологическая карта). В: Артамонов М. И. (ред.). *Этногенез восточных славян* 1. МИА 6. Москва; Ленинград: АН СССР, 93—148.

Шадыра В. І. 2006. *Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.)*. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі.

Шмидт Г. Р. 1886. Шелонская пятина. *ИОЛЕАЭ* XLIX (3), XIV, 609—621.

Шмидт Е. А. 1976. *Археологические памятники Смоленской области (с древнейших времен до VIII века н. э.* Смоленск: Московский рабочий.

Штыхаў Г. В. 1992. *Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі*. Мінск: Навука и тэхніка.

Banytė-Rowell R. 2008. Metallene Trachtzierate aus einem westlitauischem Gräberfeld der römischen Kaiserzeit im „germanischen“ und „sarmatischen“ Kontext. In: Радюш О. А., Скворцов К. Н. (сост.). *Germania — Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов*. Сборник материалов. Калининград: Янтарный сказ, 104—121.

Jørgensen L. 1990. *Bækkegård and Glasergård. Two Cemeteries from the Late Iron Age on Bornholm*. Arkæologiske Studier VIII. København: Akademisk Forlag.

Kazakevičius V. 1993. *Plinkaigalio kapinynas*. Lietuvos Archeologija 10. Vilnius.

Kazanski M. 1999. L’armement slave du haut moyen-âge (Ve–VIIe siècles). À propos des chefs militaires et des guerriers professionels chez les anciens slaves. *Přehled výzkumů* (39, 1995—1996), 197—236.

Kazanski M. 2000. Les armes baltes et occidentales dans la zone forestière de l’Europe orientale à l’époque des Grandes Migrations. *Archaeologia Baltica* 4, 199—212.

Kazanski M. 2007. The Armement, Horsemen’s Accoutrements and Riding Gear of Long Barrow Culture (Fifth to Seventh Centuries). *Archaeologia Baltica* 8, 238—253.

Kivikoski E. 1939. *Die Eisenzeit im Auraflussgebiet*. SMYA XLIII. Helsinki.

Koch U. 2001. *Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim*. Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg 60. Stuttgart: Komissionverlag; Konrad Theiss Verlag.

Kontny B., Okulicz-Kozaryn J., Pietrzak M. 2011. *Nowinka. Site 1. The cemetery from the Late Migration*

Period in the Northern Poland. Gdańsk; Warszawa: Archaeological Museum in Gdańsk.

Kulikauskas P., Kulikauskenė R., Tautavičus A. 1961. *Lietuvos archeologijos bruožai*. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla.

Moora H. 1929. *Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr.* I. Teil I: *Die Funde* (Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused XXV). Tartu: Laakmann.

Oexle J. 1992. *Studien zu merowingerzeitlichem Pferdgeschirr am Beispiel der Trensen*. Mainz: Verlag Philipp von Zabern.

Ørsnes M. 1993. Zaumzeuge des 1.—8. Jahrh. nach Chr. in Mittel- und Nordeuropa. *Acta Archaeologica* 64 (1), 183—292.

Prahistoria… 1981: Wiełowejski J. (red.). Prahistoria ziem polskich V: *Pózny okres lateński i okres rzymski*. Wrocław et al.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii nauk.

Quast D. 2006. *Die frühalamannische und merowingerzetliche Besiedlung im Umland des Runden Berges bei Urach*. Mit Beitr. von W. Tegel, Kl. Düwel. Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg 84. Stuttgart: Theiss.

Rettner A. 1997. Sporen der älteren Merowingerzeit. *Germania*. *Halbbd.* 1, 133—157.

Schach-Dörges H. 2004. *Das frühmittelalterliche Gräberfeld bei Aldingen am mittleren Neckar.* Materialhefte zur Archäologie in Baden-Württemberg 74. Stuttgart: Theiss.

Schlemmer P. 2004. Der Bügelsporn der jüngeren Merowingerzeit. Überlegungen zur seiner Herkunft und zur Sitte der Sporenbeigabe auf alamannischem und bajuwarischem Stammesgebiet. In: *Hüben und drüben — Räume und Grenzen in der Archäologie des Frühmittelalters. Festschrift für Prof. Max Martin zu seinem fünf und sechzigsten Geburtstag*. Archäologie und Museum Baselland 48. Liestal (Schweiz), 91—112.

Stubavs A. 1976. *Kentes pilskalns un apmetne*. Riga: Zinatne.

References

Aulikh, V.V. 1972. *Zymnivs'ke horodyshche — slov'yans'ka pam'yatka VI—VII st. n. e. v Zakhidnij Volyni (Zymnovskoe Fort — Slavic Site of 6th —7th cc. AD in Western Volhynia).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).

Aun, M. 1992. *Arkheologicheskie pamiatniki vtoroi poloviny 1-go tysiacheletiia n.e. v Iugo-Vostochnoi Estonii (Archaeological Sites in the Second Half of the I Millennium AD in the South-Eastern Estonia).* Tallinn: "Olion" Publ. (in Russian).

Bashen'kin, A.N., Vasenina, M.G. 2007. In *Arkheologiia Severa (Archaeology of the North)* 2. Cherepovets: Cherepovets Museum of Archaeology, 42—73 (in Russian).

Burov, V.A. 2003. *Gorodishche Varvarina Gora. Poselenie I—V i XI—XIV vv. na iuge Novgorodskoi zemli (Varvarina Gora Fortified Site. Settlement of the 1st—5th and the 11th—14th Centuries in the South of the Novgorod Land).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Voronina, R.F., Zelentsova, O.V., Engovatova, A.V. 2005. *Nikitinskii mogil'nik: publikatsiia materialov raskopok 1977—1978 gg. ((Nikitinskiy Cemetery. Materials of the 1977—1978 Excavations)).* Trudy Otdela okhrannykh raskopok Instituta arkheologii RAN (Proceedings of the Department of Rescue Excavations) 3. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).

Danilov, I.G. 1880. In *Sbornik Arkheologicheskogo instituta (Collected Works of the Archaeological Institute)*. Book 3. Saint Petersburg, 20—40 (in Russian).

Islanova, I.V. 1997. *Udomel'skoe poozer'e v epokhu zheleza i rannego srednevekov'ia (Udomlya Lake District in the Iron Age and Early Middle Ages).* Moscow: "Editorial URSS" Publ. (in Russian).

Islanova, I.V. 2006. *Verkhnee Pomost'e v rannem srednevekov'e (Upper Pomost'e in the Early Middle Ages).* Moscow: Tver State University (in Russian).

Kazanskii, M.M. 1999. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 6, 404—417 (in Russian).

Kazanskii, M.M. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 119—127 (in Russian).

Kargapol'tsev, S. Iu. 2000. In *Arkheologiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land).* Pskov: Pskov Historical, Architectural and Art Museum Complex, 157—160 (in Russian).

Konetskii, V. Ia. 1987. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1985 g. (Archaeological Discoveries of 1985).* Moscow: "Nauka" Publ., 15—16 (in Russian).

Kochkurkina, S.I. 1981. *Arkheologicheskie pamiatniki korely X—XV vv. (Archaeological Sites of Korela in the 10th—15th Centuries).* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Lopatin, N.V. 2004. In *Vostochnaia Evropa v srednevekov'e: K 80-letiiu Valentina Vasil'evicha Sedova (Eastern Europe in the Middle Ages: to the 80th Anniversary of Valentin Vasil'yevich Sedov).* Moscow: "Nauka" Publ., 200—206 (in Russian).

Lopatin, N.V., Furas'ev, A.G. 2007. Severo-Zapad Rossii i Sever Belorussii. V: Gavritukhin I.O., Oblomskii A.M. (otv. red.). *Vostochnaia Evropa v seredine I tysiacheletiia n. e. (Eastern Europe in the Middle of the Ist Millennium AD).* Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 9. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology, 276—300 (in Russian).

Mil'kov, V.V. 1989. *Otchet k Otkrytomu listu № 66 o provedenii raskopok arkheologicheskogo kompleksa u dd. Pleso-Poterpelitsy Borovicheskogo r-na, zhal'nika u d. Kaplino v Moshenskom raione, kurganno-zhal'nichnogo kompleksa Bor-Zaruchev'e v Okulovskom raione, a takzhe arkheologicheskikh razvedok v Liubytinskom, Moshenskom i Khvoininskom r-nakh Novgorodskoi oblasti (Report for Permit no. 66 to Excavate on Archaeological Complex at Village Pleso-Poterpelitsy of the Borovichsky Raion, barrow necropolis at Village Kaplino in Moshenskoy Raion, barrow necropolis complex in Bor-Zaruchevye in Okulovsky Raion, as well as archaeological field surveys in Lyubytinsky, Moshenskoy and Khvoyninsky Raions of the Novgorod Oblast).* Archive of the Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology. R-1, no.13742 (in Russian).

Mitrofanov, A.G. 1978. *Zheleznyi vek srednei Belorussii (VII—VI vv. do n. e. — VIII v. n. e.) (The Iron Age of Middle Belarus (8th—6th Centuries BC — 8th Century AD)).* Minsk: "Navuka i tèkhnika" Publ. (in Russian).

Mikhailova, E.R. 2010. In *Arkheologiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land)* 55. Pskov: Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology; Pskov Historical, Architectural and Art Museum Complex, 136—146 (in Russian).

Mikhailova, E.R. 2011. In *Peterburgskii apokrif. Poslanie ot Marka (Saint-Petersburg Apocrypha. Epistle of Mark).* Saint Petersburg; Kishinev: High Anthropological School University, 527—554 (in Russian).

Mikhailova, E.R. 2012. In *Istoki slavianstva i Rusi. X Chteniia pamiati Anny Machinskoi (Origins of the Slavs and Russia. 10th Readings to the Memory of Anna Machinskaia).* Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 201—210 (in Russian).

Oleinikov, O.M. 2013. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Bulletin)* 9. Tver: "Triada" Publ., 482—496 (in Russian).

Perkhavko, V.B. 1978. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 131—138 (in Russian).

Popov, S.G. 1991. *Otchet o rabotakh Gdovskogo otriada IIMK RAN v 1991 g. (Progress Report of the Gdov Unit of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, in 1991)*. Archive of the Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology. Fund R-1 (in Russian).

Popov, S.G. 2010. In *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoi Evropy (Dialogue of Cultures and Peoples in Medieval Europe)*. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ., 365—378 (in Russian).

Rozenfel'dt, I.G. 1982. *Drevnosti zapadnoi chasti Volgo-Okskogo mezhdurech'ia v VI—IX vv. (Antiquities of the Western Part of the Volga-Oka Interfluve in the 6th —9th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Sedov, V.V. 1999. *Drevnerusskaia narodnost'. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Old Russian Folk: Historical-Archaeological Study)*. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Sedov, V.V. 2007. *Izborsk v rannem srednevekov'e (Izborsk in Early Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Smirnov, K.A. 1974. In *D'iakovskaia kul'tura (Dyakovo Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7—89 (in Russian).

Toropov, S.E. 1997. In *Proshloe Novgoroda i Novgorodskoi zemli (The History of Novgorod and Novgorod Land)*. Novgorod: Novgorod State University, 11—15 (in Russian).

Fekhner, M.V. 1965. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Kalininskoi oblasti v 1965 g. (Report on the Archaeologica l Investigations in the Kalinin Region in 1965)*. Archive of the Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology. Fund R-1, no.3098 (in Russian).

Fekhner, M.V.1966. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh 1966 g. na territorii Novgorodskoi i Kalininskoi oblastei (Report on the Archaeological Investigations on the Territory of Novgorod and Kalinin Region in 1966)*. Archive of the Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology. Fund R-1, no.3258 (in Russian).

Khvoshchinskaia, N.V. 2004. *Finny na zapade Novgorodskoi zemli (po materialam mogil'nika Zalakhtov'e) (Finns in the West of Novgorod Land (by materials of graveyard Zalakhtovye))*. Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences VI. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).

Chernykh, I.N., Oleinikov, O.M., Islanova, I.V. 2013. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Bulletin)* 9. Tver: "Triada" Publ., 445—481 (in Russian).

Cherniagin, N.N. 1941. In *Etnogenez vostochnykh slavian (Ethnogenesis of Eastern Slavs)* 1. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research on the Archaeology) 6. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 93—148 (in Russian).

Shadyra, V.I. 2006. *Belaruskae Padzvinne (I tysyachahoddze n.è.)*. (Dvina River Area in Belarus (1st Millennium AD). Minsk: Byelorussia National Academy of Sciences, Institute for History (in Belorussian).

Shmidt, G.R. 1886. In *Izvestiia Obshchestva liubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii (Proceedings of the Amateur Society of Natural Science, Anthropology, and Ethnography)* XLIX (3), XIV, 609—621 (in Russian).

Shmidt, E.A. 1976. *Arkheologicheskie pamiatniki Smolenskoi oblasti (s drevneishikh vremen do VIII veka n.e. (Archaeological Monuments of Smolensk Region (Since Earliest Times to 18th Century))*. Smolensk: "Moskovskii rabochii" Publ. (in Russian).

Shtykhaŭ, H.V. 1992. *Kryvichy: Pa matèryyalakh raskopak kurhanoŭ u Paŭnochnaj Belarusi (Krivichs: According to the Materials from Barrows in Northern Belarus)*. Minsk: "Navuka i tèkhnika" Publ. (in Belorussian).

Banytė-Rowell, R. 2008. Metallene Trachtzierate aus einem westlitauischem Gräberfeld der römischen Kaiserzeit im „germanischen" und „sarmatischen" Kontext. In: Radiush O. A., Skvortsov K. N. (sost.). *Germania — Sarmatia. Drevnosti Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy epokhi rimskogo vliiainia i pereseleniia narodov*. Kaliningrad: Iantarnyi skaz, 104—121.

Jørgensen, L. 1990. *Bækkegård and Glasergård. Two Cemeteries from the Late Iron Age on Bornholm*. Arkæologiske Studier VIII. København: Akademisk Forlag.

Kazakevičius, V. 1993. *Plinkaigalio kapinynas.* Lietuvos Archeologija 10. Vilnius.

Kazanski, M. 1999. L'armement slave du haut moyen-âge (Ve–VIIe siècles). À propos des chefs militaires et des guerriers professionels chez les anciens slaves. *Přehled výzkumů* (39, 1995—1996), 197—236.

Kazanski, M. 2000. Les armes baltes et occidentales dans la zone forestière de l'Europe orientale à l'époque des Grandes Migrations. *Archaeologia Baltica* 4, 199—212.

Kazanski, M. 2007. The Armement, Horsemen's Accoutrements and Riding Gear of Long Barrow Culture (Fifth to Seventh Centuries). *Archaeologia Baltica* 8, 238—253.

Kivikoski, E. 1939. *Die Eisenzeit im Auraflussgebiet.* SMYA XLIII. Helsinki.

Koch, U. 2001. *Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim*. Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg 60. Stuttgart: Komissionverlag; Konrad Theiss Verlag.

Kontny, B., Okulicz-Kozaryn, J., Pietrzak, M. 2011. *Nowinka. Site 1. The cemetery from the Late Migration Period in the Northern Poland*. Gdańsk; Warszawa: Archaeological Museum in Gdańsk.

Kulikauskas, P., Kulikauskenė, R., Tautavičus, A. 1961. *Lietuvos archeologijos bruožai*. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla.

Moora, H. 1929. *Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr.* I. Teil I: *Die Funde* (Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused XXV). Tartu: Laakmann.

Oexle, J. 1992. *Studien zu merowingerzeitlichem Pferdgeschirr am Beispiel der Trensen*. Mainz: Verlag Philipp von Zabern.

Ørsnes, M. 1993. Zaumzeuge des 1.—8. Jahrh. nach Chr. in Mittel- und Nordeuropa. *Acta Archaeologica* 64 (1), 183—292.

Wiełowejski, J. (red.). 1981. *Prahistoria ziem polskich* V: *Pózny okres lateński i okres rzymski*. Wrocław et al.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii nauk.

Quast, D. 2006. *Die frühalamannische und merowingerzetliche Besiedlung im Umland des Runden Berges bei Urach*. Mit Beitr. von W. Tegel, Kl. Düwel. Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg 84. Stuttgart: Theiss.

Rettner, A. 1997. Sporen der älteren Merowingerzeit. *Germania. Halbbd.* 1, 133—157.

Schach-Dörges, H. 2004. *Das frühmittelalterliche Gräberfeld bei Aldingen am mittleren Neckar.* Materialhefte zur Archäologie in Baden-Württemberg 74. Stuttgart: Theiss.

Schlemmer, P. 2004. Der Bügelsporn der jüngeren Merowingerzeit. Überlegungen zur seiner Herkunft und zur Sitte der Sporenbeigabe auf alamannischem und bajuwarischem Stammesgebiet. In: *Hüben und drüben — Räume und Grenzen in der Archäologie des Frühmittelalters. Festschrift für Prof. Max Martin zu seinem fünf und sechzigsten Geburtstag.* Archäologie und Museum Baselland 48. Liestal (Schweiz), 91—112.

Stubavs, A. 1976. *Kentes pilskalns un apmetne*. Riga: Zinatne.

Статья поступила в номер 27 марта 2014 г.

Elena Mikhaylova (Saint Petersburg, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Saint Petersburg State University [1].

Elena Mikhaylova (Sankt-Petersburg, Rusia). Candidat în ştiinţe istorice. Universitatea de Stat din Sankt-Petersburg.

Михайлова Елена Робертовна (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: helena.mikhaylova@gmail.com

Address: [1] Smolnogo St., 1/3, Saint Petersburg, 191124, Russian Federation

С. Ю. Каинов, Ю. А. Кулешов

Боевые полумаски Восточной Европы в свете последних находок и новых исследований

Keywords: Eastern Europe, Rus', battle half-masks, weapons and armour, helmet.

Cuvinte cheie: Europa de est, Rusia, semimăști militare, armament ofensiv și defensiv, coif.

Ключевые слова: Восточная Европа, Русь, боевая полумаска, наступательное и защитное вооружение, шлем.

S. Yu. Kainov, Yu. A. Kuleshov

Battle Half-masks of Eastern Europe in Light of Recent Findings and New Research

The paper focuses on the recently found half-mask that was discovered near the village of Dibrovo (Donetsk reg., Ukraine). Most likely, this half-mask comes from a nomad burial, which also yielded a stirrup, a flint and a knife. The specific burial ritual (with armor placed into the grave) that came into practice in South-Rus' steppes after the Mongol invasion allows us to date this burial back to as early as the middle of the 13th century A.D. The half-mask found while excavating the stronghold of Old Rus' town Vschizh (Bryansk reg., Russia) is also carefully considered within the framework of the paper. The report confirmed the presupposed dating of the half-mask by the 12th century, which allows us to challenge the hypothesis about expansion of this protective element after the Mongol invasion. It might be crucial to point out that due to the restoration and the X-ray fluorescence analysis, the method of coating became clear — amalgamation by silver and gold covered with a net of lines. In the conclusion of the paper, after consideration of all the findings of half-masks known for today, on the basis of their morphological peculiarities and chronology, the authors put forward a hypothesis about existence of at least two regions that produced half-masks.

S. Yu. Kainov, Yu. A. Kuleshov

Semimăștile militare din Europa de Est în lumina ultimelor descoperiri și a noilor cercetări

Articolul introduce în circuitul științific o semimască de luptă, descoperită lângă s. Dibrovo (regiunea Donețk, Ucraina). După toată probabilitatea, ea provine dintr-un mormânt distrus, în inventarul căruia mai exista o scăriță, un amnar și un cuțit. Având în vedere, că ritul depunerii armamentului defensiv în morminte s-a răspândit în stepele sud-ruseşti abia după cucerirea mongolă, se presupune, că mormântul de lângă s. Dibrovo nu poate fi datat mai devreme de jumătatea sec. XIII. De asemenea, este analizată detaliat semimasca descoperită în timpul săpăturilor de pe cetățuia orașului vechi rus Vșcija (regiunea Breansk, Rusia). Consultând documentația de arhivă, se confirmă datarea acestei semimăști în sec. XII. Din această cauză nu are sens să ne mai întoarcem la ipoteza despre răspândirea acestui element defensiv exclusiv după invazia tătaro-mongolă. Ca rezultat al restaurării și analizei fluorescente cu raze X a suprafeței semimăștii din Vșcija a fost identificată modalitatea de aplicare a stratului superior — amalgamarea cu argint și aur a suprafeței acoperite cu o plasă de linii incizate. Trecând în revistă toate descoperirile de semimăști cunoscute până la momentul actual, în baza particularităților lor morfologice și a cronologiei, autorii presupun existența a cel puțin două regiuni unde erau produse aceste piese.

С. Ю. Каинов, Ю. А. Кулешов

Боевые полумаски Восточной Европы в свете последних находок и новых исследований

Вводится в научный оборот боевая полумаска, обнаруженная возле с. Диброво (Донецкая обл. Украина). По всей вероятности, она происходит из разрушенного погребения, в инвентарь которого также входили стремя, кресало и нож. На основании того, что обряд помещения в могилу защитного вооружения получил распространение в южнорусских степях после монгольского завоевания, делается предположение, что погребение около с. Диброво могло быть совершено не ранее середины XIII в. Также подробно рассматривается полумаска, найденная при раскопках детинца древнерусского города Вщижа (Брянская область, Россия). По данным отчетной документации подтверждается ранее предложенная датировка этой полумаски XII веком. Поэтому нет оснований возвращаться к гипотезе о распространении данного защитного элемента после татаро-монгольского нашествия. В результате проведенной реставрации и рентгенофлуоресцентного анализа поверхности полумаски из Вщижа был выяснен способ нанесения внешнего покрытия — амальгамирование серебром и золотом поверхности, покрытой сеткой из прочерченных линий. Рассмотрев все известные на сегодняшний день находки полумасок, на основании их морфологических особенностей и хронологии, авторы предполагают существование как минимум двух регионов, где изготавливались полумаски.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© С. Ю. Каинов, Ю. А. Кулешов, 2014.

Более полувека назад А. Н. Кирпичников в работе, посвящённой древнерусским шлемам, впервые выделил группу *крутобоких боевых наголовий*, которые полностью закрывали голову и лицо воинов (Кирпичников 1958: 63—66). Достигалось это за счёт дополнительных защитных элементов — наносника-полумаски и круговой бармицы. Нынешний юбиляр безоговорочно связал их происхождение с древнерусскими землями, а время бытования отнёс к финалу феодальных междоусобиц. Позднее в фундаментальном трёхтомном труде по древнерусскому оружию эта группа шлемов в рамках предложенной типологии боевых наголовий получила обозначение *тип IV*. Одним из характерных признаков шлемов этого типа исследователь предложил считать наличие полумаски. К шлемам типа IV (и их деталям) было отнесено шесть находок — шлемы из Лыкова, Никольского, Киева, отдельная полумаска из Вщижа и два сильно фрагментированных шлема с Шепетовского городища[1] (Кирпичников 1971: 29—31). К настоящему времени количество найденных наголовий данного типа существенно увеличилось. В недавно вышедшей монографии приведены данные уже о пятнадцати экземплярах (Негин 2013: 63—64). При этом новые находки и переосмысление старых ставят всё больше вопросов, в первую очередь связанных с их происхождением и датировкой. Именно эти вопросы остаются предметом оживленных дискуссий среди специалистов по средневековому восточноевропейскому вооружению (Спицынъ 1899: 388—390; Янин 1958: 54—60; Бочаров 1983: 32—44; Стерлигова 1996: 276—282; Петров 1997: 139—143; Горелик 1998: 268; 2002: 25—26; 2003: 235—237; 2010: 256—259; 2010а: 36—9; 2012: 127; 2012а: 90—91; Негин 2001: 11—12; 2013: 56—68; Жуков 2006: 151—156 и др.). В то же время очевидно, что полноценный ввод в научный оборот каждой новой находки (равно как и «старых») только приближает исследователей к искомым ответам.

Отправной точкой в написании данной работы послужила информация о новой находке боевой полумаски. Она была обнаружена в Артёмовском районе Донецкой области Украины, в 300 м юго-западнее с. Диброво в ходе поисковых работ на месте боёв Великой Отечественной войны. Находка сделана на мысообразном берегу балки у опушки байрачного леса. В период войны здесь проходил окоп, который в послевоенное время был засыпан, распахан, и по нему была высажена дополнительная полоса леса.

Кажется очень вероятным, что полумаска происходит из погребения, разрушенного в результате распашки. Возможно, погребение было связано с располагавшейся рядом с местом находки распахиваемой насыпью высотой около 1 метра и поперечными размерами 20×30 м[2]. Недалеко от насыпи, помимо полумаски, найдены кресало и стремя. Также стоит отметить, что это место находится в полукилометре от Кальмиусского шляха — одного из известных миграционных путей кочевников.

Полумаска найдена в виде четырех фрагментов, располагавшихся на глубине 15—20 см от современной поверхности, на одной линии протяженностью 3,5 м, соответствующей направлению распашки насыпи. Сначала был обнаружен центральный верхний фрагмент; приблизительно в 1 м от него — основная часть полумаски; далее, через 1,5 м — правый верхний угловой фрагмент; и ещё через 1 м — боковой фрагмент. Вогнутый характер деформации центрального фрагмента полумаски[3], там, где располагалась монтажная заклёпка, указывает на то, что полумаска была явно оторвана от шлема. Более того, отсутствие правого верхнего угла полумаски, позволяет предположить, что он остался на шлеме. Слом всех фрагментов по прочеканенному профилю надбровных дуг указывает на то, что полумаска разрушилась в технологически самом слабом месте и, видимо, рассыпалась, когда её тащило плугом.

Первоначально полумаска представляла собой Т-образный глубоко профилированный анатомический наносник, переходящий в профилированные же дугообразные брови, основа которых составляет единое целое с нижними дугами, очерчивающими глаза (рис. 1: 1). Общая высота находки — 13,9 см, первоначальная ширина — 17,8 см. Кончик носа клювовидный, с обозначенными крыльями, имеет замкнутую пирамидальную структуру. Смотровые щели миндалевидной формы, высотой 1,8 см и шириной 4,2 см. Края

[1] Шепетовское городище иногда связывают с известным по древнерусским летописям городом Изяславлем. Об ошибочности подобной точки зрения см. Пескова 2009: 150.

[2] Овальная форма насыпи, возможно, образовалась в результате распашки.

[3] Из-за деформации создаётся впечатление, что верхний край полумаски повторяет форму прочеканенных бровей, между тем изначально он был менее выгнутым.

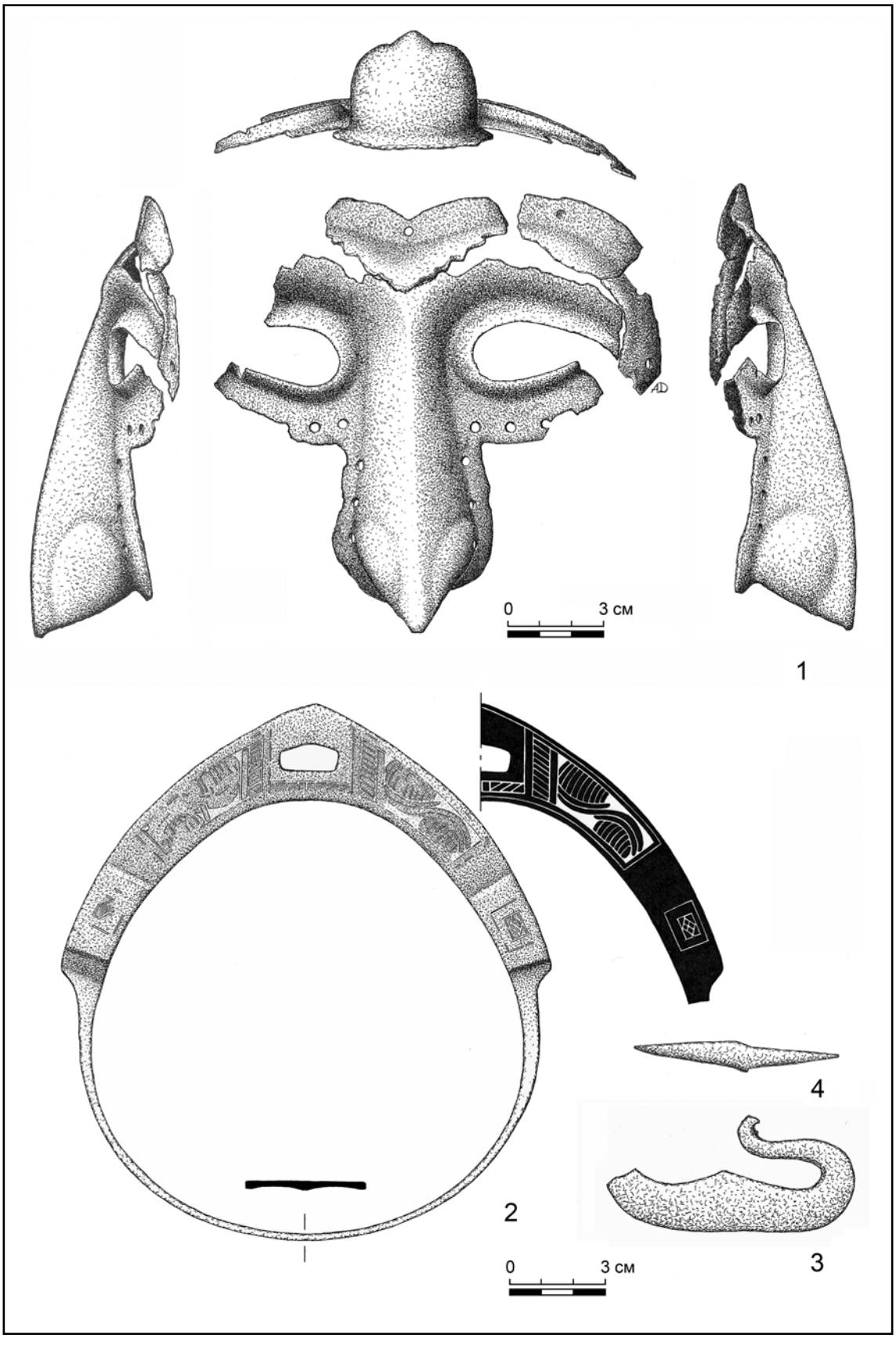

Рис. 1. Предметы, найденные около с. Диброво: 1 — полумаска; 2 — стремя; 3 — кресало; 4 — нож. Рис. А.С. Дементьевой.

Fig. 1. Objects found near the village of Dibrovo: 1 — half-mask; 2 — stirrup; 3 — flint; 4 — knife. Drawing by A. Dementieva.

смотровых щелей отогнуты наружу, имитируя веки. По краю нижних дужек и узким площадкам, отогнутым в горизонтальной плоскости по боковым сторонам носа, располагаются отверстия диаметром 2,5 мм под крепление бармицы. Всего их сохранилось пять с правой стороны и шесть с левой, остальные разрушены коррозией, при этом с каждой стороны непосредственно на носу расположено по три отверстия. Изначально полумаска крепилась к шлему пятью заклёпками. Сохранилось три монтажных отверстия под них, каждое диаметром 4 мм. Толщина металла полумаски в среднем 2,5 мм. Общий вес находки в целом — 175 г. По всей поверхности полумаски из-под коррозии прослеживаются следы покрытия белым металлом.

Непосредственно вблизи линии, на которой располагались фрагменты полумаски, было найдено кресало (рис. 1: 3). Оно относится к типу калачевидных с треугольным язычком и загнутыми наружу концами; один его конец утрачен. Размеры: ширина 7 см, высота 3,5 см.

С противоположной стороны насыпи, приблизительно в 30 м от неё, было найдено стремя округлой формы с килевидным завершением, пластинчатой выступающей по бокам дужкой и узкой сильно выгнутой подножкой (рис. 1: 2). Его размеры: высота 15,5 см, ширина 14 см, ширина подножки 3,4 см, размеры прорези для путлища 0,7×1,8 см. На пластинчатой дужке стремени с лицевой стороны в технике плакировки серебром нанесён геометрический и растительный орнамент.

В 150 м со смещением на северо-запад от линии расположения фрагментов полумаски, был найден нож (рис. 1: 4). Столь значительное удаление от места обнаружения фрагментов полумаски может вызвать сомнение в принадлежности этой находки к общему комплексу. Между тем, на наш взгляд, данное обстоятельство можно объяснить тем, что весь мысообразный берег балки является частью постоянно используемого сельскохозяйственного поля и значительное удаление — это результат многолетней перепашки. Нож длиной 5 см имеет прямое сильно сточенное лезвие с уступами при переходе спинки и лезвия к черенку.

Переходя к анализу находки, сразу стоит указать, что традиционно оружиеведами к полумаскам относятся две категории дополнительных защитных элементов восточноевропейских средневековых шлемов. Это сами полумаски, аналогичные по устройству публикуемой, и Т-образные, глубоко профилированные анатомические наносники с дугообразными бровями. А. Н. Кирпичников склонен видеть в последних находки, у которых нижние дуги, формирующие смотровые щели, были утрачены вследствие коррозии (Кирпичников 1958: 65; 1977: 30). А. Е. Негин уточняет, что все найденные экземпляры изначально являлись полумасками, у части которых нижние дуги были удалены еще во время использования (Негин 2013: 37). Другие исследователи всё же разделяют эти две категории находок. К. А. Жуков, хотя и считает их функционально одинаковыми, предлагает рассматривать как две морфологически самостоятельные группы, бытующие одновременно (Жуков 2006: 151—154). Ю. Ю. Петров, считает вторую категорию регрессивной по отношению к первой, и, соответственно, различает их по времени (Петров 1997: 140—142). Оставляя за рамками работы эту дискуссию, остановимся только на полумасках.

К настоящему времени, помимо публикуемой находки, нам известно ещё шесть[4] целых и фрагментированных полумасок.

Первая полумаска вместе со шлемом была обнаружена в 1866 г. при невыясненных обстоятельствах близ с. Никольского бывшей Богодуховской волости Орловского уезда Орловской губернии (в настоящее время с. Никольское, Свердловский район, Орлов-

[4] В литературе есть упоминания ещё об одной находке полумаски. В качестве таковой представляют набор коррозированных железных фрагментов, видимо, связанных со шлемом из разрушенного золотоордынского погребения у поселка Семеновод (Ставропольский край, Россия) (Нарожный 2010: 102—103, рис. 5; 6). Но здесь мы имеем дело скорее с недоразумением, вызванным неправильной трактовкой материала и неверным подбором аналогий. В публикации погребения нет ни слова о каких бы то ни было фрагментах полумаски или наносника, найденных в составе погребального комплекса (Горелик, Отюцкий, Охонько 2010: 97—100). Более того, происходящий из погребения шлем не имеет ничего общего с боевыми наголовьями, на которых устанавливались полумаски, Т-образные профилированные анатомические наносники с дугообразными бровями и круговая бармица (Горелик, Отюцкий, Охонько 2010: 98, табл. 1: 7; Нарожный 2010: 101, рис. 1; 2). О неверной атрибуции свидетельствует и тот факт, что на «фотографии» полумаски, несущей явные признаки создания в графическом редакторе, смотровые щели имеют кольчужную оторочку (Нарожный 2010: 103, рис. 5—6). При этом не совсем понятно, как эта оторочка крепится к верхней и боковым сторонам смотровой щели, а снизу кольца «насажены» прямо на дуги, которые выглядят достаточно тонкими. Возможно, так исследователь интерпретировал деформированный монтажный прут для бармицы с остатками нанизанных на него колечек, которые хорошо известны на золотоордынских шлемах (Ефимов 1999: 95, 97, рис. 2: 2). Исходя из вышеизложенного, нет никаких оснований считать находку полумаской.

ская обл., Россия) (Ленц 1902: 91; Кирпичников 1958: 65). Полумаска по конструкции аналогична публикуемой, но имеет более узкие нос и нижние дуги, формирующие смотровые щели (рис. 4: 1). Размеры: высота 16 см, ширина 16 см. Миндалевидные смотровые щели высотой 2 см и шириной 5 см. С обеих сторон наносника и по низу обоих дуг, формирующих смотровые щели, пробито двадцать (по десять с каждой стороны) отверстий для крепления бармицы. На куполе шлема полумаска закреплена пятью заклёпками. Конструктивно купол шлема состоит из трех вертикально ориентированных секторов подтреугольной формы с изогнутыми боковыми образующими. Один сектор располагается в налобной части, два других — в височно-затылочной. Сектора совмещены с наложением, составляющим приблизительно 10 мм. Все они скреплены друг с другом посредством клепки «в потай». Соединительные швы прокованы и зачищены. Поверхность купола шлема граненая, причем очевидно, что проковка вертикальными гранями осуществлялась уже после сборки купола. Гранение представляет собой чередование плоской выступающей грани и двух разделенных подтреугольным в сечении ребром углубленных канелюр. В нижней части в 2 см от края шлема грани сходят на нет. Здесь же проходит и граница золотого покрытия шлема. На нижней части шлема, оставшейся непокрытой драгоценным металлом, сохранилось восемь фрагментированных и одна целая петля для крепления бармицы. Вверху купола шлема расположено отверстие около 10 мм в диаметре для монтировки навершия. Высота купола шлема 20,5 см, диаметр 23 см. Весь шлем, включая полумаску, покрыт позолотой, нанесенной посредством амальгамирования[5].

Э. Ленц, первым опубликовавший находку, отнёс её к золотоордынским древностям и датировал достаточно широко XIII—XIV вв. (Ленц 1908: 5). А. Н. Кирпичников высказался за древнерусское происхождение этого шлема и датировал его второй половиной XII — первой половиной XIII вв (Кирпичников 1971: 30—31, 82). Ю. Ю. Петров и К. А. Жуков также считают этот шлем древнерусским. Первый относит его ко второй четверти XIII в., второй — к первой половине XIII в. (Петров 1997: 140; Жуков 2006: 152, 155). Сторонниками монгольского, и более широко — общеимперского происхождения этого шлема, выступают М. В. Горелик и А. Е. Негин. Первый датирует находку второй половиной XIII — первой третью XIV вв. (Горелик 1998: 268; 2002: 26; 2003: 235—237; 2010: 256—259; 2010а: 36—39; 2012а: 90), второй — серединой XIII — началом XIV вв. (Негин 2013: 63). Не затрагивая вопрос о месте изготовления шлема, присоединимся к мнению о «поздней» датировке шлема, найденного около с. Никольское. Об этом, по нашему мнению, свидетельствует использованная для усиления прочности купола технология гранения поверхности шлема. Впервые подобное гранение шлемов можно увидеть на миниатюрах «Истории Святой Земли» Гильома Тирского, которая была написана между 1250—1300 гг. (Folda 1976). Так, на миниатюре «Осада Иерусалима» на одном из *сарацин* показан аналогичный никольской находке шлем, но без полумаски. Точно такая же технология представлена и на шлеме «Царя Содома» — одной из трёх фигур скульптурной сцены «Авраам встречает Мельхиседека» — самой нижней сцены западного фасада триумфальной арки, обрамляющий вход в хоры Реймсского кафедрального собора. По мнению известного английского оружиеведа Д. Николла, эта скульптура была изготовлена между 1275—1300 гг. (Nicolle 1999: 33). Аналогичная технология представлена и на шлемах на двух английских латунных надгробиях: сэра Джона де Крика († 1325 г.) — церковь Святой Марии, д. Уэсли Ватерлесс, Кембриджшир (Boutell 1847: 39), и сэра Джона Дэ Абермона младшего († 1327 г.) — церковь Святой Марии, д. Сток Дэ Абермон, графство Суррей (Boutell 1847: 41).

Вторая находка полумаски была сделана Б. А. Рыбаковым в 1948 г. при раскопках детинца летописного города Вщиж (Жуковский район, Брянская область, Россия) (рис. 2).

Сохранность полумаски неполная[6]. Отсутствуют боковые края полумаски, также незначительно поврежден край нижних дуг, формирующих смотровые щели.

По своим морфологическим признакам вщижская полумаска наиболее схожа с полумаской, найденной около с. Диброво. В настоящее время ширина полумаски составляет 14,5 см, но обращение к фотографиям, сделанным сразу после находки, позволяют реконструировать ее изначальную ширину, составлявшую примерно 16—17 см. Максимальная

[5] Определение способа покрытия деталей шлема золотом осуществлено визуально. Анализы химического состава покрытия, подтверждающие амальгамирование шлема, насколько нам известно, не проводились.

[6] Полумаска находится в Государственном историческом музее (Опись 1115В; №2057). Авторы благодарят Н. И. Асташову за предоставленную возможность опубликовать эту вещь.

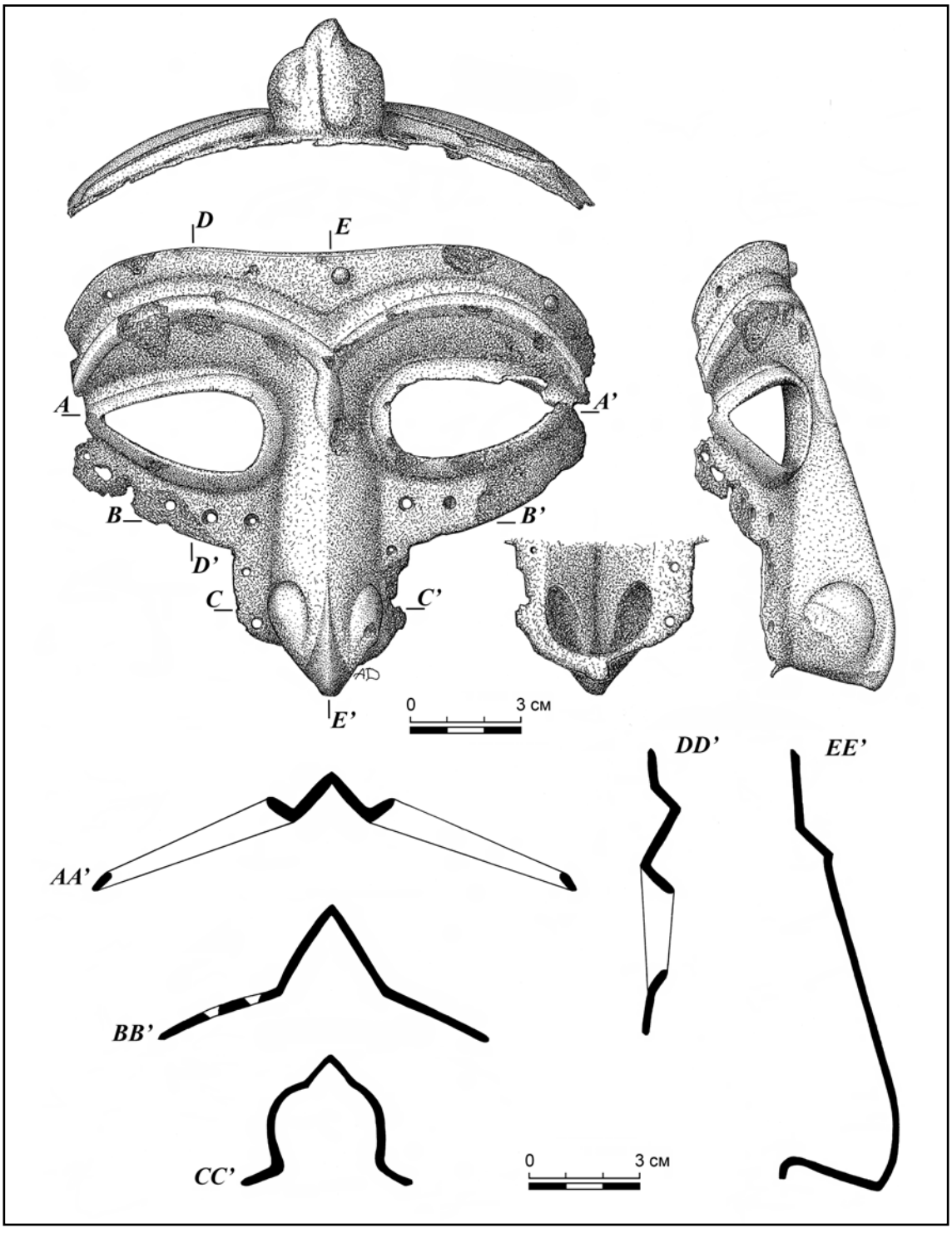

Рис. 2. Полумаска из Вщижа. Рис. А. С. Дементьевой.

Fig. 2. Half-mask from Vschizh. Drawing by A. Dementieva.

высота полумаски 12,3 см. Миндалевидные смотровые щели высотой 2,1 см и шириной 4,8 см. Левая «глазница» повреждена — наружу вывернут край верхнего века. По краю нижних дужек и узким площадкам, отогнутым в горизонтальной плоскости по боковым сторонам носа, расположено шестнадцать отверстий, диаметром около 2 мм, для крепления кольчужной бармицы[7]. На верхний край полумаски (налобной пластины) нанесена

[7] Судя по расположению части отверстий, с их помощью бармица подвязывалась к полумаске.

фаска шириной около 2 мм. Изначально полумаска крепилась к шлему при помощи трех заклепок, из которых на своем месте сохранились две[8]. Диаметр шляпки клепки 5 мм, высота 2,5 мм, диаметр ножки 4 мм, общая длина клепки 9 мм. При расчистке одной клепки удалось проследить, что расклепанные края на внутренней стороне вывернуты наружу вверх. Толщина металла полумаски 2—2,5 мм, её современный вес 200 г.

Более 60 лет вщижская полумаска не привлекала к себе особого внимания. В работах ей отводилось всего несколько строк или же просто констатировался сам факт находки (Кирпичников 1958: 65; 1971: 30; Петров 1997: 139; Жуков 2006: 151—152). Между тем, детальное исследование полумаски и обстоятельств ее обнаружения позволяет ответить на ряд вопросов, возникающих в ходе изучения этой категории предличной защиты.

Во-первых, в ходе реставрационных работ было установлено, что вся внешняя поверхность полумаски (кроме горизонтальной носовой перемычки) имеет покрытие металлом белого и желтого цветов. Основная часть полумаски покрыта белым металлом. Желтый металл использован при моделировании бровей, сходящихся на переносице, от которой вниз спускается каплевидная фигура. Золотое покрытие зафиксировано на крыльях и кончике носа, так же подчеркнуты веки. Все золотые вставки оконтурены тонкой (около 0,5 мм) гравированной канавкой, четко разделяющей белое и желтое покрытия.

Во-вторых, анализ химического состава покрытия внешней стороны полумаски позволил определить использованные металлы[9]. Покрытие желтого цвета выполнено из сплава золота и серебра (Приложение 1, №3, 4), покрытие белого цвета — из серебра (Приложение 1, №1, 2). Во всей случаях отмечено очень высокое содержание ртути — от 4,7% до 23,7%, что, несомненно, свидетельствует о покрытии поверхности предмета цветным металлом с помощью ртутных растворов (амальгамы). С помощью микроскопа удалось проследить, что вся поверхность полумаски под слоем золота и серебра расчерчена мельчайшими линиями, образующими сеообразную сетку[10] (рис. 3). Это первый случай выявления такого технического приёма на восточноевропейских боевых оголовьях. Очевидно, что он представляет собой подготовку поверхности под амальгамирование, и служил для лучшего «схватывания» амальгамы в данном случае с железной основой полумаски.

В-третьих, обращение к отчету о раскопках позволило уточнить контекст находки, что, в свою очередь, позволяет более уверенно говорить о ее датировке. Полумаска найдена в 1948 г. на раскопе 5, при разборке заполнения большой ямы. Б. А. Рыбаков указывает, что в контрольной бровке, «просматриваемой с трех сторон», при разборке ямы и близлежащих слоев удалось «очень четко различить все постройки и их взаимное соотношение» (Рыбаков 1958: 60). Заполнение ямы составляли чередовавшиеся слои полуобгорелого дерева, мергеля, прослойки культурного слоя. Все это было перекрыто прослойкой «обгорелого дерева, в которой попадаются стрелы» (Рыбаков 1958: 60). Стратиграфическая картина позволила Б. А. Рыбакову предположить, что в ходе раскопок были вскрыты остатки сожженного двухэтажного дома с подклетом. Прослойки полуобгорелого дерева и мергеля, по реконструкции исследователя, представляли собой остатки потолка и потолочных засыпок, верхний слой — крыши. Важно, что в отчете нет указаний на возможность более позднего вмешательства в заполнение ямы, в которой найдена полумаска.

Для выяснения предполагаемых обстоятельств попадания в культурный слой полумаски значимым представляются некоторые особенности сохранности предмета. Состояние покрытия внешней стороны маски отвергает возможность того, что она находилась в огне. То есть, если и принимать версию Б. А. Рыбакова о сгоревшем доме, следует понимать, что сама полумаска воздействию огня не подвергалась. Сохранившиеся на своем месте две клёпки свидетельствуют о том, что полумаска была демонтирована со шлема, причём достаточно грубо. Об этом свидетельствует и вывернутый наружу край левой глазницы. По нашему мнению, это указывает на то, что для демонтажа использовался некий рычаг, который был вставлен в глазницу и затем провернут. Таким образом, вщижская полумаска в момент своей археологизации не находилась

[8] Ввиду отсутствия боковых частей полумаски, нельзя исключать, что она крепилась к шлему при помощи пяти заклепок.

[9] Анализы выполнены с помощью микрорентгенофлуоресцентного спектрометра Bruker M1 Mistral.

[10] Использовался стереомикроскоп Carl Zeiss Stemi 2000°C.

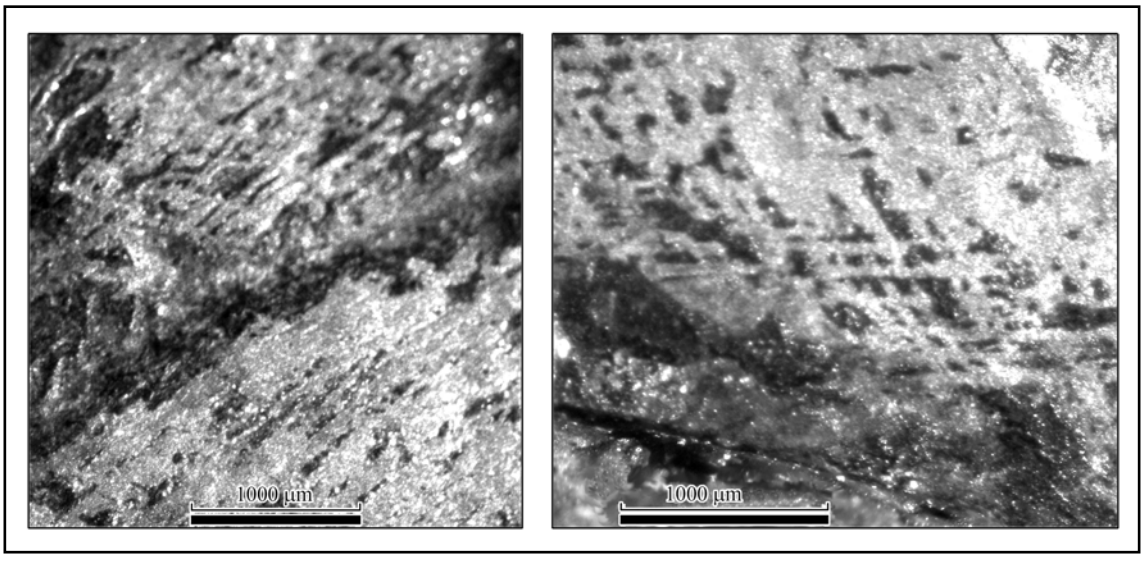

Рис. 3. Макросъемка поверхности полумаски из Вщижа.

Fig. 3. Macrophotos of half-mask surface from Vschizh.

на шлеме одного из защитников или нападающих, а хранилась в качестве ценного предмета и, вероятно, предназначалась для установки на купол нового боевого наголовья.

Как мы указали выше, полумаска происходит из заполнения ямы, которое представляет собой рухнувшие перекрытия верхних помещений, а сама яма является «подпольем» большого наземного жилища. По мнению Б. А. Рыбакова, формирование этого комплекса относится к середине XII в., а его гибель связана с осадой Вщижа в 1160 г. (Рыбаков 1958: 26). Между тем А. Е. Негин допускает, что полумаска могла быть утеряна позднее — в первой половине XIII в., или же непосредственно во время монгольского погрома 1238 г. (Негин 2013: 60). Обращение к содержащемуся в отчете фотоснимку, на котором изображены предметы, найденные одновременно с полумаской, позволяет более обоснованного говорить о времени формирования комплекса. Среди вещей на фотоснимке видна шпора типа I по типологии А. Н. Кирпичникова, который на территории Древней Руси датируется IX — первой половиной XIII вв. [11] Причем поздняя датировка (XIII в.), предложенная всего в двух случаях, является верхним пределом «широкой хронологии» (XII — первая половина XIII в). В хорошо датированных слоях Великого Новгорода подобные шпоры датируются XI—XII вв. (Медведев 1959: 191; Андриенко 2006: 150).

Таким образом, находка полумаски в закрытом комплексе вместе со шпорой, хронология бытования которой, по нашему мнению, не выходит за рамки XII в., позволяют поддержать датировку полумаски XII в. При этом очевидно, что привязка археологического контекста к событиям 1160 г. условна и основана на летописных источниках.

Третья находка происходит из Великого Новгорода. В 1976 г. на Троицком IV раскопе был обнаружен фрагмент полумаски — нижняя дуга, формирующая левую смотровую щель (рис. 4: 5) [12]. Длина фрагмента — 5 см, судя по отогнутому краю, длина смотровой щели составляла около 4,5 см. На его нижнем крае сохранилось три монтажных отверстия для бармицы. При осмотре следы покрытия цветными металлами отмечены не были. Фрагмент полумаски обнаружен в 7 пласте, который датируется серединой — третьей четвертью XIV в. (Колчин 1982: 157).

Четвёртая находка обнаружена в 1985 г. в г. Городец (Нижегородская обл., Россия) (рис. 4: 3). Находка сделана случайно при рытье хозяйственной ямы в частном секторе, на улице Загородной (Негин 2013: 9). Полумаска имеет значительные повреждения: полностью утрачены нос, включая переносицу, нижняя дуга и внутренняя боковая сторона, формирующие правую смотровую щель.

[11] Шпора хранится в отделе археологических памятников Государственного Исторического музея (Опись 1115В, №1739). В описи находок указано, что шпора найдена в заполнении ямы (Опись 1115В).

[12] Как фрагмент полумаски находка была определена научным сотрудником отдела хранения и изучения археологических коллекций Новгородского музея-заповедника А. Н. Каменским, которому авторы выражают признательность за предоставленную информацию и возможность её опубликовать.

Сохранившаяся часть сломана на две половинки, при этом линия слома, идущая от правой смотровой щели, наискосок вверх, легла по прочеканенному профилю левой брови, тем самым практически полностью её разрушив. Полумаска была, видимо, близка полумаске, найденной близ с. Никольское, на что указывает их одинаковая ширина — 16 см. Левая смотровая щель имеет миндалевидную форму с отогнутым краем: высота — 2,2 см, ширина — 4 см. На нижней дуге, формирующей левую смотровую щель, сохранилось два отверстия для крепления бармицы. Первоначально полумаска крепилась к шлему пятью заклёпками, из которых сохранились три. Остатки полумаски смонтированы на куполе, который составлен из трех вертикально ориентированных секторов подтреугольной формы с изогнутыми боковыми образующими. Один сектор располагается в налобной части, два других — в височно-затылочной. Сектора совмещены со взаимным наложением, составляющим приблизительно 10 мм. Все они скреплены друг с другом клепкой «в потай». Соединительные швы прокованы и зачищены. Вверху установлено сложнофигурное навершие в виде двух литер «Ф», совмещённых друг с другом. Стержневидное основание навершия изнутри шлема расклепано, под расклёп подложена шайба. Стержень и ушки навершия несут следы позолоты. Весь шлем, включая полумаску, покрыт серебрением, выполненным, видимо, в технике амальгамирования. В то же время купол шлема поверх серебрения инкрустирован золотом (Негин 2013: 19). Композиция орнамента делит купол шлема на две горизонтальные части. Нижняя орнаментальная часть, доходящая до середины шлема, разделена на четыре сектора, пространство которых заполнено уже практически не восстановимым орнаментом. Центр каждого из четырёх секторов венчает так называемый «узел счастья», а основное поле верхней части купола оставлено свободным от инкрустации, за исключением места монтажного отверстия под навершие, инкрустированного четырьмя лепестками. Также позолота прослеживается на полумаске — по верхнему краю, на бровях и верхнему краю отогнутых смотровых щелей. Каким техническим приёмом она нанесена, определить без специального исследования не представляется возможным. На нижней части купола в 2 см от края амальгамирование отсутствует. На этом участке шлема с обеих сторон полумаски сохранились две петли для крепления бармицы. Размеры купола: высота 21,5 см, диаметр 24 см.

Первым опубликовавший данный шлем А. Е. Негин атрибутировал его как золотоордынский импорт, спрятанный в ходе разгрома города эмиром Эдигеем в 1408 г. (Негин 2001: 14—15). Позднее он отнёс его к общеимперской монгольской моде и датировал началом XIV в. (Негин 2013: 67). Ранее эту версию предложил М. В. Горелик, но атрибутировал шлем как хулагидский второй половины XIII в. (Горелик 2002: 25). Правда, позднее столь категоричное мнение о хулагидском происхождении было изменено, а датировка распространена на весь XIII в. (Горелик 2012: 127). К. А. Жуков не согласился с названными исследователями и попытался доказать его русское происхождение, датируя 30—40-ми гг. XIII вв. (Жуков 2006: 153). Как показывает анализ декоративных приемов, встречающихся на восточноевропейских шлемах, орнаментальное решение городецкого шлема не могло появиться ранее рубежа XIII—XIV вв., а его развитие прослеживается на протяжении всего XIV в. (Кулешов 2014: 141—147).

Пятая находка сделана в 2006 г. В. И. Кошманом при раскопках древнерусского городища Свислочь (Осиповичский район, Могилёвская область, Беларусь) (рис. 4: 4). В сгоревшей постройке среди прочего оружия были найдены остатки шлема: три небольших фрагмента купола, часть налобного украшения (?) и два фрагмента полумаски. Остатки полумаски — это очень сильно коррозированные наносник и левая часть полумаски без нижней дуги, формирующей смотровую щель. С правой стороны, на наноснике сохранился небольшой участок выхода на правую бровь и нижнюю дугу, формирующих основание миндалевидной смотровой щели. Ширина сохранившегося фрагмента — 14,7 см — позволяет реконструировать ширину полумаски, составлявшую около 19,5 см. Высота — 13,3 см. Несмотря на плохую сохранность свислочской полумаски, можно однозначно утверждать, что она имела профилированные брови, переходящие в профилированный анатомический нос с отогнутыми боковыми сторонами. Стоит отметить, что в процессе реставрации не удалось сохранить выход на правую нижнюю дугу, основание правой смотровой щели и отогнутые края вертикальных сторон носа. Также в процессе реставрации была выявлена плохая сохранность кончика и крыльев носа. Но, несмотря на плохую сохранность, очевидно, что данная находка внешне очень близка полумаскам из Диброво и Вщижа.

Н. А. Плавинский и В. И. Кошман, на основании того, что находка была сделана внутри

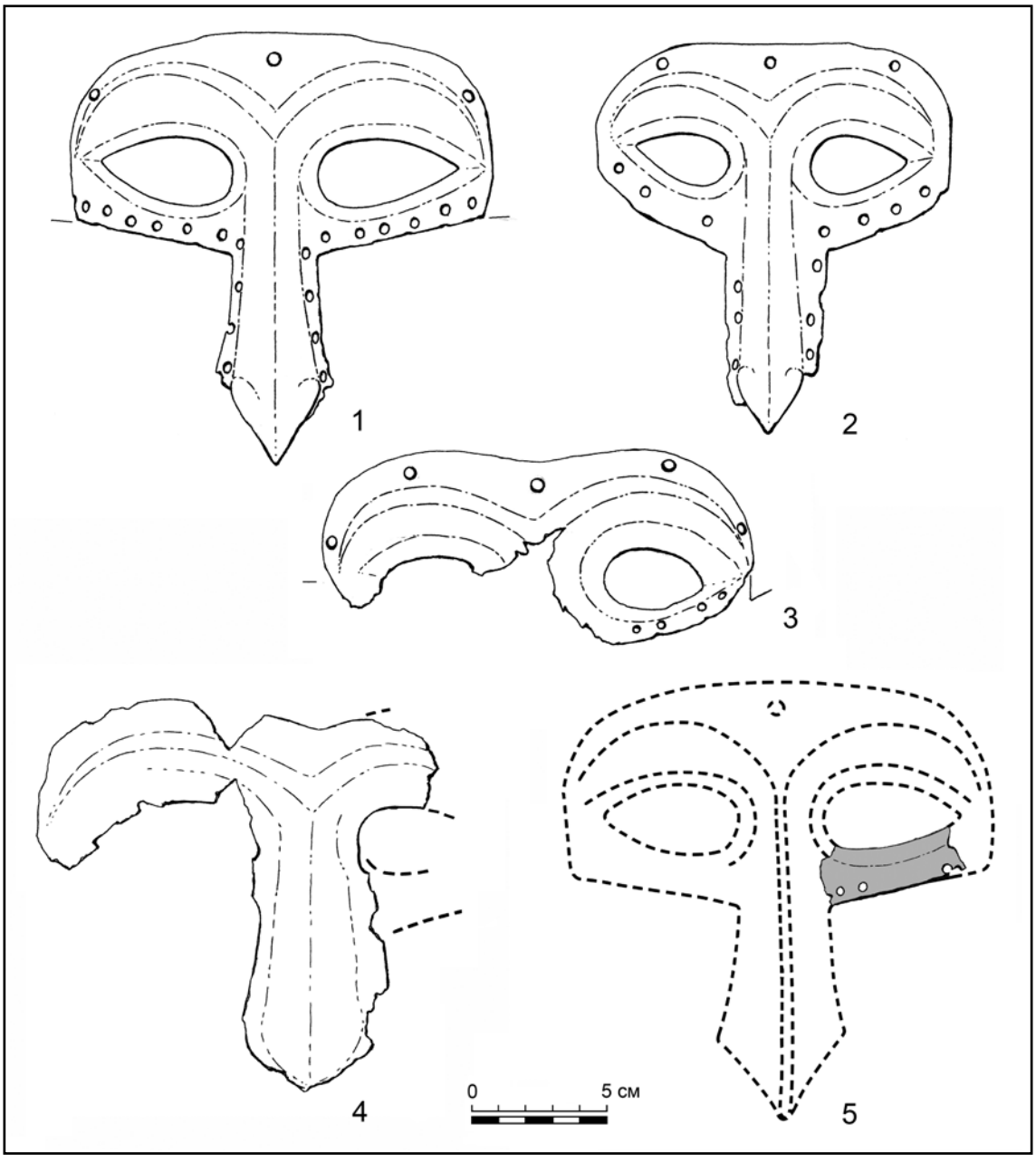

Рис. 4. Полумаски: 1 — Никольское; 2 — Харьковская обл.; 3 — Городец; 4 — Свислочь; 5 — Великий Новгород. Реконструкция А. Н. Каменского; рисунок А. С. Дементьевой.

Fig. 4. Half-masks from: 1 — Nikol'skoye; 2 — Har'kov region; 3 — Gorodets; 4 — Svisloch; 5 — Velikiy Novgorod. Reconstruction by A. N. Kamensky; drawings by A. Dementieva.

сгоревшей постройки, по периметру которой обнаружены «типичные монгольские наконечники стрел», считают, что шлем принадлежал защитнику поселения (Плавинский, Кошман 2010: 148). Они склоняются к тому, что усадьба-замок на р. Свислочь погибла при походе монголо-татар под предводительством Бурундая на Литву в 1258 г. Авторы не исключают того, что поселение могло быть уничтожено монголо-татарами и в 1239 г. при разграблении Черниговской земли (Плавинский, Кошман 2010: 149). А. Е. Негин, не оспаривая данных интерпретации авторов публикации, без всяких объяснений связал находку с междоусобным погромом 1250 г. (Негин 2013: 63). Стоит заметить, что никаких летописных сведений, подтверждающих эту версию, нет.

Ряд обстоятельств не позволяет согласиться и с предположением Н. А. Плавинского и В. И. Кошмана. Во-первых, Галицко-Волынская летопись, повествующая о походе Бурундая на Литву и отличающаяся вниманием к деталям, не сообщает о том, что в ходе похода подверглись разрушению какие-то

древнерусские города. Во-вторых, возникают сомнения в корректности определений некоторых наконечников стрел, отнесенных к «специфически монгольским типам». Монгольскими представлены десять наконечников типов 38/4, 52, 65, 67, 90 по типологии А. Ф. Медведева. Пять наконечников, отнесенные к варианту 4 типа 38 (Плавинский, Кошман 2010: 142, №11—15), на самом деле, исходя из соотношения ширины и длины пера близкому к 1:3, относятся к варианту 3, который был распространен и в XII в. (Медведев 1966: 64). Наконечник, отнесенный к типу 65 (Плавинский, Кошман 2010: 142, №18), по нашему мнению, скорее всего, принадлежит к типам 42 или 48. А наконечники, определенные как наконечники типов 52 и 90 (Плавинский, Кошман 2010: 142, №17, 20), нельзя считать «специфически монгольскими», так как распространены они были и в домонгольский период (Медведев 1966: 69—70, 83). Наконечник стрелы, определенный как срезень типа 67 (Плавинский, Кошман 2010: 142, №19), отличается от классических наконечников менее вытянутыми пропорциями и может быть определен как наконечник типа 54. Последний у А. Ф. Медведева имеет достаточно широкую дату — IX—XIV вв., и встречен, к примеру, в Великом Новгороде в слое 1-й половины XII в. (Медведев 1966: 70—81). Известны такие наконечники и в Волжской Булгарии, где датируются XI—XIII вв. (Руденко 2010: 83). Подобный наконечник происходит и из раскопок летописного Вщижа (Медведев 1959: 107).

Отнесение к вещам, попавшим на городище в результате его штурма татаро-монголами, «колчанного» крюка и костяного предмета, определенного как навершие древка бунчука (Плавинский, Кошман 2010: 144, 146), также не может быть принято однозначно.

Сомнение в наличии монгольских вещей в слое гибели городища, в свою очередь, заставляет усомниться в гибели поселения как в результате похода Бурундая в 1258 году, так и при разгроме монголо-татарами Черниговского княжества в 1239 г. При этом, обращение к материалам поселений[13], которые находятся восточнее Свислочского городища, по направлению к летописному Гомелю, где надёжно фиксируются следы погрома 1239 г. (Макушников 1993: 121—130) — не даёт никаких оснований для констатации присутствия здесь монголо-татарских захватчиков (Загорульский 2004: 49; Соловьова 1969: 111—113). В связи с этим нельзя исключать, что свислочское городище могло погибнуть и до монгольского нашествия, во время княжеских междоусобиц второй половины XII — первой трети XIII вв. Дело в том, что городище Свислочь располагается на самом пограничье Черниговского и Полоцкого княжеств. Вполне возможно, что оно являлось пограничной крепостью на территории с центрами в Клецке, Слуцке, Рогачёве, которую Ольговичи, наравне со Сновской тысячью и Посемьем, считали своими исконными владениями. Уже высказывались версии о том, что Свислочское городище представляет собой остатки порубежной крепости (Плавинский, Кошман 2010: 141). Но, к сожалению, эта часть черниговских владений слабо изучена в историческом и археологическом плане (Котляр 2013: 14). Между тем, согласно летописным данным, она не раз становилась ареной в спорах между киевскими, черниговскими, и полоцкими князьями (Зайцев 2009: 95—109).

Еще одна находка полумаски была сделана в 2012 г. в ходе несанкционированных раскопок в Харьковской области Украины (рис. 4: 2). Насколько можно судить по фотографиям, внешне она схожа с полумаской шлема, найденного близ села Никольское. Но изготовлена полумаска менее аккуратно и профессионально, что может указывать на более низкую квалификацию изготовившего её мастера[14]. Так, левая сторона полумаски имеет трапециевидное окончание, а окончание правой стороны более походит на часть овала. Размеры находки: высота 14,5 см, ширина 13 см. Миндалевидные смотровые щели расположены несколько не симметрично. Их размеры: высота 2,2 см, ширина 3,6 см. С обеих сторон по границе носа и низу обоих дуг, формирующих смотровые щели, расположены по 8 монтажных отверстий для бармицы. Изначально полумаска крепилась к шлему тремя заклёпками, от которых по верхнему срезу осталось три монтажных отверстия. На всей поверхности полумаски из-под слоя коррозии просматриваются следы покрытия белым металлом.

Возвращаясь к маске, найденной у с. Диброво, стоит отметить, что морфологически она наиболее близка полумаскам из Вщижа и Свислочи, что позволяет датировать её второй половиной XII — первой третью XIII вв.

[13] Имеются в виду археологические материалы, полученные при раскопках, летописного Рогачёва, а также Зборовского и Вищинского замков.

[14] Нельзя совсем исключать и возможность того, что полумаска является современной подделкой.

Не противоречат этой датировке и вещи, найденные недалеко от полумаски и, вероятно, входившие в единый комплекс разрушенного погребения. Кресало и нож малоинформативны, так как встречаются на огромной территории и бытуют на протяжении длительного времени (Фёдоров-Давыдов 1966: 84—85; Евглевский, Потёмкина 2000: 183—184). Иначе обстоит дело со стременем. Данный тип стремян относительно редок для Восточной Европы и поэтому имеет более-менее узкую датировку. По типологии Г. А. Фёдорова-Давыдова дибровское стремя относится к типу Г-IV, представленному среди позднекочевнического материала всего тремя экземплярами (Фёдоров-Давыдов 1966: 12—13). Этот тип стремян ранее XII в. не встречается, а его верхний хронологический рубеж относится к монгольскому погрому (Фёдоров-Давыдов 1966: 16). По типологии А. Н. Кирпичникова стремя относится к типу IXа. Среди древнерусского и позднекочевнического материала исследователем было учтено всего семь экземпляров стремян. По его мнению, этот тип является древнерусским по происхождению и развивается от стремян типа IX, которые появляются около 1150 г. Стремена типа IXA после середины XIII в. не известны (Кирпичников 1973: 52—53). Е. А. Армарчук, рассмотрев стремена Северо-Восточного Причерноморья, считает, что это тип стремян (в ее типологии получивший обозначение тип IV2а) можно датировать в переделах XI—XIII вв. (Армарчук 2006: 23—24). Правда, сама автор указывает, что из четырех известных ей находок, три являются случайными, а последняя происходит из разрушенного распашкой погребения, что, несомненно, ставит под сомнение корректность датировок (Армарчук 2006: 35—36).

Исходя из всего вышеизложенного, становится очевидным, что аналогии наиболее репрезентативным вещам из дибровского комплекса — полумаске и стремени — датируются второй половиной XII — первой половиной XIII вв. Что касается времени, когда эти вещи могли попасть в землю, то здесь следует обратиться к особенностям погребального обряда позднесредневековых кочевников Восточной Европы. Как показывают последние исследования, традиция помещения в могилу защитного вооружения в Степи появляется не ранее второй половины XII в., но наибольшее распространение она получает в IV период — 1250—1400 гг. (Потёмкина, Кулешов 2010: 280). Орнаментированные стремена характерны для раннезолотоордынских погребений с доспехом. В качестве примера можно привести погребения Ченгеле (Horvát 2001: 177, 179), Бабичи (Плетнёва 1973: 44, 94, табл. 46: 5), Нежин (Кирпичников, Коваленко 1993: 132, рис. 2: 5), причём в последних двух случаях стремена аналогичны по типу дибровскому, что позволяет расширить датировку бытования подобных стремян в среде поздних кочевников до конца XIII в. Таким образом, если трактовать комплекс вещей, найденных около с. Диброва как остатки одного погребения, то его стоит датировать серединой — второй половиной XIII в.

Подводя итоги рассмотрению боевых полумасок Восточной Европы, можно сделать некоторые выводы. Шлемы с дополнительными защитными элементами в виде полумасок бытуют значительно более длительный отрезок времени, чем считалось ранее, — со второй половины XII до третьей четверти XIV вв. [15] Ранняя датировка полумасок, наиболее очевидная в случае с находкой из Вщижа, полностью опровергает мнение ряда исследователей о привнесении полумасок, характерных для боевых наголовий типа IV, на территорию Восточной Европы в ходе монголо-татарского завоевания. Среди полумасок можно выделить раннюю группу, включающую экземпляры из Вщижа, Свислочи и Диброво. По ряду морфологических признаков они отличаются от полумасок, которые появляются после середины XIII в. Первое отличие ранней группы полумасок состоит в превышении ширины маски над ее высотой, тогда как у поздних полумасок ширина и высота равны, или же высота превышает ширину. Второе отличие состоит в том, что в фас верхняя часть полумаски имеет форму, близкую к вытянутому овалу, в то время как у более поздних полумасок — усеченного овала или трапеции со сглаженными углами. Единственное очевидное отличие внутри группы полумасок Вщиж-Свислочь-Диброво касается формы носа. У первой он прямой со слабо изогнутым кончиком, у второй — полностью прямой, а у дибровской — клювовидный. На наш взгляд, это различие может объясняться изготовлением в рамках одной технологической традиции разными мастерами или же антропологическими особенностями заказчиков.

В настоящий момент довольно сложно говорить о причинах различий ранней и поздней групп полумасок. Возможно, это прос-

[15] Третья четверть XIV века предложена в качестве верхней хронологической границы на основании находки из Великого Новгорода.

тое развитие одной технологической традиции. Но нельзя исключать, что мы имеем дело с разными технологическими традициями, нашедшими воплощение в разных регионах. Принятие этой гипотезы ведет к предположению о существовании как минимум двух ремесленных центров, производивших боевые наголовья с полумасками. Отметим, что выделенная ранняя группа полумасок представлена находками или отдельных полумасок, или полумаски с малоинформативными обломками шлема. Не исключено, что эти полумаски монтировались на боевые наголовья, не относящиеся к «классическому» типу IV. Примеры установки профилированных анатомических наносников с дугообразными бровями, характерных для шлемов типа IV, на шлемы с иной геометрией купола, отличающей их от «классических» образцов типа IV, демонстрируют боевые наголовья из летописного Дорогобужа и золотоордынского погребения у с. Таборовки (Прищепа, Нікольченко 1996: 161, рис. 27; Горелик, Дорофеев 1990: 130, рис. 2: 1). Надеемся, что дальнейшие исследования, в ходе которых предполагается рассмотреть максимальное количество шлемов типа IV, позволят нам дать обоснованные ответы на поставленные вопросы, а также осветить ряд моментов, которые мы пока сознательно обошли.

Приложение 1.

Результаты анализа химического состава покрытия внешней стороны полумаски из Вщижа

	№1 (покрытие белого цвета)	№2 (покрытие белого цвета)	№3 (покрытие желтого цвета)	№4 (покрытие желтого цвета)
Хром (Cr)	1,95	1,22	0,17	0,09
Марганец (Mn)	1,83	1,55	0,43	0,17
Никель (Ni)	0,23	0,21	0,05	0,00
Медь (Cu)	0,74	2,08	0,21	0,11
Цинк (Zn)	0,20	0,00	0,14	0,14
Серебро (Ag)	85,85	87,88	29,97	16,03
Олово (Sn)	0,39	0,12	0,14	0,11
Золото (Au)	3,93	1,65	45,15	61,62
Ртуть (Hg)	4,67	5,10	23,65	21,65
Свинец (Pb)	0,23	0,18	0,08	0,06
Висмут (Bi)	0,00	0,00	0,02	0,03

Литература

Андриенко А.В. 2006. Находки предметов снаряжения верхового коня и всадника (по материалам Троицкого раскопа). *ННЗИА* 20. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 141—154.

Армарчук Е.А. 2006. *Конское снаряжение из могильников Северо-Восточного Причерноморья X—XIII веков*. Москва: ИА РАН.

Бочаров Г.Н. 1983. Из истории искусства Древнего Владимира (О так называемом шлеме Ярослава Всеволодовича). В: Маслов М.В. (ред.). *Памятники истории и культуры*. Ярославль: Верхневолжское книжное издательство, 32—44.

Горелик М.В., Дорофеев В.В. 1990. Погребение золотоордынского воина у с. Таборовка. *Проблемы военной истории народов Востока: Бюллетень Комиссии по военной истории народов Востока* 2. Ленинград: АН СССР; Всесоюзная ассоциация востоковедов, 119—132.

Горелик М.В. 1998. Спорные вопросы истории средневекового оружия Евразии. Военная археология. В: Вилинбахов Г.В., Массон В.М. (ред.). *Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе*. Материалы Международной конференции. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж; ИИМК РАН, 266—268.

Горелик М.В. 2002. *Армии монголо-татар X—XIV вв.* Москва: ООО «Восточный горизонт».

Горелик М.В. 2003. Шлемы и фальшьоны: два аспекта взаимовлияния монгольского и европейского оружейного дела. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 3. *Половецко-золотоордынское время*. Донецк: ДонНУ, 231—244.

Горелик М.В. 2010. Шлемы золотоордынских воинов Северного Кавказа из частных собраний. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 8. *Золотоордынское время*. Донецк: ДонНУ, 253—270.

Горелик М.В. 2010а. Монголо-татарские шлемы с маскаронами. В: Артемьева Н.Г. (гл. ред.). *Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX века* 1. Владивосток: Дальнаука, 28—43.

Горелик М.В. 2012. Парадные монгольские шлемы XIII—XIV вв. В: Тишкин А.А. (отв. ред.). *История и культура средневековых народов Евразии*.

Материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул: Алтайский государственный университет, 124—128.

Горелик М. В. 2012а. Парадные монгольские шлемы XIII—XIV вв. В: Кушкумбаев А. К. (отв. ред.). *Военное дело Улуса Джучи и его наследников.* Астана: Фолиант, 84—108.

Горелик М. В., Отюцкий И. В., Охонько Н. А. 2010. Погребение знатного воина раннезолотоордынского времени в Ставропольском крае. В: Горелик М. В. (гл. ред.). *Батыр: Традиционная военная культура народов Евразии* 1. Москва: Издательский дом Марджани, 97—100.

Евглевский А. В., Потемкина Т. М. 2000. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы. В: Евглевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 1. Донецк: ДонГУ, 181—208.

Ефимов К. Ю. 1999. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь». *Донская археология* (3—4). Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 93—108.

Жуков К. А. 2006. Куполовидные шлемы с полумасками на Руси. *Военное дело России и её соседей в прошлом, настоящем и будущем.* Материалы международной научно-практической конференции. Москва: Министерство обороны Российской Федерации, 151—156.

Загорульский Э. М. 2004. *Вищинский замок XII—XIII вв.* Минск: БГУ.

Зайцев А. К. 2009. *Черниговское княжество X—XIII в.: избранные труды.* Москва: Квадрига.

Каинов С. Ю., Каменский А. Н. 2013. О неизвестной находке фрагмента шлема с Дубошина раскопа в Великом Новгороде. *ННЗИА* 27. Материалы научной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения М. Х. Алешковского. Великий Новгород, 179—189.

Кирпичников А. Н. 1958. Русские шлемы X—XIII вв. *СА* (4), 47—69.

Кирпичников А. Н. 1971. *Древнерусское оружие* 3. *Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв.* САИ Е1—36. Ленинград: Наука.

Кирпичников А. Н. 1973. *Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.* САИ Е1—36. Ленинград: Наука.

Кирпичников А. Н., Коваленко В. П. 1993. Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего средневековья (по находкам в России, на Украине и в Татарстане). *Археологические вести* 2. Санкт-Петербург: Гелла, 122—134.

Колчин Б. А. 1953. *Чёрная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период).* МИА 32. Москва: АН СССР.

Колчин Б. А. 1982. Хронология новгородских древностей. В: Колчин Б. А., Янин В. Л. (ред.). *Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода.* Москва: Наука, 156—177.

Котляр Н. Ф. 2013. Территориальное развитие Чернигово-Северской земли в домонгольское время. Создание и развитие Черниговского княжества. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 2. Москва: Институт славяноведения РАН, 5—16.

Кулешов Ю. А. 2014. Место «Шапки греческой с Деисусом» из собрания Оружейной платы в ряду позднесредневековых боевых наголовий Восточной Европы. В: Баталов А. Л. (ред.). *Материалы и исследования* XXII. Москва: ГИКМЗ «Московский Кремль», 135—152.

Ленц Э. 1902. Предметы вооружения и конского убора, найденные близ села Демьяновки, Мелитопольского уезда. *ИАК* 2. Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов, 81—94.

Ленц Э. 1908. *Альбом изображений выдающихся предметов из собрания оружия.* Санкт-Петербург: Императорский Эрмитаж.

Макушников О А. 1993. Древнерусская оружейная мастерская из Гомия. В: Толочко П. П. (гл. ред.). *Старожитності Південної Русі.* Матеріали III історико-археологічного семінару «Чернігів і його округа в IX—XIII ст.», Чернігів, 15—18 травня 1990 р. Чернігів: Сіверянська думка, 121—130.

Медведев А. Ф. 1959. Оружие Новгорода Великого. *Труды Новгородской Археологической экспедиции* II. МИА 65. Москва: АН СССР, 121—191.

Медведев А. Ф. 1966. *Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв.* САИ Е1—36. Москва: Наука.

Нарожный Е. И. 2010. Шлем из разрушенного кочевнического захоронения у посёлка Семеновод (Новоалександровский район Ставропольского края). В: Горелик М. В. (гл. ред.). *Батыр: Традиционная военная культура народов Евразии* 1. Москва: Издательский дом Марджани, 101—104.

Негин А. Е. 2001. *Шлем из Городца: тайны, факты, гипотезы.* Саров: Альфа.

Негин А. Е. 2013. *Шлем из Городца.* Нижний Новгород: Нижегородский университет.

Пескова А. А. 2009. Оборонительные сооружения древнего «Изяславля». В: Иоаннисян О. М. (ред.). *Архитектура и археология Древней Руси.* Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. К. Каргера (1903—1976). ТГЭ 46. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 150—172.

Петров Ю. Ю. 1997. Древнерусские шлемы с полумасками. В: Кирпичников А. Н. (отв. ред.). *Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии* II. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 139—143.

Плавинский Н. А., Кошман В. И. 2010. Предметы вооружения середины XIII в. из раскопок городища Свислочь. *Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова посвящается* II. Москва: Ломоносовъ, 140—152.

Плетнёва С. А. *Древности чёрных клобуков.* САИ Е1—19. Москва: Наука.

Потёмкина Т. М., Кулешов Ю. А. 2010. Погребения восточноевропейских средневековых номадов с защитным вооружением: этнокультурный и социальные аспекты. В: Евглевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху Средневековья* 8. *Золотоордынское время.* Донецк: ДонНУ, 271—294.

Прищепа Б. А., Нікольченко Ю. М. 1996. *Літописний Дорогобуж в період Київської Русі: До історії населення Західної Волині в X—XIII століттях.* Рівне: Державне редакційно-видавниче підприємство.

Руденко К. А. 2010. *Средневековое оружие Волго-Камья: железные наконечники стрел VIII—XVII вв. н. э. (справочник-определитель археологического материала). Руководство для практической работы.* Уфа: Академия ВЭГУ.

Рыбаков Б. А. 1958. *Отчет о раскопках во Вщиже и его окрестностях в 1948—1949 гг.* Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №1680, 1690а.

Соловьова Г. Ф. 1969. Замок Рогачівських князів. *Слов'яно-руські старожитності*. Київ: Наукова думка, 111—113.

Спицын А. 1899. Шлем великого князя Ярослава Всеволодовича. *Записки Императорского Русского археологического общества* X (1—2). *Новая серия.* Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова, 388—390.

Стерлигова И. А. 1996. Шлем («Шлем великого князя Ярослава Всеволодовича»). Христос, Фёдор, Георгий, Василий Великий, архангел Михаил. В: Лифшиц Л. И. (отв. ред.). *Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI—XV века.* Москва: Наука, 276—282.

Фёдоров-Давыдов Г. А. 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов.* Москва: Московский университет.

Янин В. Л. 1958. О первоначальной принадлежности так называемого шлема Ярослава Всеволодовича. *СА* (3), 54—60.

Boutell C. 1847. *Monumental Brasses and Slabs: an historical and descriptive notice of the incised monumental memorials of the Middle Ages with numerous illustrations.* London: G. Bell.

Folda J. 1976. *The Illustrations in Manuscripts of the History of Outremer by William of Tyre.* Princeton: Princeton University Press.

Horvát F. 2001. *Csengelei kunok ura és népe.* Budapest: Archaeolingua.

Nicolle D. 1999. *Arms & Armour of the Crusading Era, 1050—1350: Western Europe and the Crusader States.* London: Greenhill Books.

References

Andrienko, A. V. 2006. In *Novgorod i Novgorodskaia zemlia. Istoriia i arkheologiia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 20. Veliky Novgorod, 141—154 (in Russian).

Armarchuk, E. A. 2006. *Konskoe snariazhenie iz mogil'nikov Severo-Vostochnogo Prichernomor'ia X—XIII vekov (Horse Garment from North-Eastern Pontic Cemeteries of the 10th—13th Centuries).* Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Bocharov, G. N. 1983. In *Pamiatniki istorii i kul'tury (Objects of History and Culture).* Yaroslavl: "Verkhnevolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 32—44 (in Russian).

Gorelik, M. V., Dorofeev, V. V. 1990. In *Problemy voennoi istorii narodov Bostoka: Biulleten' Komissii po voennoi istorii narodov Vostoka (Issues of History of Eastern Peoples: Bulletin of the Commission for Military History of the Eastern Peoples)* 2. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 119—132 (in Russian).

Gorelik, M. V. 1998. In *Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoi i sotsial'noi perspektive (Armament and Warfare from Historical and Social Perspective).* Saint Petersburg: State Hermitage Museum; Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, 266—268 (in Russian).

Gorelik, M. V. 2002. *Armii mongolo-tatar X—XIV vv. (Mongol and Tatar Armies in the 10th—14th Centuries).* Moscow: "Vostochnyi gorizont" Publ. (in Russian).

Gorelik, M. V. 2003. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (European Steppes in the Middle Ages)* 3. *Polovetsko-zolotoordynskoe vremia (Cuman and Golden Horde Period).* Donetsk: Donetsk National University, 231—244 (in Russian).

Gorelik, M. V. 2010. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (European Steppes in the Middle Ages)* 8. *Zolotoordynskoe vremia (Golden Horde Period).* Donetsk: Donetsk National University, 253—270 (in Russian).

Gorelik, M. V. 2010. In *Voennoe delo v Aziatsko-Tikhookeanskom regione s drevneishikh vremen do nachala XX veka (Warfare in the Asian-Pacific Region from its Earliest Past to the Beginning of the 20th Century)* 1. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 28—43 (in Russian).

Gorelik, M. V. 2012. In *Istoriia i kul'tura srednevekovykh narodov Evrazii (History and Culture of the Medieval Peoples of Eurasia).* Barnaul: Altai State University, 124—128 (in Russian).

Gorelik, M. V. 2012. In *Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego nasledniko v (Warfare in Jochi's Ulus and His Heirs).* Astana: "Foliant" Publ., 84—108 (in Russian).

Gorelik, M. V., Otiutskii, I. V., Okhon'ko, N. A. 2010. In *Batyr: Traditsionnaia voennaia kul'tura narodov Evrazii (Batyr: Traditional Military Culture of the Eurasian People)* 1. Moscow: "Mardzhani" Publ., 97—100 (in Russian).

Evglevskii, A. V., Potemkina, T. M. 2000. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (European Steppes in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 181—208 (in Russian).

Efimov, K. Iu. 1999. In *Donskaia arkheologiia (Archaeology of Don)* (3—4). Rostov-on-Don: "Donskoi izdatel'skii dom" Publ., 93—108 (in Russian).

Zhukov, K. A. 2006. In *Voennoe delo Rossii i ee sosedei v proshlom, nastoiashchem i budushchem (Warfare of Russia and its Neighbors in the Past, Present and Future).* Moscow: Ministry of Defence of the Russian Federation, 151—156 (in Russian).

Zagorul'skii, E. M. 2004. *Vishchinskii zamok XII—XIII vv. (Vishchinsky Castle of 12th—13th cc.).* Minsk: Belarusian State University (in Russian).

Zaitsev, A. K. 2009. *Chernigovskoe kniazhestvo X—XIII v.: izbrannye trudy (Chernigov Principality in 10th — 13th cc.: Selected Works).* Moscow: "Kvadriga" Publ. (in Russian).

Kainov, S. Iu., Kamenskii, A. N. 2013. In *Novgorod i Novgorodskaia zemlia. Istoriia i arkheologiia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 27. Veliky Novgorod, 179—189 (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 47—69 (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1971. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons)* 3. *Dospekh, kompleks boevykh sredstv IX—XIII vv. (Armor, a Set of War Outfit of 9th —13th cc.).* Corpus of Archaeological Sources E1—36. Leningrad: Nauka (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1973. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX—XIII vv. (Munitions of Rider and Riding Horse in Rus' of 9th —13th cc.).* Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources E1—36. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kirpichnikov, A. N., Kovalenko, V. P. 1993. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 2. Saint Petersburg: "Gella" Publ., 122—134 (in Russian).

Kolchin, B. A. 1953. *Chernaia metallurgiia i metalloobrabotka v Drevnei Rusi (domongol'skii period) (Iron and Steel Metallurgy and Metal Processing in Early Rus' (Pre-Mongol Period)).* Proceedings and Researches in Archaeology 32. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kolchin, B. A. 1982. In *Novgorodskii sbornik: 50 let raskopok Novgoroda) (Novgorod Collected Works: 50 Years of Excavations in Novgorod)).* Moscow: "Nauka" Publ., 156—177 (in Russian).

Kotliar, N. F. 2013. In *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki (Ancient Russia. Problems of Medieval Studies)* 2. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 5—16 (in Russian).

Kuleshov, Iu. A. 2014. In *Materialy i issledovaniia (Proceedings and Research)* XXII. Moscow: State Historic and Cultural Museum-Reserve "Moscow Kremlin", 135—152 (in Russian).

Lenz, E. 1902. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commis-*

sion) 2. Saint Petersburg: "Tipografiia Glavnogo Upravleniia Udelov" Publ., 81—94 (in Russian).

Lenz, E. 1908. *Al'bom izobrazhenii vydaiushchikhsia predmetov iz sobraniia oruzhiia (Album of Remarkable Objects from Arms Collection).* Saint Petersburg: Imperial Hermitage (in Russian).

Makushnikov, O A. 1993. In *Starozhytnosti Pivdennoi Rusi (Antiquities of Southern Russia).* Chernigov: Siveryans'ka dumka, 121—130 (in Russian).

Medvedev, A.F. 1959. In *Trudy Novgorodskoi Arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition)* II. Proceedings and Research on the Archaeology 65. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 121—191 (in Russian).

Medvedev, A.F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII—XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th —14th cc.).* Corpus of Archaeological Sources E1—36. Moscow: Nauka (in Russian).

Narozhnyi, E.I. 2010. In *Batyr: Traditsionnaia voennaia kul'tura narodov Evrazii (Batyr: Traditional Military Culture of the Eurasian People)* 1. Moscow: "Mardzhani" Publ., 101—104 (in Russian).

Negin, A.E. 2001. *Shlem iz Gorodtsa: tainy, fakty, gipotezy (A Helmet from Gorodets: Secrets, Facts, Hypotheses).* Sarov: "Al'fa" Publ. (in Russian).

Negin, A.E. 2013. *Shlem iz Gorodtsa (A Helmet from Gorodets).* Nizhny Novgorod: State University of Nizhni Novgorod (in Russian).

Peskova, A.A. 2009. In *Arkhitektura i arkheologiia Drevnei Rusi (Architecture and Archaeology of the Old Rus).* Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) 46. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 150—172 (in Russian).

Petrov, Iu. Iu. 1997. In *Pamiatniki stariny. Kontseptsii. Otkrytiia. Versii (Antiquities. Concepts. Discoveries. Versions)* II. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, 139—143 (in Russian).

Plavinskii, N.A., Koshman, V.I. 2010. In *Kraeugol'nyi kamen'. Arkheologiia, istoriia, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran (Cornerstone. Archaeology, History, Art and Culture of Russia and Its Neighboring Countries)* II. Moscow: "Lomonosov" Publ., 140—152 (in Russian).

Pletneva, S.A. *Drevnosti chernykh klobukov (Kara-Kalpak Antiquities).* Corpus of Archaeological Sources E1—19. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Potemkina, T.M., Kuleshov, Iu.A. 2010. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (European Steppes in the Middle Ages)* 8. *Zolotoordynskoe vremia (Golden Horde Period).* Donetsk: Donetsk National University, 271—294 (in Russian).

Pryshchepa, B.A., Nikol'chenko, Yu.M. 1996. *Litopysnyj Dorohobuzh v period Kyïvs'koï Rusi: Do istoriï naselennya Zakhidnoï Volyni v X — XIII stolittyakh (Dorogobuzh of the Chronicles in the Kiev Rus' Time: Before Settlement of the Western Volhynia in 10th — 13th cc.).* Rivne: "Derzhavne redaktsijno-vydavnyche pidpryyemstvo" Publ. (in Ukrainian).

Rudenko, K.A. 2010. *Srednevekovoe oruzhie Volgo-Kam'ia: zheleznye nakonechniki strel VIII—XVII vv.n. e. (spravochnik-opredelitel' arkheologicheskogo materiala). Rukovodstvo dlia prakticheskoi raboty (Medieval Weapons in the Volga-Kama Region: Iron Arrowheads of the 8th — 17th cc. AD (Reference Book for Archaeological Materials). Guidelines for Practical Activities).* Ufa: "Akademiia VEGU" Publ. (in Russian).

Rybakov, B.A. 1958. *Otchet o raskopkakh vo Vshchizhe i ego okrestnostiakh v 1948—1949 gg. (Report on the Excavations in Vshchizh and Its Surroundings in 1948—1949).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 1680, no. 1690a (in Russian).

Solov'ova, H.F. 1969. In *Slov'yano-rus'ki starozhytnosti (Slavic-Russian Antiquities).* Kiev: "Naukova dumka" Publ., 111—113 (in Ukrainian).

Spitsyn, A. 1899. In *Zapiski Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Reports of the Imperial Russian Archaeological Society)* X (1—2). *Novaia seriia (New Series).* Saint Petersburg: "I.N. Skorokhodov" Publ., 388—390 (in Russian).

Sterligova, I.A. 1996. In *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Velikogo Novgoroda: Khudozhestvennyi metall XI—XV veka (Decorative Art of the Great Novgorod: Artistic Metal in the 11th—15th Centuries).* Moscow: "Nauka" Publ., 276—282 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G.A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans).* Moscow: Moscow State University (in Russian).

Yanin, V.L. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 54—60 (in Russian).

Boutell, C. 1847. *Monumental Brasses and Slabs: an historical and descriptive notice of the incised monumental memorials of the Middle Ages with numerous illustrations.* London: G. Bell.

Folda, J. 1976. *The Illustrations in Manuscripts of the History of Outremer by William of Tyre.* Princeton: Princeton University Press.

Horvát, F. 2001. *Csengelei kunok ura és népe.* Budapest: Archaeolingua.

Nicolle, D. 1999. *Arms & Armour of the Crusading Era, 1050—1350: Western Europe and the Crusader States.* London: Greenhill Books.

Статья поступила в номер 29 мая 2014 г.

Sergei Kainov (Moscow, Russian Federation). State Historical museum[1].

Sergei Kainov (Moscova, Rusia). Muzeul Istoric de Stat.

Каинов Сергей Юрьевич (Москва, Россия). Государственный исторический музей.

E-mail: skainov@mail.ru

Yuriy Kuleshov (Moscow, Russian Federation). Problem Academic Council "Archeologia militaris" by the State Museum of History[2].

Yuriy Kuleshov (Moscova, Rusia). Consiliul „Archeologia militaris" pe lîngă Muzeul Istoric de Stat.

Кулешов Юрий Алексеевич (Москва, Россия). Проблемный совет «Военная археология» при Государственном Историческом музее.

E-mail: yurah1@mail.ru

Addresses: [1, 2] Red Square, 1, Moscow, 109012, Russian Federation

А. В. Курбатов

Ольстра по письменным и археологическим данным

Keywords: Muscovite Tsardom, outfit, leathern objects, battle horse harness, pistol cases.

Cuvinte cheie: Regatul Moscovit, echipament, obiecte din piele, piese de harnașament de luptă, huse pentru pistoale.

Ключевые слова: Московское царство, экипировка, кожаные изделия, боевая конская упряжь, чехлы для пистолей.

A. V. Kurbatov

What Was Olstra According to Written Sources and Archaeological Evidence

New types of leather objects can be still discovered among the latest archaeological finds from medieval sites in the Russian lands. They prove an earlier made suggestion about an unusually wide use of leather by the contemporary population. The range of leather items in 16th — 17th cc. expanded due to introduction of small hand arms in the Moscow State's army. Among rare finds, there are saddle cases for pistol and rifle. The item was called olstra and is known owing to three specimen: two olstras were found in Moscow (strata of late 17th — 18th cc.), and the one published here comes from the Ivangorod Fortress. It is dated by late 16th — early 17th cc.

A. V. Kurbatov

„Olstra" conform izvoarelor scrise și datelor arheologiei

În inventarul arheologic descoperit în ultimii ani în siturile medievale ruse continuă să fie identificate noi tipuri de obiecte din piele. Ele confirmă ideile expuse anterior despre un spectru deosebit de larg al utilizării pielii de către populația acelor timpuri. Gama artefactelor din piele s-a îmbogățit și mai mult în sec. XVI—XVII în urma adoptării de către armata statului Moscovit a armelor manuale de foc. Printre descoperirile rare se numără și husele de șa pentru pistoale și carabine. Un astfel de tip de obiect se numea olstra și este cunoscut doar în trei exemplare: două piese provin din Moscova (straturile de la sf. sec. XVII — sec. XVIII) și încă una, publicată aici, a fost descoperită în cetatea de la Ivangorod. Husa este datată la sf. sec. XVI— înc. sec. XVII.

А. В. Курбатов

Ольстра по письменным и археологическим данным

Среди археологических находок со средневековых памятников русских земель последних лет продолжают открываться новые виды кожаных изделий. Они подтверждают ранее высказанное предположение о необычайной широте использования кожи населением того времени. Ассортимент предметов из этого материала в XVI—XVII вв. расширился вследствие введения в войсках Московского государства ручного стрелкового оружия. Редкими находками представлены седельные чехлы для пистолей и карабинов. Изделие называлось ольстра и известно по трем экземплярам: две ольстры происходят из Москвы (слои конца XVII — XVIII вв.), а публикуемая теперь — в Ивангородской крепости. Она датирована концом XVI — началом XVII вв.

Кожа — это особый материал по своим физико-механическим и химическим свойствам. Достаточно отметить ее эластичность, прочность на разрыв, способность сохранять любую придаваемую форму, пригодность к переработке в изделия легкодоступными способами, с помощью сырья и минералов, находимых в любой местности. Также кожаные предметы хорошо защищают организм человека от нежелательных воздействий окружающей среды, имеют красивый внешний вид и небольшой вес. Особенности кожевенного сырья открывают для него широкое использование в качестве теплой, эластичной и влагонепроницаемой одежды и обуви, для создания удобных, при переездах, емкостей для хранения еды и питья, мобильных жилищ и другого. Хорошо жированная кожа долгое время может сохраняться во влажной среде, не теряя своих качеств и не загнивая. Это определило ее использование в качестве непромокаемой одежды для моряков и рыбаков, тары для грузов на судах, в качестве прочных веревок и ремней. После специальной обработки кожа может становиться и очень жестким материалом, пригодным для изготовления защитного вооружения — шлемов, щитов, панцирей. Особая обработ-

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© А. В. Курбатов, 2014.

ка шкур позволяет получать прекрасный писчий материал — пергамент, по-видимому, известный уже в Древнем Египте (Лурье 1931: 1—2). Эти качества позволяют легко представить широчайший спектр применения данного материала в средние века.

Детали воинской экипировки и охотничьего снаряжения в средневековье часто делались из кожи. В письменных источниках упоминаются кожаные покрытия конских доспехов — *личины и кояры*. Существовали и воинские кожаные панцири. Введение в русской армии XVI—XVII вв. ручного стрелкового оружия и появление «полков иноземного строя» расширило ассортимент кожаных предметов воинской амуниции. В источниках называются *лядунка* — сумка для патронов и пороха, *натруска* — небольшая пороховница для хранения и насыпания на полку затравочного пороха. Для ношения огнестрельного оружия и патронташа служили *погонъ* и *банделер* — наплечный ремень, а также *вязня* или *перевязь*. Источники называют и другие кожаные детали воинского снаряжения: *патроны*, *втоки*, сумка — *борошень*, мешок (?) для пуль — *пулешник*, *мешки пороховые*, *барабаны* и *литавры*. Показателем технических поисков в артиллерийском деле XVII в. служат *кожаные пушки* — вероятно, железные орудия, обшитые кожей. Для XVII в. они отмечены в *нарядах* Пскова, Смоленска и Новгорода (Бранденбург 1896: 259—260; Савваитов 1896: 72; СлРЯ XI—XVII вв. 1975, 1: 69, 299; 1976, 3: 286; 1978, 5: 188; 1980, 7: 219—220, 400; 1981, 8: 28, 63, 241; 1983, 10: 136, 228, 288; 1987, 12: 110; 1988, 14: 173, 225—226; 1989, 15: 192; 1995, 21: 44; 1996, 22: 175; СлРЯ XVIII в. 1: 136; Епифанов 1979: 277). Такие пушки продолжали существовать и в XVIII в. (СлРЯ XVIII в. 2013, 20: 101).

Одним из предметов воинского снаряжения в XVI—XVII вв. была *ольстра*, или *ольстро*, чехол для пистоля или карабина, привешиваемый у передней части седла. Современное название аналогичного предмета — *кобура* — в русском языке было заимствовано из тюркских языков уже позднее, не ранее середины XIX в. (ЭС Шанского 1982, II, 8: 178). В источниках XVII—XVIII вв. *кобуру* и «чехлы вообще» часто называли исконно русским словом *нагалище* (СлРЯ XI—XVII вв. 1978, 5: 158; СПЛ XV—XVII вв. 2005: 244; Панин 1991: 78; СлРЯ XVIII в. 2003, 13: 150). Последнее продолжает существовать и в XIX—XX вв. (Аникин 2003: 388; СРНГ 1983, 19: 194).

В Московском государстве пошив чехлов был связан с изготовлением личного стрелкового оружия, и эту деятельность контролировали Приказы. Шили чехлы особые мастера — *олстрельники* (Фасмер 1996, III: 137; СлРЯ XI—XVII вв. 1983, 10: 46; 12: 362). Надо полагать, что *ольстры* обязательно прилагались при продаже личного оружия или выдавались служилым людям из Дворцового приказа. Поэтому интересным будет отметить факты поступления чехлов в гражданское хозяйство. Во вкладной книге Кожезерского монастыря читаем: «Лета 7147-го году… Далъ въкладу Борисъ Васильевичь Львовъ пистоль с ольстромъ, да лядоунку суконную червчату, да натруску, да пищаль долгую, да саблю за пять рублевъ, да лошадь, да оуздоу, да седло, с паперьстью и с похви, да плеть с костьми за десять рублевъ, да денегъ десять рублевъ, да десеть же рублевъ денегъ на келию» (Косцова 2008: 77). Тогда же он дал в монастырь и другие предметы, а также деньги. Но в данном случае записаны предметы полного конского боевого снаряжения, данные вкладом непосредственно при приезде туда в 1638/39 г. Бориса Васильевича Львова, т. е. коня, на котором он приехал на пострижение в мона-

Рис. 1. Деталь кожаной ольстры из Ивангородской крепости.

Fig. 1. Part of a leathern ol'stra from Ivangorod fortress.

стырь. Однако, по мнению А. С. Косцовой, данный вклад был совершен не за сам постриг, а в память о родственниках, имена которых были внесены в монастырский синодик. А пострижен в монахи Б. Г. Львов был позднее, между 1638/39 и 1644/45 гг., в игуменство Никона (Докучаев-Басков 1886: 94; Косцова 2008: 159, 160).

Конница в то время составляла элитный род войск, формируемый из высших дворян, и снаряжение их было соответственно богатым и украшенным. Ольстры шили из кожи и бархата, украшая расшивкой цветной шелковой нитью, серебряной канителью, а также бархатными отворотами: « [1632] Два пистоля… олстра бархатъ червчатъ, по нихъ шиты орлы и травы канителью». В Росписи имущества Николая Романова 1657 г. указывается цена такого предмета снаряжения — «олстришко карабинное, цена 6 алтынъ 4 деньги» (СлРЯ XI—XVII вв. 1987, 12: 362). Особым заказом были чехлы для царя:

«[1691] Сделать вновь пару ольстръ пистольныхъ, отвороты выстрочить по червчатому гзу турецкимъ волоченымъ золоченымъ серебромъ» (СлРЯ XI—XVII вв. 1976, 3: 260).

Наряду со многими кожаными изделиями, хорошо известными по документам XVI—XVII вв., детали вооружения и воинской экипировки очень редко выделяются в археологических материалах. К таким изделиям надо относить и *ольстры*. Сегодня мы можем судить о внешнем виде, форме и размерах чехлов для ручного огнестрельного оружия по единичным находкам в Москве и Ивангородской крепости. В Москве найдены две *ольстры*: в слоях конца XVII—XVIII вв. — на Манежной площади (Векслер, Осипов 1999: 214, рис. 1: 9[1]) и в доме купца Силина, в квартале слободской застройки XVII в. (Векслер и др. 1996: 104—105). Последняя находка имела «тисненый орнамент».

В Ивангородской крепости одно изделие обнаружено в раскопках 1990 г. в комплексе конца XVI — начала XVII вв. (Курбатов 1995: 203—204, рис. 14). Он представляет скопление более 3 тыс. кожаных предметов в верхней части заполнения материковой ямы, датируемой стратиграфически и по серии монет.

От чехла сохранилась одна половина, деталь вытянутых пропорций, длиной более 35 см, значительно расширенная в верхней части (в устье), где отмечается и заметное растяжение кожи (рис. 1). По всем краям детали сохранились следы обметочных швов. Они предполагают сшивание со второй деталью аналогичной (?) формы, а также обшивку по устью. Возможно, устье закрывалось клапаном и имело соответствующий отворот, как это видно на гравюре из Вальдхаузена, опубликованной в 1616 г. во Франкфурте-на-Майне (рис. 2), а также на картине неизвестного художника, запечатлевшего примерно в 1638—1640 гг. сюжет «Христиан IV как фортификационный инженер Копенгагена» (Christian IV and Europe. 1988, cat. №1218).

Cuirassier on horseback and his armour. Engraving from Walhausen: Kriegskunst zu Pferdt. Frankfurt a.M. 1616

Рис. 2. Вооружение кирасира начала XVII в. (по Christian IV and Europe 1988: 357).

Fig. 2. Cuirassier's equipment of the early 17th century (after Christian IV and Europe 1988: 357).

В археологических материалах последних лет продолжают открываться новые виды средневековых кожаных изделий, подтверждая ранее высказанное предположение о необычайной широте использования кожи в средневековой жизни. Одной из редких находок такого рода можно назвать кожаный седельный чехол для пистоля, который в Московском государстве называли *ольстра*.

[1] В указанной работе, в подписи к отмеченному рисунку, седельная кобура неверно отмечена в подрисуночной подписи под №6.

Литература

Аникин А.Е. 2003. *Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири*. Новосибирск: Наука.

Бранденбург Н.Е. 1896. *Старая Ладога*. Санкт-Петербург: Юбилейное издание ИРАО.

Векслер А.Г., Беркович В.А., Васильев Ю.Ю., Долбня Д.В., Зайцев В.В., Кондрашев Л.В. 1996. Охранные археологические исследования в Москве. *АО 1995 г.* Москва: Наука, 104—106.

Векслер А.Г., Осипов Д.О. 1999. Кожаная обувь из раскопок на Манежной площади в Москве (1995 г.). *ТТЗ* (3), 214—221.

Докучаев-Басков К. 1886. Подвижники и монастыри крайнего Севера. Кожеозерский монастырь. *Христианское чтение* (1—2). Отдельный оттиск. Санкт-Петербург.

Епифанов П.П. 1979. Оружие. *ОРК XVII в.* Ч. 1. Москва: МГУ, 265—283.

Косцова А.С. 2008. *Вкладная книга Кожеозерского монастыря*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Курбатов А.В. 1995. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости. *РА* (2), 198—208.

Лурье И.М. 1931. Обработка кожи в древнем Египте. *Известия ГАИМК* 7 (1). Ленинград.

Савваитов П.И. 1896. *Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

СПЛ XV—XVII вв.: *Словарь промысловой лексики Северной Руси XV—XVII вв.* 2005. Вып. 2. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

Панин Л.Г. 1991. *Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в.* Новосибирск: Наука.

СРНГ: *Словарь русских народных говоров.* 1983. Вып. 19. Ленинград: Наука.

СлРЯ XI—XVII вв.: *Словарь русского языка XI—XVII вв.* 1975. Вып. 1; 1976. Вып. 3; 1978. Вып. 5; 1980. Вып. 7; 1981. Вып. 8; 1983. Вып. 10; 1987. Вып. 12; 1988. Вып. 14; 1989. Вып. 15; 1995. Вып. 21; 1996. Вып. 22. Москва: Наука.

СлРЯ XVIII в.: *Словарь русского языка XVIII в.* 1984. Вып. 1; 2003. Вып. 13; 2013. Вып. 20. Ленинград / Санкт-Петербург: Наука.

Фасмер М. 1996. *Этимологический словарь русского языка*. Издание 3-е. Т. I—IV. Санкт-Петербург: Азбука; Терра.

ЭС Шанского 1982: Шанский Н.М. (ред.). 1982. *Этимологический словарь русского языка.* Т. II. Вып. 8. Москва: МГУ.

Christian IV and Europe. 1988. The 19th Art Exhibition of the Council of Europe. Denmark 1988. Catalogue. Copenhavn.

References

Anikin, A.E. 2003. *Etimologicheskii slovar' russkikh zaimstvovanii v iazykakh Sibiri (Ethimological Dictionary of Russian Borrowed Words in Siberian Languages).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Brandenburg, N.E. 1896. *Staraia Ladoga (Old Ladoga).* Saint Petersburg: Imperial Russian Archaeological Society (in Russian).

Veksler, A.G., Berkovich, V.A., Vasil'ev, Iu. Iu., Dolbnia, D.V., Zaitsev, V.V., Kondrashev, L.V. 1996. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1995 goda (Archaeological Discoveries of 1995).* Moscow: "Nauka" Publ., 104—106 (in Russian).

Veksler, A.G., Osipov, D.O. 1999. In *Tver', Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ia (Tver, Tver Land and Adjacent Territories in the Middle Ages)* (3). Tver, 214—221 (in Russian).

Dokuchaev-Baskov, K. 1886. In *Khristianskoe chtenie (Christian Reading)* (1—2). Offprint. Saint Petersburg (in Russian).

Epifanov, P.P. 1979. In *Ocherki russkoi kul'tury XVII v. (Essays on Russian Culture of 17th Century)* 1. Moscow: Moscow State University, 265—283 (in Russian).

Kostsova, A.S. 2008. *Vkladnaia kniga Kozheozerskogo monastyria (Book of Contributions of Kozheozersky Monastery).* Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).

Kurbatov, A.V. 1995. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 198—208 (in Russian).

Lur'e, I.M. 1931. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 7 (1). Leningrad (in Russian).

Savvaitov, P.I. 1896. *Opisanie starinnykh tsarskikh utvarei, odezhd, oruzhiia, ratnykh dospekhov i konskogo pribora, v azbuchnom poriadke raspolozhennoe (Description of Old Tsar Implements, Clothing, Armament, Armours and Horse Garments, Arranged in Alphabetical Order).* Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Slovar' promyslovoi leksiki Severnoi Rusi XV—XVII vv. (Dictionary of Commercial lexicon of Northern Russia in 15th—17th Centuries). 2005. Issue 2. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).

Panin, L.G. 1991. *Slovar' russkoi narodno-dialektnoi rechi v Sibiri XVII — pervoi poloviny XVIII v. (Dictionary of Russian Popular-Dialectal Language in Siberia in 17th — First Half of 18th Centuries).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Slovar' russkikh narodnykh govorov (Dictionary of Russian Popular Dialects). 1983. Issue 19. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Slovar' russkogo iazyka XI—XVII vv. (Dictionary of Russian Language of 11th — 17th c.) 1975. Issue 1; 1976. Issue 3; 1978. Issue 5; 1980. Issue 7; 1981. Issue 8; 1983. Issue 10; 1987. Issue 12; 1988. Issue 14; 1989. Issue 15; 1995. Issue 21; 1996. Issue 22. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Slovar' russkogo iazyka XVIII v. (Dictionary of Russian Language of 18th c.). 1984. Issue 1; 2003. Issue 13; 2013. Issue 20. Leningrad — Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).

Vasmer, M. 1996. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka (Russian Etymological Dictionary).* Vol. I—IV. Saint Petersburg: "Azbuka" Publ.; "Terra" Publ. (in Russian).

Shanskii, N.M. (red.). 1982. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka (Etymological Dictionary of the Russian Language).* II (8). Moscow: Moscow State University (in Russian).

Christian IV and Europe. 1988. The 19th Art Exhibition of the Council of Europe. Denmark 1988. Catalogue. Copenhavn.

Статья поступила в номер 5 июня 2014 г.

Alexandr Kurbatov (Saint Petersburg, Russia). Doctor of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences[1].

Alexandr Kurbatov (Sankt Petersburg, Rusia). Doctor în ştiinţe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale al Academiei de Ştiinţe a Rusiei.

Курбатов Александр Валентинович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: alkurba@rambler.ru

Address: [1] Dvortsovaya Nab., 18, Saint Petersburg, 191186, Russia

Исторические реконструкции

Historical Reconstructions
Reconstrucții istorice

М. М. Казанский

Гелон с косой: о древковом оружии эпохи переселения народов

Keywords: Gaul, Northern Pontic, Northern Caucasus, Danube region, Great Migrations, blades with notches at the hilt, battle falx, dagger.

Cuvinte cheie: Galia, spațiul Nord-pontic, Caucazul de Nord, Dunărea, marele migrații, tăișuri cu șliț la mâner, coasă de luptă, pumnal.

Ключевые слова: Галлия, Северное Причерноморье, Северный Кавказ, Подунавье, Великое переселение народов, клинки с вырезом у рукояти, боевая коса, кинжал.

M. M. Kazanski

Gelon with Falx: About Staftarms of the Great Migrations Period

A new type of weapons — blades with notches at the hilt — appear in Gaul in the Great Migrations period. These blades appear in late Roman time in the North Caucasus and Northern Black Sea realm. Later they spread to the Middle Danube area, then reach Gaul, where two finds of such blades are known — in Aquitaine (Peyroulié, Sainte-Livrade-sur-Lot, dép. Lot-et-Garonne) and North Gaul (Flins-sur-Seine, dép. Yvelines). These blades could have dual purpose — both as daggers and spears — i. e. battle falx. Such weapons are well known in China in ancient times and the Middle Ages. It is possible that Apollinaris Sidonius meant these falx in his eulogy in honor of Emperor Avitus (455—456), where he mentioned *falce Gelonus*, i. e. "Gelon [defeated in mastering] the falx".

M. M. Kazanski

Gelon cu coasă: despre armele cu tijă din perioada marilor migrații

În epoca marilor migrații, în Galia se face cunoscut un nou tip de armă — tăișuri cu șliț la mâner. Tăișuri de acest tip apar în perioada romană târzie în Caucazul de Nord și în spațiul Nord-pontic. Mai târziu ele se răspândesc pe Dunărea de Mijloc, apoi ajung în Galia. Aici sunt cunoscute două descoperiri de asemenea tăișuri — în Aquitania (Peyroulié, Sainte-Livrade-sur-Lot, dép. Lot-et-Garonne) și în Galia de nord (Flins-sur-Seine, dép. Yvelines). Probabil, aceste piese aveau o funcție dublă, fiind utilizate drept tăișuri pentru pumnale și lănci — coase de luptă. Arme similare sunt bine cunoscute și în China antică și medievală. Nu este exclus că tocmai aceste coase de luptă să fie menționate de către Sidonius Apollinaris în panegiricul în cinstea imperatorului Avitus (455—456), unde se vorbeste despre „falce Gelonus".

М. М. Казанский

Гелон с косой: о древковом оружии эпохи переселения народов

В эпоху Великого переселения народов в Галлии появляется новый вид оружия — клинки с вырезами у рукояти. Эти клинки появляются в позднеримское время на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье. Позднее они распространяются на Среднем Дунае, затем попадают в Галлию. Здесь известны две находки подобных клинков — в Аквитании (Пейрулье, Сент-Ливрад-сюр-Ло, деп. Ло и Гаронна) и в Северной Галлии (Флен-сюр-Сен, деп. Ивелин). Возможно, эти клинки имели двоякое назначение — их использовали как лезвия кинжалов и как копья — боевые косы. Подобное оружие хорошо известно в Китае в античное время и в средневековье. Не исключено, что именно эти боевые косы имеет в виду Сидоний Аполлинарий в своем панегирике в честь императора Авита (455—456 гг.), где упоминается «*falce Gelonus*» — «гелон, [побеждаемый в умении владеть] косой».

В панегирике Сидония Аполлинария в честь Авита (правил в 455—456 гг.), при описании воинских доблестей этого императора, в списке побежденных варваров упоминается «*falce Gelonus*» — «гелон, [побеждаемый в умении владеть] косой» (Панегирик, сказанный Авиту Августу, Vv. 230—237; цит. по Латышев 1906: 418—426). Гелоны здесь перечисляются в списке других варваров, побежденных на Дунае и Рейне Аэцием и Авитом — это герулы, гунны, франки, савроматы, салии. Хорошо известно, что к 455 г. гелоны, некогда обитавшие в Скифии, давно исчезли. Сидоний Аполлинарий, вне всякого сомнения, употребляет этот этноним для обозначения диких народов Барбарикума. Действительно, гелоны к тому времени в позднеримской литературе олицетворяют собой неких отдаленных северных дикарей (Ермолова 1998). Представляется

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© М. М. Казанский, 2014.

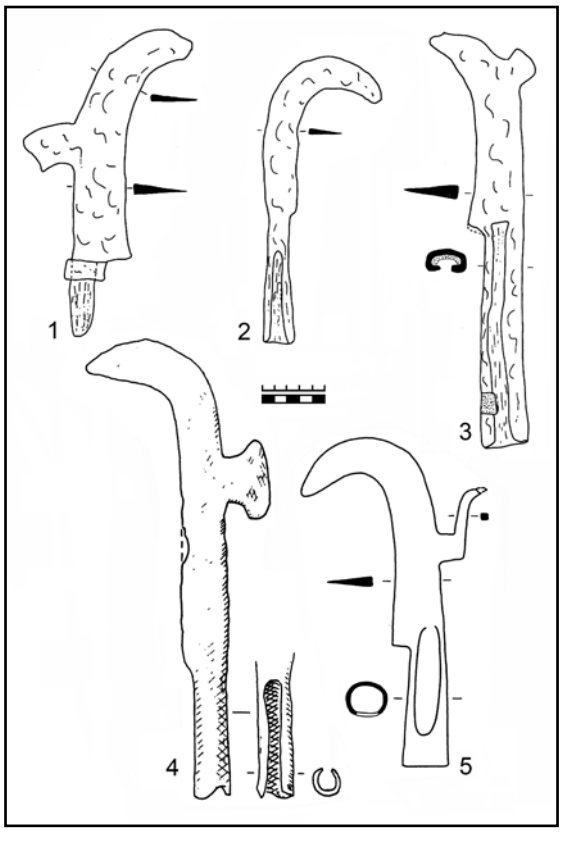

Рис. 1. Боевые косы раннемеровингского времени. 1 — Нувьон-ан-Понтье (Nouvion-en-Pontihieu), погр. 177; 2 — Нувьон-ан-Понтье, погр. 429; 3 — Нувьон-ан-Понтье, погр. 444; 4 — Брени, погр. 1123; 5 — Кютри, погр. 907. (1—3 — по Piton 1985: pl. 129; 4 — по Kazanski 2002: pl. 54: 5; 5 — по Legoux 2009: pl. 1: 907).

Fig. 1. Military falx of Early Merovingian time. 1 — Nouvion-en-Pontihieu, grave 177; 2 — Nouvion-en-Pontihieu, grave 429; 3 — Nouvion-en-Pontihieu, grave 444; 4 — Breny, grave 1123; 5 — Cutry, grave 907 (1—3 — after Piton 1985: Pl. 129; 4 — after Kazanski 2002: Pl. 54: 5; 5 — after Legoux 2009: Pl. 1: 907).

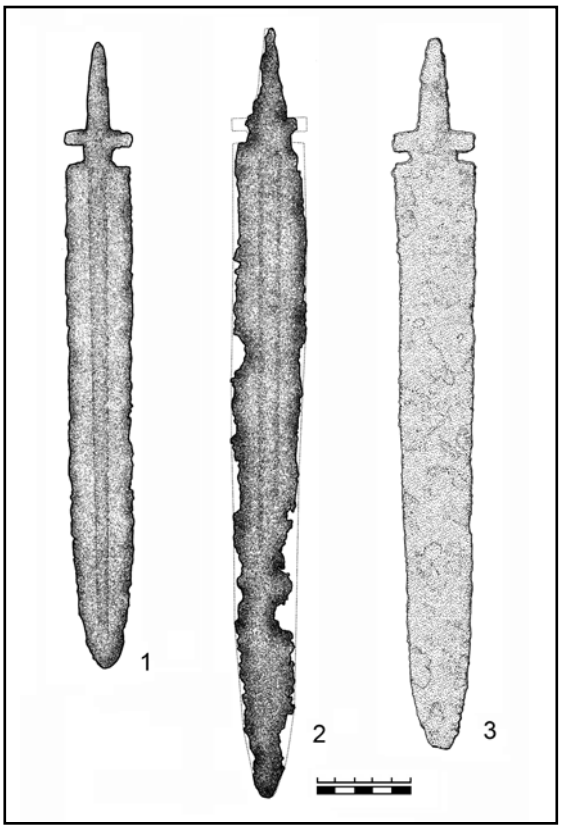

Рис. 2. Клинки с вырезами, обнаруженные в Галлии. 1, 2 — Сент-Ливрад-сюр-Ло; 3 — Флен-сюр-Сен (по Barat, Soulat, Gauduchon 2009: fig. 6).

Fig. 2. Blades with notches at the hilt found in Gaul. 1.2 — Sainte-Livrade-sur-Lot; 3 — Flins-sur-Seine (after Barat, Soulat, Gauduchon 2009: fig. 6).

очевидной и их локализация в Восточной Европе, точнее, в Скифии, поскольку гелоны в римской литературе выступают в первую очередь как кровожадные всадники, степняки, а иногда и как синоним скифов (Ермолова 1998: 35). Одна деталь привлекает внимание — это оружие, которым побеждается мифический гелон, судя по контексту, хорошо им владевший, а именно, боевая «коса». Постараемся разобраться, стоят ли за этой фразой какие-либо археологические реалии?

Вопреки довольно распространенному заблуждению, боевая коса (fauchard) как вид древкового оружия появляется на Западе не в развитом средневековье, а гораздо раньше. Она довольно хорошо представлена в Галлии в меровингское время, где выделяются два типа этого оружия. Боевые косы с сильно изогнутым лезвием, по форме напоминающим скорее серп, датируются раннемеровингским периодом, приблизительно с 470/480 по 560/570 гг. (Legoux, Périn, Vallet 2009: n° 46). К числу раннемеровингских могут быть, в частности, отнесены находки в пикардийских некрополях Брени (Breny) (Kazanski 2002: 44, pl. 54: 5; 67: 1), Нувьон-ан-Понтье (Nouvion-en-Pontihieu) (Piton 1985: 242, 243, pl. 129: 1—4), в лотарингском могильнике Кютри (Cutry) (Legoux 2005: 86, pl. 1: 907) (рис. 1). В VII в. бытуют косы с прямым лезвием, они встречаются гораздо реже, чем косы с изогнутой боевой частью (Legoux, Périn, Vallet 2009: n° 47). Имеются боевые косы и в погребениях лангобардов Италии второй половины VI — начала VII вв. (Ciampoltrini 1993). Однако в целом в Западной Европе это довольно редкий вид оружия, и главное, никак не связанный с Барбарикумом, тем более восточноевропейским, на который явно указывает упоминание гелонов. В Восточной Европе ничего подобного попросту нет. Да и по археологическим датам известные нам боевые

Рис. 3. Распространение клинков с вырезами в Европе. 1 — Сент-Ливрад-сюр-Ло; 2 — Флен-сюр-Сен (по Левада 2013: рис. 2).

Fig. 3. Blades with notches at the hilt found in Europe. 1 — Sainte-Livrade-sur-Lot; 2 — Flins-sur-Seine (after Levada 2013: fig. 2).

косы используются несколько позднее упоминания Сидония Аполлинария.

Однако в последние годы на территории Галлии были найдены и некоторые другие предметы вооружения, явно восточноевропейского происхождения, возможно, имеющие отношение к упомянутому здесь тексту Сидония Аполлинария. Это двулезвийные, довольно короткие клинки с двумя вырезами у рукояти, часто условно называемые «кинжалы меотского типа» (рис. 2). Впервые, кажется, на них обратил особое внимание Н. И. Сокольский (Сокольский 1954: 159), а позднее эти клинки были выделены А. М. Хазановым в тип V сарматских кинжалов (Хазанов 2008: 50—52). Эти клинки хорошо известны археологам, что избавляет меня от их подробной презентации (см. последние сводки: Soupault 1996; Istvánovits, Kulcsár 2008; Иштванович, Кульчар 2009; Левада 2013), отметим лишь основные этапы распространения этого вида оружия.

Наиболее ранние клинки этого типа, датируемые III в., на сегодняшний день зафиксированы на Северо-Восточном Кавказе, на могильнике древнего Дербента (Нарын-Кала, погр. 4: Кудрявцев, Гаджиев 1991: рис. 12: 6), что снимает гипотезу об их боспорском происхождении, выдвинутую в свое время Р. Хархою (Harhoiu 1988). В IV в. клинки с вырезами у рукояти распространяются также в Крыму и на территории черняховской культуры, они единично представлены и в Донском регионе (Сокольский 1954: 159; Harhoiu 1988; Soupault 1996; Магомедов, Левада 1996: 305, 306; Левада 2006; 2013; Храпунов 2010: 538—545). В эпоху переселения народов «меотские кинжалы» появляются на Среднем Дунае (Istvánovits, Kulcsár 2008; Иштванович, Кульчар 2009), и, наконец, в Аквитании (речная находка: Пейрулье (Peyroulié), Сент-Ливрад-сюр-Ло, департамент Ло-и-Гаронна (Sainte-Livrade-sur-Lot, dép. Lot-et-Garonne; см. Garnier, Lebedynsky, Daynès 2007; Lebedynsky 2012: fig. 19) и в Северной Галлии (поселение с галло-римской керамикой: Флен-сюр-Сен, департамент Ивелин (Flins-sur-Seine, dép. Yvelines; см. Barat, Soulat, Gauduchon 2009: 15, 186; рис. 2). В целом особая концентрация клинков с вырезами наблюдается в Крыму и на Северном Кавказе (Левада 2013: рис. 2). Затем этот вид оружия неожиданно исчезает везде в Европе, за исключением Северного-Западного Кавказа, где подобные клинки в V—VII вв. хорошо представлены, например, в материалах таких известных могильников, как Борисово (см. напр. Саханев 1914: 83, 92, рис. 16), Дюрсо (Дмитриев 1979: рис. 3: 15; 10: 2; 1982: рис. 5: 46; 8: 26; 10: 25), Бжид (Порох, Пьянков 1999)[1] (рис. 3).

Восточноевропейское, скорее всего, северокавказское происхождение этого типа

[1] Отдельные экземпляры подобного оружия в раннесредневековом контексте известны и вне пределов Северо-Западного Кавказа. Так, один клинок очень хорошей сохранности, возможно, вторичного использования, происходит со славянского поселения Рудь (сооружение 8, с лепной керамикой типа Луки-Райковецкой, возможно, связанное с горном X—XI вв.) в Молдавии (Бейлекчи 1986: рис 2: 8).

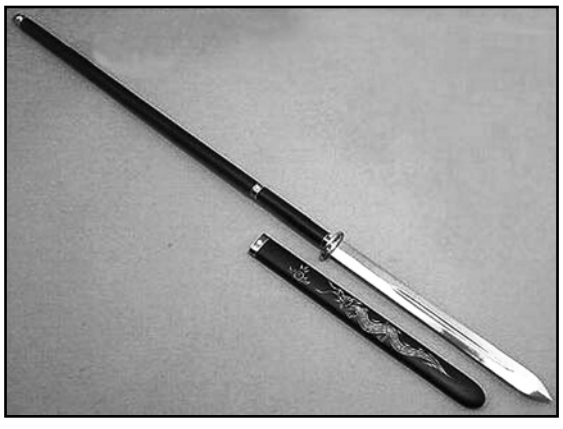

Рис. 4. Современное японское копье «яри» с мечевидным наконечником.

Fig. 4. Modern Japanese spear "yari" with a sword-shape tip.

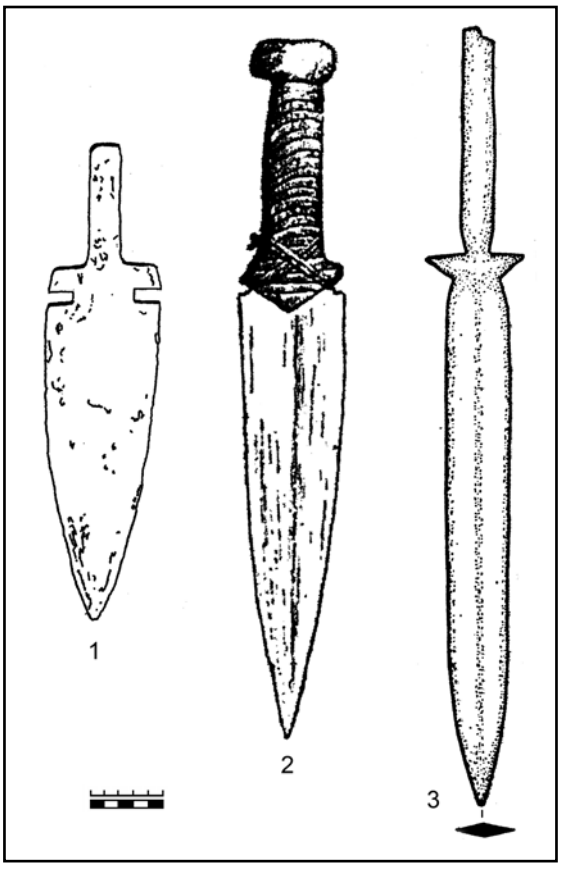

Рис. 5. Диахронические параллели клинкам с вырезами. 1, 2 — клинки североамериканских индейцев; 3 — клинок таштыкской культуры (1, 2 — по Garnier, Lebedynsky 2007: fig. 3; 3 — по Худяков 1986: рис. 40: 1).

Fig. 5. Diachronic parallels of the blades with notches at the hilt. 1, 2 — blades of North-American Indians; 3 — blade of Tashtyk culture (1.2 — after Garnier, Lebedynsky 2007: fig. 3; 3 — after Худяков 1986: fig. 40: 1).

клинкового оружия общепризнанно. Предполагается их связь с алано-сарматским элементом, хотя у степных ираноязычных народов это оружие как раз встречается редко, оно более характерно для населения, оседло проживавшего на границах степи, в Крыму, на Северном Кавказе, в Среднем Поднепровье и в Днестровско-Дунайском бассейне. Поэтому при изучении этого вида оружия лучше избегать прямых этнокультурных атрибуций.

Дискуссию вызывает функциональное назначение этих клинков. Со времени публикации Н.И. Сокольского, да и ранее (Саханев 1914: 125), их квалифицировали как кинжалы или короткие мечи. Считалось, что вырезы у рукояти предназначались для крепления перекрестья (Хазанов 2008: 50). По мнению М.Б. Щукина, речь может идти о вспомогательном оружии для левой руки, основная функция которого — с помощью вырезов у рукояти блокировать клинок противника (Ščukin 1993: 327; Щукин 2011: 177). Последняя идея, однако, большинством исследователей не принята, поскольку вырезы у рукояти неглубокие и не приспособлены для захвата клинка.

Впоследствии возникла и иная точка зрения: эти клинки являются боевой частью древкового оружия, типа алебарды, которой можно наносить как колющие, так и рубящие или подсекающие удары (Lebedynsky 2001: 139; Гавритухин, Пьянков 2003: 192; Схатум 2004). В пользу такой интерпертации свидетельствует, в первую очередь, местоположение клинков с вырезами в погребениях, у головы или плеча покойного, острием вверх, что типично для копий. Далее, эти клинки в погребениях никогда не совстречаются с копьями и, наконец, несмотря на следы дерева, на этих клинках ни разу не встречены металлические элементы ножен (Схатум 2004: 42, 43).

Впрочем, приведены и контраргументы. В крымских погребениях хорошо сохранились следы деревянного покрытия клинков, которое логично интерпертировать как ножны кинжалов, поскольку ничего подобного для многочисленных наконечников копий в этих регионах неизвестно (Храпунов 2010: 540, 541)[2]. Остатки дерева на клинках, свидетельствуют о том, что в ряде случаев штырь «ру-

[2] Стоит, однако, отметить, что в некоторых восточноевропейских находках римского времени, например, в могильнике Андреевский курган в Мордовии, всё же известны футляры для наконечников копий, правда, не деревянные, а металлические (Степанов 1980: табл. 13: 1; 34: 10, 11). Футляры-ножны хорошо известны и для современных японских «яри», о которых еще пойдет речь (рис. 4).

кояти» и вырезы были перекрыты узкими деревянными пластинами, а не остатками древка. В отдельных случаях, например, в склепе 30 могильника Суворово в Юго-Западном Крыму на таком клинке сохранилась и настоящая деревянная рукоять (Левада 2013: 172, 174). Крепление таких насадок не могло быть достаточно прочным (Мыц и др. 2006: 119).

И. Н. Храпунов, однако, приводит и находку из Лимаревки на Донбассе, в кургане позднесарматского времени, где у кинжаловидного клинка, правда, без видимых вырезов, прослежены остатки черенка длиной 0,55 см, что может свидетельствовать о существовании у восточноевропейских варваров древкового оружия с кинжаловидными наконечниками (Храпунов 2010: 541). Примерно в то же время на окраинах римской ойкумены зафиксировано появление и настоящей алебарды, то есть древкового оружия с комбинированным наконечником, состоящим из копейного острия и лезвия боевого топора. Речь идет о находке в вождеской могиле II в. Хаджар ам Дхабийа (Hajar-am-Dhabiyya) в Хадрамауте (Kazanski 1993: 57, fig. 47; 48).

Мне представляется, что всё же более правы те исследователи, которые расматривают данные клинки, как «универсальное» оружие, которое может быть использовано и как клинок кинжала, и как насадка копья, которым можно наносить как колющие, так и подсекающие удары (Lebedynsky 2001: 139; Мыц и др. 2006: 119). Подобного рода копья с мечевидным или кинжаловидным наконечником хорошо известны в китайском и японском («яри», рис. 4) традиционном вооружении и сохранились там в фехтовальном искусстве буквально до наших дней. О возможности такой интерпретации свидетельствуют, в частности,

Рис. 6. Американский клинок XIX в., т. н. «бобровый хвост», предназначенный для продажи индейцам и использовавшийся как кинжал и как насадка копья (по Lebedynsky 2002: 123).

Fig. 6. 19th century American blade. The so-called "beaver tail", intended for sale to the Indians and use as dagger and as spear head (after Lebedynsky 2002: 123).

этнографические параллели XIX в. на американском Диком Западе, где совершенно аналогичные клинки с вырезами у рукояти (т. н. «бобровый хвост») использовались индейцами и как кинжалы, и как наконечники копий (Lebedynsky 2001: 139; 2002: 123, photo) (рис. 5: 1, 2; рис. 6).

Не исключено, что подобное оружие, хорошо известное, как уже говорилось, в воинской культуре древнего Китая, могло попасть на Запад с одной из волн кочевников, продвигавшихся в римское время вдоль Евразийского степного коридора с востока на запад (Схатум 2004: 45, 46; Мыц и др. 2006: 119). В связи с этим нельзя не упомянуть клинковое оружие с выступами у рукояти (рис. 5: 3), несколько напоминающее наши клинки и представленное в таштыкской культуре Южной Сибири (Худяков 1986: рис. 40: 1). Возвращаясь к тексту Сидония Аполлинария, можно предполагать, что он в своем панегирике образно засвидетельствовал появление на римском Западе в эпоху переселения народов как раз этого экзотического типа оружия.

Литература

Бейлекчи В. С. 1986. Раскопки славянского поселения Рудь в 1981—1982 гг. *АИМ в 1982 г.*, 96—115.

Гавритухин И. О., Пьянков А. В. 2003. Древности V—VII веков. В: Плетнева С. А. (ред.). *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV—XIII века*. Москва: Наука, 191—193.

Дмитриев А. В. 1979. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска. *СА* (4), 212—247.

Дмитриев А. В. 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо. В: Амброз А. К., Эрдели И. Ф. (ред.). *Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII веков*. Москва: Наука, 69—106.

Ермолова И. Е. 1998. Гелоны в послегеродотовой античной литературе. В: Мельникова Е. А. (ред.). *Восточная Европа в древности и средневековье*. Москва: Наука, 32—36.

Иштванович Э., Кульчар В. 2009. Мечи/кинжалы с боковыми вырезами в Карпатском бассейне. В: Фурасьев А. Г. (ред.). *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 143—151.

Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С. 1991. Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам раскопа XIV). В: Давудов О. М. (ред.). *Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века*. Махачкала: ИИЯЛ ДНЦ РАН, 87—115.

Латышев В. В. 1906. *Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе* II. *Латинские писатели* (2). Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Левада М. Е. 2006. Кинжалы типа Хазанов-V в Среднем Поднепровье. *Боспорские чтения* VII, 192—199.

Левада М. Е. 2013. О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы. В: Храпунов И. Н. (отв. ред.). *Крым в сарматскую эпоху*

(II в. до н.э. — IV в.н.э.). Симферополь; Бахчисарай: Доля, 171—187.

Магомедов Б.В., Левада М.Е. 1996. Оружие черняховской культуры. *МАИЭТ* V, 304—323.

Мыц и др. 2006: Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. 2006. *Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Порох А.Н., Пьянков А.В. 1999. Кинжалы с вырезами у рукояти из могильника Бжид-1 (хронологический и технологический аспекты изучения). *Донская археология* (3—4), 115—121.

Саханев В.В. 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 годах. *ИАК* 56, 75—219.

Сокольский Н.И. 1954. Боспорские мечи. В: Кобылина М.М. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху* II. МИА 33, 123—196.

Степанов П.Д. 1980. *Андреевский курган. К истории мордовских племен на рубеже нашей эры*. Саранск: Мордовское книжное издательство.

Схатум Р.Б. 2004. О назначении вырезов у рукояти на кинжалах V—VII вв. *Магистериум* 2, 40—47.

Хазанов А.М. 2008. *Очерки военного дела сарматов*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

Храпунов И.Н. 2010. Оружие из могильника Нейзац. In: Urbaniak A., Prochowicz R. et al. (red.). *Terra barbarica*. Łódź; Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódźkiego, 535—555.

Худяков Ю.С. 1986. *Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск: Наука.

Щукин М.Б. 2005. *Готский путь*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

Щукин М.Б. 2011. О военных контактах между сарматами и германцами в римское время (по материалам вооружения). *Stratum plus* (4), 167—178.

Barat Y., Soulat J., Gauduchon S. 2009. La présence d'un établissement germanique au début du Ve siècle à Flins-sur-Seine (Yvelines)? *Antiquités nationales* 40, 183—192.

Ciampoltrini G. 1993. La falce del guerriero, e altri appunti per la Tuscia fra VI e VII secolo. *Archeologia Medievale* 20, 595—606.

Garnier J.-F., Lebedynsky I., Daynès M. 2007. Deux poignards sarmato-alains en Lot-et-Garonne. *Antiquités nationales* 38, 161—168.

Harhoiou R. 1988. Das Kurzschwert von Micia. *Dacia* 32, 79—90.

Istvánovits E., Kulcsár V. 2008. Az ún «meót» típusú kardok/tőrök a Kárpátmedencében. *A Nyíregyházi Jósa András Múzeum Evkönyve* 50, 281—290.

Kazanski M. 2002. *La nécropole gallo-romaine et mérovingienne de Breny (Aisne). D'après les collections et les archives du Musée des Antiquités Nationales*. Montagnac: Editions Monique Mergoil.

Lebedynsky I. 2001. *Armes et guerriers barbares au temps des grandes invasions*. Paris: Errance.

Lebedynsky I. 2002. *Les Sarmates*. Paris: Errance.

Lebedynsky I. 2012. *La grande invasion des Gaules 407—409*. Clermont-Ferrand: LEMME Edit.

Legoux R. 2005. *La nécropole mérovingienne de Cutry (Meurthe-et-Moselle)*. Saint-Germain-en Laye: Association française d'archéologie mérovingienne.

Legoux R., Périn P., Vallet F. 2009. *Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine*. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne.

Piton D. 1985. *La nécropole de Nouvion-en-Ponthieu* (Dossiers archéologiques, historiques et culturels du Nord et du Pas-de-Calais, n° 20). Berck-sur-Mer: AMPBBE.

Ščukin M. 1993. A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine tardive (d'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances). In: Vallet F., Kazanski M. (dir.). *L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle*. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 323—333.

Soupault V. 1996. A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et épées à encoches (IVe—VIIe s.). *МАИЭТ* V, 60—76.

References

Beilekchi, V.S. 1986. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1982 g. (Archaeological Researches in Moldav in 1982)*, 96—115 (in Russian).

Gavritukhin, I.O., P'iankov, A.V. 2003. In *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia. IV—XIII veka (Crimea, North-Eastern Pontic Region and Transcaucasia in the Middle Ages. 4th — 13th cc.)*. "Nauka" Publ., 191—193 (in Russian).

Dmitriev, A.V. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 212—247 (in Russian).

Dmitriev, A.V. 1982. In *Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniia narodov V—VIII vekov (Great Migrations Antiquities of 5th — 8th cc.)*. Moscow: "Nauka" Publ., 69—106 (in Russian).

Ermolova, I.E. 1998. In *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e (Eastern Europe in Antiquity and Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 32—36 (in Russian).

Istvánovits, E., Kulcsár, V. 2009. In *Gunny, goty i sarmaty mezhdu Volgoi i Dunaem (Huns, Goths and Sarmatians between Volga and Danube)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, Faculty of Philology and Arts, 143—151 (in Russian).

Kudriavtsev, A.A., Gadzhiev, M.S. 1991. In *Gory i ravniny Severo-Vostochnogo Kavkaza v drevnosti i srednie veka (Mountains and Plains in the North-Eastern Caucausus in the Antiquity and Middle Ages)*. Makhachkala: Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Institute for History, Language and Literature, 87—115 (in Russian).

Latyshev, V.V. 1906. *Izvestiia drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze (Accounts of Ancient Greek and Latin Writers on Scythia and Caucasus)* II. *Latinskie pisateli (Latin Writers)* (2). Saint Petersburg: "Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk" Publ. (in Russian).

Levada, M.E. 2006. In *Bosporskie chteniia (Bosporan Readings)* VII, 192—199 (in Russian).

Levada, M.E. 2013. In *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e.— IV v.n.e.) (Crimea in Satmatian Time (2nd Century BC — 4th Century AD))*. Simferopol; Bakhchisaray: "Dolia" Publ., 171—187 (in Russian).

Magomedov, B.V., Levada, M.E. 1996. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Proceedings on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* V, 304—323 (in Russian).

Myts, V.L., Lysenko, A.V., Shchukin, M.B., Sharov, O.V. 2006. *Chatyr-Dag — nekropol' rimskoi epokhi v Krymu (Chatyr-Dag — The Necropolis of the Roman Age in the Crimea)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

Porokh, A.N., P'iankov, A.V. 1999. In *Donskaia arkheologiia (Archaeology of Don)* (3—4), 115—121 (in Russian).

Sakhanev, V.V. 1914. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 56, 75—219 (in Russian).

Sokol'skii, N.I. 1954. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia v antichnuiu epokhu (Proceedings and Research on the Archaeology of the Northern Pontic Region in Antiquity)* II. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research on Archaeology) 33, 123—196 (in Russian).

Stepanov, P.D. 1980. *Andreevskii kurgan. K istorii mordovskikh plemen na rubezhe nashei ery (Andreevsky Barrow. On History of Mordovian Tribes at the Turn of the Common Era)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Skhatum, R.B. 2004. In *Magisterium* 2, 40—47 (in Russian).

Khazanov, A.M. 2008. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian Warfare)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2010. In *Terra barbarica*. Łódź; Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódźkiego, 535—555 (in Russian).

Khudiakov, Iu.S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii (Arms of the Medieval Nomads of the Sourthern Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Shchukin, M.B. 2005. *Gotskii put' (goty, Rim i cherniakhovskaia kul'tura) (The Gothic Way (Goths, Rome and the Culture of the Chernjakhov-Sîntana de Mureş))*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Shchukin, M.B. 2011. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 167—178 (in Russian).

Barat, Y., Soulat, J., Gauduchon, S. 2009. La présence d'un établissement germanique au début du Ve siècle à Flins-sur-Seine (Yvelines)? *Antiquités nationales* 40, 183—192.

Ciampoltrini, G. 1993. La falce del guerriero, e altri appunti per la Tuscia fra VI e VII secolo. *Archeologia Medievale* 20, 595—606.

Garnier, J.-F., Lebedynsky, I., Daynès, M. 2007. Deux poignards sarmato-alains en Lot-et-Garonne. *Antiquités nationales* 38, 161—168.

Harhoiou, R. 1988. Das Kurzschwert von Micia. *Dacia* 32, 79—90.

Istvánovits, E., Kulcsár, V. 2008. Az ún «meót» típusú kardok/tőrök a Kárpátmedencében. *A Nyíregyházi Jósa András Múzeum Evkönyve* 50, 281—290.

Kazanski, M. 2002. *La nécropole gallo-romaine et mérovingienne de Breny (Aisne). D'après les collections et les archives du Musée des Antiquités Nationales*. Montagnac: Editions Monique Mergoil.

Lebedynsky, I. 2001. *Armes et guerriers barbares au temps des grandes invasions*. Paris: Errance.

Lebedynsky, I. 2002. *Les Sarmates*. Paris: Errance.

Lebedynsky, I. 2012. *La grande invasion des Gaules 407—409*. Clermont-Ferrand: LEMME Edit.

Legoux, R. 2005. *La nécropole mérovingienne de Cutry (Meurthe-et-Moselle)*. Saint-Germain-en Laye: Association française d'archéologie mérovingienne.

Legoux, R., Périn, P., Vallet, F. 2009. *Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine*. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne.

Piton, D. 1985. *La nécropole de Nouvion-en-Ponthieu* (Dossiers archéologiques, historiques et culturels du Nord et du Pas-de-Calais, n° 20). Berck-sur-Mer: AMPBBE.

Ščukin, M. 1993. A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine tardive (d'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances). In: Vallet F., Kazanski M. (dir.). *L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle*. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 323—333.

Soupault, V. 1996. A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et épées à encoches (IVe—VIIe s.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Proceedings on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* V, 60—76.

Статья поступила в номер 15 мая 2014 г.

Michel Kazanski (Paris, France). Doctor Habilitat. French National Center for Scientific Research, Centre for Studies in History and Civilization of Byzantium, Collège de France[1].

Michel Kazanski (Paris, Franța). Doctor habilitat. Centrul național pentru cercetări ştiințifice din Franța, Centrul pentru studii în istorie şi civilizație Bizantină, Collège de France.

Казанский Михаил Михайлович (Париж, Франция). Доктор хабилитат. Национальный центр научных исследований (CNRS); Центр по изучению истории и цивилизации Византии, Коллеж де Франс.

E-mail: michel.kazanski53@gmail.com

Address: [1] Rue du Cardinal Lemoine, 52, Paris, 75005, France

С. Б. Сорочан

Византийские военные силы в Крыму в VI—VII вв.

Keywords: Crimea, Chersonesos, Bosporus, Dory, Early Byzantine time, the armed forces, dux, Ducats, federates, fortification structure.

Cuvinte cheie: Crimeea, Chersones, Bospor, Dori, perioada bizantină timpurie, forțe armate, dux, ducate, federați, structură de fortificare.

Ключевые слова: Крым, Херсонес, Боспор, Дори, ранневизантийский период, вооруженные силы, дукс, дукат, федераты, оборонительная система.

S. B. Sorochan

Byzantine Military Forces in the Crimea in 6th—7th Centuries

History of military forces in the Crimea in 550 — early 7th centuries has been seldom subject of special research. Now we have sufficient sources, particularly archaeological evidence, which require study and analysis. Along with written accounts, these materials provide background for a new concept of Taurica's history in the early Byzantine period. The main postulate of this new concept consists in rejection of the fact that Byzantium lost its authority in the Crimean region in the mentioned period, when an Imperial Province appeared on the territory between the Crimean Peninsula between Chersonesos and Bosporus. It was divided into archontates, with Chersonesos as the main center. Mangoup was another large political center — the capital of "Dori country".

The armed forces of this province consisted of Chersonesos militia, irregular military units and allies of the Empire, their total number being 3000—4000 people. The core consisted of federates-espondoi — free wealthy landlords, peasants-soldiers from among the local population, the Alani and the Goths. They were under political and fiscal control of the central Byzantine authorities after 575, the lands of the Tauric province were transferred by the local archontes to the administration of the supreme military and civil governor, who was called 'dux'. Chersonesos and Bosporus transform into a Ducat structure.

S. B. Sorochan

Forțele armate bizantine din Crimeea secolului VI—VII

Istoria forțelor armate din Crimeea bizantină, din a doua jumătate a sec. VI — începutul sec. VII, a constituit rar subiectul unor cercetări speciale. În momentul actual a fost acumulat un material impunător, provenit mai ales din surse arheologice, care necesită a fi prelucrat și analizat. Împreună cu izvoarele scrise, aceste materiale permit crearea unei baze pentru o nouă concepție a istoriei Crimeei în perioada bizantină timpurie. Postulatul principal al acestei noi concepții constă în refuzarea recunoașterii pierderii de către Bizanț a autorității în perioada respectivă în Crimeea, când provincia imperială era localizată pe teritoriul peninsulei, între Cherson și Bospor. Ea era împărțită în arhontate cu centrul principal în Cherson. Un alt centru politic important era Mangop, capitala „statului Dori".

Forțele armate ale provinciei erau compuse din miliția Chersonesului, unități militare neregulate și aliați ai imperiului, cu un număr total de circa 3000—4000 de persoane. Baza forțelor armate era constituită din federați — agricultorii liberi înstăriți, țărani-soldați din rândurile populației locale, alani și goți. Aceștia se aflau sub controlul politic și fi scal al autorității centrale bizantine. În ultimul sfert al sec. VI, teritoriile provinciei Taurica au fost transferate de sub controlul arhonților locali în administrarea guvernatorului suprem militar și civil, numit „dux". Chersonesul și Bosporul se integrează în structura ducatului.

С. Б. Сорочан

Византийские военные силы в Крыму в VI—VII вв.

История военных сил в византийском Крыму во второй половине VI — начале VII вв. редко была предметом специальных исследований. В настоящее время накоплен значительный материал источников, особенно археологических, которые нуждаются в анализе и обработке. Вместе с письменными источниками эти материалы позволяют создать основу для новой концепции истории Таврики в ранневизантийский период. Главный постулат этой новой концепции заключается в отказе от признания потери авторитета Византии в крымском регионе в указанный период, когда на территории Крымского полуострова между Херсоном и Боспором локализовалась имперская провинция. Она была разделена на архонтаты с главным центром в Херсоне. Еще одним крупным политическим центром являлся Мангуп — столица «страны Дори». Вооруженные силы провинции состояли из херсонской милиции, нерегулярных военных частей и союзников Империи общим количеством примерно 3000—4000 человек. Основу составляли федераты-энспонды — свободные зажиточные землевладельцы, крестьяне-солдаты из местного населения, аланы и готы. Они находились под политическим и налоговым контролем византийской центральной власти. В последней четверти VI в. земли Таврийской провинции были переданы из-под управления местных архонтов в ведение администрации высшего военного и гражданского губернатора, называемого дукой. Херсонес и Боспор превращаются в структуру дуката.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© С. Б. Сорочан, 2014.

С середины 50-х гг. VI в. евразийский мир оказался потрясен масштабными тюркскими завоеваниями. Закованная в железные латные доспехи, бронированная конница тюрок уже через три года покорила просторы от Каспийского до Черного морей, объединив здесь всех степняков в рамках ордынской государственности — Великого Тюркского каганата (552—651 гг.). Тогда же, в самом начале второй половины VI в., в районах, непосредственно примыкавших к Северному Причерноморью, появились новые племена аваров, двигавшиеся под натиском воинственных тюрок из приволжских степей. В 560—561 гг. они перешли Дунай, получили на поселение земли Малой Скифии, а затем, развязав войну с ромеями, в 567—568 гг. заняли под свой каганат просторы Паннонии (Артамонов 1936: 22—26; Амброз 1981: 11; Комар 2004: 171). Вслед за ними в 70-х гг. VI в. показались их преследователи — тюркюты (древние тюрки), вторгшиеся в Таврику, где до этого на степных просторах около крымских Херсона (juxtum Chersonam) и Боспора кочевали племена гуннов, протоболгар (Прокопий из Кесарии 1950: 388 (IV, 5, 27—28); Иордан 1960: 72, §37, коммент. 119; Монемвасийская хроника 1995: 328). Долгое время было принято считать, что, вследствие этих бурных событий уже к середине VI в. строительство здесь пограничных оборонительных систем, военное присутствие Византии стало сворачиваться, и под нажимом тюрок в 70—80-х гг. VI в. византийское доминирование на территории Крыма прекратилось более чем на два столетия, во второй половине VII в. уступив место безраздельному хазарскому господству (Кулаковский 1898: 179; 1906: 63; Бобринский 1905: 95—97; Шестаков 1908: 11—12; Якобсон 1954: 152, 158; 1964: 27; Герцен 1984: 87; Николаева 1984: 20; Пиоро 1990; Баранов 1994).

Сомнения в справедливости подобных взглядов нарастают в последнее время. Едва ли городская и сельская жизнь даже в Восточном Крыму когда-либо обрывалась столь повсеместно, как думалось большинству исследователей, а там, где это случалось, не всегда можно видеть руку варваров, — алан, утигуров, гуннов, тюрок или хазар. Крымский полуостров не пустел.

Еще больше сомнений порождает представление о том, что власть ромеев с их военным присутствием, военными силами рухнула по всей Таврике столь обвально и полностью. Оснований для подобного вывода нет. Безопасность балканских провинций Романии, прикрывавших сердце и мозг государства — Константинополь, во многом тоже зависела от готовности ее подданных в крымских владениях собирать разведывательную информацию, пристально следить за передвижением самых разных племен и народов через Северное Причерноморье, вовремя предупредить о готовящемся нападении, содействовать в организации помощи (хотя бы дипломатической) и от позиции союзников Византии в соседних с Таврикой районах (Удальцова 1989: 243; Bortoli, Kazanski 2002: 652). Ситуацию осложняли усобицы булгарских племен, передвижения аваров, завоевавших в 567—568 гг. Паннонию и на долгие десятилетия ставших злейшими врагами Империи. В этой обстановке главную роль неминуемо начинали играть торговые и военно-политические контакты с тюрками, врагами аваров, шел обмен посольствами в 558, 562, 563, 568 гг. и конце VI в. (Менандр 1860: 370—384, 398—400, 416—418, 462; Феофан Византиец 1860: 492—493; Theophylacti Simocattae 1834: 282; Theophanis Chronographia 1883: 239). При этом, если Боспор «во втором году правления Тиверия кесаря» (между декабрем 575 и декабрем 576 г.) оказался ненадолго захвачен многочисленными войсками полководца непобедимого властителя Турксанфа (Тянь-хан-хана), Вохана — наместника приазовских земель, и его подневольного союзника, «гунна», а правильнее, тюрко-болгарина Анагея, «владетеля племени утигуров» (Menandr 1871: 90, fr. 45; Менандр 1860: 422, 423; Кулаковский 1896: 12; Гумилев 1967: 106; Гадло 1979: 96; Плетнева 1986: 18—19), то Херсон с окрестностями в 580—581 гг. оказался способен стойко выдержать натиск кочевников. Очевидно, его спасли не столько мощные, двухрядные крепостные стены и начавшая активно создаваться к этому времени, во второй половине 70-х — начале 80-х гг. VI в., система обороны из укреплений-убежищ на подступах к городу, в юго-западной части Внутренней (Второй) гряды Крымских гор, сколько внезапная смерть тюркского хагана Арсилы в 581 г. (Moravcsik 1958: 72), последовавшая как раз тогда, когда враги, взяв и разорив Боспор, вероятно, окружили город или, скорее, были близки к этому, если поверить полуправдивым намекам императора ромеев Тиверия II аварским посланникам. К тому же приазовская группировка праболгар, из которой вышли создатели Великой Болгарии Куврат и его дядя Орган, вырвалась из-под власти алтайских тюрок и заключила стратегический союз с Империей, что сразу облегчило ее положение на северных границах (Шабашов, Шабашова 2004: 379—382). С этого же года положение каганата осложнилось в связи с приходом к власти в Китае

воинственной династии Суй, при которой разгорелась кровавая тюркюто-китайская война. Тем не менее тюркская угроза сохранялись на территории Крыма по меньшей мере до конца 80-х гг. VI в., что, разумеется, должно было стимулировать здесь активное крепостное строительство и военные усилия. Только все более разгоравшаяся с 581 г. внутридинастическая борьба, вылившаяся в гражданскую 15-летнюю войну, неудачи в войне с персами, полоса поражений на востоке, восстания в Хотане, Иране и памирских горцев — эфталитов, усиление Китая, образование в каганате прокитайской группировки, восстания некоторых племен (каби, сеяньто и др.), конец немногих влажных годов и наступление с 596 г. периода засухи, вновь потребовавшего длительных перекочевок и сосредоточившего все силы лишь на добывании пропитания для скота, и, наконец, последовавший распад гигантской тюркской степной «империи», переставшей существовать в виде единого каганата к 602 г., постепенно заставили тюрок забыть о Таврике, сбросили здесь напряжение, создали возможность урегулирования многих вопросов и установления мирных отношений с Византией (Артамонов 1936: 39; Комар 2004: 199). К 631—632 гг. Великий каганат тюркютов окончательно распался на Восточный и Западный. Уже в 588 г., если не раньше, тюрки вернули Империи разоренный Боспор (Шабашов, Шабашова 2004: 381; ср.: Айбабин 2006: 5), а в 589—591 гг. принимали участие в войне с персами на стороне ромеев. Византия вместе с тайским Китаем на сей раз стала союзницей Западного каганата. Вскоре был заложен краеугольный камень будущей византийской дипломатии в отношении хазар — мирный договор с тюрками 598 г., на двести лет определивший ее основное направление (Феофилакт Симокатта 1996: 188—192 (VII. 7—9); Артамонов 1962: 140).

Однако за этот короткий с точки зрения истории период в четверть столетия местное население Таврики, греки, а особенно ираноязычные аланы, германцы (готы), балты — «здешние люди», прежде «…не терпевшие быть заключенными в стены» (Сидоренко 1991: 112), усвоили урок, преподанный бронированной тюркской конницей. Наученные горьким опытом, они поневоле должны были окончательно расстаться с желанием «жить на равнине» и озаботиться сохранением военных сил и продолжением создания надежных оборонительных сооружений — укрытий для местного населения, его имущества, скота, которые защитили бы подступы со стороны причерноморской и крымской степи, откуда через семикилометровую горловину Перекопа грозили вторжения пришельцев, способных заполонить все окрестности. Организовать такого рода целенаправленные усилия здешнего этнического конгломерата из отчасти христианизированных алан, готов, потомков прежнего античного населения, ныне называвших себя ромеями, могли только византийские власти, опиравшиеся на богатый опыт сотрудничества с военными союзниками — федератами, и средства все еще обширного и достаточно могучего Ромейского государства.

Видимо, к третьей четверти VI в. херсонесские баллистарии были уже заменены подразделениями регулярной ромейской армии, а Херсон превратился в провинциальный центр отдельного регионального командования в лице дукса или дуки (*dux*, δοῦκας) и, очевидно, рассматривался как составная часть соответствующей византийской эпархии (Храпунов 2000: 62; Сорочан 2013: 334—338). Уже само наличие дуки Херсона свидетельствует в пользу того, что здесь должна была существовать соответствующая византийская провинция. Во всяком случае, составитель Житий епископов Херсонских писал о вхождении Херсона именно в состав «провинции Тавроскифии» (τῆς Ταυροσκύθων ἐπαρχίας) (Лавров 1911: 154, sec. 2). Вероятно, подобным образом, либо провинцией Херсон называлась соответствующая пограничная эпархия, расположившаяся на крымских землях (Херсонес Таврический 2004: 532; Храпунов 2004: 381).

Уточнить рубежные хронологические рамки создания дуката позволяет обнаруженная в Тамани, то есть имевшая отношение к азиатскому Боспору, строительная надпись, которая начинается с упоминания «вечного августа и автократора Юстиниана» и указывает на непосредственных распорядителей работ — византийского трибуна Ангула, очевидно, выходца из Малой Азии, воинственного исаврийца, и некое должностное лицо местной муниципальной администрации — «отца города» или архонта, тоже носившее византийский титул и, значит, утвержденное императором (Латышев 1894: 567—662; 1895: 56—61, № 64; 1896: № 98; 1901: 6, 7; Feissel 1987: 219—220; Храпунов 2004: 379—381). Надпись датируется 11 индиктом и, поскольку для ромейских официальных документов счет по 15-летним циклам стал обязателен с 537 г., в 547/548 или 562/563 гг, на которые приходится этот индикт в царствование Юстинина I, ни Европейский, ни Азиатский Боспор еще не находились в ведении дуки. Всем распоряжался командир расквартиро-

ванного здесь ромейского гарнизона, который одновременно был градоначальником, курировал общественное строительство, сбор налогов и выполнение прочих имперских повинностей. Не исключено, что нечто весьма сходное наблюдалось в первой половине правления Юстиниана I и в Херсоне, где делами уже давно заправляли имперские офицеры (трибун, комит), которым подчинялись должностные лица местной администрации — архонт — протополит, «отец города» и прочие протевоны (Херсонес Таврический 2004: 520—530).

Должность дуки — коменданта города и одновременно верховного военного наместника здешних владений Империи, подчиненного военному магистру, впервые упоминается в херсонесской строительной надписи времени правления Юстина II и Софии (565—578 гг.) (Латышев 1906: 122—123, № 37; Якобсон 1959: 67—68; Соломоник 1986: 213—214, № 4; Цукерман 1994: 560, прим. 45). Скорее всего, фортификационные работы были организованы этим новым должностным лицом к середине или концу правления Юстина II, когда власти оказались крайне встревожены стремительно нараставшей опасностью со стороны тюркютов и праболгар — утигуров, захвативших в 575/576 г. и почти десять лет удерживавших основательно разоренный Боспор. Как будут развиваться дальнейшие события, ромеи в 575 г. не знали, но у них были все основания готовиться к худшему. Уберечь от бронированной конницы могли только надежные, грамотно устроенные на удобном рубеже, усиленном самой природой, убежища из военных укреплений — кастра и фрурионов, с которыми степняки не привыкли иметь дело и которые, к тому же, должны были сыграть крайне важную, спасительную роль, прежде всего, для окрестного населения. Обломок надписи, в которой шла речь о возведении новой куртины или оборонительной башни, был найден у южной крепостной стены Херсона и, очевидно, главные работы велись на этом важном участке обороны, защищавшем «цитадель» города и портовый район. Именно тут раскопками в 1927 г. прослежены следы мощной нивелировочной засыпи, которая датируется именно второй — третьей четвертью VI в. (Голофаст 2001: 107—108, комплекс 4). Источником камня для этого строительства могла быть открытая каменоломня в виде отвесно срубленной на разную глубину материковой скалы на протяжении 40 м, которая находилась неподалеку от фланговой башни Зинона (XVII), на месте загородного некрополя (Отчет за 1905 год: 36—37; Косцюшко-Валюжинич 1907: 112).

Следовательно, общее направление прежней политики, проводимой императорами в последней четверти IV—V вв. и способствовавшее интеграции города в состав Империи, усилению обороны важного заморского региона, сохранилось здесь после смерти Юстиниана I, более того, — вступило в новую, активную, мощную фазу. Самое главное, Таврика приобрела статус дуката, «столицей» которого надолго стал Херсон. С учетом данных нумизматики, эпиграфики и оценки общей политической обстановки в Евразии, это произошло, вероятно, вскоре после 563 г., но до захвата тюркютами Боспора, и было в значительной степени обусловлено ростом опасности со стороны Великого тюркского каганата, стремлением византийских властей лучше организовать военные силы для отпора, провести военно-административную реорганизацию, объединить провинциальные центры в один округ, активизировать оборонительное строительство на наиболее угрожаемых направлениях и в наиболее важных городах полуострова, а может быть, и на Тамани, то есть в Азиатском Боспоре.

В этом плане особенно показательна надпись 590 г., обнаруженная П. И. Сумароковым в 1803 г. опять-таки в Тамани, сообщающая о «великих и удивительных подвигах», очевидно, связанных с происшедшим незадолго перед тем освобождением захваченного Боспора от тюрок, о возобновлении здесь «великолепного царского здания» (τὸ λαμπρόν ἐν Βοσπόρῳ καισάριον — в оригинале — κεσάριον) и о выполнении этого поручения «благочестивого и богохранимого нашего государя Магрикия», то есть Маврикия Тиверия, «через собственного (истинного, природного, настоящего) своего раба Евпатерия, славнейшего стратилата и дуки Херсона (ἐνδοξοτάτος στρατηλάτος καὶ δοῦκος Χερσόνος)» (Латышев 1894: 662—672; 1896: 105—109, № 99). Показной, триумфальный характер надписи подчеркивали изображения двух Ник, которые в VI в. окончательно трансформировались в христианских ангелов, и одновременно персонажи, прославляющие победы государя (Залесская 1998: 245).

Надо заметить, что речь шла именно о строительстве «кесариона», то есть «кесарского» — имперского здания, возможно, дворца, и не обязательно о восстановлении некоего храма, культовой постройки, как иногда полагают. Кесарионами прежде действительно называли римские храмы императорского культа (Ruggendorfer 1996: 213—223), но при-

менительно к христианской эпохе подобное было немыслимо. Надо также учесть, что сакральные сооружения были связаны с литургической практикой, отвечали интересам Церкви, и это обстоятельство, — обстоятельство особой святости, а не пышности (τὸ λαμπρόν) постройки, — не могло не оказаться отмеченным в строительной надписи на ней, чего нет. В любом случае, подразумевалось восстановление конкретного «царского здания», не исключено, — учитывая недавнее разорение собственно Боспора-Пантикапея, — резиденции дуки именно на Тамани, а не в переносном значении — византийского правления. Последнее формально не прекращалось здесь со времен если не императора Юстина I (518—527), то начала правления Юстиниана I (527—565), за исключением непродолжительных моментов, когда Боспор-Пантикапей оказывался в руках гуннов или тюркютов.

Дуки были прежде всего начальниками войск пограничных округов или командирами укрепленных городов — крепостей, верховными представителями военной власти на территории того или иного пограничного округа, но иногда имели в своем распоряжении и регулярные контингенты полевых армий, то есть относились к высшему командованию военными силами эпархий, тогда как, если говорить о стратилатстве только как о звании, чине, сане бюрократического аппарата (λαμπροίς ἀξιόμασι), оно соответствовало в VI—VII вв. титулу апоэпарха — отставного эпарха, который прилагался к служащим ведомства префекта претория или префекта города в ранге сенаторского *cursus dignitatum* (Bury 1911: 23—24; Латышев 1896: 670; Ostrogorsky 1936: 41—61; Durliat 1979: 306—320; Každan 1991: 659). По своему уровню звание стратилата было близко к не очень высоким «степеням» ипата, отставного ипата — апоипата, вестиария или силенциария и следовало после них (Гийу 2005: 119; Winkelmann 1985: 39). К слову, жалованье за этот сан не предусматривалось.

Главными должностными занятиями дук были военное дело и военная служба. Они обычно избирались из числа дворцовой знати. Как можно понять, их должность, как и должность презида эпархии, покупалась при дворе за деньги, которые потом компенсировали за счет притеснения жителей провинции (Synesii 1863: 1392—1393, 1400).

Согласно «Стратегикону» Маврикия, в конце VI — начале VII вв. дука мог командовать огромным отрядом (μοῖρα) числом от 2000 до 3000 человек, а если он был еще и стратилат, полководец (*magister militum*), тогда это означало, что он являлся одним из трех мерархов, а именно тем, который возглавлял среднюю меру (μέρος), и считался ипостратигом — вторым лицом после командующего-стратига (Das Strategikon des Mauricius 1981: I. 3—4; Durliat 1979: 307 sq.). Вместе с тем хронист VI в. Иоанн Малала совершенно определенно называл стратилатство саном. Он приводит случай, когда им был почтен комит и доместик (Ioannis Malalae 1831: 339, 9). Но тот же Иоанн Малала упоминает дукса Палестины (ὁ δοὺξ Παλαιστίνης) и стратилата Армении (στρατηλάτης Ἀρμενίας), причем и тот и другой в его описании несли военные функции, имели в подчинении военных людей (Ioannis Malalae 1831: 381, 5; 382, 15—16; 429, 17). Как обычно, в администрации средневековья грань была зыбкой, а функции, должность и сан смешивались. Кроме того, стратилату подчинялся и комит федератов — военачальник союзных войск (Durliat 1979: 312). Это обстоятельство надо особо отметить, учитывая вполне вероятные тесные взаимоотношения херсонских дук, в том числе стратилата Евпатерия, с крымскими «энспондами» (ἐνσπόνδοι) — союзниками Империи, как несколько архаично именовал местных федератов Прокопий Кесарийский. Как раз для осуществления этих целей существовали толмачи — герминевты (ἑρμηνεύται) (Шандровская 2005: 109—115; Miller 1969: 128). Два моливдула такого переводчика, Стефана известны среди сфрагистических материалов Херсона именно второй половины VI — первой половины VII вв. (Соколова 1991: 206, № 14, 15; 1996: 193—194, рис. 4).

Скорее всего, мы имеем дело с многозначным понятием. Стратилат в значении «сановник» и одновременно «полководец» мог обозначать командующего армией, с подчиненными ему военными командирами, а также командующего областью, мерой или фемой, но по своему положению соответствовал также должности *tribunus civitatis*, отчего в VI в. на него возлагались функции гражданского управления тем городом, куда он назначался военным комендантом (Grosse 1920: 148). Дука тоже отвечал за военную защиту вверенной ему области, руководил войском и гражданской администрацией, назначал и смещал чиновников, командовал комендантами городов и крепостей (трибунами или комитами), хартулариями — военными администраторами, управлявшими отдельными частями дуката, осуществлял полицейские функции, контролировал действия судебных инстанций, сам проводил публичные судебные заседания в присутствии заседателей в главном городе своего

округа, где он принимал апелляции нижестоящих судов, ведал финансами и поступлениями налогов, следил за церковным управлением, организовывал епископские выборы (Гийу 2005: 117, 152; Бородин 2001: 74, 75). Таким образом, он был военным командиром и одновременно имел весьма широкие и хлопотные административно-территориальные полномочия, соединял военную власть с гражданской, короче говоря, являлся своеобразным военно-гражданским «губернатором» области. Все это вполне увязывается с политикой Юстиниана I и его ближайших преемников по сосредоточению гражданской и военной власти в провинциях в руках одного должностного лица (Jones 1964: 282—283, 567). Нетрудно заметить, что дука Херсона, действовавший в правление Юстина II (565—578) вместе с неким лампротатом (светлейшим) Феагеном, возможно, архонтом или «отцом города», тоже был распорядителем общественных, скорее всего, фортификационных строительных работ (Латышев 1906: 121—123, № 37; Соломоник 1986: 213—214). Хотя, скорее всего, в случае с Евпатерием мы имеем дело с саном стратилата и должностью дуки, весьма примечательно, что в ранневизантийской агиографии слова στρατηλάτης и δούξ были тождественны, абсолютными синонимами и использовались для обозначения верховного представителя имперской власти в провинции, наместника (Войтенко 2004: 28—29, прим. 29, 31).

Таким образом, сочетание титула и должности стратилата и дуки (στρατηλάτου καὶ δούκος), а также деятельность столь высокого чиновника одновременно в Херсоне и на Боспоре, позволяют полагать, что Евпатерий, упомянутый в надписи из Тамани, являлся представителем верховной власти Империи в Юго-Западном, Южном, Восточном Крыму и на Таманском полуострове, имел сан стратилата (как было принято, он указывался перед должностью), командовал как верховный военный чиновник вооруженными силами Херсона и в то же время осуществлял высшую административную и судебную власть, нес гражданскую службу, главные функции гражданского управления в разных центрах дуката, простиравшегося от Западного Крыма до Таманского полуострова (Зубарь, Сорочан 1998: 123—124).

Более того, источники позволяют предполагать изменение административно-территориального устройства самого Боспора в конце VI в. Избавившись от тюркской угрозы, византийская администрация Крыма, возможно, несколько скорректировала свою систему управления территорией основательно потрепанного, опустевшего бывшего Боспорского царства. В Крыму место разрушенного тюрками города Боспор заняла новая крепость Сугдея, обладавшая удобными морскими связями как с западной, так и с восточной частью Крыма. По крайней мере, обнаруженные здесь печати византийских чиновников таможенной и налоговой служб, ипатов и отставных ипатов, эпархов, табулляриев, хартулариев, позволяют предполагать, что с момента своего основания во второй половине VI — первой половине VII вв. это было не просто береговое укрепление, «бург» и временная стоянка для судов, но и некий важный центр со временем ставший резиденцией главы одноименной епархии (Могаричев и др. 2009: 206—207; Вус 2010: 152—164; Сорочан 2013а: 310—326). Не случайно, количество византийских золотых монет, обнаруженных за последние 20 лет в Судаке, в два раза превосходит все известные находки подобных монет в Крыму (Гурулева 2004: 435). Управление же землями на Азиатском Боспоре осуществлялось с Таманского полуострова, из отстраивавшихся Горгиппии или Фанагории. Этим можно объяснить восстановление здесь дукой Евпатерием именно «кесарского здания». Примечательно, что хазары, укрепившись к концу VII в. на восточной стороне Керченского пролива, местом расположения своих наместников тоже избрали Фанагорию.

Дука Херсона мог руководить строительством укреплений, размещением в новых крепостях гарнизонов из местных аланоготов, а также назначать (точнее, утверждать) управляющих — «простатевонтов» в крымские кастра и полисмы — города, крепости и протогородки, число которых только в Юго-Западной Таврике, если верить позднейшим данным Никифора, было не меньше двух десятков (Чичуров 1980: 156, 164; Айбабин 1990: 68; 1999: 226). В специальных исследованиях по поводу содержания терминов «кастрон» и «полисма» историки пришли к выводу, что первые могли обозначать и укрепленные поселения с ярко выраженными городскими функциями, и крепости — полисы, тогда как второй использовали, чтобы показать статус, близкий к городу, небольшой городок (Lefort 1983: 100; Gregory 1992: 252—253; Dunn 1994: 60—80; Haldon 1999: 12—18; Гоголев 2002: 21—22; Миланова 2004: 240—245, 246—247). В этом плане весьма показательным является моливдул из Парфенита (Партенита), — типичного полисматона (Вус 2010: 169—170), — с погрудным изображе-

нием Богоматери Никопеи с младенцем перед грудью (диска нет) и крестообразной монограммой на обороте, которая может быть раскрыта как «[печать] Константина дуки» (Панченко 1906: 163, рис. 5)[1]. Впрочем, для имени KΩNCTANTINOC здесь отсутствуют буквы Ω и T, если только эта лигатура не скрыта в левом плече крестовидной монограммы в виде горизонтальной T и вертикальной Ω. Зато лигатура слова «дука» — Δ и A — просматривается вполне отчетливо.

Известен еще один, но хуже сохранившийся экземпляр подобной печати, которая была приобретена в Севастополе и находится в коллекции К. Д. Смычкова[2]. На ее лицевой стороне тоже просматривается поясное изображение Богоматери с младенцем перед грудью и четырехконечные крестики по сторонам. Мафорий не выделен, в трактовке одежд отсутствуют штрихи, а Христос уже с крещатым нимбом. На обратной стороне моливдула в лиственном ободке присутствует монограмма имени и должности. Слева лигатура NE, вверху — OΣ, под ней — T, справа — K, внизу — ΔA, что дает возможность прочитать зашифрованное как KΩNCTANTINOY ΔOYKA (Κωνσταντίνου δούκα). Хотя лигатура внизу монограммы вышла гораздо хуже, чем на печати из Парфенита, общее очевидное совпадение остальных деталей позволяет достаточно уверенно предположить, что перед нами аналогичный экземпляр моливдула дуки.

Печати не слишком разнятся по времени: тип первой, очевидно, близок к концу правления Юстина II, тогда как вторая известна среди типов моливдулов первой половины VII в. Во всяком случае, удлиненный овал лица, отсутствие деталировок в одежде, младенец Христос с нимбом — элементы изображения Богоматери, встречающиеся уже на буллах императора Фоки (602—610). Показательна и эпиграфика монограммы, которая исполнена литерами с прямыми линиями. Их кончики не имеют утолщений. Только литера T и лигатура слова «дука» несут следы прямых черточек, хотя и они без утолщений. Такие особенности характерны для печатей первой половины — середины VII в. К третьей четверти этого столетия все литеры на моливдулах отличаются характерными клиновидными утолщениями на концах. Следовательно, обе крымские печати, особенно печать из собрания К. Д. Смычкова, близки ко времени первой половины VII в. Если печати относятся к дукам византийской Таврики (а вероятность этого достаточно велика), значит, в это время такой функционер еще распоряжался на здешних землях, сочетая военную и гражданскую власть. В любом случае есть основания полагать, что в правление василевса Ираклия (610—641) здесь еще действовал режим ромейского дуката (Сорочан 2008: 200—216; 2013: 334—338; Храпунов 2011: 37—50).

Сфера его влияния продолжала включать города, округа — архонтии, кастра, полисмы и прочие поселения Таврики от Херсона до Азиатского Боспора, соседями которых стали бежавшие от хазар булгары-оногуры, как и аланы с готами, получившие статус федератов Империи и сохранявшие с ней дружественные отношения (Баранов 1994: 32; Майко 2002: 148). Ссыльные монахи — антимонофелиты Феодор и Евпрепий находились в этих кастра в середине VII в. именно потому, что они оставались под византийским контролем, а не «во власти готов или непосредственно хазар» (последних здесь в это время еще не было и не могло быть).

Дукат был формально ликвидирован и заменен архонтатом не «в течение VII в.» и даже не в правление Ираклия (Херсонес Таврический 2004: 569; Храпунов 2011: 37—50), а не ранее последней четверти VII столетия, поскольку соседство Крымского полуострова с могущественной Хазарией, установившееся к этому времени, вызвало необходимость оформления на здешних землях нового статуса — византийско-хазарского «кондоминума», предусматривавшего взаимное мирное сотрудничество. Это обстоятельство не могло не заставить византийцев отказаться от политического режима дуката, с его обязательным военным присутствием в пограничном анклаве, и перейти к более гибкому режиму архонтата с его иллюзией псевдоавтономии, в котором городу было суждено оставаться вплоть до конца 30-х — начала 40-х гг. IX в., когда он был возведен в ранг государственной военно-административной единицы — фемы в связи с развалом все того же «кондоминиума» (Treadgold 1997: 376, 443, map 11; Сорочан 2013: 337—338). Расправа, учиненная Юстинианом II над двумя десятками простатевонтов окрестных полисмат в 710 г., свидетельствует в пользу того, что, несмотря на установление с конца VII в. особых византийско-хазарских отношений в Крыму, обширная внегородская зона оставалась в подчинении властей Херсона — центра

[1] Подобная интерпретация моливдула предложена Е. В. Степановой, но полной аналогии ей подобрать не удалось.

[2] Приношу искреннюю благодарность К. Д. Смычкову за любезное разрешение опубликовать эту печать.

военно-административного округа, на тот момент уже архонтата, в свою очередь включавшего ряд более мелких округов, и даже в момент сурового испытания это единение не было поколеблено: карательные акции не заставили широкие слои населения местных, региональных «архонтий», «полисм» видеть в византийцах завоевателей и врагов (Чичуров 180: 156, 164).

Уже к середине VI в. в Горном Крыму была создана оборонительная система из «больших (высоких) стен» или «длинных стен» (τειχίσμασι μακροίς), как называл эти укрепления Прокопий Кесарийский, завершивший к 560 г. свой труд «О постройках» императора Юстиниана I (Procopii Caesariensis 1964: III, 7, 13—17). Видимо, они закрыли стратегически наиболее важные клисуры, проходы (τὰς εἰσόδους) — крупные балки, ущелья, по которым со стороны степи или с побережья можно было попасть в Юго-Западный Крым и, самое главное, на плато Мангупа — центр «страны Дори», территория которой установилась после оформления между местным населением и Византией военно-союзнических отношений (Фирсов 1979: 106—113; Зубарь, Сорочан 1998: 121; Герцен 2001: 261—263; ср.: Мыц 1991: 69—70). Такие τειχίσμασι μακροίς, очевидно, стоившие дешевле оборудования крепостей, целесообразно было бы сооружать поперек наиболее населенных, плодородных речных долин, но следы их здесь особенно трудно отыскать: активная человеческая деятельность давно обрекла готовый строительный материал на переработку.

На южном берегу, в Гурзуфе, на скале Дженевез-Кая, и в Алуште на вершине высокого холма в 200 м от моря, продолжительное время сохранялись воздвигнутые тогда же, хорошо укрепленные византийские пункты, сторожевые посты-крепости, базы для дислокации военных сил — «фрурии Алустон и в Горзувитах», следившие, разумеется, не за степью, а за крымским побережьем, морем и, вероятно, реанимировавшие старую римскую систему контроля за каботажным плаванием, особенно между Херсоном и Боспором (Procopii Caesariensis 1964: III, 7, 11; ср. Амброз 1995: 64; Могаричев 2000: 96). Это были именно не города — полисы, а укрепления военного характера, цитадели, иногда убежища для окрестного населения, хотя, как отмечали византийские историки, находившиеся в известной зависимости от города (Kazhdan 1995: 213; Миланова 2004: 247—248). Уже в силу своего расположения эти сторожевые посты не годились на роль охранников «символических ворот с Эвксинского Понта вглубь полуострова» (ср.: Вус 2003: 39—40). Их легко можно было миновать стороной. Но, устроенные на особенно опасном из-за подводных рифов морском участке побережья близ скал Адалар, они сделали морское сообщение более надежным и безопасным (Зеленко 2004: 125). Следует подчеркнуть, что и то, и другое, наряду с ремонтом оборонительных стен Херсона и особенно Боспора, было проделано до конца 50-х гг. VI в. и, вероятно, осуществлялось параллельно одно другому. Взаимосвязь или какие-либо этапы здесь трудно уловить: общий стратегический план, если таковой существовал, зависел от колебаний внешнеполитической ситуации и финансирования, весьма нерегулярного.

Конец правления Юстиниана и его ближайших преемников, надо полагать, преимущественно Юстина II (565—578) и Тиверия II (578—582), вплотную столкнувшихся с тюркской военной угрозой, прошел в Крыму под знаком совершенствования этой системы обороны. Прежняя линейная система защиты, устроенная по отдельным ущельям, балкам, долинам, показала свою слабую пригодность в новых условиях, когда пришлось иметь дело с крупными конными отрядами противника, способного отважиться не просто на набег, а на долговременную оккупацию территории. Поэтому рядом с «большими стенами» на возвышенных плато Второй гряды, предназначенными служить убежищами, начинают строится опорные крепости, где, наряду с наземными фортификационными сооружениями, прямо в скале, на вершине обрывов высотой в несколько десятков метров, вырубают наблюдательные пункты, сторожевые площадки, склады, ямы-зернохранилища, подсобные помещения. Эти надежно укрепленные самой природой и людьми ключевые форпосты лишали врага стратегического преимущества, даже если он прорывался на одном из участков обороны, причем не только со стороны побережья, как это было прежде. Кроме того, они обеспечивали более надежную защиту окрестного мирного населения и византийских федератов из «хоры Дори», которые отныне получили возможность укрываться за их стенами в случае внезапных появлений конных вражеских отрядов и дожидаться их ухода.

Таким образом, анализ общеимперской военно-политической ситуации позволяет думать, что рывок в оборонительном строительстве в Юго-Западном Крыму должен был прийтись не на конец правления Юстиниана, 50-е — первую половину 60-х гг., когда оно,

видимо, только началось на плато Мангуп (Производство 1918: 74—75; Латышев 1918: 18—19, рис. 1; Тиханова 1953: 386; Якобсон 1959: 197; Виноградов 2001: 70—71; Герцен 2006: 68, 69), а на конец самостоятельного правления Юстина II и начало кесарства Тиверия (с 574 г.). Действительно, до этого времени, в 527—541 гг. и в преддверии ирано-византийской войны за Колхиду (середина VI в.), основные усилия византийцев в Причерноморье были сосредоточены на оборонительном строительстве абазгских, апсилийских, мисимианских, лазских укреплений для защиты перевальных путей, прикрывавших владения Империи от набегов через горы, с севера, и с востока, от персов, и позволявших контролировать связи побережья с Северным Кавказом (Воронов 2002: 338). В конце правления Юстиниана I византийское правительство искусно использовало аваров для поддержания мира в Причерноморье и, значит, до середины 60-х гг. VI в. надобности в массовом строительстве сложных оборонительных сооружений — убежищ здесь возникнуть не могло (см.: Дайм 2002: 275).

Вот в этот сравнительно короткий промежуток времени, связанный с глобальным, критическим изменением ситуации в причерноморской степи, накануне последующих неурядиц, постигших каганат к концу VI в., и должна была появиться у византийских властей Таврики насущная, острая необходимость реанимировать предшествующую компанию военного оборонительного строительства и, вместе с тем, напрягая все силы, вывести ее на иной, более высокий, чем прежде, уровень. Ситуация была такова, что не могла не встретить понимание и поддержку местного населения, заинтересованного в своей безопасности перед лицом неотвратимо надвигавшейся серьезной угрозы, которой ничто не предвещало скорый конец.

Строительными работами фортификационного характера, особенно напряженными на протяжении последней трети VI в., было охвачено не менее семи-восьми отдельных больших (Эски-Кермен, Мангуп, Чуфут-Кале) и малых (около с. Верхне-Садовое, Инкерман, Сюйрен, Тепе-Кермен, Бакла) укрепленных пунктов Юго-Западной Таврики. Воздвигнутые раньше приморские фруры Алустон и в Горзувитах вместе с «большими стенами» тоже продолжали свое существование. По мнению некоторых специалистов, в этой части Крымского полуострова была создана единая регулярная оборонительная система лимесного типа, своеобразный Limes Tauricus, совпадавший с естественной границей «между средиземноморской и евразийской частями полуострова» (Шестаков 1908: 8, 9; Васильев 1927: 182; Репников 1932: 136—137; Vasiliev 1936: 72—73; Тиханова 1953а: 324; Якобсон 1959: 26—27; Герцен 1997: 33—34; ср.: Талис 1961: 254—255; Оболенский 1998: 41; Вус 2002: 253—262; 2004: 41—42; 2010: 175—294). Впрочем, с таким выводом нельзя согласится безоговорочно. Нетрудно заметить, что все перечисленные пункты представляли собой расположенные с юга на север отдельные кастра, крепости — укрытия или укрепленные сторожевые, дозорные посты — фруры, не составлявшие единого оборонительного комплекса, синтезной системы фортификации. В их расположении не были предусмотрены ни несколько линий, эшелонов обороны, ни «шахматный принцип», свойственный, к примеру, Балканскому лимесу, который к тому же обладал гораздо большей плотностью (Овчаров 1982: 163; Иванов 1984: 49—50; Сазанов 1999: 34—35). Они были привязаны главным образом к линии естественного, непреодолимого для степняков препятствия — южным и юго-восточным обрывам отдельных массивов Второй гряды гор, так что основная масса доступных с севера плоскогорий оставалась за пределами этого рубежа (Новиченков, Новиченкова 2003: 35—37). Скорее, перед нами отдельные опорные пункты, убежища от кочевников на труднодоступных плато, расположенные когда близко, когда весьма далеко один к другому и выполнявшие, видимо, роль узлов обороны, которые не создавали неприятелю препятствия для неожиданного вторжения в пределы обитания готов, аланов — союзников, федератов Империи, но давали возможность населению укрыться вместе со скотом и прочим имуществом. Если враг все же прорывался, обходя крепости, они, оставаясь у него в тылу, грозили ударом и заставляли противника распылять силы (Зубарь, Сорочан 1998: 121; Сазанов 1999: 35). Укрепления были рассчитаны для организации защиты дальних рубежей Византийской империи, причем это были границы конкретного изолированного анклава, охранять который в свое время пытались уже римские войска (Зубарь 2000: 52—60). Стратегия возведения подобных передовых фрур, одиночных башен — «бургов» на пути к крупным городам, преимущественно на господствующих высотах, была хорошо известна и широко использовалась византийцами, перенявшими эту традицию

у римлян (Кучма 2002: 301, комм.78, гл. 19; 302, гл. 20; Βακαλόπουλος 1983: 35—36).

Наиболее приемлемое объяснение для столь бурной, дорогостоящей созидательной деятельности видится не только в продолжении усиления обороны обширной области расселения федератов Византии в приморской и предгорной части Юго-Западной и Южной Таврики, на главных подступах к «столице области» — Херсону, но и в стремлении распространить здесь ромейское влияние, а значит, быстрее интегрировать здешние племена и народы в состав византийского сообщества Империи (Герцен, Могаричев 1992: 190—191). Федераты не были независимой, самостоятельной политической силой, только в своих интересах строившей для себя, своего господства опорные пункты — крепости. Романия, находившаяся тогда в зените своего влияния на территории Крымского полуострова, не допустила бы подобных сепаратистских тенденций и уж тем более не стала бы им потворствовать, направляя в помощь строителям крепостей своих специалистов (ср.: Филиппенко 1997: 12). Общность черт конструкций, строительных приемов, планировочных решений, систем кладки, техники обработки всех этих сложных сооружений свидетельствуют о реализации достижений позднеримского военно-инженерного искусства, раннего ромейского строительства и не несут следов преемственности с позднескифской фортификацией (Герцен 1997: 33). Несомненно, они строились местным населением под контролем византийской администрации, с привлечением византийских техников, военных инженеров, возможно, строительных артелей ремесленников — икодомов (οἰκοδόμοι) из Херсона, и их ромейский характер неоднократно отмечался специалистами. О том же говорит использование единого с херсонскими христианскими храмами строительного модуля. Строительство это шло не один год, то замирая, то вновь активизируясь: слишком велик был масштаб работ. Другое дело, что эффективность этой оборонительной системы в целом оказалась невелика, как и в других районах Империи. Недаром в дальнейшем ее никто не пытался развивать и поддерживать. Историческая ситуация сложилась в Таврике так, что долгое время, особенно в течение VIII в., постоянной надобности в военно-опорных пунктах, крепостях-убежищах не ощущалось, свидетельством чему их слабая заселенность в это время.

Судя по всему, крымские христиане, эта постепенно складывавшаяся горно-крымская народность, как ромейские союзники (ἔνσπονδοι), то есть симмахи, и народ, подвластный императору (κάτοικοι), в VI—VII вв. обязывались военной службой императору и могли выставлять иррегулярное ополчение не менее, чем в 3000 человек (Procopii Caesariensis 1964: III, 7, 13—14; Сидоренко 1991: 111; Айбабин 1999: 119—120). Это указывает на условие получения ими земли, верховной собственницей которых формально считалась Империя. Примечательно, что здесь проглядывает общая тенденция, поскольку в 70-х гг. VI в. половина армии на восточной границе государства состояла именно из федератов (Treadgold 1997: 251). При этом можно говорить о сохранении союзниками некоторой политической самостоятельности (ср.: Кулаковский 1912: 209—210). В ходе долгого и медленного процесса вызревания, создания фем в качестве военно-территориальных единиц, симмахии, они же — соции, устраивались на поселения в византийских провинциях, как, например, готы Тиверия Константина и Тиверия Маврикия — в малоазийских Ликаонии и Писидии (Stein 1919: 140). По закону уже с июля 530 г. они причислялись к milites наравне со схолариями и стратиотами — солдатами, которыми командовали магистры войск (Codex Iustinianus 1895: IV, 65, 35).

Судя по погребениям на некрополях Мангупа, Эски-Кермена, Чуфут-Кале и Баклы, здешние воины жили в окрестностях крепостей вместе с семьями (Айбабин 1999: 148). Раскопки Мангупа также показали, что в верховьях ущелий могли существовать крупные жилые комплексы, которым принадлежали многочисленные хозяйственные ямы, а среди массового археологического материала преобладали импортные амфоры V—VII вв. (Герцен 2006: 69). Инвентарь погребений того же времени в Юго-Западной Таврике свидетельствует также в пользу того, что местные союзники Империи принадлежали к свободным состоятельным земледельцам — воинам, слабо дифференцированным в имущественном и социальном отношении (Амброз 1995: 58—59; Ушаков, Филиппенко 2003: 27—34). Судя по остаткам пряжек, бляшек и фибул, они даже стремились одеваться в соответствии с модой византийской знати, элиты, пользуясь при этом более дешевыми копиями (Хайрединова 2006: 321—322). В целом это напоминает стратиотский состав крестьян-общинников Византии, «господ георгов» несколько более позднего времени. Назвать их бедными не приходит в голову. Серебряные, позолоченные пряжки, браслеты, бляшки с инкрустированными щитками, фибулы, ремни от поясных гарнитуров, прочие предметы быта, в том числе импортные краснолаковые блюда, ми-

ски со штампами, нередко христианского содержания, на дне, приобретаемые путем купли или обмена, довольно часто встречаются в могилах VI — первой половины VII вв., что говорит в пользу зажиточности местного крещенного населения, причем даже в сравнении с погребенными в это время на загородном кладбище Херсона, где такого рода вещи попадаются гораздо реже (ср.: Борисова 1959: 171—189).

Впрочем, варвары далеко не везде переходили к общинному землепользованию на территориях, где они расселялись. К примеру, в Эмилии-Романье, в Восточной Италии, германцы были включены в традиционную позднеримскую систему хозяйственных отношений и социальных связей (Удальцова 1959: 44—45; Бородин 2001: 322—323). Учитывая мощное античное влияние со стороны Херсона, подобное могло произойти и в Юго-Западной Таврике. Но не произошло. Во всяком случае, антропонимика не отразила таких связей. Причина могла крыться, видимо, в том, что система античного местного землевладения в IV—VI вв. пришла в упадок. Тем не менее, херсонитам пришлось вступить в отношения со свободными мелкими земельными собственниками — аланами, готами, даже если последние не жили крестьянскими общинами. К счастью для византийцев, это население иранского и германского происхождения в Юго-Западной Таврике не было оформленной и политически организованной многочисленной общиной. Недаром германская топонимика оказалась представлена здесь весьма слабо и, за исключением названия «страны Дори», «земли Готфов» и, возможно, Фул (от готского *fuls* — «гнилой, тухлый» (Гухман 1958: 261)), в византийских источниках не отразилась. Средневековые по содержанию тенденции формирования воинского устройства тоже развивались исподволь и в течение нескольких столетий.

Нет сомнений, что в военно-организационном отношении все эти контингенты «катиков», «союзников», постепенно терявших свою этническую, племенную, религиозную специфику, были замкнуты на командование дуки, находившееся со второй половины VI в. в Херсоне. Финансовые, налоговые, податные вопросы здесь решали тоже представители византийской администрации. Находка на Мангупе моливдула императорского логофета, патрикия Дорофея, скорее всего, главы налогового ведомства государства во второй четверти VII в., ответственного за поземельный налог и прочие доходы, недвусмысленно указывает на распространение здесь имперской податной системы, в сети которой попали федераты (Герцен, Алексеенко 2001: 91—92). О контроле со стороны официального Константинополя говорит и отправленный сюда моливдовул одного из василевсов VII в. (Герцен 2003: 18). При этом для общения с алано-готским контингентом существовали упомянутые выше особые штатные переводчики — ерминевты, две печати которых тоже зафиксированы среди херсонских сфрагистических материалов. К VIII в. такие чиновники вошли в структуру важнейшей логофессии дрома, своего рода министерство иностранных дел и внешней разведки (Oikonomides 1972: 312). Все эти экономические, политические и идеологические средства объективно действовали в сторону скорейшей интеграции местного варварского населения в этнически пестрый, с полутонами подвластности, но по сути единый состав Романии, и вели к образованию в Таврике архонтий.

В представлении ромеев Херсон действительно находился на краю Византии, на крайних пределах Империи, был отдаленным местом. Однако надо учесть, что это понималось именно как отдаленный край, рубеж, но не заброшенная, захолустная окраина, как иногда полагают исследователи. Херсон уже занимал площадь около 29 га, когда на западном участке обороны к нему было сделано солидное приращение из оборонительных стен, добавившее еще 1,2 га (Антонова 1974: 70; 1996: 105). Сухопутная сплошная линия защиты города имела едва ли не рекордную протяженность в Таврике — свыше 2,5 км и, очевидно, была прикрыта оборонительными стенами как с юга и запада, со стороны суши, так и с севера и востока, с моря (Антонова, Рижов 1972: 261). То, что называлось «Херсонития», простиралось еще дальше, вплоть до «хоры Дори», то есть плато и долин Второй (Внутренней) и Третьей гряды Крымских гор, бассейнов рек Черная, Бельбек, Кача и Альма, отчасти южного и юго-восточного побережья полуострова. Едва ли в середине VI в. ее население превышало 60 000 человек (Фирсов 1979: 109). Это соответствует примерно 6000 семей. Если верить указанным выше данным Прокопия, получается, что каждая третья из них могла выставить воина-федерата для службы императору.

Таманская строительная надпись о работах на Боспоре стратилата и дуки Херсона Евпатерия датируется 590 г. и совпадает с находкой на территории херсонесской «цитадели» печати Тиверия Маврикия, которая относится к заключительному этапу его правления — 590—602 гг. (Алексеенко 1999: 147,

№ 7). Здесь, в юго-восточном, особенно хорошо укрепленном углу городища, находился военный гарнизон и, скорее всего, ставка дукса. От этого времени на территории «цитадели» дошли строительные остатки так называемого «дома командира» — по меньшей мере двухэтажного здания недалеко от 19 куртины оборонительных стен и располагавшаяся напротив, перестраивавшаяся в VI и VII вв. баня — валания с системой гипокауста, облицованными цемянкой ванными, горячим, теплым и холодным помещениями, способными принять одновременно 10—15 человек (Сорочан и др. 2003: 66, 69—71). Еще более примечательны обнаруженные в 2005 г. в ходе раскопок экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина строительные остатки здания ранневизантийского фемного претория середины IX в., представлявшего в плане расположенный почти по центру «цитадели» прямоугольник (18,0 × 6,60 м, 118,8 м^2) с тремя расположенными в ряд обширными помещениями площадью соответственно 31, 22 и 23 м^2 (Сорочан 2008: 167—173). Скорее всего, предшествующие ему общественные здания в «цитадели» тоже служили для размещения местных правящих и судебных властей, как это следует из конституции Льва I префекту претория Константину, вероятно, от 471 г., которое было включено в Кодекс Юстиниана в виде действующего государственного закона. Из постановления следовало, что если община, то есть полис, располагал священным дворцом или преторием (*sacra palatia vel praetoria*), тогда управление, судьи обязаны были занимать для обитания не покинутые дома частных лиц, а «…всеми способами заселять (*inhabitare*) священнейшие дворцы или претории, так как эта необходимость побуждается (потребностью) предусматривать их восстановление». При этом преторий предназначался для «…долженствующих быть полученными (от налогоплательщиков) и сохраненными продуктов (*speciebus*) вместо хранилищ, или для дела иной необходимости» (Серов 2004: 418). Под этой необходимостью применительно к Херсону могло подразумеваться размещение правителей и судей (*iudex, iudicans*), а также имперских офицеров, к каковым относились комит, а позже — дукс, архонт и сменивший его стратиг.

Наряду с немногочисленными кадровыми, регулярными полевыми войсками, вооруженные силы города могли дополнять ополченцы, по сути дела, городская милиция, немногим отличавшаяся от арифма прежних баллистариев. Аналогии такой практики достаточно хорошо известны, в том числе и в самом Херсоне IV—V вв. (Зубарь, Сорочан 1998: 119—120), и в целом ряде других ранневизантийских центров. Имперские профессиональные войска в конце VI — начале VII вв. были сосредоточены главным образом на границах, и их не хватало для оказания помощи в организации обороны византийских провинциальных городов, даже самых крупных, горожане которых поэтому были вынуждены сами вооружаться и защищать стены своих городов (ὁ γὰρ δήμος... ὁπλίσθεντες ἐπῖ τὰ τείχα ἀνέεσαν), как это наглядно видно на примере Фессалоники с ее «городским войском» — так называемой стратой полиса (Чудеса св. Димитрия Солунского 1995: 98, §107; 100, §110; 104, §119, 120). Как можно понять со слов автора Чудес св. муч. Димитрия, вспоминавшего о событиях семидневной осады Фессалоники славянами и аварами в 586 г. или 597 г., часть горожан, очевидно, небольшая, была записана в «стратиотские отряды» (ἐν στρατιωτικοίς τετάγμενον λόχοις), но жила в городе, как и некоторые остальные «полисные гоплиты», тяжеловооруженные воины, от случая к случаю выступая оттуда в походы (Lemerle 1979: 136, 19—20; Чудеса Св. Димитрия Солунского 1995: 106. 97—99, §124). Некоторые города во Фракии в самом конце VI в. еще сохраняли дарованное ранее императорское право иметь свой собственный гарнизон во главе со «знатными стратиотами города» (τὴς πόλεως ἐπίσημοι στρατιώται), а значит, определять его численность и состав (Theophanis Chronographia 1883: 274). Таким образом, собственно херсониты тоже могли представлять иррегулярное или полурегулярное воинское формирование, наподобие *exercitus* Рима VII в., где, по данным Книги понтификов, рассказывающей о событиях 640-х гг., воинское содержание — рогу получала вся вооруженная часть населения, пригодная для того, чтобы выступать в составе ополчения, — люди «от мальчика до старика» (De Liber Pontificalis 1886: 328).

Город, подобный Херсону, с населением не менее 6000—7000 человек (Сорочан 1998: 347—348), был способен выставить приблизительно тысячу ополченцев (1:6 — обычное соотношение воинов от числа городского гражданского населения в средневековье). Вероятно, в свое время император Константин Великий в награду за военную помощь Империи не случайно выделил херсонеситам именно такое количество ежегодных воинских пайков — χίλιας ἀννώνας (Константин Багрянородный 1989: 254—255, гл. 53, 147—156). Константин Багрянородный счел при этом важным уточнить, что «…

вплоть доныне (до времени составления источника, которым пользовался император — *С. С.*) их сыновья зачисляются в [этот] отряд (ἐν τῷ ἀριθμῷ) сообразно с состоянием стратии родителей (τῶν γονέων τῆς στρατείας)» (Константин Багрянородный 1989: 254—255, гл. 53, 156—158). Термином «арифмос» византийцы обычно называли воинские отряды, состоявшие из иноземцев, что в данном случае едва ли подходит. Однако запись детей стратиотов в каталоги на место своих отцов действительно рассматривалась как привилегия, по крайней мере, еще в конце VI — VII вв. (Феофан Исповедник 1995: 260 (VI), комм. 123). Вместе с 3000 крымских союзников Империи из числа местных «аланоготов» эти вооруженные силы представляются вполне достаточными по меркам эпохи. Известно, что позже численность состава византийской воинской фемы тоже составляла в среднем 2000—4000 человек (Кучма 1975: 82; Oikonomides 1996: 105—125). В действительности она могла быть еще меньше. Даже такая большая военно-административная область, как Пелопоннес, если исходить из подсчета, проделанного Н. Икономидесом, располагала примерно 1500—2000 стратиотов (Oikonomides 1996: 108—119). К тому же надо учесть, что херсонесские военные силы ни в ранневизантийское время, ни тем более позже не предназначались для осуществления крупномасштабных наступательных операций.

Едва ли Херсона и его крымских периферий могло не коснуться все выше сказанное. Их историческая судьба не являла исключений из общих правил, коим следовало развитие вначале греко-римской, а затем византийской цивилизации. Вероятно, к концу правления Юстиниана, около середины VI в., во всяком случае, не позже времени правления Юстина II, Херсон получил статус византийского дуката, и в постюстиниановское время, как и прочие многочисленные центры Империи, окончательно потерял если не внешние, то внутренние, глубинные античные черты, бесповоротно став типичным пограничным провинциальным городом, проводником миссионерства в Таврике, «столицей» этого полуденного края с пока еще весьма гетероэтничным населением, которое неравномерно, медленно, но неуклонно консолидировалось в военно-политическом и культурном отношении, эволюционируя в сторону «византийского сообщества народов». С точки зрения сложного комплекса материально-технических, военно-организационных, правовых, религиозных факторов, норм и явлений это было типичное военное пограничье, по сути, отделявшее «цивилизованный мир от нецивилизованных варваров» (ср.: Масленников 2003: 257). Как показали последующие столетия, основы разностороннего ромейского влияния, заложенные здесь во второй половине VI — первой половине VII вв., невзирая на демографические сдвиги и перипетии византино-хазарских отношений, оказались столь мощными, что их уже нельзя было поколебать.

Литература

Айбабин А. И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. *МАИЭТ* I, 36—89.

Айбабин А. И. 1999. *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь: Дар.

Айбабин А. И. 2006. Византийская политика в Крыму в конце VI в. *VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Oikos*. Керчь, 5—6.

Алексеенко Н. А. 1999. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов. *Древности 1997—1998*. Харьков, 138—160.

Амброз А. К. 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в. *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Москва: Наука, 8—36.

Амброз А. К. 1995. Юго-Западный Крым. Могильники IV—VII вв. *МАИЭТ* IV, 54—72.

Антонова И. А. 1974. XIV башня оборонительных стен Херсонеса. *Херсонес Таврический. Ремесло и культура*. Киев: Наукова думка, 67—74.

Антонова И. А. 1996. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблема датировки. *ХСб* 7, 101—109.

Антонова І. А., Рижов С. Г. 1972. Оборонний рів та могильник поблизу першої куртини стін Херсонеса. *Археологічні дослідження на Україні в 1969 р.* 4. Київ, 258—264.

Артамонов М. И. 1936. *Очерки древнейшей истории хазар*. Ленинград: АН СССР.

Артамонов М. И. 1962. *История хазар*. Ленинград: АН СССР.

Баранов И. А. 1994. *Таврика в составе Хазарского каганата (середина VII—X вв.)*: Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Киев: ИА НАН Украины.

Бобринский А. А. 1905. *Херсонес Таврический. Исторический очерк*. Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова.

Борисова В. В. 1959. Могильник у высоты «Сахарная головка» (По раскопкам и разведкам 1951 и 1953 годов). *ХСб* 5,169—190.

Бородин О. Р. 2001. *Равеннский экзархат. Византийцы в Италии*. Москва: Алетейя.

Васильев А. А. 1927. Готы в Крыму II. *ИГАИМК* 5, 70—196.

Виноградов А. Ю. 2001. К датировке надписи Юстиниана с Мангупа. *ANAXARSIS. Памяти Ю. Г. Виноградова. ХСб* 11, 67—73.

Войтенко А. А. 2004. Социальный контекст монашеско-

го движения в «Житии преп. Антония Египетского» свт. Афанасия Александрийского. *ВВ* 63 (88), 25—33.

Воронов Ю.Н. 2002. Археологические древности и памятники Абхазии (V—XIV вв.). *Проблемы истории, филологии и культуры* 12, 334—340.

Вус О.В. 2002. Фортифікаційна практика Візантійської імперії в гірскому Криму. «Довгі стіни» Юстиниана. *Народознавчі зошити: Інститут народознавства НАНУ* 3—4 (45—46), 253—262.

Вус О. 2003. Приморські фортеці Візантійської імперії у Південному Криму. *Львівський нац. ун-т ім.І. Франка. Наукови зошити історичного факультету* 5—6, 36—44.

Вус О.В. 2004. Гідротехнічні оборонні комплекси VI ст. у візантійській фортеці Кирк-Ор (Чуфут-Кале). *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международ. науч. конф.* 2. Киев; Судак: Академпериодика, 40—48.

Вус О.В. 2010. *Оборонна доктрина Візантії у Північному Причорномор'ї: Інженерний захист Таврики та Боспора в кінці IV — на початку VII ст.* Львів: Тріада Плюс.

Гадло А.В. 1979. *Этническая история Северного Кавказа IX—X вв.* Ленинград: Наука.

Герцен А.Г. 1984. Крепостное строительство в Юго-Западной Таврике (в связи с проблемой взаимоотношения горных и степных районов). *Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами.* Аннотации докладов. Тбилиси, 86—87.

Герцен А.Г. 1997. Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики. *Византия и Крым. Международная конференция*. Симферополь, 32—35.

Герцен А.Г. 2001. Рассказ о городе Феодоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея. *АДСВ* 32, 258—266.

Герцен А.Г. 2003. Дорос — Феодоро: от ранневизантийской крепости к феодальному городу. В: Поляковская М.А. (отв. ред.). *Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI Научных Сюзюмовских чтений.* Екатеринбург: УрГУ, 17—18.

Герцен А.Г. 2006. Ранневизантийский период в истории Дороса-Мангупа по археологическим данным. *VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Oikos.* Керчь, 67—69.

Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. 2001. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале. *Проблемы истории и археологии Украины. Материалы международной научной конференции.* Харьков: ХОИАО, ХНУ, 91—92.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. 1992. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале. *Проблема истории «пещерных городов» в Крыму*. Симферополь: Таврия, 186—194.

Гийу А. 2005. *Византийская цивилизация*. Екатеринбург: УрГУ.

Гоголев Д.А. 2002. *Города и крепости Византии в VII — первой половине IX в.: эволюция и функции*. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Тюмень: Тюменский государственный университет.

Голофаст Л.А. 2001. Стекло ранневизантийского Херсонеса. *МАИЭТ* VIII, 96—122.

Гумилев Л.Н. 1967. *Древние тюрки*. Москва: АН СССР.

Гурулева В.В. 2004. Золотые монеты Константина V (741—775), найденные в Судаке. *Сугдейский сборник*. Киев; Судак: Академпериодика, 431—438.

Гухман М.М. 1958. *Готский язык*. Москва: АН СССР.

Дайм Ф. 2002. История и археология авар. *МАИЭТ* IX, 272—281.

Залесская В.Н. 1998. Образы небесных вестников на некоторых памятниках прикладного искусства Византии. *АДСВ* 29, 242—251.

Зеленко С.М. 2004. *Торговельне судноплавство середньовічної Таврики (VI—XII ст.)*. Дис. … канд. іст. наук (рукопис). Київ: Київський нац. ун-т.

Зубарь В.М. 2000. Еще раз о Таврическом лимесе. *РА* (2), 52—60.

Зубарь В.М., Сорочан С.Б. 1998. О положении Херсона в конце V—VI вв.: политический и экономический аспекты. *ХСб* 9, 118—132.

Иванов С.А. 1984. Оборона балканских провинций Византии в первой половине VI в. и проникновение варваров на Балканы. *ВВ* 45, 36—54.

Иордан. 1960. *О происхождении и деяниях Гетов. Getica*. Вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. Москва: АН СССР.

Комар А.В. 2004. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье. *Сугдейский сборник*. Киев; Судак: Академпериодика, 168—179.

Косцюшко-Валюжинич К.К. 1907. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году. *ИАК* 25, 87—134.

Кулаковский Ю.А. 1896. К истории Боспора Киммерийского в конце VI века. *ВВ* 3, 4—18.

Кулаковский Ю.А. 1898. Из истории Готской епархии в Крыму в VIII веке. *ЖМНП* 3 (1), 172—181.

Кулаковский Ю.А. 1906. *Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк*. Киев: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К°.

Кулаковский Ю.А. 1912. *История Византии*. Т. 1. Киев: Типо-лит. С.В. Кульшенько.

Кучма В.В. 1975. Из истории византийского военного искусства на рубеже IX—X вв. (структура и численность армейских подразделений). *АДСВ* 12, 76—84.

Кучма В.В. 2002. Византийский военный трактат «De castrametatione». Пер. В.В. Кучмы. *ВВ* 61 (86), 294—308.

Лавров П. 1911. Жития херсонесских святых в греко-славянской письменности. *Памятники христианского Херсонеса* 2, 148—156.

Латышев В.В. 1894. Этюды по византийской эпиграфике. *ВВ* 1 (3—4), 567—672.

Латышев В.В. 1895. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России. *МАР* 17, 32—78.

Латышев В.В. 1896. *Сборник греческих надписей христианских времен из южной России*. Санкт-Петербург.

Латышев В.В. 1901. Надпись о постройке херсонесской стены. *ИАК* 1, 3—14.

Латышев В.В. 1906. Эпиграфические новости из южной России. *ИАК* 18, 94—138.

Латышев В. 1918. Эпиграфические новости из южной России. *ИАК* 65, 4—26.

Майко В.В. 2002. Некоторые аспекты христианизации тюрок Таврики в эпоху средневековья. *Церковная археология Южной Руси*. Симферополь: Таврия, 144—156.

Масленников А.А. 2003. *Древние земляные пограничнооборонительные сооружения Восточного Крыма*. Москва; Тула: Гриф и К.

Менандр 1860: Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой. 1860. Пер. Сп. Дестуниса, прим. Г. Дестуниса. *Византийские историки*. Санкт-Петербург, 361—482.

Миланова А. 2004. Типология на укрепените селища в България под византийска власт (според лек-

сиката на византийските автори). *Civitas Divino-Humana.* В чест на професор Г. Бакалов. София: БАН, 238—254.

Могаричев Ю.М. 2000. Средневековый Крым. *Древний и средневековый Крым.* Симферополь: Таврия, 86—164.

Могаричев и др. 2009: Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. 2009. *Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени*. Симферополь: АнтиквА.

Монемвасийская хроника. 1995. В: *Свод древнейших письменных известий о славянах* 2. Москва: Восточная литература, 327—330.

Мыц В.Л. 1991. *Укрепления Таврики X—XV вв.* Киев: Наукова думка.

Николаева Э.Я. 1984. *Боспор после гуннского нашествия*. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Москва: ИА АН СССР.

Новиченков В.И., Новиченкова Н.Г. 2003. Об исторической топографии «готской земли» в Крыму. *Восток — Запад: межконфессиональный диалог*. Севастополь, 34—38.

Оболенский Д. 1998. *Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов*. Москва.

Овчаров Д. 1982. *Византийски и български крепости V—X в.* София: БАН.

Отчет за 1905 год: Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Д. 14.

Панченко Б.А. 1906. Шесть моливдовулов из Парфенита. *ИАК* 18, 158—165.

Пиоро И.С. 1990. *Крымская Готия*. Киев: Наукова думка.

Плетнева С.А. 1986. *Хазары*. Москва: Наука.

Производство 1918: Производство археологических раскопок. 1918. Таврическая губерния. Раскопки в Мангупе. *Отчеты Археологической комиссии за 1913—1915 годы*. Петроград, 63—89.

Прокопий из Кесарии. 1950. *Война с готами*. Пер. с греч. С.П. Кондратьева. Москва: АН СССР.

Репников Н.И. 1932. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—1929 гг. *ИГАИМК* 12, 116—169.

Сазанов А.В. 1999. *Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени*. Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Москва: МГУ.

Серов В.В. 2004. *Законодательные памятники административной и финансовой политики ранней Византии*. Пер., коммент, прим. В.В. Серова. Ч. 1: *Период 364—491 гг.* Барнаул: Азбука.

Сидоренко В.А. 1991. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму. *МАИЭТ* II, 106—119.

Соколова И.В. 1991. Византийские печати VI — первой половины IX вв. из Херсонеса. *ВВ* 52, 198—210.

Соколова И.В. 1996. Византийские печати из Херсонеса. *Византия и средневековый Крым.* АДСВ 26, 187—196.

Соломоник Э.И. 1986. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма. *ВВ* 47, 202—218.

Сорочан С.Б. 1998. *Византия IV—IX веков: этюды рынка*. Харьков: Бизнес Информ.

Сорочан С.Б. 2008. О дуках византийской Таврики и их моливдулах. *Сугдейский сборник* 3. Киев; Судак: Академпериодика, 200—216.

Сорочан С.Б. 2008а. Византийский преторий IX в. в «цитадели» Херсона. В: Малахов С.Н., Барабанов Н.Д. (отв. ред.). *Στρατηγος. Сборник статей в честь Владимира Васильевича Кучмы*. Армавир: Армавирский гос. педагогический ун-т, 167—173.

Сорочан С.Б. 2013. Еще раз о дуках ранневизантийского Херсона и Боспора. В: Вахтина М.Ю. и др. (ред.). *Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке*. Материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург: Нестор-История, 334—338.

Сорочан С.Б. 2013а. *Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры*. Ч. 1. Харьков; Москва: Русский фонд содействия образованию и науке.

Сорочан и др. 2003: Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. 2003. *Херсонес — Херсон — Корсунь*. Киев: Стилос.

Талис Д.Л. 1961. Некоторые проблемы истории средневековой Таврики и литература последних лет. *ВВ* 19, 251—264.

Тиханова М.А. 1953. Базилика. *МИА* 34, 369—398.

Тиханова М.А. 1953а. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма. *МИА* 34, 309—368.

Удальцова З.В. 1959. *Италия и Византия в VI веке*. Москва: АН СССР.

Удальцова З.В. 1989. Дипломатия Византии. В: Удальцова З.В., Литаврин Г.Г., Аверинцев С.С. (ред.). *Культура Византии.* Т. 2. *Вторая половина VII — XII вв*. Москва: Наука, 236—264.

Ушаков С.В., Филиппенко А.А. 2003. Некоторые типы краснолаковой посуды из раскопок могильника Карши-Баир. *Восток — Запад: межконфессиональный диалог*. Севастополь: Стрижак-Пресс, 27—34.

Феофан Византиец. 1860. Выписки из истории Феофана. Пер. Сп. Дестуниса, прим. Г. Дестуниса. *Византийские историки*. Санкт-Петербург, 483—496.

Феофан Исповедник. 1995. *Свод древнейших письменных известий о славянах* 2. Сост. С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. Москва: Восточная литература, 259—264.

Феофилакт Симокатта. 1996. *История*. Пер. С.П. Кондратьева. Москва: Арктос.

Филиппенко В.Ф. 1997. *Каламита — Инкерман: крепость и монастырь*. Севастополь.

Фирсов Л.В. 1979. О положении страны Дори в Таврике. *ВВ* 40, 106—113.

Хайрединова Э.А. 2006. Влияние византийской моды на костюм варваров юго-западного Крыма в VI—VII вв. *VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Oikos*. Керчь: Крымское отделение Ин-та востоковедения НАНУ, 321—322.

Херсонес Таврический 2004: *Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. — VI в.н.э. Очерки истории и культуры*. 2004. Харьков: Майдан.

Храпунов М.І. 2000. Адміністрація Херсона наприкінці IV—VI ст. *Археологія* (1), 57—64.

Храпунов Н.И. 2004. Администрация византийского Боспора в VI веке. *V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы.* Керчь: Крымское отделение Ин-та востоковедения НАНУ, 379—381.

Храпунов Н.И. 2011. К дискуссии о должности дуки Херсона. *ВВ* 70 (95), 37—50.

Цукерман К. 1994. Епископы и гарнизон Херсона в IV веке. *МАИЭТ* IV, 556—564.

Чичуров И.С. 1980. *Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий*. Москва: Наука.

Чудеса св. Димитрия Солунского. 1995. В: Иванов С.А., Литаврин Г.Г., Ронин В.К. (сост.). *Свод древней-*

ших письменных известий о славянах 2. Москва: Восточная литература, 95—107.
Шабашов А.В., Шабашова М.Н. 2004. Этнонимия и антропонимия праболгар как источник реконструкции их ранней истории. *Сугдейский сборник*. Киев; Судак: Академпериодика, 378—384.
Шандровская В.С. 2005. Византийские печати переводчиков. В: Якубский В.Я. (ред.). *Albo dies notanda lapillo; коллеги и ученики Г.Е. Лебедевой*. Санкт-Петербург: Алетейя, 109—115.
Шестаков С.П. 1908. Очерки по истории Херсонеса в VI—X веках по Р.Хр. *Памятники христианского Херсонеса* (3). Москва.
Якобсон А.Л. 1954. Византия в истории раннесредневековой Таврики. *СА* 21, 148—165.
Якобсон А.Л. 1959. *Раннесредневековый Херсонес*. МИА 63.
Якобсон А.Л. 1964. *Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры*. Москва; Ленинград: Наука.
Βακαλόπουλος Α. Ε. 1983. *Ιστορία της Θεσσαλονίκης*. Θεσσαλονίκη: Σταμούλης Αντ.
Bortoli A., Kazanski M. 2002. Cherson and Its Region. In: Laiou A. E. (ed.). *The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century*. Washington D.C., 659—665.
Bury J.B. 1911. *The Imperial Administrative System in the Ninth Century with a Revised Text of the Kletorologion of Philothees*. London: Oxford University Press.
Codex Iustinianus 1895: *Corpus juris civilis*. 1895. Vol. 2. (Rec. P. Krueger). Berolini: Apud Weidmannos.
Das Strategikon des Mauricius. 1981. Dennis G.T., Gamillscheg E. (eds.). Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.
De Liber Pontificalis. 1886. Texte, introd. et comment. par l'abbé L. Duchesne (1). Paris: E. Thorin.
Dunn A. 1994. The Transition from polis to kastron in the Balkans (III—VII cc.): General and Regional Perspectives. *Byzantine and Modern Greek Studies* 18, 60—80.
Durliat J. 1979. Magister militum — Stratelates dans l'Empire Byzantin (VIe—VIIe siècles). *Byzantinische Zeitschrift* 72, 306—320.
Feissel D. 1987. Nouvelles données sur l'institution du pater tes poleos. In: Dagron G., Feissel D. *Inscriptions de Cilicie*. Paris, 216—228.
Haldon J. 1999. The Idea of the Town in the Byzantine Empire. In: Brogiolo G., Ward-Perkins (eds.). *The Idea and Ideal of the Town between Late Antiquity and the Early Middle Ages*. Leiden; Boston; Köln, 12—18.
Gregory T. 1992. Kastro and Diateichisma as Responses to Early Byzantine Frontier Collapse. *Byzantion* 62, 249—262.
Grosse R. 1920. *Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung*. Berlin: Arno Press.
Ioannis Malalae 1831. Chronographia ex rec. L. Dindorfii. Bonnae: Weber.
Jones A.H.M. 1964. The Later Roman Empire. 284—602: A Social, Economic and Administrative Survey. 3 vols. In: Heichelheim F. M. (ed.). *Journal of Roman Studies* 55. Oxford: Basil Blackwell.
Každan A. 1991. Doux. *The Oxford Dictionary of Byzantium* 1. New York; Oxford: Oxford University Press, 659.
Kazhdan A. 1995. Byzantine Town and Trade as Seen by Niketas Choniates. *Byzantinoslavica* 56/1, 207—218.
Lefort J. 1983. *Villages de Macedoine* 1. *La Chalcidique occidentale*. Paris: Boccard.
Lemerle P. 1979. *Les plus anciens recueils des miracles de Saint Demetrius et la pénétration des Slaves dans les Balkans* 1. *Le Texte*. Paris: CNRS.
Menandr 1871: Menandri Fragmenta. 1871. In: Dindorf L. (ed.). *Historici graeci minores* (2). Lipsiae: Teubner, 1—118.
Miller D.A. 1969. *Imperial Constantinople*. New York: J. Willey and sons.
Moravcsik Gy. 1958. *Byzantinoturcica* 2. Berlin: Akademie Verlag.
Oikonomides N. 1972. *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles*. Paris: CNRS.
Oikonomides N. 1996. The Social Structure of the Byzantine Countryside in the First Half of the Xth Century. *Symmeikta* (10). Athena, 105—125.
Ostrogorsky G. 1936. Die byzantinische Staatenhierarchie. *Seminarium Kondakovianum* (8). Praha, 41—61.
Procopii Caesariensis 1964: *Procopii Caesariensis Opera omnia*. 1964. Rec. J. Haury, G. Wirth. 4: *Peri Ktismaton libri VI sive de aedificiis*. Lipsiae: Teubner.
Ruggendorfer P. 1996. Zum Kaisareion von Alexandria. *FREMDE ZEITEN. Festschrift für Jürgen Borchhardt zum sechzigsten Geburtstag am 25. Februar 1996 dargebracht von Kollegen, Schülern und Freunden* 2. Wien, 213—223.
Stein E. 1919. *Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius — Constantinus*. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung.
Synesii 1863: Synesii episcopi Cyrenes. 1863. Opera quae extant omnia. Ed. et interpreteter D. Petavio. *Patrologiae cursus completus. Series graeca, accurente J.P. Migne. Patrologia graeca* 66, 1210—1674.
Theophylacti Simocattae 1834: *Theophylacti Simocattae historiarum libri octo* 1834. Rec. I. Bekkeri. Bonnae: Weber.
Theophanis Chronographia 1883. Rec. C. de Boor. Vol.1: *Textum graecum continens*. Lipsiae: Teubner.
Treadgold W. 1997. *A History of the Byzantine State and Society*. Stanford: Calif.
Vasiliev A.A. 1936. *The Goths in the Crimea*. Cambridge (Mass.): The Mediaeval Academy of America.
Winkelmann F. 1985. *Byzantinische Rang- und Amterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert*. Berlin: Akadem. Verlag.

References

Aibabin, A.I. 1990. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* I, 36—89 (in Russian).
Aibabin, A.I. 1999. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma (Ethnical History of Early Byzantine Crimea)*. Simferopol: "Dar" Publ. (in Russian).
Aibabin, A.I. 2006. In *VII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Oikos (7th Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and Barbarian World in Antiquity and Middle Ages. Oikos)*. Kerch, 5—6 (in Russian).
Alekseenko, N.A. 1999. In *Drevnosti 1997—1998 (Antiquities 1997—1998)*. Kharkov, 138—160 (in Russian).
Ambroz, A.K. 1981. In *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 8—36 (in Russian).
Ambroz, A.K. 1995. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Proceedings on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* IV, 54—72 (in Russian).
Antonova, I.A. 1974. In *Khersones Tavricheskii. Remeslo i kul'tura (Tauric Chersonese. Craft and Culture)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 67—74 (in Russian).

Antonova, I.A. 1996. In *Khersonesskii sbornik (Chersonessos Collected Works)* 7, 101—109 (in Russian).

Antonova, I.A., Ryzhov, S.H. 1972. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni v 1969 g. (Archaeological Investigations in Ukraine in 1969).* 4. Kiev, 258—264 (in Ukrainian).

Artamonov, M.I. 1936. *Ocherki drevneishei istorii khazar (Sketches on the Earliest History of Khazars).* Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Artamonov, M.I. 1962. *Istoriia khazar (The History of Khazars).* Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Baranov, I.A. 1994. *Tavrika v sostave Khazarskogo kaganata (seredina VII—X vv.) (Taurica as Part of Khazarian Khaganate (Middle of 7th — 10th cc.))*: Dokt. diss. Kiev: Archaeology Institute of Ukraine National Academy of Sciences (in Russian).

Bobrinskii, A.A. 1905. *Khersones Tavricheskii. Istoricheskii ocherk (Tauric Chersonese. Historical Essay).* Saint Petersburg: "I.N. Skorokhodov" Publ. (in Russian).

Borisova, V.V. 1959. In *Khersonesskii sbornik (Chersonessos Collected Works)* 5,169—190 (in Russian).

Borodin, O.R. 2001. *Ravennskii ekzarkhat. Vizantiitsy v Italii (Exarchate of Ravenna. The Byzantians in Italy).* Moscow: "Aleteia" Publ. (in Russian).

Vasil'ev, A.A. 1927. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 5, 70—196 (in Russian).

Vinogradov, A. Iu. 2001. In *ANAXARSIS. Pamiati Iu.G. Vinogradova. (ANAXARSIS. In memory of Yu.G. Vinogradov). Khersonesskii sbornik (Chersonessos Collected Works)* 11, 67—73 (in Russian).

Voitenko, A.A. 2004. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 63 (88), 25—33 (in Russian).

Voronov, Iu.N. 2002. In *Problemy istorii, filologii i kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 12, 334—340 (in Russian).

Vus, O.V. 2002. In *Narodoznavchi zoshyty: Instytut narodoznavstva NANU (Ethnological Notebooks: Ukraine National Academy of Sciences, Institute of Ethnology)* 3—4 (45—46), 253—262 (in Ukrainian).

Vus, O. 2003. In *L'vivs'kyj nats. un-t im.I. Franka. Naukovy zoshyty istorychnoho fakul'tetu (Ivan Franko National University of Lviv. Academic Notebooks of History Faculty)* 5—6, 36—44 (in Ukrainian).

Vus, O.V. 2004. In *Prychernomor'e, Krym, Rus' v ystoryy y kul'ture (Pontic Area, Crimea, Rus' in History and Culture)* 2. Kiev; Sudak: "Akademperyodyka" Publ., 40—48 (in Ukrainian).

Vus, O.V. 2010. *Oboronna doktryna Vizantiï u Pivnychnomu Prychornomor'ï: Inzhenernyj zakhyst Tavryky ta Bospora v kintsi IV — na pochatku VII st. (Defense Doctrine of Byzantium in Northern Pontic Area: Engineering Defense of Taurica and Bosporus in late 4th — early 7th cc.).* Lvov: "Triada Plyus" Publ. (in Ukrainian).

Gadlo, A.V. 1979. *Etnicheskaia istoriia Severnogo Kavkaza IX—X vv. (Ethnic History of Northern Caucasus in 9th — 10th cc.).* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gertsen, A.G. 1984. In *Dushetskaia nauchnaia konferentsiia, posviashchennaia probleme vzaimootnoshenii mezhdu gornymi i ravninnymi regionami (Dusheti Conference Dedicated to the Interaction between Mountains and Valley Regions).* Tbilisi, 86—87 (in Russian).

Gertsen, A.G. 1997. In *Vizantiia i Krym. Mezhdunarodnaia konferentsiia (Byzantine Empire and Crimea. International Conference).* Simferopol, 32—35 (in Russian).

Gertsen, A.G. 2001. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 32, 258—266 (in Russian).

Gertsen, A.G. 2003. In *Kumuliatsiia i transliatsiia vizantiiskoi kul'tury. Materialy XI Nauchnykh Siuziumovskikh chtenii (Cumulation and Translation of Byzantine Culture. Proceedings of the XI Academic Syuzyumov Readings).* Yekaterinburg: Ural State University, 17—18 (in Russian).

Gertsen, A.G. 2006. In *VII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Oikos (7th Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and Barbarian World in Antiquity and Middle Ages. Oikos).* Kerch, 67—69 (in Russian).

Gertsen, A.G., Alekseenko, N.A. 2001. In *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Problems of History and Archaeology of Ukraine: Materials of the International Scientific Conference).* Kharkov: Kharkov National University V.N. Karazin, 91—92 (in Russian).

Gertsen, A.G., Mogarichev, Iu.M. 1992. In *Problema istorii «peshchernykh gorodov» v Krymu (History of 'cave towns' in the Crimea).* Simferopol: "Tavriia" Publ., 186—194 (in Russian).

Guillou, A. 2005. *Vizantiiskaia tsivilizatsiia (Byzantine Civilization).* Yekaterinburg: Ural State University (in Russian).

Gogolev, D.A. 2002. *Goroda i kreposti Vizantii v VII — pervoi polovine IX v.: evoliutsiia i funktsii (Cities and Fortresses of Byzantium in 7th — First Half of 9th cc.: Evolution and Functions).* PhD Thesis. Tyumen: Tyumen State University (in Russian).

Golofast, L.A. 2001. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Proceedings on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* VIII, 96—122 (in Russian).

Gumilev, L.N. 1967. *Drevnie tiurki (Ancient Turks).* Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Guruleva, V.V. 2004. In *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Works).* Kiev; Sudak: Akademperiodika, 431—438 (in Russian).

Gukhman, M.M. 1958. *Gotskii iazyk (The Gothic Language).* Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Daim, F. 2002. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Proceedings on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* IX, 272—281 (in Russian).

Zalesskaia, V.N. 1998. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 29, 242—251 (in Russian).

Zelenko, S.M. 2004. *Torhovel'ne sudnoplavstvo seredn'ovichnoï Tavryky (VI—XII st.) (Commercial Navigation in Medieval Taurica (6th — 12th cc.)).* PhD Thesis. Kiev: Kiev National University (in Ukrainian).

Zubar', V.M. 2000. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 52—60 (in Russian).

Zubar', V.M., Sorochan, S.B. 1998. In *Khersonesskii sbornik (Chersonessos Collected Works)* 9, 118—132 (in Russian).

Ivanov, S.A. 1984. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 45, 36—54 (in Russian).

Jordanes. 1960. *O proiskhozhdenii i deianiiakh Getov. Getica (De origine actibusque Getarum. Getica).* Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Komar, A.V. 2004. In *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Works).* Kiev; Sudak: "Akademperiodika" Publ., 168—179 (in Russian).

Kostsiushko-Valiuzhinich, K.K. 1907. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 25, 87—134 (in Russian).

Kulakovskii, Iu.A. 1896. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 3, 4—18 (in Russian).

Kulakovskii, Iu.A. 1898. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia (Journal of the Ministry of Popular Education)* 3 (1), 172—181 (in Russian).

Kulakovskii, Iu.A. 1906. *Proshloe Tavridy. Kratkii istoricheskii ocherk (The Past of Taurida. Brief Historical Essay).* Kiev: "I.N. Kushnerev i K°" Publ. (in Russian).

Kulakovskii, Iu.A. 1912. *Istoriia Vizantii (History of Byzantium)* 1. Kiev: "S.V. Kul'zhen'ko" Publ. (in Russian).

Kuchma, V.V. 1975. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 12, 76—84 (in Russian).

Kuchma, V.V. 2002. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 61 (86), 294—308 (in Russian).

Lavrov, P. 1911. In *Pamiatniki khristianskogo Khersonesa (Sites of Christian Chersonesos)* 2, 148—156 (in Russian).

Latyshev, V.V. 1894. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 1 (3—4), 567—672 (in Russian).

Latyshev, V.V. 1895. In *Materialy po arkheologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia)* 17, 32—78 (in Russian).

Latyshev, V.V. 1896. *Sbornik grecheskikh nadpisei khristianskikh vremen iz iuzhnoi Rossii (A Collection of Greek Inscriptions from Christian Times Found in Southern Russia).* Saint Petersburg (in Russian).

Latyshev, V.V. 1901. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 1, 3—14 (in Russian).

Latyshev, V.V. 1906. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 18, 94—138 (in Russian).

Latyshev, V.V. 1918. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 65, 4—26 (in Russian).

Maiko, V.V. 2002. In *Tserkovnaia arkheologiia Iuzhnoi Rusi (Church Archaeology of Southern Rus')*. Simferopol: "Tavriia" Publ., 144—156 (in Russian).

Maslennikov, A.A. 2003. *Drevnie zemlianye pogranichno-oboronitel'nye sooruzheniia Vostochnogo Kryma (Ancient Earth Frontier and Defensive Structures in the East Crimea)*. Moscow; Tula: "Grif I K" Publ. (in Russian).

Menandra Vizantiitsa prodolzhenie istorii Agafievoi (History of Menander the Guardsman). 1860. In *Vizantiiskie istoriki (Byzantine Historians)*. Saint Petersburg, 361—482 (in Russian).

Milanova, A. 2004. In *Civitas Divino-Humana*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 238—254 (in Bulgarian).

Mogarichev, Iu.M. 2000. In *Drevnii i srednevekovyi Krym (Ancient and Medieval Crimea)*. Simferopol: "Tavriia", 86—164 (in Russian).

Mogarichev, Iu.M., Sazanov, A.V., Stepanova, E.V., Shaposhnikov, A.K. 2009. *Zhitie Stefana Surozhskogo v kontekste istorii Kryma ikonoborcheskogo vremeni (The Life of Stephan of Surozh in the Context of the Iconoclastic Time in the Crimean History)*. Simferopol: "AntikvA" Publ. (in Russian).

Monemvasiiskaia khronika (Chronicle of Monemvasia). 1995. In *Svod drevneishikh pis'mennykh izvestii o slavianakh (Collection of the Earliest Written Accounts on the Slavs)* 2. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 327—330 (in Russian).

Myts, V.L. 1991. *Ukrepleniia Tavriki X—XV vv. (Fortifications of Taurica in the 10th—15th Centuries)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Nikolaeva, E. Ia. 1984. *Bospor posle gunnskogo nashestviia (Bosporus after the Huns' Invasion)*. PhD Thesis. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute of Archaeology (in Russian).

Novichenkov, V.I., Novichenkova, N.G. 2003. In *Vostok — Zapad: mezhkonfessional'nyi dialog (East — West: Inter-Confessional Dialog)*. Sevastopol, 34—38 (in Russian).

Obolenskii, D. 1998. *Vizantiiskoe sodruzhestvo natsii. Shest' vizantiiskikh portretov (Byzantine Commonwealth. Six Byzantine Portraits)*. Moscow (in Russian).

Ovcharov, D. 1982. *Vizantijski i bălgarski kreposti V—X v. (Byzantine and Bulgarian Fortresses of 5th — 10th cc.)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).

Otchet za 1905 god (Report for 1905). Archive of the National Preserve of Tauric Chersonesos. Dossier 14 (in Russian).

Panchenko, B.A. 1906. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 18, 158—165 (in Russian).

Pioro, I.S. 1990. *Krymskaia Gotiia (Crimean Gothia)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Pletneva, S.A. 1986. *Khazary (Khazars)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Proizvodstvo arkheologicheskikh raskopok. 1918. In *Otchety Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1913—1915 gody (Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1913—1915)*. Petrograd, 63—89 (in Russian).

Procopius of Caesarea. 1950. *Voina s gotami (Gothic War)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Repnikov, N.I. 1932. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 12, 116—169 (in Russian).

Sazanov, A.V. 1999. *Goroda i poseleniia Severnogo Prichernomor'ia rannevizantiiskogo vremeni (Towns and Settlements of Northern Pontic Region in the Early Byzantine Period)*. Doct. Diss. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Serov, V.V. 2004. *Zakonodatel'nye pamiatniki administrativnoi i finansovoi politiki rannei Vizantii (Legislative Sources of Administrative and Financial Politics of the Early Byzantium)*. Part 1: *Period 364—491 gg. (Period of 364—491)*. Barnaul: "Azbuka" Publ. (in Russian).

Sidorenko, V.A. 1991. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Proceedings on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* II, 106—119 (in Russian).

Sokolova, I.V. 1991. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 52, 198—210 (in Russian).

Sokolova, I.V. 1996. In *Vizantiia i srednevekovyi Krym*. Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages) 26, 187—196 (in Russian).

Solomonik, E.I. 1986. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 47, 202—218 (in Russian).

Sorochan, S.B. 1998. *Vizantiia IV—IX vekov: etiudy rynka (Byzantium of 4th — 9th cc.: Market Etudes)*. Kharkov: "Biznes Inform" Publ. (in Russian).

Sorochan, S.B. 2008. In *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Works)* 3. Kiev; Sudak: "Akademperiodika" Publ., 200—216 (in Russian).

Sorochan, S.B. 2008. In *Στρατηγος. Sbornik statei v chest' Vladimira Vasil'evicha Kuchmy (Στρατηγος. Collection of Papers in Honor of Vladimir Vasil'evich Kuchma)*. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 167—173 (in Russian).

Sorochan, S.B. 2013. In *Bosporskii fenomen. Greki i varvary na evraziiskom perekrestke (The Phenomenon of Bosporan Kingdom. Greeks and Barbarians on the Crossroads of Eurasia)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 334—338 (in Russian).

Sorochan, S.B. 2013. *Vizantiiskii Kherson (vtoraia polovina VI — pervaia polovina Kh vv.). Ocherki istorii i kul'tury (Byzantine Chersonessos (Second Half of 6th — First Half of 10th cc.). Essays on History and Culture)*. Part 1. Kharkov; Moscow: The Russian Foundation for Support to Education and Science (in Russian).

Sorochan, S.B., Zubar', V.M., Marchenko, L.V. 2003. *Khersones — Kherson — Korsun'(Chersonesos — Kherson — Korsun')*. Kiev: "Stilos" Publ. (in Russian).

Talis, D.L. 1961. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 19, 251—264 (in Russian).

Tikhanova, M.A. 1953. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology)* 34, 369—398 (in Russian).

Tikhanova, M.A. 1953. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology)* 34, 309—368 (in Russian).

Udal'tsova, Z.V. 1959. *Italiia i Vizantiia v VI veke (Italy and Byzantium in 6th c.)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Udal'tsova, Z.V. 1989. In *Kul'tura Vizantii (Culture of Byzantium)*. Vol. 2. *Vtoraia polovina VII—XII vv. (Second Half of 7th — 12th cc.)*. Moscow: "Nauka" Publ., 236—264 (in Russian).

Ushakov, S.V., Filippenko, A.A. 2003. In *Vostok — Zapad: mezhkonfessional'nyi dialog (East — West: Inter-Confessional Dialog)*. Sevastopol: "Strizhak-Press" Publ., 27—34 (in Russian).

Theophanes of Byzantium. 1860. In *Vizantiiskie istoriki (Byzantine Historians)*. Saint Petersburg, 483—496 (in Russian).

Theophanes the Confessor. 1995. *Svod dreVneishikh pis'mennykh izvestii o slavianakh (Collection of the Earliest Written Accounts on the Slavs)* 2. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 259—264 (in Russian).

Theophylact Simocatta. 1996. *Istoriia (History)*. Moscow: "Arktos" Publ. (in Russian).

Filippenko, V.F. 1997. *Kalamita — Inkerman: krepost' i monastyr' (Kalamita — Inkerman: Fortress and Monastery)*. Sevastopol (in Russian).

Firsov, L.V. 1979. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 40, 106—113 (in Russian).

Khairedinova, E.A. 2006. In *VII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Oikos (7th Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and Barbarian World in Antiquity and Middle Ages. Oikos)*. Kerch: Crimean Branch of the Institute for Oriental Studies, NASU, 321—322 (in Russian).

Khersones Tavricheskii v seredine I v. do n.e.— VI v.n. e. Ocherki istorii i kul'tury (Tauric Chersonesos in the Middle 1st c. BC — 6th c. AD. Essays on History and Culture). 2004. Kharkov: "Maidan" Publ. (in Russian).

Khrapunov, M.I. 2000. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1), 57—64 (in Ukrainian).

Khrapunov, N.I. 2004. In *V Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeri-*

iskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Etnicheskie protsessy (Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia (5th Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and Barbarian World in Antiquity and Middle Ages. Ethnic Processes). Kerch: Crimean Branch of the Institute for Oriental Studies, NASU, 379—381 (in Russian).

Khrapunov, N.I. 2011. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 70 (95), 37—50 (in Russian).

Zuckerman, K. 1994. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Proceedings on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* IV, 556—564 (in Russian).

Chichurov, I.S. 1980. *Vizantiiskie istoricheskie sochineniia: «Khronografiia» Feofana, «Breviarii» Nikifora. Teksty, perevod, kommentarii*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chudesa sv. Dimitriia Solunskogo (Miracles of Saint Demetrius of Thessaloniki). 1995. In *Svod drevneishikh pis'mennykh izvestii o slavianakh (Collection of the Earliest Written Accounts on the Slavs)* 2. Moscow: Vostochnaia literatura, 95—107 (in Russian).

Shabashov, A.V., Shabashova, M.N. 2004. In *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Works)*. Kiev; Sudak: "Akademperiodika" Publ., 378—384 (in Russian).

Shandrovskaia, V.S. 2005. In *Albo dies notanda lapillo; kollegi i ucheniki G.E. Lebedevoi (Albo dies notanda lapillo; G.E. Lebedeva's Colleagues and Disciples)*. Saint Petersburg: "Aleteia" Publ., 109—115 (in Russian).

Shestakov, S.P. 1908. In *Pamiatniki khristianskogo Khersonesa (Monuments of Christian Chersonessos)* (3). Moscow (in Russian).

Yakobson, A.L. 1954. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* 21, 148—165 (in Russian).

Yakobson, A.L. 1959. *Rannesrednevekovyi Khersones (Early Medieval Chersonese)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Researches in Archaeology) 63 (in Russian).

Yakobson, A.L. 1964. *Srednevekovyi Krym. Ocherki istorii i istorii material'noi kul'tury (The Medieval Crimea. Essays of History and the History of Material Culture)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Βακαλόπουλος, Α. Ε. 1983. *Ιστορία της Θεσσαλονίκης*. Θεσσαλονίκη: Σταμούλης Αντ.

Bortoli, A., Kazanski, M. 2002. Cherson and Its Region. In: Laiou A. E. (ed.). *The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century*. Washington D.C., 659—665.

Bury, J.B. 1911. *The Imperial Administrative System in the Ninth Century with a Revised Text of the Kletorologion of Philothees*. London: Oxford University Press.

Corpus juris civilis. 1895. Vol. 2. (Rec. P. Krueger). Berolini: Apud Weidmannos.

Das Strategikon des Mauricius. 1981. Dennis G.T., Gamillscheg E. (eds.). Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.

De Liber Pontificalis. 1886. Texte, introd. et comment. par l'abbé L. Duchesne (1). Paris: E. Thorin.

Dunn, A. 1994. The Transition from polis to kastron in the Balkans (III—VII cc.): General and Regional Perspectives. *Byzantine and Modern Greek Studies* 18, 60—80.

Durliat, J. 1979. Magister militum — Stratelates dans l'Empire Byzantin (VIe—VIIe siècles). *Byzantinische Zeitschrift* 72, 306—320.

Feissel, D. 1987. Nouvelles données sur l'institution du pater tes poleos. In: Dagron G., Feissel D. *Inscriptions de Cilicie*. Paris, 216—228.

Haldon, J. 1999. The Idea of the Town in the Byzantine Empire. In: Brogiolo G., Ward-Perkins (eds.). *The Idea and Ideal of the Town Between Late Antiquity and the Early Middle Ages*. Leiden; Boston; Köln, 12—18.

Gregory, T. 1992. Kastro and Diateichisma as Responses to Early Byzantine Frontier Collapse. *Byzantion* 62, 249—262.

Grosse, R. 1920. *Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung*. Berlin: Arno Press.

Ioannis Malalae 1831. Chronographia ex rec. L. Dindorfii. Bonnae: Weber.

Jones, A.H.M. 1964. The Later Roman Empire. 284—602: A Social, Economic and Administrative Survey. 3 vols. In: Heichelheim F. M. (ed.). *Journal of Roman Studies* 55. Oxford: Basil Blackwell.

Každan, A. 1991. Doux. *The Oxford Dictionary of Byzantium* 1. New York; Oxford: Oxford University Press, 659.

Kazhdan, A. 1995. Byzantine Town and Trade as Seen by Niketas Choniates. *Byzantinoslavica* 56/1, 207—218.

Lefort, J. 1983. *Villages de Macedoine* 1. *La Chalcidique occidentale*. Paris: Boccard.

Lemerle, P. 1979. *Les plus anciens recueils des miracles de Saint Demetrius et la pénétration des Slaves dans les Balkans* 1. *Le Texte*. Paris: CNRS.

Menandri Fragmenta. 1871. In: Dindorf L. (ed.). *Historici graeci minores* (2). Lipsiae: Teubner, 1—118.

Miller, D.A. 1969. *Imperial Constantinople*. New York: J. Willey and sons.

Moravcsik, Gy. 1958. *Byzantinoturcica* 2. Berlin: Akademie Verlag.

Oikonomides, N. 1972. *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles*. Paris: CNRS.

Oikonomides, N. 1996. The Social Structure of the Byzantine Countryside in the First Half of the Xth Century. *Symmeikta* (10). Athena, 105—125.

Ostrogorsky, G. 1936. Die byzantinische Staatenhierarchie. *Seminarium Kondakovianum* (8). Praha, 41—61.

Procopii Caesariensis Opera omnia. 1964. Rec. J. Haury, G. Wirth. 4: *Peri Ktismaton libri VI sive de aedificiis*. Lipsiae: Teubner.

Ruggendorfer, P. 1996. Zum Kaisareion von Alexandria. *FREMDE ZEITEN. Festschrift für Jürgen Borchhardt zum sechzigsten Geburtstag am 25. Februar 1996 dargebracht von Kollegen, Schülern und Freunden* 2. Wien, 213—223.

Stein, E. 1919. *Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius — Constantinus*. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung.

Synesii episcopi Cyrenes. 1863. Opera quae extant omnia. Ed. et interpreteter D. Petavio. *Patrologiae cursus completus. Series graeca, accurente J.P. Migne. Patrologia graeca* 66, 1210—1674.

Theophylacti Simocattae historiarum libri octo 1834. Rec. I. Bekkeri. Bonnae: Weber.

Theophanis Chronographia 1883. Rec. C. de Boor. Vol.1: *Textum graecum continens*. Lipsiae: Teubner.

Treadgold, W. 1997. *A History of the Byzantine State and Society*. Stanford: Calif.

Vasiliev, A.A. 1936. *The Goths in the Crimea*. Cambridge (Mass.): The Mediaeval Academy of America.

Winkelmann, F. 1985. *Byzantinische Rang- und Amterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert*. Berlin: Akadem. Verlag.

Статья поступила в номер 4 апреля 2014 г.

Sergej Sorochan (Kharkov, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. V.N. Karazin Kharkov National University.[1]

Sergej Sorochan (Harkov, Ucraina). Doctor în ştiinţe istorice. Universitatea naţională din Harkov „V.N. Karazin".

Сорочан Сергей Борисович (Харьков, Украина). Доктор исторических наук. Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина.

E-mail: ssoro4an@yandex.ua

Address: [1] Svobody Sq., 4, Kharkov, 61022, Ukraine

А. В. Федорук

Артиллерия в Великой войне 1409—1411 гг.
(по письменным источникам и археологическим материалам)

Keywords: states of Polish-Lithuanian union, Teutonic Order, the Great War, Grunwald, artillery, heavy bombards.

Cuvinte cheie: statele Uniunii Polono-Lituaniene, Ordinul Teutonic, Marele război, Grunwald, artilerie, bombarde grele.

Ключевые слова: государства Ягеллонской унии, Тевтонский орден, Великая война, Грюнвальд, артиллерия, тяжёлые бомбарды.

A. V. Fedoruk

Artillery in the Great War of 1409—1411 (according to written sources and archaeological materials)

The article addresses use of artillery arms in the large armed conflict between the Polish Kingdom and Grand Duchy of Lithuania with the Teutonic Order in early 15th c. The author analyses quantity, types and cost of cannon production in these conflicting European states. He traces also the tactics of fire artillery used in siege operations, as well as peculiarities of its application in the field during the active military campaigns in 1409—1410. The author also notes the impact of the Great War over the beginning of «gunpowder revolution» process in some countries of Central and Eastern Europe.

A. V. Fedoruk

Artileria în Marele război din 1409—1411 (în baza izvoarelor scrise şi a materialelor arheologice)

În articol se analizează utilizarea artileriei în conflictul militar major dintre Regatul Polonez şi Marele Ducat al Lituaniei cu Ordinul Teutonic la începutul sec. XV. Sunt trecute în revistă cantitatea, tipurile şi costurile de producere a tunurilor în aceste state beligerante. Este urmărită tactica de utilizare a artileriei cu foc din cadrul operațiunilor de asediu, precum şi particularitățile de aplicare a acesteia în teren, în timpul ostilităților din 1409—1410. Se poate constata influența Marelui război asupra începutului procesului de „revoluție a pulberii" din unele state ale Europei Centrale şi de Est.

А. В. Федорук

Артиллерия в Великой войне 1409—1411 гг. (по письменным источникам и археологическим материалам)

В статье рассматривается использование артиллерийских орудий в крупном вооружённом конфликте Польского королевства и Великого княжества Литовского с Тевтонским орденом в начале XV в. Анализируется количество, типы и стоимость производства пушек в этих враждующих европейских государствах. Прослеживается тактика использования огнестрельной артиллерии при проведении осадных операций, а также особенности её применения в полевых условиях во время ведения активных военных действий в 1409—1410 гг. Отмечается влияние Великой войны на начало процесса «пороховой революции» в некоторых странах Центральной и Восточной Европы.

«Великая война» Польши и Литвы с Тевтонским орденом как одно из значимых событий первой половины XV в. много раз привлекала внимание исследователей. Между тем до сих пор далеко не полно изучена роль артиллерии в этом крупном вооруженном столкновении европейских государств. Приведенные в настоящей статье весьма скудные свидетельства письменных источников и результаты археологических раскопок позволяют определить место ствольного порохового оружия в «Прусской войне» и её центральном событии — битве под Грюнвальдом 15 июля 1410 г.

Обе воюющие стороны до начала активных действий уже несколько десятилетий использовали пушки. Письменные источники так зафиксировали первые даты, связанные

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© А. В. Федорук, 2014.

с их хранением и применением враждующими государствами: в Ордене — 1374 г. (Schmidtchen 1977: 24, 26; Nowakowski 1991: 84), в Литве — 1382 г. (SRP 1863: 613; Бохан 2002: 184; Jučas 2010: 161) и в Польше — 1383 г. (Kr.JCz. 2006: 116; Górski 1902: 33—34; Szymczak 2004: 15—16). Эти сообщения часто касаются достаточно заметных военных событий, следовательно, первые эксперименты могли произойти и несколько раньше[1], причём период скрытого внедрения огнестрельной артиллерии чаще всего измерялся не десятилетиями, а годами (Кирпичников 1976: 78). В частности, он полностью совпал с первой волной её распространения в Центральной и Восточной Европе, которая привела здесь к началу т. н. «пороховой революции» (Rathgen 1928: 22, 396, 406; Goetz 1985: 10, 14, 16—19; Rogers 1993: 258—272).

Ствольная пороховая артиллерия в конце XIV — начале XV вв.: количество, типы и стоимость орудий

Готовясь к решительному столкновению, Орден с одной стороны, а государства Ягеллонской унии — с другой, постепенно наращивали свои артиллерийские арсеналы. Так, в 1400 г. общее количество разного рода пушек, которые были на вооружении крестоносцев, составляло около 100 единиц (Schmidtchen 1977: 28; Kuczyński 1987: 280; Nadolskie 2008: 29). Уже между 1401 и 1409 гг., когда Тевтонский орден вёл наиболее интенсивные приготовления к войне с Польским королевством и Великим княжеством Литовским, только в оружейной мастерской Мариенбургского замка было выковано и отлито, по меньшей мере, 24 орудийных ствола. Один из них, по сохранившемуся сообщению Прусской хроники продолжателя Посильге, был большого размера — «такого не было во всех немецких землях, ни в Польше, ни в Венгрии» (SRP 1866: 292; Nowakowski 1988: 93—94; Żabiński 2012: 32—36). При этом 1408—1409 гг. были особенно результативными для артиллерии крестоносцев, издержки на производство которой составляли 1475,5 гривен, что в 25 раз превышало траты на изготовление пушек в 1401—1403 гг. (Schmidtchen 1977: 78; Nowakowski 1988: 94; Szymczak 2004: 107, 185). Кроме того, известно, что орудийные стволы разных размеров в это же время производились в литейных мастерских Данцига, Торна, Кульма и Эльбинга (Świętosławski 1993: 20—21; Szymczak 2004: 186). Эти письменные свидетельства достаточно ценны, поскольку дают возможность говорить о значительных переменах, которые произошли в отношении артиллерийского дела у крестоносцев. По некоторым данным, к началу активных военных действий в арсеналах орденских замков накопилось примерно 140 орудий[2] разных типов и калибров (Nowakowski 1988: 113).

В свою очередь количество артиллерии увеличили и государства Ягеллонской унии. Согласно донесению рагнитского комтура великому маршалу Ордена от 27 ноября 1409 г., у Витовта Кейстутовича только в Тракайском замке было 15 орудий, самое большое из которых стреляло каменными ядрами размером с человеческую голову (ММАеН 1882: 204; Jučas 2010: 161). В письме от 14 июня 1410 г. тот же комтур писал, что великий князь литовский давно уже выслал пушки в неизвестном направлении (ММАеН 1882: 209; Kuczyński 1987: 279). Значительное количество разных артиллерийских орудий было и в распоряжении польского короля. Надо отметить, что именно в правление Владислава II Ягайло началось активное развитие артиллерии в Польском королевстве (Górski 1902: 14; Głosek 1990: 156—157; Nadolskie 2010: 76). Здесь пушки производились преимущественно в оружейных мастерских Кракова (Gawęda 1961: 22). По письменным сообщениям, изготовление одного крупного орудия обходилось до 130 гривен, так что это было дорогостоящее для королевского двора дело (Gawęda 1961: 22). Подсчёты современных исследователей указывают, что перед началом войны с крестоносцами на вооружении Польши насчитывалось не менее 60 разных пушек (Kuczyński 1987: 280; Szymczak 2004: 235).

Поскольку производство огнестрельных орудий с 1404 г. было налажено поляками и во Львове (PDLAM 1896: 5; Szymczak 1990: 292, 293), то появилась возможность

[1] По малодостоверным свидетельствам крестоносцы впервые использовали артиллерийские орудия ещё в апреле 1362 г. при двухнедельной осаде хорошо укреплённого Каунасского замка, который защищал гарнизон под командой новогрудского князя Войдата, сына великого князя литовского Кейстута Гедиминовича (SRP 1863: 531—539; Głosek 1990: 156; Бохан 2002: 184).

[2] По подсчётам М. Эйлера, на вооружении Тевтонского ордена в начале XV в. было 213 пушек (Oehler 1910: 48—49). Однако большинство исследователей считает эти данные преувеличенными и не заслуживающими доверия (Schmidtchen 1977: 52; Kuczyński 1987: 280; Nadolskie 2008: 29).

Рис. 1. Бомбарда типа «Steinbüchsen» начала XV в. из замка в Кужентнике (по Бохан 2010: 151).

Fig. 1. Early 15th c. Steinbüchsen Bombard from Kurzętnik castle (after Бохан 2010: 151).

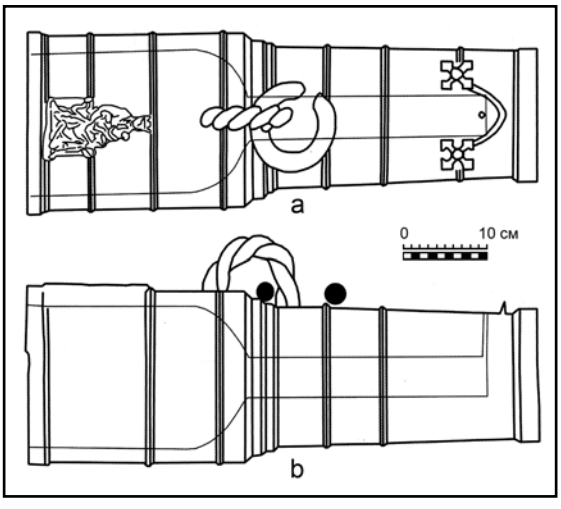

Рис. 2. Бомбарда типа «Steinbüchsen» из замка Кужентник в прорисовке: a — вид сверху; b — вид сбоку (по Strzyż 2011: 225, Tabl. IX, rys. 5—6).

Fig. 2. Early 15th c. Steinbüchsen Bombard from Kurzętnik castle in drawing: a — view from above; b — side view (after Strzyż 2011: 225, Tabl. IX, rys. 5—6).

начать поставки нового боевого средства в Молдавское воеводство, господарь которого Александр I Добрый как вассал короля Владислава II обязался **«яко наши предкове, (…) служити и помагати на усихъ его неприятели, невыимуючи некоторыхъ»** (Costăchescu 1932: 625—627; Красножон, Федорук 2012: 254). Уже в 1408 г. две пушки были отправлены в Дорохой и Байю, а четыре — в Сучаву (Panaitesku 1932: 37; Федорук 2011: 298—299). Для польского короля было важно, чтобы молдавское войско защитило его юго-восточные земли со стороны Венгрии, которая, заключив союз с Тевтонским орденом, планировала захватить Молдавию, Галицкую Русь и Подолье. Очевидно, новые артиллерийские орудия предназначались для усиления военного потенциала молдавского господаря **«напротиву королю угоръскому»** (Федорук 2011: 298—299).

Что касается размеров артиллерийских орудий, которые применяли воюющие стороны, то в начале XV в. их, согласно величине калибра, подразделяли на три категории. К лёгким относились пушки калибром от 120 до 200 мм, к средним — от 250 до 450 мм, а к тяжёлым — от 500 до 800 мм (Schmidtchen 1977: 12; Głosek 1990: 157; Kuc 2000: 35). В письменных источниках сохранились известия об использовании двух типов орудий. Одним из них были «бомбарды», которые стреляли каменными снарядами и поэтому относились к типу «камнестрельных» (нем. «Steinbüchsen»). Пушки, стрелявшие коваными или литыми железными ядрами, по калибру меньшими каменных, были известны в письменных источниках под названием «дробострельных» (нем. «Lotbüchsen»). Перед самой войной с Польшей и Литвой, по неполным данным, у крестоносцев было не менее 38 бомбард первого типа и 63 орудия — второго. К каким типам относились другие пушки Ордена, из-за отсутствия данных установить не удаётся (Nowakowski 1991: 84; Nadolskie 2008: 53). Какой тип бомбард преобладал в войсках союзников, остаётся до конца не известным. Известно лишь, что на месте прежних стоянок польско-литовских отрядов орденские разведчики находили «брошенные ядра для бомбард» (Длугош 2007: 81; Szymczak 2004: 236). По всей видимости, эти снаряды были каменными. Поэтому факт использования в войсках Ягайло и Витовта пушек первого типа не вызывает никаких сомнений.

По конструкции названные типы артиллерийских орудий также существенно отличались. Ярким примером «камнестрельных» бомбард является уникальная археологическая находка, обнаруженная в 1941 г. в руинах орденского замка в Кужентнике (рис. 1), который исследовала экспедиция во главе с руководителем музея в городе Мариенвердер (ныне Квидзын); в этом музее рассматриваемая пушка сейчас и находится (Grodzicka 1963: 7; Szymczak 2004: 104; Chodyński 2007: 388). Она сделана из бронзы и состоит из двух частей: широкого ствола и узкой каморы для пороха. Непосредственно над дулом орудия помещено изображение сидящей на троне Мадонны с младенцем (рис. 2: a). Этот элемент декора дал учёным возможность

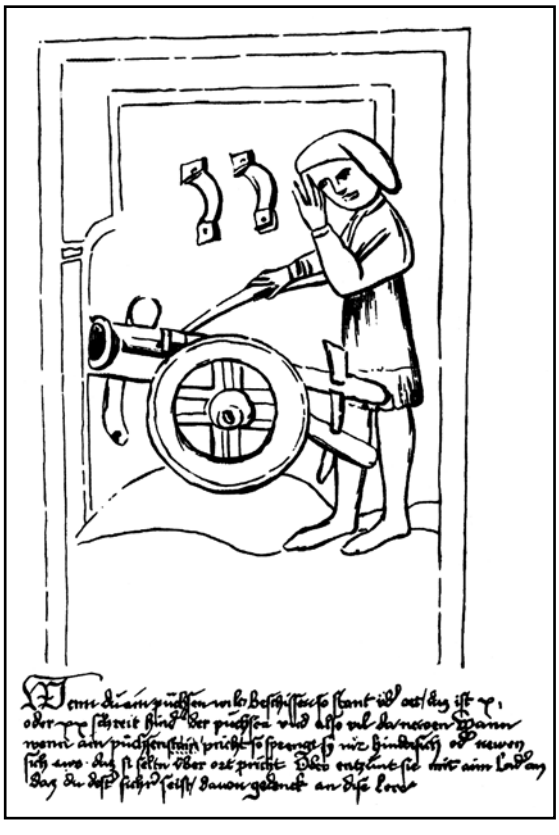

Рис. 3. Стрельба из бомбарды типа «Steinbüchsen» на колесном лафете с помощью запальника. Иллюстрация 1390—1400 гг. (по Goetz 1985: 42).

Fig. 3. Steinbüchsen bombard on wheel gun-carriage, firing by means of pilot light. Illustration of 1390—1400 (after Goetz 1985: 42).

однозначно считать, что бомбарда принадлежала крестоносцам, для которых особенно характерным был культ Божьей Матери[3]. Общая длина пушки 50,7 см, из них них канал ствольной части составляет 22,5 см, а каморной части — 23,0 см. Калибр широкой дульной части — 135 мм, а узкой казённой — 43 мм. Вес орудия — 42,28 кг. На его каморе, которая играла роль казённой части, имеется запальное отверстие. Стаканообразное жерло ствола явно было рассчитано на то, чтобы заряжающий мог дотянуться рукой до устья самой каморы (рис. 2: b). Стреляла бомбарда каменными ядрами диаметром 120—130 мм и весом 2,6 кг (Grodzicka 1963: 10; Szymczak 2004: 105). Цена производства одной такой пушки равнялась 2,5—3 гривнам. Известно, что центнер меди в Кракове в конце XIV — начале XV вв. стоил от 94 до 112 грошей, или 2—2,5 гривны, в Эльбинге цена его была выше — 2,5—3 гривны. Если добавить к этому 20%, потраченных на оплату работы литейщика, то получится, что одно такое орудие обходилось крестоносцам в 3,5 гривны, а один выстрел из него стоил около 5 грошей (Świętosławski 1993: 27; Szymczak 2004: 105; Strzyż 2011: 34). Сама бомбарда некогда крепилась к колоде или колесному лафету (рис. 3), который тогда получил уже некоторое распространение в европейских странах (Длугош 2007: 126; Górski 1902: 17—18; Goetz 1985: 42). Позже, в эпоху Гуситских войн (1419—1485 гг.), именно такие пушки получили название «хуфниц» (рис. 4) и активно использовались как в осадных операциях, так и при ведении боевых действий в полевых условиях[4].

Об особенностях конструкции «дробострельных» орудий, которые использовались в Великой войне, к сожалению, известно значительно меньше. Сохранилось несколько свидетельств о таких бомбардах у крестоносцев. В 1403 г. за отливку 2 пушек, которые вместе весили 4 центнера и 20 фунтов, или около 113 кг каждое, было заплачено 4 гривны (Świętosławski 1993: 22; Szymczak 2004: 107). Артиллерийские орудия рассматриваемого типа, очевидно, были небольшими по размерам, поскольку в их цене не учитывалась стоимость металла. Под 1404 г. в мариенбургской книге расходов записана сумма 9 гривен «за 1 пушку из 4 частей» (Świętosławski 1993: 22). Такую же сумму получил литейный мастер Генрих Думхен в 1409 г. за 2 небольших бронзовых орудия, которые состояли из двух частей: стволов и пороховых камор (Świętosławski 1993: 22; Szymczak 2004: 107). Скорее всего, «дробострельные» бомбарды по своей конструкции были казнозарядными, похожими на те, что находятся в экспозиции Военного музея в Париже и датируются концом XIV в. (рис. 5).

Следует отметить, что для обеспечения и применения огнестрельных орудий обе

[3] Поклонение Божьей Матери чётко прослеживается и в официальных названиях Тевтонского ордена: «Орден Дома святой Марии Тевтонской Иерусалимской» (лат. «Ordo domus Sanctae Mariae Theutonicorum Ierosolimitanorum») или «Орден братьев Немецкого Дома святой Марии в Иерусалиме» (нем. «Orden der Brüder vom Deutschen Haus Sankt Mariens in Jerusalem») (Kuczyński 1987: 55—56).

[4] Считается, что именно от «хуфниц» ведёт своё начало полковая огнестрельная артиллерия (с чешск. «huf» — «отряд» или «полк»). Среди исследователей бытует мнение, что это слово позже трансформировалось в термин «haubitze», которым обозначается один из типов современных ствольных артиллерийских систем — гаубицы (Durdík 1953: 90; Кирпичников 1976: 84—85; Goetz 1985: 32).

Рис. 4. «Хуфница» на колесном лафете первой трети XV в. Современная реконструкция (по Бохан 2010: 185).

Fig. 4. "Houfnice" on the wheel gun-carriage of the 1st third of 15th c. Modern reconstruction (after Бохан 2010: 185).

Рис. 5. Казнозарядная пушка типа «Lotbüchsen» 1400 г. из Военного музея в Париже (по Schmidtchen 1977: 20, Abb. 11).

Fig. 5. Breech cannon of "Lotbüchsen" type of 1400 from Military museum in Paris (after Schmidtchen 1977: 20, Abb. 11).

стороны пользовались услугами специальных артиллерийских мастеров — «magister pixidum» или «Bochsenmeistern». По одному из сохранившихся счетов королевского двора, один такой пушкарь по имени Зброжек получил в 1393 г. по приказу Владислава II полное вооружение копейщика, ценой больше чем 14 гривен, а также значительно лучшее по качеству того, которым в то же время был награждён великий князь смоленский Глеб Святославич (RDJJ 1896: 163—164; Nadolskie 2010: 76; Szymczak 2004: 200). В 1392 г. «providus» Михал, как «magister pixidum», обязанности которого он исполнял в 1390—1421 гг., получил из городской казны Кракова 41 гривну и 36 грошей (NKRMK 1878: 300; Szymczak 2004: 196). Если предположить, что эта сумма составляла его годовое жалование, а не была деньгами для него и его пушкарей, то получается, что в месяц он зарабатывал 167 грошей или 3 гривны и 23 гроша, то есть по 42 гроша еженедельно. Как видим, это были достаточно большие деньги, потому что другой пушечный мастер Гейнеман в том же 1392 г. пятью выплатами получил только 120 грошей (2,5 гривны), и то в рассрочку по 24 гроши, что составляло его годовое жалованье (NKRMK 1878: 240; Szymczak 2004: 197). Несомненно, такого рода военные специалисты занимали довольно высокие позиции в средневековой государственной иерархии. Должность «magister pixidum» как в Польше, так и в Тевтонском ордене часто занимали иностранцы, в большинстве случаев родом из Чехии, Силезии и других земель Центральной Европы (Goliński 1988: 12—13; Nadolskie 2010: 76). Кстати, среди артиллерийских мастеров, которые служили при дворе Витовта, был «один русин». По словам прусского хрониста, это «был очень хороший пушкарь, какого надо ещё поискать». Из-за какого-то недоразумения с великим князем литовским он бежал в Мариенбург, где «принял крещение как хороший христианин», то есть перешёл в католицизм (SRP 1866: 322). В некоторых случаях, когда артиллерийский мастер отсутствовал, могла сложится непоправимая ситуация. Так, при штурме города Радзин польским отрядом в начале ноября 1410 г. «в проходе же ворот поставлена была большая бомбарда, из которой выпалил какой-то священник, взявшийся не за свое дело, чтобы помочь своим согражданам, сбежавшимся во множестве к воротам для отражения угрожающей опасности (…), бомбарда своим напором, отпрянув в толпу горожан, задавила двадцать четыре из них» (Длугош 2007: 146).

Применение огнестрельных орудий в осадных и полевых боевых операциях 1409—1410 гг.

С началом Великой войны в августе 1409 г. артиллерия использовалась обеими сторонами для проведения осадных операций в Добжинской земле и северной Куявии. При взятии замка Добжин войско великого магистра Ульриха фон Юнгингена «с помощью непрерывных ударов бомбард и частого метания зажигательных стрел завоёвывает и сжигает его» (Длугош 2007: 49). Затем, проследовав к укреплению Бобровники, крестоносцы осадили его и «так сильно разрушили замок большими бомбардами», что после нескольких дней он капитулировал (SRP 1866: 301; Żabiński 2012: 37—39). Сделанный вражеской артиллерией пролом в оборонительных сооружениях подтверждает также Ян Длугош, который, упрекая сдавшихся польских рыцарей, отметил, что «положение их нельзя было назвать тяжёлым, ибо про-

довольствия у них было достаточно, а стены замка, кроме одной части, и укрепления были целы» (Длугош 2007: 49). Аналогичная ситуация сложилась и под Злоторыей, где «на восьмой же день осады замок сдаётся магистру, так как большая часть рыцарей, оборонявших его, была убита ядрами бомбард и дальше нельзя было держаться» (Длугош 2007: 50; Żabiński 2012: 38—39).

Вместе с артиллерией, судя по письменным сообщениям, орденское войско использовало и дальнобойные осадные орудия — «баллисты». Все эти виды боевой техники при штурмах оборонительных сооружений вели обстрел практически с одной дистанции (Кирпичников 1976: 79). Однако новые «ствольные огнестрельные камнемёты» имели значительное преимущество: энергия, сообщаемая снаряду силой пороховых газов, значительно превосходила силу механического броска ядра из метательной машины. Особой разрушительной мощью обладали большие бомбарды, которые, несмотря на неудобство и обременительность, крестоносцы впервые успешно использовали в борьбе за укреплённые города[5]. Вообще первый этап Великой войны (1409—1411 гг.) проходил под знаком военно-технического превосходства орденских сил. Кроме названных укреплений, великому магистру разными путями удалось овладеть ещё рядом польских замков на севере Куявии (Длугош 2007: 50; Бохан 2010: 64—66).

Владислав II Ягайло, собрав в ответ «большое войско со всех земель королевства Польского, а именно: Краковской, Сандомежской, Люблинской, с Руси и Подолии», подходит к захваченному неприятелем замку Быдгощ, «огораживает его кругом щитами или плетнями, как стенами над валом, и громит бомбардами» (Длугош 2007: 50; Kuczyński 1987: 147; Nadolskie 2008: 23). В ходе жестоких боёв за это укрепление артиллерия применялась со значительной эффективностью. Прежде всего, пушки продемонстрировали угрозу для жизни военачальников. Известно, что «непрерывной стрельбой из них был убит комтур и староста замка». Наконец, через восемь дней осады, польский король «завоёвывает замок силой оружия» (Длугош 2007: 50—51; Szymczak 2004: 234). Но достигнутый военный успех был частичным: Владиславу II не удалось вернуть все утраченные укрепления в северной Куявии. Поэтому 8 октября он охотно согласился на девятимесячное перемирие с крестоносцами «до захода солнца в день святого Иоанна Крестителя» (к 24 июня 1410 г.), чему способствовало посредничество чешского короля Вацлава IV Люксембургского (Длугош 2007: 51—52; SRP 1866: 305). Не осуществив полную концентрацию польских и литовских воинских сил, поздней осенью нельзя было продолжать кампанию в Пруссии, тем более что перевозить бомбарды и другие осадные орудия в сложных погодных условиях становилось просто невозможно (Длугош 2007: 51—52; Бискуп 1991: 15—16).

Зимой и весной 1410 г. в государствах Ягеллонской унии велась широко задуманная подготовка к совместной кампании против Тевтонского ордена, которая должна была привести объединённые войска союзников на поля Грюнвальда. Сегодня хорошо известно, что, несмотря на многочисленную артиллерию, в её концепции, заранее тщательно продуманной Ягайло и другими военачальниками во главе с Витовтом, пушкам не отводилось никакой заметной роли (Пашуто, Ючас 1960: 94—96). Все польские и литовские вооружённые силы двинулись к границам Пруссии в предписанном порядке, «с телегами, нагружёнными бомбардами и продовольствием, и прочим обозом» (Длугош 2007: 68; Szymczak 2004: 235). Для переправы последнего через Вислу под Червинском был даже построен понтонный мост, по которому «всё королевское войско переправилось (…) как по суше, а также и огромные бомбарды, и не было заметно колебания моста под их тяжестью» (Длугош 2007: 70; Szymczak 2004: 235). В то же время Юнгинген устремился навстречу противнику к бродам на реке Дрвенца около небольшого замка в Кужентнике. Великий магистр, стянув большую часть войска, спешно переправил сюда продовольственные запасы и артиллерийские орудия из Мариенбурга, и приготовился дать здесь сражение. По сообщению письменных источников, предполагалось вынудить польско-литовское войско к атаке защищённого палисадом западного берега Дрвенцы, обстрелять его из пушек и, используя возникшее замешательство, ввести в бой тяжёлую орденскую конницу, чтобы добиться окончательной по-

[5] Известно, что тяжёлые бомбарды ещё в 1393 и 1395—1396 гг. применяли войска короля Владислава II во время войны с князем Владиславом Опольским, о чём говорят находки нескольких крупных каменных ядер возле руин замков в Велюне и Болеславце. Однако насколько эффективным было использование огнестрельной артиллерии поляками, остаётся неизвестным, поскольку последнее из названных укреплений продолжало сопротивляться даже после смерти своего господина в 1401 г. (Sperka 2011: 54—87; Strzyż 2007: 86—87, 94—95).

беды. Таким образом, крестоносцы впервые в регионе, решили использовать артиллерию в полевых условиях (Длугош 2007: 79; Kuczyński 1987: 352; Nadolskie 2008: 90).

Подойдя к Кужентнику и убедившись, что «сильное вражеское войско обороняло бы столь укреплённые берега бомбардами, стрелами и любыми средствами», Владислав II решил, отступив несколько назад, обойти посуху реку и её истоки в районе Остероде. Этот манёвр был немедленно осуществлён. 13 июля польские отряды заняли по пути замок Гильгенбург, несмотря на то, что его защитники старались отогнать «подступающих к стенам выстрелами из бомбард и камнями» (Длугош 2007: 83—84; Kuczyński 1987: 358—359; Nadolskie 2008: 91). Беженцы из захваченного орденского укрепления и разведчики известили великого магистра, что польский король «решил вести своё войско на Мариенбург». Узнав о направлении перемещения польских и литовских сил, Ульрих фон Юнгинген выступил со всем своим войском из Кужентника вверх по Дрвенце с целью «как можно раньше вступить в сражение всеми решительно силами» (Длугош 2007: 84; Kuczyński 1987: 363—364).

Утром 15 июля боевые порядки войск противников встретились на полях под Грюнвальдом. Как и в предыдущий раз, великий магистр решил использовать сначала артиллерию, выдвинув её вперёд с целью нанести врагу максимальный урон и в следующей фазе сражения провести решающий удар тяжёлой конницей. Для прикрытия орудийных позиций, по мнению С. Кучинского и М. Бискупа, выделялись отряды пехоты и лёгкой конницы[6] (Kuczyński 1987: 377; Бискуп 1991: 17). Какое количество пушек собиралось использовать для этого орденское командование, остаётся неизвестным. Источники сообщают только, что в войске крестоносцев было «много орудий» (Cr.conf. 1911: 25; Длугош 2007: 101).

В отличие от противника, польско-литовское войско не имело намерений использовать артиллерию. Орудия не учитывались Ягайло в плане будущего сражения, которое мыслилось как типичный средневековый бой рыцарской конницы. Определённую роль в таком решении польского короля, по всей видимости, сыграл и опыт недавнего поражения Витовта в битве с татарами на реке Ворскла (12 августа 1399 г.). Тогда великий князь литовский использовал сначала артиллерийские орудия, но, по словам русского летописца, **«въ полѣ чистѣ пушки и пищали недѣйствени бываху»** (ПСРЛ 2000: 173).

Битву начали отряды литовской лёгкой конницы, находившиеся на правом фланге, поддерживаемые польскими наёмными подразделениями и форпостами с левого фланга объединённого союзного войска. По атакующим, согласно «Хронике конфликта Владислава короля Польши с крестоносцами», «вражеские пушки, поскольку враг имел много орудий, дважды дали залп каменными снарядами, но не смогли этим обстрелом нанести нашим никакого вреда» (Cr.conf. 1911: 25). В «Анналах» Я. Длугоша также говорится, что «крестоносцы после по крайней мере двух выстрелов из бомбард старались разбить и опрокинуть польское войско, однако усилия их были тщетны» (Длугош 2007: 101). Как видим, оба письменных источника полностью сходятся в своих сообщениях об использовании огнестрельной артиллерии крестоносцами против первой атаки польской и литовской конницы. Однако, по «Хронике конфликта», орденские артиллерийские орудия принадлежали к типу «камнестрельных», и после их залпов отряды крестоносцев были отброшены от них на значительное расстояние. Ян Длугош не упоминает об отступлении орденских подразделений от пушек, по всей вероятности, потому, что не придавал этим действиям крестоносцев никакого значения, так как артиллерия и без того не приносила атакующей стороне никакого вреда (Cr.conf. 1911: 25; Длугош 2007: 101). Определённым подтверждением этого являются и довольно скромные результаты археологических исследований соответствующих объектов под Грюнвальдом (рис. 6). Несмотря на их длительность, на месте сражения удалось обнаружить только несколько каменных ядер размером от 115 до 150 мм, которые большинство учёных интерпретируют как снаряды орденских пушек, использованных в полевых условиях (Ekdahl 2010: 302; Świętosławski 2010: 96—98; Strzyż 2011: 87). Однако находка одного гранитного ядра размером 280 мм вызвала неоднозначную оценку исследователей. В. Свентославский и П. Стрыж считают, что оно предназначалось для стрельбы из более крупного артиллерийского орудия крестоносцев или поляков (Świętosławski 2010: 96—97; Strzyż 2011: 87). Впрочем, С. Экдаль высказал предположение, что этот снаряд мог применяться и при использовании мета-

[6] По мнению А. Надольского, никакого прикрытия артиллерийских орудий организовано не было, поэтому их довольно быстро захватила литовская конница, отбросившая оставшихся в живых пушкарей на значительное расстояние (Nadolskie 2008: 106).

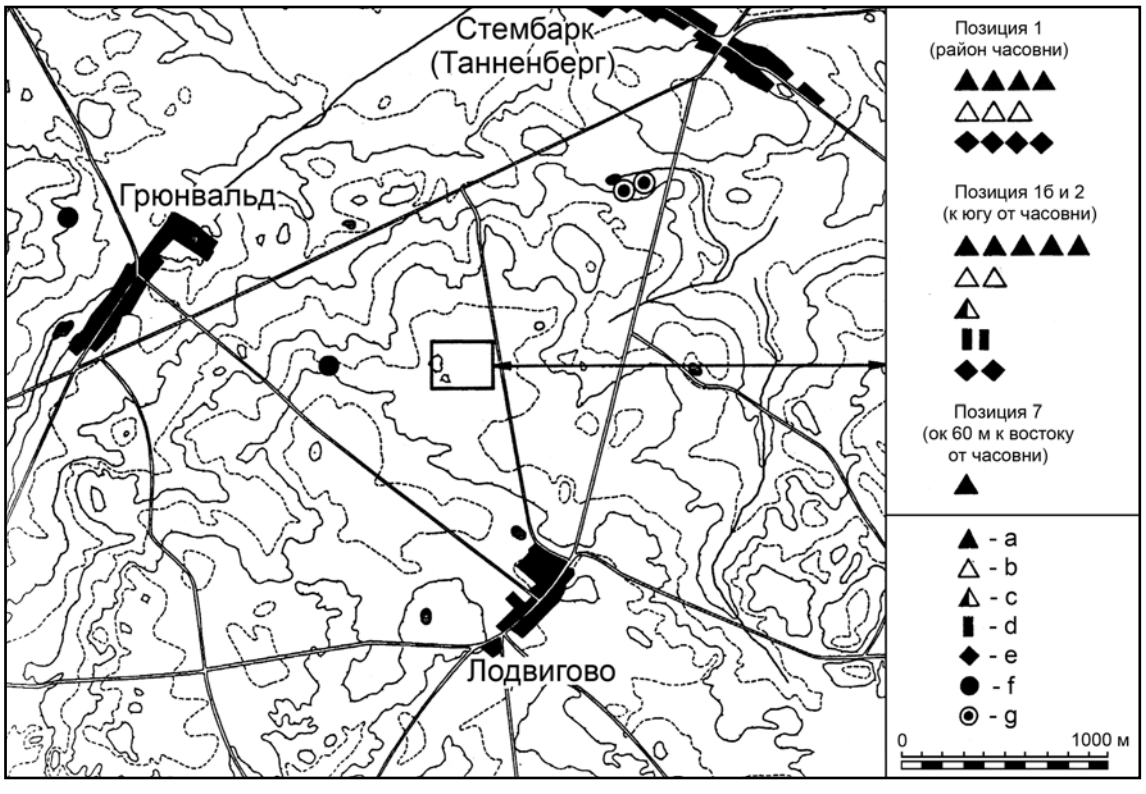

Рис. 6. Археологические находки предметов вооружения на полях Грюнвальдской битвы: a — наконечники болтов; b — наконечники стрел; c — наконечники копий; d — фрагменты секущего оружия; e — фрагменты панцирных рукавиц; f — пушечные каменные ядра; g — снаряды к ручному огнестрельному оружию (по Nadolskie 2010: 213, rys. 10).

Fig. 6. Archeological finds of the armament's elements on the fields of Grunwald battle: a — tips of screw-bolts; b — arrow tips; c — spear tips; d — fragments of secant weapon; e — fragments of testacean mittens; f — stone cannon-balls; g — shells for the hand firing arm (after Nadolskie 2010: 213, rys. 10).

тельного орудия (Ekdahl 2010: 302, przyp. 15). Полное отсутствие в письменных источниках сообщений о применении под Грюнвальдом баллист не даёт возможности однозначно принять это мнение шведского историка. Но обнаружение на поле битвы стеклянного (14 мм) и глиняного (22 мм) снарядов для ручного огнестрельного оружия также не находит подтверждения об его использовании под Грюнвальдом в «Хронике конфликта» или «Анналах» Я. Длугоша (Cr.conf. 1911: 25—27; Длугош 2007: 101—109). Не исключено, что некоторые детали сражения сознательно опускались современниками как малозначащие, и потому они не отразились в письменных источниках[7].

Слабость ранних артиллерийских орудий, их уязвимость были связана с малой скорострельностью, трудностью перемещения и сравнительно небольшой дальностью стрельбы. Ожидаемый эффект в полевых условиях, видимо, был преимущественно психологический. После первых залпов отрядам противника достаточно было быстро броситься вперёд, чтобы захватить пушки и уничтожить орудийную прислугу (Контамин 2001: 218). Поэтому замысел великого магистра использовать поначалу пушки с пехотным и конным прикрытием потерпел полный крах. В результате этого битва вскоре превратилась в организованное столкновение между подразделениями тяжеловооружённой конницы, согласно замыслу Владислава II, причём в рукопашный бой включились конные отряды с обоих флангов, и в конечном счёте он завершился сокрушительным поражением орденского войска и гибелью почти всего его высшего командования. Вся артиллерия крестоносцев попала в руки победителей (Nadolskie 2008: 123; Kuc 2000: 35).

[7] Например, Ян Длугош сообщает, что во время штурма замка Радзин польскими отрядами, «рыцарь Добеслав из Олесницы с людьми своей хоругви уже взломал ворота нижнего замка, и при этом, прикрывая щитом того, кто взламывал ворота, получил удар из малой бомбарды или фистулы, пробивший щит» (Длугош 2007: 133).

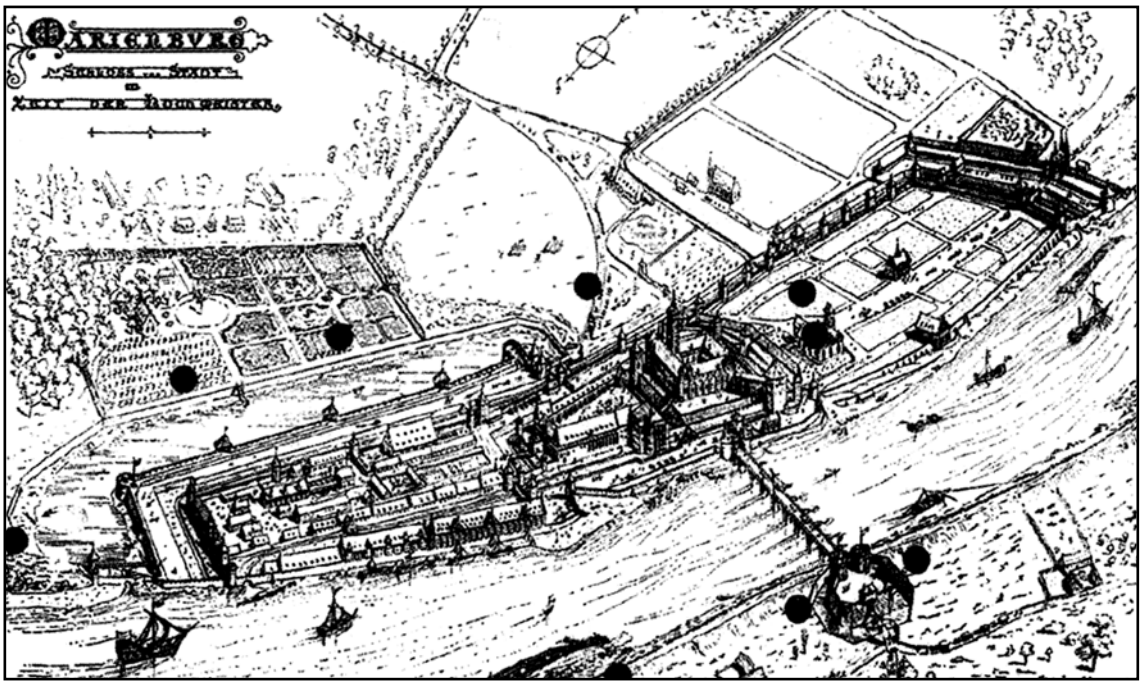

Рис. 7. План Мариенбургского замка с обозначением польско-литовских артиллерийских позиций (по Strzyż 2011: 249, Tabl. XXXIII, rys. 1).

Fig. 7. Plan of Marienburg castle with denotation of Polish-Lithuanian artillery positions (after Strzyż 2011: 249, Tabl. XXXIII, rys. 1).

После «великой битвы» обе воюющие стороны снова использовали пушки только для борьбы за укрепления. Польский король, в течение трёх дней находившийся на поле боя или где-то поблизости, без промедления направил легковооружённые конные отряды к Мариенбургу, к которому они подошли самое позднее 22 июля. Но ворота замка были заперты, а швицкий комтур Генрих фон Плауэн, несмотря на «послегрюнвальдский шок», успел уже с 18 июля подготовиться к активной обороне (Kuczyński 1987: 444—445; Бискуп 1991: 20; Kuc 2000: 28—29). Лишь 25 июля к орденской столице подоспели главные силы польско-литовского войска во главе с Ягайло и Витовтом, «и немедленно со всех сторон обложили замок осадой» (Длугош 2007: 120; Kuczyński 1987: 473—474; Kuc 2000: 38—39). Во время осады союзники активно применяли разные артиллерийские орудия. «Польский король Владислав (…), установив большие бомбарды в городской церкви, непрерывной стрельбой из них бьёт по замку. Поставлены были и другие бомбарды среди литовского войска: одни вдоль городских стен, другие у начала моста, сожжённого с другой стороны Вислы; из всех них весьма сильно били по замку с четырёх сторон» (Длугош 2007: 121).

Обстрел из пушек Мариенбурга был, по-видимому, достаточно плотный, о чём говорит размещение позиций артиллерии с четырёх сторон вокруг орденской столицы (рис. 7). Расстояние между пушками и оборонительными сооружениями замка составляло от 40 до 250 м. Строительство огневых позиций, подготовка и прицеливание артиллерийских орудий в то время занимало достаточно много времени. В результате одна бомбарда могла выстрелить не больше чем два или три раза в день (Kuc 2000: 38—39; Szymczak 2004: 237). Однако и этого было достаточно, чтобы наносить ощутимые повреждения укреплениям крестоносцев, поэтому они старались уничтожить огневые позиции неприятеля. Так, «во время осады, когда рыцари трёх хоругвей, именно Доброслава из Олесницы, Кмиты из Висниц и Грифов, несли стражу при бомбардах, вражеские рыцари, произведя вылазку из замка, пытались прорваться к месту охраны бомбард». Однако попытка уничтожить позиции артиллерии поляков провалилась, и, «чтобы отбросить преследователей, враги обрушивают стену замка, повреждённую королевскими бомбардами» (Длугош 2007: 122).

Самым ярким свидетельством эффективности применения поляками и литовцами артиллерийских орудий при осаде Мариенбурга является гранитное ядро размером 140×90 мм в стене зала совещаний дворца великих магистров (рис. 8). По преданию, пушечный снаряд пробил её, когда Плауэн проводил обсужде-

Рис. 8. Каменное ядро в стене дворца великих магистров в Мариенбурге (по Strzyż 2011: 249, Tabl. XXXIII, rys. 2).

Fig. 8. Stone cannon-ball in the wall of Grand Masters' Palace in Marienburg (after Strzyż 2011: 249, Tabl. XXXIII, rys. 2).

Рис. 9. Каменные ядра начала XV в. из Мариенбурга (по Strzyż 2011: 249, Tabl. XXXIII, rys. 3—11).

Fig. 9. Lithoidal cannon-balls of the beginning of 15th c. from Marienburg (after Strzyż 2011: 249, Tabl. XXXIII, rys. 3—11).

ние военного положения со своими подчинёнными. Всего в западном фасаде дворца великих магистров исследователями было обнаружено несколько каменных ядер (Kuc 2000: 35;

Рис. 10. Бомбарда «Безумная Грета» начала XV в. из Гента (по Smith, Brown 1989: 25, il. 17).

Fig. 10. Dulle Griet Bombard of the beginning of 15th c. from Gent (after Smith, Brown 1989: 25, il. 17).

Strzyż 2011: 91). В общей сложности при археологическом обследовании орденской столицы было найдено больше 150 гранитных снарядов, размером от 170 до 560 мм (рис. 9). Последние указывают, что союзники располагали мощным артиллерийским орудием, калибром больше 600 мм, вероятно, аналогичным большой железной бомбарде «Безумная Грета» (фламанд. «Dulle Griet») начала XV в. из Гента (рис. 10). Принадлежало ли оно с самого начала полякам, точно не известно, поскольку по дороге к Мариенбургу войско Владислава II захватило орденские пушки разного типа и калибра в замках Эльбинга и Торна (SRP 1866: 320; Kuc 2000: 35).

Все попытки взять столицу Ордена оказались безрезультатными. Благодаря новым археологическим и архитектурным исследованиям установлено, что крестоносцы непосредственно перед войной с Польшей и Литвой учли боевые возможности огнестрельных орудий и внесли значительные изменения в устройство оборонительных сооружений Мариенбурга. В итоге польско-литовское войско из-за недостаточного количества мощных пушек и других осадных орудий было вынуждено снять длительную осаду орденской столицы (Kuczyński 1987: 478—479; Kuc 2000: 41—43; Strzyż 2011: 91—92). Более удачными были дальнейшие действия крестоносцев под командованием Генриха фон Плауэна, избранного великим магистром вместо погибшего Юнгингена, по отношению к занятым поляками замкам Пруссии. Располагая «множеством повозок, бомбард и прочего военного снаряжения», они методично захватывали одно укреп-

ление за другим. Даже битва под Короновом (10 октября 1410 г.), где были разбиты вспомогательные орденские войска из Германии и Венгрии, а также другие успехи поляков и литовцев местного значения, не смогли предотвратить возвращения великим магистром большинства утерянных замков и городов Тевтонского ордена (Длугош 2007: 135—138, 141; Kuczyński 1987: 495—496).

Влияние войны 1409—1411 гг. на «пороховую революцию» в странах Центральной и Восточной Европы

Активное применение артиллерии в событиях Великой войны получило отголосок в некоторых европейских государствах ещё до её окончания. Уже в 1410 г. Кристина Пизанская в своей «Книге боевых и рыцарских деяний» рекомендовала для штурма хорошо укреплённой крепости использовать четыре больших пушки, имеющие собственные имена, крупнейшая из которых будет стрелять ядрами массой от 400 до 500 фунтов. То, что эти рекомендации не были чисто теоретическими, а основывались на военной практике, доказывает заключённый годом ранее контракт между «мастерами по бомбардам и пушкам» и бургундским герцогом Иоанном Бесстрашным на отливку в Осонне большой «медной бомбарды» весом в 6900 фунтов с расчётом на каменное ядро массой 320 фунтов (Christine de Pisan 1937: 46; Rogers 1993: 260; Контамин 2001: 159—160).

Не последнюю роль в распространении артиллерийских орудий разных размеров в порубежных землях сыграли и сами участники «Прусской войны». После заключения 1 февраля 1411 г. мирного договора в Торне некоторые из них посчитали лучшим избавиться от определённого количества бомбард разных типов и калибров, поскольку их содержание было обременительным (Żabiński 2013: 199—202). Так, в 1412 г. великий магистр Плауэн продал нюрнбергскому бургграфу Фридриху VI Гогенцоллерну для ведения войны в Бранденбурге большой «ствольный огнестрельный камнемёт» (рис. 11). Общая длина его ствола — 2,5 м, вес — 4600 кг, калибр — 500 мм. Стрелял он каменными ядрами массой в 150 кг, для чего требовался пороховой заряд в 13 кг. По записям мариенбургской книги расходов, денежные траты на производство этой мощной бомбарды составили 278,5 марки, то есть сумму, эквивалентную стоимости 1160 быков. Позже это большое артиллерийское орудие стало известно под именем «Ленивая Грета» (нем. «Faule Grete»). Бургграф использовал эту бомбарду в 1414 г. против замка Плауд (рис. 12), где засели непокорные ему бранденбургские рыцари. С её помощью были разрушены стены укрепления толщиной 4,5 м (Rathgen 1925: 50—65; Schmidtchen 1977a: 218—220; Goetz 1985: 22).

Известно также, что по возвращении из похода против крестоносцев, «князь великий Витовт прислал зятю своему великому князю Василию дары многи и 2 пушки медяны пруские» (Татищев 1965: 216; Кирпичников 1976: 79). Но не только в качестве подарков присылал великий князь литовский огнестрельные орудия, а и сам при необходимости использовал последние для походов на земли Северо-Западной Руси. К примеру, под 1428 г. в Никоновской летописи сообщается, что **«князь велики Витовтъ Кестутьевич литовскій со многими силами ходилъ ратью на Новгородъ Великій; бѣаху же съ нимъ и пушки и туфяки и пищали; едина же съ нимъ пушка велика велми, Галка именемъ, везяху ея на сороцѣ конехъ отъ утра до обѣда, а отъ обѣда до полудни на иныхъ сороцѣ конехъ, а до вечера на иныхъ сороцѣ конехъ. И пришедшую ему подъ градъ Порховъ»** (ПСРЛ 2000а: 8). Это ценное письменное сообщение чётко указывает на присутствие в распоряжении великого князя литовского большой орденской бомбарды, которая как трофей попала в его руки вместе с артиллерийской прислугой. Русский летописец оставил известие про **«немчина мастера пушечнаго»** на литовской службе под Порховом, которого звали **«Миколай»** (ПСРЛ 2000а: 8; Кирпичников 1976: 82).

Несмотря на тяжесть и сложность перевозки, эти большие огнестрельные орудия дальше продолжали разрушать стены укреплений и наносили такой урон, что город мог сдаться даже после однодневной осады. Так, под Порховом, **«тоѣ пушки мастеръ Миколай похвалився Витовту, рече: «не токмо же княже, сею пушкою стрѣлницу разобью, но и церков святого Николы каменую въ градѣ раздражу». Стрѣлница же та и церков бѣаху камены и велми крѣпки. Пустившу же ему пушку, и вырази пушка стрѣлницу изо основаніа, и у церкви святаго Николы преднюю и заднюю стѣну во олтари прорази, и градныя каменыа зубцы срази, и тако изыде паки изь града»** (ПСРЛ 2000а: 8). Именно под влиянием эффективного применения тяжёлой бомбарды **«Галки»**

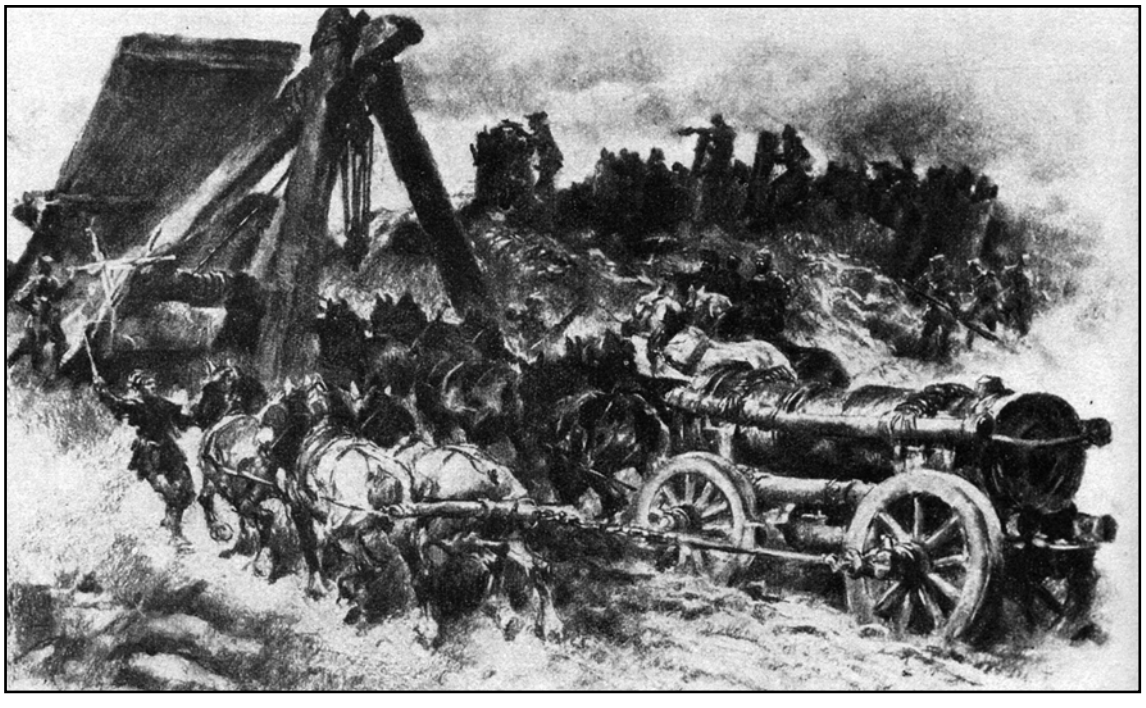

Рис. 11. Перевозка бомбарды «Ленивая Грета». Иллюстрация А. Гоффмана (по Goetz 1985: 20).

Fig. 11. Transportation of Faule Grete Bombard. Illustration by A. Hoffmann (after Goetz 1985: 20).

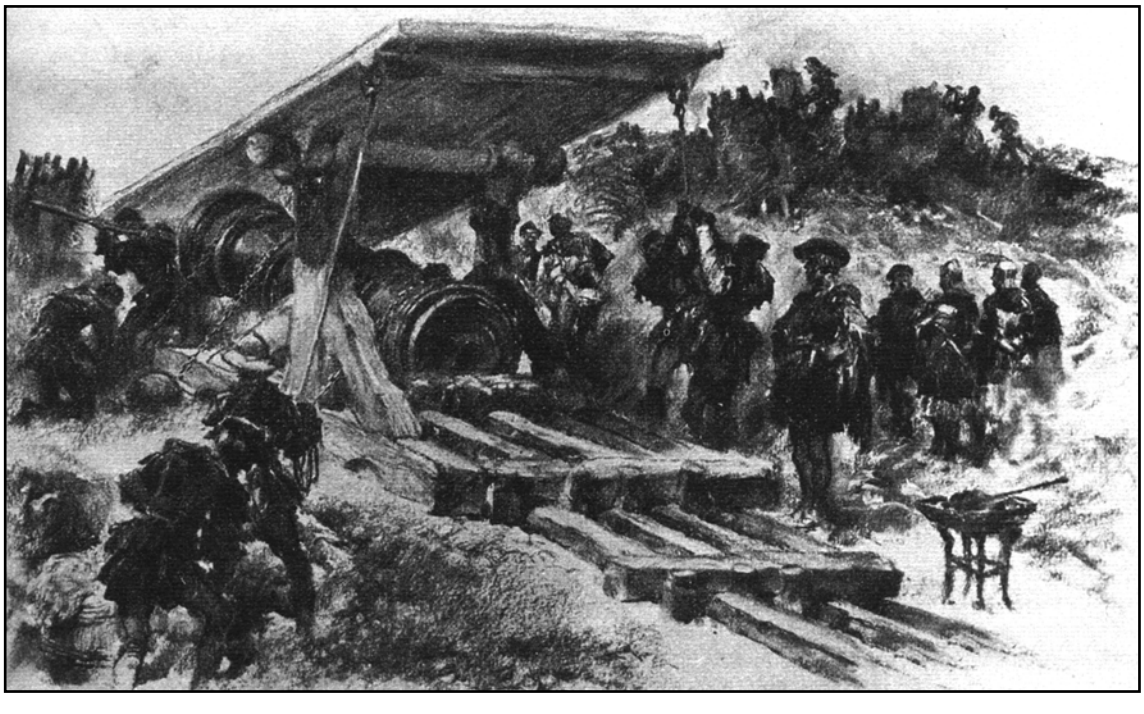

Рис. 12. Подготовка бомбарды «Ленивая Грета» к выстрелу. Иллюстрация А. Гоффмана (по Goetz 1985: 21).

Fig. 12. Preparation of Faule Grete Bombard for the shot. Illustration by A. Hoffmann (after Goetz 1985: 21).

и подобных ей мощных артиллерийских орудий, начиная с 30-х гг. XV в. проводится модернизация укреплений Порхова, Ямгорода, Новгорода Великого, Пскова и других крепостей Северо-Западной Руси (Кирпичников 1984: 16—17, 182—183, 249).

Выводы

Подводя итоги, необходимо отметить, что обе воюющие стороны ещё в 80—90-х гг. XIV в. применяли ствольные огнестрельные орудия, и тем самым уже имели некоторую практику их использования. Однако только при подготовке к решающему военному столкновению в 1409—1411 гг. в Тевтонском ордене, с одной стороны, и в государствах Ягеллонской унии — с другой, были созданы настоящие артиллерийские арсеналы. В них насчитывалось значительное количество пушек разных типов и калибров, производство и содержание которых повлекло за собой большие денежные траты готовившихся к войне европейских стран.

С началом военных действий в 1409 г. артиллерийские орудия продемонстрировали отличные боевые качества при штурмах оборонительных сооружений. Особенно большой разрушительной мощью обладали тяжёлые бомбарды, которые, несмотря на неудобство и затраты при транспортировке, впервые довольно успешно использовались в борьбе за укреплённые города. Вместе с тем, при осаде Мариенбургского замка в 1410 г. их технические мощности оказались недостаточными.

Даже явное превосходство в огнестрельной артиллерии не было в то время достаточным условием для окончательной победы. Ярким свидетельством этого является полный разгром войска крестоносцев под Грюнвальдом. Пушки из-за своей малой скорострельности и сложности перемещения ещё были не в состоянии существенно повлиять на исход средневекового сражения.

Тем не менее, активное применение артиллерийских орудий во время Великой войны прямо или косвенно повлияло на их распространение в государствах Центральной и Восточной Европы. Заимствование этого опыта привело к быстрому завершению междоусобной войны в Бранденбурге (1411—1415 гг.) и дальнейшему развитию оборонительного зодчества в землях Северо-Западной Руси. Эти регионы начали активно вовлекаться в сферу общеевропейской «пороховой революции».

Литература

Бискуп М. 1991. Великая война Польши и Литвы с Тевтонским орденом (1409—1411 гг.) в свете новейших исследований. *ВИ* (12), 14—22.

Бохан Ю.М. 2002. *Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV — канца XVI ст*. Мінск: Экаперспектыва.

Бохан Ю.М. 2010. *Ваяры Грунвальдскай бітвы*. Мінск: Беларусь.

Длугош Я. 2007. *Грюнвальдская битва*. Стратановский Г.А., Казанский Б.В., Разумовская Л.В. (изд.). Москва: Наука.

Кирпичников А.Н. 1976. *Военное дело на Руси в XIII—XV вв.* Ленинград: Наука.

Кирпичников А.Н. 1984. *Каменные крепости Новгородской земли*. Ленинград: Наука.

Контамин Ф. 2001. *Война в средние века*. Санкт-Петербург: Ювента.

Красножон А.В., Федорук А.В. 2012. Огнестрельная артиллерия как датирующий признак цитадели Белгород-Днестровской крепости. *Stratum plus* (6), 239—259.

Пашуто В.Т., Ючас М. 1960. 550-летие Грюнвальдской битвы. *ВИЖ* (9), 87—98.

ПСРЛ 2000: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 2000. *Полное собрание русских летописей* 11. Москва: Языки русской культуры.

ПСРЛ 2000а: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 2000. *Полное собрание русских летописей* 12. Москва: Языки русской культуры.

Татищев В.Н. 1965. *История Российская* 5. Москва; Ленинград: Наука.

Федорук А.В. 2011. Великая война 1409—1411 гг. и Молдавское воеводство. *Stratum plus* (6), 295—304.

Chodyński A.R. 2007. Bombarda krzyżacka z Kurzętnika. In: Trupinda J. (red.). *Imagines potestatis. Insygnia i znaki władzy w Królestwie Polskim i Zakonie Niemieckim. Katalog wystawy w Muzeum Zamkowym w Malborku 8 czerwca — 30 września 2007 roku*. Malbork, 388—389.

Christine de Pisan 1937. *The book of Fayttes of Armes and of Chyualrye*. Byles A.T.P. (ed.). London: Pub. for the Early English text Society by H. Milford, Oxford University Press.

Costăchescu M. 1932. *Documentele moldoveneşte înainte de Ştefan cel Mare* II. Iaşi: Viaţa Românească.

Cr. conf. 1911: *Cronica conflictus Wladyslai regis Poloniae cum cruciferis anno Cristi 1410*. Celichowski Z. (wyd.). Poznań: Nakł. Bibl. Kórnickiej.

Durdík J. 1953. *Husitské vojenství*. Praha: Naše vojsko.

Ekdahl Sv. 2010. *Grunwald 1410. Studia nad tradycją i źródłami*. Kraków: Avalon.

Gawęda St. 1961. Rola Krakowa w okresie przygotowań do wyprawy grunwaldzkiej. *ZNUJ* 48 (8), 21—22.

Głosek M. 1990. Broń palna. In: Nadolskie A. (red.). *Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1350—1450*. Łódź: Polska Akademia Nauk; Instytut Historii Kultury Materialnej, 155—164.

Goetz D. 1985. *Die Anfänge der Artillerie*. Berlin: Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik.

Goliński M. 1988. Broń palna na Śląsku do lat trzydziestych XV w. oraz jej zastosowanie przy obronie i zdobywanie twierdz. *SMHW* 31, 3—26.

Górski K. 1902. *Historia artylerii polskiej*. Warszawa: Druk. A.T. Jezierskiego.

Grodzicka M. 1963. Bombarda z zamku w Kurzętniku (Najstarszy spiżowyj okaz artylerii krzyżackiej). *SMDDUUW* 1, 7—13.

Jučas M. 2010. *Grunwald 1410*. Kraków: Avalon.

Kr.JCz. 2006: *Kronika Jana z Czarnkowa*. 2006. Żerbiłło J. (tlum.); Kowalski M.D. (oprac. tekstu i przypisów). Kraków: Universitas.

Kuc M. 2000. Oblężenie twierdzy malborskiej w 1410 roku — aspekty militarne. *ZH* 65 (1), 25—44.

Kuczyński S.M. 1987. *Wielka wojna z Zakonem Krzyżackim w latach 1409—1411*. Warszawa: Wyd. Min. Obrony Narodowej.

MMAeH 1882: Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376—1430. *Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia* 6. Cracoviae: Nakł. Acad. Umiejętności Krakowskiej.

Nadolskie A. 2008. *Grunwald 1410*. Warszawa: Bellona.

Nadolskie A. 2010. *Grunwald. Problem wybrane*. Wodzisław Śląski; Łódź: Templum.

NKRMK 1878: *Najstarsze księgi i rachunki miasta Krakowa od r. 1300 do 1400*. 1878. Piekosiński Fr., Szujski J. (wyd.). Kraków: Nakł. Akad. Umiejętnosci.

Nowakowski A. 1988. *O wojskach Zakonu Szpitala Najświętszej Marii Panny Domu Niemieckiego w Jerozolimie*. Olsztyn: Ośrodek Badań Nauk. im. Wojciecha Kętrzyńskiego.

Nowakowski A. 1991. Some Remarks about Weapons stored in the Arsenals of the Teutonic Order's Castles in Prussia by the End of the 14th and early 15th Centuries. *Das Kriegswesen der Ritterorden im Mittelalter*. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 75—88.

Oehler M. 1910. *Der Krieg zwischen dem Deutschen Order und Polen-Littauen 1409—1411*. Elbing: E. Wernichs Druck.

PDLAM 1896: Czołowski A. (wydał). 1896. *Pomniki dziejowe Lwowa z archiwum miasta.* T. 2. *Księga przychodów i rozchodów miasta, 1404—1414.* Lwów: Gmina król. stoł. miasta Lwowa.

RDJJ 1896: *Rachunki dworu króla Władysława-Jagiełły i królowej Jadwigi z lat 1388 do 1420.* 1896. Piekosiński Fr. (wyd.). Kraków: Nakł. Akad. Umiejętnosci.

Rathgen B. 1925. Die Faule Grete. *EJ* 4, 45—76.

Rathgen B. 1928. *Das Geschütz im Mittelalter. Quellenkritische Untersuchungen*. Berlin: VDI-Verlag.

Rogers Cl. J. 1993. The Military Revolutions of the Hundred Years' War. *JMH* 57 (2), 241—274.

Schmidtchen V. 1977. *Die Feuerwaffen des Deutschen Ritterordens bis zur Schlacht bei Tannenberg 1410. Beistände, Funktion und Kosten, dargestellt anhand der Wirtschaftsbücher des Ordens von 1374 bis 1410*. Lüneburg: Nordostdeutsches Kulturwerk.

Schmidtchen V. 1977a. Riesengeschütze des 15. Jahrhunderts. Technische Höchstleistungen ihrer Zeit. *Technikgeschichte* 44 (3), 213—237.

Smith R.D., Brown R.R. 1989. *Bombards: Mons Meg and her sisters*. London: Royal Armouries.

Sperka J. 2011. Wojny króla Władysława Jagiełły z księciem opolskim Władysławem (1391—1396). Wodzisław Śląski: Templum.

SRP 1863: Die Chronik Wigands von Marburg. *Scriptores rerum Prussicarum: Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft* 2. T. Hirsch, M. Tuppen, E. Strehlke (Hrsg.). Leipzig: S. Hirzel, 430—662.

SRP 1866: Johann's von Posilge, officialis von Pomesanien, Chronik des Landes Preussen (von 1360 an, fortgesetzt bis 1419). *Scriptores rerum Prussicarum: Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft* 3. T. Hirsch, M. Tuppen, E. Strehlke (Hrsg.). Leipzig: S. Hirzel, 79—388.

Strzyż P. 2007. Artyleria Władysława Jagiełły w wojnie z Władysławem Opolczykiem (1391—1401). *AMM* 3, 85—97.

Strzyż P. 2011. *Średniowieczna broń palna w Polsce. Studium archeologiczne*. Łódź: Instytut Archeologii i Etnologii PAN.

Szymczak J. 2004. *Początki broni palnej w Polsce (1383—1533)*. Łódź: Uniwersytet Łódzki.

Szymczak J. 1990. Organizacja produkcji i ceny uzbrojenia. In: Nadolskie A. (red.). *Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1350—1450*. Łódź: Polska Akademia Nauk; Instytut Historii Kultury Materialnej, 208—382.

Świętosławski W. 1993. Koszty broni palnej i jej użycia w państwie krzyżackim w Prusach na początku XV wieku. *SMHW* 35, 19—33.

Świętosławski W. 2010. Archeologiczne ślady bitwy grunwaldzkiej. In: Augustyniak J., Ławrynowicz O. (red.). *Grunwald 1410. Materiały z sesji popularnonaukowej z okazji obchodów 600-lecia bitwy pod Grunwaldem*. Sulejów: Ofic. Druk. MR «Marland 2», 91—101. (96—98)

Żabiński Gr. 2012. The Grose bochse — a Teutonic Supergun from 1408. *FAH* 25, 31—40.

Żabiński Gr. 2013. Das Grosse Ämterbuch des Deutschen Ordens — remarks on its value for arms and armour research. *WA* 18, 199—212.

References

Biskup, M. 1991. In *Voprosy istorii (Questions of History)* (12), 14—22 (in Russian).

Bokhan, Yu.M. 2002. *Uzbraenne vojska VKL druhoj palovy XIV — kantsa XVI st. (Weapons of the Army of the Great Principality of Lithuania in the second half of 14th — late 16th c.).* Minsk: "Èkaperspektyva" Publ. (in Byelorussian).

Bokhan, Yu.M. 2010. *Vayary Hrunval'dskaj bitvy (Warriors of the Battle of Grunwald).* Minsk: "Belarus'" Publ. (in Byelorussian).

Długosz, J. 2007. *Griunval'dskaia bitva (Battle of Grunwald).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kirpichnikov, A.N. 1976. *Voennoe delo na Rusi v XIII—XV vv. (Russian Warfare in 13th —15th Centuries).* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kirpichnikov, A.N. 1984. *Kamennye kreposti Novgorodskoi zemli (Stone Fortresses of the Novgorod Land).* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Contamine, Ph. 2001. *Voina v srednie veka (Medieval Wars).* Saint Petersburg: "Iuventa" Publ. (in Russian).

Krasnozhon, A.V., Fedoruk, A.V. 2012. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropokogy)* (6), 239—259 (in Russian).

Pashuto, V.T., Iuchas, M. 1960. In *Voenno-istoricheskii zhurnal (Military Historical Journal)* (9), 87—98 (in Russian).

Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheiu ili Nikonovskoiu letopis'iu (*Collected Works of Chronicles, named Patriarch's or Nikon Chronicle*). 2000. Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 11. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheiu ili Nikonovskoiu letopis'iu (*Collected Works of Chronicles, named Patriarch's or Nikon Chronicle*). 2000. Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 12. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Tatishchev, V.N. 1965. *Istoriia Rossiiskaia (Russian History)* 5. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Fedoruk, A.V. 2011. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia ant-*

ropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropokogy) (6), 295—304 (in Russian).
Chodyński, A. R. 2007. Bombarda krzyżacka z Kurzętnika. In: Trupinda J. (red.). *Imagines potestatis. Insygnia i znaki władzy w Królestwie Polskim i Zakonie Niemieckim. Katalog wystawy w Muzeum Zamkowym w Malborku 8 czerwca — 30 września 2007 roku*. Malbork, 388—389.
Christine de Pisan. 1937. *The book of Fayttes of Armes and of Chyualrye*. Byles A. T. P. (ed.). London: Oxford University Press.
Costăchescu, M. 1932. *Documentele moldoveneşte înainte de Ştefan cel Mare* II. Iaşi: Viaţa Românească.
Cronica conflictus Wladyslai regis Poloniae cum cruciferis anno Cristi 1410. 1911. Celichowski Z. (wyd.). Poznań: Nakł. Bibl. Kórnickiej.
Durdík, J. 1953. *Husitské vojenství*. Praha: Naše vojsko.
Ekdahl, Sv. 2010. *Grunwald 1410. Studia nad tradycją i źródłami*. Kraków: Avalon.
Gawęda, St. 1961. Rola Krakowa w okresie przygotowań do wyprawy grunwaldzkiej. *ZNUJ* 48 (8), 21—22.
Głosek, M. 1990. Broń palna. In: Nadolskie A. (red.). *Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1350—1450*. Łódź: Polska Akademia Nauk; Instytut Historii Kultury Materialnej, 155—164.
Goetz, D. 1985. *Die Anfänge der Artillerie*. Berlin: Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik.
Goliński, M. 1988. Broń palna na Śląsku do lat trzydziestych XV w. oraz jej zastosowanie przy obronie i zdobywanie twierdz. *SMHW* 31, 3—26.
Górski, K. 1902. *Historia artylerii polskiej*. Warszawa: Druk. A. T. Jezierskiego.
Grodzicka, M. 1963. Bombarda z zamku w Kurzętniku (Najstarszy spiżowyj okaz artylerii krzyżackiej). *SMDDUUW* 1, 7—13.
Jučas, M. 2010. *Grunwald 1410*. Kraków: Avalon.
Kronika Jana z Czarnkowa. 2006. Żerbiłło J. (tlum.); Kowalski M. D. (oprac. tekstu i przypisów). Kraków: Universitas.
Kuc, M. 2000. Oblężenie twierdzy malborskiej w 1410 roku — aspekty militarne. *ZH* 65 (1), 25—44.
Kuczyński, S. M. 1987. *Wielka wojna z Zakonem Krzyżackim w latach 1409—1411*. Warszawa: Wyd. Min. Obrony Narodowej.
Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376—1430. 1882. *Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia* 6. Cracoviae: Nakł. Acad. Umiejętności Krakowskiej.
Nadolskie, A. 2008. *Grunwald 1410*. Warszawa: Bellona.
Nadolskie, A. 2010. *Grunwald. Problem wybrane*. Wodzisław Śląski; Łódź: Templum.
Najstarsze księgi i rachunki miasta Krakowa od r. 1300 do 1400. 1878. Piekosiński Fr., Szujski J. (wyd.). Kraków: Nakł. Akad. Umiejętnosci.
Nowakowski, A. 1988. *O wojskach Zakonu Szpitala Najświętszej Marii Panny Domu Niemieckiego w Jerozolimie*. Olsztyn: Ośrodek Badań Nauk. im. Wojciecha Kętrzyńskiego.
Nowakowski, A. 1991. Some Remarks about Weapons stored in the Arsenals of the Teutonic Order's Castles in Prussia by the End of the 14th and early 15th Centuries. *Das Kriegswesen der Ritterorden im Mittelalter*. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 75—88.
Oehler, M. 1910. *Der Krieg zwischen dem Deutschen Order und Polen-Littauen 1409—1411*. Elbing: E. Wernichs Druck.
Czołowski, A. (wydał). 1896. *Pomniki dziejowe Lwowa z archiwum miasta*. T. 2. *Księga przychodów i rozchodów miasta, 1404—1414*. Lwów: Gmina król. stoł. miasta Lwowa.
Rachunki dworu króla Władysława-Jagiełły i królowej Jadwigi z lat 1388 do 1420. 1896. Piekosiński Fr. (wyd.). Kraków: Nakł. Akad. Umiejętnosci.
Rathgen, B. 1925. Die Faule Grete. *EJ* 4, 45—76.
Rathgen, B. 1928. *Das Geschütz im Mittelalter. Quellenkritische Untersuchungen*. Berlin: VDI-Verlag.
Rogers, Cl. J. 1993. The Military Revolutions of the Hundred Years' War. *JMH* 57 (2), 241—274.
Schmidtchen, V. 1977. *Die Feuerwaffen des Deutschen Ritterordens bis zur Schlacht bei Tannenberg 1410. Beistände, Funktion und Kosten, dargestellt anhand der Wirtschaftsbücher des Ordens von 1374 bis 1410*. Lüneburg: Nordostdeutsches Kulturwerk.
Schmidtchen, V. 1977a. Riesengeschütze des 15. Jahrhunderts. Technische Höchstleistungen ihrer Zeit. *Technikgeschichte* 44 (3), 213—237.
Smith, R. D., Brown, R. R. 1989. *Bombards: Mons Meg and her sisters*. London: Royal Armouries.
Sperka, J. 2011. Wojny króla Władysława Jagiełły z księciem opolskim Władysławem (1391—1396). Wodzisław Śląski: Templum.
Hirsch, T., Tuppen, M., Strehlke, E. (Hrsg.). 1863. Die Chronik Wigands von Marburg. *Scriptores rerum Prussicarum^ Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft* 2. Leipzig: Hirzel, 430—662.
Hirsch, T., Tuppen, M., Strehlke, E. (Hrsg.). 1866. Johann's von Posilge, officialis von Pomesanien, Chronik des Landes Preussen (von 1360 an, fortgesetzt bis 1419). *Scriptores rerum Prussicarum: Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft* 3. Leipzig: S. Hirzel, 79—388.
Strzyż, P. 2007. Artyleria Władysława Jagiełły w wojnie z Władysławem Opolczykiem (1391—1401). *AMM* 3, 85—97.
Strzyż, P. 2011. *Średniowieczna broń palna w Polsce. Studium archeologiczne*. Łódź: Instytut Archeologii i Etnologii PAN.
Szymczak, J. 2004. *Początki broni palnej w Polsce (1383—1533)*. Łódź: Uniwersytet Łódzki.
Szymczak, J. 1990. Organizacja produkcji i ceny uzbrojenia. In: Nadolskie A. (red.). *Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1350—1450*. Łódź: Polska Akademia Nauk; Instytut Historii Kultury Materialnej, 208—382.
Świętosławski, W. 1993. Koszty broni palnej i jej użycia w państwie krzyżackim w Prusach na początku XV wieku. *SMHW* 35, 19—33.
Świętosławski, W. 2010. Archeologiczne ślady bitwy grunwaldzkiej. In: Augustyniak J., Ławrynowicz O. (red.). *Grunwald 1410. Materiały z sesji popularnonaukowej z okazji obchodów 600-lecia bitwy pod Grunwaldem*. Sulejów: Ofic. Druk. MR «Marland 2», 91—101. (96—98)
Żabiński, Gr. 2012. The Grose bochse — a Teutonic Supergun from 1408. *FAH* 25, 31—40.
Żabiński, Gr. 2013. Das Grosse Ämterbuch des Deutschen Ordens — remarks on its value for arms and armour research. *WA* 18, 199—212.

Статья поступила в номер 30 июня 2014 г.

Andrei Fedoruk (Chernivtsi, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University[1].
Andrei Fedoruk (Cernăuți, Ucraina). Candidat în ştiinţe istorice. Universitatea Naţională „Iuri Fedkovici" din Cernăuți.
Федорук Андрей Васильевич (Черновцы, Украина). Кандидат исторических наук. Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича.
E-mail: andrii.fedoruk@mail.ru

Address: [1] Kafedralna St., 2, Chernivtsi, 58012, Ukraine

В. Л. Мыц

Армянская община Каффы в войне с турками-османами 1475 г.

Keywords: Crimea, Kaffa, Genoese colonies, Ottoman conquest, Armenian community.

Cuvinte cheie: Crimeea, Kaffa, colonii genoveze, cucerirea otomană, comunitatea armenească.

Ключевые слова: Крым, Каффа, генуэзские колонии, османское завоевание, армянская община.

V. L. Myts

Armenian Community of Kaffa during the War with the Ottoman Turks in 1475

In 1475, the Turks seized the town of Kaffa — the capital of Genoese factories in Crimea. This event was reflected in Latin and Turkish written sources. A separate group of sources is made of Armenian texts written in different time periods and of different contents. The analysis of Armenian sources indicates that their account is not always reliable and is frequently exaggerated. The author comes to a conclusion that the reason of Kaffa's fall was not a military and technical weakness, but rather psychological unwillingness to defend the city. The two decades of discord in the urban community in the context of declining trade and political instability transformed this large center of Christianity in the east into an easy loot for the Islamic warriors.

V. L. Myts

Comunitatea armenească din Kaffa în războiul cu turcii osmani din 1475

In 1475 the Turks seized the town of Kaffa, that was the capital of factories of Genoa in Crimeea. This event was reflected in Latin and Turkish written evidences. The separate group of sources is included of different periods and content reports of Armenian authors. The analysis of Armenian sources indicate that its information is not always reliable and frequently it is exaggerated. The author comes to a conclusion that the reason of Kaffa's fall was not in military and technical weakness, but in psychological disinclination to defend the city. Două decenii de discordii în comunitatea urbană în contextul comerțului scăzut şi instabilității politice au transformat marele centru de civilizație creştină din Orient într-o pradă uşoară pentru războinicii islamului.

В. Л. Мыц

Армянская община Каффы в войне с турками-османами 1475 г.

В 1475 г. турки-османы силой захватили город Каффу, который являлся столицей генуэзских факторий Крыма. Это событие отражено письменными свидетельствами латинских и турецких авторов. Особую группу источников составляют различные по времени написания и содержанию армянские тексты. Анализ показывает, что их информация не всегда соответствует действительности и часто носит преувеличенный характер. Сделан вывод, что причины падения Каффы таятся не в военной и технической слабости, а в психологической сфере — нежелании защищаться. Два десятилетия раздоров в городской общине на фоне упадка торговли и политической нестабильности в итоге превратили этот крупный центр христианской цивилизации на Востоке в легкую добычу воинов ислама.

«Каффинская война» (Guerra di Caffa) 1475 г., в результате которой в Северном Причерноморье турками-османами были завоёваны генуэзские фактории Таврики, Тамани и Тана (Азак), а также княжество Феодоро, неоднократно становилась предметом специальных исследований (Колли 1911: 125—139; 1918: 145—174; Pistarino 1990: 477—518; Мыц 2009: 419—499 и др.).

При этом авторы работ, появившихся во второй половине XIX — начале XX в., прежде всего касались морально-этической и психологической стороны вопроса, пытались выяснить причины стремительного падения столицы генуэзской Газарии — Каффы. Среди таковых они называли предательство или трусость как жителей города, так и генуэзских оффициалов (Vigna 1879: 164; Heyd 1885: 401; Колли 1911: 3—8; Бертье-Делагард 1918: 18). Кроме того, высказывалось мнение о слабости обороны Каффы (Heyd 1885: 402) ввиду значительного недостатка вооружения и даже неумения обращаться с огнестрельным оружием (Бертье-Делагард 1918: 18).

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© В. Л. Мыц, 2014.

Следует отметить, что при освещении данной проблемы исследователи в основном обращались к свидетельствам латинских источников (Колли 1911: 8—17). Приведём некоторые из них, в которых содержатся наиболее важные и яркие свидетельства происходивших в 1475 г. событий. Так, 30 июня 1475 г. венецианский посол при дворе венгерского короля Севастин Бадоаро писал дожу Венеции о полученном им известии «...о том, что турецкий флот стоит в настоящее время на рейде Каффы, которою он завладел вместе со *всеми крепостями* (здесь и далее по тексту выделено мной — *В.М.*). *Все итальянцы и все именитые граждане упомянутого города изрублены.* К туркам присоединились высшие татарские военачальники, а также *заальпийцы* (sic!)...» (Колли 1911: 8).

В этом кратком пассаже допущено сразу три ошибки, которые выдают в информаторах венецианского дипломата людей не осведомлённых и использовавших распространявшиеся летом 1475 г. слухи о захвате османами Каффы. Во-первых, к моменту написания письма дожу Венеции (30 июня 1475 г.) туркам удалось овладеть далеко не всеми крепостями генуэзской Газарии. Некоторые из них (Сугдея, Луста, Чембало) оказали сопротивление и были взяты только после нескольких месяцев осады и штурма. Во-вторых, ни один из имеющихся источников последней трети XV в. не сообщает о казни османами в Каффе кого-либо из итальянцев или знатных людей других народностей. В-третьих, не поддаётся убедительному объяснению присоединение к туркам неких «заальпийцев».

20 июня 1475 г. Стефан III сообщал из Ясс королю Венгрии Матвею Корвину: «Что касается до тур[ок, то] говорили, что подплыл морем Ахмет Басса (Гедык-Ахмет-паша — *В.М.*) на кораблях и стремительно [окружил] Каффу, и сражался с Каффой три дня, но на четвёртый [день] турки взяли верх и *завладели приступом Каффой*, которая находится [теперь] в руках турок [...]» (Колли 1911: 14). В данном отрывке господарь Молдавии явно ошибается, когда пишет, что турки «завладели приступом Каффой».

В июле (точнее — «в воскресенье после праздника Рождества св. Иоанна Крестителя», т. е. 25 июня)[1] 1475 г. доминиканские монахи д'Альба-Реале и Гаспар, являвшиеся представителями короля Венгрии при воеводе Молдавского княжества Стефане III, сообщали, что турки «...с сильной армией, севшей на 400 кораблей, пришли осаждать Каффу, которую со всех сторон обложили и вскоре ею завладели вместе с крепостью и всеми жителями. После взятия города, *все живущие в нём итальянцы и с ними все почётные граждане были истреблены.* Остальной части населения, присягнувшей на верность султану, разрешено было сохранять прежние законы и обычаи...» (Колли 1911: 12). И здесь мы встречаем явно искажённое заключение о расправе турок над «всеми» итальянцами и почётными гражданами Каффы.

Интересные детали происходивших в Крыму событий сообщает в своём послании (составленном на основании двух писем, полученных из Перы и Бруссы, и отправленном в Геную с Хиоса 10 июля 1475 г.) консулом генуэзской фактории Джакомо Джустиниани: «Третьего числа прошлого июня месяца армада султана явилась в виду Каффы и немедленно приступила к высадке войск на берег. Тут же турки вступили в бой с татарами и каффинцами. Татарский хан, увидев, что для него нет спасения, укрылся в Каффу с 1500 солдатами, оставив на поле прочих татар под начальством своего Бассы (Эминека — *В.М.*). Этот же со всем татарским народом заключил союз с турецким адмиралом и оказал ему помощь в жизненных припасах и другом необходимом для осады. Тогда, со стороны суши, турки начали проламывать стены в продолжение четырёх суток. *На пятый день возмутились городские греки и армяне, заявив латинянам о своём отказе дальше противиться туркам, и требовали сдачи.* Тогда латиняне, увидев своё бессилие одним защищаться, сдались на условиях, пока не известных, но *велено было отрубить голову консулу и 300 генуэзцам.* Приведено было в известность всё имущество Каффы, *8000 домов, семьдесят тысяч душ жителей* и т. д.» (Колли 1911: 16; Зевакин, Пенчко 1940: 27).

В письме Дж. Джустиниани важна констатация «возмущения» греков и армян Каффы, отказавшихся сопротивляться туркам и потребовавших сдать город османам. Вместе с тем не выдерживает критики утверждение автора о якобы казнённом при сдаче Каффы консуле (Антониотто ди Кабелла) и 300 генуэзцев. Данное сообщение также послужило источником для утверждения о том, что на момент захвата города турками в нём находилось 8000 домов и проживало 70 тыс. жителей.

К числу относительно поздних (1476 г.) латинских источников относится донесение председателя городского совета Рагузы, адресованное дожу Венеции Пьетро Мочениго.

[1] Л. П. Колли датировал время отправки этого сообщения июлем (Колли 1911: 12), а А. А. Васильев — 20 июня 1475 г. (Vasiliev 1936: 245, n. 1).

В нём, в частности, сообщается: «В прошлом году в Понт Эвксинский, известный также под названием Верхнего моря, вошли 440 турецких судов. Этот флот, о коем знает уже Ваша Светлость, завладел Каффой, вместе с семью другими городами, подвластными Каффе. Жадный дракон велел отправить в Константинополь из Каффы 500 генуэзских и других латинских семейств. Он захватил ещё два соседних с Таной укреплённых христианских замка. Всё вышесказанное было совершено турками в этом Верхнем море...» (Колли 1911: 17).

Данное сообщение содержит наиболее взвешенную констатацию произошедших событий, а главное — оно лишено каких-либо панических слухов о массовом уничтожении генуэзской общины (и в первую очередь администрации города) турками-османами.

К числу самостоятельной группы исторических источников о завоевании Генуэзской Газарии и Готии турками в 1475 г. относятся сочинения османских авторов. По детальной характеристике событий выделим два из них.

Оригинальную версию событий предлагает османский историограф Ашик-Паша-Заде. В своей хронике (написана между 1476 и 1484 гг.) он сообщает: «Неверные поняли намерение завоевателей — взяв город, разрушить его и потребовать выполнения их требований, и на это всё у них хватило бы сил. Неверные, поняв намерение исламистов (так в переводе — *Ред.*), собрались вокруг своего правителя. “Что вы будете делать с этими турками?” — спросили они. Правитель: “А что вы предложите?”. Они: “Пока не взяли насильно, давайте отдадим по-мирному. Мы не можем сохранить эту крепость — отдадим по-хорошему”. Правитель: “Почему вы так считаете?”. Неверные: “Потому что, если турки захватят крепость силой, нас повергнут, большинство возьмут в плен, а наше имущество конфискуют и опустошат наш город. Поэтому давайте отдадим с лёгкостью, чтобы нас всех не взяли в плен. Тот падишах, который послал турок, каждую завоёванную страну благоустроил. Завоевав, не уничтожил”. Правитель: “Я буду с вами до последней минуты. Что бы вы ни предложили, я сопротивляться не буду”. Сразу же на третий день попросили о пощаде. Ахмед Паша их простил. На пятый день ворота крепости были открыты. Крепость была завоёвана. Флаг падишаха был внесён в крепость» (Хайбуллаева 2001: 364).

О том, насколько важным для османов являлось завоевание Каффы, свидетельствует историко-географический трактат 1740 г. В нём анонимный автор даёт одну из лучших ретроспективных характеристик средневековому городу: «Кафа... красиво построенный город и красивая крепость на расстоянии 464,5 мили от Стамбула. Говоря правду — это украшение всего острова. Ранее этот город находился под властью генуэзцев. Он был завоёван Османской Портой во времена султана Мехмеда II одновременно с Азовом и крепостью Менкуб (Мангуп — *В.М.*), когда Гедык-Ахмет-паша отправился в поход на Крым с турецким флотом. Он захватил при этом в плен Менгли-Гирея — потомка Хаджи-Гирея. Пленника паша отправил в Порту, где султан Мехмед продержал его несколько дней запертым, а потом освободил. После того как Менгли-Гирей признал турецкое господство, стремясь сохранить свою хотя бы временную власть, он с большим торжеством был назначен [наместником султана][2] и отправлен обратно в Крым в сопровождении военного османского отряда. Там его встретил мирзабей и с соответствующей церемонией водворил в Бахчи-Сарае. В Кафе, где, как уже было отмечено, имеет свою резиденцию турецкий бейлербей, татарское население относительно незначительно, зато неверных, наоборот, очень много. Они освобождают рабов и гонят их на польскую сторону и в Россию. *В Кафе имеется 12 греческих церквей и 32 армянские. Когда город был завоёван Портой, население там исчислялось 6000 семейств и 3000 рабов.* И сегодня эта местность преуспевает, имеет красивые мечети, бани, рынки и считается торговым центром, весьма притягательным для купцов из Царьграда и Трапезунда. Много тамошних бань и лавок являются собственностью общины “священных городов” Мекки и Медины. Там пребывают муфтий, кади и другие улемы» (Турецкий источник... 1964).

Анонимный автор излагает сформировавшуюся к тому времени конъюнктурную официальную точку зрения на подчинение Крымской Орды (ханства) Османской империи. Для нас особенно интересно замечание относительно численности населения города, которое, судя по всему, составляло к концу XV в. около 30—33 тыс. человек.

Особую группу составляют армянские источники, которые не получили такой широкой историографической известности, как, например, отклики армянских авторов на падение Константинополя в 1453 г. (Анасян 1953:

[2] Такая конъюнктурная реконструкция текста предложена переводчиком — М. Губоглу.

444—466; 1957). Отчасти эту лакуну в своё время удалось восполнить известному армянскому историку В. А. Микаэляну в его монографии «История крымских армян», впервые опубликованной в 1974 г. (переиздана в 2004 г.).

В главе 3 своего исследования (озаглавленнной «События 1475 года и таврические армяне»), помимо работ Н. Н. Мурзакевича, Ф. К. Бруна, В. Х. Кондараки, А. Винья, В. Гейда, Л. П. Колли, С. А. Секиринского и др., опирающихся в основном на латинские источники, В. А. Микаэлян широко использовал разнохарактерные и разновременные армянские письменные свидетельства. К их числу относятся рукописи №7709 и 7442 Матенадарана, содержащие краткую «Историю крымских армян», сообщения очевидца захвата Каффы турками-османами в 1475 г. армянского поэта Нерсеса Каффаеци (Матенадаран. №7709. Л. 57—58) и Мартироса Крымеци — также поэта и политического деятеля XVII в. (Мартиросян 1958: 140; Памятные записи 1955: 390). Это позволило автору создать необычайно яркое и колоритное полотно исторических событий, связанных с завоеванием Каффы турками-османами в 1475 г.

В переводе А. А. Мартиросяна поэт Нерсес Каффаеци полными скорби словами описывает падение города:

«Армянского летоисчисления 924 (1475) года.
По наущению злоумышленника,
Когда объединились все турки,
Татары напали на Каффу.
Лишив весь город воды,
Они ударили по нему.
Много крови пролилось,
Потом появились корабли султана
Числом более четырёхсот
И объединившись [с татарами], высадились.
Город Каффу окружили,
Всадников очень много, не исчислить.
Имели они много пушек и ружей.
.....
Когда из пушек ударили,
Земля и небо задрожали,
Большой ущерб причинили,
Дома и церкви разрушили»
(Матенадаран. №7709. Л. 57—58).

Армянский автор Мартирос Крымеци отмечал, что, объединившись, турки и татары, «окружив город с моря и суши», «вели страшную войну». Дальнейший ход событий им представлен следующим образом: «Тогда сопротивлялись наши князья и дворяне и не хотели сдать крепость». Однако затем «наши князья и дворяне, увидев слабость генуэзского князя и его войск, особенно когда генуэзский князь обратился в бегство, остались беспомощными перед голодом, взяли клятву и город сдали туркам» (Мартиросян 1958: 140).

В. А. Микаэлян, на основании имевшихся в его распоряжении источников, пришёл к вполне объективному заключению: «Трудно вскрыть в деталях причины падения города, но главная причина состоит в том, что оно было обусловлено всем ходом развития международных отношений, и особенно тогдашними турецкими завоеваниями. Успеху турок в Крыму во многом способствовал их союз с татарами. В создавшемся положении, когда продвижение турок вызывало панику государств, ни генуэзцы, ни греки в Каффе не в силах были противостоять мощному союзу турецко-татарских сил. Именно в этом заключена историческая правда» (Микаэлян 2004: 98).

Вместе с тем, следует признать, что историку, с одной стороны, следующему в русле сложившейся к 70-м гг. XX в. историографической традиции (например, «Защитники города, лишённые артиллерии...»), а с другой, находящемуся под влиянием эмоционально ярких, но субъективных свидетельств армянских письменных источников, не удалось избежать тенденциозности при характеристике событий, как предшествовавших захвату Каффы 6 июня 1475 г., так и после того, как город был сдан на милость победителя. Наверное, поэтому В. А. Микаэлян писал: «Не внушала доверия и организация обороны города. Не имелось пушек, хотя из Ахена и Страсбурга были приглашены два специалиста, чтобы руководить артиллерией, которую собирались организовать на месте, но, видимо, ничего не вышло...» (Микаэлян 2004: 91). И далее продолжал: «Овладев городом, турки и татары, по своему обыкновению, не сдержали обещаний и устроили в Каффе настоящую бойню. Армянские и итальянские источники свидетельствуют, что население предавалось смерти, а город — разрушению» (Микаэлян 2004: 91).

При этом он цитирует одну (из 15 известных) памятную запись армянской рукописи: «Армянского летоисчисления 924 г. (=1475), когда было написано сие святое евангелие, турки взяли Каффу и совершили многочисленные пленения и разрушения; и воцарились великая печаль и горе» (Памятные записи 1958: 390). Вместе с тем исследователь также вынужден был признать, что «источники не называют число убитых. Но все они (по его заключению — *В. М.*) сообщают, что было вырезано огромное число хри-

стиан — армян, греков, а также генуэзцев» (Микаэлян 2004: 99).

На самом деле о якобы произведённой турками в Каффе «резне» ничего не известно. По свидетельству генуэзца Христофоро ди Мортара (находившегося в Каффе в момент её захвата турками), в Адрианополе по личному приказу Мехмеда II был казнён только бывший массарий Каффы Оберто Скварчиафико — его подвесили на крюк за подбородок, «как крысу» (Мыц 2009: 489, прим. 55).

Тем не менее В. А. Микаэлян, ссылаясь на поэтическое произведение («плач») Нерсеса Каффаеци, продолжает рисовать безнадёжно мрачную картину захвата османами города:

«Людей отважных вырезали,
Дочерей и сыновей собрали,
Головы отцов отрубили,
А детей в плен взяли,
Собрали без пощады,
Двух братьев в одно место,
Зятя и невестку —
Новобрачных посадили на суда»
(Матенадаран. №7709. Л. 58).

К тому же исследователь использует непроверенные, легендарные или полулегендарные свидетельства, которыми изобилует работа крымского краеведа второй половины XIX в. В. Х. Кондараки, писавшего, что, «по некоторым сведениям, 40 тысяч каффинцев турки перевезли в Константинополь» (Кондараки 1875: 37).

В 1976 г. в журнале «Тетради. Русский мир и советский народ» (выпуск №4 за октябрь-декабрь)[3], в разделе «Оттоманы и Крым» была опубликована статья Матея Казаку и Керама Кевоняна «Завоевание Каффы в 1475 г. в свете новых документов» (Cazacu, Kevonian 1976: 495—538).

Во введении авторы отмечают важность всестороннего изучения вопроса завоевания Мехмедом II генуэзской колонии Каффы в 1475 г. По их мнению, данная тема является слабо исследованной, долгое время оставаясь вне всестороннего освещения историками и привлечёнными ими документами, повествующими об интеграции полуострова в состав Российской империи в конце XVIII в. Имеющиеся в распоряжении учёных источники в основном отражают историю появления, расцвета и упадка генуэзских колоний Крыма на протяжении двухсот лет (70-е гг. XIII — 70-е гг. XV в.).

Поэтому исследователи обратились к публикации собранных ими малоизвестных или никогда не издававшихся документов, относящихся как к падению Каффы в 1475 г. и судьбе населявших её местных народов, так и взаимоотношениям, складывавшимся между Крымским ханством и Оттоманской империей в 1475—1478 гг.

Армянские документы о падении Каффы могут быть условно разделены на три основные группы. Первая представлена краткими записями в хрониках или сделанными на полях рукописей XV—XVII вв. в виде колофонов (приписок). Матею Казаку и Кераму Кевоняну удалось обнаружить 15 таких свидетельств, хотя, по их мнению, данная группа может оказаться значительно дополненной при дальнейшей работе с этой категорией источников. Причём сообщения собранных документов первой группы оказываются малоинформативными и ограничиваются в основном констатацией факта захвата Каффы турками-османами в 1475 г.

В качестве таких примеров можно привести две приписки на Евангелиях, сделанные их владельцами в Стамбуле и Иерусалиме в 1475 г. и опубликованные относительно недавно на русском языке Т. Э. Саргсян:

1. «В Армянское лето 924 [1475], месяца июня 6, Исмаэляне взяли Кафу, и неволено было святое Евангелие и привезено в Стамбул, а я, Аветик, купил (его) и преподнёс храму Святого Саргиса [в Стамбуле], в воскресенье празднования Воздвижения Креста».

2. «В лето Армянское 924 [1475], в котором писалось святое Евангелие, взяли Кафу Тачики, и совершили множество пленения и разрушения, и была великая грусть и скорбь у христиан; и всё это обрушилось на нас из-за грехов наших...» (Свод армянских памятных записей 2008: 264—265)[4].

[3] Издавался в Париже на французском языке Исследовательским центром истории славян Факультета филологии и гуманитарных наук (Сорбонна) и Центром изучения международных отношений Национального фонда политических наук (Центром изучения СССР и Восточной Европы).

[4] К данному колофону Т. Э. Саргсян делает примечание, что в Хронике Григора Даранагци о военных походах султана Мехмеда II сохранились «записи, часть которых, несомненно, была взята из крымских источников XV века». Непосредственно к рассматриваемой теме имеет прямое отношение одна запись: «В лето 924 [1475] Ahмат-паша, прозвище которого было Кетук, на семистах катыркаях [галерах] вышел в Чёрное море, 6-го июня взял Кафу, взял (вместе) со страною — Сугайсом [Сугта, Судак], Палыхлуем [Балаклава]. Осенью Манкуб (Мангуп — *В.М.*) также отдали и [турки тамошних] господ вырезали» (Свод армянских памятных записей 2008: 266).

Среди 15 заметок, извлечённых из хроник и колофонов на полях рукописей, только 4 относятся непосредственно ко времени падения Каффы в 1475 г. Остальные (XVI—XVII вв.) не только очень кратки, но и содержат ошибки в хронологии событий.

Ко второй группе документов принадлежат два источника XVII в., один из которых (мемориал) известен под названием «История уроженцев Ани, жителей Каффы», а второй — «История страны Крым». В них прослеживается сложившаяся историческая традиция повествования о появлении на территории полуострова армянского населения. Однако до сих пор не выявлены свидетельства предшествующего времени — XIV—XVI вв.

Мемориал «История уроженцев Ани, жителей Каффы» впервые был опубликован в 1830 г. в Венеции священником (карапетом) Минасом Бжкянцем в его работе «Поездка по Польше и другим краям, населённым армянами, относящимися к бывшим жителям Ани». Автор уведомлял, что он переписал «Историю» из синаксаря, хранящегося в церкви Предтечи в селении, находящемся близ Нахичевани. Синаксарь попал туда около 1799 г. в результате миграции части армян из Крыма. Фрагменты из этой «Истории» опубликовал в 1865 г. Абрахам, а в 1901 г. карапет Л. Алишан. Оба публикатора использовали текст первого издания без какой-либо дополнительной редакторско-критической обработки перевода, предложенного в своё время Минасом Бжкянцем.

В настоящее время синаксарь хранится в Матенадаране (Ереван) под №7442. В. А. Микаэлян, при подготовке своей монографии (1964—1970 гг.) «История армянской колонии Крыма» не ставил перед собой задачу переиздать мемориал. Он цитировал только отдельные его фрагменты.

«История уроженцев Ани, жителей Каффы» имеет точную дату написания — 1690 г. На это указывает сам автор — Давид Крымеци, подготовивший рукопись по просьбе армянских дворян Тиридата и Анны Пахлавуни для того, чтобы его вставить в синаксарь. Давид также поясняет, что за данную работу он взялся ввиду отсутствия письменных документов, содержащих историю армян Крыма.

Но это заявление нельзя воспринимать буквально, так как большая часть представленных им исторических эпизодов известна в более раннем труде карапета Мартироса Крымеци «История страны Крым». Данное сочинение состоит из 77 четверостиший, написанных известным епископом Каффы в 1672 г. и опубликованных в 1958 г. А. А. Мартиросяном по армянской рукописи F.25 из библиотеки Оксфорда.

«Историю страны Крым» можно было бы считать непосредственным источником для написания мемориала «История уроженцев Ани, жителей Каффы» — тем более, что между обоими текстами существует множество параллелей, — если не предположить, что они следуют более раннему источнику, на сегодняшний день не выявленному или пропавшему. На это вроде бы указывает Давид Крымеци, специально отмечающий, что говорит о событиях, описание которых он нашёл «в письменных рассказах».

К третьей отдельной группе исследователями отнесён единственный в своём роде оригинальный источник конца XV в. художественно-литературного характера, известный как «Погребальный плач на завоевание Каффы». Он интересен тем, что в нём (в поэтической форме) нашли отражение события, связанные с захватом Каффы турками-османами в 1475 г.

«Погребальный плач на завоевание Каффы» известен в 5 версиях, представленных тремя рукописями №714, 1136, 1455 монастыря Св. Иоанна в Иерусалиме и двумя рукописями №8605 и 7709 Матенадарана. В 1969 г. В. А. Хачатурян опубликовал сборник средневековых армянских погребальных плачей. Тогда в него было включено только несколько пассажей, извлечённых из предыдущих изданий «Погребального плача на завоевание Каффы».

Несмотря на то, что источник дошёл до нас в поздних копиях XVII в., он является подлинным произведением, написанным очевидцем событий 1475 г. вартапедом Нерсесом, эмигрировавшим из Каффы вскоре после её завоевания турками-османами. Этот армянский публицист также известен и как автор «Жалобы Богу отца церкви Нерсеса».

Попытаюсь представить в русском переводе фрагмент из сочинения Давида Крымеци «История уроженцев Ани, жителей Каффы», где рассказывается о завоевании турками-османами генуэзской Каффы: «...они осадили Каффу, турок с 300 судами со стороны моря и со стороны земли (суши), тогда наши князья и дворяне противились им и не хотели отдавать крепость. Затем турок, взявший по отношению к армянам обязательство не доставлять боль совсем, но предоставлять свободу, если они подчинятся, наши князья и дворяне, видящие слабость генуэзцев и войск, главным образом от того, что князь убежал, лишённые запасов продовольствия и ввиду голода, принесли клятву и отдали город тур-

кам; это было в году 924 (=1475)» (Cazacu, Kevonian 1976: 519).

В данном пассаже автор допускает, по крайней мере, две неточности, когда говорит о якобы надвигавшемся голоде (осада Каффы длилась всего 4 дня) и о бегстве главы генуэзской администрации — консуле Антониотто ди Кабелла, что не соответствует историческим реалиям[5].

Далее Давид Крымеци на высокой эмоциональной ноте продолжает свой рассказ: «...турки предали скоро свои клятвы и свой договор; они торопили наших князей и дворян обращаться к магометанской религии.... Адмирал Гедык-Ахмед-паша предпринимал любые меры принуждения и приглашавшихся на пиры спрашивал по поводу отречения их от их веры. И наши князья отвечали: “Если ты должен нас истребить, насилием или мечом, мы готовы остаться в старой вере для вечной жизни и скорее останемся в христианской вере, чем перейдём в магометанство; так как мы другие и не продаём и не обмениваем веру на веру”... После неоднократных вопросов и ответов они (турки) снова стали фальшиво дружелюбными; он (паша) показывал по отношению к нашим князьям и дворянам дружеское отношение и говорил им: “Нет необходимости, чтобы вы впредь приходили на мои приёмы и пиры с оружием, вооружившись мечами”, и многие другие слова ещё... Однажды, доверяя словам паши, и главным образом не имея средств действовать иначе, согласно установленному порядку, наши князья и дворяне отправились на пир без оружия... Так как пир проходил в зале на 4 этаже дворца, то после того как они отобедали и спускались вниз по длинным ступеням дворца, палачи, получившие приказ паши, убили их один за другим и их бросили в море... Затем он приказал туркам и татарам истребить всю нашу армянскую нацию, которые сделали за этот же день очень населённый город (Каффу), бедным жителями; так как они погубили мечом стариков и детей, людей и женщин, и их кровь, разлитая на земле реками, стекала по улицам; они послали девушек и подростков и захваченных маленьких мальчишек в Константинополь султану; они сделали так же в Казарате и в Сурхате...» (Cazacu, Kevonian 1976: 520).

Здесь Давид Крымеци явно сгущает краски относительно казни всех знатных армян Каффы, отказавшихся принять ислам по требованию Гедык-Ахмед-паши. Дальнейшие его рассуждения о массовых убийствах армян в 1475 г. не только в Каффе, но и в «Казарате и Сурхате» являются не чем иным, как более поздней мифологемой (XVI—XVII вв.?).

Однако данный отрывок интересен тем, что автор был хорошо знаком с топографией и архитектурой консульского дворца, в котором разместился летом 1475 г. завоеватель Каффы великий визирь Гедык-Ахмет-паша. Он описывает его как четырёхэтажное здание с широкой парадной лестницей, причём на четвёртом этаже располагался зал для торжественных приёмов. Следует отметить, что это единственная заметка, уточняющая архитектонику резиденции генуэзских консулов Каффы XIV—XV вв. Вероятно, дворец сохранялся до XVII в., что и позволило Давиду Крымеци дать его общую характеристику с некоторыми деталями внутреннего устройства.

Автор также не указывает численность знатных армян города, которые якобы участвовали в пиршествах турецкого паши, а затем были коварно убиты. Кроме того, следует признать и то, что до настоящего времени не известны количество и имена армянских сотников, первоначально принимавших участие в обороне, а затем и в сдаче Каффы османам 6 июня 1475 г. Единственным остаётся документ массарии Каффы 1428 г., в котором сообщаются имена 12 сотников города: 1) Караки Капеллорум (Carachi Capelorum); 2) Манноли ди Гваско (Manoli de Goasho); 3) Феодор Форнариус (Teodorus Fornarius); 4) Георгий ди Кириакси (Iorghi de Ciriaxi); 5) Какарес Базас (Cachares Bazas); 6) Саркис армянин (Sarchis armenus); 7) Антоний Кириакос (Antonius Chiriacos); 8) Балхи (Balchi); 9) Никита Кондастани (Nichita Condostani); 10) Колоян Лупера (Caloian Lupera); 11) Кристодулос (Kristodulos); 12) Стилианус оргузий (Stilianos orguxius) (Origone 1983: 318)[6].

[5] Следует отметить, что в историографии второй половины XIX в. приобрёл популярность сюжет о том, что некоторым генуэзцам удалось бежать из осаждённой турками Каффы и укрыться на Мангупе. Вслед за М. де Канале (Canale 1855: 147) эту идею поддержал А. Винья (Vigna 1879: 178—179). По их предположению, оффициалы Каффы, и в первую очередь консул Антониотто ди Кабелла, массарий Оберто Скварчиафико, а также Менгли-Гирей бежали из города и укрылись за стенами неприступного Мангупа. Однако В. Гейд скептично отнёсся к данной идее: «Некоторые писатели утверждают, что небольшое число колонистов бежало в горы и участвовало, хотя и безуспешно, в защите крепости Мангуп против турок. Однако в документах об этом не говорится» (Heyd 1885: 405; Гейд 1915: 116).

[6] Нам неизвестно, изменилась ли их численность к 1475 г. Например, А. Л. Пономарёв полагает, что в это время в Каффе было 10 сотников, т. к., по его расчётам, в фактории проживало 1100 армян и греков,

Из представленного перечня сотников Каффы 1428 г. выделяются имена латинян и греков и только один, безусловно, может быть отнесён к армянам — «Саркис армянин», а выделение других (если они были) требуют специального анализа.

Единственным известным армянским источником, оставленным очевидцем взятия Каффы турками-османами 6 июня 1475 г. и покинувшего город вскоре (?) после этого драматического события, является «Погребальный плач на завоевание Каффы» Нерсеса Каффаеци. В русском переводе (Мыц 2009: 256—259)[7] данное яркое и эмоциональное поэтическое произведение будет звучать примерно так:

В году 924 армянской эры (=1475)
2 Из-за злых грехов наших
Соединились магометане.
4 Татары направились на Каффу.
Они порезали все воды,
6 Они дали бой городу
И покрыли землю кровью.
8 Затем пришли галеры,
Число которых превышало 400.
10 Вместе они выстроились
И окружили город Каффу.
12 У них были бесчисленные всадники,
Они обладали многочисленными пушками и аркебузами,
14 Они шли в бой с криками,
Так что страх овладевал городом.
16 Когда стреляли большие орудия,
Сотрясались земля и небо.
18 Большой ущерб был причинён городу,
Дома и храмы разрушены.
20 Дети умирали от ужасного грохота,
Женщины [были] охвачены страхом.
22 Они прижимали детей к груди,
Столь страшен был грохот большого орудия.
24 За пять дней они взяли город
И дали нам ложные обещания.
26 Затем они сделали перепись населения города,
Включив в опись и всё значимое имущество.
28 Они захватили в городе все доспехи и вооружение,
Изъяли луки, стрелы, мечи и щиты,
30 Взяв огромную контрибуцию.
Многим они обрезали бороды,
32 Избивали палками мужчин (отцов),
Забирали у них дочерей и сыновей,
34 Отрубили голову отцу,
Связав верёвками захваченных.
36 Беспощадно похитили и забрали
Двух братьев из одной семьи.
38 Они погрузили заплаканных молодожёнов,
Отцы и матери, проливая слёзы,
40 Шли за ними с непокрытыми головами,
Но ничто не могло их [турок] остановить!
42 У них совсем не было жалости!
И даже слёзы не волновали их совсем!
44 Их сердца стали сердцами зверей;
Они съедали невиновных ягнят.
46 Тех, кого они схватили, увезли на корабли,
Собрав рыдающих всех вместе
48 Дети плакали, моля дать им воды и хлеба.
Их родители все собрались, передали им еду
50 И остались сидеть на берегу моря, рыдая;
Жалкие, они смотрят на корабль!
52 Сорок дней в домах [города]
Были слышны стоны и рыдания.
54 Они взяли 10 000 женщин,
Девушек, служанок и рабынь,
56 Они сосчитали украшавшие их богатства
И грубо всех ограбили.
58 Они установили враждебный порядок,
Они собрали 1000 мешков для сбора денег
60 И не остановились пока их не наполнили.
Затем отправили награбленное в Стамбул
62 И представили своему султану.
Они уничтожили алтарь Святой Марии,
64 Которую мы почитаем.
Церковь франков они превратили в мечеть.
66 Они схватили и перевезли в Стамбул
Всех франков, которых нашли в городе,
68 Чтобы они жили там
Обращёнными в магометан.
70 Однако те [франки] неоднократно отрицали их веру.
Каждому человеку они навязали дань,
72 Они описали все существующие товары,
Они оценили дом и сад.
74 Они хотели получить третью часть.
И царило в городе большое бедствие,
76 Все вздыхали в слезах
И не было дороги, по которой можно было убежать,
78 Так как можно было попасть в плен.
Они мучили народ, увозили людей на кораблях.
80 Заставляли их делать тяжёлую работу,
Гасить известь, колоть камень, так,
82 Что кровь стекала по рукам и ногам.
Они перетаскивали камни в слезах,
84 Подгоняемые ударами палок.
Дьяконы и ученики, достойные духовного сана,
86 Философы и священники, нотариусы и судьи,
Они всех их схватили и требовали отречься от веры.

* * *

88 Когда-нибудь, перед алтарём милосердным,

то есть «в сотне, охватывающей несколько кварталов, как раз и оказывалось порядка сотни мужчин» (Пономарёв 2000: 434).

[7] Впервые «*Погребальный плач на завоевание Каффы*» Нерсеса Каффаеци был представлен мной в специальной работе (Мыц 2009б: 256—259).

На миг вспомните обо мне Нерсесе эмигранте,
90 Говоря от всего сердца: «Нашего отца, который
есть на небе».
Пусть грехи наши будут прощены и забыты!
92 Не упрекайте меня никоим образом;
За сказанное, происходящее из моих мыслей.
94 Напрасны были эти простые речи!...

Представленная в художественно-поэтической форме в «...плаче на завоевание Каффы» информация хорошо согласуется с данными других источников, по которым удаётся реконструировать события, происходившие в Крыму в мае — июле 1475 г.

В мае 1475 г. в порту Константинополя был собран огромный флот, состоявший из 180 галер, 3 малых галер, 170 грузовых судов и 120 судов для перевозки лошадей (Atti 1879: VII, 2: 475; Heyd 1885, II: 402, n. 2; Гейд 1915: 179, прим. 2). Мехмед II для завоевания Каффы, Генуэзской Газарии, Готии и Феодоро направил свои лучшие войска во главе с великим визирем Гедык-Ахмед-пашой. Однако реальная численность турецких войск не установлена, хотя некоторые авторы предположительно определяют её в 20—40 тыс. человек (Мурзакевич 1837: 77; Бертье-Делагард 1918: 18, прим. 2; Pistarino 1990: 489, 505).

31 мая турецкий флот подошёл к Каффе, и на следующий день, высадившись на побережье у церкви Успения Богородицы, войска приступили к осаде. Доставив к Каффе 14 орудий, они возвели 3 земляных укрепления, установив батарею из 4-х орудий напротив Кайадорских ворот. Две другие батареи состояли из 3-х орудий. Они также располагались напротив ворот Св. Георгия и Св. Феодора, которые были дополнительно укреплены барбаканами (Pistarino 1990: 514; Мыц 2009: 419). Начав обстрел внешней линии обороны 2 июня, турки смогли к 4 июня разрушить только небольшую часть передовой стены (протейхизмы), установленной вдоль внутреннего края рва [8].

Тем не менее, даже эти относительно небольшие разрушения вызвали смятение среди жителей города, и «горожане, греки и армяне, восстали против латинян» (Колли 1911: 15). В сложившейся обстановке генуэзцы, не рассчитывая на собственные силы и сомневаясь в благоприятном для них исходе в случае продолжения сопротивления, 6 июня отправили к Гедык-Ахмет-паше четверых парламентёров (Джулиано Фьески, Баттиста д'Алегро, Систо Чентурионе и Джорджио Россо) для ведения переговоров об условиях сдачи Каффы (Pistarino 1990: 493) [9].

После капитуляции город несколько дней (7—8 июня) жил в неопределённости решения османами своей судьбы. Первоначально турки провели репрессии по отношению к иностранным купцам (полякам, валахам, русским, грузинам, черкесам и др.), оказавшимся в это время в Каффе. Их имущество, стоимостью около 250 тыс. флоринов, оказалось конфисковано, а они сами проданы в рабство или оказались в тюрьме. 9—10 июня всех жителей Каффы (немусульман — латинян, греков, армян, евреев, караимов и т. п.) обязали представить точные сведения о себе (имя, род занятий и материальное положение) для установления суммы хараджа. Харадж был установлен в пределах от 15 до 100 каффинских аспров с «головы».

Больше всего волнений в городе вызвал проводившийся турками 12—13 июня осмотр и отбор юношей и девушек, которые должны были стать рабами султана. Купец из Флоренции (его имя остаётся неизвестным), оказавшийся в это время в Каффе, называет цифру в 1500 человек молодёжи, отобранных для отправки в Константинополь [10]. Их погрузили на корабли, стоявшие в порту Каффы. Именно при отборе и отправке молодых людей происходили душераздирающие сцены, столь ярко описанные в «...плаче на завоевание Каффы» Нерсесом Каффаеци.

8 июля все латиняне [11], с оставшимся у них имуществом, должны были собраться и погрузиться на корабли. Они покинули порт Каффы 12 июля и направились в Константинополь

[8] Опись военного снаряжения, составленная массариями Каффы в 1474 г., указывает на то, что общее количество огнестрельной артиллерии фактории (исключая ручное стрелковое оружие) достигало 198 единиц трёх типов (131 бомбарда, 32 мортиры и 35 спингард), причём среди них было 10 дальнобойных орудий крупного калибра (Vigna 1879: 1001—1002; Мыц 2009а: 442). Отсюда становится совершенно очевидным, что генуэзцы при желании сопротивляться могли подавить огонь турецких батарей, ведших обстрел крепостных сооружений внешнего периметра города. А это вынудило бы Гедык-Ахмет-пашу снять осаду Каффы.

[9] Позднее возникла легенда, что якобы Гедык-Ахмет-паша, услышав предложение генуэзских парламентёров о сдаче ими Каффы, воскликнул: «Защищайтесь, если можете!» (Мурзакевич 1837: 78; Vigna 1879: 164). Реальные условия капитуляции Каффы остаются неизвестными (Canale 1856: 349).

[10] В. Гейд указывает, что другие авторы называют число в 3000 или даже в 5000 человек, что, по всей видимости, явно преувеличено (Гейд 1915: 181).

[11] Их реальное число неизвестно. Только председатель городского совета Рагузы в своём послании дожу Венеции Пьетро Мочениго указывает, что Мехмед II «велел отправить в Константинополь 500 генуэзских и других латинских семейств» (Колли 1911: 17).

(Roccatagliata 1982: 228—233). Прибывшим колонистам для заселения был предоставлен пустующий квартал города.

Во время транспортировки пленных на одном из кораблей вспыхнул бунт, который возглавил Симоне де Форнарио. Истребив конвоировавших их турок, генуэзцы направились в Монкастро (Мурзакевич 1837: 90; Heyd 1885, II: 404). Но при дележе добычи, попавшей волею случая в их руки, мужество беженцев сменилось на алчность, приведшую к вооружённым столкновениям между ними. Поэтому и корабль, и находившиеся на нём ценности достались кастелланам Монкастро (Brun 1866: 77).

Как видим, представленные выше разнохарактерные источники о завоевании Каффы османами в 1475 г., наряду с латинянами (в основном лигурийцами), среди основного состава населения города называют греков и армян, сыгравших основную роль в стремительном падении города.

Следует отметить, что с самого начала возникновения (70-е гг. XIII в.) в качестве генуэзской торговой фактории Каффа выделяется полиэтничностью и поликонфессиональностью своего населения (Balard 1978: 236—243; Еманов 1991: 107; Айбабина 2001: 8—9). При постоянном сохранении административно-руководящей роли латинского (лигурийского) этнического компонента, важной торгово-ремесленной его составляющей являлось греческое и армянское население. Именно греки и армяне многократно упоминаются в ранних нотариальных актах Ламберто ди Самбучето 1289—1290 гг. в качестве наиболее активных торговых агентов генуэзцев (Balard 1973: 7, 202, 220, 278 etc.).

Если греческое население средневековой Таврики воспринимается как относительно местный этнический компонент, то массовые переселения на полуостров армян связываются с сельджукскими завоеваниями 60-х гг. XI в., монгольскими погромами Армении в середине XIII в. и в XIV в. (1375 г.) после прекращения существования Армянского царства Киликии (Якобсон 1956: 166—167). Принято считать, что ко второй половине XIV — середине XV в. армянские общины Крыма превратились в многотысячную диаспору. Это якобы даже послужило поводом называть Восточный Крым (экономическим и политическим центром которого являлась генуэзская Каффа) «Приморской Арменией» (Armenia maritima) (Saint-Martin 1823: 24).

В подтверждение этому приводились палеодемографические расчёты, сделанные на основании сообщений письменных источников. Например, по мнению В. А. Микаэляна, в городах и селениях Восточного Крыма во второй половине XV в. проживало около 150 тыс. армян. Вполне естественной выглядит наиболее плотная концентрация армянского населения XV в. в Каффе, где армяне якобы составляли 2/3 численности жителей (70 тыс.) и достигали 46 тыс. (Микаэлян 2004: 20—21).

На самом деле вопрос определения численности населения Каффы в XV в. до сих пор остаётся остро дискуссионным. Исследователи, используя различные методики демографических подсчётов (заселённая площадь города, количество церквей (приходов), протяжённость оборонительных рубежей (куртин, башен) и проч.), определяют число жителей города этого времени в широких пределах — от 10 до 70 тыс. (Heyd 1885: 174; Arlandi 1974: 12; Balard 1988: 68—70; Pistarino 1990: 484—485; Якобсон 1973: 110—114; Карпов 2000: 207; Мыц 2009а: 440—441).

По сведениям турецких дефтеров XVI в., количество «очагов» (т. е. городских домов Кефе), облагаемых налогами, достигало 6 тыс., что из расчёта 5 человек на одно хозяйство даёт численность населения города XVI—XVII вв. не менее 30 тыс. человек (Balard 1988: 68).

Особой позиции по данному вопросу придерживается А. Л. Пономарёв. Выполненные им демографические подсчёты позволили исследователю прийти к заключению, что население Каффы периода расцвета (80-е гг. XIV в.) «не превосходило девяти тысяч человек, а «к турецкому завоеванию город не достиг бы и восьми тысяч человек» (Пономарёв 2000: 391, 393)[12].

Необходимо также учитывать отсутствие конфессиональной консолидации армянского населения Каффы (Арутюнян 2012: 8—14). Принято считать, что большая часть армян Крыма придерживалась канонов тра-

[12] Ещё более скептичного взгляда исследователь придерживается при рассмотрении этнического состава Каффы так называемого «периода расцвета» (80-е гг. XIV в.). Например, по его заключению, западноевропейцы «сохраняют своё доминирующее положение, они составляют почти половину населения — 933 человека. Православные, в большинстве своём греки, а также тюрки, славяне и кавказцы, вместе насчитывают 687 человек. Представители третьей группы, которые по свидетельствам армянских рукописей, являли собой соль земли феодосийской, а по сведениям, которые сообщала администрация Каффы протекторам банка Св. Георгия, перед турецким завоеванием, составляли 75% населения, *в 1381 г. находятся лишь на третьем месте с 415 представителями*» (Пономарёв 2000: 389—390).

диционной Армянской апостольской церкви (Айбабина, Бочаров 1997: 211—233; 2002: 159). Другая часть относилась к католической епархии, а третья — к униатам, тяготевшим к уставным порядкам ордена доминиканцев (частично и францисканцев). Отдельную конфессиональную группу составляли цаты — армяне, исповедавшие грекоправославие (Свод армянских памятных записей 2008: 9).

К тому же Каффа в момент появления османской армии под её стенами была внутренне ослаблена длительными распрями в армянской общине, в которой на протяжении нескольких лет шла борьба за пост епископа между Тер-Кабетом и Тер-Ованесом, поддерживаемым не только его родственником банкиром Кутул-беем, но и массариями (Колли 1918: 149, 164).

Раздоры и конфликты в полиэтничной и поликонфессиональной среде городской общины, вызванные негативными изменениями в торговой конъюнктуре, а также сложностью политического положения фактории на протяжении последних двух десятилетий, постоянно сотрясали Каффу. И это, как вполне обоснованно считает большинство исследователей, привело к её сдаче без какого-либо серьёзного сопротивления туркам-османам в 1475 г. (Pistarino 1990: 479—511; Карпов 2000: 206—207).

Протекторы Банка Св. Георгия слишком поздно осознали неспособность Антониотто ди Кабелла управлять факторией, раздираемой внутренними и внешними противоречиями. Пытаясь исправить критическую ситуацию, они выдали одновременно дипломы сразу двум консулам — Джакомо Джустиниани и Галеаццо Леванто. Однако ни один из них не смог вовремя добраться до Газарии, чтобы попытаться спасти положение (Колли 1918: 168—170). Развязка наступила слишком быстро, потому что Каффа капитулировала, практически не оказав никакого сопротивления туркам.

Поэтому в условиях, когда точно неизвестна численность населения Каффы на момент её захвата турками-османами, а также неизвестны размеры армянской общины города, следует признать, что имеющиеся в распоряжении исследователей источники не позволяют достоверно установить роль той или иной (в том числе и армянской) этнической общины города в организации его защиты, а следовательно, и капитуляции 6 июня 1475 г.

В настоящее время данный вопрос столь же далёк от своего разрешения, как и столетие назад. Одной из причин этого является отсутствие детальных разработок с привлечением анализа комплекса письменных (нарративных и лапидарных), а также материальных (архитектурно-археологических) источников. Без выполнения этой кропотливой работы споры на тему о причинах стремительного падения Каффы в 1475 г. так и будут носить чисто схоластический или конъюнктурный характер.

Литература

Айбабина Е. А. 2001. *Декоративная каменная резьба Каффы XIV—XVIII вв.* Симферополь: Сонат.

Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. 1997. Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Каффы. *ВВ* 57, 211—233.

Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. 2002. Греческие православные церкви средневековой Каффы. В: Юрочкин В. Ю. (ред.-сост.). *Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии*. Киев: Стилос, 159—168.

Анасян А. С. 1953. Армянские хронисты о падении Константинополя. *ВВ* 7 (32), 444—466.

Анасян А. С. 1957. *Армянские источники о падении Византии*. Ереван: АН Армянской ССР, Институт истории.

Арутюнян Л. В. 2012. Католики-армяне в Крыму и их вклад в мировую культуру. В: Кузищин В. И. (гл. ред.). *Причерноморье. История, политика, культура*. Вып. IX (IV). Серия Б. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 8—14.

Бертье-Делагард А. Л. 1918. Каламита и Феодоро. *ИТУАК* 55, 1—44.

[Гейд В.] 1915. Извлечение из сочинения В. Гейда «История торговли Востока в средние века». Пер. Л. П. Колли. *ИТУАК* 52, 68—185.

Еманов А. Г. 1991. Латиняне и нелатиняне в Кафе (XIII—XV вв.). В: Курбатов Г. Л. (отв. ред.). *Из истории Византии и византиноведения*. Межвузовский сборник. Ленинград: ЛГУ, 107—116.

Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. 1940. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в. *Исторические записки* VII. Москва: Институт истории АН СССР, 3—33.

Карпов С. П. 2000. *Латинская Романия*. Санкт-Петербург: Алетейя.

Колли Л. П. 1911. Исторические документы о падении Каффы. *ИТУАК* 45, 1—18.

Колли Л. П. 1918. Падение Каффы. *ИТУАК* 55, 145—174.

Кондараки В. Х. 1875. *Универсальное описание Крыма*. Санкт-Петербург: Типография В. Велиева.

Кусикьян И. К. 1958. Рецензия на: А. С. Анасян. Армянские источники о падении Византии. АН Армянской ССР. Институт истории. Изд-во АН АрмССР. Ереван, 1957, 148 с. *ВВ* 15 (40), 215—216.

Мартиросян А. А. 1958. *Мартирос Крымеци*. Ереван: АН Армянской ССР.

Матенадаран: Матенадаран — Институт древних рукописей имени Месропа Маштоца НАН РА. Рукоп. 7709, 7442, 8605,

Микаэлян В. 2004. *История крымских армян*. Ереван; Симферополь: б.и.

Мурзакевич Н. М. 1837. *История генуэзских поселений в Крыму*. Одесса: Городская типография.

Мыц В. Л. 2009а. *Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты*. Симферополь: Универсум.

Мыц В. Л. 2009б. Армянские источники о завоевании Каффы турками-османами в 1475 г. В: Бочаров С. Г., Кожокару В. (ред.). *Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье*. Материалы 11-го заседания Совместных комиссий по истории, археологии, этнологии и фольклористике при Президиуме НАН Украины и Академии Румынии. Симферополь: Таврия, 247—261.

Памятные записи 1958: *Памятные записи армянских рукописей XV в.* 1958. Ч. 2. *1451—1480 гг.* Хачикян Л. С. (сост.). Ереван: АН Армянской ССР.

Пономарёв А. Л. 2000. Территория и население генуэзской Каффы по данным бухгалтерской книги-массарии казначейства за 1381—1382 гг. В: Карпов С. П. (ред). *Причерноморье в средние века* (IV). Москва: МГУ; Санкт-Петербург: Алетейя, 317—443.

Свод армянских памятных записей 2008: *Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV—XV вв.)*. 2008. Составление, русский перевод, введение и примечания Т. Э. Саргсян. Симферополь: Сонат.

Турецкий источник... 1964: Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине. 1964. Пер. М. Губоглу. В: *Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы* 1. Москва: Институт востоковедения. [Электронный ресурс]. URL: http://oldvostlit.info/Texts/rus6/Turk1740/text.htm. Дата обращения 12.06.2014.

Хайбуллаева Ф. Х. 2001. Новый турецкий источник по истории Крыма. *МАИЭТ* VIII. Симферополь, 362—365.

Якобсон А. Л. 1956. Армянская средневековая архитектура в Крыму. *ВВ* VIII, 166—191.

Якобсон А. Л. 1973. *Крым в средние века*. Москва: Наука.

Airaldi G. 1974. Studi e documenti Genova e l'Oltremare. *Collana storica di fonti e studi* 19. Genova: Istituto di Medievistica.

Balard M. 1973. *Gênes et l'Outre-Mer. Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto*. Vol. 1, 2. Paris; La Haye: Mouton.

Balard M. 1978. *La Romanie Génoise (XIIe — début du XVe siècle)*. Vol. I. Roma; Genova: École française de Rome.

Balard M. 1988. Les formes militaires de la colonisation génoise (XIII—XV siècles). *Castrum* 3. *Guerre, fortification et habitat dans le monde Méditerranéen au moyen âge*. Rome, 67—78.

Brun Ph. 1866. Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes en Cazarie. *Mémoires de l'Académie de St.-Petersburg*. VII serie. T. X. №9.

Cazacu M., Kevonian K. 1976. La chute de Caffa en 1475 à la lumière de nouveaux documents. *CMRS* XVII (4). Paris, 496—538.

Canale M. C. 1856. *Commentari storici della Crimea, del suo commercio dei suoi dominatori delle origini fino di nostri* III. Genova: De'Sordo-Muti u. a.

Heyd W. 1885. *Histoire du commerce du Levant au Moyen-Âge* II. Leipzig: Otto Harrassowitz.

Origone S. 1983. L'amministrazione genovese a Caffa nel secolo XV. *Saggi e documenti* 3. Genova: Civico istituto colombiano, 231—318.

Pistarino G. 1990. La caduta di Caffa: diaspora in Oriente. *Civico istituto Colombiano. Studi testi. Serie storica a cura Geo Pistarino* 14. Genova.

Roccatagliata A. 1982. *Notai genovesi in Oltremare. Atti Rogatti a Pera e Metilene*. Genova: Università di Genova, Istituto di paleografia e storia medievale.

Saint-Martin J. 1823. Analise d'une tragédie armenienne. *Journal Asiatique* II. Paris.

Vigna A. 1879. *Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Georgio (MCCCCLIII—MCCCCLXXV)*. T. VII (2). *(1473—1475): suplementi, aggiunte, dissertazioni, respetti vamente in ASLI*.

Vasiliev A. A. 1936. *The Goths in the Crimea*. Monographs of the Mediaeval Academy of America 11. Cambridge, Massachusetts.

References

Aibabina, E. A. 2001. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kaffy (XIV—XVIII vv.) (Ornamental Stone Carving of Kaffa in the 14th—18th Centuries)* Simferopol: "Sonat" Publ. (in Russian).

Aibabina, E. A., Bocharov, S. G. 1997. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 57, 211—233 (in Russian).

Aibabina, E. A., Bocharov, S. G. 2002. In *Pravoslavnye drevnosti Tavriki (Sbornik materialov po tserkovnoi arkheologii) (Orthodox Antiquities of Taurica (Collected Works of Materials on Church Archaeology))*. Kiev: "Stilos" Publ., 159—168 (in Russian).

Anasian, A. S. 1953. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 7 (32), 444—466 (in Russian).

Anasian, A. S. 1957. *Armianskie istochniki o padenii Vizantii (Armenian Sources on the Fall of Byzantium)*. Yerevan: Academy of Sciences of Armenian SSR, Institute for History (in Russian).

Arutiunian, L. V. 2012. In *Prichernomor'e. Istoriia, politika, kul'tura (The Pontic Region. History, Politics, Culture)*. Issue IX (IV), series B. Sevastopol: Moscow State University, Sevastolol Branch, 8—14 (in Russian).

Bertier de la Garde, A. L. 1918. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Academic Archival Commission)* 55, 1—44 (in Russian).

[Geid, V.] 1915. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Academic Archival Commission)* 52, 68—185 (in Russian).

Emanov, A. G. 1991. In *Iz istorii Vizantii i vizantinovedeniia (From the History of Byzantium and Byzantine Studies)*. Leningrad: Leningrad State University, 107—116 (in Russian).

Zevakin, E. S., Penchko, N. A. 1940. In *Istoricheskie zapiski (Historical Notes)* VII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for History, 3—33 (in Russian).

Karpov, S. P. 2000. *Latinskaia Romaniia (Latin Empire)*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).

Kolli, L. P. 1911. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Academic Archival Commission)* 45, 1—18 (in Russian).

Kolli, L. P. 1918. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Academic Archival Commission)* 55, 145—174 (in Russian).

Kondaraki, V. Kh. 1875. *Universal'noe opisanie Kryma (Universal Description of Crimea)*. Saint Petersburg: "V. Veliev" Publ.

(in Russian).
Kusik'ian, I.K. 1958. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 15 (40), 215—216 (in Russian).
Martirosian, A.A. 1958. *Martiros Krymetsi (Martiros Ghrimetsi)*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR (in Russian).
Matenadaran — Institut drevnikh rukopisei imeni Mesropa Mashtotsa NAN RA. Rukop. (Mesrop Mashtots Institute of Ancient Manuscripts) 7709, 7442, 8605
Mikaelian, V. 2004. *Istoriia krymskikh armian (History of Crimean Armenians)*. Yerevan; Simferopol: s.ed. (in Russian).
Murzakevich, N.M. 1837. *Istoriia genuezskikh poselenii v Krymu (History of Genoese Settlements in the Crimea)*. Odessa: "Gorodskaia tipografiia" Publ. (in Russian).
Myts, V.L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty (Kaffa and Theodoro in the 15th Century. Contacts and Conflicts)*. Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).
Myts, V.L. 2009. In *Severnoe i Zapadnoe Prichernomor'e v antichnuiu epokhu i srednevekov'e (Northern and Western Pontic Region in Antiquity and Middle Ages)*. Simferopol: "Tavriia" Publ., 247—261 (in Russian).
Pamiatnye zapisi armianskikh rukopisei XV v. (Memory Notes in Armenian Manuscripts of 15th c.). 1958. Part 2. *1451—1480 gg. (1451—1480)*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR (in Russian).
Ponomarev, A.L. 2000. In *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* (IV). Moscow: Moscow State University; Saint Petersburg: "Aleteia" Publ., 317—443 (in Russian).
Svod armianskikh pamiatnykh zapisei, otnosiashchikhsia k Krymu i sopredel'nym regionam (XIV—XV vv.) (Codex of Armenian Memory Notes from the Crimea and Adjacent Regions (14th—15th cc.)). 2008. Simferopol: Sonat (in Russian).
Turetskii istochnik 1740 g. o Valakhii, Moldavii i Ukraine (Turkisch Source of 1740 about Wallachia, Moldavia and Ukraine). 1964. In *Vostochnye istochniki po istorii narodov Iugo-Vostochnoi i Tsentral'noi Evropy (Oriental Sources for History of South-Eastern and Central Europe)* 1. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. [Electronic resource]. URL: http://oldvostlit.info/Texts/rus6/Turk1740/text.htm (accessed 12.06.2014) (in Russian).
Khaibullaeva, F. Kh. 2001. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Proceedings on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* VIII. Simferopol, 362—365 (in Russian).
Jakobson, A.L. 1956. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* VIII, 166—191 (in Russian).
Jakobson, A.L. 1973. *Krym v srednie veka (The Crimea in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
Airaldi, G. 1974. Studi e documenti Genova e l'Oltremare. *Collana storica di fonti e studi*. 19. Genova.
Balard, M. 1973. *Gênes et l'Outre-Mer. Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto*. Vol 1, 2. Paris; La Haye: Mouton.
Balard, M. 1978. *La Romanie Génoise (XIIe — début du XVe siècle)*. Vol.I. Roma; Genova: École française de Rome.
Balard, M. 1988. Les formes militaires de la colonisation génoise (XIII—XV siècles). *Castrum* 3. *Guerre, fortification et habitat dans le monde Méditerranéen au moyen âge*. Rome.
Brun, Ph. 1866. Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes en Cazarie. *Mémoires de l'Académie de St.-Petersburg*. VII serie. T.X. №9.
Cazacu, M., Kevonian, K. 1976. La chute de Caffa en 1475 à la lumière de nouveaux documents. *CMRS*. An.XVII. №4. Paris.
Canale, M.C. 1856. *Commentari storici della Crimea, del suo commercio dei suoi dominatori delle origini fino di nostri*. Vol. III. Genova: De'Sordo-Muti u.a..
Heyd, W. 1885. *Histoire du commerce du Levant au Moyen-Âge* II. Leipzig: Otto Harrassowitz.
Origone, S. 1983. L'amministrazione genovese a Caffa nel secolo XV. *Saggi e documenti* 3. Genova: Civico istituto colombiano.
Pistarino, G. 1990. La caduta di Caffa diaspora in Oriente. *Civico instituto Colombiano. Studi testi. Serie storica a cura Geo Pistarino* 14. Genova.
Roccatagliata, A. 1982. Notai genovesi in Oltremare. *Atti Rogatti a Pera e Metilene*. Genova: Università di Genova, Istituto di paleografia e storia medievale.
Saint-Martin, J. 1823. Analise d'une tragédie armenienne. *Journal Asiatique* II. Paris.
Vigna, A. 1879. *Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Georgio (MCCCCLIII—MCCCCLXXV)*. T. VII/2 *(1473—1475): suplementi, aggiunte, dissertazioni, respetti vamente in ASLI*.
Vasiliev, A.A. 1936. *The Goths in the Crimea*. Monographs of the Mediaeval Academy of America. №11. Cambridge, Massachusetts.

Статья поступила в номер 29 июля 2014 г.

Victor Myts (Saint Petersburg, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. State Hermitage Museum[1].
Victor Myts (Sankt Petersburg, Rusia). Candidat în ştiinţe istorice. Ermitajul de Stat.
Мыц Виктор Леонидович (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Государственный Эрмитаж.
E-mail: vic.mytz@yandex.com

Address: [1] Dvortsovaya Nab., 32/34, Saint Petersburg, 190 000, Russian Federation

П. Е. Сорокин, Б. С. Короткевич, В. Н. Матвеев, К. А. Михайлов

Штурм крепости Ландскрона по археологическим данным

Keywords: Neva River, Okhta River, Landskrona fortress, assault of 1300—1301, arms, arrowheads, crossbow bolts, moat.

Cuvinte cheie: râul Neva, Ohta, cetatea Landskrona, asediul din 1300—1301, armament, vârfuri de săgeți, șuruburi pentru arbaletă, șanț de apărare al cetății.

Ключевые слова: Нева, Охта, крепость Ландскрона, штурм 1300—1301 гг., предметы вооружения, наконечники стрел, арбалетные болты, крепостной ров.

P. E. Sorokin, V. N. Matveev, B. S. Korotkevich, K. A. Mikhailov

Assault on the Landskrona Fortress by Archaeological Data

Swedish fortress of Landskrona, founded by the Swedes in the Novgorod area on the coast of the Neva River at the confluence of the river Okhta in 1300, had lasted only one year. In the following 1301 it was taken and destroyed by the Russian troops.

Excavations of 2006—2010 investigated a significant part of the fortress of Landskrona (about 70%), including the central site and defensive moats at the eastern and to a large extent at the southern and northern sides of the fortress. The excavations showed that the fortress was a regular one and protected by two lines of moats. Numerous items of arms — spearheads, arrows and crossbow bolts were found in wooden structures and the filling of moats. Piles of burnt wooden structures (presumably, debris of walls), were uncovered and studied on the inner slope of the first defensive moat. Concentrated finds of arms were documented in two spots of the inner moat of Landskrona: in the south-east and in the center of the eastern part. Finds were discovered along the same lines in the outer moat. Location of the found arms suggest that Landskrona was assaulted from the south-east. The Russian troops attacked from the least protected field-side part and from the territory between the Okhta River and the eastern moats.

P. E. Sorokin, V. N. Matveev, B. S. Korotkevich, K. A. Mikhailov

Asediul cetății Landskrona în baza datelor arheologiei

Cetatea suedeză Landskrona a fost întemeiată pe pământul Novgorodului în 1300. Localizată pe malul Nevei, la vărsarea în aceasta a râului Ohta, cetatea a existat un singur an, în 1301 fiind asediată și distrusă de către armatele ruse.

În cursul săpăturilor din 2006—2010 a fost cercetată o mare parte a teritoriului cetății Landskrona (circa 70%), care includea platforma centrală și șanțurile de apărare din partea de est, sud și nord. În urma săpăturilor s-a stabilit, că cetatea era una de tip permanent, fiind apărată de către două rânduri de șanțuri. Pe panta interioară a primului șanț de apărare au fost dezvelite resturi masive de la unele construcții arse din lemn — cel mai probabil, de la zidurile cetății. În aceste construcții și în împlutura șanțurilor au fost găsite multiple piese de armament, care includeau vârfuri de lănci, sulițe, săgeți și șuruburi pentru arbaletă. Au putut fi localizate două concentrări de piese de armament: în segmentul de sud-est și în centrul părții de est a șanțului interior al Landskronei. Acestor aglomerări le corespundeau și descoperirile din șanțul exterior. O asemenea distribuție a armelor ne permite să presupunem, că cetatea a fost asediată din partea de sud-est. Astfel, forțele armate ruse înaintau dinspre partea cea mai slab fortificată și de pe spațiul dintre râul Ohta și șanțurile de est ale cetății.

П. Е. Сорокин, Б. С. Короткевич, В. Н. Матвеев, К. А. Михайлов

Штурм крепости Ландскрона по археологическим данным

Шведская крепость Ландскрона, основанная шведами на новгородской территории на побережье Невы при впадении в нее реки Охты в 1300 г., просуществовала всего один год. В следующем 1301 г. она была взята и разрушена русскими войсками.

В процессе раскопок 2006—2010 гг. была исследована значительная часть территории крепости Ландскрона (около 70%), включающая центральную площадку и оборонительные рвы с восточной и в значительной степени с южной и северной сторон крепости. Результаты раскопок показали, что крепость по своему устройству была регулярной и защищена двумя линиями рвов. На внутреннем склоне первого оборонительного рва были исследованы нагромождения сгоревших деревянных конструкций, вероятно, остатки крепостных стен. В деревянных конструкциях и в заполнении рвов были обнаружены многочисленные предметы вооружения — наконечники копья, сулицы, стрел и арбалетные болты. Концентрация находок предметов вооружения была зафиксирована на двух участках внутреннего рва Ландскроны: в юго-восточной и в центре восточной части. Во внешнем рву крепости находки были обнаружены на тех же направлениях. По расположению находок предметов вооружения можно предположить, что основным направлением штурма Ландскроны было юго-восточное. Русские войска наступали с наименее защищенной напольной стороны и с территории между рекой Охтой и восточными крепостными рвами.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© П. Е. Сорокин, Б. С. Короткевич, В. Н. Матвеев, К. А. Михайлов, 2014.

Шведская крепость Ландскрона, основанная шведами на новгородской территории на побережье Невы при впадении в нее реки Охты в 1300 г., просуществовала всего один год. В следующем 1301 г. она была взята и разрушена русскими войсками. События эти достаточно подробно освещаются в письменных документах — русских летописях и шведской хронике Эрика. В Новгородской I летописи под 1300 г. сообщается, что шведы, пришедшие на Русь, «...поставиша город над Невою на усть Охты рекы, и утвердиша твердостию несказаньною, поставиша в нем порокы... и посадивше в нем мужи нарочитыи с воеводою Стенем, и отъидоша» (НПЛ: 91). Из шведской Хроники Эрика (Шаскольский 1987: 19—24, 49; Jansson 2003: 76—88), известно, что после завершения строительства крепости и возвращения в начале осени 1300 г. главных сил в Швецию в Ландскроне был оставлен гарнизон в 300 человек, однако основная их часть погибла от болезней, не пережив холодной зимы. К моменту прихода русских войск в середине мая 1301 г. в крепости, согласно Хронике Эрика, оставалось «шестнадцать человек, способных к бою» (Шаскольский 1987: 19—25).

Согласно хронике, штурм был ожесточенным: «Русские штурмовали и днем, и ночью, много было нанесено сильных ударов. Христиан было мало, а крепость была большая, язычники часто сменялись. Один отряд подходил, другой уходил, так они действовали и днем, и ночью» (Шаскольский 1987: 24). Навряд ли такие усилия потребовались бы при упоминаемом в документе количестве воинов гарнизона. В результате непрерывных, изматывающих атак русским войскам удалось зажечь деревянную крепость: «В крепости той вспыхнул огонь, и она загорелась, и русские вошли с рукопашным боем. Христиане тогда ушли с крепостных стен внутрь погреба и там защищались. Некоторые же были убиты на стенах». Большого сопротивления внутри крепости гарнизон не оказал: «они были разбросаны, и каждый погибал в своем углу, многие были убиты и из тех, что лежали больные», — сообщает хронист. Исключение составила группа рыцарей, оборонявшаяся в подземном сооружении: «...в погребе том была жаркая схватка». Однако спустя некоторое время и эти воины сдались. «После того как пленных поделили и с этим было покончено, и добыча была взята, и крепость сожжена, все русские отправились домой и увели с собой пленных; немного уцелело от огня» (Шаскольский 1987: 24—25).

Более кратко об этом сообщает Новгородская первая летопись: «...приде князь великый Андрей с полкы низовьскыми, и иде с новгородцы к городу тому, и приступиша к городу месяца мая 18... град взят бысть, овых избиша и исекоша, а иных извязавше поведоша с города, а град запалиша и розгребоша...» (НПЛ: 91).

Крепость Ландскрона по археологическим данным

При раскопках 2006—2010 гг. была исследована значительная часть территории крепости Ландскрона (около 70%), включающая центральную площадку и оборонительные рвы с восточной и в значительной степени с южной и северной сторон крепости (Сорокин 2008: 519—522; 2013: 271—279; Сорокин и др. 2009: 188—203). Не были изучены только западная и северо-западная части укреплений, находящиеся за пределами раскопанного участка. Сопоставление археологических данных и сведений из письменных источников показывает, что они во многом расходятся. Результаты раскопок показали, что крепость по своему устройству не была типичным мысовым укреплением, как это явствует из хроники Эрика. Она имела прямоугольные очертания стен и была окружена двумя линиями оборонительных рвов. Рвы были трапециевидные в разрезе и достигали в ширину — 11 м первый и 15 м — второй, глубина их составляла соответственно 2,8 м и 2,4 м. Второй ров располагался на расстоянии около 15—18 м от первого. Склоны их были укреплены деревянными конструкциями. На основании радиоуглеродных и дендрохронологических анализов оба рва были датированы временем существования Ландскроны (Сорокин, Тарабардина 2012: 84—92). Еще один ров, шириной 15—18 м, возможно, также связанный с этой крепостью, перерезал перешеек между Невой и Охтой в 40 м южнее второго рва.

Изученная часть укреплений показывает, что размеры площадки в пределах первого рва достигали 13000 кв.м, а реконструируемые размеры самой крепости, имевшей форму квадрата, были около 90×90 м. Упоминаемые хроникой восемь башен располагались, вероятно, в углах стен и в их центральных частях (Сорокин 2013: 274—276, 278—279; 2014: 301—310). На внутреннем склоне первого оборонительного рва были исследованы нагромождения сгоревших деревянных кон-

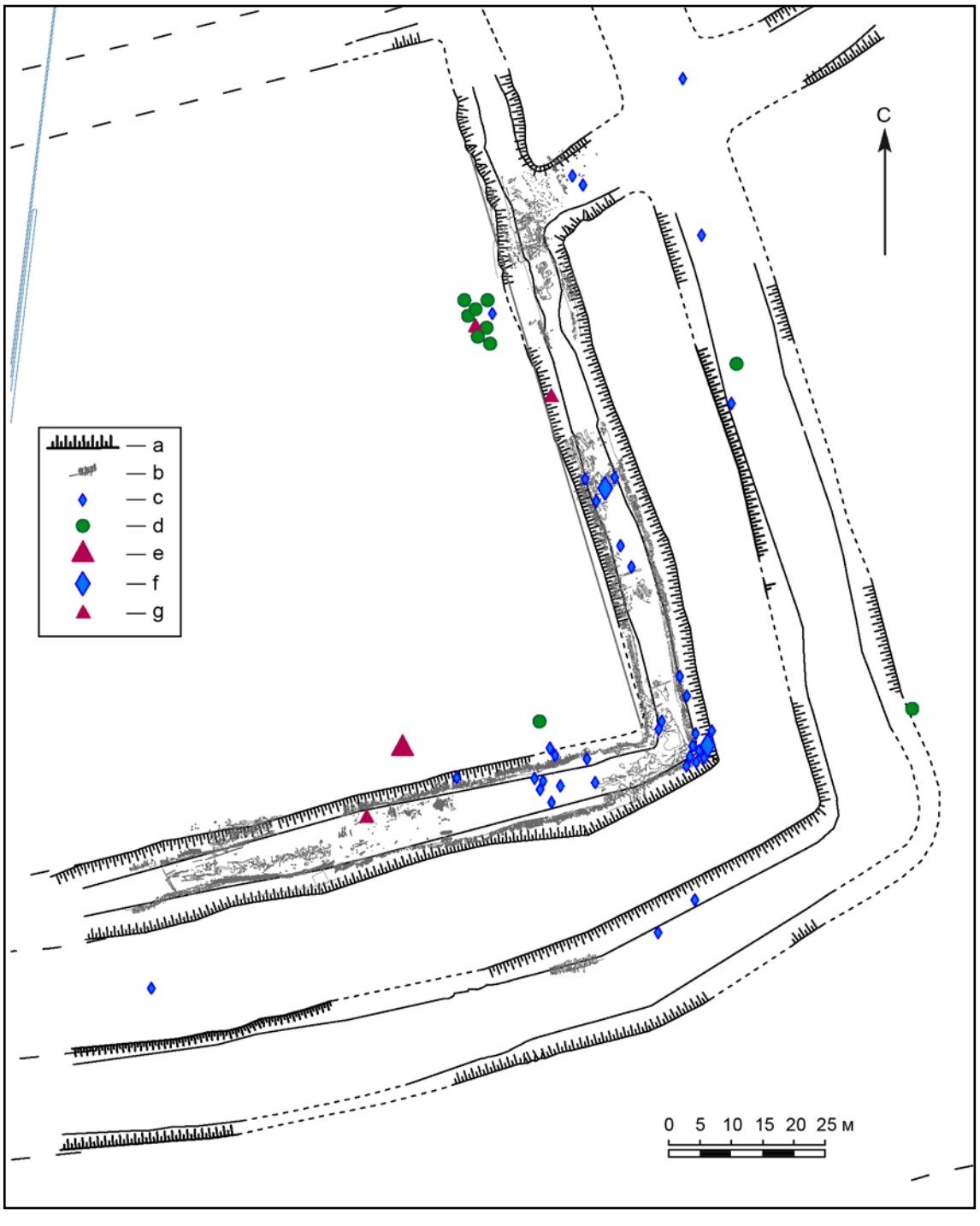

Рис. 1. Расположение предметов вооружения на территории крепости Ландскрона: a — рвы крепости Ландскрона; b — сгоревшие деревянные конструкции; c — находки арбалетных болтов; d — находки стрел; e — находка копья; f — находки болтов аркбаллист; g — находки сулиц.

Fig. 1. Distribution of arms found across Landskrona's territory: a — moats of Landskrona; b — the burned-down wooden constructions; c — crossbow bolts; d — arrows; e — spear; f — rampart crossbow bolts; g — javelins.

струкций, вероятно, остатки крепостных стен. В некоторых местах зафиксированы их значительные скопления, что позволяет предполагать существование в этих местах укреплений крепостных башен.

Находки предметов вооружения

В деревянных конструкциях и в заполнении рвов были обнаружены многочисленные предметы вооружения — наконечники копья

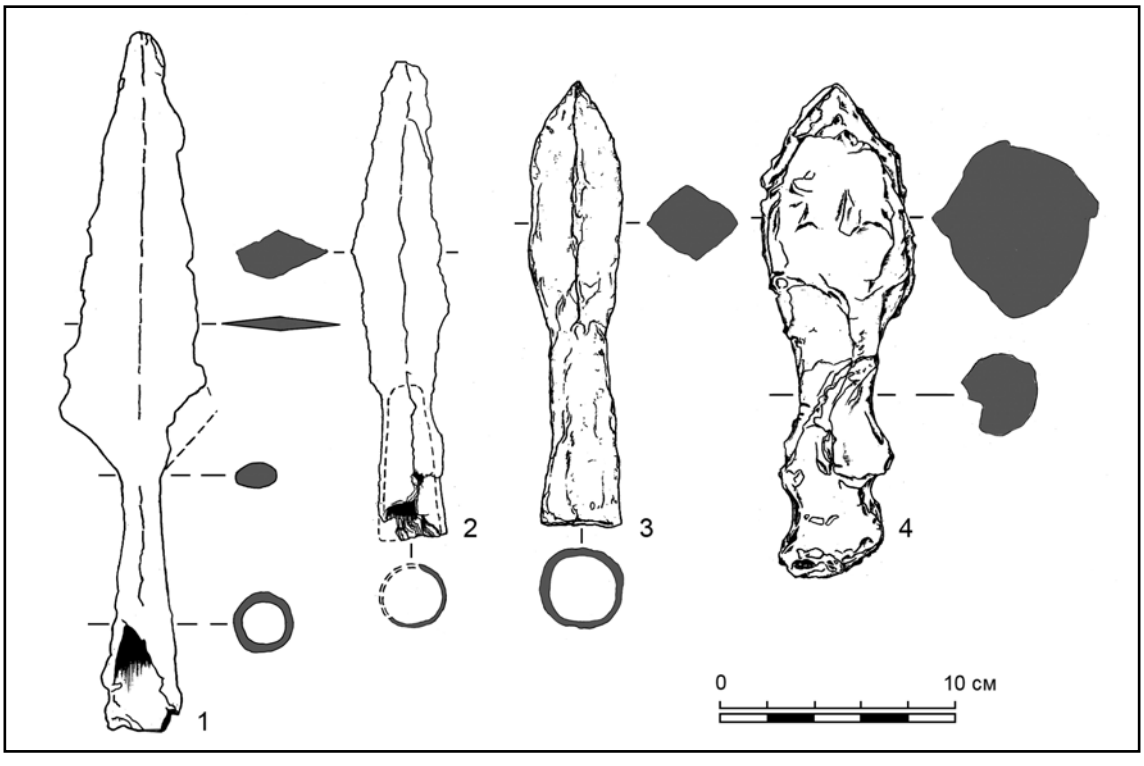

Рис. 2. Наконечники копья, сулицы и стрел аркбалисты. 1 — наконечник копья; 2 — наконечник сулицы; 3, 4 — наконечники аркбаллисты.

Fig. 2. Tips of a spear: 1 — tip of a spear, javelline and rampart crossbow arrows; 2 — tip of a javelin; 3, 4 — tips of rampart crossbow.

(рис. 2: 1), сулицы (рис. 2: 2), стрел (рис. 3) и арбалетные болты (рис. 4). В основном они были найдены в пределах первого крепостного рва (рис. 1). Значительная часть находок — 27 предметов вооружения было обнаружено в слое разрушения Ландскроны, образовавшемся в процессе ее штурма и частичной дефортификации в 1301 г. В песчаных слоях заполнения рвов XIV—XVI вв., образовавшихся в результате естественного разрушения укреплений, обнаружено 11 находок наконечников стрел и арбалетных болтов. В слое окончательной засыпки рвов Ландскроны первой половины XVII в., происходившей при строительстве на ее месте новой шведской крепости Ниеншанц, найдено 13 предметов вооружения. В это время остатки укреплений Ландскроны, находившиеся на поверхности, были окончательно снивелированы и частично перемещены в заплывшие крепостные рвы. Небольшая часть предметов вооружения — 2 находки, включая наконечник копья, происходят из поздних перекопов, датируемых XVIII—XX вв. Таким образом, около половины находок было обнаружено *in situ*, а еще почти четверть — в слое естественного разрушения укреплений, находившихся вблизи места попадания предметов в слой.

Если находки, обнаруженные *in situ* в слое штурма и разрушения крепости в 1301 г., могут быть с полной уверенностью связаны со штурмом Ландскроны, а находки из слоев XIV—XVI вв. — с большой долей вероятности, то наконечники предметов холодного оружия, происходящие из слоев XVII—XX вв., могут относиться и ко времени существования крепости Ниеншанц на этой территории. Такие находки, а их оказалось немного, были исключены из коллекции предметов, связанных с Ландскроной, в результате типологического и культурно-хронологического анализа.

Районы концентрации предметов вооружения

Наибольшее количество наконечников было обнаружено на юго-восточном участке укреплений (Сорокин и др. 2008; Сорокин, Короткевич, Глыбин 2009) (рис. 5). В восточной части (раскоп 7) четыре арбалетных наконечника были найдены в слое засыпки рва, который датируется по фрагментам позднесредневековой посуды местных типов и европейской керамики XVII столетием. В середине этого столетия шведские строители окончательно сравняли с поверхностью остатки укреплений Ландскроны.

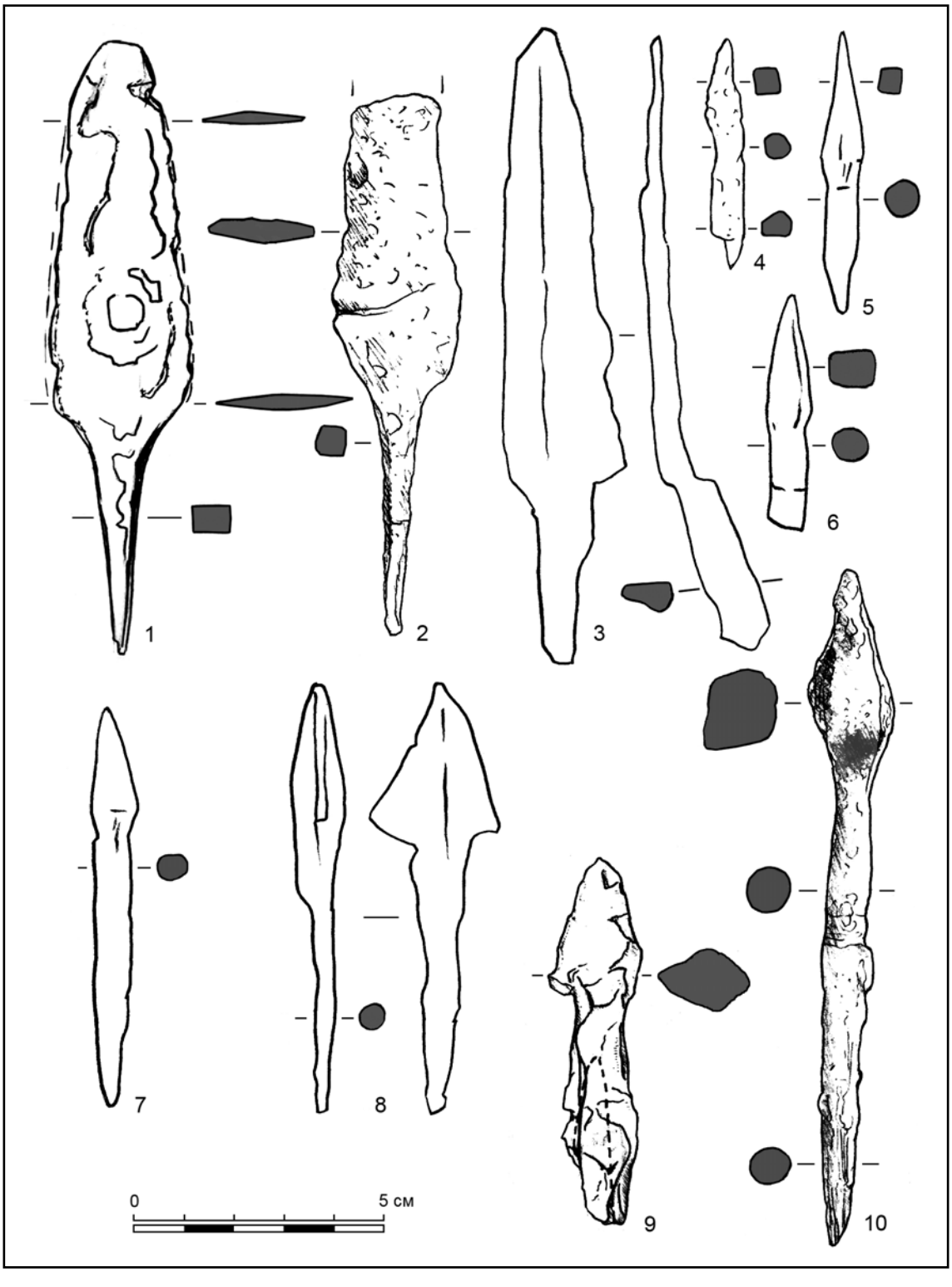

Рис. 3. Наконечники стрел. 1—3 — плоские черешковые наконечники; 4—8 — бронебойные черешковые наконечники; 9, 10 — втульчатые.

Fig. 3. Tips of arrows. 1—3 — flat stemmed tips; 4—8 — armor-piercing stemmed tips; 9, 10 — socketed.

Большинство арбалетных болтов и наконечников стрел здесь найдено *in situ* в слое разрушения крепости. Они лежали на дне внутреннего рва под слоем пожара и обломков рухнувших стен, вдоль южной и восточной стен крепости. Всего в нижнем слое заполнения рва было обнаружено: 13 железных арбалетных болтов и наконечников стрел, а также два массивных железных наконечника от станкового крепостного арбалета (аркбал-

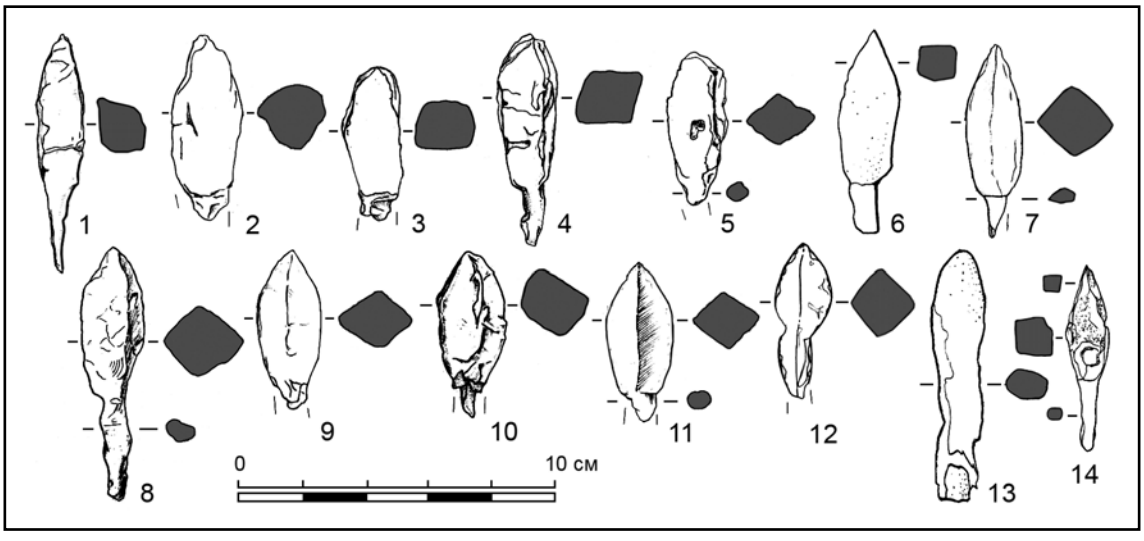

Рис. 4. Арбалетные болты.

Fig. 4. Crossbow bolts.

листы) и один побывавший в огне и сильно поврежденный коррозией железный втульчатый наконечник сулицы.

Принадлежность находок к горизонту, связанному со штурмом крепости, подтверждают условия их обнаружения. Десять наконечников были найдены в деревянных конструкциях в виде плах, которыми были облицованы склоны рва. Основная часть их находилась в нижней половине или у подножия склонов. Один из двух наконечников аркбаллисты был обнаружен воткнувшимся между сгоревшими плахами с внешней стороны рва. Наконечник лежал втулкой вверх под углом в 80—90 градусов. Все эти обстоятельства указывают, что наконечники попали в дерево обкладок и склон рва, либо скатились вниз после попадания в другие объекты во время обстрела. Каким-то образом они остались незамеченными после падения крепости.

Остальные пять находок происходят со дна рва, где они лежали под остатками сгоревших укреплений крепости, которые залегали от верхнего края внутреннего склона рва до его нижнего внешнего края. В составе одного спаянного огнем сильно корродированного железного конгломерата, обнаруженного под рухнувшей в ров стеной, удалось расчистить сразу четыре арбалетных болта. Здесь же, около нижнего внутреннего края рва, под обгоревшими деревянными плахами, был найден второй наконечник станкового крепостного арбалета, также в сильно деформированном состоянии. Вероятно, во время штурма они находились среди боеприпасов гарнизона на крепостной стене. В результате сильного пожара, приведшего к обрушению стены в ров, а также сильной коррозии, наконечники превратились в бесформенный конгломерат.

В примыкающем с восточной стороны южном участке рва (раскоп 9) также наблюдалось скопление предметов вооружения. Здесь на его внутреннем склоне также были исследованы остатки сгоревших стен. Прослойка прокаленного песка, обожженные бревна, скатившиеся по склону с верхней площадки крепости, тонкий слой угля на дне рва и следы пожара относятся ко времени штурма и разрушения крепости. Один наконечник болта находился непосредственно во внутренней стенке внутреннего рва. В перекрывающем их слое естественного разрушения Ландскроны XIV—XVI вв. найдены два наконечника арбалетных болтов и наконечник стрелы. Из слоя засыпки рва в начале XVII в. происходят еще пять наконечников арбалетных болтов. Из вышележащего переотложенного слоя также происходит наконечник арбалетного болта. Все эти находки попали в эти слои из горизонта разрушения крепости во время штурма.

Еще одна крупная концентрация находок предметов вооружения была зафиксирована в центральной части восточного внутреннего рва крепости (раскоп 15) (Сорокин, Короткевич, Чистов 2009). В этой части раскопок хорошо сохранились остатки насыпной деревоземляной платформы, занимавшей всю внутреннюю площадку крепости. Здесь на краю внутреннего рва на высоту около 1 м сохранилась дерновая стенка облицовки крепостной платформы шириной до 1,8 м, с углом наклона около 45°. От нее в сторону рва спускался темно-коричневый гумусный

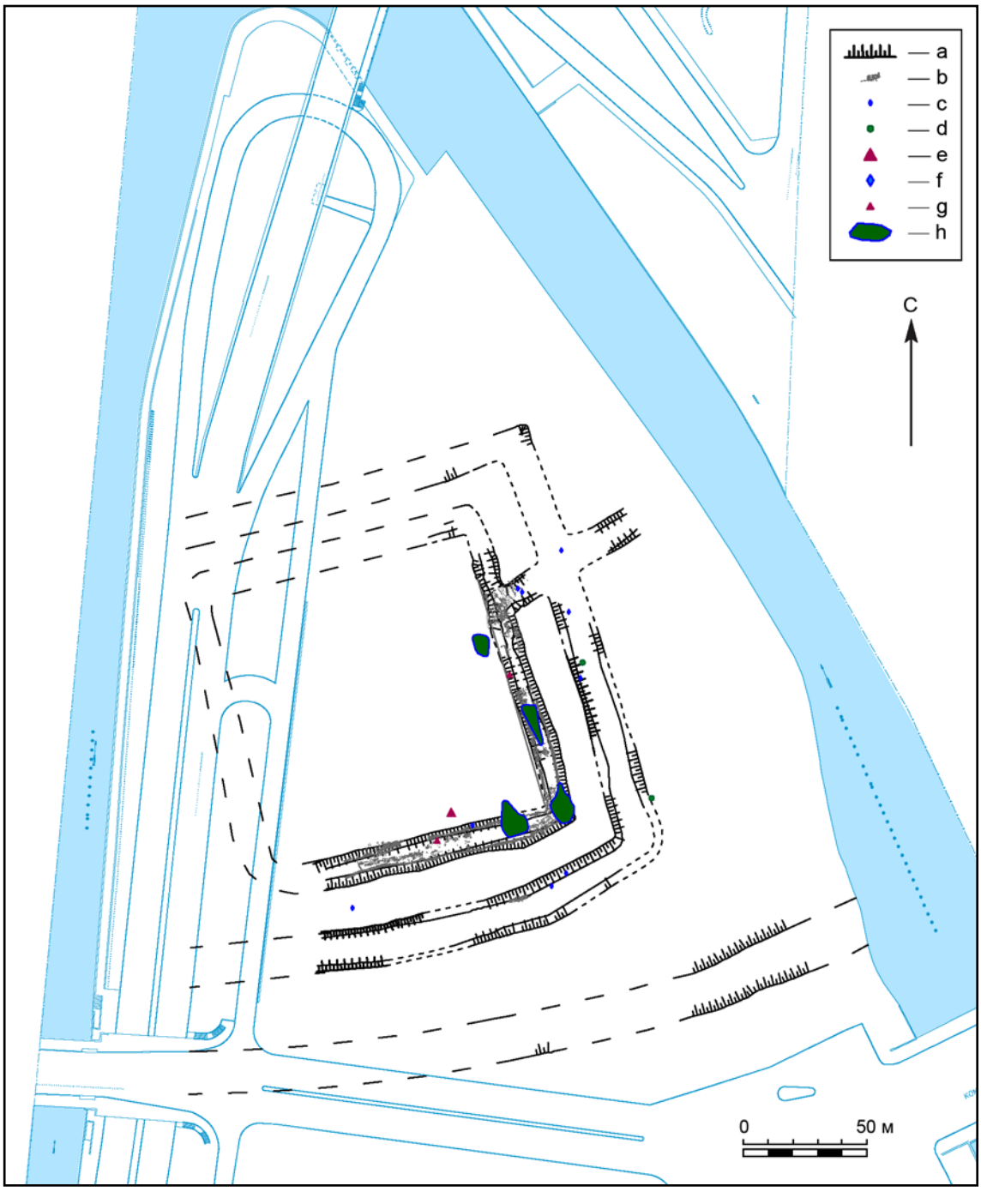

Рис. 5. Концентрация предметов вооружения на территории крепости Ландскрона: a — рвы крепости Ландскрона; b — сгоревшие деревянные конструкции; c — находки арбалетных болтов; d — находки стрел; e — находка копья; f — находки болтов аркбаллист; g — находки сулиц; h — скопления предметов вооружения.

Fig. 5. Concentration of arms finds on the territory of Landskrona fortress: a — moats of Landskrona; b — burned-down wooden constructions; c — crossbow bolts; d — arrows; e — lance; f — rampart crossbow bolts; g — javelins; h — concentrations of weapon items.

слой. В этом слое разрушения дерновой стенки на краю крепостной платформы, на небольшом участке площадью около 40 кв. м, было найдено 9 предметов вооружения: наконечников стрел и арбалетных болтов.

При зачистке внутреннего склона рва вблизи этого места остатки деревянных конструкций отсутствовали, причем две крайние сохранившиеся плахи располагались с наклоном к северу, как если бы они были сдвинуты со своего места. Создавалась видимость разборки облицовки склона. Напротив на дне рва в слое темно-серой супеси на отметках 0,70—1,20 БС залегало скопление

остатков деревянных деталей, среди которых были обнаружены неплохо сохранившиеся плахи, колы, жерди и их фрагменты, которые, возможно, ранее составляли облицовку бортов в северной части рва. Под скоплением дерева на дне лежал пеньковый канат толщиной 3×5 см, частично свернутый в кольца. Канат сохранился в восьми фрагментах различной длины и различной степени сохранности. Общая длина его составляет 32,75 м. Не исключено, что он также имеет отношение к штурму крепости и мог использоваться как осаждающими, так и осажденными.

Отдельные предметы вооружения были обнаружены и в других местах первого рва Ландскроны. Три бронебойных наконечника найдены в северной части восточного оборонительного рва (раскопы 16, 20). Следует заметить, что в северной части рвы Ландскроны в значительной степени оказались перекрыты рвами Ниеншанца XVII в. На их сохранившихся участках следы пожара не отмечены. Нет их и в западной части южной линии укреплений. Таким образом, наибольшие следы разрушения крепости совпадают с местами концентрации находок предметов вооружения.

За пределами внутреннего рва также были найдены отдельные предметы вооружения, но все они находились в перемещенных слоях: два арбалетных болта происходят из юго-восточной части внешнего рва (раскоп 8), еще один был найден западнее (раскоп 10). Четыре наконечника обнаружены в центральной и северной частях восточной линии рва. Все они происходят из слоев заполнения, связанных с засыпкой XVII в., или в переотложенных пластах. Один арбалетный болт был обнаружен в северо-восточной части укреплений Ландскроны у внешнего рва, поврежденного рвом сер. XVII в,— в разрушенной части дерновой обкладки бастиона Ниеншанца (раскоп 23+/2010 г.) (Отчет 2010: 44). Все они были перемещены сюда, вероятно, с соседних участков.

Общая характеристика предметов вооружения и некоторые выводы

В отечественной историографии наиболее известны классификации наконечников стрел и арбалетных болтов, разработанные А.Ф. Медведевым и А.Н. Кирпичниковым (Медведев 1966; Кирпичников 1976). Однако, во время их разработки процесс изучения этой категории находок из раскопок древнерусских городов находился на стадии активного накопления материалов. Предложенные типологии наконечников стрел основываются на находках из главных центров Руси, включая Новгород и Псков, в которых перенимались отдельные части западноевропейского комплекса вооружения. Наиболее представительные собрания арбалетных болтов на Северо-Западе возникли позже — при исследовании приграничных крепостей Изборска и Орешка, которые наиболее часто подвергались нападениям крестоносцев (Артемьев 1978; Кильдюшевский 1999; Седов 2007).

В последние десятилетия, исследуя слои многочисленных средневековых замков Прибалтики, археологи получили новые коллекции наконечников метательного оружия. В находках из Восточной Прибалтики нашел свое отражение комплекс вооружения Тевтонского и Ливонского орденов и Литовского княжества. На их основании Айн Мяэсалу (Эстония) и Гинтаутас Рацкевичус (Литва) предложили новые классификации (Mäesalu 1991; Rackevičius 2002).

Изучение обнаруженных предметов вооружения осложняется их плохой сохранностью. Большинство находок было сильно коррозировано, поэтому часть их вообще не удалось сохранить. Среди предметов вооружения, связываемых с Ландскроной, есть наконечники копья и сулицы. Все наконечники стрел из раскопок на Охте делятся на две группы: черешковые и втульчатые. Среди них есть наконечники для обычных луков, к ним отнесено 11 находок, и 41 арбалетный болт. К черешковым наконечникам стрел относятся 7 находок, к втульчатым — 4 находки. В числе арбалетных болтов — 26 черешковых, 5 втульчатых и 10 неопределенных. Два больших наконечника принадлежат станковым арбалетам.

Единственный найденный здесь наконечник копья длиной 29 см можно отнести к типу III по А.Н. Кирпичникову — копье с относительно широким пером удлиненно-треугольной формы с ясно выраженными плечиками. Данный образец может быть отнесен скорее к ранним вариантам III и IIIA, которые встречаются преимущественно в X—XI вв., тогда как в XII—XIII вв. происходит эволюция лезвий от листовидной к пиковидной форме и преобладает узколезвийный вариант IIIB. Условия находки — в позднем перекопе не позволяют уточнить датировку копья стратиграфически. Втульчатый наконечник сулицы длиной — 18,7 см, обнаруженный в слое разрушения Ландскроны, несмотря на сильную деформацию, может быть отнесен к тому же типу III (Кирпичников 1966: 7, 12—14).

Наконечники болтов от станкового арбалета характеризуются своими значитель-

ными размерами. Первый из них четырехгранного сечения, имеет длину 18 см, длину острия — 10 см, сечение — 3,7×3,7 см, длину втулки — 8 см, диаметр втулки — 2,1—3,3 см. Он близок к типу V, хотя и отличается более подпрямоугольной головкой (Кильдюшевский 1999: 66, рис. 1: 4). Следующий наконечник, побывавший в огне, сильно деформирован и, вероятно, изменил первоначальные размеры в сторону увеличения. Он также имел четырехгранное сечение, но в результате деформации приобрел раздутую округлую форму. Сохранившиеся параметры: длина — 21,5 см, длина головки — 11,8 см, ширина — 6,8 см, длина втулки — 9,7 см, диаметр втулки — 4,6 см. По реконструируемой форме он может быть отнесен к типу VI (Кильдюшевский 1999: 66, рис. 1: 7, 9).

Большинство из арбалетных болтов были черешковыми и имели ромбическое или квадратное сечение с ромбовидной гранью и короткий черешок. В некоторых случаях из-за сильной коррозии металла от болта сохранилась только боевая головка без черешка. Поэтому принадлежность некоторых болтов или наконечников стрел к той или иной типологической группе установлена с известной долей условности. По своим размерам и весовым характеристикам отдельные экземпляры сильно варьировали. Если основная часть наконечников весила около 20—40 г, то вес наименьших экземпляров составлял всего около 10 г, а наиболее крупного (длиной 8,7 см) — 52 г. Наконечники стрел бронебойных типов, в целом, отличаются от арбалетных болтов меньшими размерами и меньшим весом.

Втульчатые наконечники стрел немногочисленны по сравнению с черешковыми. Все они имеют бронебойные характеристики. В среднем их размеры меньше, чем арбалетных болтов. У одной из стрел сохранилось фрагментированное древко.

Из черешковых наконечников — 4 плоских и 3 бронебойных. Один из черешковых наконечников по своим размерам мог относиться к сулице (Медведев 1966: 64). Он имеет длину — 13,5 см, перо — 7,2 см, размеры четырехгранного сечения — 1,4×1,4 см, черешок длиной — 5,1 см, диаметром 0,9 см (вес 55,4 г).

К наконечникам стрел, найденным в центральной части восточной линии укреплений, относится, в частности, двухлопастной треугольный наконечник с прямоугольной в сечении шейкой и упором — тип 92 по А. Ф. Медведеву (1966: 83—84), тип 2 по О. В. Двуреченскому (2007: 282). В сечении — высокий ромб с плоско прокованными лопастями. По назначению он является бронебойным с прокалывающим действием. Тип имеет очень значительный ареал распространения и широкие рамки бытования. Наиболее близкие аналогии относятся к XII — первой половине XIII вв. (Новгород, Старая Рязань, Волжская Болгария) Подобные наконечники в Пскове, Орешке, Москве встречаются до второй половины XVII в.

Килевидные наконечники вытянутых пропорций с упором, с ромбическим сечением пера и прямоугольным — шейки и черенка, находят ближайшие аналогии в типе 38—4 по Медведеву. Во второй половине XIII — XIV вв. таких наконечников особенно много на Кубани и Северном Кавказе. Возможно, они были занесены на Русь монголами.

В дерновой стенке найден ромбовидный наконечник стрелы с удлиненной шейкой (24 мм) и упором (№15-28). Конец пера обломан, сечение пера невозможно определить с полной уверенностью вследствие коррозии, однако, скорее всего — ромбовидное. Сечение шейки квадратное, черенка — уплощенное. Наибольшее расширение пера — 24 мм — в нижней трети. Наиболее близок ему тип 40 по А. Ф. Медведеву (1966: 64—65), широко датирующийся XI—XIV вв., в том числе и в Новгороде. Таким образом, основная часть наконечников стрел находит соответствие с типами, распространенными на территории Восточной Европы в рассматриваемый период. Они могли использоваться русскими войсками. На это указывает и место их обнаружения в крепостных укреплениях.

Бронебойные наконечники стрел из центральной части восточной оборонительной линии относятся к трём типам. Три из них втульчатые, пирамидальные квадратного сечения с шейкой, относящиеся к типу 1 по А. Ф. Медведеву (№15-22, 26, 171). Подобные наконечники в XII—XV вв. известны в Новгороде и встречаются в Латвии. Еще одна находка (№15-170) относится к типу 8 по А. Ф. Медведеву. Это втульчатый, лавролистный арбалетный наконечник ромбического сечения. Подобные широко распространены в Латвии и Западной Руси в XII—XV вв. (Медведев 1966: 94—95). Два наконечника — черешковые, пирамидальные квадратного сечения с круглой шейкой, соответствующие типам 87 по Медведеву и 1в по Двуреченскому (№15-15, 77). Эти наконечники были распространены на Руси, у народов Поволжья и Северного Кавказа в XII—XIV вв., до второй половины XV в. известны в Москве (Медведев 1966: 82; Двуреченский 2007: 282).

Черешковые арбалетные наконечники относятся к нескольким типам. Значительная их часть близка по своим параметрам к типу 19 по А.Ф. Медведеву (9 экземпляров) (№7-171, 241, 250, 252, 255, 9-153, 338, 10-338, 341). Это редкий тип, основанный на единственной находке из Гродно. К типу 16 по А.Ф. Медведеву можно отнести 10 экземпляров (№7-186, 238, 261, 263, 8-462, 8-469, 9-53, 130, 15-934, 1241). Этот тип, известный к тому времени в Латвии, не был известен на территории Руси (Медведев 1966: 95—96, табл. 19, 26, 31). Однако в большей степени эти группы находят соответствие с типами 14В и 14А по классификации Г. Рацкевичуса, основанной на более репрезентативной выборке западноевропейских наконечников (Rackevičius 2002: 95—112, 286, tafl. 6). По типологии А. Мяэсалу они относятся к варианту CV. Наконечники того же типа найдены на территории Труворова городища (Mäesalu 1991: 175, jonn 2: 5—6; 8; Седов 2007: 331, рис. 6; 7; 12).

Для понимания репрезентативности выборки обнаруженных предметов вооружения следует учитывать ряд обстоятельств. Укрепления Ландскроны были снивелированы при последующих фортификационных и планировочных работах на этой территории. Уровень дневной поверхности времен существования крепости на ее внутренней площадке также оказался срыт. Однако крепостные рвы сохранились по всему периметру крепости, причем местами на полную высоту. При этом часть наземных дерево-земляных сооружений была перемещена в них в последующее время. Следует учитывать, что после штурма основная часть предметов вооружения была собрана победителями. В слой попали только затерявшиеся наконечники. Тем не менее, можно полагать, что зафиксированная топография находок показывает, что основным направлением штурма крепости было юго-восточное. Концентрация находок предметов вооружения была отмечена на двух участках внутреннего рва Ландскроны: в юго-восточном углу и в центре восточной линии. Во внешнем рву крепости наконечники были обнаружены на тех же направлениях.

При этом основную часть предметов вооружения с юго-восточной стороны рва составляют арбалетные болты, здесь же были найдены наконечники станковых арбалетов, а также значительное скопление булыжников. Основная часть их была обнаружена на внешнем склоне и в центре рва, преимущественно в его нижних частях — на дне и в облицовочных деревянных конструкциях на склонах, что свидетельствует об обстреле штурмующих осажденными. Однако, часть арбалетных болтов была найдена и под внутренним склоном рва. Очевидно, что некоторые из них попали в слой вместе с обрушившимися укреплениями, так как были найдены в слое пожара и под сгоревшими деревянными сооружениями, что позволяет связывать их с осажденными. При этом следует учитывать, что по расположению наконечников направление стрельбы не всегда возможно определить. Основное скопление арбалетных болтов прослежено в юго-восточном углу, расположенном с внешней стороны внутреннего рва крепости. Это позволяет предполагать, что основная атака происходила именно отсюда, а обстрел атакующих велся с крепостных стен и башен.

В центре восточной линии укреплений основную часть предметов вооружения составляли наконечники стрел, найденные с его западной стороны в сохранившихся остатках крепостных сооружений — в крае обложенной дерном дерево-земляной платформы. Это позволяет связывать их с осаждающими, обстреливавшими противника во время штурма.

А.Н. Кирпичников высказал мнение о том, что уже во второй половине XII в. русскими войсками употреблялся самострел, ставший в XIII в. на Руси распространенным ручным метательным оружием (Кирпичников 1958: 13). Однако впоследствии это не нашло широкого подтверждения в археологических материалах. Находки арбалетного вооружения известны в городах Западной Руси, находившихся в постоянных контактах с центрально-европейскими соседями. Арбалетные болты, найденные при раскопках в Орешке, связывались преимущественно с военными действиями в крепости с участием шведов. При этом отмечалось наличие арбалетного вооружения и у населения Орешка (Кильдюшевский 1999: 68). При раскопках Изборской крепости в слоях XII — начала XIV вв. среди найденных наконечников стрел преобладали бронебойные, а среди последних — арбалетные. Такое соотношение объясняется пограничным положением Изборска в XII—XIV вв. (Артемьев 1978: 67—71). Наконечники того же типа найдены и на территории Труворова городища. Находки черешковых арбалетных болтов на Труворовом городище В.В. Седов связывал со штурмом его крестоносцами и, следовательно, считал западноевропейским оружием (Седов 2007: 331, рис. 6; 7; 12).

Шведский гарнизон Ландскроны, несомненно, был вооружен арбалетами, наличие в крепости метательных орудий — «пороков», в числе которых могли быть как камнемет-

ные машины, так и станковые арбалеты, подтверждает как летопись, так и археологические находки. О том, что осаждающие также использовали арбалеты, можно предполагать на основании некоторых фактов. Отдельные арбалетные болты, найденные *in situ*, располагались на внутреннем склоне первого крепостного рва, в том числе и в деревянных конструкциях его облицовки. Эта сторона рва могла простреливаться только с внешней стороны крепости. Большое количество арбалетных болтов, значительно превосходящее по численности найденные наконечники стрел лука, также может указывать на то, что арбалеты использовали обе стороны.

Расположение находок предметов вооружения показывает, что основным направлением штурма Ландскроны было юго-восточное. Русские войска наступали с наименее защищенной напольной стороны и с территории между рекой Охтой и восточными крепостными рвами.

Литература

Артемьев А.Р. 1978. Наконечники стрел из раскопок Изборска. *КСИА* 155, 67—71.

Двуреченский О.В. 2007. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV—XVII вв. *Археология Подмосковья* 3. Москва, 277—331.

Кильдюшевский В.И. 1999. Оружие XIV—XVI вв. из раскопок крепости Орешек. В: Носов Е.Н. (ред.). *Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей*. Санкт-Петербург: РАН, 63—79.

Кирпичников А.Н. 1958. Метательная артиллерия Древней Руси. *МИА* 77, 7—51.

Кирпичников А.Н. 1966. *Древнерусское оружие* 2. *Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв.* САИ Е1—36. Москва; Ленинград.

Кирпичников А.Н. 1976. *Военное дело на Руси в XIII—XV вв.* Ленинград: Наука.

Медведев А.Ф. 1966. *Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв.* САИ Е1—36. Москва.

Отчет 2010: *Отчет о выполнении охранно-спасательных археологических мероприятий по договору №006/2010 (заключительный)* 24. *Раскоп 23+*. Санкт-Петербург.

НПЛ: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. 2000. ПСРЛ 3. Москва.

Седов В.В. 2007. *Изборск в раннем средневековье*. Москва: Наука.

Сорокин П.Е. 2008. Археологические исследования Ландскроны и Ниеншанца. В: Деревянко А.П. (отв. ред.). *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале* II. Москва: ИА РАН, 519—522.

Сорокин П.Е. 2013. Крепость Ландскрона: некоторые итоги историко-археологического изучения. В: Лопатин Н.В. (отв. ред.). *Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 58 научного семинара*. Москва; Псков, 271—279.

Сорокин П.Е. 2014. Крепость Ландскрона по письменным свидетельствам и результатам археологического изучения. *Новгород и Новгородская земля. История и археология* 27. Новгород: НГОМЗ, 301—310.

Сорокин П.Е., Тарабардина О.А. 2012. Археологические раскопки на Охтинском мысу и перспективы создания дендрохронологической шкалы Петербурга. *Новгород и Новгородская земля. История и археология* 25. Новгород: НГОМЗ, 84—92.

Сорокин и др. 2008: Сорокин П.Е., Михайлов К.А., Гукин В.Д., Ахмадеева М.М., Васильев С.А. 2008. *Научный отчет «Охранные археологические исследования на территории предполагаемого строительства по адресу: Красногвардейская площадь д. 2» в 2008 г. Раскоп 7.* Архив СЗНИИ Наследия.

Сорокин и др. 2009: Сорокин П.Е., Поляков А.В., Иванова А.В., Михайлов К.А., Лазаретов И.П., Гукин В.Д., Ахмадеева М.М., Глыбин В.А., Попов С.Г., Семенов С.А. 2009. Археологические исследования крепостей Ландскрона и Ниеншанц в устье реки Охты в 2008 г. Предварительные результаты. *Археологическое наследие Санкт-Петербурга* 3. Санкт-Петербург, 188—203.

Сорокин П.Е., Короткевич Б.С., Глыбин В.А. 2009. *Научный отчет «Охранные археологические исследования на территории предполагаемого строительства по адресу: Красногвардейская площадь д. 2» в 2009 г. Раскоп 9.* Ч. 6. Т. 1. Архив СЗНИИ Наследия.

Сорокин П.Е., Короткевич Б.С., Чистов Д.Е. 2009. *Научный отчет «Охранные археологические исследования на территории предполагаемого строительства по адресу: Красногвардейская площадь д. 2» в 2009 г. Раскоп 15.* Ч. 13. Т. 1, 2. Архив СЗНИИ Наследия.

Шаскольский И.П. 1987. *Борьба Руси за сохранение выхода в Балтийское море в XIV веке*. Москва: Наука.

Jansson S.B. 2003. *Erikskrönikan*. Stockholm: Prisma.

Mäesalu A. 1991. Ottepe Linuse Ammunooleotsad. *Arheoloogiline kogumik. Muinasaja teadus* 1. Tallinn: Agu, 163—181.

Rackevičius G. 2002. *Arbaletas ir lankas Lietuvoje XIII—XVI a*. Vilnius: Lietuvos Pilys.

References

Artem'ev, A.R. 1978. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Concise Bulletins of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR)* 155, 67—71 (in Russian).

Dvurechenskii, O.V. 2007. In *Arkheologiia Podmoskov'ia (Archaeology of the Moscow Region)* 3. Moscow, 277—331 (in Russian).

Kil'diushevskii, V.I. 1999. In *Rannesrednevekovye drevnosti Severnoi Rusi i ee sosedei (Early Medieval Antiquities of Northern Rus' and its Neighbors)*. Saint Petersburg: Russian Academy of Sciences, 63—79 (in Russian).

Kirpichnikov, A.N. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research on the Archaeology)* 77, 7—51 (in Russian).

Kirpichnikov, A.N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons)* 2. *Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kiste-*

ni IX—XIII vv. (Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th —13th cc.) Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—36. Moscow; Leningrad (in Russian).

Kirpichnikov, A.N. 1976. *Voennoe delo na Rusi v XIII—XV vv. (Russian Warfare in 13th —15th Centuries).* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Medvedev, A.F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII—XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th —14th cc.).* Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—36. Moscow (in Russian).

Otchet o vypolnenii okhranno-spasatel'nykh arkheologicheskikh meropriiatii po dogovoru №006/2010 (Progress Report on Rescue Archaeological Activities under Contract no. 006/2010) 24. Saint Petersburg (in Russian).

Novgorodskaia Pervaia letopis' starshego i mladshego izvodov (Novgorod First Chronicle of the Early and Late Versions). 2000. Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 3. Moscow (in Russian).

Sedov, V.V. 2007. *Izborsk v rannem srednevekov'e (Izborsk in the Early Middle Ages).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Sorokin, P.E. 2008. In *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale 2008 g. (Proceedings of the II (XVIII) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal, 2008)* II. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology, 519—522 (in Russian).

Sorokin, P.E. 2013. In *Arkheologiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land)* 58. Moscow; Pskov, 271—279 (in Russian).

Sorokin, P.E. 2014. In *Novgorod i Novgorodskaia zemlia. Istoriia i arkheologiia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 27. Novgorod: Novgorod State Regional Museum-Reserve, 301—310 (in Russian).

Sorokin, P.E., Tarabardina, O.A. 2012. In *Novgorod i Novgorodskaia zemlia. Istoriia i arkheologiia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 25. Novgorod: Novgorod State Regional Museum-Reserve, 84—92 (in Russian).

Sorokin, P.E., Mikhailov, K.A., Gukin, V.D., Akhmadeeva, M.M., Vasil'ev, S.A. 2008. *Nauchnyi otchet «Okhrannye arkheologicheskie issledovaniia na territorii predpolagaemogo stroitel'stva po adresu: Krasnogvardeiskaia ploshchad' d. 2» v 2008 g. (Academic Report "Rescue Archaeological Research on the Territory of the Planned Construction at the Address: Krasnogvardeyskaya Ploshchad no. 2" in 2008).* Archive of the North-Western Scientific Research Institute for the Heritage (Arkhiv SZNII Naslediia) (in Russian).

Sorokin, P.E., Poliakov, A.V., Ivanova, A.V., Mikhailov, K.A., Lazaretov, I.P., Gukin, V.D., Akhmadeeva, M.M., Glybin, V.A., Popov, S.G., Semenov, S.A. 2009. In *Arkheologicheskoe nasledie Saint Petersburga (Archaeological Heritage of Saint Petersburg)* 3. Saint Petersburg, 188—203 (in Russian).

Sorokin, P.E., Korotkevich, B.S., Glybin, V.A. 2009. *Nauchnyi otchet «Okhrannye arkheologicheskie issledovaniia na territorii predpolagaemogo stroitel'stva po adresu: Krasnogvardeiskaia ploshchad' d. 2» v 2009 g. Raskop 9 (Academic Report "Rescue Archaeological Research on the Territory of the Planned Construction at the Address: Krasnogvardeyskaya Ploshchad no. 2" in 2009).* Part 6. Vol. 1. Archive of the North-Western Scientific Research Institute for the Heritage (Arkhiv SZNII Naslediia) (in Russian).

Sorokin, P.E., Korotkevich, B.S., Chistov, D.E. 2009. *Nauchnyi otchet «Okhrannye arkheologicheskie issledovaniia na territorii predpolagaemogo stroitel'stva po adresu: Krasnogvardeiskaia ploshchad' d. 2» v 2009 g. Raskop 15 (Academic Report "Rescue Archaeological Research on the Territory of the Planned Construction at the Address: Krasnogvardeyskaya Ploshchad no. 2" in 2009).* Part 13. Vols. 1, 2. Archive of the North-Western Scientific Research Institute for the Heritage (Arkhiv SZNII Naslediia) (in Russian).

Shaskol'skii, I.P. 1987. *Bor'ba Rusi za sokhranenie vykhoda v Baltiiskoe more v XIV veke (Fight of Rus' for Protection of its Access to the Baltic Sea in 14th c.).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Jansson, S.B. 2003. *Erikskrönikan*. Stockholm: Prisma.

Mäesalu, A. 1991. Ottepe Linuse Ammunooleotsad. *Arheoloogiline kogumik. Muinasaja teadus* 1. Tallinn: Agu, 163—181.

Rackevičius, G. 2002. *Arbaletas ir lankas Lietuvoje XIII—XVI a.* Vilnius: Lietuvos Pilys.

Статья поступила в номер 8 мая 2014 г.

Petr Sorokin (Saint Petersburg, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences [1].

Petr Sorokin (Sankt Petersburg, Rusia). Candidat în ştiinţe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale al Academiei de Ştiinţe a Rusiei.

Сорокин Петр Егорович (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: petrsorokin@yandex.ru

Vasilii Matveev (Saint Petersburg, Russian Federation). North West Institute Cultural and Natural Heritage [2].

Vasilii Matveev (Sankt Petersburg, Rusia). Institutul Ştiinţific Nord-Vest pentru Cercetarea Patrimoniului Cultural şi Natural.

Матвеев Василий Николаевич (Санкт-Петербург, Россия). Северо-Западный НИИ Наследия.

E-mail: vmatveev88@inbox.ru

Boris Korotkevich (Saint Petersburg, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. State Hermitage Museum [3].

Boris Korotkevich (Sankt Petersburg, Rusia). Candidat în ştiinţe istorice. Ermitajul de Stat.

Короткевич Борис Сергеевич (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Государственный Эрмитаж.

E-mail: b.korotkevich@bk.ru

Kirill Mikhailov (Saint Petersburg, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences [4].

Kirill Mikhailov (Sankt Petersburg, Rusia). Candidat în ştiinţe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale al Academiei de Ştiinţe a Rusiei.

Михайлов Кирилл Алексеевич (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: mikhailov_kirill@mail.ru

Addresses: [1, 4] Dvortsovaya Nab., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; [2] Moyka Nab., 120, Saint Petersburg, 190121, Russian Federation; [3] Dvortsovaya Nab., 34, Saint Petersburg, 190000, Russian Federation

Монография в журнале

Monograph inside the Journal
Monografie în revistă

В. П. Кирилко

Крепостные сооружения средневековой Алушты

Keywords: Crimea, Aluston, Justinian I, medieval fortification, Alushta towers.
Cuvinte cheie: Crimeea, Aluston, Iustinian I, fortificație medievală, turnurile din Aluşta.
Ключевые слова: Крым, Алустон, Юстиниан I, средневековая фортификация, башни Алушты.

V. P. Kirilko

Fortress Structures in the Medieval Alushta

History of Alushta, which developed from a small Byzantine outpost to a small urban center — i. e. Genoese commercial trading post with a powerful fortress — distinguishes five main construction horizons connected with erection of specific fortification structures: 1 — early Byzantine (560s — second half — late 7th c.), 2 — Khazar (8th c. — first half of 10th c.), 3 — Byzantine (950s — late 13th cc.), 4 — Golden Horde (late 13th — 1380s), 5 — Genoese (1380s — 1470s).

The fort was founded by Justinian I (527—565) and first represented a trilateral court fenced by powerful walls, erected atop a small hill at the seaside. In the 9th — 10th cc., the area of the fortress extends towards the field side owing to a small trading quarter fenced by a defensive wall from the outside. The wall was destroyed in 10th c. and was not restored ever after. For a number of centuries, the initial fort served as the only protection for the urban dwellers. The second line of defense reemerged in 1420s. The most important changes in fortifications happened in 1460s, and hence the fort acquired its accomplished form. It included capital reconstruction of the external wall, then out-of-date and worn. The obsolete curtains were replaced by a new, more powerful wall, which was erected outside, in the immediate vicinity with the old curtains, and which was fortified by three towers at the field side.

V. P. Kirilko

Fortificațiile Aluştei medievale

În istoria Aluştei medievale, care, dintr-un mic avanpost bizantin, a devenit un centru urban şi o factorie genoveză cu o importantă fortificație, se disting cinci orizonturi principale de construcție, care pot fi puse în legătură cu unele elemente concrete ale ansamblului de fortificații: 1 — bizantină timpurie (a doua treime a sec. VI — prima jumătate şi sfârşitul sec. VII), 2 — hazară (sec. VIII — prima jumătate a sec. X), 3 — bizantină (a doua jumătate a sec. X — sfârşitul sec. XIII), 4 — Hoardei de Aur (sfârşitul sec. XIII — anii 80 ai sec. XIV), 5 — genoveză (anii 80 ai sec. XIV — anii 70 ai sec. XV).

Fortificația a fost fondată de către Iustinian I (527—565), şi inițial reprezenta o platformă triunghiulară, înconjurată cu ziduri şi amplasată pe vârful unui mic promontoriu din apropierea mării. În sec. IX—X, teritoriul cetății creşte, incluzând un spațiu adiacent fortificației, mărginit şi el de un zid de apărare. Acest zid a fost distrus în sec. X şi nu a mai fost refăcut, fortificația inițială rămânând unica protecție pentru orăşeni pentru timp de câteva secole. În anii 20 ai sec. XV din nou apare a doua linie de apărare. Cele mai importante modificări ale structurii de fortificare au fost aplicate în anii 60 ai sec. XV, cetatea căpătându-şi aspectul actual. A fost realizată o reconstrucție generală a zidului exterior. În locul curtinelor, lângă ele a fost ridicat un zid nou, mai masiv, întărit cu trei turnuri.

В. П. Кирилко

Крепостные сооружения средневековой Алушты

В истории развития средневековой Алушты, прошедшей путь от небольшого византийского форпоста до малого городского центра — генуэзской торговой фактории с мощной крепостью, выделяется пять основных строительных горизонтов, соотносимых с конкретными сооружениями фортификационного ансамбля: 1 — ранневизантийский (вторая треть VI — вторая половина — конец VII вв.), 2 — хазарский (VIII — первая половина X вв.), 3 — византийский (вторая

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© В. П. Кирилко, 2014.

половина X — конец XIII вв.), 4 — золотоордынский (конец XIII — 80-е годы XIV вв.), 5 — генуэзский (80-е годы XIV в. — 70-е годы XV в.).

Укрепление основано Юстинианом I (527—565), первоначально представляло собой ограждённую мощными стенами трёхстороннюю площадку на вершине небольшой возвышенности вблизи моря. В IX—X вв. территория крепости увеличивается с напольной стороны за счёт небольшого посада, обрамлённого снаружи оборонительной стеной. Данная ограда подверглась разрушению в X в. и больше не восстанавливалась. Единственной защитой для горожан на несколько столетий остаётся первоначальное укрепление. В 20-х годах XV в. вновь появляется вторая линия обороны. Наиболее значительные изменения в фортификационной структуре произошли в 60-х годах XV в., после чего крепость получила законченный вид. Осуществляется капитальная реконструкция внешней крепостной ограды, морально и физически устаревшей. Взамен упразднённых куртин, в непосредственной близости от них, снаружи возводится новая, более мощная, стена, усиленная с напольной стороны тремя башнями.

Посвящается глубокоуважаемым юбилярам, благоприятствовавшим моему профессиональному становлению: Анатолию Николаевичу Кирпичникову, на примере и книгах которого я вырос, и Виктору Леонидовичу Мыцу — моему учителю и ведущему исследователю данного памятника.

Введение

Укрепление Алушты находится на южном берегу Крымского полуострова в 200 м от моря и занимает вершину небольшой возвышенности с крутыми склонами, расположенной между устьями двух маленьких речек в центральной части современного города Алушта (рис. 4—8). В настоящее время оно представляет собой компактный, неоднократно перестраивавшийся, фортификационный ансамбль с двумя линиями обороны — цитаделью и внешней оградой, которая с напольной (самой приступной), северо-восточной, стороны усилена тремя башнями. Нынешние названия последних имеют позднее тюркское происхождение, отражая их характерные особенности: Ашага-Куле («Нижняя»), Орта-Куле («Средняя») и Чатал-Куле («Рогатая»).

Крепость основана Юстинианом I (527—565), о чём, описывая строительную деятельность византийского императора на территории полуострова, сообщает в трактате «De aedificiis» Прокопий Кесарийский: «Он воздвиг там и два укрепления, так называемые Алуста и в Горзубитах» (Прокопий 1939: 249). Дальнейшая история сооружения в документальных источниках отражена слабо и представлена лишь лаконичными, в контексте различного рода событий, упоминаниями возникшего на этом месте города и сведениями о недавних ремонтах отдельных оборонительных объектов. В 60-х годах X в. Алус принадлежал хазарскому кагану Йосифу (Коковцев 1932: 102). Согласно свидетельству арабского географа и путешественника Абу Абдаллах Мухаммед ал-Идриси (ок. 1100—1165), в XII в. Шалуста была большим и красивым приморским городом (Гаркави 1891: 244—245). Позднее она появляется на портуланах, где имеет разные варианты написания топонима: Lasta (1318), Austa (1367), Alusta (1408), Lustra (1480), Lustia (1487), Lusta (1514), Lusto (без даты), Lusca (1570) (Кёппен 1837: 156—157).

Глава 1. История исследования памятника

Самое раннее описание оборонительных сооружений средневековой Алушты принадлежит П. С. Палласу, побывавшему здесь в 1793—1794 гг. Со ссылкой на трактат Прокопия Кесарийского, их руины он определяет как остатки «древней греческой крепости», сообщая при этом о развалинах «трех башен и крепостной стене, сложенных из дикого камня, аршин в 5 вышины и от двух до трех толщины», а также то, что «посреди укрепления заметна поперечная стена». Довольно точными являются наблюдения исследователя относительно качественных характеристик фортификационной структуры объекта: «Большая круглая башня составляла юго-восточный угол укрепления, против моря, на крутом холме; от нее идет стена прямо на запад, — где она, по причине отлогости холма, укреплена прочнее. На северо-восточной стороне стена укреплена слабее и имела здесь тупой угол, подле которого находилась четырёхугольная башня; а за нею, на расстоянии 70 шагов, — другая, на северном углу. Северный и западный склон холма представляет отвесный утес против долины и здесь заметны только признаки стены» (Путешествие 1881: 171—172; Паллас 1999: 86).

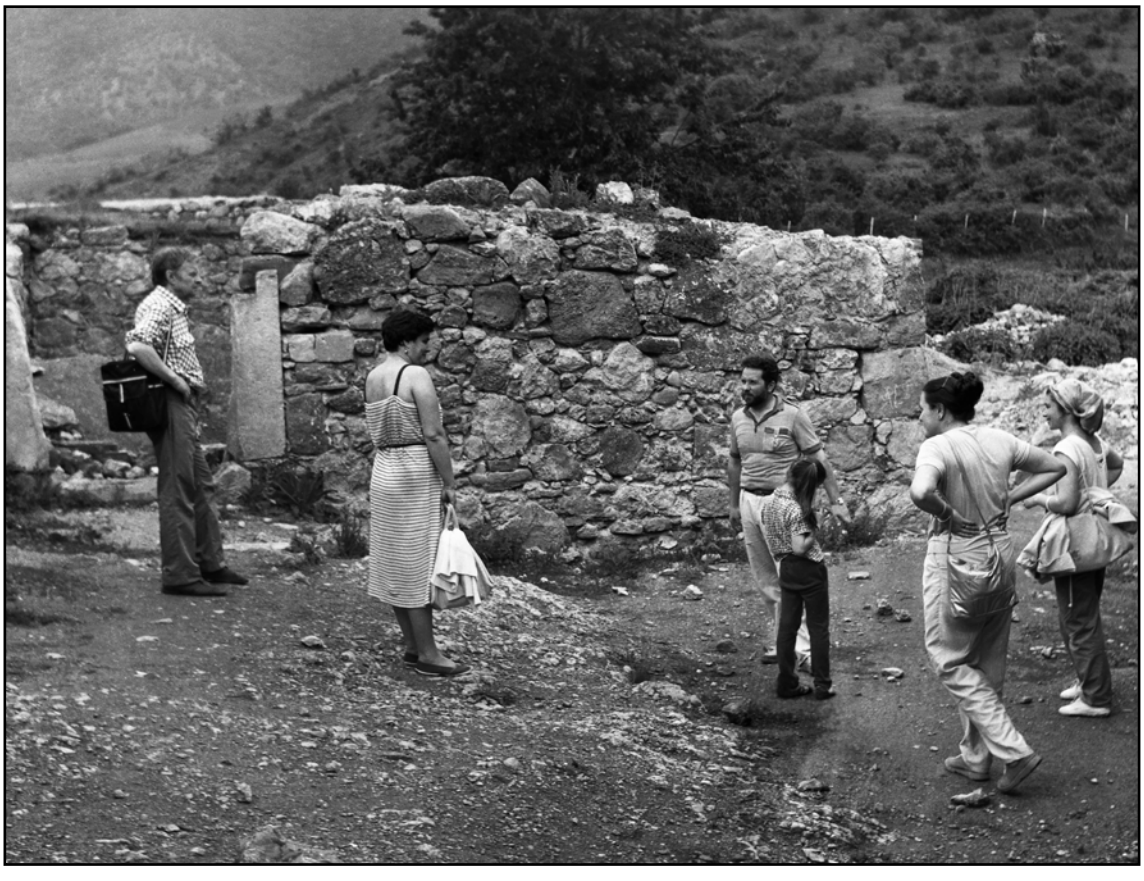

Рис. 1. В стенах средневекового укрепления Фуна. На снимке слева направо: А.Н. Кирпичников, О.А. Кондратьева, В.Л. Мыц, С.В. Мыц, С.Б. Адаксина, М.Л. Меньшикова. Май 1985 г. Фото автора.

Fig. 1. Behind the walls of the medieval Funa fort. From the left to the right: A.N. Kirpichnikov, O.A. Kondratieva, V.L. Myts, S.V. Myts, S.B. Adaxina, M.L. Menshikova. May 1985. Photo by the author.

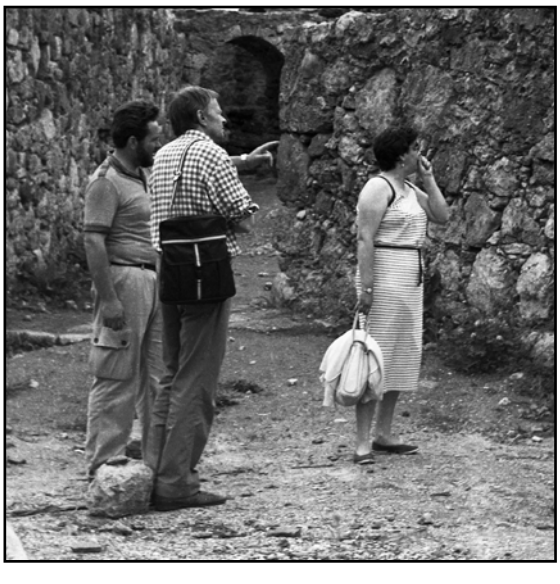

Рис. 2. В.Л. Мыц, А.Н. Кирпичников и О.А. Кондратьева у крепостных ворот Фуны. Май 1985 г. Фото автора.

Fig. 2. V.L. Myts, A.N. Kirpichnikov and O.A. Kondratieva at the Funa fort's gate. May 1985. Photo by the author.

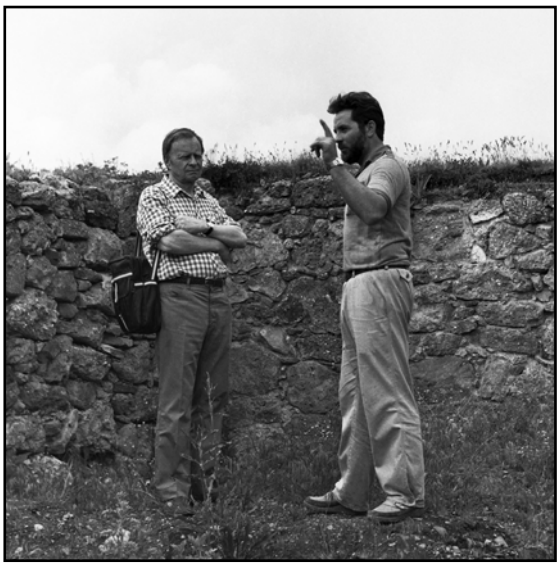

Рис. 3. А.Н. Кирпичников и В.Л. Мыц внутри фунского донжона. Май 1985 г. Фото автора.

Fig. 3. A.N. Kirpichnikov and V.L. Myts inside Funa's Dungeon. May 1985. Photo by the author.

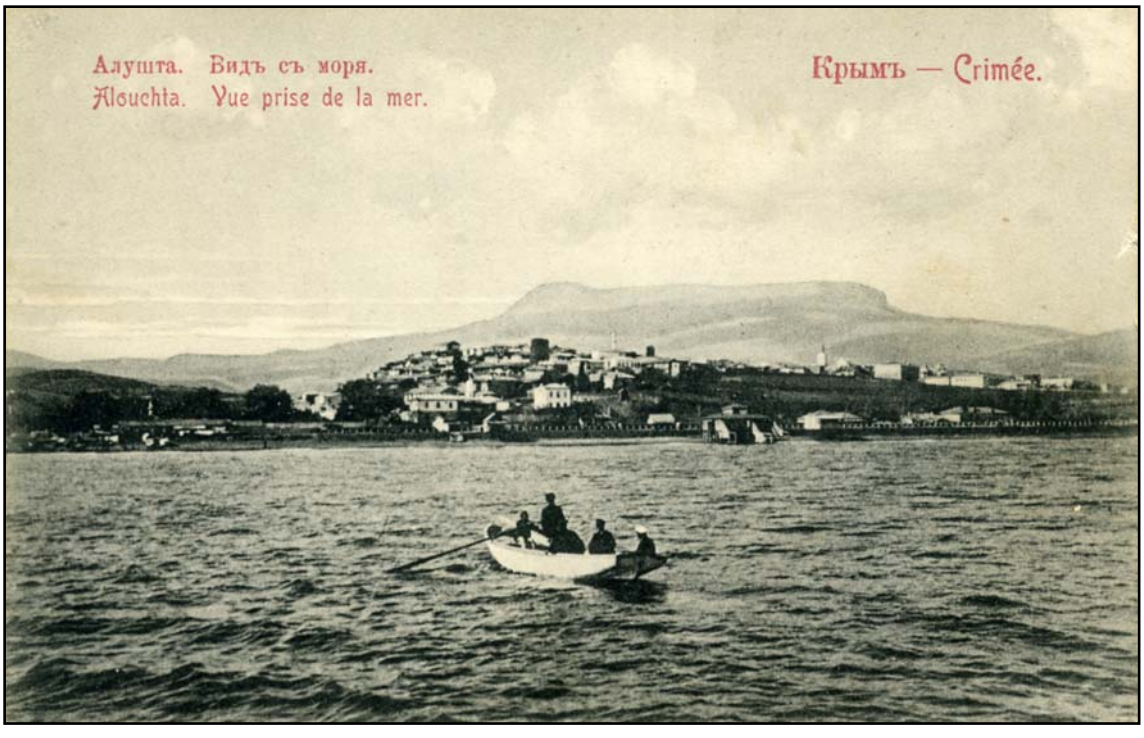

Рис. 4. Алушта. Вид с моря. Почтовая открытка начала XX в.

Fig. 4. Alushta. A View from the Sea. Postcard of early 20th c.

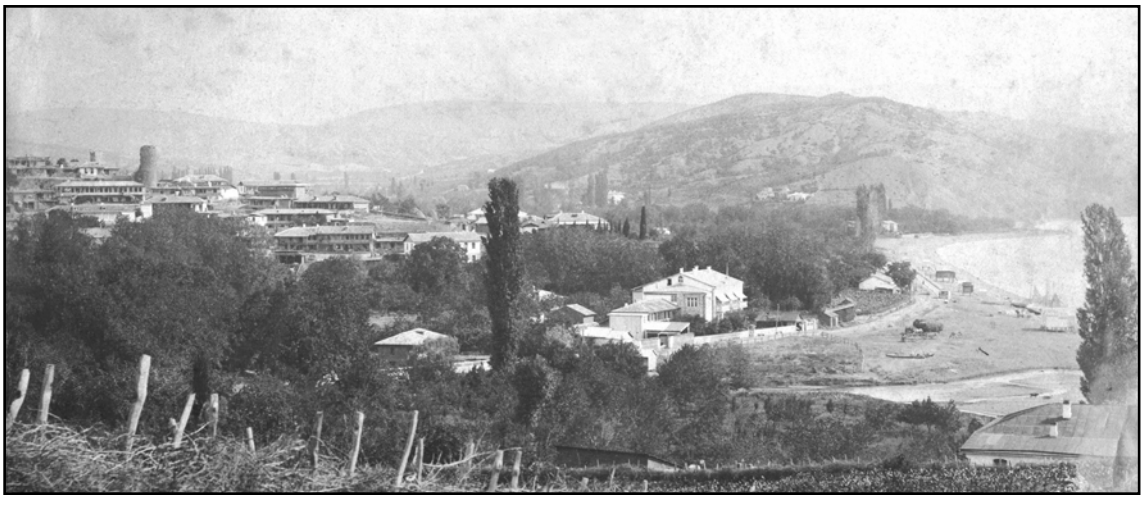

Рис. 5. Крепостная горка и побережье. Вид с юго-запада. Конец XIX в. На переднем плане — устье реки Улу-Узень.

Fig. 5. Fortress Hill and coastline. View from the south-west. Late 19th c. In the foreground: mouth of the Ulu-Uzen River.

Е. Е. Кёллер, посетивший Алушту в 1821 г., отнёс её оборонительные сооружения к числу достопримечательностей, подлежащих обязательному сохранению, не определяя при этом их происхождение. Сопровождавший учёного в поездке по Крыму архитектор Э. Паскаль выполнил два рисунка — «Вид и план Алушты, с развалинами крепости», судьба которых до сих пор неизвестна (О сохранении 1872: 390; Тункина 2002: 81, прим. 72). О самом же укреплении Е. Е. Кёллер, задавшись целью выяснить состояние объекта, в своём дневнике сообщил только общее впечатление и отметил возникшее при ознакомлении с памятником недоумение: «18 августа, четверг. В 7 часов утра я вышел, чтобы осмотреть развалины

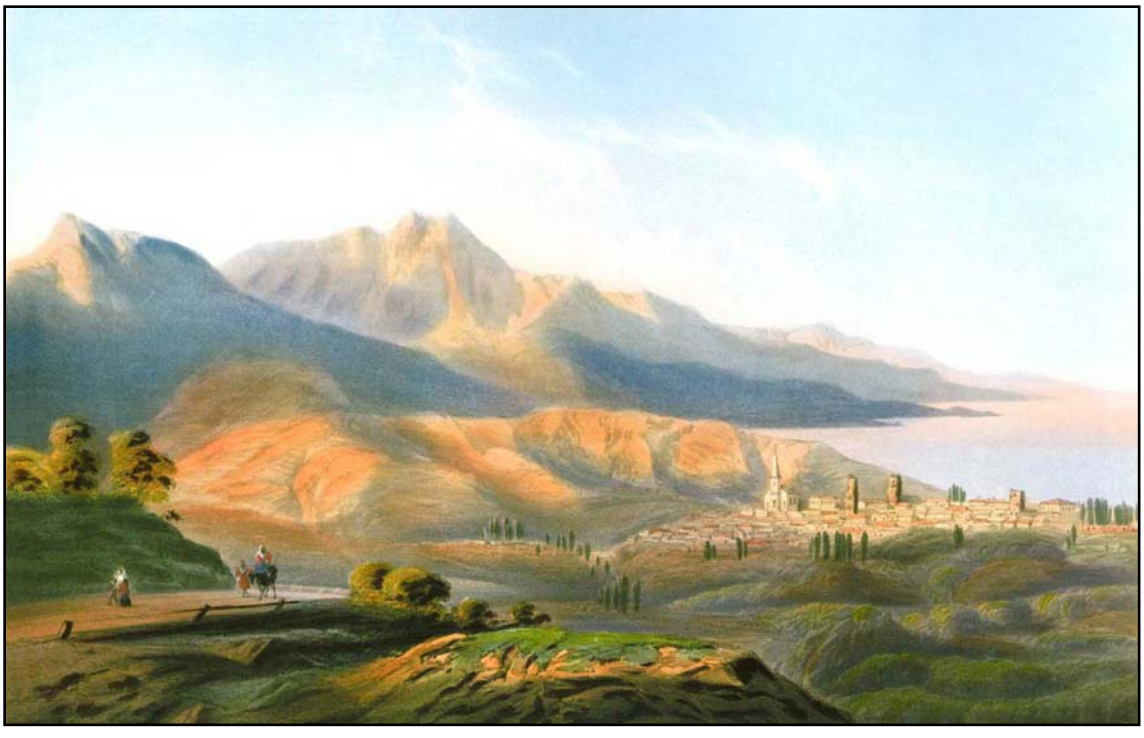

Рис. 6. Алушта. Вид с северо-запада. Литография К. Боссоли. 1840—1842 гг. (по Пейзажи 2003: 29).

Fig. 6. Alushta. View from the north-west. Lithography by K. Bossoli. 1840—1842 (after Пейзажи 2003: 29).

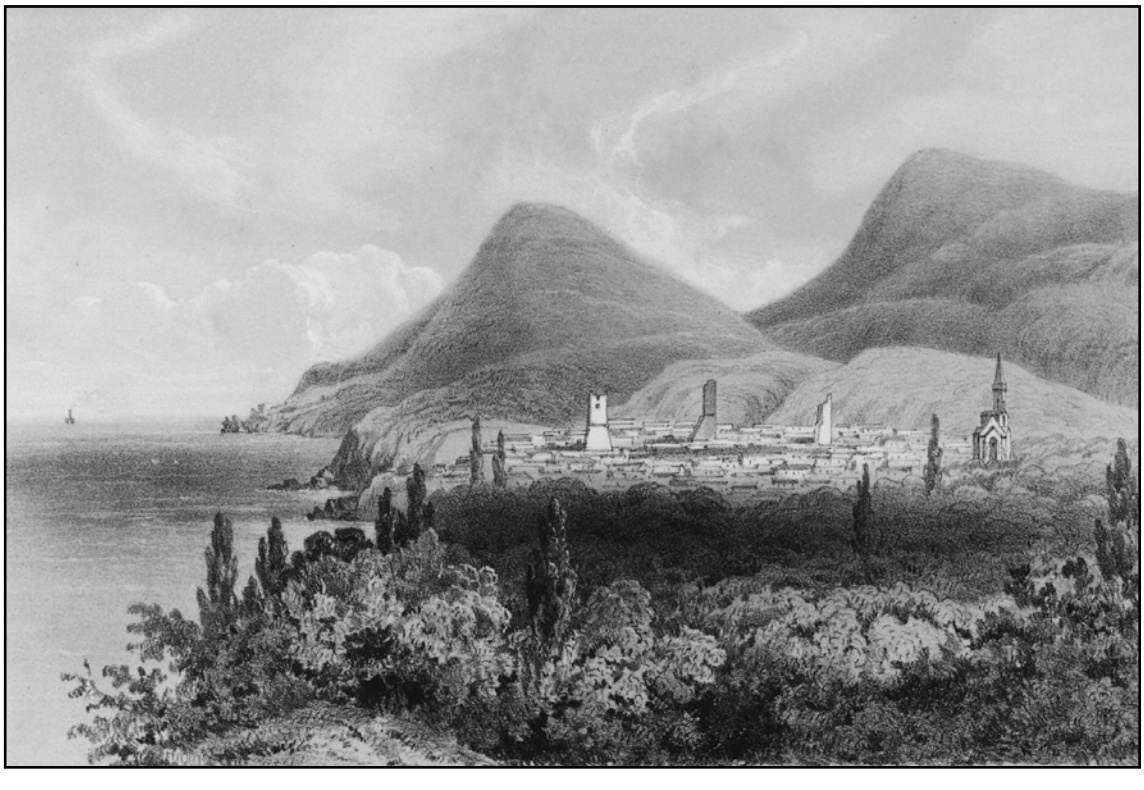

Рис. 7. Замок Алустон (Алушта). Вид с востока. Гравюра В. Руссена. 1843—1449 гг. (по Мальгина 2006: 51, № 249).

Fig. 7. Aluston Castle (Alushta). View from the east. Engraving by V. Russin. 1843—1449 (after Мальгина 2006: 51, № 249).

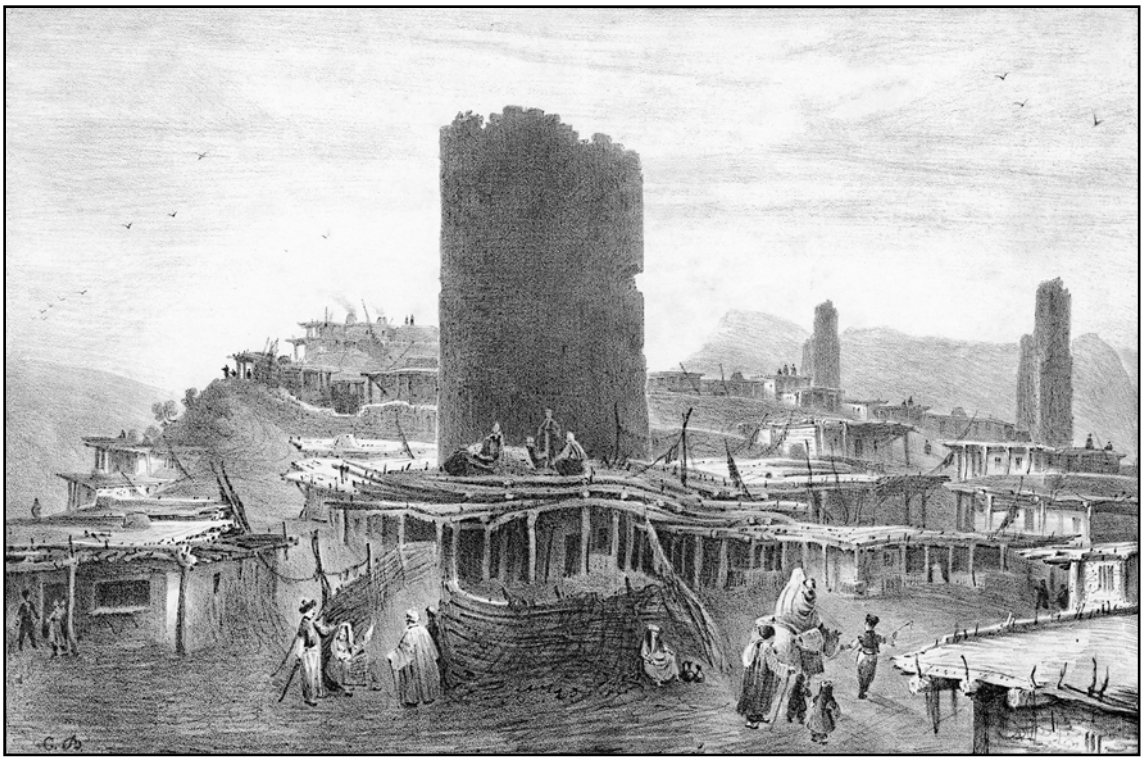

Рис. 8. Алушта. Вид с юго-востока. Литография К. Боссоли. 1841—1842 гг. (по Мальгина 2006: 41, № 104).

Fig. 8. Alushta. View from the south-east. Lithography by K. Bossoli. 1841—1842 (after Мальгина 2006: 41, № 104).

древней крепости. Часть внушительных стен ещё стоит; но от башни (Чатал-Куле — *В.М.*) с одной стороны вовсе ничего не сохранилось. Если считать, что это остатки генуэзских построек, то удивляет отсутствие на них плит с надписями»[1].

П. И. Кёппен первым из исследователей вводит в научный оборот план крепости (рис. 9), который, предположительно, был снят в 1835 г. топографом Симферопольской межевой комиссии Литвиненко, в то время выполнившего аналогичную работу на другом памятнике, находившемся недалеко от Алушты — у подножия г. Демерджи (Кёппен 1837: 101, 154; Кирилко 2004: 65—71). Представляя чертёж, он отмечает, что укрепление, «сообразуясь с местностью, составляло весьма неправильный пятиугольник», внутри которого выделяется обособленная часть «как бы Акрополь или верхний город». Учёный приводит татарские названия башен и их перевод, обращает внимание на отдельные конструктивные характеристики строений, сообщает о ремонте Орта-Куле в 1833 г. и обрушении половины Чатал-Куле

Рис. 9. План Алуштинской крепости (по Кёппен 1837: 154).

Fig. 9. Plan of Alushta Fortress (after Кёппен 1837: 154).

[1] Пользуясь случаем, благодарю исследователей путевого дневника Е. Е. Кёллера — И. В. Тункину и В. Л. Мыца за любезно предоставленную мне возможность использовать в настоящей работе неопубликованные материалы их изысканий. Перевод текста с немецкого выполнен И. М. Дунаевской по авторской рукописи, хранящейся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки под шифром Нем. IV Q 181. Л. 244—272об.

в 1830 г., пытается определить историческое место объекта, подчеркнув особенность его расположения: «В ряду береговых укреплений Алушта примечательна тем, что отсюда уже следует крепость за крепостью в близком друг от друга расстоянии и в явной между собой связи находившиеся» (Кёппен 1837: 154—158).

Информацию о фортификационных сооружениях Алушты, представленную П. И. Кёппеном, вскоре почти дословно повторил Ф. Дюбуа де Монпере, побывавший здесь в 1834 г., расширив её, в частности, сведениями о геологическом строении возвышенности («сланцевый холм»), занятой крепостью. При этом опубликованный тем план он считает точным и таковым, «который стоит принять во внимание». Исследователь выполнил две зарисовки практически одинаковых видов Алушты с остатками укрепления на дальнем плане, одну из которых дополнил данными о горных породах ближайших окрестностей (Дюбуа де Монпере 2009: 140, лист XI, XLVII).

Упомянутый П. И. Кёппеном ремонт 1833 г. на некоторое время приостановил разрушение оборонительных сооружений крепости, но вскоре необходимость их сохранения вновь стала актуальной. В 1863 г. для предупреждения несчастных случаев по предписанию губернатора принимается решение разобрать верхнюю часть башни Чатал-Куле, находившуюся на небезопасном расстоянии от мечети. Одновременно, «для обеспечения нормального существования» средней башни, в которой обнаружилась давняя трещина, рекомендовано устройство «контрфорса с задней стороны высотою примерно в две-трети вышины всей стены» (ГААРК. Ф. 27. Оп. 13. № 1167. Л. 3, 3об.).

В соответствии с одобренным проектом, в сентябре 1866 г. верхушка Чатал-Куле была удалена (ГААРК. Ф. 27. Оп. 13. № 1167. Л. 24, 32—35), однако вскоре, в 1871 или 1872 гг., оставшаяся часть руины подверглась окончательному разрушению (Струков 1872: 12, 32; Мыц 2002: 140).

В конце 1880 г. возникла угроза уничтожения верхней половины Орта-Куле, которая, согласно утверждению одного из местных жителей, «валится», что, в конечном итоге, после непродолжительной переписки, ознаменовалось появлением 12 марта 1881 г. примечательного документа, направленного Императорским Одесским обществом истории и древностей в Таврическое губернское правление: «На отношение Губернского Правления от 24 февраля сего года за № 122 Общество имеет честь уведомить, что желательно разобрания Алуштинской башни, угрожающей, как полагает г. Таврический Губернский Инженер, падением, времени которого предугадать нельзя: оно возможно чрез несколько дней и по истечении столетия, общество полагает обстоятельство — сохранить или разобрать — на полное благоусмотрение господина Инженера. Археология и самая Алуштинская историческая местность и общество много будут обязаны господину Инженеру за возможное сбережение этого памятника VI века. Вице-Президент Мурзакевич. Секретарь Юргевич» (ГААРК. Ф. 27. Оп. 13. № 1558. Л. 55, 70). Результаты неизвестны.

В 1897 г. вновь потребовалось приведение руин башен в безопасное состояние, на их ремонт было выделено 800 руб. Озабоченность судьбой крепостных построек, а также необходимостью сохранения их исторического облика проявили Московское Императорское археологическое общество, Императорская археологическая комиссия и Таврическая учёная архивная комиссия. Затянувшаяся на несколько лет бюрократическая волокита благополучно завершилась к осени 1901 г. закладкой вывалов и возведением контрфорсов, причём четверть отпущенных средств осталась неиспользованной (ГААРК. Ф. 27. Оп. 13. № 2688. Л. 1, 2, 4, 56, 96, 121, 137; № 2568. Л. 22—26, 39—41, 94; Протоколы 1899: 154).

Новые проблемы с сохранением памятника возникли в апреле 1909 г., когда обитатели усадеб, смежных с Орта-Куле, обратились к Таврическому губернатору с просьбой относительно башни, пытаясь добиться «распоряжения о снятии верхушки таковой сажени на две и укрепить ее», чтобы обезопасить свои владения от выпадающих из кладки камней. По этому поводу достаточно чёткую позицию заняла Императорская Археологическая комиссия: «ремонт генуэзской башни близ г. Алушты может быть произведен без разборки каких-либо частей ее и должен заключаться лишь в заделке проломов камнем на цементе, в таковом же укреплении утраченных частей и в закреплении шатающихся камней, без каких-либо изменений в древнем виде башни». О самих противоаварийных работах, обусловленных жалобой, достоверных сведений нет, за исключением, пожалуй, того, что составление сметы затянулось на девять месяцев и предполагалось потратить сумму 947 руб. 14 коп., существенно превышающую расходы на предыдущую реставрацию (ГААРК. Ф. 27. Оп. 13. № 3898. Л. 1, 3, 6; № 3980. Л. 3, 15, 32, 82).

В 1947 г. руины «так называемой генуэзской крепости» были осмотрены Е.В. Веймарном. Ориентируясь на план П.И. Кёппена, он установил, что общая конфигурация оборонительных линий, за исключением передней стены цитадели, ещё прослеживается, а их кладка местами сохранилась на высоту до 7—8 метров. Состояние башен им определено следующим образом: Чатал-Куле «сохранилась очень плохо», средняя башня, названная исследователем Орта-Капу (что ошибочно, но, учитывая отсутствие точных данных о крепостных воротах, небезынтересно), сильно разрушена и «подперта современным нам контрфорсом», Ашага-Куле «сохранилась на значительную высоту». Изучение подъёмного материала и осмотр руин фортификационных построек не дали «никаких положительных указаний для того, чтобы крепость считать сооруженной в эпоху раннего средневековья». Как следствие, Е.В. Веймарн пришёл к вполне убедительному выводу: «если на этом месте и была воздвигнута некогда, согласно Прокопию, крепость Алустон, то она настолько была перестроена генуэзцами, что остатки ее целиком поглощены более новой постройкой». Причём, по его мнению, «более ранняя, нежели генуэзская крепость» может быть лишь круглая башня — Ашага-Куле, ибо та «не связана со стеной» (Веймарн 1957: лист 5об., 6).

Неожиданную и несколько сумбурную информацию о фортификационных сооружениях Алушты сообщает О.И. Домбровский, посвятивший южнобережным укреплениям средневекового Крыма специальное исследование. Традиционно соотнося возведение крепости с царствованием императора Юстиниана I, он отмечает, что от той в настоящее время «сохранились одна из четырёх круглых башен и основание прямоугольной башни более позднего времени», но при этом свои выводы ничем не подкрепляет (Домбровский 1974: 8).

Особое место в истории изучения памятника занимают исследования Л.В. Фирсова. Наряду с обширным цитированием малодоступной тогда работы П.И. Кёппена и новым, с учётом современного (1966 г.) состояния, описанием руин строений, он первым предпринял попытку реконструировать облик фортификационных сооружений крепости, в частности, изобразив предполагаемый вид одной из башен (Ашага-Куле) и примыкающего к ней участка южной оборонительной стены. По его мнению, те завершались зубчатым парапетом с узкими, расширяющимися вовнутрь бойницами и имели простой или сложный карниз с машикули (рис. 10). Л.В. Фирсов считает, что «генуэзцы укрепили Алушту, использовав старую, юстиниановских времен, крепость, значительно переделав ее на свой архитектурный вкус», отмечая при этом то, что «невозможно с достоверностью отличить византийские кладки от кладок генуэзских» (Фирсов 1990: 67—72, рис. 14).

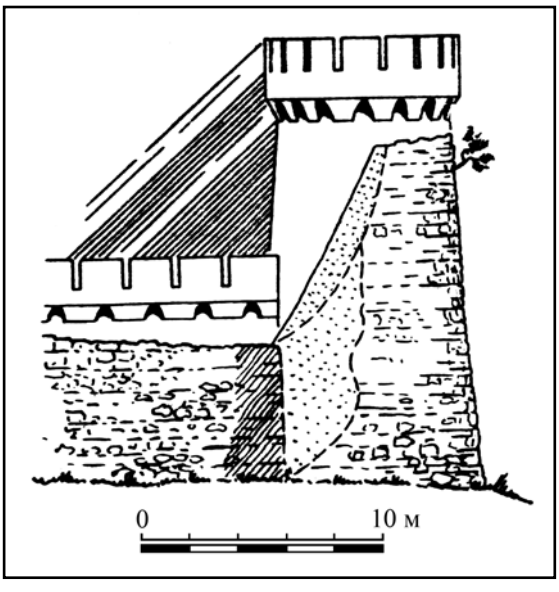

Рис. 10. Круглая башня Алуштинского укрепления. Реконструкция (по Фирсов 1990: рис. 14).

Fig. 10. Round tower of Alushta Fortress. Reconstruction (after Фирсов 1990: рис. 14).

В исследованиях, посвящённых рассмотрению непосредственно архитектурных аспектов памятника и отчасти его исторического контекста, опубликованная информация в большинстве своём априорна и не всегда достоверна. Показателен пример относительно недавнего, последней четверти прошлого века, справочного издания, где обе уцелевшие башни датированы VI в. При этом безосновательно сообщается о повреждении крепости монголо-татарами в 1239 г. и её восстановлении в XIV в. Ошибочно также утверждение о том, что и Орта-Куле, и Ашага-Куле сложены из крупного известняка, тогда как, на самом деле, пока здесь известен только один случай применения данного камня, да и то в виде тщательно обработанных блоков вторичного использования, которыми оформлен внешний угол первой из упомянутых построек. Определённое сомнение вызывают сведения о реставрации памятника в 1883 г. (Артеменко 1985: 273). Вероятнее всего, в тексте допущена обычная опечатка, т.е. речь должна

идти о 1833 г. (ремонтные работы и появление контрфорса Орта-Куле, согласно данным П. И. Кёппена) либо 1863 г. (когда по предписанию губернатора решался вопрос о сохранении башен укрепления). Поскольку отсутствует ссылка на источник, не внушает особого доверия и свидетельство автора о консервации памятника в 1911 г., что также может оказаться ошибкой в написании другой даты — 1901 г., когда действительно было осуществлено значительное усиление обеих башен.

Не менее поверхностными и малоинформативными являются описания крепости в остальных, подобного рода, разновременных публикациях по теме, причём, даже в наиболее известных, академических, изданиях она обычно упоминается лишь вскользь (Когоношвили, Махнева 1971: 7—11; Крикун 1977: 12, рис. 10).

Новый этап в исследованиях памятника начался в 1981 г., когда В. А. Сидоренко впервые предпринял попытку археологического изучения укрепления, однако её результаты до сих пор не введены в научный оборот. В течение одного полевого сезона им был выполнен осмотр уцелевших кладок строений, а на свободных от современной, очень плотной, застройки местах Крепостной горки заложено четыре шурфа, в двух из которых удалось выявить невыразительные руины оборонительных стен цитадели (Сидоренко 1981; 1982: рис. 1).

Более полное представление о скрытых культурным слоем остатках фортификационного ансамбля (рис. 11), равно как реальную периодизацию его сооружений, позволили получить лишь дальнейшие, широкомасштабные, раскопки памятника, осуществлённые в 1984—1995 и 1998 гг. Горно-Крымской экспедицией КФ ИА НАНУ под руководством В. Л. Мыца (Мыц 1985; 1986; 1987; 1988; 1989б; Мыц, Адаксина 1992; Мыц, Адаксина, Кирилко 1993; Мыц и др. 1993а; Мыц, Сёмин 1995; Тесленко, Сёмин 1999)[2]. Материалы археологических исследований легли в основу серии публикаций, где, наряду с введением в научный оборот самых важных результатов изучения крепости, частично рассматривается также её строительная история и архитектура.

Согласно библиографическим наблюдениям В. Л. Мыца, в литературе по истории

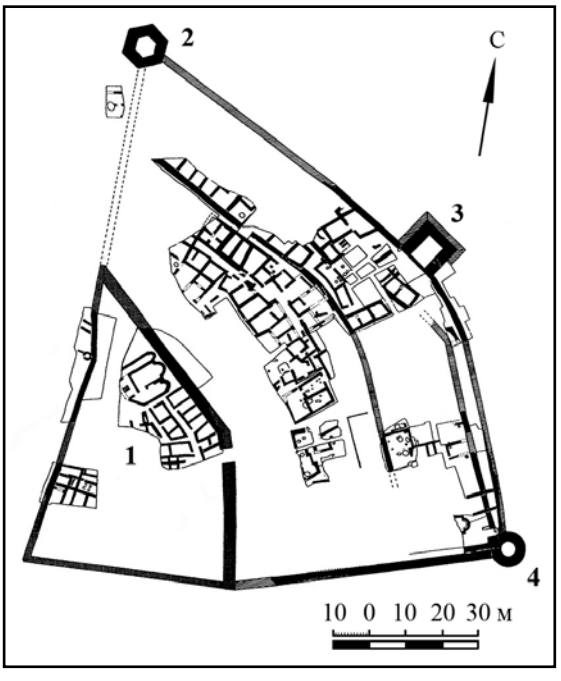

Рис. 11. План крепости Алустон VI—XV вв.: 1 — цитадель; 2 — башня Чатал-Куле («Рогатая»); 3 — башня Орта-Куле («Средняя»); 4 — башня Ашага-Куле («Нижняя») (по Мыц 2009: рис. 172).

Fig. 11. Plan of Aluston Fortress, 6th—15th cc.: 1 — citadel; 2 — Chatal-Kule Tower ('Rogataya' or Horned); 3 — Orta-Kule Tower ('Srednyaya', or Middle); 4 — Ashaga-Kule Tower ('Nizhnyaya', or Lower) (after Мыц 2009: рис. 172).

средневекового Крыма к 60-м годам прошлого века утвердилось мнение, что византийцами в VI в. возведено двухчастное укрепление с цитаделью и внешней линией обороны, которое впоследствии ремонтировалось и перестраивалось до конца XV в. (Мыц 1997: 187—188; 2009: 290). Ситуация им обозначена не вполне корректно, ибо хронологическая дифференциация оборонительных рубежей крепостного ансамбля в подобном виде, касательно первоначального планировочного решения, на самом деле никем из предшественников не предпринималась. Недоумение вызывают и отдельные историографические выводы исследователя. В частности, несколько странной представляется интерпретация В. Л. Мыцом сведений П. С. Палласа о крепости, в соответствие с которой, якобы тот, «осмотрев ее руины, пришел к выводу, что это — генуэзская постройка», тогда как данная информация не подтверждается ни одним литературным источником, по крайней мере, из числа обозначенных в ссылке. Более того, согласно его утверждению, подобной точки зрения придерживался также другой исследователь памятника — Е. Е. Кёллер (Мыц

[2] Сердечно благодарю авторов последних раскопок за любезно предоставленные материалы археологического исследования крепости.

1997: 187), хотя последний не был столь категоричен и, судя по дневниковым записям, такую возможность всего лишь не исключал. Своеобразно он трактует и без того путаную версию О.И. Домбровского, которой придал вид цитаты, немного переформатировав и дополнив её отсутствующей в оригинале датой, и тем самым сместил акценты в исходном умозаключении: «из четырех круглых башен (? — *В.М.*) VI в. сохранилась только одна» (Мыц 1997: 188).

Археологическими исследованиями выделено пять строительных горизонтов в истории развития средневековой Алушты[3], прошедшей путь от небольшого византийского укрепления до малого городского центра — генуэзской торговой фактории с мощной крепостью:

1) ранневизантийский: вторая треть VI — вторая половина — конец VII вв.,

2) хазарский: VIII — первая половина X вв.,

3) византийский: вторая половина X — конец XIII вв.,

4) золотоордынский: конец XIII — 80-е годы XIV вв.,

5) генуэзский: 80-е годы XIV — 70-е годы XV вв. (Мыц 1997: 189).

Каждый из них получил соответствующее отражение в фортификационной структуре и архитектонике оборонительных сооружений города. Раскопки показали, что во второй трети VI в. (между 527—560 гг.) византийцами была возведена небольшая сторожевая крепость с мощными оборонительными стенами, ограждавшими вершину холма по всему периметру. В последующие столетия (VIII—XV вв.) ранневизантийские укрепления служили цитаделью города. Стены и башни внешней линии обороны построены генуэзцами не ранее 80-х годов XIV в. (Мыц 1997: 199). Причём, определённое время в научном обороте господствовало априорное мнение, согласно которому те якобы были возведены в 80—90-х годах XIV в. по инициативе и при финансовой поддержке генуэзской администрации и уже к началу XV в. приобрели свой законченный вид (Мыц 1991: 152). Однако, как было установлено дальнейшими археологическими исследованиями, строительная периодизация генуэзского периода существования Лусты в реальности оказалась значительно сложнее, чем это представлялось ранее, и соответствовала не только этапам экономического освоения лигурийцами побережья Готии, но и военно-политической обстановке, складывавшейся в Причерноморье в 20—70-х годах XV в. (Мыц 2002: 140).

Полученные в ходе раскопок новые материалы позволили считать, что до 20-х годов XV в. генуэзцы ограничили свои фортификационные мероприятия в Алуште ремонтом и восстановлением византийских укреплений, возведённых при Юстиниане I (527—565) и частично разрушенных монголами в 70-х годах XIII в. (1278 г.?), которые впоследствии использовались ими как цитадель города (Мыц 2002: 171).

В момент обострения политических отношений с правителем Феодоро Алексеем, начавшим военные действия против Каффы с целью захватить всё побережье Готии от Чембало до Лусты (1422—1423 гг.), в спешном порядке[4] была построена внешняя линия обороны. Это позволило увеличить защищенную часть города на 0,75 га (в 2,1 раза). Во второй половине 20-х годов (вероятно, не ранее 1425 г.), после катастрофического землетрясения 1423 г. производился ремонт пострадавших от сейсмического воздействия крепостных стен (Мыц 2002: 171—172).

Во второй четверти — середине XV в. полной перестройке подвергся северо-западный участок оборонительной стены цитадели, возведенной ещё при Юстиниане I. Причиной

[3] Первоначально автором раскопок в тезисной форме были обозначены несколько иные основные этапы развития средневековой Алушты. Археологические исследования 1984—1988 гг. показали, что культурные напластования содержат шесть основных строительных горизонтов, которым соответствуют шесть планировочных решений городской застройки: 1) VI—VIII вв. (византийская сторожевая крепость), 2) IX—X вв. (хазарский период), 3) XII—XIII вв. (увеличение городской территории за счёт посада), 4) XIV—XV вв. (генуэзский период, время расцвета средневековой Алушты), 5) XVI—XVIII вв. (после 1475 г. город быстро приходит в упадок и превращается в небольшое приморское поселение), 6) конец XVIII—XX вв. Согласно выводам исследователя в большинстве случаев перепланировка и перестройка домов в городских кварталах были вызваны сильными пожарами, а с X по XV вв. город трижды разрушался полностью. Особенно значительной по своим последствиям была катастрофа X в., после которой отдельные участки городской территории не застраивались до XII—XIII вв. Этот длительный перерыв привёл к тому, что планировка домов и улиц XII—XIII и XIV—XV вв. не совпадает с планировкой строений IX—X вв. (Мыц 1989а: 151—152; 1991: 151—152).

[4] Согласно информации, которая введена в научный оборот, фортификационные объекты «сооружались в спешке, без какой-либо инженерной подготовки рельефа склона, и не имеют фундаментов. К тому же южная стена оказалась сложенной на грязевом растворе» (Мыц 2009: 76).

Рис. 12. Реконструкция укрепления в Алуште (Lusta). Вид с северо-востока (по Бочаров 2004: рис. 6).

Fig. 12. Reconstruction of the fortress in Alushta (Lusta). View from the north-east (after Бочаров 2004: рис. 6).

разрушения первоначального сооружения также могло быть землетрясение 1423 г. (Мыц 2009: 85).

Последний строительный период крепости относится уже к 60-м годам XV в. В это время был полностью перестроен внешний контур обороны, который немного выдвинулся в напольную сторону. Возведению куртин и башен предшествовала тщательная инженерная подготовка в виде вертикальной и горизонтальной планировки склона Крепостной горки. Новые фортификационные сооружения отличались высоким качеством выполнения строительных работ и соответствовали требованиям защиты от огнестрельной артиллерии (Мыц 2002: 172). Во время перестройки внешнего периметра обороны генуэзской Лусты, крепостная стена начала 20-х годов XV в. была частично разобрана (Мыц 2009: 76).

По мнению В. Л. Мыца, согласно результатам изучения башни Орта-Куле можно предположить, что в 60-х годах XV в. (не ранее 1462/63 гг.) генуэзцы завершали крепостное строительство Лусты. К этому времени город был обнесён внешней (второй) оборонительной стеной с тремя башнями (Мыц 2002: 175).

На основании тех же данных, принимая во внимание характерные региональные особенности военной архитектуры Таврики, к совершенно иным выводам пришёл С. Г. Бочаров. Он, напротив, допускает, что с переходом генуэзских владений в Крыму под управление банка Св. Георгия в конце 50-х годов XV в. контроль над Лустой, а возможно, и её округой, был передан феодоритам. Как следствие, строительный период крепости, относящийся к 60-м годам XV в., связан не с деятельностью коммуны Каффы, а с фортификационными мероприятиями династов Феодоро на восточных границах княжества. Исходя из этого предположения, С. Г. Бочаров сделал заключение, согласно которому единственным генуэзским крепостным объектом в первой половине XV в. была цитадель Лусты, что, по его мнению, позволяет понять, почему консул Алушты в 1449 г., имея в своём распоряжении самую мощную крепость и, следовательно, самый населённый пункт побережья, согласно Уставу платил налогов в два раза меньше, чем консулы Партенита и Гурзуфа (Бочаров 2004: 187).

Первым из исследователей С. Г. Бочаров предлагает объёмную, относительно убедительную, реконструкцию внешнего вида крепостного ансамбля в XV в. (Бочаров 2004: 187, рис. 5; 6). Основным недостатком предпринятой им попытки визуализации объекта (рис. 12) является излишняя идеализация фортификационной структуры укрепления, а также сильное уплощение рельефа ограждённой территории и подступов к ней. Допущены неточности в деталях. В частности, талус Орта-Куле ошибочно охватывает с напольной стороны весь внешний контур здания, что противоречит материалам раскопок. Спорными являются машикули, которыми автор наделяет завершения всех трёх башен. Вход в цитадель изображен в виде обычного арочного проёма у излома передней стены без какого-либо флангового прикрытия, что представляется маловероятным. Поскольку точное местоположение главных крепостных ворот до сих пор не известно, на реконструкции они не обозначены, хотя, судя по косвенным признакам, однозначно должны были находиться с северо-восточной, напольной, стороны, изображённой на одном из видов укрепления.

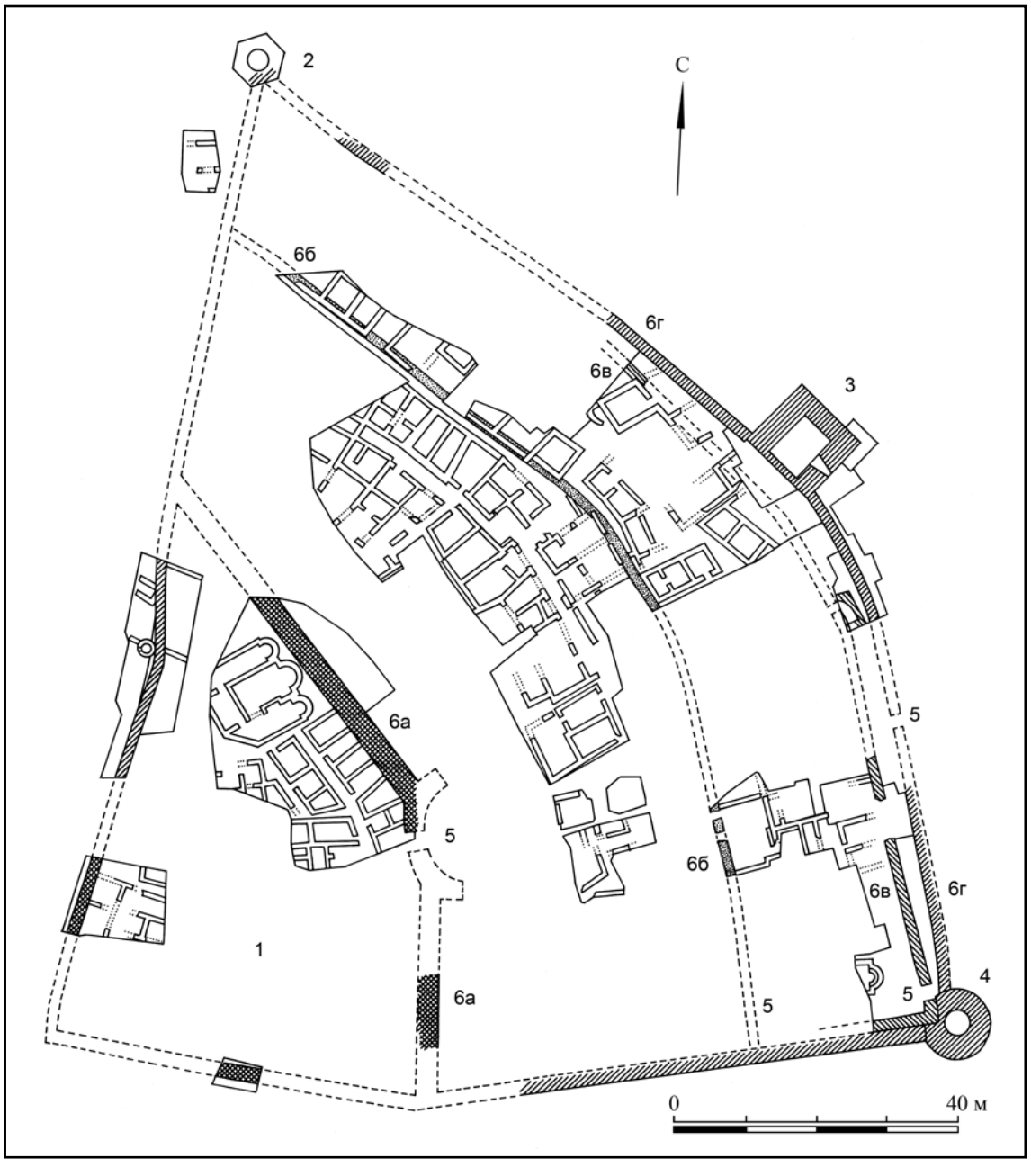

Рис. 13. План крепости Алустон VI—XV вв.: 1 — цитадель; 2 — башня Чатал-Куле; 3 — башня Орта-Куле; 4 — башня Ашага-Куле; 5 — вход на территорию укрепления; 6 — оборонительные стены: а — VI—VII вв.; б — IX—X вв.; в — 20-х годов XV в.; г — 60-х годов XV в. Чертёж автора.

Fig. 13. Plan of Aluston Fortress, 6th—15th cc.: 1 — citadel; 2 — Chatal-Kule Tower; 3 — Orta-Kule Tower; 4 –Ashaga-Kule Tower; 5 — entrance to the territory of the fortress; 6 — defensive walls: a — 6th — 7th cc.; б — 9th —10th cc.; в — 20s of 15th c.; г — 60s of 15th c. Drawing by the author.

Наряду с предварительным представлением общих результатов исследования по планировочной и фортификационной структуре крепостного ансамбля средневековой Алушты (Мыц 1989а; 1991: 151—152; 1997; Адаксина 1993; Адаксина и др. 1994: 10—15; Мыц и др. 1997: 205—210), не меньшую ценность имеет введение автором раскопок в научный оборот основных сведений о технологических, конструктивных и архитектурных особенностях отдельных зданий укрепления, по сути, относительно детального описания строительных остатков двух башен — Орта-Куле и Ашага-Куле (Мыц 2002: 142—161, 165—171), почти дословно почерпнутого из отчётов об археологическом изучении крепости (Мыц, Адаксина, Кирилко 1993; Мыц и др. 1993а).

На данном этапе исследований о внешнем виде крепостного ансамбля средневековой Алушты можно судить лишь предположительно, основываясь главным образом на частично сохранившихся формах отдельных объектов и относительно близких аналогиях. Тем не менее, несмотря на это, развитие фортификационной структуры в каждом из строительных периодов, выделенных археологическими раскопками, прослеживается достаточно определённо и получило свое воплощение в конкретных сооружениях.

Глава 2. Ранневизантийский Алустон: вторая треть VI — конец VII вв.

Первоначальное укрепление занимало вершину возвышенности и имело четырёхугольный в плане крепостной полигон неправильной формы (рис. 13). Конфигурация и мощность оборонительного контура во многом обусловлены рельефом: довольно крутыми склонами с южной и западной сторон, более пологим и самым приступным северо-восточным участком, относительно затруднёнными подходами с востока. Площадь защищённой стенами территории составляла 0,25 га. Общая протяжённость крепостной ограды — 230 м. Выделяются три основных оборонительных линии разной длины, полностью охватывавших весь периметр укрепления. Достоверных данных о башнях нет. Вход на укреплённую территорию мог быть расположен в центральной части северо-восточного оборонительного рубежа, на изломе крепостной стены, где раскопками частично выявлены остатки какого-то, достаточно широкого, проёма (Мыц 1997: табл. 1: 3). Данное предположение косвенно подтверждается возникновением позднее здесь, в расположенной перед ним городской застройке, чётко выраженного проезда между отдельными усадьбами.

Наиболее показательные фортификационные сооружения первого строительного периода крепости представлены остатками оборонительной стены, ограждавшей вершину возвышенности с напольной стороны, которые изучены раскопками на участке протяженностью 36 м (рис. 13; 14).

Кладка трёхслойная двухлицевая. Фасадная часть северо-восточной куртины спереди сложена из относительно крупного камня в два-три яруса чётко выдержанными рядами. Высота сохранившихся делянок: нижней — 0,60 м, верхней — 1,00 м (рис. 15; 16). С тыльной стороны и в заполнении внутреннего пространства конструкции применялся более мелкий бут (рис. 17—19). Весь кладочный материал исключительно местного происхождения, преобладают изверженные породы габбродиорит и диабаз. Предпочтение отдавалось скальным обломкам и булыгам относительно правильной формы, имевшим, по меньшей мере, две ровные поверхности, одну из которых выводили наружу как лицевую, вторую использовали в качестве ложка. Пригонка плотная, зазоры заполнены мелким камнем. При возведении стены строительный камень предварительно подвергался сортировке и, возможно, дополнительной околке.

Кладка велась на известковом растворе с добавлением морского песка крупной фракции, а местами и толчёной керамики. При

Рис. 14. Ранневизантийская оборонительная стена напольной стороны цитадели. Вид с севера, сверху (по Мыц 1988: рис. 18).

Fig. 14. Early Byzantine defensive wall of the citadel at the field side. Top view from the north (after Мыц 1988: рис. 18).

Рис. 15. Кладка переднего фасада ранневизантийской оборонительной стены напольной стороны цитадели. Вид с юго-востока (по Мыц 1988: рис. 47).

Fig. 15. Masonry of the front façade of the early Byzantine defensive wall of the citadel at the field side. View from the south-east (after Мыц 1988: рис. 47).

Рис. 16. Кладка переднего фасада ранневизантийской оборонительной стены напольной стороны цитадели. Вид с северо-востока. 1987 г. Фото В.Л. Мыца.

Fig. 16. Masonry of the front façade of the early Byzantine defensive wall of the citadel at the field side. View from the north-east. 1987 Photo by V.L. Myts.

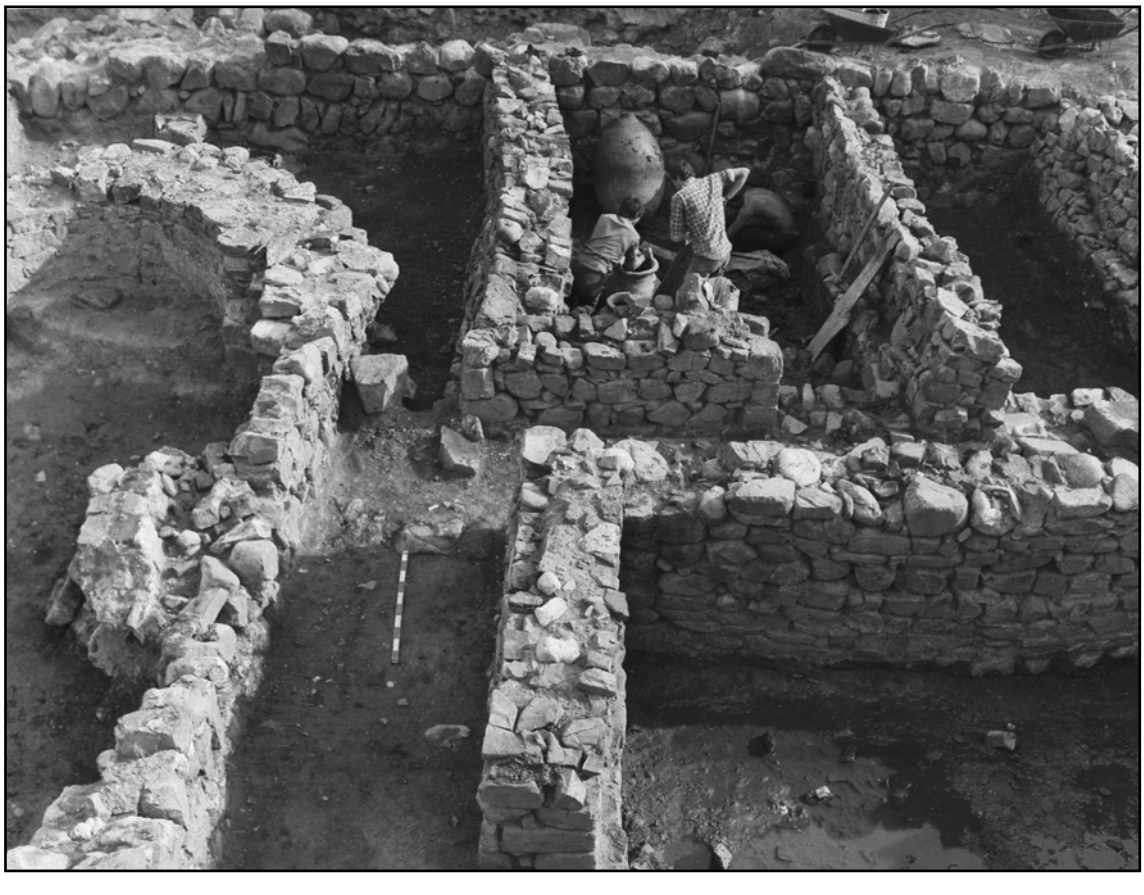

Рис. 17. Ранневизантийская оборонительная стена напольной стороны цитадели. Вид с юго-запада, сзади (по Мыц 1988: рис. 22).

Fig. 17. Early Byzantine defensive wall at the field side of the citadel. Rear view from the south-west (after Мыц 1988: рис. 22).

Рис. 18. Кладка тыльного фасада ранневизантийской оборонительной стены напольной стороны цитадели. Вид с юго-запада (по Мыц 1988: рис. 49).

Fig. 18. Masonry of the rear façade of the early Byzantine defensive wall at the field side of the citadel. View from the south-west (after Мыц 1988: рис. 49).

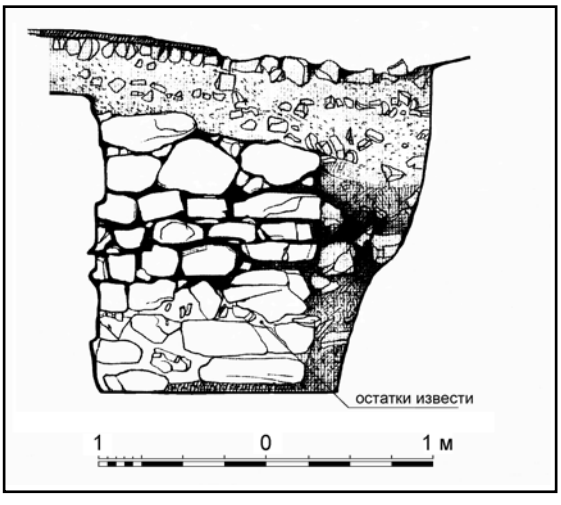

Рис. 19. Северный край проёма в ранневизантийской оборонительной стене напольной стороны цитадели. Вид с запада, сзади (по Мыц 1989б: лист 25).

Fig. 19. Northern end of the opening in the early Byzantine defensive wall at the field side of the citadel. Rear view from the west (after Мыц 1989б: лист 25).

раскопках в слое разрушения стены обнаружено несколько фрагментов от крупных раннесредневековых плоских кирпичей, которые использовались в кладке и дают основание предполагать, что она могла быть выполнена в технике *opus mixtum* (Мыц 1997: 190). Толщина сооружения: наземной части куртины — 2,80 м, фундамента — 3,00—3,30 м. Субструкция выступала наружу, в напольную сторону, на расстояние 0,20—0,50 м от плоскости стены. Глубина и особенности её заложения не установлены.

Аналогичный характер кладки, соотносимый с ранней фортификацией, имеет также небольшой фрагмент крепостной стены, который сохранился под более поздними строительными наслоениями у южного края восточной куртины (рис. 13) и не раскапывался.

Археологическими исследованиями удалось выявить ещё два, сильно разрушенных, участка ограды цитадели — с западной и южной сторон крепостного полигона (рис. 13), но их принадлежность первоначальному укреплению достоверно не установлена.

Один из них, тыльный, изучен в пределах раскопа на протяжении 6 м (рис. 20). Толщина стены составляла не менее 2,60—2,70 м. Основанием служат мощные выходы материковых скальных пород с залеганием пластов глинистых сланцев под углом около 35° с наклоном в восточном направлении (рис. 21). Кладка трёхслойная двухлицевая. Фасадные части стены сложены несколько небрежно из обломков и булыг разной величины. Забутовка плотная, пустоты между камнями посредством заливки почти повсеместно, за исключением отдельных рыхлых, с кавернами, участков над скалой, полностью заполнены густым известковым раствором белого цвета с заполнителем в виде крупного галечного песка и редкими включениями розовых песчинок. Своеобразие конструкции одного из участков внутренней стороны стены придаёт применение выставленных на ребро плитообразных булыг (рис. 22), которое условно может трактоваться как предельно упрощённый вариант классической кордонной кладки. При возведении стены предварительному выравниванию подверглись рыхлые участки основания, местами наблюдаются следы от скалывания выступавших кромок скальной поверхности.

Ещё один фрагмент фортификационного строения, который с определёнными оговорками соотносим с первоначальными оборонительными рубежами, — западного участка ограды цитадели в сильно повреждённом виде обнаружен раскопками В. А. Сидоренко (рис. 23), а затем, спустя несколько лет, повторно исследовался В. Л. Мыцом (рис. 24). В настоящее время он недоступен для осмотра, поэтому основным источником для его изучения являются материалы археологических отчётов (Сидоренко 1982: 9—11; Мыц 1986: 16—25). В иллюстрациях к первой итоговой публикации о раннем этапе строительства крепости Алустона руины кладок, равно как и остатки тыльной куртины, однозначно, без каких-либо комментариев, причислены к оборонительным стенам VI в. (Мыц 1997: табл. 1: а),

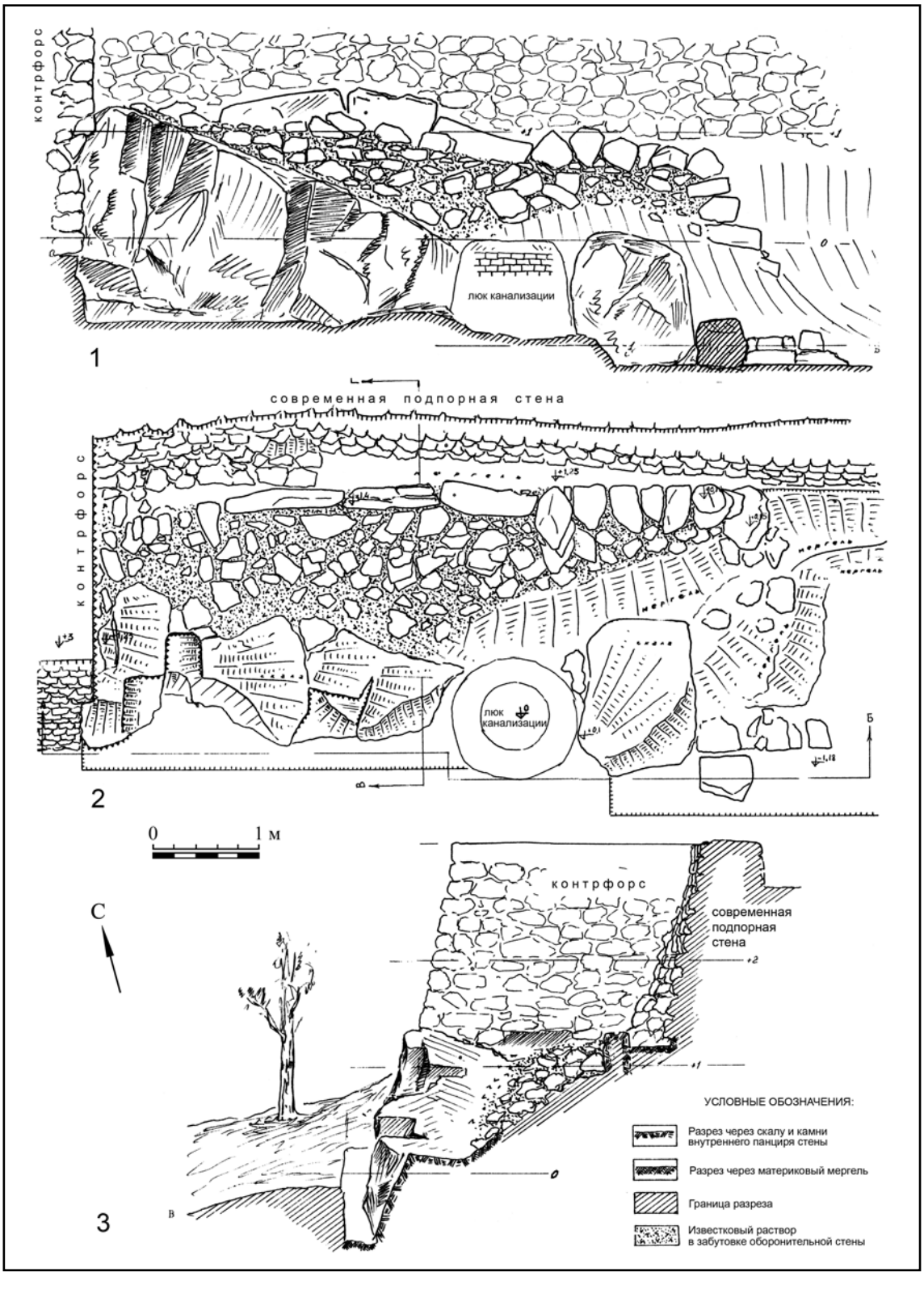

Рис. 20. Тыльный участок оборонительной стены цитадели: 1 — вид с юга; 2 — план; 3 — поперечный разрез (по Сидоренко 1982: рис. 8—10).

Fig. 20. Rear part of the defensive wall of the citadel: 1 — view from the south; 3 — cross section (after Сидоренко 1982: рис. 8—10).

хотя при этом, непосредственно по результатам раскопок, их возведение отнесено ко времени не ранее XIV в. (Мыц 1986: 17).

В ходе археологического изучения данного объекта удалось проследить отдельные, небезынтересные, конструктивные и техноло-

Рис. 21. Тыльный участок оборонительной стены цитадели. Вид с юго-востока (по Сидоренко 1982: рис. 12).

Fig. 21. Rear part of the defensive wall of the citadel. View from the south-east (after Сидоренко 1982: рис. 12).

гические особенности кладки ограды цитадели (Мыц 1986: 17—18). Возведению оборонительной стены предшествовала тщательная вертикальная планировка контура крепостной площадки, уклон которой в этом месте колеблется в пределах 30—35° (рис. 24: 2). Вдоль кромки относительно пологой части вершины делювиальные отложения материка сначала были выровнены, затем в них выкопана траншея под фундамент куртины. Поскольку перепад уровней строительного горизонта у передней и задней сторон сооружения составляет около 1,50 м, дно выемки было уступчатым и имело, по меньшей мере, два ложа по краям, которые позволяли придать кладке возведённой на склоне стены определённую устойчивость. Глубина верхней, тыльной, подрубки равна 0,40—0,45 м, что, по сути, соответствует предельной мощности субструкции (рис. 24: 2). При этом фасадная часть ограды фундамента как такового не имела. Она находилась ниже и была поставлена непосредственно на выровненную поверхность материка. Само основание перед стеной также подверглось небольшой корректировке, в результате которой практически заподлицо с кладкой образовалось своего рода подножие высотой 0,90 м, ограничившее со стороны склона опорную зону конструкции. Ширина выемки под крепостную ограду равна 2,50 м.

Кладка стены трёхслойная двухлицевая. Её тыльная сторона от края фундаментной траншеи расположена на расстоянии 0,10—0,25 м (рис. 24). Сама субструкция за плоскость наземной части сооружения выступала незначительно, всего на 0,10—0,15 м. Образовавшийся зазор выемки заполнен грунтом и разномерным бутом. Уровень строительного горизонта отмечен натёком известкового раствора со стены, на отметке верха фундамента, перекрывшего выровненную поверхность делювиальных отложений материка. На исследованном участке от внешнего, фасадного, слоя кладки *in situ* сохранился только один камень, который, с учётом явно выраженного края подножия, позволяет достоверно определить мощность конструкции. Толщина стены составляла 2,25—2,30 м.

Лицевой слой тыльной стороны стены сложен хорошо пригнанными небольшими скальными обломками и булыгами с ровными сколами, позволившими придать кладке достаточно чёткие формы — плоскую поверхность и прямолинейное начертание (рис. 24). Внутреннее пространство конструкции заполнено разномерным бутом. Применялся известковый раствор серого цвета, насыщенный

Рис. 22. Тыльный участок оборонительной стены цитадели. Фрагмент лицевого слоя кладки. Вид с юго-востока, сверху (по Сидоренко 1982: рис. 16).

Fig. 22. Rear part of the defensive wall of the citadel. Fragment of the front layer of the masonry. Top view from the south-east (after Сидоренко 1982: рис. 16).

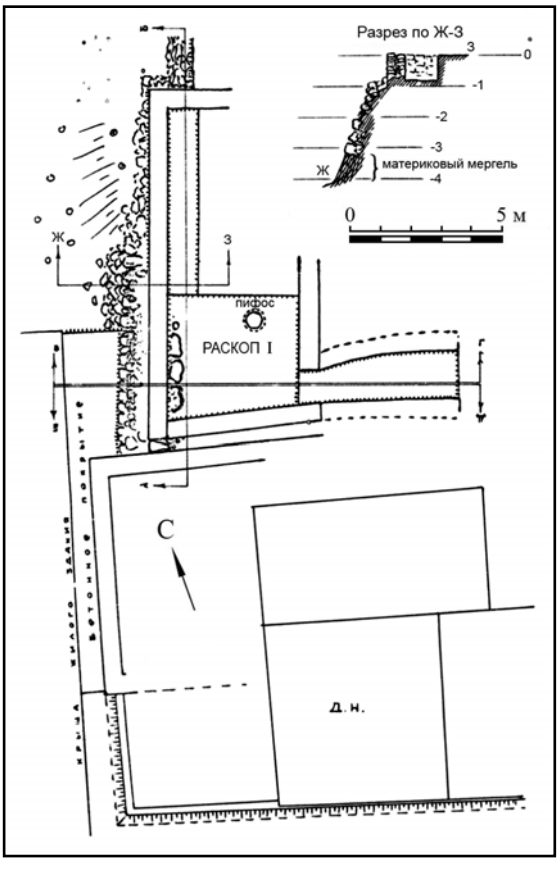

Рис. 23. Южный участок западной куртины цитадели. План и разрез крепостной стены (по Сидоренко 1982: рис. 4, 5).

Fig. 23. Southern part of the western curtain of the citadel. Plan and section of the fortress wall (after Сидоренко 1982: рис. 4, 5).

крупным морским песком, по свойствам — рыхлый и непрочный.

Достаточно любопытными представляются конструктивная и технологическая особенности данного сооружения, отмеченные в отчётных материалах последних раскопок: «При возведении стены использован следующий приём кладки. Первоначально возводились два панциря. Затем между ними набрасывался довольно густой раствор, в который укладывались мелкие бутовые камни забутовки. Сверху их опять забрасывали раствором, масса которого из-за большой густоты и плотности не растекалась и не заполняла все пространство между камнями панцирной кладки и забутовкой. Поэтому в стене образовалось множество пустот. Прочность всей конструкции обеспечивали массивные панцири с тщательно оштукатуренными поверхностями (имеется в виду затирка швов кладочным раствором — *В.К.*), что предотвращало попадание влаги вовнутрь стен и их разрушение» (Мыц 1986: 18).

Данный фрагмент ограды цитадели археологически исследован на участке протяжённостью 11,50 м. Поскольку никаких следов иной, предшествовавшей ему, крепостной стены здесь не выявлено, вероятность того, что обнаруженное раскопками сооружение относится всё-таки к раннему средневековью, представляется достаточно высокой. Причём, хотя его *terminus post quem* по аналогии с северной частью куртины, где в забутовке кладки оказался фрагмент относительно поздней красноглиняной поливной чаши, ограничен временем не ранее XIV в. (Мыц 1986: 17, 18), определяющим, видимо, необходимо считать другой артефакт, найденный неподалёку на материке, на уровне строительного горизонта, — скопление обломков стенок белоглиняных амфор с характерными валиками в виде набегающей волны, которые имеют западнопонтийское происхождение и обычно датируются концом VI—VII вв., что вполне согласуется с сообщением Прокопия Кесарийского о строительстве Юстинианом I (527—565) крепо-

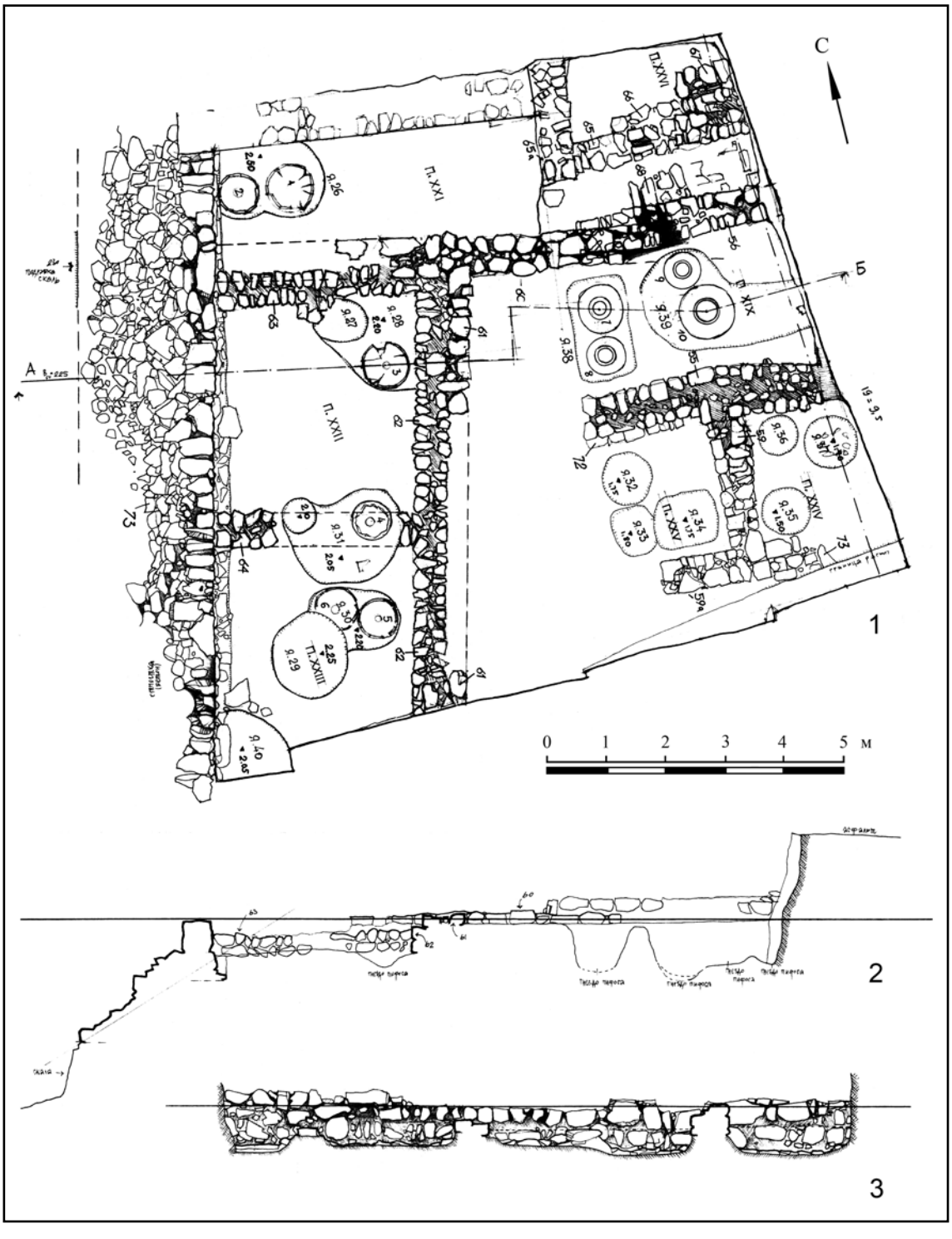

Рис. 24. Южный участок западной куртины цитадели: 1 — план; 2 — поперечный разрез оборонительной стены и примыкающей к ней застройки; 3 — кладка тыльной стороны куртины, вид с востока (по Мыц 1986: рис. 2, 3).

Fig. 24. Southern part of the western curtain of the citadel: 1 — plan; 2 — cross section of the defensive wall and adjacent buildings; 3 — masonry of the rear part of the curtain, view from the east (after Мыц 1986: рис. 2, 3).

сти Алустон (Мыц 1986: 23, 24). Более того, подобная подготовка основания была применена также на тыльном участке оборонительной стены цитадели (рис. 20, 21), что, учитывая явные конструктивные и технологические параллели, позволяет отнести к одному строительному периоду обе куртины.

Что касается упомянутого, северного, фрагмента западной крепостной стены цитадели протяжённостью 29 м (рис. 13; 25: 1; 26),

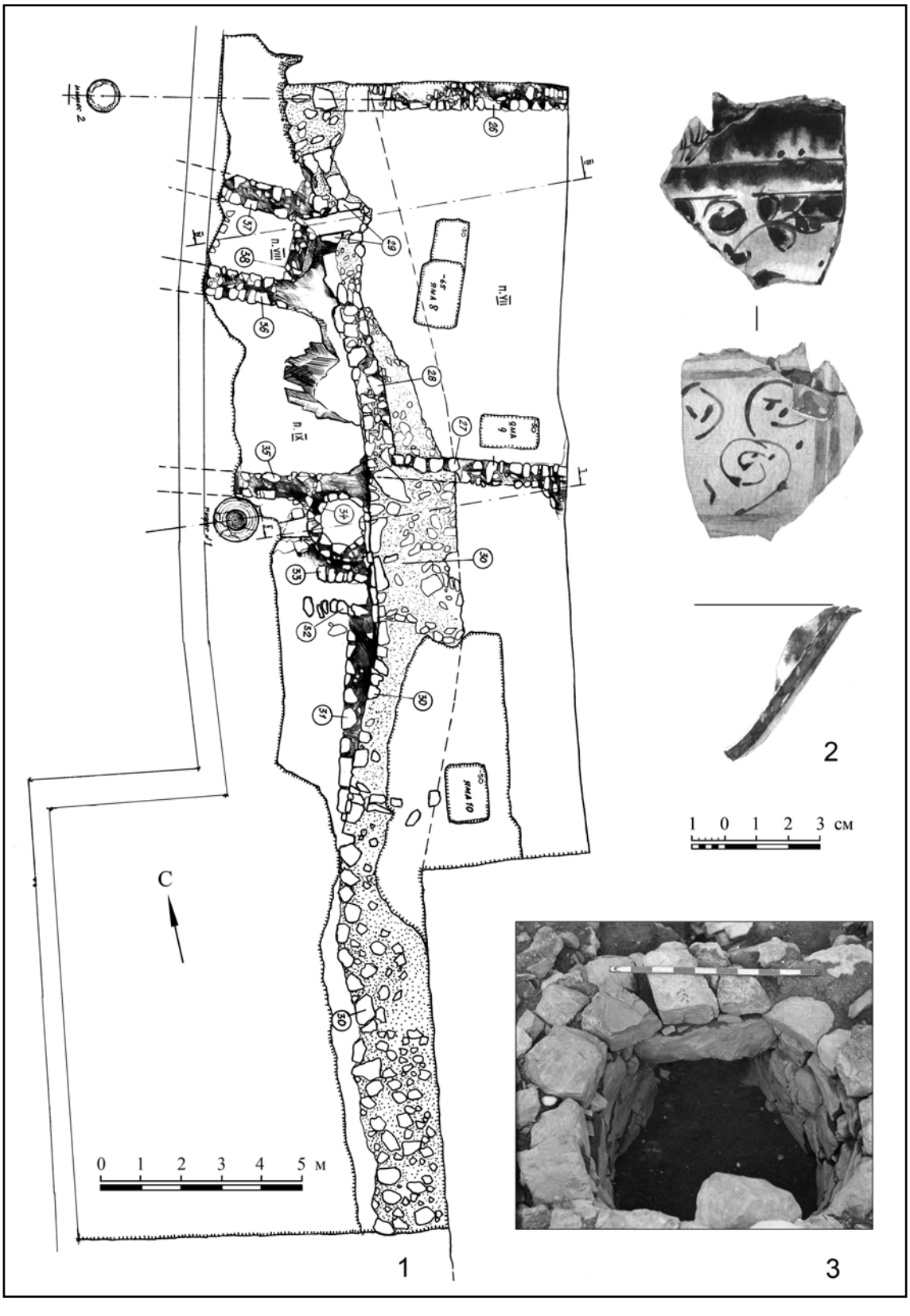

Рис. 25. Северный участок западной куртины цитадели: 1 — план; 2 — фрагмент красноглиняной поливной чаши XV в. из кладки оборонительной стены; 3 — выгребная яма, вид с востока, сверху (по Мыц 1985: рис. 79, 98, 101).

Fig. 25. Northern part of the western curtain of the citadel: 1 — plan; 2 — fragment of a red clay glazed bowl of 15th c. found in the masonry of the defensive wall; 3 — household pit, top view from the east (after Мыц 1985: рис. 79, 98, 101).

Рис. 26. Северный участок западной куртины цитадели. Вид с юга (по Мыц 1985: рис. 92).

Fig. 26. Northern part of the western curtain of the citadel. View from the south (after Мыц 1985: рис. 92).

Рис. 27. Северный участок западной куртины цитадели. Фрагмент лицевого слоя кладки. Вид с севера (по Мыц 1985: рис. 87).

Fig. 27. Northern part of the western curtain of the citadel. Fragment of the front layer of the masonry. View from the north (after Мыц 1985: рис. 87).

при расчистке кладки которого был обнаружен небольшой обломок красноглиняной поливной чаши с двусторонней росписью синей и зелёной красками по ангобу (рис. 25: 2) (Мыц 1985: 21, рис. 101, к. о. № 518), то он однозначно появился позднее, во время капитального ремонта XV в.[5] При этом в качестве основания обновленного сооружения вполне могли быть использованы остатки первоначальной ограды, предположительно, уцелевшие на отдельных местах (рис. 27). Перекрывшая их куртина имела криволинейную в плане конфигурацию и характерные конструктивные особенности, отмеченные автором раскопок как приём, обычно применяемый при возведении оборонительных стен: «Первоначально выкладывались панцири стены. Пространство между ними заполнялось мелким бутом (иногда укладывались камни относительно больших размеров), а затем все пространство между панцирями заливалось жидким раствором» (Мыц 1985: 21).

С внешней стороны к крепостной ограде примыкает капитальная выгребная яма цилиндрической формы, с которой, по мнению автора раскопок, была синхронной, поскольку также сложена из бута на песчано-известковом растворе (рис. 25: 3). Внутренний диаметр сооружения — 1,15—1,20 м. Толщина стенок — 0,40—0,50 м. Для удаления нечистот в кладке на уровне дна спереди сделан специальный канал, который, видимо, закрывался каменной плитой. Размеры проёма — 0,60×0,50 м (Мыц 1985: 21). На мой взгляд, данное сооружение предшествовало известной сейчас куртине, обусловив тем самым при возведении её странное искривление именно в этом месте.

По мнению В. Л. Мыца, выявленная раскопками первоначальная оборонительная стена Алустона вполне соответствовала канонам фортификации того времени. Руководствуясь требованиями анонимной византийской «Тактики» VI в., согласно которой средняя толщина крепостной ограды должна была составлять 5 локтей (около 2,3 м), а высота — 20 локтей (9,5 м), он считает, что размеры куртины восточного участка обороны равнялись, соответственно, 6 локтям (2,8 м) и 22 локтям (10,5 м). Западная часть ограды, будучи более тонкой (2,07 м = 4,5 локтя)[6], могла быть немного ниже, достигая 8,5 м (18 локтей). Разница величин им объясняется тем, что последняя находилась на краю более крутого и труднодоступного склона (Мыц 1997: 190). Использование в кладке фасадных поверхностей оборонительных стен обычного бутового камня, а не характерных для классической ранневизантийской архитектуры тщательно обработанных квадров, равно как отсутствие в известковом растворе керамической крошки, вероятнее всего, обуславливалось местными ресурсами, что подтверждается ближайшей аналогией — фортификационными сооружениями синхронной крепости в Горзувитах (Домбровский 1974: 9—13, рис. 4—6; Мыц 1997: 189).

[5] Фрагмент принадлежал изделию, соотносимому с сосудами группы «Miletus wears», которые в Крыму появляются не ранее второй четверти XV в., а вероятнее всего, после 1453 г. (Тесленко 2005б: 393).

[6] Непонятно, откуда взялся этот размер, ибо при обмерах западной стены цитадели во время раскопок было точно установлено, что толщина кладки составляла 2,25—2,30 м (Мыц 1986: 17, рис. 2), которые вполне соотносимы с 5 локтями, рекомендуемыми византийскими фортификаторами.

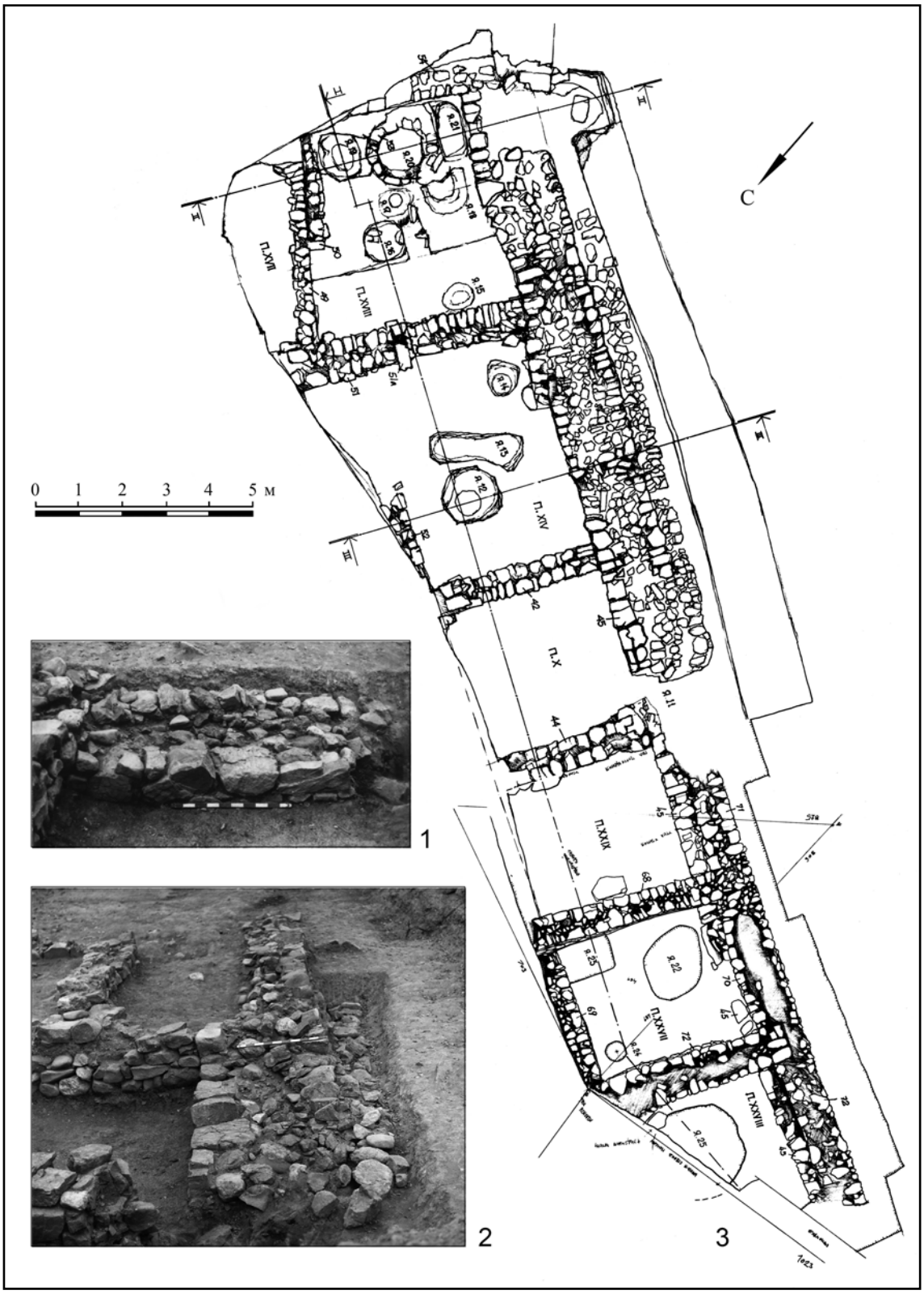

Рис. 28. Северо-западный участок оборонительной стены IX—X вв.: 1 — фрагмент переднего фасада куртины, вид с северо-востока; 2 — фрагмент кладки куртины, вид с северо-запада; 3 — план (по Мыц 1985: рис. 107; 1986: рис. 20).

Fig. 28. North-western part of the defensive wall of the 9th—10th cc.: 1 — fragment of the front façade of the curtain, view from the north-east; 2 — fragment of the masonry of the curtain, view from the north-west; 3 — plan (after Мыц 1985: рис. 107; 1986: рис. 20).

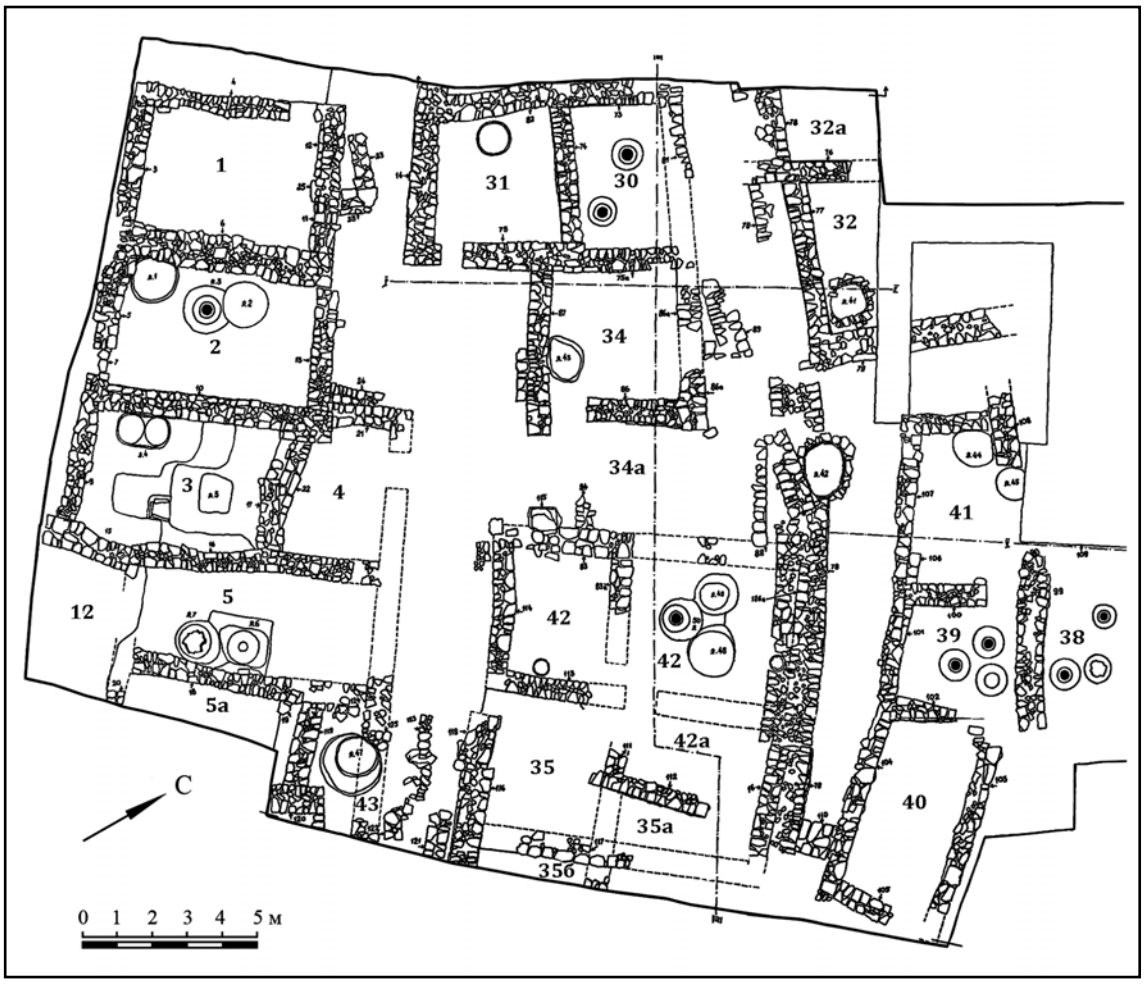

Рис. 29. Средний участок оборонительной стены IX—X вв., перекрытый руинами более поздних построек. План (по Мыц 1987: рис. 2).

Fig. 29. Middle part of the defensive wall of 9th — 10th cc., overlaid by the ruins of later buildings. Plan (after Мыц 1987: рис. 2).

Безусловный интерес представляет конфигурация передней стены цитадели на изломе оборонительной линии, у частично выявленного раскопками проёма (рис. 13; 14; 19). Её чётко выраженная, локальная, округлость даёт основание предполагать два основных варианта реконструкции этого участка укрепления. Первый из них допускает возможность размещения здесь большой круглой башни, но этому противоречит слишком широкий (просвет — не менее 1,50 м) вход в здание. Второй вариант, будучи более приемлемым, предусматривает устройство главных крепостных ворот внутри полукруглой экседры, которая, в свою очередь, дополнительно могла быть защищена с боков, по краям, одинаковыми пилонами или башнями. Аналогии сооружений с подобной архитектоникой известны в позднеантичной римской фортификации (Salch 1978: 441—442; Băjenaru 2010: pl. 4: 9; 19: 82).

Внутрикрепостное пространство исследовано слабо. На данном этапе изучения памятника уверенно можно судить лишь об одной постройке синхронной цитадели. Она состояла из двух смежных помещений, находилась у самого входа в укрепление и, возможно, была казармой либо кордегардией. Размеры здания — 13,20×3,50—3,75 м (Мыц 1997: 191, табл. 1: 3, рис. 2).

Относительно слабую эффективность фортификационной структуры ранневизантийской крепости Алустон, обусловленную отсутствием специальных сооружений, прежде всего, башен для защиты флангов, в определённой мере могло компенсировать появление дополнительных искусственных пре-

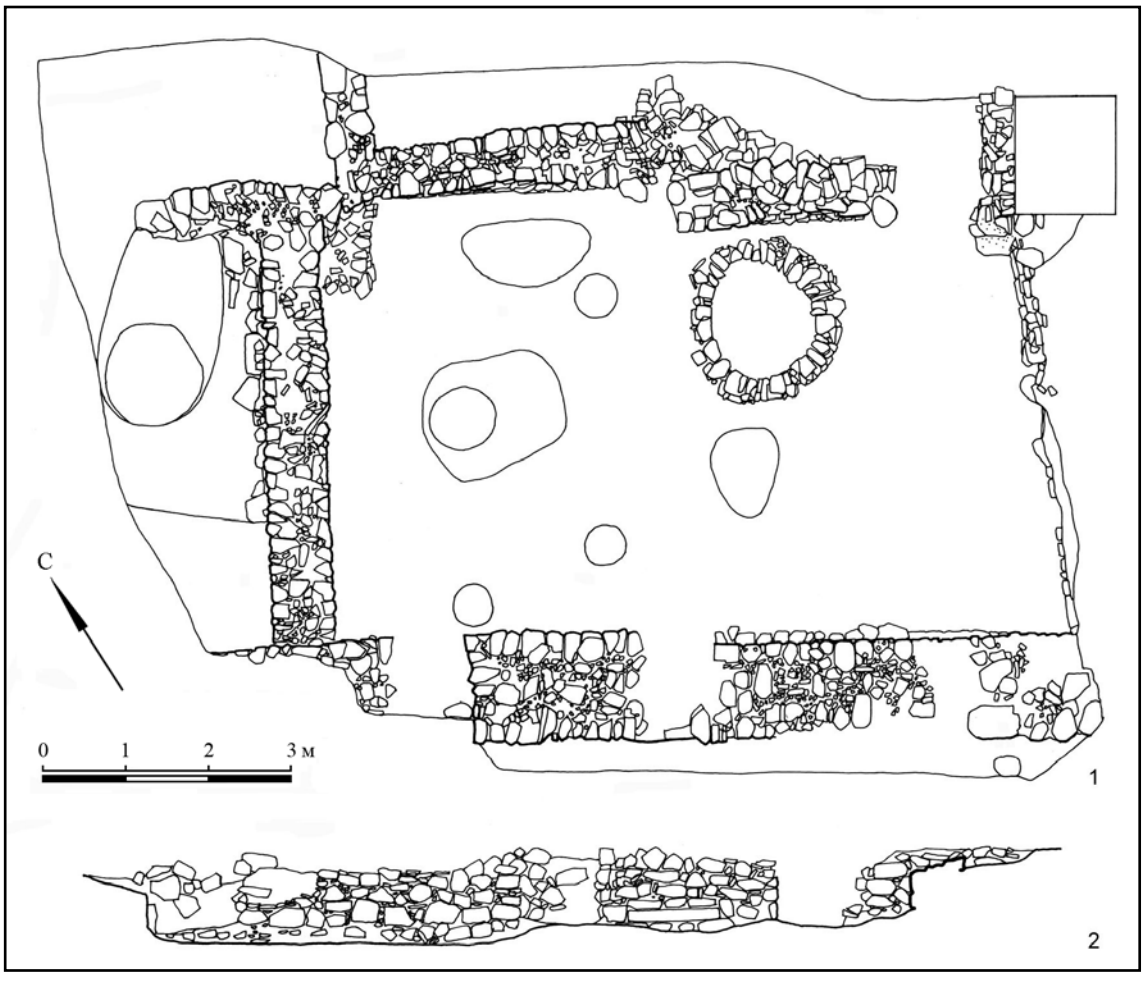

Рис. 30. Фрагмент южного участка оборонительной стены IX—X вв.: 1 — план; 2 — передний фасад куртины, вид с северо-востока (по Мыц, Адаксина 1992: рис. 36; 41).

Fig. 30. Fragment of the southern part of the defensive wall of 9th — 10th cc.: 1 — plan; 2 — front façade of the curtain, view from the north-east (after Мыц, Адаксина 1992: рис. 36; 41).

град на ближних подступах к ограде. Логично предположить существование рва у крепостной стены с напольной стороны.

Согласно данным археологического изучения памятника, около середины или во второй половине — конце VII в. Алустон был оставлен византийским гарнизоном, предварительно разрушившим внутрикрепостные постройки и забравшим с собой всё наиболее ценное. Это событие пока только предположительно можно связать с военно-политическим и экономическим кризисом, переживаемым империей, и появлением на полуострове хазар (Мыц 1997: 197—199).

Глава 3. Хазарская Алус и ее наследники: VIII — 80-е годы XIV вв.

После ухода византийского гарнизона Алустон, возможно, некоторое время пребывал в запустении. К IX—X вв. площадь крепости увеличилась до 0,5 га за счёт ограждения небольшого посада, примыкавшего с востока к стенам цитадели. Крепостная стена этого времени идет в направлении северо-запад — юго-восток, прослежена раскопками на протяжении 60 м в трёх местах, на двух смежных и одном обособленном участках (рис. 11; 13). Толщина сооружения — 1,40—1,90 м. Внешний слой конструкции сложен из крупного бута с ровной лицевой гранью, что придавало постройке монументальный вид. Кладка скреплена глиной (Мыц 1991: 151—152).

Опубликованная автором археологических исследований памятника краткая справ-

Рис. 31. Фрагмент южного участка оборонительной стены IX—X вв. Вид с севера (по Мыц, Адаксина 1992: рис. 51).

Fig. 31. Fragment of the southern part of the defensive wall of 9th — 10th cc. View from the north (after Мыц, Адаксина 1992: рис. 51).

ка о хазарском периоде в развитии крепостного ансамбля, безусловно, является неполной, но может быть немного расширена за счёт неучтённой информации, которая содержится в научных отчётах о раскопках, тогда как сами сооружения в настоящий момент для осмотра недоступны и частично утрачены.

По отношению к первоначальной оборонительной стене новая крепостная ограда вынесена вперёд на расстояние 30—40 м. Общая длина сооружения равна 130 м. Начертание стены в целом повторяет конфигурацию напольной стороны крепостного полигона цитадели, отличаясь лишь несколько спрямлённым участком посередине и смещением защитных рубежей по краям: в северо-западной части — вовнутрь территории, в юго-восточной — наружу. Данных о фортификационных сооружениях боковых оборонительных линий хазарского времени нет.

Северо-западный край новой крепостной ограды изучен раскопками на протяжении 29 м (рис. 13, 28). При возведении стены основание было выровнено с частичной подрубкой склона с тыльной стороны, которая прослеживается на участке длиной 11 м. Край выемки выступает за плоскость куртины на 0,10—0,20 м, зазор забутован булыжником. Конструкция сооружения трёхслойная двухлицевая, фундамента, как такового, не имела. Толщина кладки у основания — 1,75—1,90 м. (Мыц 1985: 27; 1986: 6—7).

Средняя часть ограды сохранилась хуже и представлена сильно повреждёнными фрагментами сооружения высотой 0,30—0,80 м, перекрытыми руинами более поздних построек (рис. 13; 29). Протяжённость исследованных остатков стены составляет 21 м. Толщина куртины — 1,45—1,55 м (Мыц 1987: 16).

Небольшой фрагмент южного участка оборонительной стены хазарского времени длиной 10,50 м (рис. 13; 30) в тексте отчёта о раскопках только упомянут, что лишь немного компенсируется несколькими иллюстрациями. Судя по графическим материалам, после упразднения он был приспособлен в качестве ограды двора XIV—XV вв. и имел какие-то проёмы (рис. 31), возможно, появившиеся в связи с его новым назначением, хотя нельзя исключать и более раннее их происхождение. Кладки сохранились на высоту 0,50—0,90 м. Толщина куртины — 1,30—1,40 м (Мыц, Адаксина 1992: 22, рис. 36; 39; 41; 51).

На исследованных раскопками участках крепостные ворота не обнаружены. Учитывая топографию местности, можно предположить, что вход на территорию укрепления в это время находился между городским зольником и южным краем передней оборонительной стены, где дневная поверхность несколько выполаживается (рис. 13).

На основании обнаруженных в забутовке кладки фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, белоглиняной поливной керамики, амфор причерноморского типа и фляг стена датирована IX—X вв. Существование сооружения было непродолжительным. Согласно материалам раскопок, уже в X в. куртина подверглась частичной разборке и с внешней, северо-восточной, стороны к ней пристраиваются здания, разрушенные в пожаре X в. (Мыц 1986: 6, 7; 1987: 16), что, в свою очередь, позволило сузить хронологические рамки возведения оборонительной стены хазарского времени и отнести её появление к концу IX — началу X вв. (Мыц, Адаксина 1992: 22).

После падения крепости, при византийском правлении, отдельные участки городской территории долго не застраивались,

и только в XII—XIII вв. площадь поселения достигла примерно 3 га за счёт роста посада, находившегося на склонах холма. С утратой предыдущей, хазарского времени, внешней крепостной ограды единственной защитой для местных жителей многие годы оставалось первоначальное укрепление (Мыц 1991: 152). Сведений о ремонтах и новых фортификационных сооружениях данного периода нет.

Достоверные свидетельства строительной деятельности очередных, золотоордынских, собственников города в период с конца XIII в. по 80-е годы XIV в., также неизвестны. Нынешнее представление о состоянии крепости в их правление обычно сводится к априорной констатации: «В это время (1297—1298 гг.— *В.К.*), по-видимому, лишаются оборонительных стен Судак и Алустон» (Крамаровский 2003: 513; 2009: 439). Однако явных следов целенаправленной разборки или разрушения крепостных построек данного периода раскопками не обнаружено и, надо полагать, настоящий вывод основывается исключительно на устоявшемся мнении, согласно которому для тюрко-монгольской кочевнической традиции городские стены были неприемлемыми — как признак слабости (Крамаровский 2009: 567).

Глава 4. Генуэзская Алуста: 80-е годы XIV в. — 1475 г.

Первый этап: 80-е годы XIV в. — начало XV в.

Фортификационное строительство на территории крепости, которое осуществлялось её новыми владельцами на данном этапе, видимо, ограничилось ремонтом и приведением в порядок оборонительных объектов цитадели, где могла размещаться генуэзская администрация. Достаточно большой представляется вероятность того, что снаружи посад был защищён рвом.

Второй этап: 20-е годы XV в.

Фортификационная структура укрепления усложнилась. В дополнение к цитадели с напольной стороны опять возведена внешняя линия обороны (рис. 13). По отношению к первоначальной, юстиниановской, стене новая крепостная ограда вынесена вперёд на расстояние 55—65 м. Своим начертанием она точно следует конфигурации защитных рубежей хазарского периода, что, видимо, было обусловлено не столько их остатками, к тому времени практически полностью обезличившихся (исчезнувших с поверхности земли), но, прежде всего, рельефом местности и характерной плановой схемой посада, имевшего радиально-концентрическое расположение застройки. Общая длина сооружения равна приблизительно 158 м. Передняя крепостная стена состояла из трёх куртин, сведённых между собой под скруглёнными на стыках почти одинаковыми углами — 150° и 165°. Их протяженность: северо-западного участка — около 60 м, среднего — 40 м, юго-восточного — 57 м. Общая площадь укрепления —примерно 1 га.

Достаточно чёткой локализации поддается юго-восточная куртина крепостной ограды, южную половину которой удалось исследовать посредством археологических раскопок практически полностью (Мыц и др. 1993а: 18—86; Тесленко, Сёмин 1999: 5—6, 28—63). Она расположена на свободной от городской застройки (за пределами посада), но занятой кладбищем, территории с довольно пологим склоном. Перепад уровня дневной поверхности с внутренней и внешней сторон оборонительной стены здесь почти отсутствует и составляет всего 0,05—0,10 м (рис. 32).

Фундамент центральной части куртины впущен в плотные отложения глинистого серо-коричневого (местами — желто-коричневого) грунта с большим количеством щебня, который заполнял ямы погребальных сооружений и покрывал материковую поверхность вокруг них слоем мощностью до 0,27 м (рис. 33). По мнению исследователей, образование данного седимента, сильно фрагментированный и малочисленный керамический материал которого может быть датирован в пределах VIII—XI вв., связано с устройством могил и перемещением земли при совершении захоронений (Тесленко, Сёмин 1999: 41—42).

Глубина закладки фундамента — 0,25—0,30 м. Траншея под него в плане практически совпадает с начертанием куртины. Ширина субструкции и толщина наземной части стены одинаковой величины, равны 1,50—1,60 м. По сути, фундамент представляет собой заглублённый в землю нижний ярус камней первого ряда кладки ограды, общая высота которого составляла около

Рис. 32. Первоначальная оборонительная стена крепости генуэзского времени и предшествовавший ей некрополь IX—X вв. Вид с северо-запада (по Тесленко, Сёмин 1999: рис. 77).

Fig. 32. Initial defensive wall of the fortress dating back to the Genoese time, with a pre-dating necropolis of 9th — 10th cc. View from the north-west (after Тесленко, Сёмин 1999: рис. 77).

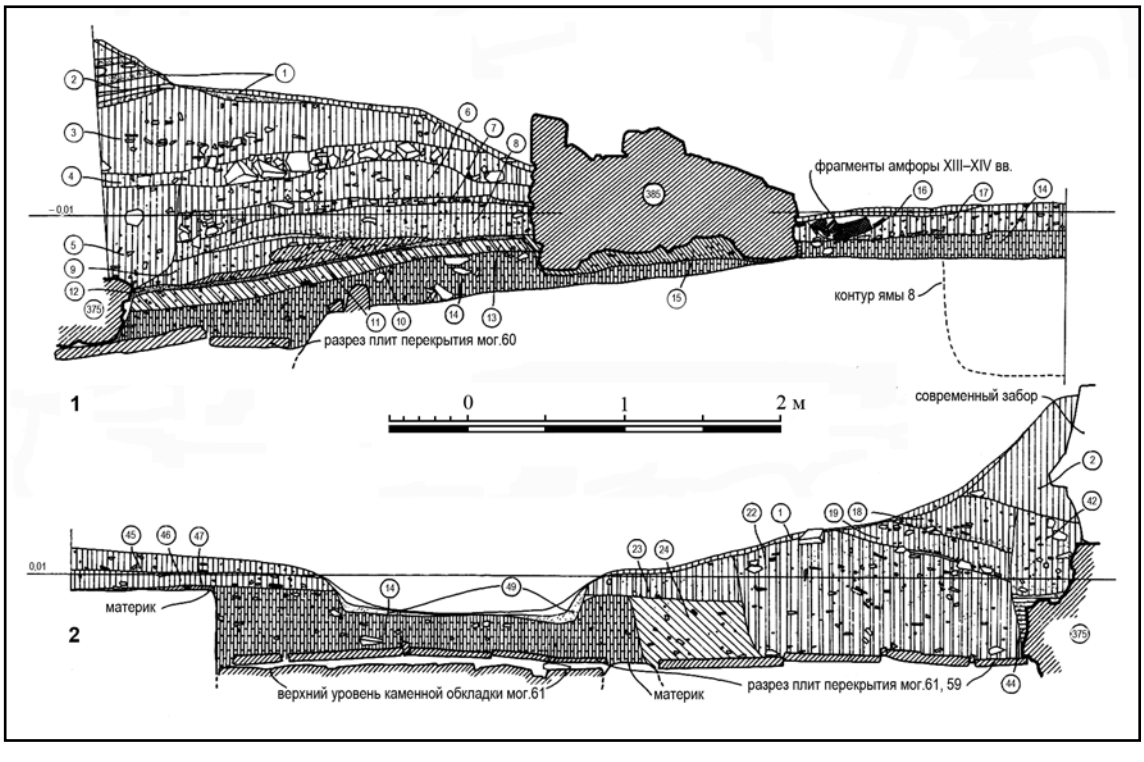

Рис. 33. Первоначальная оборонительная стена крепости генуэзского времени и предшествовавший ей некрополь IX—X вв. Стратиграфические разрезы: 1 — южный борт раскопа с остатками куртины; 2 — центральная часть фундаментной траншеи на месте пролома в стене, разрез по оси восток-запад (по Тесленко, Сёмин 1999: рис. 7).

Fig. 33. Initial defensive wall of the fortress dating back to the Genoese time, with a pre-dating necropolis of 9th — 10th cc. Stratigraphic sections: 1 — southern edge of the dig with debris of the curtain; 2 — central part of the foundation trench in the place of the gap in the wall, east-western section (after Тесленко, Сёмин 1999: рис. 7).

0,25 м. Причём, в отличие от расположенной выше конструкции, судя по стратиграфии, его внутреннее пространство на этом уровне, по крайней мере, в одном месте было заполнено переотложенным плотным серо-коричневым грунтом со щебнем, комьями глины, обугленными зёрнами злаков, угольками, фрагментами керамики и костей животных (рис. 33: 1). На смежном же участке, где сооружение полностью утрачено, натёки извести покрывают борта и дно фундаментной траншеи по всей площади (рис. 33: 2).

Кладка куртины трёхслойная двухлицевая. Её внешние части сложены из булыг

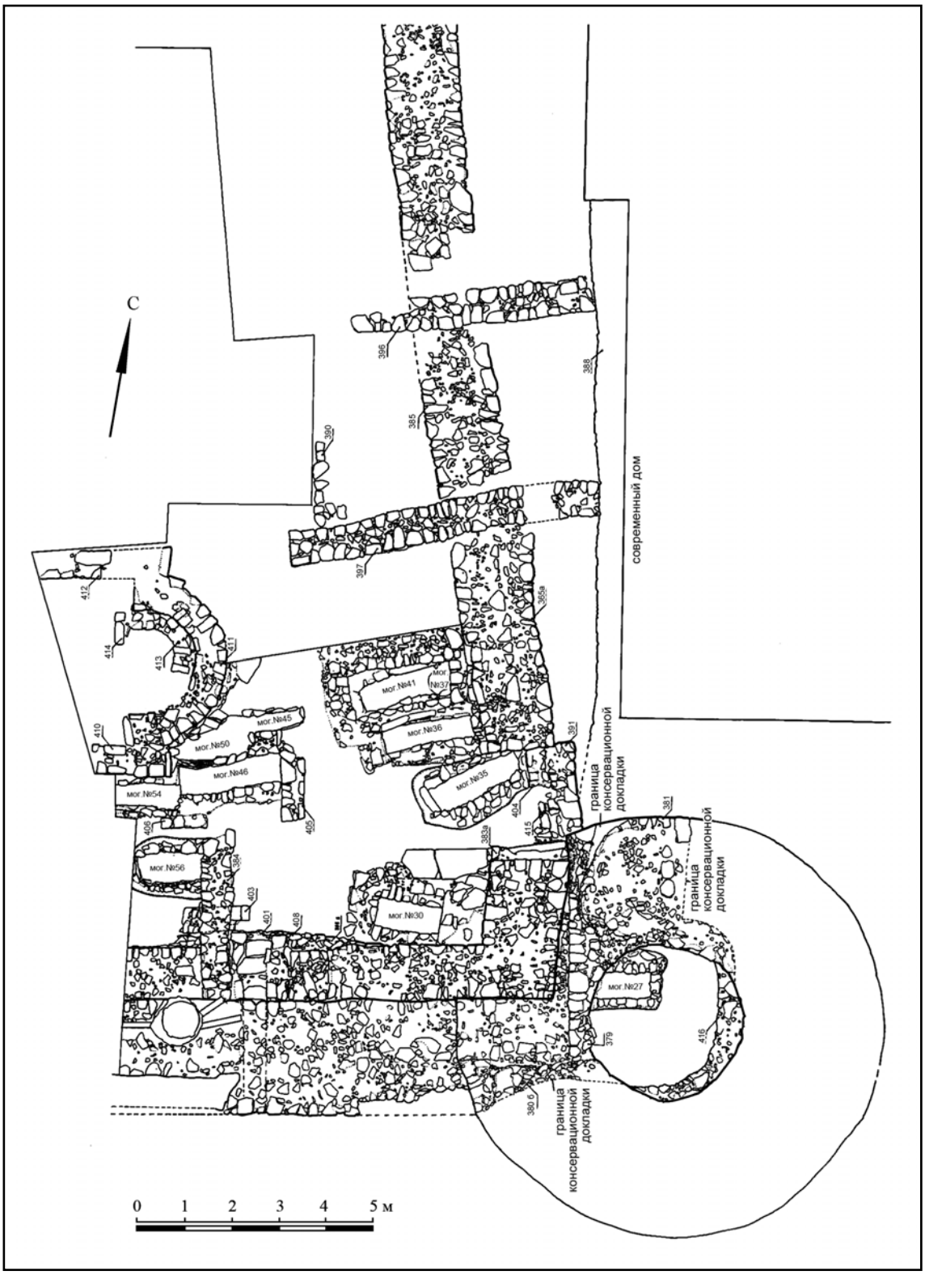

Рис. 34. Башня Ашага-Куле и крепостные стены генуэзского времени. План (по Мыц и др. 1993а: рис. 1).

Fig. 34. Ashaga-Kule Tower and fortress walls of the Genoese time. Plan (after Мыц и др. 1993а: рис. 1).

и небольших обломков камня изверженных пород с относительно ровной фасадной поверхностью, внутренние — заполнены разномерным бутом и крупными фрагментами керамических изделий (в основном пифосов и керамид VIII—X вв., амфор VIII—XI вв.). Конструкция скреплена известковым раствором.

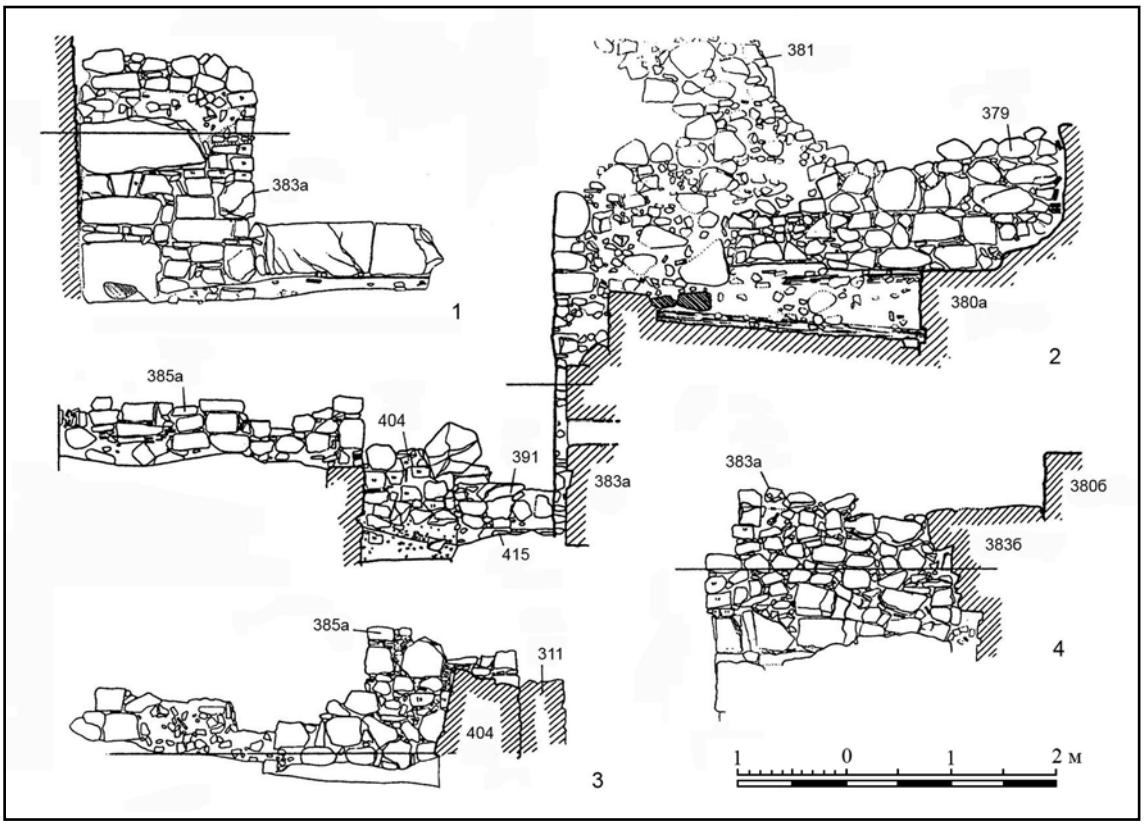

Рис. 35. Первоначальная оборонительная стена и ворота крепости генуэзского времени: 1 — южный откос проёма и остатки пилона; 2 — тыльная сторона ворот, вид с запада; 3 — северный откос проёма; 4 — кладки угловой части стены, вид с запада (по Мыц и др. 1993а: рис. 11).

Fig. 35. Initial defensive wall and gate of the Genoese fortress: 1 — southern wall of the opening and debris of pylon; 2 — rear part of the gate, view from the west; 3 — northern wall of the opening; 4 — masonry in the corner part of the wall, view from the west (after Мыц и др. 1993а: рис. 11).

Совершенно иную архитектонику оборонительная стена имела на юго-восточном, угловом, участке крепостного полигона, где, и рядом с которым (в непосредственной близости от того), наблюдаются явные следы неоднократных ремонтов (рис. 34; 35). Здесь она соединяется с аналогичной, но более тонкой куртиной, ограждавшей территорию с юга. Их толщина — соответственно, 1,60—1,70 и 1,10 м. Угол между ними составляет около 100°. Обе кладки абсолютно одинаковые. Они трёхслойные двухлицевые, сложены из мелкого и среднего бута без применения извести[7]. Характерной конструктивной особенностью, отличавшей их от остальных фортификационных сооружений укрепления, является использование многоярусного деревянного каркаса в виде горизонтальных решёток (поясов) и обычного грунта для заполнения пустот между камнями (рис. 36).

Обвязка кладки двусторонняя, выполнена посредством брёвен и округлых в сечении брусьев, расположенных продольно заподлицо с поверхностью стены, причём их торцы на фасадах повсеместно выступали наружу на 4,0—7,0 см (рис. 37). Между собой отдельные детали каркаса соединялись внахлёст, материальных свидетельств о врубках и гвоздевом креплении нет. Видимо, в конструкции не применялись и поперечные связи, по крайней мере, в пределах сохранившихся её остатков, максимальная длина которых достигает 4 м, не отмечено ни одной перемычки. Расстояние между поясами по вертикали составляет 0,45—0,55 м.

Немного необычным является второй ярус каркаса на участке, усиливавшем край передней оборонительной стены. В отличие от всех

[7] В научный оборот введена информация о том, что «их лицевые поверхности выложены из крупных камней с соблюдением порядовки» (Мыц 2002: 166), которая не соответствует действительности. На самом деле кладка является иррегулярной, и отчасти поэтому она выравнивалась с помощью деревянных поясов, а упомянутый автором раскопок относительно крупный бут в конструкции стены используется лишь местами, причём исключительно в смежном с ней, более раннем, сооружении.

Рис. 36. Кладка угловой части первоначальной оборонительной стены генуэзского времени. Вид с севера, сверху (по Мыц и др. 1993а: рис. 8).

Fig. 36. Masonry in the corner part of the initial defensive wall of the Genoese time. Top view from the north (after Мыц и др. 1993а: рис. 8).

Рис. 37. Отпечатки деревянного каркаса кладки в растворе. Вид с северо-запада (по Мыц и др. 1993а: рис. 10).

Fig. 37. Imprints of the wooden frame in the mortar. View from the north-west (after Мыц и др. 1993а: рис. 10).

остальных, практически горизонтальных, поясов, он единственный расположен покато, с повышением уровня в северном направлении (рис. 35: 2), что вполне могло быть обусловлено остатками предшествовавших ему на этом месте сооружений. Уклон равен 5°. Сама конструкция состоит из трёх продольных элементов, которые своими нижними концами опирались на внешнюю обвязку южной стены ограды. С напольной стороны кладки в качестве пояса использовано бревно длиной 2,54 м и диаметром 0,12 м. Как и на других участках, оно находится в одной плоскости с фасадной поверхностью куртины. Противоположная часть сооружения состоит из двух брусьев сечением 0,07×0,13 м и 0,10×0,12 м, которые полностью скрыты внутри стены и снаружи не видны (рис. 36). Расстояние между ними — соответственно, 0,78 и 0,32 м. Общая ширина конструкции — 1,50 м.

Взаимное расположение основных элементов деревянного каркаса кладки свидетельствует о приоритетности южной стены по отношению к дополнявшему её фрагменту северо-восточной куртины, который, в свою очередь, перекрывает забутовку предшествовавшей ему конструкции остальной, напольной, части ограды, где в качестве вяжущего везде применена известь, и таким образом придает всему сооружению вторичность. Обе части крепостного полигона могли быть возведены как синхронно, так и, скорее всего, в разные, относительно близкие по времени, этапы одного строительного периода — основной и ремонтный (восстановление после землетрясения 1423 г.).

Достаточно большой является вероятность того, что подобная оборонительная стена — бутовая, с деревянным каркасом и заполнением пустот кладки обычным грунтом — ограждала предместья и с противоположного бока, с северо-западной стороны. Только такая конструкция, располагаясь на краю крутого склона, могла исчезнуть практически бесследно после разрушения. По крайней мере, судя по стратиграфии бортов современной водопроводной траншеи[8], поперечно прорезавшей до материка край крепостной площадки у цитадели, абсолютно никаких признаков ка-

[8] Авральный характер земляных работ, незаконно предпринятых арендатором памятника в смутные 90-е годы прошлого века, и определённая нерасторопность исследователей, к сожалению, не позволили осуществить полноценное изучение и своевременную фиксацию культурного слоя, поврежденного траншеей.

Рис. 38. Железные детали крепления воротного полотна in situ. Общий вид с запада, сверху (по Мыц и др. 1993а: рис. 31).

Fig. 38. Iron details of the gate's fixture in situ. General top view from the west (after Мыц и др. 1993а: рис. 31).

Рис. 39. Железные детали крепления воротного полотна in situ. Общий вид с запада (по Мыц и др. 1993а: рис. 32).

Fig. 39. Iron details of the gate's fixture in situ. General view from the west (after Мыц и др. 1993а: рис. 32).

питальных фортификационных сооружений, возведённых с использованием известкового раствора, как, впрочем, и иных построек, там не обнаружено [9].

Крепостные ворота. Вход в крепость расположен с напольной стороны, в северо-восточной куртине передней оборонительной стены на расстоянии 3,35 м от юго-восточного угла ограды (рис. 13, 34, 35) [10]. Он представляет собой прямоугольный в плане проём шириной 1,85 м. Его глубина — 1,50—1,60 м. Разница в размерах обусловлена изменением вертикального сечения северного участка стены с тыльной стороны. Толщина куртины на уровне дневной поверхности равна 1,60 м, затем на высоте 0,50 м, посредством уступа, уменьшается до 1,50 м, тогда как ширина противоположного, южного бока проёма на всём протяжении сохраняет постоянную величину — 1,60 м. Одновременно с трансформацией объёма совершенно иные свойства приобретает сама кладка. Она становится более регулярной и аккуратной, чему в значительной мере способствовало преобладание в лицевых слоях сооружения камня в виде блоков и плит, что, в свою очередь, позволяло обеспечить качественную пригонку отдельных элементов. Не менее характерной особенностью кладки является активное использование сполий — целых и фрагментированных архитектурно-конструктивных деталей неизвестного происхождения из известкового туфа, а также массовое применение крупных обломков керамических изделий в заполнении швов.

Сзади проём был фланкирован двумя пилонами, которые расположены заподлицо с его боковыми поверхностями. Один из них, северный, и смежная часть куртины на уровне подножия имеют общую кладку, выше они разделялись швом (рис. 34; 35: 1). Южный выступ пристроен к тыльной стороне ограды без перевязки конструкций, возведён с использованием в основании мощного

[9] В пределах боковой линии обороны, практически не исследованной археологически, отложения деструктированного известкового раствора раскопками пока выявлены только в одном месте, на расстоянии 10 м к юго-западу от башни Чатал-Куле (рис. 13), с возведением и разрушением которой, а также примыкавших к ней крепостных стен, они соотнесены (Мыц 1987: 5, 6).

[10] В. Л. Мыц называет, не без сомнения, данный проём потерной и датирует его второй четвертью XV в. (Мыц 2002: 171). Настоящее описание и реконструкция сооружения составлены на основании информации, которая содержится в материалах отчёта о раскопках памятника (Мыц и др. 1993а: 20—23; 1993б), и результатов осмотра уцелевших остатков сооружения.

блока песчаника размером 0,40×1,85×0,75 м (рис. 34; 35: 3). Оба сооружения сохранились на высоту до 0,50—0,70 м, в длину остатки стен уверенно прослеживаются лишь на протяжении 1,95 м. Толщина кладок: южной — 0,95—1,10 м, северной — предположительно, около 1 м. Появление данных пилонов, которые, вероятнее всего, вместе с боковой куртиной поддерживали помост, позволяло достаточно эффективно увеличить полезную площадь стрелковых позиций у крепостных ворот на уровне боевого хода оборонительной стены.

Низ проёма относительно ровный с порогом на входе. Покрытие проезда земляное, уплотнено морской галькой. Внутри крепости уровень дневной поверхности немного повышается в восточном направлении. Уклон дороги равен 1—2°. Со временем, в процессе эксплуатации, посредством нескольких подсыпок грунта его величина возросла сначала до 5°, а затем достигла 9°. Порог находится у напольного края проёма в одной плоскости с фасадной поверхностью стены. Он был деревянным, выполнен из бруса сечением 0,16×0,22 м. Основание порога тщательно выровнено и усилено однорядной кладкой, своего рода фундаментом, из постелистого бута на известковом растворе (рис. 34). Подобная конструкция примыкала к нему также с тыльной стороны, вровень с покрытием проезда. Внутри проёма порог возвышался на 0,07 м.

In situ сохранились железные детали крепления воротного полотна — угловая обойма с опорным стержнем и подпятник (рис. 38, 39). Верхняя, вращавшаяся, часть конструкции имеет сложную пространственную форму, состоит из четырёх полос, охватывавших угол створки с торца, обоих боков и снизу, под которыми, на пересечении их осей, находится массивный выступ пяты в виде усечённой пирамиды с немного скруглёнными краями (рис. 40). Общие размеры изделия — 39,6×37,4×16,0 см. Нижняя деталь представляла собой прямоугольную призму с неровными гранями, которая в своё время была прочно закреплена в деревянном пороге. По отношению к тыльному краю и торцу бруса она находилась на расстоянии, соответственно, 6,0 и 11,0 см. Площадь опорной поверхности подпятника — 4,4×4,6 см, его толщина — 3,0—3,2 см. Вертикальная, торцовая полоса обоймы, точно отмечая местонахождение ворот в закрытом состоянии, расположена параллельно боковой поверхности проёма. Зазор между ними равен 2,0 см. Снаружи он был прикрыт доской толщиной 0,05 м.

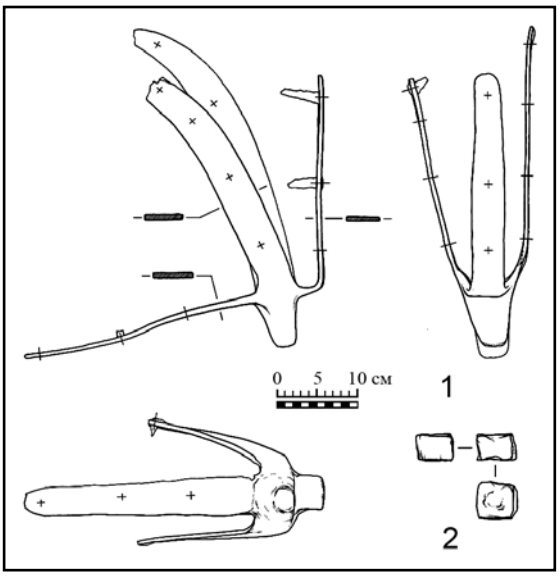

Рис. 40. Железные детали крепления воротного полотна: 1 — угловая обойма с опорным стержнем; 2 — подпятник. Чертёж В.П. Кирилко и С.В. Сёмина.

Fig. 40. Iron details of the gate's fixture: 1 — corner shoulder with a bearing bar; 2 — foot bearing. Drawing by V.P. Kirilko and S.V. Semin.

Достоверному определению поддаются отдельные конструктивные и технологические особенности находки. Обойма состоит из нескольких деталей, которые между собой прочно соединены. Её боковые части и пята изготовлены из одного куска металла, остальные элементы к ним приварены посредством горячей ковки. К воротному полотну само изделие крепилось гвоздями: спереди — четырьмя, сзади — пятью, снизу и с торца — соответственно, тремя с каждой стороны. Форма и взаимное расположение полос обоймы являются функционально обоснованными. Все они, сохраняя свою толщину практически без изменения на всём протяжении (наблюдается лишь незначительное утончение ближе к краю), по направлению к концу немного сужаются и скругляются, а нижняя — образует небольшой уступ и заостряется. Более того, боковые полосы, оставаясь плоскими, изогнуты по дуге и между собой слегка смещены (разнесены в пространстве), что позволило избежать прямолинейного расположения гвоздей (следовательно, препятствовало образованию трещины) и их взаимного (встречного) пересечения. Причём, если передняя из них является абсолютно вертикальной, то тыльная по всей длине отогнута наружу под углом 15°, обозначив тем самым внутренние габариты и кон-

Рис. 41. Потерна в первоначальной оборонительной стене генуэзского времени. Слева — куртина 60-х годов XV в. Вид с севера, сверху (по Тесленко, Сёмин 1999: рис. 3).

Fig. 41. Postern in the initial defensive wall of the Genoese time. Left — curtain of 60s of 15th c. Top view from the north (after Тесленко, Сёмин 1999: рис. 3).

структивные особенности воротного полотна. Размеры верхнего и нижнего основания пяты — 4,6×5,8 и 2,4×2,8 см. Её высота — 5,8 см. Полосы в сечении прямоугольные: ширина — 3,8—5,2 см, толщина — 4,6—6,0 мм. Их длина составляет: передней — 36,0 см, тыльной — около 37,0 см, торцовой — 26,5 см, нижней — 29,5 см. Расстояние между гвоздями: минимальное — 4,6 см, среднее — 8,0—9,0 см, максимальное — 10,4 см.

Вид, устройство и размеры самих ворот поддаются вполне достоверной реконструкции. Они были двукрылыми, открывались вовнутрь. Их толщина составляла 7,8 см, о чём свидетельствует характерный паз внутри угловой обоймы. С учётом необходимых зазоров, один из которых выявлен раскопками, предполагаемая ширина полотна составляла 0,90 м. Поскольку наряду с горизонтальными и вертикальными креплениями предусматривалась также диагональная фиксация пяты, щитовая конструкция створки непременно должна была иметь откос, позволявший избежать деформации (искривление и провисание, как следствие, заклинивание) сооружения. Характерная форма тыльной полосы обоймы даёт основание утверждать, что он выступал над задней поверхностью воротного полотна на 0,06 м, а высота этого сооружения составляла около 1,90 м.

С южной стороны проёма, в 0,75 м от уровня проезда и на расстоянии 0,25 м от переднего края, в кладке находится отверстие трапециевидной формы, сужается книзу. Его размеры: высота — 0,23 м, ширина — 0,14—0,18 м, глубина — 0,37 м. Вероятно, оно исполь-

Рис. 42. Потерна в первоначальной оборонительной стене генуэзского времени и куртина 60-х годов XV в. План (по Тесленко, Сёмин 1999: рис. 1).

Fig. 42. Postern in the initial defensive wall of the Genoese time, and a curtain of 60s of 15th c. Plan (after Тесленко, Сёмин 1999: рис. 1).

зовалось как приёмное гнездо для засова. Воротный проём мог завершаться аркой с глухим тимпаном.

Вход в крепость был устроен без башни и, соответственно, не имел внешнего флангового прикрытия. Дорога к нему подходила с северной стороны и шла под стенами, что в некоторой степени позволяло обеспечить дополнительную защиту на ближних подступах. По расположению и архитектонике определённой аналогией ему являются крепостные ворота Фуны, датированные 1423 г. (Кирилко 2005: 108—117), и Учансу-Исара, существовавшего в пределах третьей четверти XV в. (Кирилко 2005: 113; Бочаров 2009: 121). Оба укрепления принадлежат к провинциально-византийскому направлению оборонного зодчества региона, наиболее полно представленному в фортификационных сооружениях феодоритов.

Потерна. На стыке юго-восточного и среднего участков передней оборонительной стены, видимо, был предусмотрен ещё один вход на территорию укрепления, который вполне мог использоваться в качестве потерны (рис. 13). Само сооружение сохранилось крайне плохо, вскрыто и исследовано раскопками частично (рис. 41; 42). Строительный горизонт здания отмечен тонким (около 0,1 см) слоем деструктированного известкового раствора, залегавшего на поверхности зольника X—XI вв. (Тесленко, Сёмин 1999: 6—7, 28, рис. 1—3, 20).

Предполагаемый вход в крепость снаружи был защищён башней. Она представляла собой прямоугольную в плане постройку, возможно (судя по дуговидной конфигурации внутреннего пространства), с проёмом в боковой, южной, стене. Размеры сооружения: реконструируемая длина — 5,25 м, вынос за пределы крепостной ограды — 2,25 м, толщина стен — 0,75—1,10 м. Ширина помещения — 1,55 м, его протяжённость — 3,15 м. Траншея под фундамент здания выкопана точно по контуру стен в рыхлом серо-коричневом золистом грунте. Её максимальная глубина составляет 0,45 м, местами она существенно уменьшается, а на южном стыке с куртиной почти сходит на нет. Кладка субструкции бутовая на известковом растворе, количественно преобладают булыги средней величины. Судя по незначительной толщине стен, постройка, вероятнее всего, была одноэтажной с открытой площадкой на уровне боевого хода крепостной ограды. Ближайшей аналогией ей является подобная башня Лимена-Кале (Фирсов 1990: 307, рис. 100; 103).

Третий этап: вторая четверть XV в.

Ремонту подверглась цитадель, полностью перестраивается северо-западный участок её оборонительной стены (рис. 13; 24; 25). Основной причиной разрушения первоначального сооружения могло стать землетрясение 1423 г. Новая куртина расположена на довольно крутом склоне, что при строительстве потребовало специальных работ по выравниванию рельефа, уничтоживших все более ранние культурные напластования (Мыц 2009: 85). Восстановлена южная боковая стена наружной ограды.

Четвёртый этап: 60-е гг. XV в.

Проведена капитальная реконструкция внешней оборонительной линии города, морально и физически устаревшей. Взамен существующей передней крепостной стены в непосредственной близости от нее, на расстоянии 0,75—2,80 м, снаружи сооружена новая, более мощная ограда, усиленная тремя башнями — на углах и посередине (рис. 13). Строительство сопровождалось упразднением прежних коммуникаций и связанных с ними объектов, а также, предположительно, разрушением (скорее всего, частичным) предшествующего ему сооружения, камень которого можно было использовать повторно. Хотя, безусловно, нельзя исключать вероятности того, что, в случае сохранения ранней постройки в первоначальном состоянии, образовавшийся промежуток мог быть легко перекрыт и приспособлен для расширения площади стрелковых позиций на уровне боевого хода стены. Впрочем, ни одна из обозначенных версий пока, в достаточной степени, не подтверждается раскопками, ибо не получила соответствующего отражения в стратиграфии — ни характерного скопления деструктированного известкового раствора с включениями неиспользованного камня, ни признаков мощного пожара с обугленными остатками деревянных конструкций помоста при археологическом изучении культурного слоя не выявлено [11]. По крайней мере, судя по тому, что с упразднением первоначального входа воротные полотна не были демонтированы и подверглись полной, двусторонней закладке, стена могла уцелеть также на многих других участках и в дальнейшем быть использована в качестве внутренней.

Общая длина новой оборонительной линии, по сути, сохранившей в целом начертание предыдущей крепостной ограды, равна 160 м. Расстояние между башнями составляет 80 и 70 м. Площадь укрепления увеличилась до 1,065 га.

Все куртины примыкают к башням без перевязки кладок и, следовательно, появились после их возведения.

Ашага-Куле. Башня представляет собой монументальное здание с круглыми внутренними и внешними очертаниями плана, по сравнению с остальными башнями была самой высокой и могла использоваться в качестве маяка [12] (рис. 8; 13; 34; 43; 44) [13]. С тыльной стороны, на уровне нижнего яруса, она имеет уступ, образовавшийся в результате примыкания постройки к угловому участку предшествовавшей ей крепостной ограды второй четверти XV в. (рис. 34). Диаметры сооружения: внешний — 9,00—9,20 м, внутренний — 3,00—3,40 м. Толщина стен — 2,40—3,00 м. Высота руин — около 16 м. Протяжённость сторон уступа: восточной — 3,45 м, южной — 2,00 м. Угол между ними — 100°. Кладка трёхслойная двухлицевая. Здание сложено в основном из крупных глыб и булыг на известковом растворе, пустоты между которыми заполнены мелким камнем (рис. 43; 46). В качестве штучного кладочного материала применены две гири для виноградного пресса и многочисленные обработанные блоки известкового туфа вторичного использования. Фундаменты впущены в культурный слой на глубину 0,50—0,90 м, в одном месте повредив плитовую могилу с артефактами XII—XV вв. (Мыц 2002: 170—171), основание материковое. В восточной части строения субструкция по отношению к поверхности

[11] По мнению исследователей, получившему своё отражение в выводах отчёта о раскопках: «Стены третьей линии обороны были впоследствии аккуратно разобраны, о чём свидетельствует отсутствие слоёв разрушения. Подобные действия можно связать с возникновением потребности в большом количестве строительного материала в период возведения нового более мощного оборонительного рубежа во второй половине XV в.» (Тесленко, Сёмин 1999: 65).

[12] В этом плане весьма показательна картина Л. Лагорио «Алушта» (1889 г.), изобразившего Ашага-Куле с маленьким светящимся окошком со стороны моря (Полун 1981: мал. 81).

[13] Сердечно благодарю В. Г. Рудницкую, заведующую Алуштинским филиалом КРУ «Центральный музей Тавриды», за любезно предоставленные для использования в качестве иллюстраций исторические виды башни Ашага-Куле.

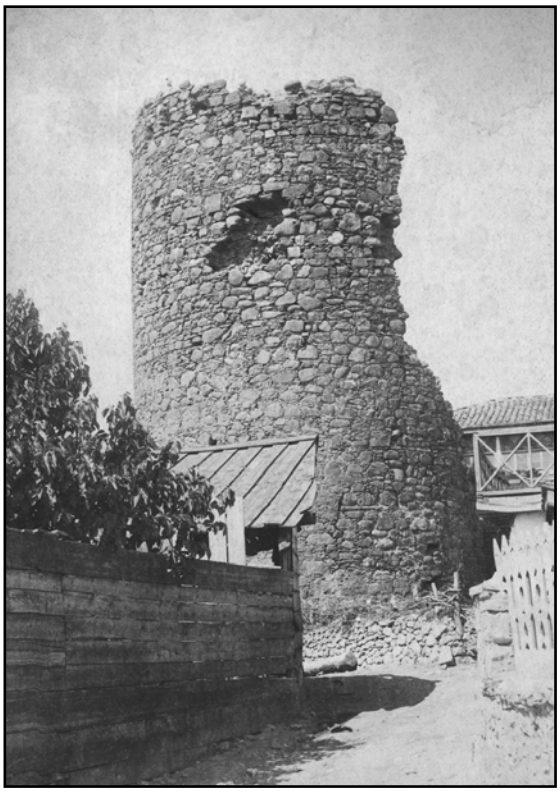

Рис. 43. Башня Ашага-Куле. Вид с востока. Открытка начала XX в.

Fig. 43. Ashaga-Kule Tower. View from the east. Postcard of early 20th c.

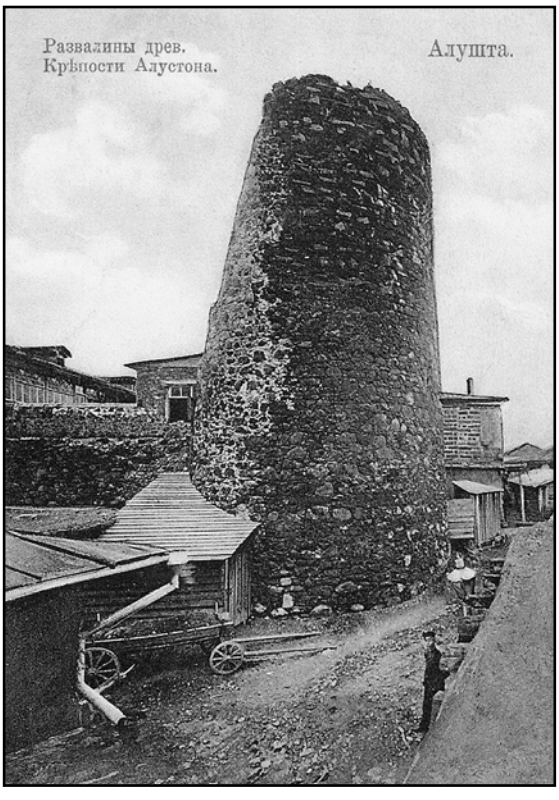

Рис. 44. Башня Ашага-Куле. Вид с юга. Открытка начала XX в.

Fig. 44. Ashaga-Kule Tower. View from the south. Postcard of early 20th c.

стены выступает вовнутрь на 0,10—0,70 м и сходит на нет к краям, с противоположной стороны их контуры практически совпадают. Башня, видимо, была многоярусной закрытого типа (Мыц 2002: 165—166). Судя по неизменной толщине сохранившейся части стены, внутреннее пространство здания могло сохранять свои размеры и очертания на всю высоту.

В стенах наземного этажа башни сохранились пустоты от двух ярусов горизонтального деревянного каркаса, предназначавшегося для усиления сооружения (в частности, антисейсмического) и предотвращения его деформации при возведении вследствие медленного отвердения извести. Со стороны помещения они находятся на высоте 1,20 и 4,20 м от основания. Нижняя конструкция состояла из прямоугольных в сечении (0,18×0,22 м) брусьев длиной около 2 м, которые залегали в кладке по периметру внешней лицевой поверхности, образуя в плане многоугольник (рис. 45)[14]. Между собой отдельные элементы соединены внахлёст, возможно, имели гвоздевое крепление. С ними связаны семь подобных брёвен, располагавшихся радиально. С внешним поясом они состыковывались в паз, не выступая наружу. Кроме того, вся конструкция была скреплена тремя длинными брусьями, размещёнными по касательным к внутренней поверхности стены (Мыц и др. 1993а: 5—6).

Каркас второго яруса для изучения практически недоступен. От нижнего он отличался конструкцией пояса со стороны помещения, который состоял, предположительно, из шести отёсанных и соединённых внахлёст брёвен, располагавшихся по периметру, у самой поверхности кладки. Сечение брусьев — 0,15×0,20 м.

Внутри башни на высоте 1,90 м от основания, на противоположных сторонах стен, имеются четыре одинаковых гнезда от балок, которые, находясь на одном уровне и совпа-

[14] В первой публикации чертежа и его последующем переиздании допущено две существенные неточности — упразднены пунктирные линии, а в подписи не указано, что изображена конструкция именно нижнего яруса, поскольку второй каркас имел совершенно иное расположение элементов (Мыц 2002: рис. 37; 2009: рис. 213).

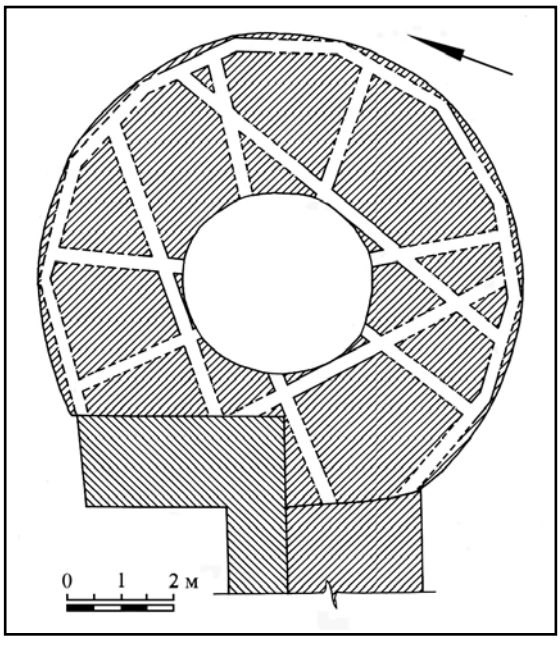

Рис. 45. Нижний ярус деревянного каркаса кладки башни Ашага-Куле. План (по Мыц и др. 1993а: рис. 2).

Fig. 45. Bottom layer of the wooden frame in the masonry of the Ashaga-Kule Tower. Plan (after Мыц и др. 1993а: рис. 2).

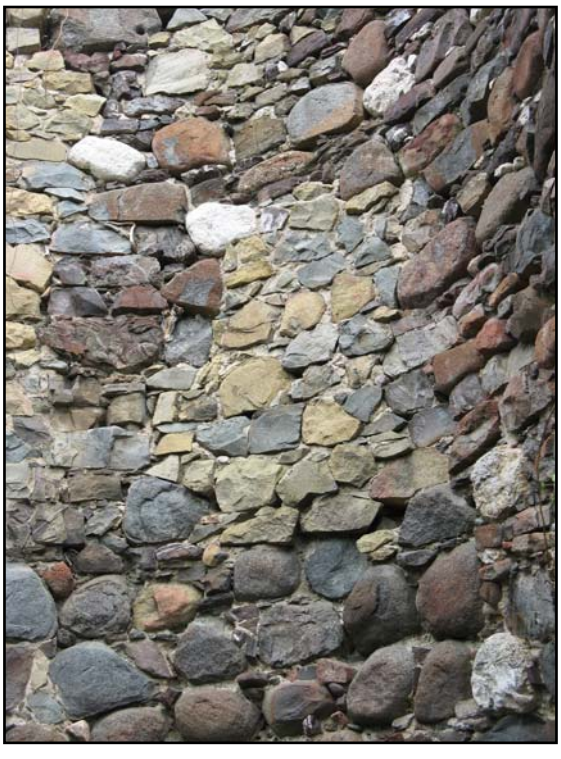

Рис. 46. Тыльная сторона кладки башни Ашага-Куле. Вид с запада. 2014 г. Фото автора.

Fig. 46. Rear side of the masonry of the Ashaga-Kule Tower. View from the west. 2014. Photo by the author.

дая с основными осями здания, в своё время могли пересекаться в центре. Размеры отверстий — 0,10×0,10 м. Вероятно, брусья принадлежали конструкции, технологически связанной с возведением башни, либо фиксировали опору лестницы (Мыц и др. 1993а: 6).

В слое пожара на полу здания обнаружены обугленные остатки нескольких деревянных балок сечением 0,08×0,12 м и 0,12×0,12 м, которые были расположены в два яруса относительно параллельными рядами, по направлению почти совпадающими с линией оборонительных стен. Нижние ориентированы на СЗ-ЮВ, верхние по отношению к ним развёрнуты практически под прямым углом и, в свою очередь, повсеместно перекрыты фрагментами досок толщиной 0,042 м и шириной 0,25 м. Шаг прогонов — 0,34—0,40 м. Настил крепился кованными железными гвоздями длиной около 6 см (Мыц и др. 1993а: 12, рис. 18—20).

Пол нижнего помещения земляной, представлял собой выровненную поверхность отложений строительного горизонта, скопившихся внутри башни при сооружении фундаментов и кладке наземной части здания. Толщина слоя — 0,60 м. Вдоль стен имелись углубления для установки трёх небольших пифосов, изъятых ещё до возникновения пожара (Мыц и др. 1993а: 14—17, рис. 12).

Ашага-Куле, примыкая к предшествовавшей ей ограде с востока, перекрывает проём на 0,10 м, что не должно было препятствовать использованию существующих крепостных ворот. Верхняя часть башни реконструируется с круглым в плане периметром и сквозным проходом на уровне боевого хода оборонительных стен. Косвенным свидетельством данного предположения является своеобразный характер разрушения строения, а именно, утрата только тыльной стороны сооружения. Подобное вполне могло быть обусловлено неизбежной просадкой последней, поскольку в качестве основания здесь использована довольно слабая, с рыхлой структурой, кладка первоначальной крепостной ограды.

Согласно выводам Л. В. Фирсова, касательно Ашага-Куле, «полная высота с ее навершием» могла достигать 18—20 м (Фирсов 1990: 70). В. Л. Мыц, не выделяя данное сооружение, считает, что башни крепости возвышались на 20—22 м (Мыц 2002: 172). Причём, поскольку с напольной стороны самой постройки признаков наличия бойниц в стенах не выявлено, он счёл возможным, соглашаясь с реконструкцией Л. В. Фирсова (рис. 10), также предположить размещение на её вершине машикули (Мыц 2002: 166; 2009: 334),

что допустимо, но маловероятно, ибо нецелесообразно.

На мой взгляд, достаточно любопытным представляется один из вывалов в кладке северного фасада строения, запечатлённый на фотографии начала прошлого века (рис. 8; 43). Он имеет правильные очертания и, возможно, представляет собой нишу от утраченной плиты со строительной надписью, расположенную как раз точно напротив завершающего участка дороги.

Среди башен крепости Ашага-Куле могла быть возведена первой, поскольку позволяла защитить существующий вход на территорию города, обеспечивая эффективный круговой обзор окрестностей, а также контроль подъезда к воротам на ближних и дальних подступах на всём протяжение пути следования неприятеля. Вероятнее всего, она была навигационной, что свойственно многим аналогичным сооружениям Крымского побережья (Иванов 2001: 229—231), и предназначалась для хранения пороха, возгорание которого в замкнутом пространстве, видимо, привело к оплавлению использовавшегося в кладке габбродиорита (Мыц 2002: 170), более того, возникшая при этом энергия взрыва, имела вполне достаточную силу, чтобы обрушить (разворотить) тыльную часть здания, ослабленную рыхлым основанием.

Орта-Куле. Средняя башня представляет собой монументальную постройку с прямоугольными в плане внутренними и внешними очертаниями, по сравнению с остальными башнями укрепления была самой крупной и принадлежит к типу межстенных (рис. 13; 47—53)[15]. Ширина здания (уменьшается в напольную сторону) — 10,60—11,25 м, его длина — 10,88 м. За линию крепостной ограды строение выступает на 9,30 м. Толщина стен башни: северо-западной, боковой — 3,00 м, северо-восточной, передней — 2,85 м, юго-восточной, боковой — 2,90—2,95 м, юго-западной, тыльной — 0,98—1,10 м (увеличение к юго-востоку). Высота руин составляет 1,75—10,00 м.

Башня была многоярусной, причём, судя по незначительной толщине задней, явно самонесущей, стены, полностью замкнутое пространство имела только нижняя часть строения. Его размеры — 4,95—5,28×7,05—7,21 м. Остальные

Рис. 47. Башня Орта-Куле. Вид с юго-запада, сверху (по Мыц, Адаксина, Кирилко 1993: рис. 18).

Fig. 47. Orta-Kule Tower. Top view from the south-west (after Мыц, Адаксина, Кирилко 1993: рис. 18).

этажи со стороны укрепления, вероятнее всего, были открытыми. В кладке восточного угла башни сохранились гнёзда от деревянных конструкций, соотносимых с перекрытием, что позволяет довольно точно определить высоту наземного помещения. Она составляла 4,45—4,75 м[16]. Разница в отметках вызвана понижением уровня дневной поверхности внутри сооружения в тыльную сторону, в южном направлении (рис. 51). Высота второго этажа, судя по расположению следующего яруса деревянного каркаса кладки (рис. 48—51), была меньше — около 3,40 м.

Пол был земляным, покрыт слоем уплотнённого глинистого грунта с повышенным содержанием известковой крошки, под воздействием пожара приобретшего характерный коричневый цвет. Его толщина в центральной части помещения — 0,07—0,12 м, по направлению к стенам — уменьшается до 0,03 м. Ниже находятся выровненные культурные отложения, которые накопились внутри башни при строительстве и залегали поверх делювия глинистых сланцев. Они имеют

[15] Обмерные работы башни по состоянию памятника на 01.01.1995 г. произведены бригадой в составе: В.П. Кирилко (руководитель), А.В. Лысенко, С.В Сёмин.

[16] В первой публикации материалов архитектурно-археологического изучения памятника допущена ошибка — «от пола до низа балок она составляла около 9,50 м» (Мыц 2002: 144), которая, в свою очередь, туда перекочевала из отчёта о раскопках (Мыц и др. 1993а: 5).

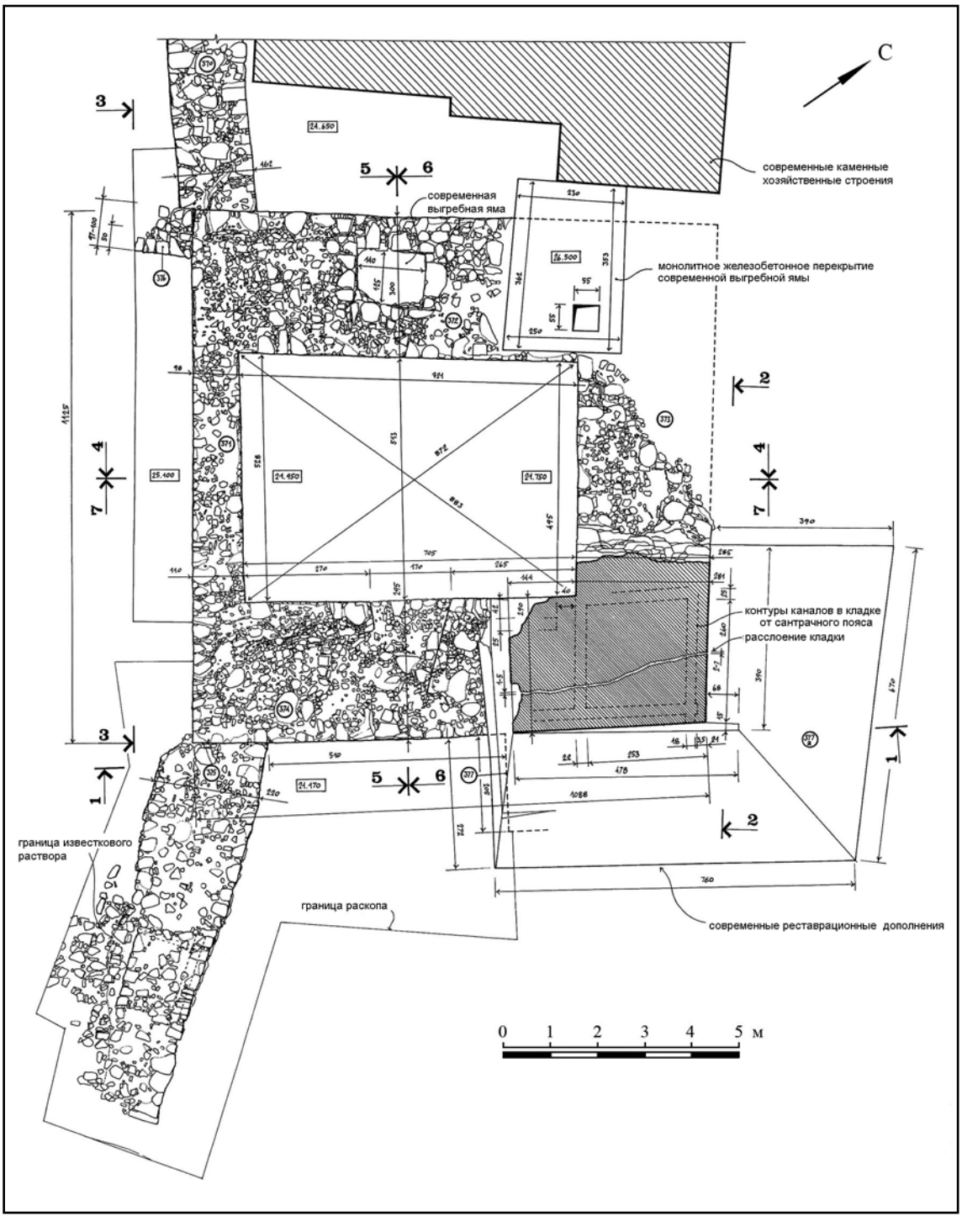

Рис. 48. Башня Орта-Куле. План. 1995 г. Чертёж автора.

Fig. 48. Orta-Kule Tower. Plan. 1995. Drawing by the author.

достаточно однородную структуру, состоят из натёков извести, а также крошки и комков кладочного раствора, осыпавшихся со стен во время их возведения. Мощность слоя переменная: с юго-западной стороны она минимальная — 0,05—0,07 м, к юго-востоку возрастает до 0,15 м. Максимальная его толщина отмечена у передней, северо-восточной, стены помещения, где достигает 0,60—0,75 м. Там же выявлен цельный пласт неиспользованной извести, превратившейся в монолитную массу. Располагаясь в небольшой западине, он примыкал к кладке и занимал площадь около 8 м^2. В слое отмечено большое коли-

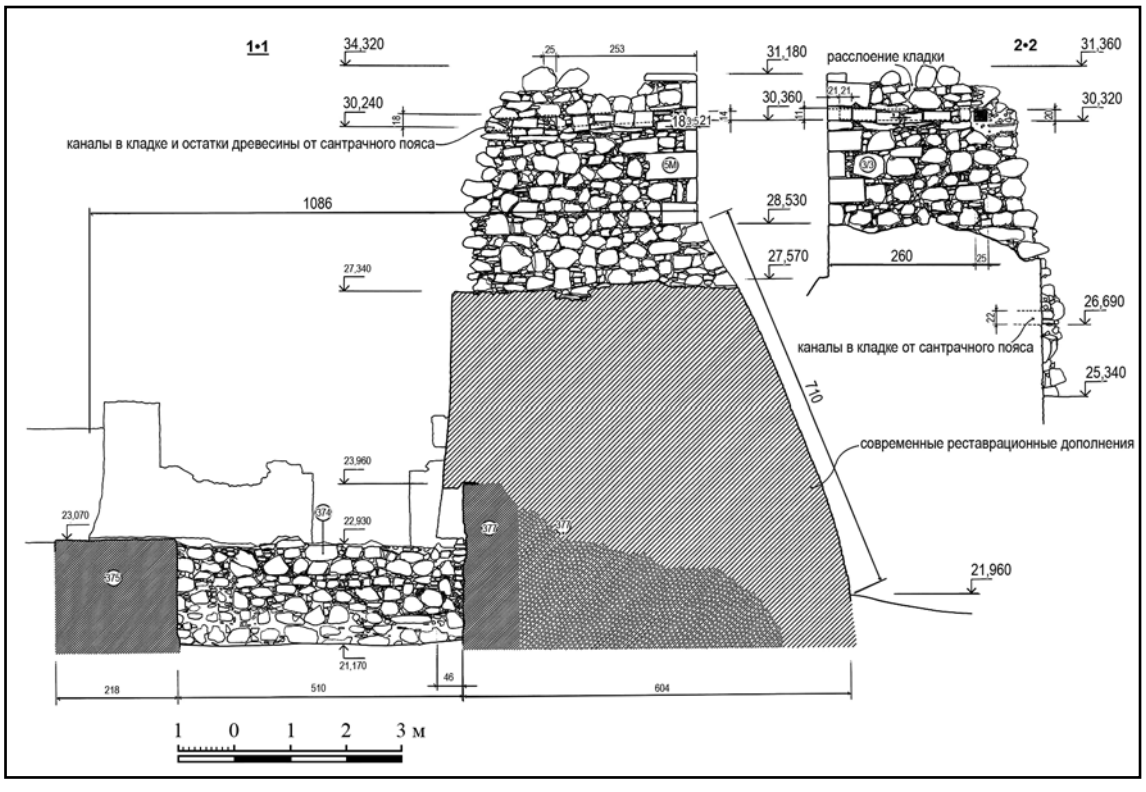

Рис. 49. Башня Орта-Куле. Фасады: 1 — боковой, юго-восточный; 2 — передний, северо-восточный. 1995 г. Чертёж автора.

Fig. 49. Orta-Kule Tower. Facades: 1 — lateral, south-eastern; 2 — front, north-eastern. 1995. Drawing by the author.

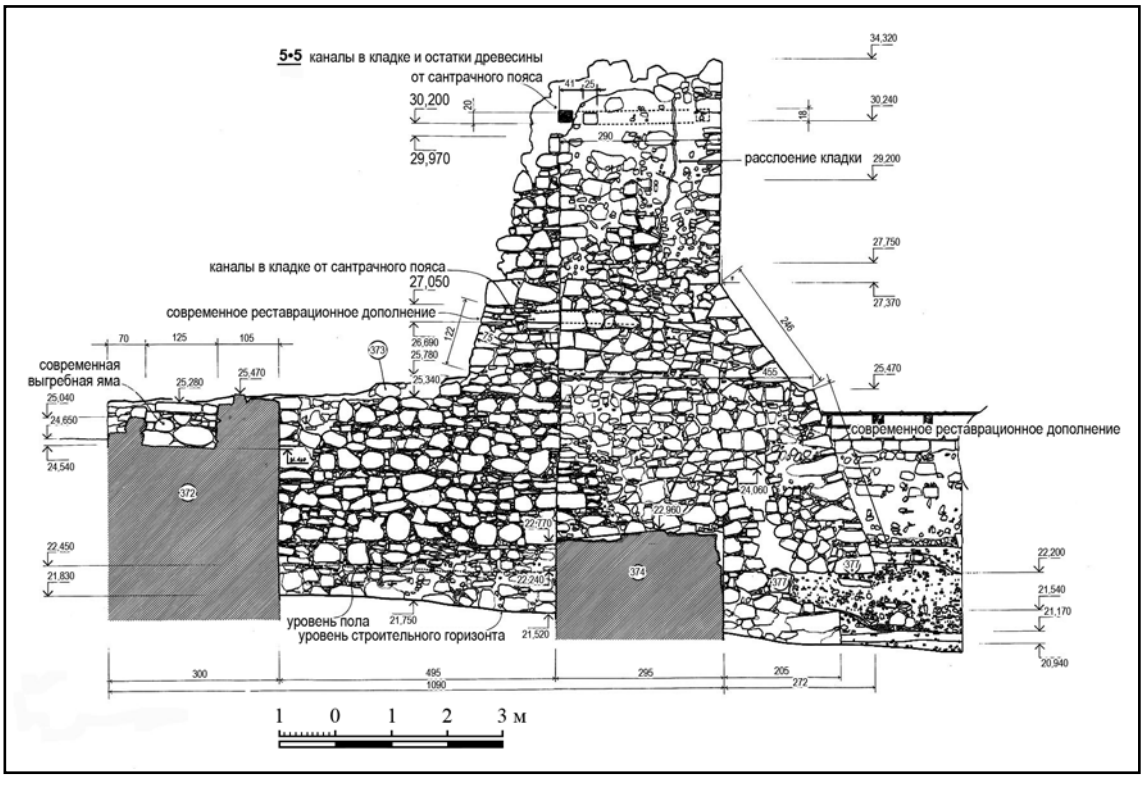

Рис. 50. Башня Орта-Куле. Поперечный разрез, вид с юго-запада. 1995 г. Чертёж автора.

Fig. 50. Orta-Kule Tower. Cross-section, view from the south-west. 1995. Drawing by the author.

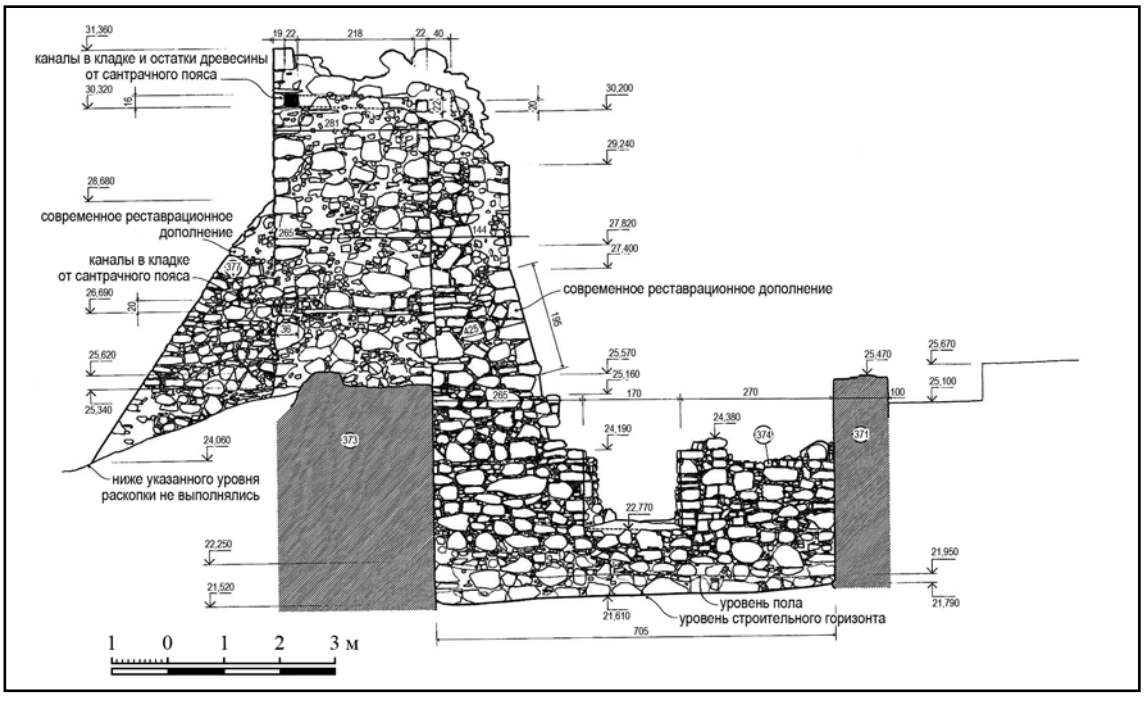

Рис. 51. Башня Орта-Куле. Продольный разрез, вид с северо-запада. 1995 г. Чертёж автора.

Fig. 51. Orta-Kule Tower. Longitudinal section, view from the north-west. 1995. Drawing by the author.

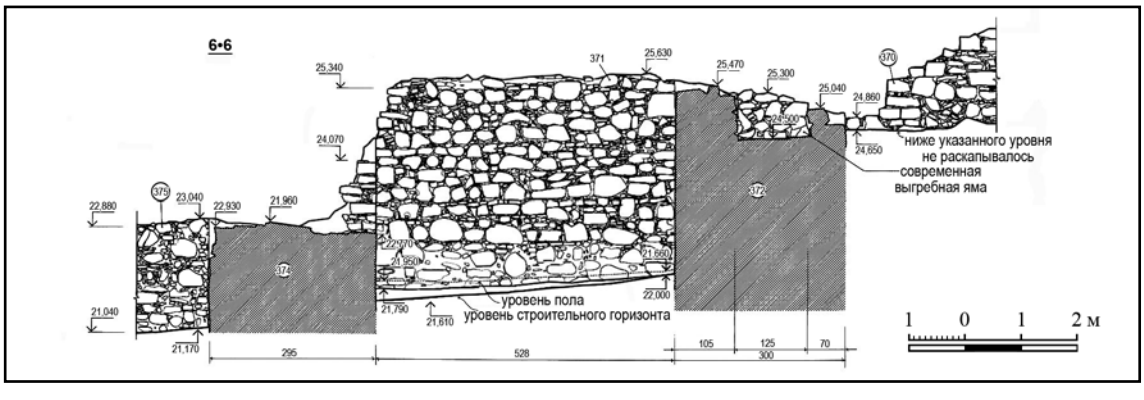

Рис. 52. Башня Орта-Куле. Поперечный разрез, вид с северо-востока. 1995 г. Чертёж автора.

Fig. 52. Orta-Kule Tower. Cross-section, view from the north-east. 1995. Drawing by the author.

чество щепы и мелких обрезков древесины, а также обнаружены длинные прямоугольные пустоты от брусьев с характерной для текстуры дуба поверхностью. Предельная протяжённость уцелевшей части каналов составляет 0,67—1,40 м, их размеры в сечении — 0,06×0,12 м, 0,10×0,10 м, 0,07×0,06 м. Брусья были уложены непосредственно на поверхность строительной площадки вдоль внешнего края известковой кучи, на расстоянии 1 м от стены, и, видимо, предохраняли раствор от растекания. В продольном направлении основание относительно ровное, ощутимая разница в высотных отметках наблюдается лишь в восточной, приспособленной под складирование извести, части внутреннего пространства (рис. 51). Фундаменты здания раскопками не исследовались, их конструкция и глубина закладки неизвестны (Мыц и др. 1993а: 30—31, рис. 10; Мыц 2009: рис. 178).

Строительная площадка с внешней, юго-восточной, стороны башни находится практически на том же уровне, что и внутри здания, причём, немного понижаясь, имеет одинаковый с ней уклон, составляющий 6° (рис. 50; 52). Непосредственно у сооружения её поверхность обозначена натёками извести толщиной до 0,10 м, местами она покрыта деструктированным кладочным раствором, осыпавшимся со стен во время их возведения. Наибольшее скопление строительных отходов, достигавшее мощности 0,10 м, отмечено вблизи контр-

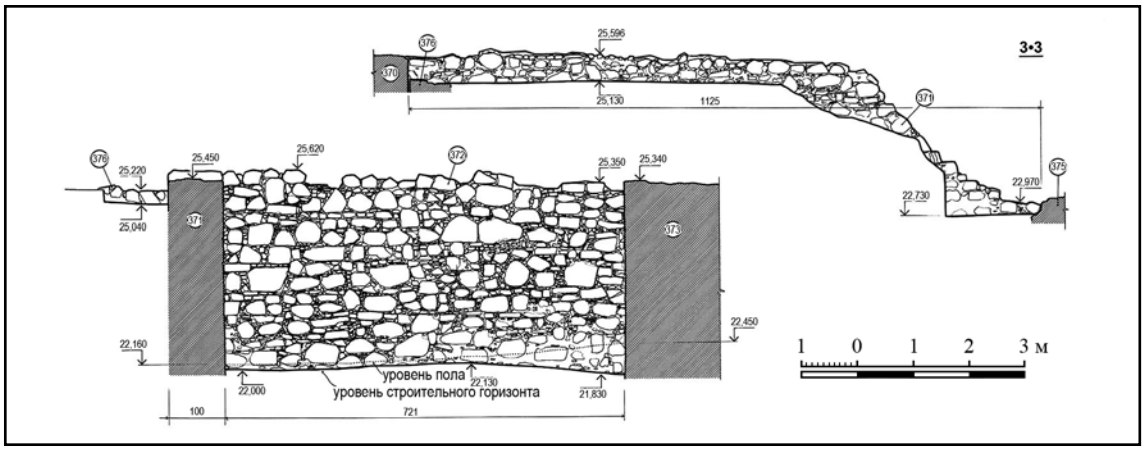

Рис. 53. Башня Орта-Куле. 1 — тыльный, юго-западный, фасад; 2 — продольный разрез, вид с юго-востока. 1995 г. (чертёж автора).

Fig. 53. Orta-Kule Tower. 1 — rear, south-western façade; 2 — longitudinal section, view from the south-east. 1995 (drawing by the author).

форса, по направлению к куртине слой уменьшается и на расстоянии 1,75 м от ограды уже почти не прослеживается. По завершению работ территория у башни на этом участке подверглась выравниванию уплотнённым серо-желтоватым грунтом. Толщина насыпи — 0,15—0,35 м (Мыц и др. 1993а: 27—28, 31, рис. 11; Мыц 2009: рис. 179).

Строительный горизонт снаружи башни частично исследован раскопками и с тыльной стороны здания. Здесь дневная поверхность тщательно выровнена, также отмечена натёками извести, но только слабо выраженными, и покрыта очень тонким (до 0,01 м) слоем уплотнённой известковой крошки, незначительное количество которой, видимо, обуславливалось тем, что выше первого этажа кладок над площадкой не было. Перепад уровней в этом месте составляет 3,30 м (Мыц и др. 1993а: 31, рис. 11; Мыц 2009: рис. 178).

Для выяснения характера межэтажных перекрытий важной является находка в слое пожара башни обугленных фрагментов отдельных дубовых балок толщиной 0,15—0,25 м[17]. Их ориентация в слое почти совпадает с продольной осью башни (Мыц и др. 1993а: 17), хотя отсутствие чётко выраженных гнёзд на сохранившихся участках кладки угла здания не исключает вероятности поперечного расположения прогонов, равно как использование деревянных конструкций разной формы и нескольких типоразмеров. В частности, в слое пожара внутри башни наряду с фрагментами прямоугольного сечения обнаружен обломок сгоревшей деревянной детали из дуба, две частично уцелевшие грани которой имели ширину не менее 0,05 м и были сведены между собой под углом 108° (Мыц и др. 1993а: 25, 76, рис. 73: 5; Мыц 2009: рис. 196)[18].

Посередине боковой, юго-восточной стены нижнего этажа башни расположена амбразура — единственная на этом уровне. Частично сохранились её лицевые и нижняя поверхности со стороны помещения (рис. 54). Проём в плане трапециевидный, немного ассиметричный. Его ширина — 1,70 м. Угол между откосами равен 24°. По отношению к плоскости стены они развернуты на 97° и 107°. Низ проёма имеет уклон 7,5° вовнутрь помещения. Амбразура находится в 0,80 м от уровня пола. Высота обороны позиции составляла всего 1,6 м.

С юго-восточной стороны башня имела амбразуру и на втором этаже. Она находилась на расстоянии 1,44 м от внутреннего восточно-

[17] В опубликованных материалах раскопок данная информация представлена в немного искаженном виде — «сечением 0,15×0,25 м» (Мыц 2002: 156).

[18] С этим же слоем связана ещё одна небезынтересная находка — часть железного скобеля, которая позволяет получить представление об инструментарии плотников и обработке дерева в XV в., соотносимых с возведением башни. Изделие имело классический вид большой клинообразной пластины с двумя ручками. Размеры рабочей полосы: ширина — 3,6 см, толщина — 0,4 см, длина — около 20—25 см. Ручки расположены с боков на расстоянии 2 см от лезвия. Они были деревянными, насажены на прямоугольные в сечении стержни, примыкавшие по дуге к верхнему краю инструмента (Мыц и др. 1993а: 25, 78, рис. 77: 1; Мыц 2009: рис. 180: 1).

Рис. 54. Амбразура в боковой стене нижнего этажа башни Орта-Куле. Вид с северо-запада (по Мыц, Адаксина, Кирилко 1993: рис. 20).

Fig. 54. Crenel in the lateral wall of the ground floor of the Orta-Kule Tower. View from the north-west (after Мыц, Адаксина, Кирилко 1993: рис. 20).

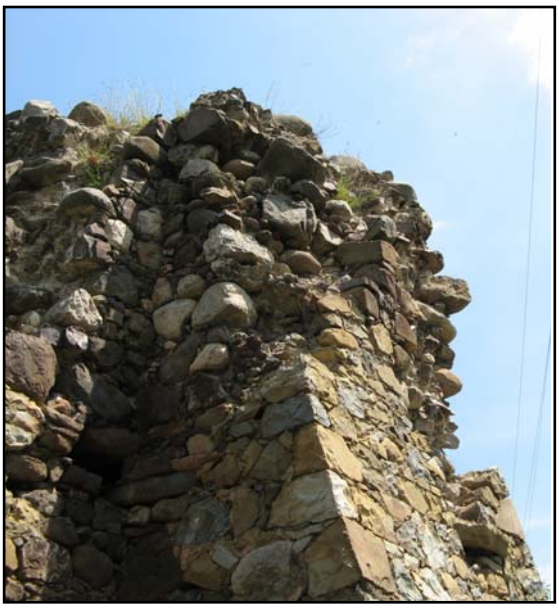

Рис. 55. Откос амбразуры в боковой стене второго этажа башни Орта-Куле. Вид с запада. 2014 г. Фото автора.

Fig. 55. Reveal of the crenel in the lateral wall of the second floor in the Orta-Kule Tower. View from the west. 2014. Photo by the author.

го угла строения. Сохранился небольшой участок лицевой поверхности северо-восточного откоса проёма, расположенного по отношению к плоскости стены под прямым углом (рис. 55). Сооружение принадлежит к распространённому в фортификационном строительстве этого времени типу стрелковых позиций с каменными банкетами (уступами для сидения) по бокам, аналогии которым известны на других генуэзских крепостях Крыма (Лопушинская 1991: рис. 33; Мыц 2009: рис. 288—290). Относительно нижней бойницы оно немного смещено в напольную сторону, что могло быть обусловлено предполагаемым размещением рядом лестницы.

Достоверных данных об остальных стрелковых позициях второго яруса башни нет. Вероятнее всего, аналогичные бойницы находились в каждой из стен здания — с противоположного бока и спереди. Подобную планировку мог иметь и расположенный выше этаж, а сама постройка завершалась открытой боевой площадкой, ограждённой парапетом с зубцами.

Кладки башни трёхслойные двухлицевые, на углах перевязаны. Стены сложены из необработанного, но хорошо подобранного и тщательно выставленного, крупного бута местных пород, преимущественно булыг, на известковом растворе с соблюдением порядка и заполнением пустот мелким камнем. Лицевые поверхности сооружения относительно ровные. Внешние углы здания оформлены разномерными хорошо обработанными блоками известняка вторичного использования. На уровне межэтажных перекрытий кладка была усилена деревянным каркасом, от которого в настоящее время внутри стен сохранились горизонтальные каналы, местами — с остатками древесины (рис. 48—51). Конструкция представляла собой прямоугольные решётки из дубовых брусьев, соединённых между собой, на пересечении, врубками. Продольные пояса расположены на расстоянии 0,21—0,24 м от поверхности стены, шаг поперечных связей неизвестен. Применялся брус разного сечения — 0,19×0,22 м, 0,18×0,25 м, 0,20×0,25 м, 0,14×0,18 м.

Под современным контрфорсом, который появился при ремонтно-реставрационных работах XIX в.[19], сохранились остатки первоначальной, средневековой, конструкции, усиливавшей снаружи восточный угол здания (рис. 56). Она представляет собой мощную кладку из бутового камня на известковом растворе, сложенную вперевязь с основным объёмом башни. Следовательно, обе части стро-

[19] Как свидетельствует П. И. Кёппен, в 1833 г. по приказанию графа М. С. Воронцова под башню Орта-Куле «подведено новое основание, вместо крошившегося старого» (Кёппен 1837: 154—156; Фирсов 1990: 70). В самом конце века опять потребовалось укрепление руин и обновление контрфорса (Протоколы 1899: 115).

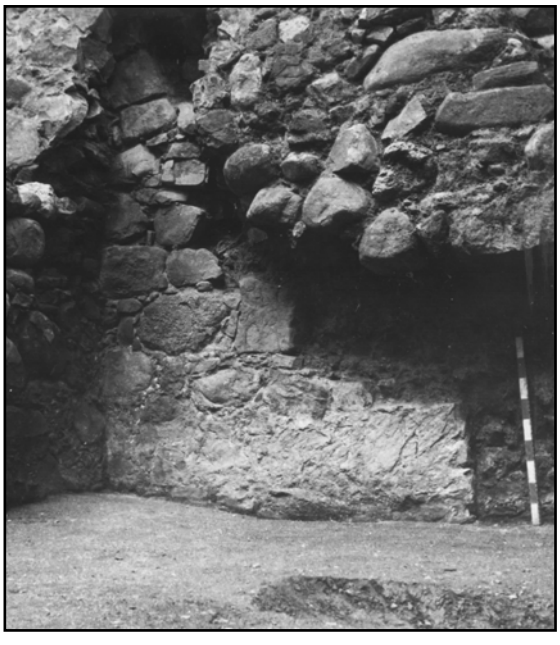

Рис. 56. Угловой контрфорс башни Орта-Куле. Вид с юго-запада (по Мыц, Сёмин 1995: рис. 14).

Fig. 56. Corner contrefort of the Orta-Kule Tower. View from the south-west (after Мыц, Сёмин 1995: рис. 14).

ения синхронны (Мыц и др. 1993а: 6—7; Мыц, Семин 1995: 2).

Средневековый контрфорс примыкает к юго-восточной стене под прямым углом на расстоянии 5,10 м от куртины. За пределы здания он выступает на 2,05 м. Подобным образом данное сооружение расположено и со стороны главного фасада, находясь в 7,15 м от северного угла башни. Его обе боковые плоскости были отвесными до самого верха конструкции. Передние грани при этом оставались вертикальными на высоту не менее 0,60 м, затем образовывали скошенную поверхность и завершались приблизительно на уровне перекрытия наземного яруса. Реконструируемые размеры сооружения по внешнему периметру: длина (протяжённость юго-восточной стороны) — 6,35 м, ширина — 5,10 м, вынос по отношению к передней стене — 2,20 м.

Судя по местоположению и форме, контрфорс был угловым и, хотя надёжно заслонял собой сбоку нижнюю бойницу от противника, имел преимущественно конструктивные функции[20], а значит, его иное допустимое применение, например, в качестве фортификационного элемента, следует считать исключительно второстепенным. Поэтому вряд ли он, согласно устоявшемуся мнению, представлял собой противотаранное утолщение и предназначался для рикошетирования различного рода снарядов (Фирсов 1990: 71; Адаксина 1993: 20), а уж, тем более, нецелесообразно увязывать его появление с предполагаемыми машикули (Мыц 1991: 58). Автор раскопок хотя и оговаривает в качестве одного из двух возможных вариантов интерпретацию данного сооружения как углового контрфорса, но, судя по плану крепости (рис. 11), предпочтение отдает всё-таки версии о подножии в виде талуса, якобы почти полностью обрамлявшем всю наружную часть внешнего периметра башни (Мыц 2002: 147, рис. 1; 2009: 295, рис. 174).

Относительно хорошая сохранность и характерные конструктивные особенности здания позволили исследователям памятника высказать отдельные предположения о первоначальном облике Орта-Куле. Согласно заключению А. А. Артеменко, не дифференцировавшего доминанты, высота башен крепости достигала 16 м (Артеменко 1985: 273). По мнению Л. В. Фирсова, Орта-куле возвышалась на 13—15 м, а завершалась зубчатым парапетом с узкими бойницами и машикули (Фирсов 1990: 70—71).

В. Л. Мыц считает, что средняя башня, по-видимому, состояла из трёх ярусов с открытой боевой площадкой наверху, на уровне второго и третьего этажей была трёхстенной, имела высоту не менее 21 м (Мыц 2002: 162). Реконструируемый им размер выглядит немного преувеличенным, надо полагать, из-за ошибки в интерпретации отметок наземного яруса и, на самом деле, составлял 14,0—14,5 м, что более соотносимо с упомянутыми выше выводами предшественников. По выявленным археологическими раскопками в слое пожара остаткам сгоревшего зерна, столовой и кухонной посуды исследователь пришёл к выводу о том, что нижняя часть башни использовалась не только как боевая позиция, но и в хозяйственно-бытовых целях. Можно предположить, что это помещение служило для отдыха караульных в качестве кордегардии, хотя оно и не приспособлено для обогрева в холодное время — нет ни камина, ни очага. Количество защитников башни могло составлять 22—24 человека, из которых 14 стрелков занимали боевые позиции на этажах, а 8—10 воинов располагались на верхней площадке здания (Мыц 2002: 162—163).

[20] В этом плане показательно давнее расслоение кладки угловой части руин башни (рис. 48; 50), возможно, обусловленное именно утратой первоначального контрфорса, и, как следствие, вызвавшее затем необходимость восстановления того в новом виде.

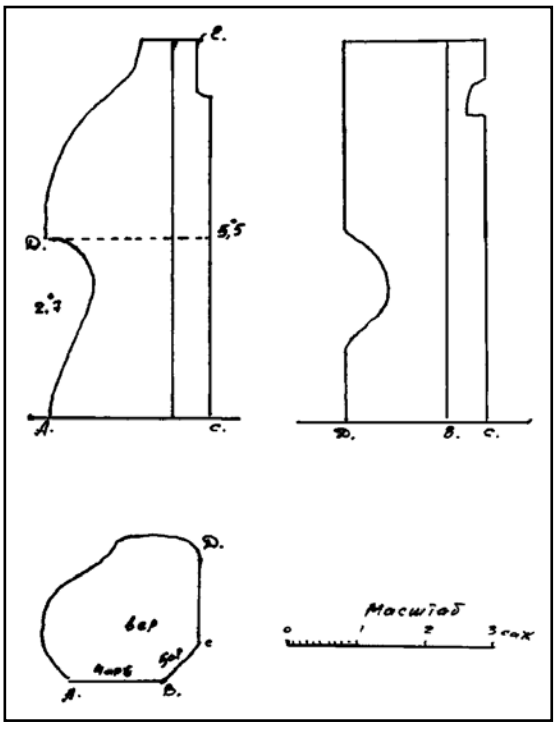

Рис. 57. Руины башни Чатал-Куле. Виды и план. 1866 г. Чертёж инженера Таргонского (ГААРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 1167. Л. 35).

Fig. 57. Ruins of the Chatal-Kule Tower. Views and plan. 1866. Drawing by Targonsky, engineer (GAARK. Fund 27. Inv. 13. Dossier 1167. Sheet 35).

По мнению В.Л. Мыца, строительство башни, вероятно, осуществлялось местными мастерами под наблюдением генуэзских фортификаторов. Результаты анализа линейных мер, применённых при возведении Орта-Куле, дали ему основание высказать предположение о том, что инженерно-строительные расчёты при проектировании данного здания выполнялись с использованием каффинской меры длины «пикко» (= 0,852 м) и генуэзской — «браччо» (= 0,58 м) (Мыц 2002: 163—165).

Башни, подобные Орта-Куле, получили достаточно широкое распространение в близких по времени крепостях полуострова, особенно, принадлежавших генуэзцам (Бочаров 1998: рис. 1—20; Лопушинская 1991: рис. 3; 23; 24; 39; 51), впрочем, довольно успешно применялись они также их основным противником, феодоритами, но при этом отличались фортификационной мощью и величиной — были менее крупными и более низкими (Кирилко 2005: 132—134).

Чатал-Куле. Наземная часть башни к настоящему времени утрачена почти полностью. Скрытые культурным слоем кладки сооружения раскопками не исследовались, хотя бытует мнение, что в середине 60-х годов прошлого века они местами подверглись зачистке, о конкретных результатах которой, впрочем, ничего не известно.

Начиная с П.И. Кёппена, впервые опубликовавшего план крепости (рис. 9), и которому вполне можно доверять, убедительным подтверждением чему является синхронный пример графической фиксации укрепления Фуны тем же исполнителем (Кирилко 2004: 64, 68), современными исследователями башня традиционно считается и изображается шестигранной, причём с такой же конфигурацией внутреннего пространства (Мыц 1991: рис. 5; 2009: рис. 172; Бочаров 2004: рис. 4; Тесленко 2005а: рис. 1). Последнее небесспорно, поскольку, согласно чертежу, выполненному спустя лишь несколько лет после обрушения половины здания в 1830 г. (Фирсов 1990: 70), Чатал-Куле внутри была круглой, что представляется более правдоподобным.

Однако нельзя исключать вероятности и того, что башня могла иметь иную внешнюю форму — октагональную, о чём косвенно свидетельствует схематичный обмер остатков данной постройки (рис. 57), предпринятый инженером в чине штабс-капитана Таргонским тридцатью годами позднее, с 13 апреля по 25 мая 1866 г., накануне предстоящей разборки верхней части руин (ГААРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 1167. Л. 21, 23, 32, 35). Обозначенные им фасадные поверхности смежных стен постройки сведены между собой под углом 135°, что характерно для правильных восьмигранников. При этом внутренний абрис уцелевшего фрагмента сооружения криволинейный и, следовательно, мог принадлежать круглому в плане помещению.

Размеры здания В.Л. Мыц определяет примерно по невыразительным остаткам кладки южной стены, ещё недавно выступавших на поверхности земли — 12×12 м (Мыц 2002: 140). На мой взгляд, введённые в научный оборот габариты строения немного завышены и не могут быть равными в ширину и длину. На плане П.И. Кёппена Чатал-Куле изображена приблизительно одинаковой величины с Ашага-Куле, диаметр которой составляет 9,00—9,20 м. Не противоречат этому и сведения Таргонского, чётко указавшего протяжённость уцелевшей грани — 5 аршинов (= 3,56 м), что, в свою очередь, позволяет относительно точно реконструировать остальные размеры здания, которое снаружи, вероятнее всего, всё-таки было шестиугольным: ширина — 7,11 м, длина — 6,22 м, диаметр внутреннего пространства — 3,00 м, толщина стен — 1,65—2,10 м.

По мнению В. Л. Мыца, постройка завершалась зубчатым парапетом на навесных кронштейнах с машикули, отчего якобы и получила у местного населения своё название — «Рогатая» [21] (Мыц 2002: 140). В определённой степени ей подобна Чоргунская башня, двенадцатигранная в плане с круглым внутренним пространством, которая обычно датируется XVI—XVII вв., хотя гипотетически предполагается её возведение в 40-е годы XV в., при участии венецианских фортификаторов (Мыц 2009: 199—207, рис. 95—100). Причём, привлекая данное сооружение в качестве аналогии, как типологически близкое, исследователь неожиданно называет Чатал-Куле восьмигранной, но вскоре, в этой же публикации, возвращается к общепринятой трактовке здания (Мыц 2009: 203, 290). Остальные, из числа известных, многоугольные башни средневекового Крыма представлены всего двумя разновременными постройками генуэзской Каффы XIV в., в основу планов которых положены правильные геометрические фигуры — гексагон и октагон (Бочаров 1998: 86, 89—91, рис. 2, 8).

На мой взгляд, самой близкой аналогией Чатал-Куле является шестигранная башня османской крепости Богаз-Кёсен (совр. Румели-Хисар), возведённой Мехмедом II на западном берегу пролива Босфор в 1452 г. (Рансимен 1983: 69; Żygulski 1988: 90—91, rys. 69—70). Во многом ей подобна ещё одна стамбульская постройка (рис. 58), которая также была угловой, вероятно, круглой внутри, без машикули и предназначалась для размещения артиллерийских орудий, однако несколько отличалась своим положением относительно ограды и характером примыкания к ней оборонительных стен.

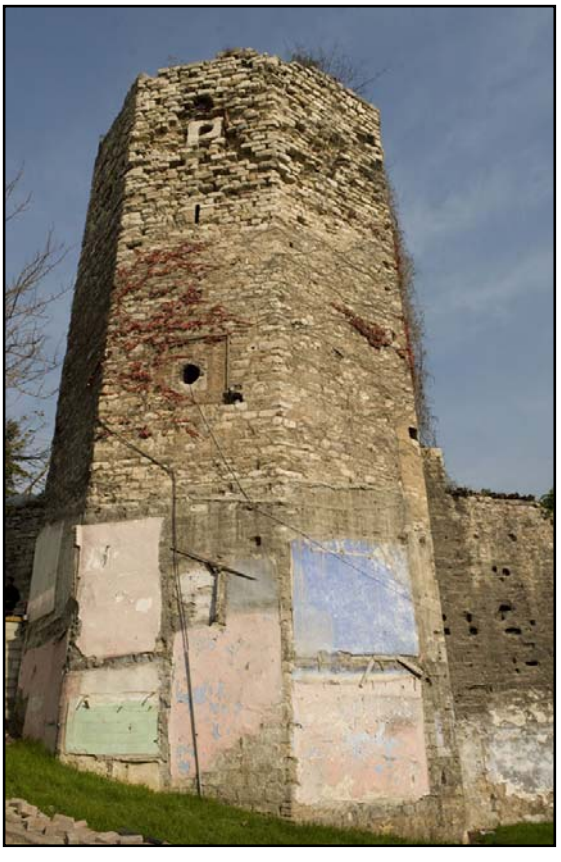

Рис. 58. Шестигранная башня в Стамбуле. 2009 г. Фото Дика Оссемана, http://www.pbase.com/dosseman/image/120772799.

Fig. 58. Hexagonal Tower in Istanbul. 2009. Photo by Dick Osseman, http://www.pbase.com/dosseman/image/120772799.

Крепостные стены. Ограда крепости с напольной стороны состояла из двух куртин, соединивших между собой башни.

Традиционно считается, что оборонительная стена между Чатал-Куле и Орта-Куле, остатки которой почти полностью перекрыты современной застройкой, имела прямолинейное начертание и именно так она обычно изображается на плане крепости (рис. 11). Её протяжённость — 80 м. Сооружение сохранилось плохо, раскопками исследовано частично (Мыц 1987: 17—18; Мыц и др. 1993а: 6, 29).

В настоящий момент известно всего два фрагмента данной куртины. Один из них находится на расстоянии 16,50 м от Чатал-Куле и представляет собой небольшой участок сильно повреждённого лицевого слоя кладки, обозначившего излом оборонительной линии

[21] Поскольку при этом остальные башни им же, как, впрочем, и другими исследователями, обычно и столь же априорно также реконструируются с машикули (Фирсов 1990: 71—72; Мыц 1991: 57; 2002: 166; Бочаров 2004: рис. 5, 6), данная версия представляется малоубедительной. Возможно, руины постройки образовывали большие вывалы кладки посередине стен и своей формой действительно напоминали рога, либо, вероятнее всего, подразумевались сведённые по отношению к ней под острым углом куртины, вдоль которых улица, что вела к башне, раздваивалась, образуя своеобразную рогатку — «чатал» (крымскотатарско-русский словарь даёт следующие варианты перевода слова — 1) рогатина, 2) развилина, разветвление). Следовательно, в основу названия положена исключительно топографическая особенность здания, что здесь, в свою очередь, применено также по отношению к остальным двум башням — Орта-Куле («Средней») и Ашага-Куле («Нижней»). Чатал-Куле, по сути, была «Угловой», а её тюркское имя вполне соотносимо с украинским прилагательным «нарíжна» (e. g. — будівля, що розташована на розі вулиць).

Рис. 59. Северо-западный участок куртины между Чатал-Куле и Орта-Куле. Вид с запада. 2006 г. Фото И.Б. Тесленко.

Fig. 59. North-western part of the curtain between Chatal-Kule and Orta-Kule. View from the west. 2006. Photo by I.B. Teslenko.

Рис. 60. Юго-восточный участок куртины между Чатал-Куле и Орта-Куле. Вид с юго-запада (по Мыц 1987: рис. 4).

Fig. 60. South-eastern part of the curtain between Chatal-Kule and Orta-Kule. View from the south-west (after Мыц 1987: рис. 4).

(рис. 59)[22]. Он образует в этом месте входящий угол около 167°, который позволил, изменив направление ограды, обеспечить точное соединение с башней (рис. 13).

Второй фрагмент куртины сохранился непосредственно у Орта-Куле, прослеживается на протяжении 19 м (рис. 52; 60). Стена примыкает к квадратной башне сбоку под углом 107° встык, причём, её кладка по отношению к тыльному фасаду выступает наружу на 0,30 м, образуя своего рода раскреповку (рис. 48). Толщина крепостной ограды — 1,62 м. Рядом с Орта-Куле перепад уровней дневной поверхности у внешней и внутренней сторон куртины составлял около 3 м.

Восточный участок новой напольной стены, соединивший квадратную и круглую башни, в плане немного выпуклый. Практически полностью повторяя конфигурацию предшествовавшего ему сооружения, он отличается от того, более упругим начертанием оборонительной линии, что, вероятнее всего, было обусловлено необходимостью подвести ограду к башням под углом, близким к прямому (рис. 13). Интервал составляет — 0,75—2,80 м. Протяжённость куртины — 70 м.

Крепостная стена примыкает к Орта-Куле сбоку, заподлицо с тыльной стороной здания (рис. 48; 61; 62). Угол между ними равен 100°. Кладки сооружений на месте стыка между собой не перевязаны.

Возведению крепостной ограды у квадратной башни, как, впрочем, и самого здания, предшествовали значительные по объёму земляные работы — почти вертикальная подрезка склона и выравнивание основания (Мыц и др. 1993а: 6, 27—29, 31—32; Мыц, Сёмин 1995: 2—3; Тесленко, Сёмин 1999: 7—8). Перепад уровней дневной поверхности с внешней и внутренней сторон куртины здесь составляет 2,45—2,85 м. Грунт на строительной площадке снят чётко по линии стены на всю толщину культурного слоя, с час-

[22] Остатки кладки оборонительной стены были случайно выявлены, а затем незамедлительно уничтожены при ремонте частного дома, выстроенного над ними. Сердечно благодарю коллегу А.В. Лысенко, обратившего моё внимание на данную находку, равно как за постоянную помощь в работе над монографией, в частности, содействие в поиске исторических изображений крепости и плодотворное обсуждение различного рода спорных вопросов по памятнику.

Рис. 61. Северо-западный конец куртины между Орта-Куле и Ашага-Куле. Примыкание стены к средней башне. Вид с севера (по Мыц, Сёмин 1995: рис. 16).

Fig. 61. North-western end of the curtain between Orta-Kule and Ashaga-Kule. Wall abutment to the middle tower. View from the north (after Мыц, Сёмин 1995: рис. 16).

тичным заглублением в материк. Местами в результате осыпания рыхлых отложений выемка имеет обрывистый край и немного скошенный борт. Основанием является делювий глинистых сланцев.

Стена возведена практически без фундаментов, поставлена непосредственно на выровненную поверхность материка, уклон которого составляет 30—35° (рис. 63; 64; 69). Кладка нижней части куртины двухслойная однолицевая. Там, где она не примыкала к борту вплотную, образовавшийся зазор заполнялся либо грунтом, либо (отмечено в одном месте, у башни) разномерным бутом с заливкой конструкции известковым раствором (рис. 48; 61).

На высоте 2,50—2,65 м от основания, на уровне дневной поверхности с тыльной стороны стены, характер кладки меняется (рис. 48; 61; 65—68). Она становится трёхслойной двухлицевой и приобретает толщину — 1,50—1,67 м. На этой же отметке появляется деревянный каркас в виде горизонтальной решётки (рис. 61; 62; 65). Он состоит из двух продольных поясов, из которых передний был полностью скрыт в кладке (по отношению к фасадной плоскости заглублён на 0,18 м), а задний, с тыльной стороны стены, расположен заподлицо с поверхностью куртины. Между собой те соединялись сверху, посредством врубки, поперечными перемычками с шагом 1,90 м (рис. 48; 65). Обвязка выполнена из бруса длиной свыше 3,5 м. Сечение деталей: поясов — 0,13×0,15 и 0,15 (0,18)×0,20 м, перемычек — 0,12×0,12 и 0,12×0,15 м.

Оборонительная стена сложена из крупного, почти не обработанного бута, преимущественно булыг, на известковом растворе с заполнением пустот мелким камнем. Её конструкция подобна кладке башен, но отличается определённой небрежностью выполнения в нижней части напольной стороны сооружения, где местами наблюдается неровная поверхность и уклон около 3—7° (рис. 63; 66).

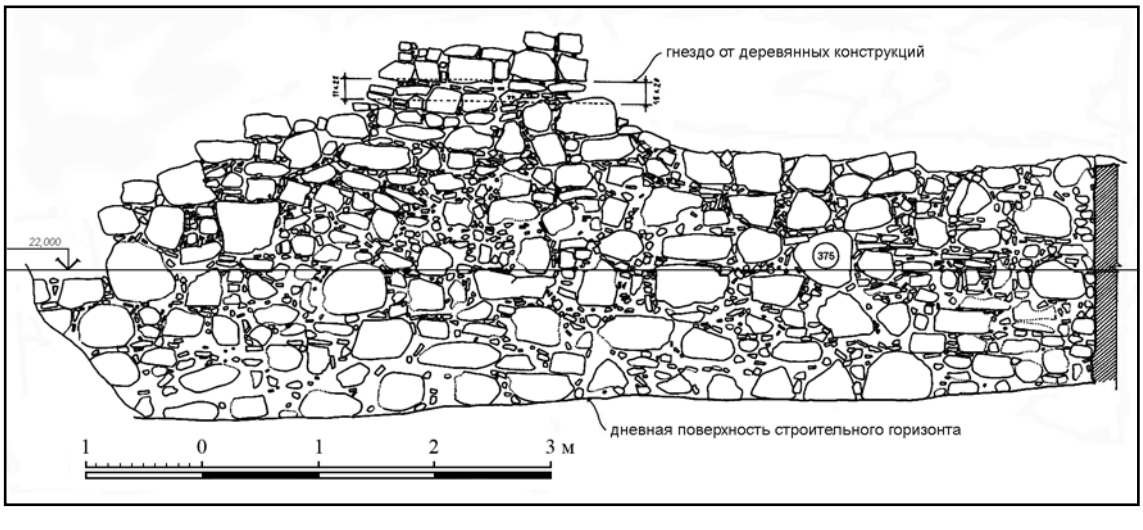

Рис. 62. Северо-западный конец куртины между Орта-Куле и Ашага-Куле. Вид спереди, с северо-востока (по Мыц, Сёмин 1995: рис. 3).

Fig. 62. North-western end of the curtain between Orta-Kule and Ashaga-Kule. Front view, from the north-east (after Мыц, Сёмин 1995: рис. 3).

Рис. 63. Северо-западный участок куртины между Орта-Куле и Ашага-Куле. Вид спереди, с юго-востока (по Тесленко, Сёмин 1999: рис. 9).

Fig. 63. North-western part of the curtain between Orta-Kule and Ashaga-Kule. Front view, from the south-east (after Тесленко, Сёмин 1999: рис. 9).

В качестве штучного кладочного материала при возведении крепостной ограды, видимо, использовались также сполии, которые, по аналогии с Орта-Куле, могли формировать угловые участки строения или обрамлять проёмы. По крайней мере, в слое разрушения куртины был найден «фрагмент изделия из травертина, имевшего форму параллелепипеда с прямоугольным углублением в одной из широких граней», с налипшим на поверхности сколов известковым раствором, предположительно интерпретированный исследователями как обломок верхней части надгробия (Тесленко, Сёмин 1999: 16).

По мнению исследователей, внешняя сторона крепостной ограды была тщательно оштукатурена (Тесленко, Сёмин 1999: 7—8), что маловероятно и, видимо, речь всё-таки должна идти о затирке швов и выравнивании поверхности кладки раствором.

Наряду с тем, что куртина примыкает к Орта-Куле без перевязки кладок, об их относительной разновременности не менее наглядно свидетельствует также заполнение пустот строительной траншеи стены в контактной зоне (на смежных участках), которое несколько отличается цветом и структурой от подобной засыпи башни. В первом случае применён рыхлый серый грунт с известковой крошкой и повышенным содержанием продуктов горения, во втором — серо-красноватый грунт с включением известковой крошки, мелких редких угольков, створок мидий.

Перепад уровней дневной поверхности с напольной и тыльной сторон переднего участка крепостной ограды максимальную величину имеет у Орта-Куле, но в южном направлении существенно уменьшается и местами, возможно, почти отсутствовал либо был незначительным (рис. 33).

Место соединения напольной куртины с Ашага-Куле в настоящее время застроено и недоступно для изучения. Визуально определяется лишь то, что она пристыкована к башне сбоку под прямым углом, непосредственно у замурованного с обеих сторон проёма первоначальных ворот (рис. 34).

Боковая куртина крепостной ограды, примыкавшая к Ашага-Куле с востока, пристроена без перевязки кладок не только к башне, но и к предшествовавшей ей оборонительной стене (рис. 34). Её толщина — 2,50 м. Сооружение сохранилось на высоту до 3,75 м. Характерной особенностью куртины является наличие водостока. Канал в сечении прямоугольный, находится на расстоянии 4 м от башни. Его размеры: высота — 0,15 м, ширина — 0,55 м, длина — 3,80 м. Сооружение устья водостока сопровождалось частичной разборкой и перекладкой ранней стены. Появление самого канала, вероятнее всего, было обусловлено утратой прежней возможности удаления ливневых потоков с городской территории через специальное отверстие в замурованном проёме ворот у башни, на что могли повлиять новые фортификационные строения напольной стороны крепости, равно как и изменение уклона дневной поверхности внутри в результате дальнейшего функционирования кладбища (Мыц и др. 1993а: 18, 19).

Достоверных сведений о второй, западной, боковой стене новой крепостной ограды на данном этапе исследований нет. Её могло и не быть, причём по разным причинам, а защитники довольствовались предыдущим сооружением — каменной куртиной с грунтовым заполнением пустот конструкции и деревянным каркасом.

Попытки выяснить первоначальные размеры фортификационных сооружений внешней

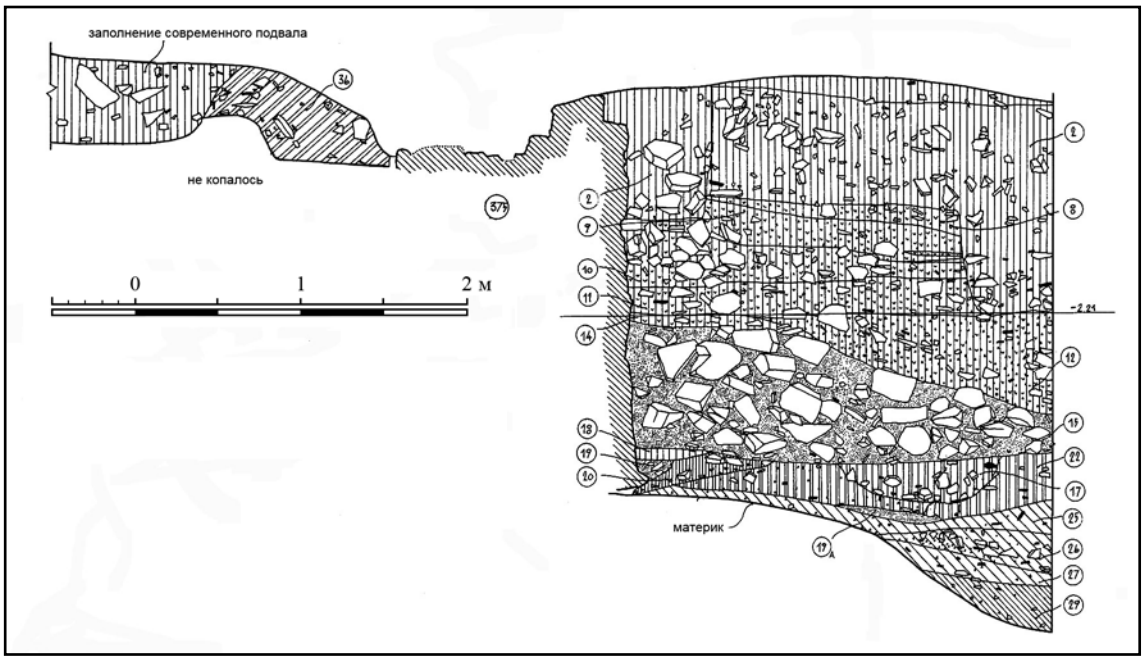

Рис. 64. Северо-западный участок куртины между Орта-Куле и Ашага-Куле. Стратиграфический разрез, вид с юго-востока (по Тесленко, Сёмин 1999: рис. 22).

Fig. 64. North-western part of the curtain between Orta-Kule and Ashaga-Kule. Stratigraphic section, view from the south-east (after Тесленко, Сёмин 1999: рис. 22).

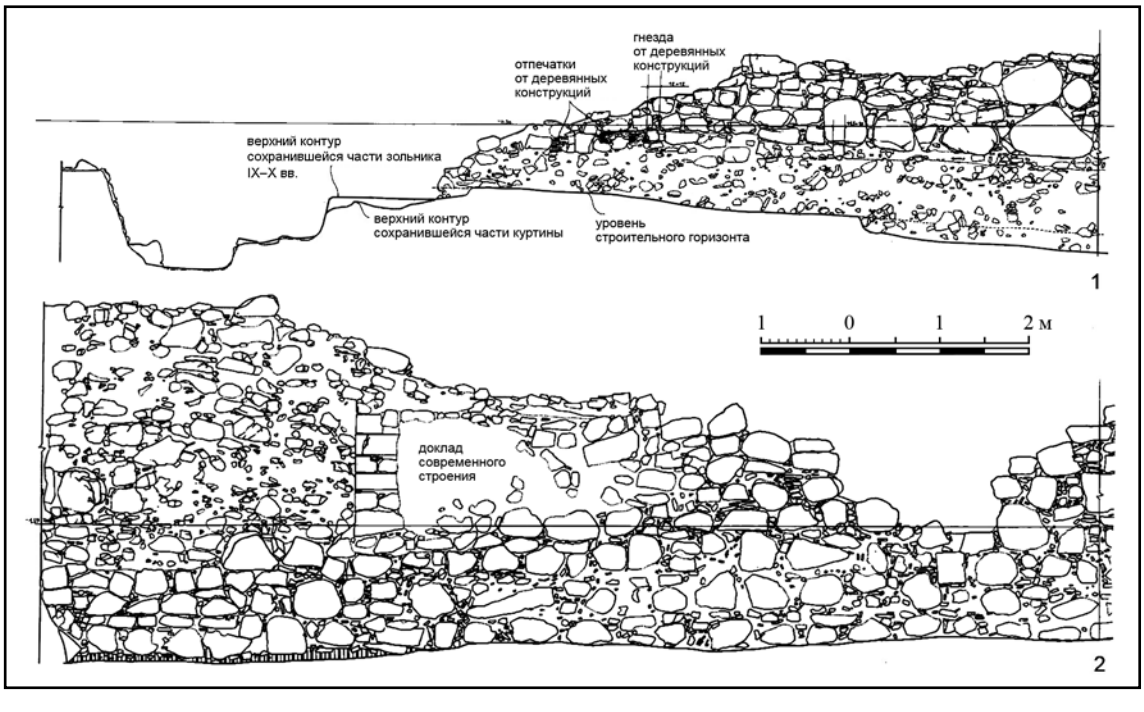

Рис. 65. Северо-западный участок куртины между Орта-Куле и Ашага-Куле: 1 — вид сзади, с юго-запада; 2 — вид спереди, с северо-востока (по Тесленко, Сёмин 1999: рис. 10).

Fig. 65. North-western part of the curtain between Orta-Kule and Ashaga-Kule: 1 — rear view, from the south-west; 2 — front view, from the north-east (after Тесленко, Сёмин 1999: рис. 10).

линии обороны исследователями предпринимались неоднократно. Согласно выводам А.А. Артёмова, высота стен была более 8 м (Артемов 1985: 273). Судя по остаткам южной куртины, Л.В. Фирсов считал, что «оборонительные стены крепости возвышались над основанием на 8—10 м (Фирсов 1990: 70). По мнению В.Л. Мыца, их высота возле ква-

Рис. 66. Северо-западный участок куртины между Орта-Куле и Ашага-Куле. Вид спереди, с северо-запада (по Тесленко, Сёмин 1999: рис. 8).

Fig. 66. North-western part of the curtain between Orta-Kule and Ashaga-Kule. Front view, from the north-west (after Тесленко, Сёмин 1999: рис. 8).

Рис. 67. Северо-западный участок куртины между Орта-Куле и Ашага-Куле. Вид сзади, с северо-запада (по Тесленко, Сёмин 1999: рис. 7).

Fig. 67. North-western part of the curtain between Orta-Kule and Ashaga-Kule. Rear view, from the north-west (after Тесленко, Сёмин 1999: рис. 7).

дратной башни составляла примерно 11,5 м, а уровень боевого хода совпадал с её вторым этажом и находился в 9,5 м от дневной поверхности (Мыц 2002: 147).

Крепостные стены передней линии обороны поддаются вполне достоверной реконструкции. Исходя из функциональной целесообразности и общепринятой практики, боевой ход ограды и пол второго этажа Орта-Куле, вероятнее всего, действительно должны были находиться на одном уровне. Следовательно, высота обороны куртин непосредственно у башни составляла около 5,70 м. При условии, что парапет и мерлоны были стандартными (Кирилко 2005: 110—111), стены в этой части крепости снаружи возвышались на 7,5—8,0 м, но на остальных местах, по мере удаления, в зависимости от рельефа могли иметь иные параметры.

Крепостные ворота. Вскоре после возведения круглой башни первоначальный вход в крепость генуэзского времени был упразднён и заложен с обеих сторон, в результате чего воротное полотно оказалось полностью замурованным внутри кладки (рис. 34). При этом в нижней части конструкции предусмотрено сквозное прямоугольное отверстие, позволявшее удалять ливневые потоки с городской территории (рис. 39). Размеры канала: высота — 0,15 м, ширина — 0,22 м, длина — 1,05 м. Перепад уровней порога и водостока составляет 0,15 м.

С полным обновлением напольной линии обороны, безусловно, возникла потребность и в новом въезде на укреплённую территорию. Несмотря на относительно неплохую изученность памятника, крепостные ворота последнего строительного периода ни историографическими изысканиями, ни раскопками до сих пор не выявлены. По мнению Л.В. Фирсова, они, видимо, находились возле шестиугольной башни и «о них можно судить по старой дороге, которая сейчас представляет собой одну из кривых улочек Алушты» (Фирсов 1990: 70). Однако археологические исследования убедительно показали, что со-

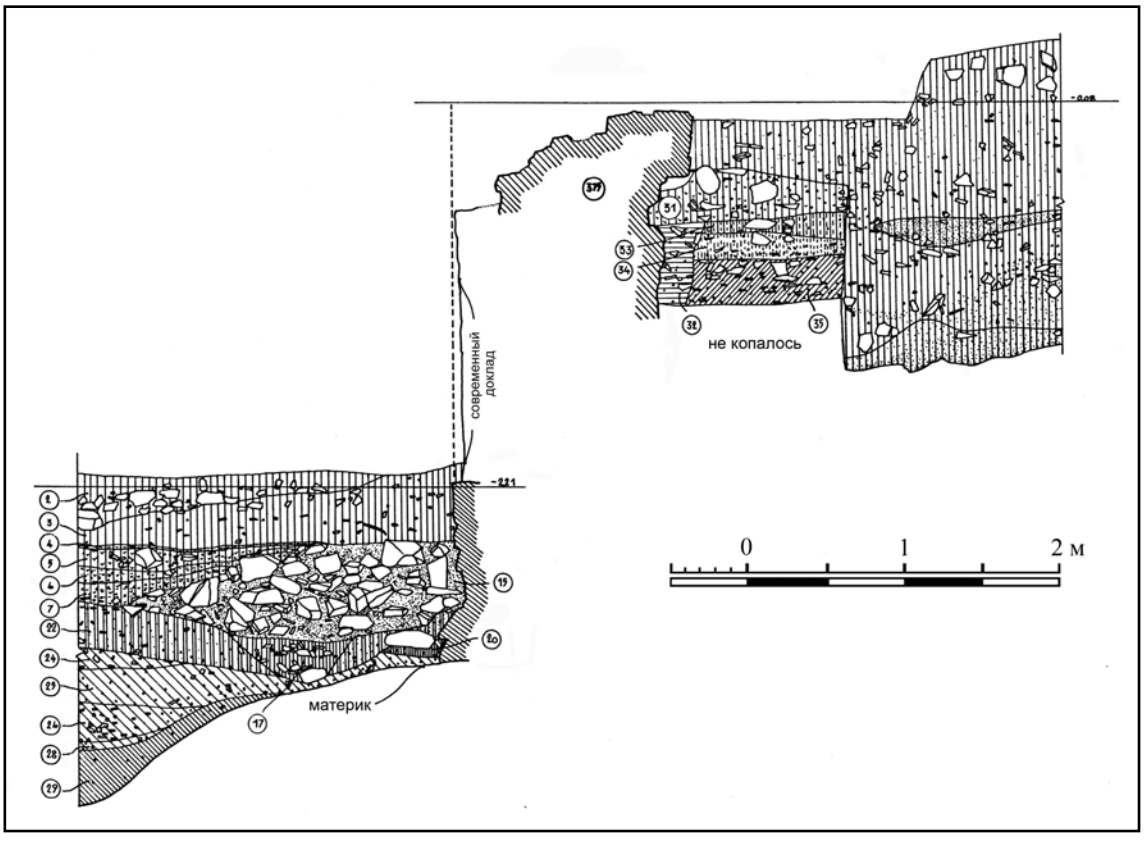

Рис. 68. Северо-западный участок куртины между Орта-Куле и Ашага-Куле. Стратиграфический разрез у первоначальной потерны, вид с северо-запада (по Тесленко, Сёмин 1999: рис. 20).

Fig. 68. North-western part of the curtain between Orta-Kule and Ashaga-Kule. Stratigraphic section at the initial postern, view from the north-west (after Тесленко, Сёмин 1999: рис. 20).

временная и средневековая планировки города между собой не совпадают (Мыц 1986: 25—26). Несмотря на это, автор раскопок также склонен считать, что, вероятнее всего, крепостные ворота располагались у Чатал-Куле, с юго-восточной стороны башни, поскольку те на исследованных вблизи Орта-Куле участках ограды не обнаружены (Мыц 2002: 162). На мой взгляд, помимо топографии памятника данному выводу, прежде всего, противоречит размещение единственной бойницы наземного яруса средней башни, контролировавшей совершенно иное направление, надо полагать, более уязвимое в обороне укрепления.

При полном отсутствии достоверных сведений о точном местонахождении новых крепостных ворот для локализации сооружения первостепенное значение, действительно, приобретает архитектоника Орта-Куле — мощной башни с прямоугольными в плане внутренними и внешними очертаниями, занимавшей ключевое положение в оборонительной структуре города. Характерной особенностью данного строения является то, что наземный этаж имел всего одну боевую позицию, которая располагалась сбоку и была ориентирована в сторону дороги, надёжно защищая подъезд и напольную территорию на ближних подступах к укреплению.

Перепад уровней дневной поверхности снаружи и внутри ограды, который максимальное значение имеет у средней башни, по направлению к Ашага-Куле существенно уменьшается и местами почти отсутствовал, и здесь, на недоступном пока для изучения участке крепостного полигона, вполне могли находиться городские ворота (рис. 13).

Косвенным подтверждением данного предположения является отмеченное раскопками благоустройство территории, непосредственно примыкающей к ограде снаружи между квадратной и круглой башнями. Вопреки тому, что существенный уклон основания перед куртиной сам по себе являлся естественным препятствием для неприятеля и ощутимо затруднял подступы к крепости, дневная поверхность строительного горизонта здесь, тем не менее, после возведения оборонительной стены тщательно выровнена посредством

Рис. 69. Благоустройство напольной территории у северо-западного участка куртины между Орта-Куле и Ашага-Куле. Вид с северо-запада, сверху (по Тесленко, Сёмин 1999: рис. 14).

Fig. 69. Development of the field-side territory at the north-western part of the curtain between Orta-Kule and Ashaga-Kule. Top view from the north-west (after Тесленко, Сёмин 1999: рис. 14).

мощной грунтовой насыпи (рис. 64; 68)[23], как считают исследователи, «с целью организации проезда» (Тесленко, Сёмин 1999: 65).

Достаточно любопытным выглядит одно из сооружений данной площадки, выявленное раскопками в непосредственной близости от крепостной ограды (рис. 64; 68; 69). Оно представляет собой траншею, расположенную вдоль куртины с напольной стороны, и интерпретировано исследователями как водосливная канава. Размеры выемки: ширина — 0,85—1,00 м, максимальная глубина — 0,25 м, уклон дна — около 3° в южном направлении, расстояние до стены — 0,50—1,40 м. На момент разрушения куртины траншея почти полностью была заполнена плотным коричневым грунтом со значительным количеством гальки, разномерным бутом, разрозненными фрагментами керамики VIII—XV вв., костями животных и угольками, отмечены редкие включения деструктированного известкового раствора (Тесленко, Сёмин: 17—18, рис. 11).

На мой взгляд, назначение выемки определяют функциональная целесообразность, чётко выраженное понижение уровня дна по направлению к укреплению, и, главным образом, отсутствие на её поверхности иловых седиментов в виде дисперсных отложений грунта и промоин, характерных для ливневых водостоков. Данное сооружение, вероятнее всего, предназначалось под керамический водопровод, так и не проложенный или впоследствии полностью демонтированный. Причём, судя по конфигурации жёлоба и его наметившемуся смещению к ограде (Тесленко, Сёмин 1999: рис. 11), есть основание предполагать неподалёку местонахождение собственно крепостных ворот, проёмы которых обычно использовались для прокладки инженерных коммуникаций.

Наряду с весьма показательной ориентацией единственной боевой позиции наземного этажа башни Орта-Куле, контролировавшей подходы к указанной зоне, ещё одним, также косвенным, свидетельством данной локализации является расположение этого участка практически напротив входа в цитадель, на одной оси с улицей между кварталами (рис. 13).

В свою очередь, предполагаемое размещение здесь крепостных ворот могло обусловить частичную разборку до основания предыдущей оборонительной стены (рис. 13; 32), что эффективно позволяло использовать возникший пролом для внутреннего въезда на территорию крепости, а промежуток между куртинами в качестве своеобразного захаба. Подобное отношение к более ранним сооружениям, сопровождавшееся небрежной ломкой приспосабливаемых кладок, в фортификации средневекового Крыма не является чем-то исключительным, что подтверждается двумя яркими примерами генуэзского Чембало, также датированными 60-ми годами XV в. В одном случае, чтобы обеспечить доступ к пушечной амбразуре в новом барбакане башни у крепостных ворот, строители совершенно бесцеремонно, явно не задумываясь о внешнем виде здания, пробили обычную дыру в первоначальной стене, препятствовавшей использованию артиллерийской позиции (Адаксина, Кирилко, Мыц 2005: 31, рис. 33; 69). Столь же прагматично завершилась и реконструкция барбакана башни Барнабо

[23] Чтобы удержать подобную насыпь, необходима основательная подпорная стена, если, конечно, резко скошенная поверхность материка не принадлежала внутреннему борту раннегенуэзского рва, впоследствии заполненного грунтом.

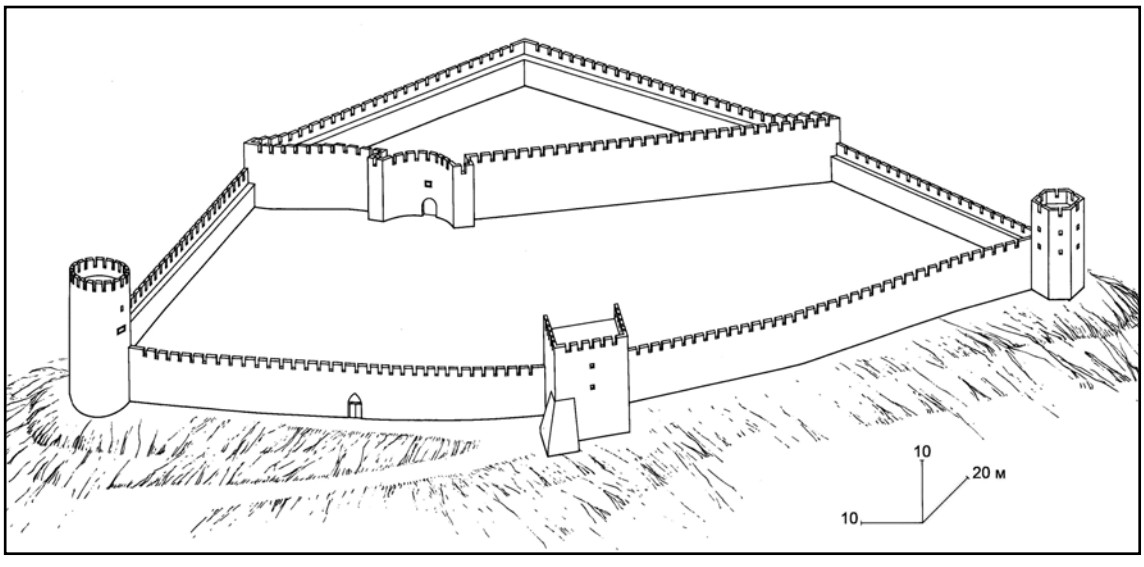

Рис. 70. Крепостной ансамбль средневековой Алушты. Реконструкция. Вид с северо-востока. Чертёж автора.

Fig. 70. Fortress complex of the Medieval Alushta. Reconstruction. View from the north-east. Drawing by the author.

Грилло, после которой внутри двора остались возвышаться живописные руины предыдущей, полностью упразднённой, крепостной ограды (Адаксина, Кирилко, Мыц 2004: 40—42, рис. 5, 10, 39—42; 2005: 31, рис. 5, 8, 11).

Результаты исследований дают основание считать, что в настоящий момент о местонахождении и внешнем виде крепостных ворот генуэзской Лусты можно судить главным образом предположительно, основываясь на косвенных признаках, частично сохранившихся формах отдельных, соотносимых с ними, объектов и более или менее близких аналогиях. Учитывая же существенную фрагментарность выявленных раскопками сооружений, полученные выводы являются предварительными и, безусловно, в дальнейшем, при обнаружении новых артефактов, подлежат корректировке.

Заключение

Оценка уровня современных знаний о последних крепостных воротах, в сущности, ключевом объекте в системе обороны города, весьма показательна и сопоставима с общим состоянием исследованности всего памятника. Подводя итоги изучению фортификационного ансамбля средневековой Алушты, с сожалением и огорчением приходится констатировать наличие ощутимых лакун в материалах раскопок и утрату существенной части научной информации в результате беспорядочной хозяйственной деятельности, непосредственно связанных с нынешним освоением территории памятника новыми владельцами, а по сути, очередным захватом крепости, что придаёт данной работе не только актуальность, но обуславливает определённую фрагментарность содержания, априорность отдельных выводов и очевидную незавершённость всего труда. Впрочем, ситуация не безнадёжна и дальнейшие, целенаправленные, археологические раскопки способны её исправить, позволив получить недостающие сведения о памятнике.

На данном этапе исследований о внешнем виде оборонительных сооружений средневековой Алушты удаётся судить лишь предположительно (рис. 70). Однако вполне уверенно можно утверждать, что усилиями нескольких поколений строителей, использовавших классические формы и устоявшиеся фортификационные приёмы, был создан неповторимый крепостной ансамбль. Он соединил в себе как основные, для каждого владельца крепости, достижения собственного оборонного зодчества, истоки которого обычно находились далеко, так и, нередко, местные традиции и наиболее успешные наработки, располагавшегося по соседству, противника.

Не менее насыщенным историческими перипетиями и превратностями, отразившимися на архитектурном облике крепости, является её существование. Начало ему, созданием на крымском побережье важного форпоста могущественной державы, было положено императором Юстинианом I. Спустя века это укрепление, неоднократно сменившее правителей, будучи давно потерянным для Византии, вновь, но уже в качестве военного

трофея османского султана Мехмеда II, вернулось под власть Константинополя, словно для того, чтобы окончательно, вместе с прошлым, утратить своё предназначение и превратиться в захолустное местечко с живописными руинами башен и стен, как напоминание о былой мощи.

В завершение о главном по теме, без привязки к личностям и реалиям. Наглядный пример общности судеб победителей и побеждённых нередко демонстрирует, получив воплощение в конкретных памятниках, сама жизнь, когда блистательный полководец, добившись успеха в, казалось бы, решающем сражении, взамен теряет практически всё, что прежде было значимым — соратников, завоевания и славу, а, пожалуй, и то, ради чего, собственно, затевался великий поход.

Литература

Адаксина С.Б. 1993. Исследования крепости Алустон в 1992 году. *Отчётная археологическая сессия. Май 1993 г.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 19—20.

Адаксина и др. 1994: Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Лысенко А.В., Мыц В.Л., Татарцев С.В., Тесленко И.Б., Сёмин С.В. 1994. Исследования крепости Алустон. В: Кутайсов В.А. (отв. ред.). *Археологические исследования в Крыму. 1993 год.* Симферополь: Таврия, 10—15.

Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. 2004. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 г.* Санкт-Петербург; Симферополь: Государственный Эрмитаж.

Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. 2005. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 году.* Санкт-Петербург; Симферополь: Государственный Эрмитаж.

Артеменко А.А. 1985. Крымская область. В: Игнаткин И.А. (отв. ред.). *Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Иллюстрированный справочник-каталог* 2. Киев: Будівельник, 260—333.

Бочаров С.Г. 1998. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII — вторая половина XV вв.). В: Карпов С.П. (ред.). *Причерноморье в средние века* 3. Санкт-Петербург: Алетейя, 82—116.

Бочаров С.Г. 2004. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV—XV вв. Южный берег Крыма. В: Мыц В.Л. (гл. ред.). *«О древностях Южного берега и гор Таврических».* Киев: Стилос, 186—204.

Веймарн Е.В. 1957. *Дневник археологических работ Бахчисарайского горного отряда Тавро-Скифской экспедиции ИИМК АН СССР и ГМИИ им. Пушкина. 1947 г.* Архив КФ ИА НАНУ. № А.1/3.

Гаркави А.Я. 1891. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе. *Труды IV археологического съезда в России* 2. Казань, 241—256.

Домбровский О.И. 1974. Средневековые поселения и «Исары» Крымского Южнобережья. В: Бибиков С.Н. (отв. ред.). *Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма.* Киев: Наукова думка, 5—56.

Дюбуа де Монпере Ф. 2009. *Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым.* Т. 5, 6. Перев., предисл. и примеч. Т.М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ.

Иванов А.В. 2001. Навигационно-археологическое обозрение побережья Юго-Западного Крыма от мыса Херсонес до мыса Сарыч. В: Паршина О.О. (ред.). *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї.* Київ: Стилос, 221—234.

Кёппен П.И. 1837. *Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических.* Санкт-Петербург: Императорская Академия наук.

Кирилко В.П. 2004. Демерджинское укрепление. В: Мыц В.Л. (гл. ред.). *«О древностях Южного берега и гор Таврических».* Киев: Стилос, 65—71.

Кирилко В.П. 2005. *Крепостной ансамбль Фуны (1423—1475 гг.).* Киев: Стилос.

Когонашвили К.К., Махнева О.А. 1971. *Алустон и Фуна.* Симферополь: Крым.

Коковцев П.К. 1932. *Еврейско-хазарская переписка в X в.* Ленинград: АН СССР.

Крамаровский М.Г. 2003. Джучиды и Крым: XIII—XV вв. В: Айбабин А.И., Зинько В.Н. (ред.-сост.). *МАИЭТ* X. Симферополь: Таврия, 506—532.

Крамаровский М.Г. 2009. Крым в системе административного устройства Золотой Орды. В: Усманов М. (науч. ред.). *История татар с древнейших времен в семи томах.* Т. III. *Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в.* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 436—448.

Крикун Е.В. 1977. *Архитектурные памятники Крыма.* Симферополь: Таврия.

Лопушинская Е.И. 1991. *Крепость в Судаке.* Киев: Будівельник.

Мальгина М.Р. 2006. *Виды Крыма первой половины XIX века. Каталог литографий из собрания Крымского республиканского краеведческого музея.* Симферополь: Сонат.

Мыц В.Л. 1985. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1984 году.* Архив КФ ИА НАНУ. № 232.

Мыц В.Л. 1986. *Отчет об археологических исследованиях средневековых укреплений Алустон и Фуна в 1985 году.* Архив КФ ИА НАНУ. № 235.

Мыц В.Л. 1987. *Отчет об археологических исследованиях укреплений Алустон и Фуна в 1986 году.* Архив КФ ИА НАНУ. № 236.

Мыц В.Л. 1988. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1987 году.* Архив ИА НАНУ. №1987/27.

Мыц В.Л. 1989а. Основные этапы развития средневековой Алушты. В: Толочко П.П. (відп. ред.). *Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР.* Київ: Наукова думка, 151—152.

Мыц В.Л. 1989б. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1988 году.* Архив КФ ИА НАНУ. № 1404.

Мыц В.Л. 1991. *Укрепления Таврики X—XV вв.* Киев: Наукова думка.

Мыц В.Л. 1997. Ранний этап строительства крепости Алустон. *ВВ* 57 (82). Москва: Индрик, 187—203.

Мыц В.Л. 2002. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50—70-е гг. XV в. В: Рудницкая В.Г., Теслен-

ко И.Б. (сост.). *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней.* Киев: Стилос, 139—189.

Мыц В.Л., Адаксина С.Б. 1992. *Отчет об археологических исследованиях на крепости Алустон в 1991 году.* Архив ИА НАНУ. №1991/11.

Мыц В.Л., Адаксина С.Б., Кирилко В.П. 1993. *Отчет о раскопках средневековой крепости Алустон в 1992 г.* Архив КФ ИА НАНУ. №296.

Мыц и др. 1993а: Мыц В.Л., Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Лысенко А.В., Сёмин С.В., Тесленко И.Б. 1993. *Отчёт о раскопках средневековой крепости Алустон в 1993 г.* Архив КФ ИА НАНУ. № 793.

Мыц и др. 1993б: Мыц В.Л., Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Лысенко А.В., Сёмин С.В., Тесленко И.Б. 1993. *Отчёт о раскопках средневековой крепости Алустон в 1993 г. Полевые материалы.* Архив КФ ИА НАНУ. № 1458.

Мыц и др. 1997: Мыц В.Л., Лысенко А.В., Сёмин С.В., Тесленко И.Б. 1997. Исследования крепости Алустон. В: Кутайсов В.А. (отв. ред.). *Археологические исследования в Крыму. 1994 год.* Симферополь: Сонат, 205—210.

Мыц В.Л., Сёмин С.В. 1995. *Отчет об архитектурно-археологических предреставрационных исследованиях средневекового укрепления Алустон в 1994 году (участок башни Орта-Куле).* Архив КФ ИА НАНУ. № 346.

О сохранении 1872: О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных. 1872. *ЗООИД* VIII, 363—403.

Паллас П.С. 1999. *Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах.* Москва: Наука.

Пейзажи 2003: *Пейзажи и достопримечательности Крыма в рисунках Карло Боссоли.* 2003. Сост. Е.Б. Вишневская. Киев: Мистецтво.

Полун С.С. 1981. *Феодосійська картинна галерея ім. І.К. Айвазовського.* Київ: Мистецтво.

Прокопий Кесарийский. 1939. О постройках. Пер. с греч. С.П. Кондратьева. *ВДИ* (4), 203—298.

Протоколы 1899: Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. *ИТУАК* 30, 108—118.

Путешествие 1881: Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 гг. *ЗООИД* XII, 62—208.

Рансимен С. 1983. *Падение Константинополя в 1453 г.* Москва: Наука.

Сидоренко В.А. 1981. *Отчет о предварительном исследовании архитектурно-археологического памятника средневековой крепости Алустон.* Архив КФ ИА НАНУ. № 1007.

Сидоренко В.А. 1982. *Отчет об археологических исследованиях Алуштинской крепости в 1981 г.* Архив ИА НАНУ: Крым, 1981/3ж.

Струков Д.М. 1872. *Отчёт о поездке в Крым в 1871 г.* Архив ИИМК РАН. Ф. 1. № 35.

Тесленко И.Б. 2005а. Производство поливной керамики в крепости Алустон (Крым). В: Бочаров С.Г., Мыц В.Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* Киев: Стилос, 324—348.

Тесленко И.Б. 2005б. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии). В: Бочаров С.Г., Мыц В.Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* Киев: Стилос, 385—410.

Тесленко И.Б., Сёмин С.В. 1999. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1998 году.* Архив КФ ИА НАНУ. № 851.

Тункина И.В. 2002. *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.).* Санкт-Петербург: Наука.

Фирсов Л.В. 1990. *Исары: Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма.* Новосибирск: Наука, Сибирское отделение.

Băjenaru C. 2010. *Minor fortifications in the Balkan-danubian area from Diocletian to Justinian.* Cluj-Napoca: Editura Mega.

Salch C.-L. 1978. *L'Atlas des villes et villages fortifiés en France (Moyen Age).* Strasbourg: Editions Publitotal.

Żygulski Z. 1988. *Sztuka turecka.* Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

References

Adaksina, S.B. 1993. In *Otchetnaia arkheologicheskaia sessiia. Mai 1993 g. (Reporting Archaeological Session. May 1993).* Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 19—20 (in Russian).

Adaksina, S.B., Kirilko, V.P., Lysenko, A.V., Myts, V.L., Tatartsev, S.V., Teslenko I.B., Semin S.V. 1994. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu 1993 god. (Archaeological Research in the Crimea in 1993).* Simferopol: "Tavria" Publ., 10—15 (in Russian).

Adaksina, S.B., Kirilko, V.P., Myts, V.L. 2004. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2003 g. (Report on Archaeological Investigations of the Medieval Fortress of Cembalo (Balaklava) in 2003).* Saint Petersburg; Simferopol: State Hermitage Museum (in Russian).

Adaksina, S.B., Kirilko, V.P., Myts, V.L. 2005. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2004 godu (Report on Archaeological Investigations of the Medieval Fortress of Cembalo (Balaklava) in 2004).* Saint Petersburg; Simferopol: State Hermitage Museum (in Russian).

Artemenko, A.A. 1985. In *Pamiatniki gradostroitel'stva i arkhitektury Ukrainskoi SSR. Illiustrirovannyi spravochnik-katalog (Monuments of Urban Construction and Architecture in the Ukrainian SSR. Illustrated Reference Book — Catalogue)* 2. Kiev: "Budivelnyk" Publ., 260—333 (in Russian).

Bocharov, S.G. 1998. In *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* 3. Saint Petersburg: "Aleteia" Publ., 82—116 (in Russian).

Bocharov, S.G. 2004. In *«O drevnostiakh Iuzhnogo berega i gor Tavricheskikh» ("On the Antiquities of the Southern Shore of Crimea and Mountains of Taurica").* Kiev: "Stilos" Publ., 186—204 (in Russian).

Veimarn, E.V. 1957. *Dnevnik arkheologicheskikh rabot Bakhchisaraiskogo gornogo otriada Tavro-Skifskoi ekspeditsii IIMK AN SSSR i GMII im. Pushkina. 1947 g. (Journal of Archaeological Activities by the Bakhchisaray Mountain Team of the Tauro-Scythian Expedition of the USSR Academy of Sciences Institute of History of Material Culture and Pushkin State Museum of Art History. 1947).* Archive of Crimean Branch of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no.A.1/3 (in Russian).

Garkavi, A. Ia. 1891. In *Trudy IV arkheologicheskogo s"ezda v Rossii (Proceedings of the 4th Archaeological Meeting in Russia)* 2. Kazan, 241—256 (in Russian).

Dombrovskii, O.I. 1974. In *Feodal'naia Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma (Feudal Taurica. Proceedings on History and Archaeology of Crimea).* Kiev: "Naukova dumka" Publ., 5—56 (in Russian).

Dubois de Montpéreux, F. 2009. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiu, Armeniiu i v Krym (Voyage*

References

across the Caucasus, to the Circassians and Abkhazians, in Georgia, Armenia and Crimea). Vol. 5, 6. Simferopol: "Biznes-Inform" Publ. (in Russian).

Ivanov, A.V. 2001. In *Mors'ka torhivlya v Pivnichnomu Prychornomor'ï (Sea Trade in Northern Black Sea Region).* Kiev: "Stilos" Publ., 221—234 (in Russian).

Köppen, P.I. 1837. *Krymskii sbornik. O drevnostiakh iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh (Crimea Collected Works. On the Antiquities of the Southern Shore of Crimea and Tauric Mountains).* Saint Petersburg: Typography of Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Kirilko, V.P. 2004. In *«O drevnostiakh Iuzhnogo berega i gor Tavricheskikh» ("On the Antiquities of the Southern Shore of Crimea and Mountains of Taurica").* Kiev: "Stilos" Publ., 65—71 (in Russian).

Kirilko, V.P. 2005. *Krepostnoi ansambl' Funy 1423—1475 gg. (Fortress Ensemble of Funa in 1423—1475).* Kiev: "Stilos" Publ. (in Russian).

Kogonashvili, K.K., Makhneva, O.A. 1971. *Aluston i Funa (Aluston and Funa).* Simferopol: "Krym" Publ..

Kokovtsev, P.K. 1932. *Evreisko-khazarskaia perepiska v X v. (Jewish — Khazar Correspondence in 10th c.).* Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kramarovskii, M.G. 2003. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Proceedings on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* Kh. Simferopol: "Tavriia" Publ., 506—532 (in Russian).

Kramarovskii, M.G. 2009. In *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (History of the Tartars from the Earliest Days, in Seven Volumes).* Vol. III. *Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v. (Jochid Ulus (Golden Horde). 13th — middle 15th cc.).* Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 436—448 (in Russian).

Krikun, E.V. 1977. *Arkhitekturnye pamiatniki Kryma (Architectural Monuments of Crimea).* Simferopol: "Tavriia" Publ. (in Russian).

Lopushinskaia, E.I. 1991. *Krepost' v Sudake (The Fortress in Sudak).* Kiev: "Budivelnyk" Publ. (in Russian).

Mal'gina, M.R. 2006. *Vidy Kryma pervoi poloviny XIX veka: Katalog litografii iz sobraniia Krymskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeia (Images of Crimea of the First Half of 19th Century: Catalogue of Lithographs from the Collection of Crimean Republican Regional Museum).* Simferopol: "Sonat" Publ. (in Russian).

Myts, V.L. 1985. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh srednevekovoi kreposti Aluston v 1984 g. (Report on Archaeological Investigations on the Medieval Fortress of Aluston in 1984).* Archive of Crimean Branch of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. no. 232 (in Russian).

Myts, V.L. 1986. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh srednevekovykh ukreplenii Aluston i Funa v 1985 godu. (Report on Archaeological Investigations of the Medieval Fortifications Aluston and Funa in 1985).* Archive of Crimean Branch of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no. 235 (in Russian).

Myts, V.L. 1987. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh ukreplenii Aluston i Funa v 1986 godu (Report on Archaeological Research of Fortifications Aluston and Funa in 1986).* Archive of Crimean Branch of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no. 236 (in Russian).

Myts, V.L. 1988. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh srednevekovoi kreposti Aluston v 1987 g. (Report on Archaeological Investigations on the Medieval Fortress of Aluston in 1987).* Archive of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no. 1987/27 (in Russian).

Myts, V.L. 1989. In *Problemi istoriï ta arkheologiï davn'ogo naselennia Ukraïns'koï RSR (Issues of History and Archaeology of the Ancient Population of the Ukrainian SSR).* Kiev: "Naukova dumka" Publ., 151—152 (in Russian).

Myts, V.L. 1989. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh srednevekovoi kreposti Aluston v 1988 g. (Report on Archaeological Investigations on the Medieval Fortress of Aluston in 1988).* Archive of Crimean Branch of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no.1404 (in Russian).

Myts, V.L. 1991. *Ukrepleniia Tavriki X—XV vv. (Fortifications of Taurica in the 10th—15th Centuries).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Myts, V.L. 1997. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 57 (82). Moscow: "Indrik" Publ., 187—203 (in Russian).

Myts, V.L. 2002. In *Alushta i Alushtinskii region s drevneishikh vremen do nashikh dnei (Alushta and Alushta Region from the Most Ancient Times to Present).* Kiev: "Stilos" Publ., 139—189 (in Russian).

Myts, V.L., Adaksina, S.B. 1992. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh na kreposti Aluston v 1991 godu (Report on Archaeological Investigations on the Medieval Fortress of Aluston in 1991).* Archive of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no. 1991/11 (in Russian).

Myts, V.L., Adaksina, S.B., Kirilko, V.P. 1993. *Otchet o raskopkakh srednevekovoi kreposti Aluston v 1992 g. (Report on Archaeological Investigations on the Medieval Fortress of Aluston in 1992).* Archive of Crimean Branch of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no. 296 (in Russian).

Myts, V.L., Adaksina, S.B., Kirilko, V.P., Lysenko, A.V., Semin, S.V., Teslenko, I.B. 1993. *Otchet o raskopkakh srednevekovoi kreposti Aluston v 1993 g. (Report on Archaeological Investigations on the Medieval Fortress of Aluston in 1993).* Archive of Crimean Branch of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no. 793 (in Russian).

Myts, V.L., Adaksina, S.B., Kirilko, V.P., Lysenko, A.V., Semin, S.V., Teslenko, I.B. 1993. *Otchet o raskopkakh srednevekovoi kreposti Aluston v 1993 g. Polevye materialy (Report on Archaeological Investigations on the Medieval Fortress of Aluston in 1992. Field Materials).* Archive of Crimean Branch of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no. 1458 (in Russian).

Myts, V.L., Lysenko, A.V., Semin, S.V., Teslenko, I.B. 1997. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1994 god (Archaeological Research in the Crimea in 1994).* Simferopol: "Sonat" Publ., 205—210 (in Russian).

Myts, V.L., Semin, S.V. 1995. *Otchet ob arkhitekturno-arkheologicheskikh predrestavratsionnykh issledovaniiakh srednevekovogo ukrepleniia Aluston v 1994 godu (uchastok bashni Orta-Kule) (Report on Architectural and Archaeological Pre-Restoration Research on the Medieval Fortress of Aluston in 1994 (in the part of Orta-Kule Tower)).* Archive of Crimean Branch of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no. 346 (in Russian).

O sokhranenii i vozobnovlenii v Krymu pamiatnikov drevnosti, i ob izdanii opisaniia i risunkov onykh (On Preservation and Rehabilitation of Antiquities in the Crimea, and on Publication of Their Descriptions and Drawings). 1872. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* VIII, 363—403 (in Russian).

Pallas, P.S. 1999. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793—1794 godakh (Observations Made during the Travel through the Southern Viceregencies of Russian State in 1793—1794).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Peizazhi i dostoprimechatel'nosti Kryma v risunkakh Karlo Bossoli (Crimean Landscapes and Sights in Drawings by Carlo Bossoli). 2003. Kiev: "Mystetsvo" Publ. (in Russian).

Polun, S.S. 1981. *Feodosijs'ka kartynna halereya im. I.K. Ajvazovs'koho (I.K. Ayvazovsky's Art Gallery in Feodosya).* Kiev: "Mystetsvo" Publ. (in Ukrainian).

Procopius of Caesarea. 1939. De aedificiis. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (4), 203—298 (in Russian).

Protokoly zasedanii Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi komissii (Minutes of the sessions of Taurida Academic Archival Commission). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Academic Archival Commission)* 30, 108—118 (in Russian).

[Pallas, P.S.]. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*

(Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities) XII, 62—208 (in Russian).

Runciman, S. 1983. *Padenie Konstantinopolia v 1453 g. (The Fall of Constantinople in 1453).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Sidorenko, V.A. 1981. *Otchet o predvaritel'nom issledovanii arkhitekturno-arkheologicheskogo pamiatnika srednevekovoi kreposti Aluston (Report on Preliminary Study of the Medieval Fortress of Aluston as an Architectural-Archaeological Site).* Archive of Crimean Branch of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no. 1007 (in Russian).

Sidorenko, V.A. 1982. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh Alushtinskoi kreposti v 1981 g. (Report on Archaeological Investigation on the Fortress of Alushta in 1981).* Archive of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences: Crimea, 1981/3zh (in Russian).

Strukov, D.M. 1872. *Otchet o poezdke v Krym v 1871 g. (Report on the Travel to the Crimea in 1871).* Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund 1, no. 35 (in Russian).

Teslenko, I.B. 2005. In *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th—18th Centuries).* Kiev: "Stilos" Publ., 324—348 (in Russian).

Teslenko, I.B. 2005. In *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th — 18th Centuries).* Kiev: "Stilos" Publ., 385—410 (in Russian).

Teslenko, I.B., Semin, S.V. 1999. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh srednevekovoi kreposti Aluston v 1998 godu (Report on Archaeological Investigations on the Medieval Fortress of Aluston in 1998).* Archive of Crimean Branch of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no. 851 (in Russian).

Tunkina, I.V. 2002. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh iuga Rossii (XVIII — seredina XIX v.) (Russian Science on the Classical Antiquities of the Southern Russia (18th — middle 19th cc.)).* Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).

Firsov, L.V. 1990. *Isary: Ocherki istorii srednevekovykh krepostei Iuzhnogo berega Kryma (Isars: Historical Essays on Medieval Fortresses of the Crimean Southern Shore).* Novosibirsk: "Nauka" Publ., Siberian Branch (in Russian).

Băjenaru, C. 2010. *Minor fortifications in the Balkan-danubian area from Diocletian to Justinian.* Cluj-Napoca: Editura Mega.

Salch, C.-L. 1978. *L'Atlas des villes et villages fortifiés en France (Moyen Age).* Strasbourg: Editions Publitotal.

Żygulski, Z. 1988. *Sztuka turecka.* Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

Монография поступила в номер 1 июля 2014 г.

Vladimir Kirilko (Simferopol, Crimea). Candidate of Historical Sciences. Crimea Branch of the Archaeology Institute of the National Academy of Sciences of Ukraine [1].

Vladimir Kirilko (Simferopol, Crimeea). Candidat în ştiinţe istorice. Institutul de arheologie, filiala Crimeea, Academia Naţională de Ştiinţe a Ucrainei.

Кирилко Владимир Петрович (Симферополь, Крым). Кандидат исторических наук. Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: kir.vlad33@gmail.com

Address: [1] Yaltinskaya St., 2, Simferopol, 295007, Crimea

Монументальное зодчество

Monumental Architecture
Arhitectură

Г. Г. Атанасов, Н. Д. Руссев

Крепостные ворота ранневизантийского Доростола и средневекового Дрыстра VI—X вв.

Keywords: Silistra, Dorostol, Drăstăr, Justinian I, Krum, Omurtag, Byzantine Empire, Bulgarian Khanate, Crimean War, fortress gate.

Cuvinte cheie: Silistra, Dorostol, Drăstăr, Iustinian I, Krum, Omurtag, Imperiul Bizantin, hanatul Bulgar, războiul Crimeii, porțile cetății.

Ключевые слова: Силистра, Доростол, Дрыстр, Юстиниан I, Крум, Омуртаг, Византийская империя, Болгарское ханство, Крымская война, крепостные ворота.

G. G. Atanasov, N. D. Russev

Fortress Gate of the Early Byzantine Dorostol and the Medieval Drăstăr (6th—10th cc. AD)

The Danubian fortress of Dorostol — Drăstăr was built during the reign of Emperor Justinian I and existed until the early 19th c. According to the written sources, the fortress had two gates and actually two gates were discovered during the archaeological excavations. The southern gate has a pair of elongated almond-shaped towers and extensive propugnaculum. Although somewhat reminiscent of the gates of Serdica (Sofia) and Ancyra (Ankara) it is without precedent. The same is true about the plan of the fortress. The eastern gate was destroyed at the end of the 7th c. AD, and a new gate was built at the beginning of the 9th century, flanked by two rectangular towers similar to the gates in the Bulgarian capitals Pliska and Preslav. The dating of the southern gate is defined around 811—816, thanks to an inscription of Khan Omurtag — benchmark for accurate dating of the gates of the other Bulgarian Khan residences in Pliska and Preslav.

G. G. Atanasov, N. D. Russev

Porțile Dorostolului din perioada bizantină timpurie și ale Drăstărului medieval (sec. VI—X d. Hr.)

Ridicată în sec. VI în domnia imperatorului Iustinian I, cetatea dunăreană Dorostol-Drăstăr a existat până la începutul sec. XIX. Conform izvoarelor scrise, ea avea două porți, care au fost cercetate arheologic. Porțile din sud erau flancate de două turnuri alungite, amigdaloide în plan, și un propugnaculum extins. Un asemenea aspect al porților nu are analogii directe, cu toate că parțial asemănătoare sunt porțile Serdicăi (Sofiei) și Ankirei (Ankarei). Aceeași observație este valabilă și pentru planul general al cetății. În locul porților estice, distruse până la bază către sfârșitul sec. VII, la începutul sec. IX au fost ridicate porți noi, flancate de două turnuri dreptunghiulare, similare cu construcțiile din capitalele Pliska și Preslav. Edificarea porților din sud ale Drăstărului poate fi datată cu în anii 811—816, datorită inscripției renumite a lui Omurtag. Astfel, putem determina perioada edificării porților din alte cetăți de reședință ale hanilor bulgari — Pliska și Preslav.

Г. Г. Атанасов, Н. Д. Руссев

Крепостные ворота ранневизантийского Доростола и средневекового Дрыстра VI—X вв.

Построенная в VI в. при императоре Юстиниане I дунайская крепость Доростол-Дрыстр существовала до начала XIX в. Согласно письменным источникам у нее были двое ворот, которые подверглись археологическим исследованиям. Южные ворота ограничены парой сильно удлиненных в плане миндалевидных башен и обширным пропугнакулумом. Они не имеют аналогий, хотя в какой-то мере напоминают ворота Сердики (Софии) и Анкиры (Анкары). Это касается и общего плана крепости. На месте Восточных ворот, до основ разрушенных в конце VII в., в начале IX в. были построены фланкированные двумя прямоугольными башнями новые ворота, сходные со столичными сооружениями в Плиске и Преславе. Возведение Южных ворот Дрыстра датировано 811—816 гг., благодаря известной надписи Омуртага. Это дает возможность установить время строительства крепостных ворот в других резиденциях болгарских ханов — Плиске и Преславе.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© Г. Г. Атанасов, Н. Д. Руссев, 2014.

Долговременное археологическое изучение оборонительной системы Дуросторума-Доростола-Дрыстра-Силистры, особенно раскопки последних 7 лет[1], в значительной степени прояснили характерные черты фортификации ранневизантийского и средневекового города на Дунае. В конце III или начале IV в. здесь появился небольшой кастель, который при императоре Юстиниане I Великом (527—565), примерно во второй четверти VI в., был восстановлен, видоизменен и приобрел окончательную конфигурацию (Angelova, Buchvarov 2007: 65—69; Атанасов 2012: 28—45; 2013: 52—70; Atanasov 2014: 496—530) (рис. 1)[2]. В сочинении *De aedificiis* Прокопий Кесарийский однозначно отметил, что Юстиниан *заботливо отремонтировал* фортификации Доростола (Procopius IV.7). О его возведении именно в это время уже приведены нумизматические и археологические аргументы (Атанасов 2013: 52—70; Atanasov 2014: 496—530). Считается, что он имел полигональную форму, хотя, по последним исследованиям, она была скорее трапециевидной. Максимальная ширина от северной стены на берегу Дуная до южной составляла около 250 м. Вдоль реки, следуя линии берега, северная стена тянулась около 350 м, тогда как южная — достигала лишь 150 м в длину. От северо-западного угла начинаются укрепления, не имеющие аналогий в фортификационном строительстве. Они состоят из ритмично повторяющихся (примерно через 12 м) пятиугольных больших башен и малых бастионов, напоминая систему W-M. Стена на берегу Дуная имела ширину 3,60—4,20 м, а с напольной стороны — 3,60 м при фундаменте 2,90—3,00 м, который обычно доходил до природного лёсса. Нижние три-четыре ряда возводились из больших, хорошо обработанных квадров (в их числе использовались и античные сполии), на которые вплоть до зубцов клались кирпичные стены, скрепленные красным известковым раствором, а также забутовка из камней и сполий от античных зданий на том же материале. Эти стены были разрушены уже в конце VI — начале VII вв.

Примечательно, что фортификационную систему полностью восстановили в начале IX в. и она функционировала в течение всего средневековья до 1810 г., когда в ходе русско-турецкой войны по приказу князя Багратиона была разрушена солдатами генерала Ланжерона. По рисункам, планам и описаниям XVI — начала XIX вв. и их корреляции с данными археологических работ 1986—2013 гг. удалось установить, что цитадель непрерывно почти без перепланировок существовала с VI по XIX в. (Атанасов 2012: 28—45; Atanasov 2013: 1—36; 2014: 493—587). Этот феномен не имеет аналогов в строительной практике на Нижнем Дунае. Перестройки отмечены только у северной крепостной стены и восточных ворот.

Несмотря на столь долгую историю крепости, в археологически хорошо обследованной Силистре зафиксированы только двое ворот — в южной и восточной стенах (рис. 1). Это подтверждают и нарративные источники. Так, по поводу битвы 971 г. между армиями русско-варяжского князя Святослава и византийского императора Иоанна I Цимисхия (Атанасов 2013а: 69—82) Скилица утверждает, что со стороны суши в город вели двое ворот — восточные и западные (Iohannis Skylitzae 1973: 296 (= ГИБИ 1965: 268). В середине XVII в. Эвлия Челеби сделал сравнительно подробное описание тех же укреплений, которые в целом сохранялись во время его пребывания в Силистре: *«Эта крепкая крепость в виде лука находится на дунайском берегу и сделана их тёсаных камней. Имеет 11 крепких башен и 500 зубцов с двумя рядами бойниц. Оснащена двумя воротами, из которых одни малые»* (Гаджанов 1909: 660—664). При раскопках действительно были открыты и изучены только двое ворот — южные и восточные.

Центральные (южные) ворота. В самом конце западного сектора южной стены в 2008 г. изучена эллипсовидная (миндалевидная) в плане башня с острым в 65° верхом (рис. 1: 13; 2; 4; 6). Она ориентирована по линии юг-север и имеет в длину 9,80 м при максимальной ширине 6,80 м. Частично ее субструкция раскрыта на глубину 1,70 м, но шурфовка установила, что она достигает 2,95 м. От суперструкции сохранились

[1] Несколько лет в полевых исследованиях оборонительных сооружений Силистры непосредственное участие принимали группы из Молдовы — студенты Высшей Антропологической Школы в Кишиневе и Тараклийского государственного университета им. Григория Цамблака.

[2] Кастель не находит аналогий в римско-византийской и средневековой фортификации (Атанасов 2013: 52—70; Atanasov 2014: 496—530). Д-р Доменик Моро и д-р Брайан Мак-Барек читают, что он был спроектирован и построен сановником Юстиниана I Феодором Силенциарием (Atanasov, McBarek, Moreau 2014: sous presse). По их мнению, его возведение и необыкновенный вид описаны Прокопием Кесарийским (Procopius IV.8), который утверждает, что этим проектом занимался сам император.

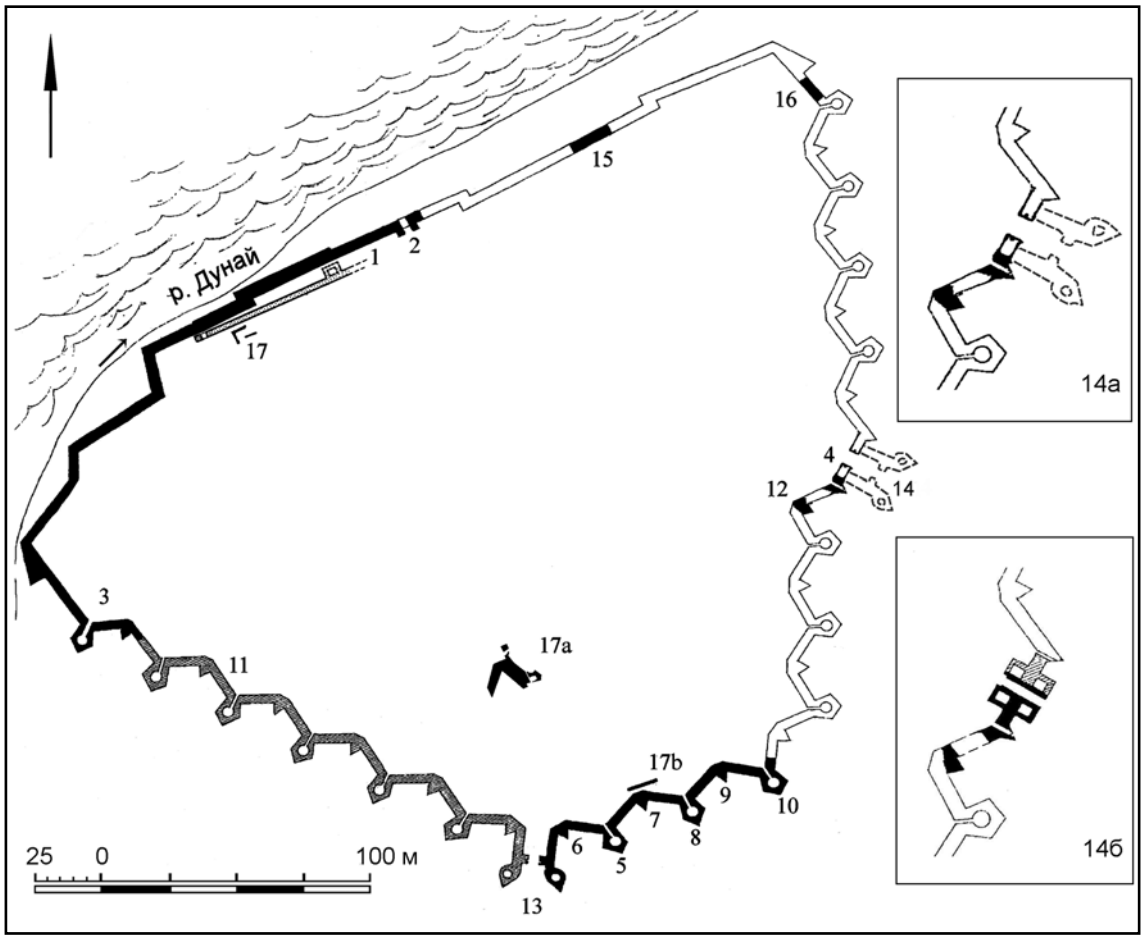

Рис. 1. Силистра. План дунайского кастеля Дуросторум-Доростол в VI в. (сост. Г. Атанасов): 1 — крепостная стена с прямоугольной башней конца III — начала IV вв. и потерной в западной части; 2 — потерна в северной стене VI в.; 3 — северо-западная угловая прямоугольная башня №1; 4 — Восточные ворота и треугольная башня №1 с потерной; 5 — пятиугольная башня №2 на Южной стене; 6 — малая пятиугольная башня №2; 7 — треугольная башня №3; 8 — пятиугольная башня №3; 9 — треугольная башня №4; 10 — пятиугольная башня №4; 11 — западная стена, зафиксированная при шурфовке 2008 г.; 12 — малая пятиугольная башня №5; 13 — Южные ворота; 14, 14а, 14б — примерные реконструкции плана Восточных ворот в VI и IX—X вв.; 15 — линия северной стены под гостиницей «Дрыстр», исследованная в 2004 г.; 16 — участок от восточной стены, зафиксированный при строительстве плавательного бассейна 1958 г. (?); 17 — частично изученные стены зданий VI в.

Fig. 1. Silistra. Plan of the Danubian fortress at Durostorum-Dorostol in 6th c. (comp. G. Atanasov): 1 — fortress's wall with a rectangular tower of late 3rd — early 4th c. and a postern in the western part; 2 — a postern in the northern wall in 6th c.; 3 — north-western rectangular corner tower no. 1; 4 — eastern gate and a triangular tower no.1 with a postern; 5 — pentagonal tower no. 2 on the southern wall; 6 — small pentagonal tower no. 2; 7 — triangular tower no. 3; 8 — pentagonal tower no. 3; 9 — triangular tower no. 4; 10 — pentagonal tower no. 4; 11 — western wall identified by a test pit in 2008; 12 — small pentagonal tower no. 5; 13 — southern gate; 14, 14a, 14б — approximate reconstructions of the plan of eastern gate in 6th and 9th—10th cc.; 15 — the line of the northern wall under "Drăstăr" Hotel studied in 2004; 16 — a fragment of the eastern wall identified during construction of a swimming pool in 1958 (?); 17 — partly studied walls of buildings of 6th c.

два известковых блока высотой 0,40 см, т.е. на уровне 16,12 м. Субструкция здесь сложена из частично обработанных камней на красной известке. Ширина стены 3,90 м, а длина 7,90 м. Она резко поворачивает на север-северо-восток и связывается с пятиугольной башней №2 на Южной крепостной стеной. Изученный участок целиком принадлежит субструкции на уровне 14,87 м. Посредством шурфовки установлено, что от фундамента сохранились только первые два ряда из рваного известняка. На этом участке строительный материал извлечен не только из суперструкции, но и из субструкции до самого нижнего ряда, из-за чего стена фиксируется как негатив, заполненный строительными обломками и мелкими кусочками красной известки. У внутреннего угла изгиба стены отмечена

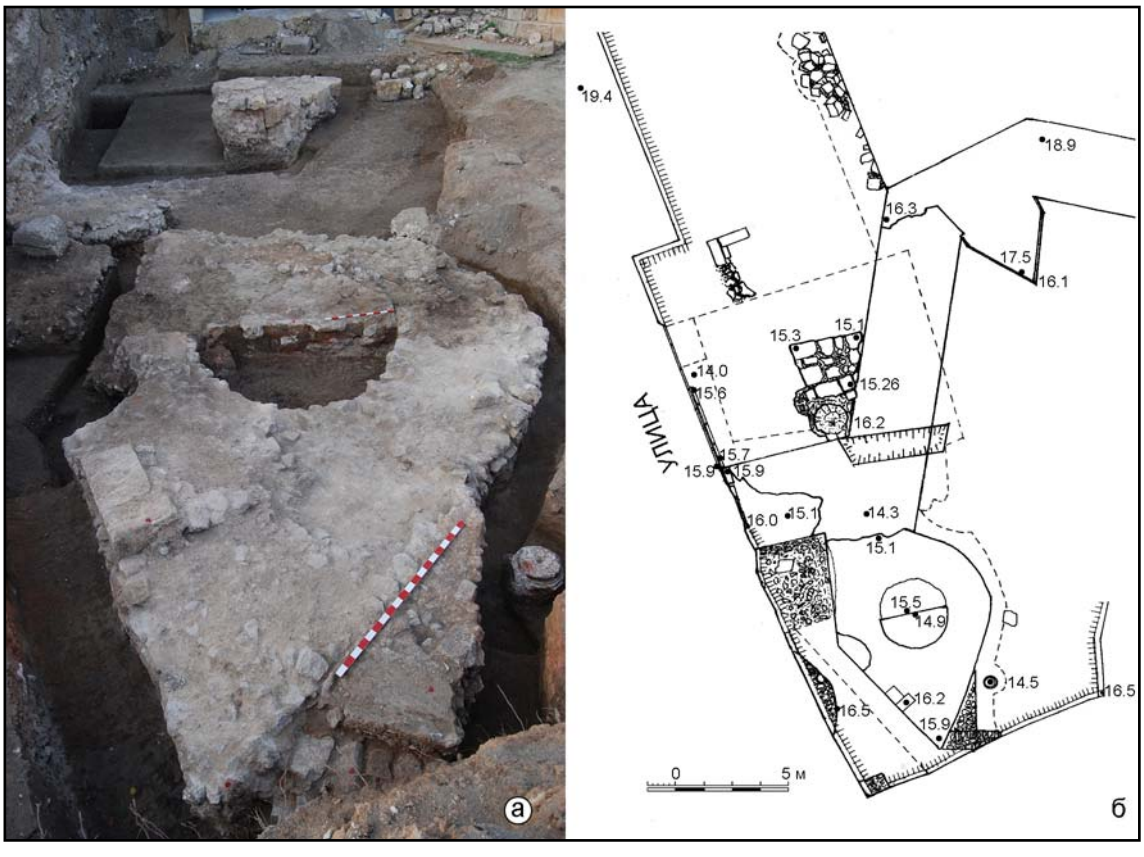

Рис. 2. Восточная башня у Южных ворот.

Fig. 2. Eastern tower at the Southern gate.

часть вымостки. На ее уровне, но западнее, зафиксированы три водовода из глиняных труб (рис. 2). Форма башни, вымостка и трубопроводы (в IV—VII вв., да и на протяжении всего средневековья они почти обязательно проходили через ворота) приводят к гипотезе, что миндалевидная в плане башня прикрывала с востока центральные ворота Доростола-Дрыстра, сооруженные в VI в. В XVIII или начале XIX в. стена и башня были разрушены и превращены в каменный «карьер». Это особенно хорошо заметно в западном профиле, где на глубине до 1,20 м (ниже границы между суб- и суперструкциями) отмечены находки XVIII в., в частности, керамика. Шурф, сделанный в северной части западного профиля, показал, что до застройки эту часть города периодически заливал Дунай. Принесенный рекой темный грунт находок не содержит.

Восточные ворота. Исследованиями 1970-х гг. изучена часть восточной крепостной стены с цоколем и малой треугольной башней №1 с потерной VI в. (рис. 1: 4), а к востоку от нее ворота, которые близки строительному стилю Плиски VIII-IX вв. (Ангелова 1973: 88—89; Рашев 2008: 119). Предположительно эти ворота относятся к IX в. (рис. 1: 4; 3). Возможно, они были возведены на месте ворот VI в., уничтоженных в конце VII в. На такую мысль наводит и наличие потерны, которую логично было бы использовать для обороны входа в крепость, а также странное расположение башни. Все изученные до сих пор 4 малые треугольные (или пятиугольные) башни VI в. находятся у внутренних углов зигзагообразной линии стены (рис. 1), тогда как треугольная башня с потерной только здесь находится на участке, где обычно возвышается пятиугольная башня. Это может означать, что здесь при строительстве стены в VI в. находились малые ворота, которые прикрывали две треугольные башни, примерно так же как в Варне-Одессосе, Софии-Сердике или Констанце-Томисе (рис. 1: 14а). Ворота, однако, являются уязвимым участком, который трудно оборонять двумя малыми башнями, выступающими всего лишь на 3 м перед куртиной (рис. 3). Особенно на фоне совершенной фортификации Доростола VI в. и мощных башен, охраняющих южный вход, и вынесен-

ных примерно на 10 м от куртины. Поэтому допустима и другая возможность: ворота на этом участке были сходны с южными, но усилены двумя малыми треугольными башнями с потернами для флангового удара по атакующему противнику (рис. 1: 14). К сожалению, при изучении построенных в IX в. ворот этот участок не был исследован в глубину, и здесь реальное положение дел могут осветить только будущие раскопки.

Параллели, реконструкции и датировка ворот Доростола-Дрыстра. План и специфика ранневизантийских ворот Доростола крайне любопытны. Необычайным представляется то, что они сильно выступают вперед за линию крепостной стены и усилены резко заостренными с напольной стороны миндалевидными башнями с лестничными клетками цилиндрической формы, сходными с таковой у пятиугольных башен по фронту стены. На первый взгляд они напоминают позднеантичные ворота, фланкированные двумя башнями с внутренними лестницами и неглубоким пропугнакулумом, но в III—IV в. (как и в репликах им до VI в., а в Плиске и Дрыстре до IX в.) они почти всегда прямоугольные и не обладают длинными плечами, которые выносили бы их на целые 15 м перед куртиной. Даже их поздние наследники VI в. очень «варваризированы» и уже имеют острый край — восточные ворота Сердики, Несебыр, Шумен, Мадара Долна Кабда и др. (Овчаров 1982: 36—82; Шалганов 2008: 9—16). При этом они никогда не воспроизводят подобную форму и настолько не отдалены от стены. Нет и чересчур длинных плечей, формирующих глубокий и обширный пропугнакулум (рис. 1: 4; 2; 4; 6).

В качестве единственного и условного аналога теперь можно указать северные ворота Сердики, недавно доследованные и вновь опубликованные (Шалганов 2008: 9—16, обр. 1: 3; 7). Подобно тому, как в Дуросторуме во-

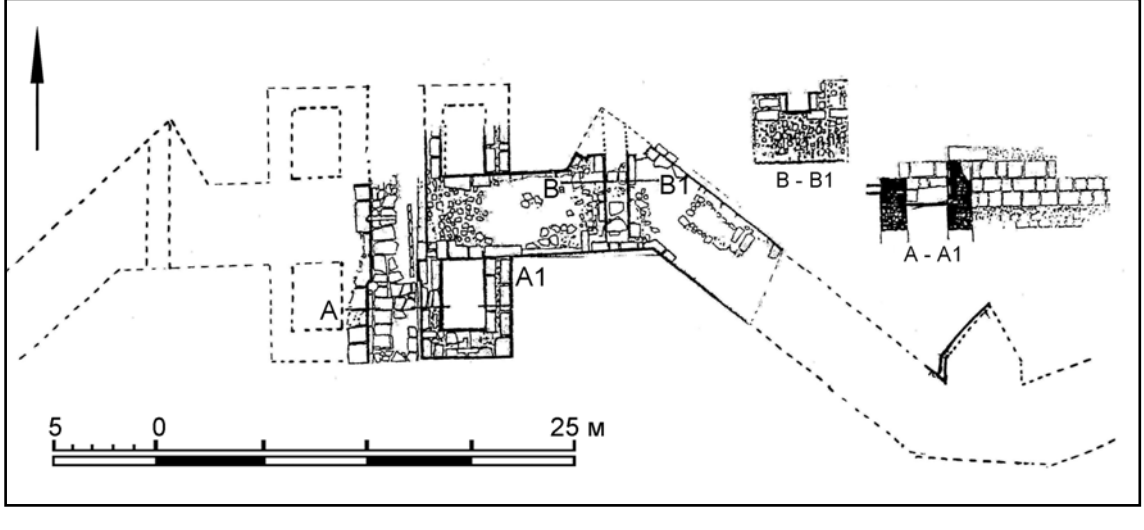

Рис. 3. Восточные ворота Дрыстра IX в. Фото и план (по Ангелова 1970).

Fig. 3. Eastern gate of Drăstăr in 9th c. Photo and plan (after Ангелова 1970).

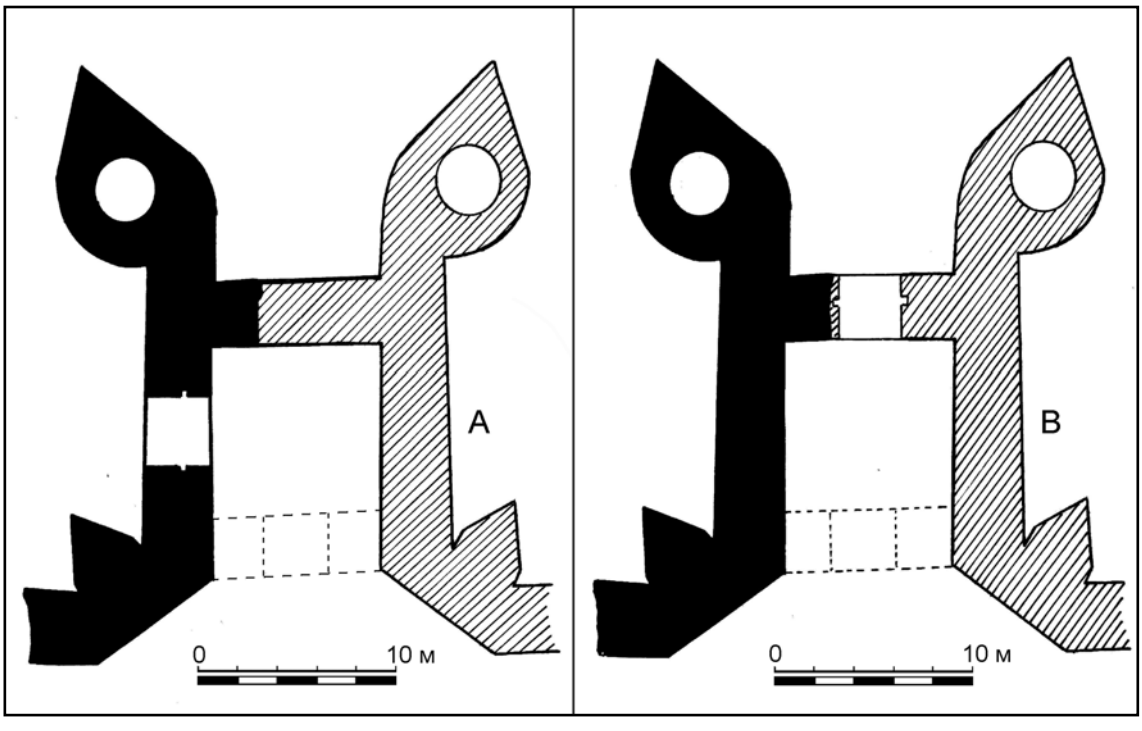

Рис. 4. Варианты реконструкции плана Южных ворот: А — «Анкира»; В — «Сердика» (рисунок Г. Атанасова).

Fig. 4. Versions of reconstructed plan of the southern gate: A — “Ancyra”; B — “Serdica” (drawing by G. Atanasov).

рота фланкированы двумя сильно вынесенными на 9 м перед куртиной полигональными башнями, пустое внутреннее пространство в центре каждой из них имеет цилиндрическую форму. Стены по обе стороны образуют своеобразные усы длиной около 4 м при ширине 2,50 м, к которым крепились двустворчатые ворота. Эти ворота служат важной аналогией, поскольку вновь были построены во времена Юстиниана I. Так же, как в Силистре, их нижние 4 ряда сложены из блоков-сполий, а над ними до платформы возведена кирпичная кладка. Поэтому на данном этапе представляется, что ворота Доростола можно реконструировать (рис. 4В) наподобие таковых в Сердике. В продолжение позднеантичной традиции створки ворот могли закрываться за башнями, но почти всегда они крепились к их сторонам или отходящим от них, обычно по линии куртины, очень коротким усам. В Дуросторуме, подобно Сердике, двустворчатые ворота (катаракта), очевидно, монтировались в особые стены — «усы», которые возводились от фундамента башен перпендикулярно плечевым стенам, связывавшим куртину с миндалевидными предвратными башнями. Если ширина стены, к которой крепились ворота, выяснена, то длина и соответственно ширина пропугнакулума определима только теоретически — около 5 м у основания и около 4 м при изгибе башни (рис. 4). Учитывая, что ширина ворот составляла около 2,50—3,50 м, а двух примыкающих стен (усов) — примерно по 3 м, пропугнагулум составлял около 10 м. Соответственно общая длина от верха миндалевидной башни до фундамента крепостной стены приближается к 25 м. Эти параметры не находят подобий в устройстве ворот IV—VII вв. Единственное исключение — ворота Анкиры-Анкары (рис. 5). Ведется дискуссия, когда возведена эта замечательная крепость и ее центральные ворота. Преобладает мнение, что это произошло во время войны между Византией и Персией при императоре Ираклии (610—641) (Jerphanion 1928: 145, 213; Restle 1966: 174—176, Abb. 4; Foss 1977: 61—62; Lawrence 1983: 204—207; Foss, Winfield 1986: 30, 133—135, fig. 9; 10).

Укрепления Анкиры-Анкары обладают сходными с Доростолом размерами и способом строительства, сочетающим цоколь из крупных каменных квадров (включая большое количество сполий) и кирпичную кладку. Аналогичным образом ворота фланкированы двумя пятиугольными башнями, расположенными на расстоянии около 12 м друг от друга и вынесенными примерно на 11 м перед куртиной. Так оформляется обшир-

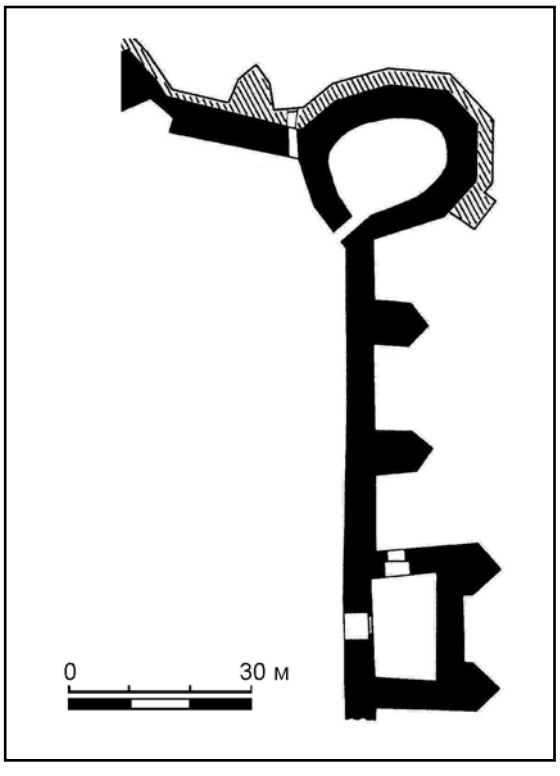

Рис. 5. План ворот Анкиры-Анкары (по Restle 1966; Foss 1977).

Fig. 5. Plan of gate in Ancyra-Ankara (after Restle 1966; Foss 1977).

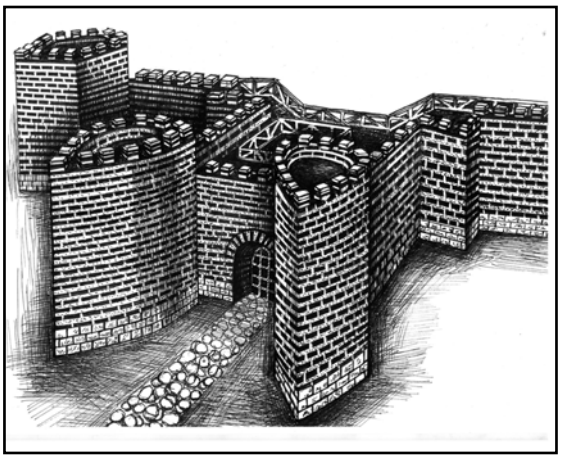

Рис. 6. Примерная реконструкция Южных ворот Доростола-Дрыстра (рисунок Г. Атанасова).

Fig. 6. Approximate reconstruction of the southern gate in Dorostol- Drăstăr (drawing by G. Atanasov).

ный пропугнакулум 11×20 м с двумя воротами. Первые, связывающие крепость с пропугнакулумом, шириной 5 м, а вторые, выводящие из пропугнакулума за крепость, встроены в левую часть стены, шириной 3 м. Какому из двух вариантов, условно названных анкирским (рис. 4А) и сердикийским (рис. 4В), соответствовали ворота Доростола, можно понять только после исследования в северо-западном направлении, где находится вторая фланкирующая башня (теперь под ведущей в парк главной аллеей). Если иметь в виду глубокий мощный фундамент, толщину стен, способ строительства и, наконец, параметры сохранившихся до сих пор ворот Анкиры, можно допустить, что высота башен с зубцами составляла 15—16 м, а стен — 12—13 м (рис. 6). Такова высота реконструируемых позднеантичных крепостей Балкан (Иванов 1980: 148, прил. I—III). Совпадают и описания т. н. «Анонимного византийца», касающиеся византийского фортификационного строительства времени Юстиниана I. Он определил толщину крепостных стен минимум в 5 локтей, то есть не менее 3,12 м, тогда как толщина стен в Силистре составляет 3,60 м! При такой толщине, как утверждает аноним, высота стен не должна быть меньше 20 локтей — 12,5 м, что является важным репером для реконструкции фортификаций. Создается впечатление, что архитектор дунайского кастеля строго выполнял инструкции своего современника и ведущего авторитета в крепостном строительстве Империи VI в. В последнее время выдвинуты аргументы, что труд относится к концу VIII в. (Rance 2007: 701—737), но это не значит, что в нем не обобщены достижения византийской фортификации предшествующих столетий и, в частности, эпохи Юстиниана Великого, когда она переживала свой высший расцвет.

Относительно времени окончательно разрушения крепости в 1810 г. археологические подтверждении не точны. Находки из этого сектора суммарно датируются лишь первой половиной XIX в. На этом фоне интересна гравюра из французской газеты *Journal universel* времени Крымской войны, представляющей бой русских солдат с турками у южных ворот Силистры в 1854 г. (рис. 7). На изображении миндалевидные башни и ломаная линия крепостной стены дополнены треугольными бастионами, а в глубине различается структура, которая напоминает массивные прямоугольные Восточные ворота, в большой степени совпадающие с ранневизантийской и средневековой фортификацией в этой части кастеля Доростол-Дрыстыр-Силистра.

Впрочем, неизвестно, рисовал ли участвовавший в войне художник с натуры, воссоздал ли батальную картину по рассказам, документам или же прибег к вымыслу. Если он передал реальные формы ворот и стены, тогда дунайская крепость существовала до се-

Рис. 7. Сражение у ворот Силистры в 1854 г. Гравюра из французской газеты «Journal universel» за 1854 г.

Fig. 7. Battle at the gate of Silistra in 1854. Engraving from a French newspaper *Journal universel* of1854.

редины XIX в., что противоречит сведениям о ее разрушении еще в 1810 г. Однако сражения под Силистрой в 1854 г. хорошо документированы, но при этом нет никаких данных о прямых атаках на крепость (Богданович 1876: 61—88; Димитрова 1980: 47—65).

Бои происходили у окрестных укреплений Араб табия и Иланли табия, которые возводились на основе земляных насыпей и не имели ничего общего с каменными сооружениями на французской гравюре. Несомненно, художник изобразил не форты на подступах к городу, а саму Силистру, поскольку из-за крепостных стен видны мечети, церковь и другие высокие здания. Такого рода постройки отсутствовали в семи небольших укреплениях округи: Араб табия, Меджид табия, Иланли табия и др. Наконец, текст под изображением красноречив: *Vue de Silistra et du combat à la suite desquel le siège da cette place a été levé* — «Вид на Силистру и сражение за нее, после которой осада этого города была снята». Согласно документам, решающий штурм князем Горчаковым Силистренской крепости и соответственно ее центральных ворот, запланированный с 8 на 9 июня 1854 г., ко всеобщему разочарованию, неожиданно отменил верховный главнокомандующий фельдмаршал Паскевич (Богданович 1876: 95—101; Димитрова 1980: 54—55). Словом, русские отступили, так и не вступив в показанное на гравюре сражение.

Однако близость конфигурации укреплений передаче французского художника с археологическими реальностями Силистры вызывает настоящее недоумение. Возможно, автор гравюры пользовался неизвестными теперь старыми описаниями фортификаций и нарисовал сцену битвы у центральных ворот города на Дунае, не будучи прямым свидетелем события? Иначе трудно себе представить, как на основе голой фантазии были графически воссозданы укрепления, которые в его время уже не существовали. Между тем рисунок довольно точно (особенно в отношении южных ворот) запечатлел крепостную систему, сохранявшуюся в общих чертах с начала VI до начала XIX вв.

Что касается Восточных ворот, также изображенных на гравюре 1854 г. и исследованных в 70-е гг. минувшего века, их план соответствует воротам болгарских столиц Плиски и Преслава, датированных временем Раннего средневековья. Очевидно, ранневизантийские восточные ворота Доростола серьезно пострадали во второй половине VII в., когда римско-византийская крепость на Дунае была оставлена последними ромейскими обитателями и, вероятно, небольшим гарнизоном (Атанасов 2012: 28—29). Согласно письменным и археологическим данным, в начале IX в. была восстановлена фортификация города, включая южные ворота, приблизительно по параметрам VI—VII вв. В то время восточные во-

рота были настолько разрушены, что не могли быть отстроены в прежнем виде. По этой причине на их руинах возвели новые ворота с фланкирующими двойными (?) башнями, строго в соответствии с планом ворот столичных крепостей VIII—IX вв. Плиски и Преслава (Рашев 2008: 84—86, 107—108, 122, табл. XXX, XLIV)[3]. Уже обращено внимание, что самым близким аналогом ворот Дрыстра являются ворота Плиски до их перестройки в начале IX в., когда у них еще не было дополнительных внешних двустворчатых ворот (Рашев 2008: 119). Вот почему можно допустить, что обе крепости, соответственно и их ворота, сооружены приблизительно в одно время. Это подразумевает и близкую высоту реконструируемых башен, достигающих 16 м вместе с зубцами при стандартной с VI в. высоте стен в 12—13 м (Бояджиев 2008: 67—82).

В целом допускается, что крепостная стена с воротами у дворцового центра Плиски — столицы Болгарского ханства — основана в начале IX в. Эту дату уточняют исследования Дрыстра. Речь идет о колонне из Силистры (Атанасов 2012: 28—45; Atanasov 2014: 534—535, fig. 48; 49) с трехстрочной греческой надписью:

KANACYBIГI	КАНА СЮВИГИ (полководец?)
ОМОРТАГ	ОМОРТАГ
СТРАТIГОС	СТРАТЕГ

Учитывая сравнительно хорошо сохранившуюся позднеантичную фортификацию, вероятно, в конце правления хана Крума (802—814) — начале правления хана Омуртага (814—831) в Дрыстр был направлен с миссией один из ромейских стратегов, которые в начале IX в., точнее, между 809 (взятие Сердики) и 812 гг., перешли на службу к болгарскому хану (Рашев 2004: 155—156). В самом деле, только знаток византийской фортификации мог наилучшим образом восстановить позднеантичный кастель VI в. и конструктивно сложные центральные ворота. Не исключено, что строительные работы вели многочисленные византийские пленники, выселенные из Адрианополя и Дебелта после того, как в 813 г. Крум опустошил Фракию и овладел большинством византийских крепостей от границы до Константинополя (Златарски 1970**:** 374—375). Кстати, есть точные письменные сведения, что множество византийских пленников было принудительно отправлено на север и водворено у Дуная. Возможно, их частью использовали на восстановительных работах в крепости Дрыстр и при создании фортификаций Плиски. По этой причине в Плиске и Дрыстре вновь построенные ворота, фланкированные прямоугольными башнями, следуют римско-византийским традициям (Овчаров 1982: 36—42, обр. 19), которые могли быть привнесены строителями, владевшими этими строительными навыками.

Если начало восстановления Дрыстра, включая южные ворота и возведение ad fundamentum восточных, можно связать с именем хана Крума, то реальное строительство и превращение крепости в ведущий административный, религиозный и военно-стратегический центр произошло при его наследнике Омуртаге[4]. Действительно, согласно историческим реалиям, такое масштабное строительство стало возможным после окончания победоносной военной кампания 813 г. и кончины Крума в следующем 814 г. В сущности, назначенный им в Дрыстр стратег реализовывал поставленную ему уже при хане Омуртаге строительную задачу. Ее решение, очевидно, датируется надписью на колонне из Силистры. Известно, что на этом этапе своего властвования Омуртаг отошел от завещанной ему отцом политики толерантности и подверг репрессиям христиан Болгарии. Это коснулось и стратегов византийского происхождения. Впрочем, есть косвенные данные, что они сохранили свои христианские имена и христианское вероисповедание после того, как в результате конфронтационной внутренней политики императора Никифора I Геника (802—811) перешли на болгарскую службу (Острогорски 1998: 261—273; Рашев 2004: 155—156). Имеются точные сведения, что преследования христиан в Болгарии, в ходе которых было казнено несколько стратегов, начались уже в первые годы правления Омуртага.

[3] Спорным является вопрос о том, как развивались ворота этого типа в высоту — то ли в качестве двух или четырех башен, фланкирующих ворота, то ли в виде одного высокого прямоугольного здания с проходом в середине. Подробнее мнения о различных вариантах реконструкции см.: Овчаров 1982: 110—119; Бояджиев 2008: 67—82.

[4] Эта строительная программа обстоятельно отражена в надписи на колонне в Великой Лавре Св. Сорока мучеников в Велико Тырново, согласно которой хан Омуртаг построил на Дунае *Преславный Дом* (Бешевлиев 1979: 120—121, 198—200; Атанасов 2012: 36—37; Atanasov 2014: 538, fig. 55).

На фоне его твердой антихристианской политики логично ожидать, что чуждый болгарским традициям титул «стратег», введенный как исключение по конъюнктурным соображениям Крумом (он проводил поистине имперскую политику толерантности к этносам и религиям), был ликвидирован (Рашев 2004: 155—156). Поэтому знаменательное возведение колонны, как и строительные работы, осуществленные в Дрыстре неизвестным стратегом, могут быть датированы кратким отрезком времени между 809 г. — тогда после взятия Сердики впервые был зарегистрирован переход византийских стратегов на службу к болгарам (ГИБИ 1960: 279), и 816 г., когда после потери Несебыра антихристианская политика Омуртага усилилась (Божилов, Гюзелев 1999: 145—147).

Литература

Атанасов Г. 2012. Дръстър (Силистра) и дунавската резиденция на българските ханове през първата половина на IX в. *Археология* (1), 28—45.

Атанасов Г. 2013. Римо-византийския кастел на Дуросторум-Доростол върху Дунавския бряг в Силистра. *Археология* (1), 52—70.

Атанасов Г. 2013а. О численности русской армии князя Святослава во время его походов в Болгарию и о битве под Дристрой (Доростолом) в 971 г. *Византийский временник* 72 (97), 86—102.

Ангелова Ст. 1973. Крепостната стена на Дуросторум-Дръстър-Силистра. (Предварително съобщение). *Археология* (3), 83—93.

Бешевлиев В. 1979. *Първобългарски надписи*. София: БАН.

Богданович М.И. 1876. *Восточная война 1853—1856 годов* II. Санкт-Петербург: Типография Ф. Сушинский.

Божилов Ив., Гюзелев В. 1999. *История на средновековна България VII—XIV век.* Том. I. София: Издателска къща «Анубис».

Бояджиев Ст. 2008. *Българската архитектура през VII—XIV в.* I. *Дохристиянска архитектура*. София: Тангра ТанНакРа.

Гаджанов Д. 1909. Пътуване на Евлия Челеби из българските земи през средата на XVII в. *Периодично Списание* 70, 660—664.

ГИБИ 1960: *Гръцки извори за българската история* III. София: БАН.

ГИБИ 1965: *Гръцки извори за българската история* VI. София: БАН.

Димитрова Ст. 1980. Силистра през Кримската война (1853—1856). *Известия на Народния музей — Варна* 16 (31), 47—65.

Златарски В. 1970. *История на българската държава през средните векове*. Т. I (1), София.

Иванов Т. 1980. *Абритус. Римски кастел и Ранновизантийски град в Долна Мизия* I. *Топография и укрепителна система на Абритус*. София: БАН.

Овчаров Д. 1982. *Византийски и български крепости V—X век*. София: БАН.

Острогорски Г. 1998. *История на византийската държава*. София: Прозорец.

Рашев Р. 2004. Византийците в България до покръстването. *Civitas divino-humana in honorem annorum LX Georgi Bacalov*. София: Издателство “Класика и стил”, 151—162.

Рашев Р. 2008. *Българската езическа култура VII—IX век*. София.

Шалганов К. 2008. Нови данни за укрепителната система на римския град Сердика. *София и нейното културно-историческо наследство*. София, 9—16.

Angelova St., Buchvarov Iv. 2007. Durostorum im late antiquity (fourth to seventh centures). *Post-Roman Towns. Trade and Settlements in Europe and Byzantium* 2. *Byzantium, Pliska and Balkans*. Berlin; New York, 61—87.

Atanasov G. 2013. *The Castellum of Durostorum-Dorostol-Drastar on the Bank of the Danube in Silistra*. Silistra.

Atanasov G. 2014. Durostorum — Dorostol — Drastar — Silistra. The Danubian Fortress (4th—19th c.). *Corpus of Ancient and Medieval Settlements in Bulgaria* 2. *Thracian, Greek, Roman and Medieval Cities, Residences and Fortresses*. Sofia, 493—587.

Atanasov G., McBarek Br., Moreau D. 2014. Theodore le Silentiaire: Architecte du mur de Durostorum (sous presse).

Foss C. 1977. Late Antique and Byzantine Ankara. *DOP (Dumbarton Oaks Papers)*, 29—87.

Foss C., Wifield O. 1986. Byzantine Fortification: an Introduction. *Studia Historiae Ecclesiasticae* 22. Pretoria: University of South Africa.

Iohannis Skylitzae. 1973. *Synopsis historiarum*. Berolini: Walter de Gruyter.

Jerphanion G. de 1928. *Mélanges d’archéologie anatolienne*. Beyrouth, 113—293.

Lawrence A. 1983. A Skeletal History of Byzantine Fortification. *Papers of the British School at Athens*, 78, 171—227.

Procopius. 1954. De aedificiis. In: Dewing H.B. (ed.). *Procopius with an English Translation* VII. Harvard.

Rance Ph. 2007. The Date of the Military Compendium of Sirianus Magister (Formerly the Sixth-Century Anonimus). *Byzantinische Zeitschrift* 100 (2), 701—737.

Restle M. 1966. Ankira. In: Wessel K., Restle M. *Reallexikon zur byzantinischen Kunst* I. Stuttgart: A. Hiersemann, 169—177.

Rochas d’Aiglun A. de. 1881. *Principes de la fortification antique: précis des connaissances techniques nécessaires aux archéologues pour explorer les ruines des anciennes forteresses*. Paris: Ducher & Cie: Tanera.

References

Atanasov, G. 2012. In *Arkheologiia (Archaeology)* (1), 28—45 (in Bulgarian).

Atanasov, G. 2013. In *Arkheologiia (Archaeology)* (1), 52—70 (in Bulgarian).

Atanasov, G. 2013. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 72 (97), 86—102 (in Russian).

Angelova, St. 1973. In *Arkheologiia (Archaeology)* (3), 83—93 (in Bulgarian).

Beshevliev, V. 1979. *Părvobălgarski nadpisi (Early Bulgarian Inscriptions)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).

Bogdanovich, M.I. 1876. *Vostochnaia voina 1853—1856 godov.*

Sochinenie general-leitenanta M.I. Bogdanovicha (Crimean War of 1853—1856 . Written by lieutenant general M.I. Bogdanovich) II. Sankt-Peterburg: "F. Sushinskii" Publ. (in Russian).

Bozhilov, Iv., Gyuzelev, B. 1999. *Istoriya na srednovekovna Bălgariya VII—XIV vek (History of Medieval Bulgaria in 7th—14th cc.)* Vol. I. Sofia: "Anubis" Publ. (in Bulgarian).

Boyadzhiev, St. 2008. *Bălgarskata arkhitektura prez VII—XIV v.* (*Bulgarian Architecture in 7th—14th cc.*) I. *Dokhristiyanska arkhitektura (Pre-Christian Architecture)*. Sofia: "Tangra TanNakRa" Publ. (in Bulgarian).

Gadzhanov, D. 1909. In *Periodichno Spisanie* (*Periodical Magazine*) 70, 660—664 (in Bulgarian).

Grătski izvori za bălgarskata istoriya (Greek Sources on Bulgarian History) III. 1960. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).

Grătski izvori za bălgarskata istoriya (Greek Sources on Bulgarian History) VI. 1965. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).

Dimitrova, St. 1980. In *Izvestiya na narodniya muzej vă Varna* (Reports of Varna National Museum) 16 (31), 47—65 (in Bulgarian).

Zlatarski, V. 1970. *Istoriya na bălgarskata dărzhava prez srednite vekove (History of the Bulgarian State in the Middle Ages).* Vol. I (1). Sofia: "Zaharij Stoyanov" (in Bulgarian).

Ivanov, T. 1980. *Abritus. Rimski kastel i Rannovizantijski grad v Dolna Miziya* (*Abritus. The Roman Castle and Early Byzantine City in the Lower Moesia*) I. *Topografiya i ukrepitelna sistema na Abritus (Topography and Defensive System in Abritus)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).

Ovcharov, D. 1982. *Vizantijski i bălgarski kreposti V—X vek (Byzantine and Bulgarian Fortresses of 5th —10th cc.)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).

Ostrogorski, G. 1998. *Istoriya na vizantijskata dărzhava (History of the Byzantine State)*. Sofia: Prozorets (in Bulgarian).

Rashev, R. 2004. In *Civitas divino-humana in honorem annorum LX Georgi Bacalov*. Sofia, 151—162 (in Bulgarian).

Rashev, R. 2008. *Bălgarskata ezicheska kultura VII—IX vek (Bulgarian Pagan Culture of the 7th —9th cc.)*. Sofia: "Klacika i stil" (in Bulgarian).

Shalganov, K. 2008. In *Sofiya i nejnoto kulturno-istorichesko nasledstvo (Sofia and Its Cultural and Historical Heritage)*. Sofia, 9—16 (in Bulgarian).

Angelova, St., Buchvarov, Iv. 2007. Durostorum im late antiquity (fourth to seventh centures). In: J. Henning (ed.) *Post-Roman Towns. Trade and Settlements in Europe and Byzantium.* Vol. 2. *Byzantium, Pliska and Balkans*. Berlin; New York: W. de Gruyter, 61—87.

Atanasov, G. 2013. *The Castellum of Durostorum-Dorostol-Drastar on the Bank of the Danube in Silistra*. Silistra.

Atanasov, G. 2014. Durostorum — Dorostol — Drastar — Silistra. The Danubian Fortress (4th — 19th c.). *Corpus of Ancient and Medieval Settlements in Bulgaria* 2. *Thracian, Greek, Roman and Medieval Cities, Residences and Fortresses*. Sofia, 493—587.

Atanasov, G., McBarek, Br., Moreau, D. 2014. Theodore le Silentiaire: Architecte du mur de Durostorum (sous presse).

Foss, C. 1977. Late Antique and Byzantine Ankara. *Dumbarton Oaks Papers*, 29—87.

Foss, C., Wifield, O. 1986. Byzantine Fortification: an Introduction. *Studia Historiae Ecclesiasticae* 22. Pretoria: University of South Africa.

Iohannis Skylitzae 1973. *Synopsis historiarum.* Berolini: Walter de Gruyter.

Jerphanion, G. de 1928. *Mélanges d'archéologie anatolienne.* Beyrouth: Imprimerie catholique, 113—293.

Lawrence, A. 1983. A Skeletal History of Byzantine Fortification. *Papers of the British School at Athens* 78, 171—227.

Procopius. 1954. De aedificiis. In: Dewing H. B. (ed.). *Procopius with an English Translation* VII. Harvard.

Rance, Ph. 2007. The Date of the Military Compendium of Sirianus Magister (Formerly the Sixth-Century Anonimus). *Byzantinische Zeitschrift* 100 (2), 701—737.

Restle, M. 1966. Ankira. In: Wessel K., Restle M. *Reallexikon zur byzantinischen Kunst* I. Stuttgart: A. Hiersemann, 169—177.

Rochas d'Aiglun, A. de. 1881. *Principes de la fortification antique: précis des connaissances techniques nécessaires aux archéologues pour explorer les ruines des anciennes forteresses*. Paris: Ducher & Cie: Tanera.

Статья поступила в номер 27 мая 2014 г.

Georgi Atanasov (Silistra, Bulgaria). Doctor of Historical Sciences. Regional History Museum[1].

Georgi Atanasov (Silistra, Bulgaria). Doctor în ştiinţe istorice. Muzeul regional de istorie.

Атанасов Георги Георгиев (Силистра, Болгария). Доктор исторических наук. Региональный исторический музей.

E-mail: geoatal@abv.bg

Nicolai Russev (Kishinev, Moldova). Doctor Habilitat of History. High Anthropological School University[2].

Nicolai Russev (Chişinău, Moldova). Doctor habilitat în istorie. Universitatea „Şcoala Antropologică Superioară".

Руссев Николай Дмитриевич (Кишинев, Молдова). Доктор хабилитат истории. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: nrussev@mail.ru

Address: [1] Rakovsky St., 24, Silistra, 7500, Bulgaria; [2] Zimbrului St., 10a, Kishinev, MD-2024, Moldova

Н. Ю. Скрипинская

Бастионная система крепости Ямбург

Keywords: Yamburg, Yamgorod, Novgorod Land, fortification in 17th—18th centuries, bastion fortress.

Cuvinte cheie: Iamburg, Iamgorod, Novgorod, fortificație din sec. XVII—XVIII, cetate cu bastioane.

Ключевые слова: Ямбург, Ямгород, Новгородская земля, фортификация XVII—XVIII вв., бастионная крепость.

N. Yu. Skripinskaya

Yamburg Bastion System

The article tells about Yamburg bastion fortification and distinguishes two periods of construction: Swedish (1581—1590; 1612—1703) and Russian (as of 1703). The author identified these periods based on numerous written and illustrative sources, including archives. Yamburg fortress is situated in the middle flow of the Luga River, on the way from Novgorod to Narva (now Kingisepp town of Leningrad Oblast). It was an important military outpost on the western Russian border with Livonia. Archaeological study of bastion structure of Yamburg fortification of 17th — 18th centuries was not conducted, which is now a certain impediment in further research of the fortification activities in Yamgorod — Yamburg and makes us use only written and cartographic materials for reconstruction of this defense object.

N. Yu. Skripinskaya

Sistemul de bastioane al cetății Iamburg

Articolul reprezintă analiza fortificației cu bastioane a cetății Iamburg, care a fost ridicată în două perioade: suedeză (1581—1590; 1612—1703) și rusească (din 1703). Aceste perioade au fost definite de către autoare în baza diverselor surse artistice și scrise, inclusiv și materiale de arhivă. Cetatea Iamburg este amplasată pe cursul de mijloc al râului Luga, pe drumul din Novgorod spre Narva (la momentul actual — or. Kingisepp din regiunea Leningrad). Ea reprezenta un avanpost militar important pe teritoriul de vest al Rusiei, de la hotarul cu Livonia. Cercetări arheologice pe sistemul de bastioane ale cetății din sec. XVII—XVIII deocamdată nu au fost întreprinse, ceea ce reprezintă o oarecare dificultate pentru studiul acestei perioade de fortificare a sitului Iamgorod — Iamburg. Astfel, reconstrucția complexului defensive a fost bazată doar pe izvoare scrise și cartografice.

Н. Ю. Скрипинская

Бастионная система крепости Ямбург

Статья посвящена бастионной фортификации крепости Ямбург, которая имеет два строительных периода: шведский (1581—1590; 1612—1703) и русский (с 1703 г.). Эти периоды были выделены автором на основании разнообразных письменных и изобразительных, в том числе архивных источников. Крепость Ямбург расположена в среднем течении реки Луги, на пути из Новгорода в Нарву (в настоящее время — г. Кингисепп Ленинградской области). Она являлась важным военным форпостом на западной, приграничной с Ливонией, территории России. Археологические работы по исследованию бастионной структуры крепости XVII—XVIII вв. не проводились, что в настоящий момент составляет определенную сложность в исследовании этого фортификационного периода Ямгорода — Ямбурга и заставляет использовать для реконструкции данного объекта обороны лишь письменные и картографические материалы.

«На правом берегу реки Луги, впадающей в Финский залив, в 113 верстах от С. Петербурга, есть древний, поросший травою, земляной вал, в виде бастионов, вышиною от 7-ми до 12-и сажень (над водою). На поверхности доселе видны амбразуры, внутри — фундаменты прежних строений, а вокруг — с восточной и юго-западной сторон — глубокие рвы, делавшие в древности место сие неприступным» (Глаголев 1839: 113) — так еще в середине XIX века выглядела крепость Ямбург, располагавшаяся в среднем течении реки Луги, на пути из Новгорода в Нарву, в настоящее время — г. Кингисепп Ленинградской области. «Яма или Ямгород принадлежит к новгородским городам. Он был построен в период приготовлений к защите, едва ли не самых напряженных в истории Новгородской республики, развернувшихся в последней четверти XIV в.» (Кирпичников

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© Н. Ю. Скрипинская, 2014.

1984: 180). Выбор данного местоположения для строительства новгородской каменной крепости не случаен — крепость Ям должна была стать важным военным форпостом на западной, приграничной с Ливонией территории и, кроме того, «укрепить безопасность западного сухопутного и речного (по р. Луге, Мшаге, Шелони до оз. Ильмень) пути к столице государства» (Кирпичников 1984: 180—181). В 1448 г. к основному ядру крепости, представлявшему из себя каменное четырехбашенное укрепление, пристроили еще одну линию обороны, состоящую из каменных башен и прясел. Внешний периметр оборонительного объекта, состоявшего из двух линий обороны, составлял 720 м (Кирпичников 1984: 187). В 1612 г. город был взят шведскими войсками, а в 1703 г. — Петром Великим, который переименовал город в Ямбург и провел серию мероприятий по укреплению города, возведению новой четырехбастионной крепости.

В 1971 г. в крепости впервые были проведены археологические раскопки под руководством А. Н. Кирпичникова, целью которых было раскрытие сохранившихся каменных частей новгородской крепости Ям для уточнения ее датировки (Кирпичников 1972; 1984), а в 1994 г. ИИМК РАН были проведены повторные археологические исследования крепости в связи с реконструкцией моста через р. Лугу (Кильдюшевский, Курбатов 1995). Археологические работы по исследованию бастионной структуры крепости XVII—XVIII вв. не проводились, что в настоящий момент составляет определенную трудность в исследовании этого фортификационного периода Ямгорода-Ямбурга и заставляет использовать для реконструкции данного объекта обороны лишь письменные и картографические материалы.

В развитии бастионной системы крепости Ямбург наблюдаются два строительных периода, выделенных на основании письменных и картографических материалов:

1. Период захвата и пребывания в крепости шведов, в течение которого проводились некоторые строительные работы, касающиеся переустройства и укрепления фортификационных сооружений (1581—1590 гг.; 1612—1703 гг.), очевидно, не законченные. Насыпка земляных стен по периметру крепости, возведение устройства бастейного типа вокруг одной из башен.

2. Крепостные работы, проводившиеся после взятия оборонительного объекта Петром I, возведение четырехбастионной крепости Ямбург.

1. Первый строительный период (1581—1590 гг.; 1612—1703 гг.)

В ходе Ливонской войны в 1581 г. крепость Ямгород впервые была сдана шведам. По Плюсскому перемирию 1583 г., заключенному на три года и впоследствии (1585—1586 гг.) продленному до 1590 г., Ямгород, вкупе с другими крепостями (Корела, Копорье, Ивангород с их уездами), переходил шведам. В этот короткий период крепость Ямгород впервые находилась под властью шведской короны. По истечению договора в 1590 г. были возобновлены военные действия. После трех дней осады крепость была отвоевана и закреплена за Российским государством Тявзинским мирным договором 1595 г. В 1612 г. Ямгород снова был захвачен шведами. По Столбовскому мирному договору 1617 г. вся Ижорская земля с берегами Невы перешла во владение Швеции. Ямгород находился под властью шведской короны вплоть до 1703 г., когда крепость была отвоевана Петром I и переименована им в Ямбург.

До настоящего времени считалось, что бастионная история крепости Ямбург начинается исключительно с возведения петровской земляной крепости 1703 г., и опускался тот факт, что уже в период пребывания в крепости шведов, как минимум с 40-х годов XVII в., одна из башен внешней второй оборонительной линии Ямгорода имела вокруг себя земляное сооружение по типу европейских бастей. Это можно наблюдать на нескольких планах крепости Ямгород XVII в., которые были опубликованы в 1902 г. (Munthe 1902) и в 1984 г. (Кирпичников 1984: 185—187). Важным моментом является то, что на всех этих чертежах изображены не только две линии обороны (четырехбашенное каменное укрепление внутри каменного окольного города), но и укрепление по типу европейской бастеи. Уже на плане, который А. Н. Кирпичников датирует 1645 г. (рис. 1), вокруг одной из башен окольного города обозначено земляное укрепление. Построение его на данном прясле не было случайным. Во-первых, находящееся с напольной стороны, оно было наиболее уязвимым, поскольку одно из прясел было прикрыто рекой Лугой, вокруг другого, имеющего наибольшую протяженность, согласно данному чертежу, был вырыт ров, наполненный водой, который также прикрывал данный участок крепости. Наиболее уязвимым оказывался именно тот отрезок стены, на котором и было устроено дополнительное земляное укрепление.

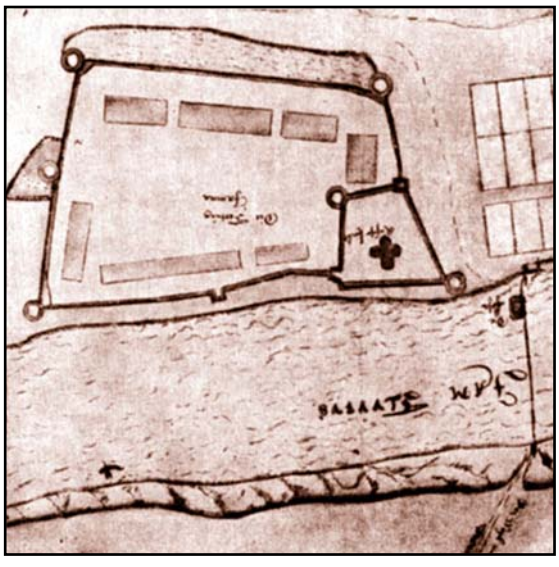

Рис. 1. План крепости Ям 1645 г. (по Кирпичников 1984: 185, рис. 91: 1).

Fig. 1. Plan of Yam fortress of 1645 (after Кирпичников 1984: 185, рис. 91: 1).

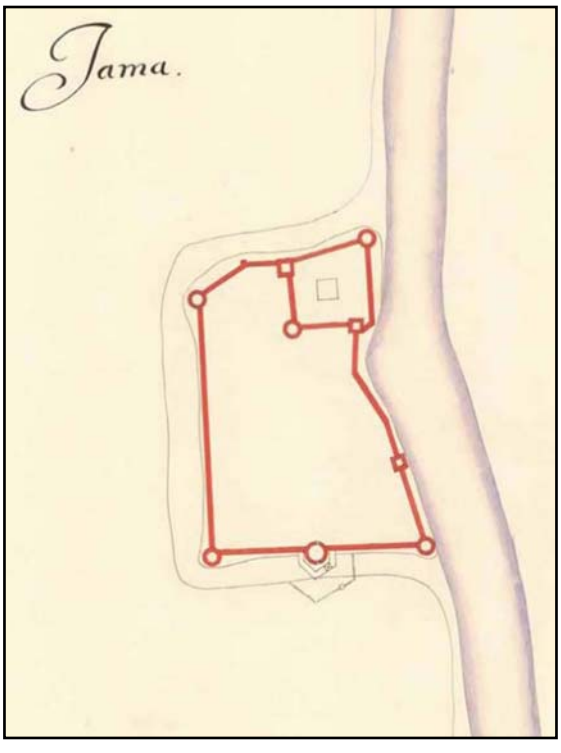

Рис. 2. План крепости Ям 1645—1680 гг. (по Munthe 1902; Кирпичников 1984: 185, рис. 91: 2).

Fig. 2. Plan of Yam fortress of 1645—1680 (after Munthe 1902; Кирпичников 1984: 185, рис. 91: 2).

Кроме того, важнейшей его функцией и задачей было прикрытие выхода из окольного города, который располагался рядом с башней, что хорошо читается на плане. Данное земляное укрепление, конечно, еще нельзя назвать не только бастионом, но и бастеей. Подобные насыпные защитные сооружения были распространены в России еще задолго до XVII в. (Кирпичников 1979). Но уже на следующем плане (Munthe 1902), который А.Н. Кирпичниковым датируется промежутком 1645—1680 гг. (рис. 2), четко изображен полноценный бастион или земляное укрепление бастионного типа, прикрывающий выход из каменной круглой башни окольного города, и имеющий также выход. Он имеет одинарные короткие фланки и два фаса. Шпиц этого укрепления равен 88°—89°. Углы примыкания фасов и фланков — 115° и 140°. Фланки располагались по отношению к куртинам под углом в 90°, что являлось правилом для европейской фортификации XVI в., когда военные инженеры заботились об организации фланковой обороны исключительно длинных куртин, вследствие чего необходимо было проектировать фланки перпендикулярные к ним, а не к оборонительным линиям, что будет являться правилом в XVII в. Судя по плану, для прикрытия выхода из этого укрепления, очевидно, предполагалось построить дополнительную защитную линию, которая на чертеже обозначена пунктиром. В настоящий момент не известно, существовало ли подобное земляное укрепление на тот момент, когда шведы захватили Ямгород в начале XVII в (или в конце XVI в.) или же это результат их собственных строительных работ, проводимых в крепости. Но, по сообщению Адама Олеария, уже на момент его прибытия в крепость Ям в 26 мая 1634 г. (рис. 3), там уже располагались целых 8 бастионов: «Эта крепость невелика, но окружена крепкими каменными стенами и 8 бастионами. Когда Нарва была отнята у русских, тогда же и этот город был завоеван» (Россия XVII века 2003: 265).

Земляное укрепление на чертежах, датированных А.Н. Кирпичниковым 1680-ми гг., значительно отличаются по своей оборонительной структуре от того, что было представлено на первых двух планах. На «Плане Ямы 1680 г.» (рис. 4) и «Плане старинного замка Яма» около 1680 г. (рис. 5) круглая башня окольного города со входом в крепость обведена ронделью (бастеей), которая, в свою очередь, обведена земляным укреплением бастионного типа, из которого также имелся проход. И, наконец, завершался этот воротный комплекс прикрытием, имеющим вид полноценного бастиона с двумя фасами и фланками, соединенными куртиной с пряслом у угловой башни окольного города (на этом месте каменное прясло имеет разрыв, на котором, очевидно, было сооружена земляная защитная

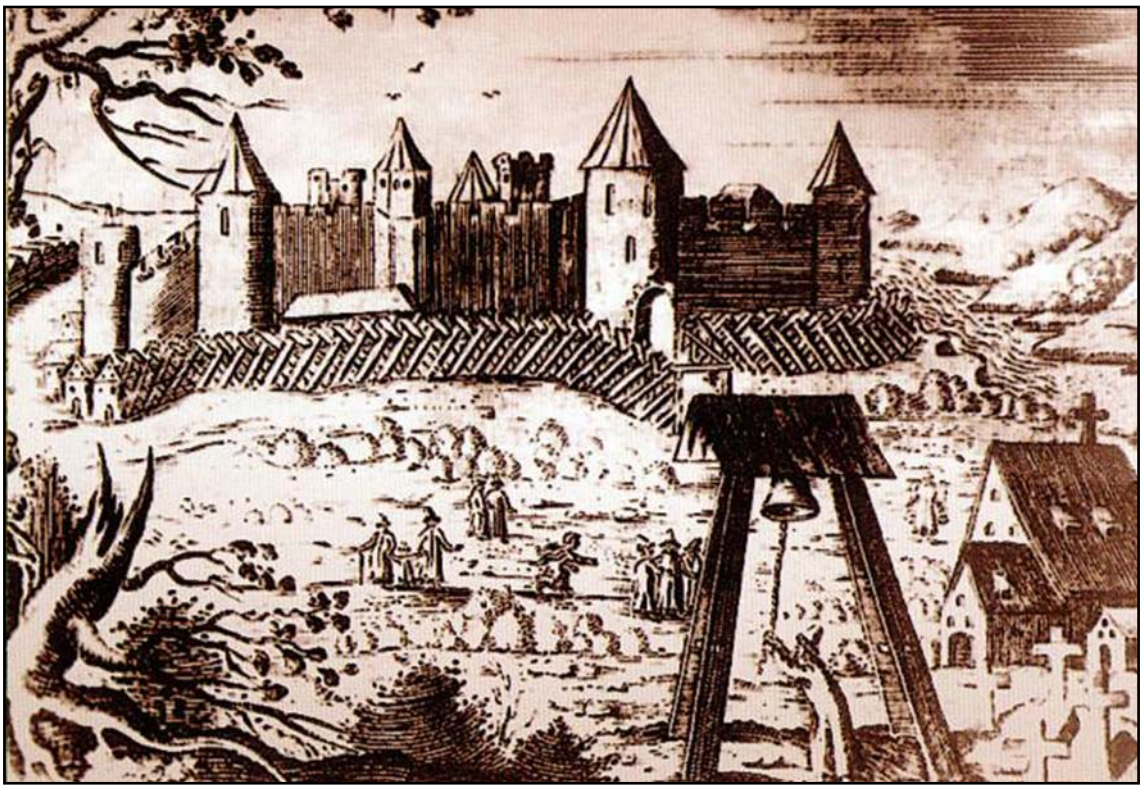

Рис. 3. Изображение крепости Ям секретарем голштинского посольства в Московию Адамом Олеарием в 1634 г. (по Косточкин 1958: 135, рис. 33; Россия XVII века... 2003: 264).

Fig. 3. Yam fortress depicted by Holstein Embassy's secretary to Moscovia Adam Olearius in 1634 (after Косточкин 1958: 135, рис. 33; Россия XVII века... 2003: 264).

стена). Угол его шпица равен 110º. Углы примыкания фасов и фланков — 125º—130º. Угол куртины 105º, фланки по отношению к каменной стене окольного города — 90º.

Рондели (бастеи) — изобретение инженера Альбрехта Дюрера (Duffy 1979: 5—7), который «для действенного фланкирования артиллерийским огнем рвов, устроенных впереди валов... предложил возводить стены крепостных оград с полукруглыми выступами — бастеями» (Степанов 2000: 9). Рондели делались насыпными. Они представляли собой обширные земляные сооружения с открытой сверху пушечной обороной, сильно выдвинутые вперед в сторону рва для наилучшего фланкирования, являлись важнейшими оборонительными точками крепости, «вести атаку на бастеи было почти невозможно, тем более, что в то время еще не решались на атаку башен и всегда атаковали стены между ними (куртины) как пункты более слабые» (Яковлев 1931: 38). Рондели (бастеи) являлись своего рода протобастионами. Ими также могли окружать, обводить уже существующие башни крепостей, что и наблюдается на планах Ямгорода 1680-х гг. Подобный способ дополнительной защиты башен был сравнительно прост и дешев, и этот принцип использовался долгое время. Его использовал даже военный инженер Себастьян де Вобан: «в некоторых случаях, особенно в береговой обороне вокруг Ля Рошеля и Рошфора, он просто окружал выступающую средневековую башню низколежащей полукруглой пушечной батареей. Так, бастионная ограда, вероятно, была очень практичной и эффективной» (Griffith 2006: 21). Рондели сооружали во множестве крепостей по всей Европе: в Вероне, Сиене (Duffy 1979: 17), Аугсбурге (Duffy 1979: 183), Кракове (Bogdanowski 1975: 30), Гданьске (Bogdanowski 1975: 30; Stankiewicz 1975: 147—157), Вроцлаве (Malachowicz 1975: 99—123), Сальсе (Duffy 1979: 49) и в большом количестве других. Таким образом, изображенное на планах 1680-х гг. земляное укрепление было не просто «двухбашенный вход в цитадель» (Кирпичников 1984: 188), а попытка прикрытия входа в крепость тем защитным способом, который был широко распространен в Европе уже в начале XVI в.

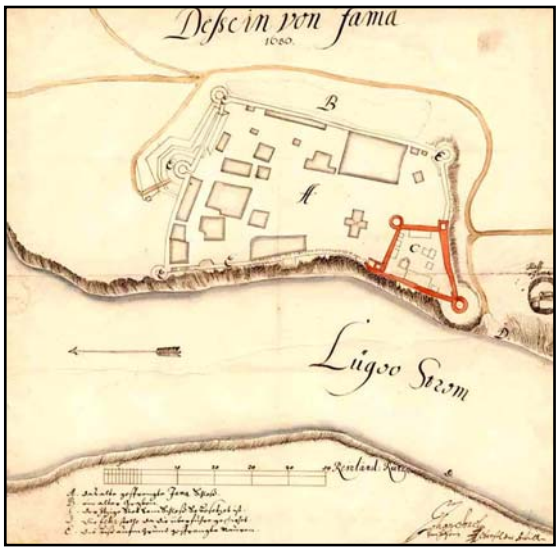

Рис. 4. «План Ямы» 1680 г. (по Кирпичников 1984: 186, рис. 92).

Fig. 4. "Plan of Yam" of 1680 (after Кирпичников 1984: 186, рис. 92).

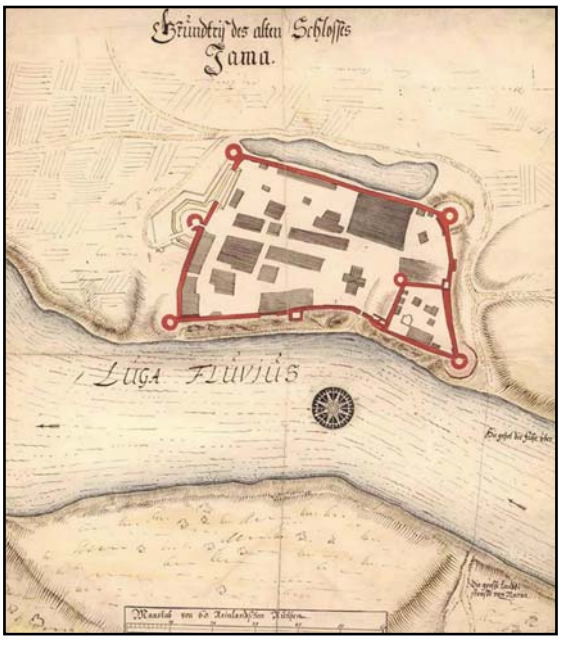

Рис. 5. «План старинного замка Яма» около 1680 г. (по Кирпичников 1984: 187, рис. 93).

Fig. 5. "Plan of ancient Yam castle" near 1680 (after Кирпичников 1984: 187, рис. 93).

2. Второй строительный период. Крепость Ямбург

О втором строительном периоде бастионной структуры Ямгорода свидетельствуют многочисленные письменные и картографические материалы. После взятия крепости русскими войсками с 15 мая приступили к постройке вокруг города земляной крепостцы. В Журнале или Поденой записке Петра I указано: «А Генерал Маиор фон Вердин ото Пскова с нарочитою частью пехоты осадил Ямы, которыя оба места с малым супротивлением сдались, (понеже были малолюдны и малы) и гарнизоны отпущены в Нарву. По овладении оных мест указано Генералу фелдмаршалу Шереметеву Ямы фортификовать, что и учинено, и потом оная новая крепость названа Ямбургом» (Журнал... 1770: 70). Новая бастионная крепость 1703 г. была представлена четырьмя бастионами, тремя бастионными фронтами — «обращенные в поле и начертанные на сторонах неправильного четырехугольника» (Ласковский 1861: 501—502), линией куртин, одним воротным комплексом на напольной стороне с мостом через ров и опоясывала новгородскую крепость Ям, составляя таким образом новую вторую линию обороны.

По проекту Петра I крепость должна была быть воздвигнута в небольшие сроки: «Болверки в 10 дней а весь город в 4 недели от сего числа конечно бы сделать, понеже великое дело в том состоит» (Инструкция... 1889: 176—177). По его представлению, в самом начале преимущественным было строительство бастионов, а затем только линий куртин, вследствие того, что, по его мнению, на бастионы чаще всего приходится главный удар: «Болверки конечно надобно наперед отделать, покинув куртины и совсем отделав и поставя пушки приняться за куртины... надлежит в фасах по 3, а понужде по 2 саж., кроме дерну, земли быть... а то можно знать, что неприятель кроме фасов, нигде не делает брешев; многую землю кладут на куртины, где не нужно, и тое б лучше класть в болверки» (Инструкция... 1889: 176—177). Под каждой куртиной предполагалось соорудить пороховой погреб (всего 3), каждый должен был быть засыпан землею на 2 сажени (Инструкция... 1889: 176—177).

На сегодняшний день наиболее ранним изображением петровской бастионной крепости является план Ямбурга первой половины XVIII в. из Собрания иностранных рукописей Петра I «La Fortification de neuf sapel jam» (НИОР БАН. Собрание рукописных карт. Основная опись. №815; рис. 6), опубликованный впервые В. Косточкиным в 1958 г. без какого-либо подробного пояснения к чертежу (Косточкин 1958: 137). Автор сообщает лишь, что «на «Плане крепости г. Ямбурга» первой половины XVIII в. эта бастионная петровская крепость изображена почти в первоначальном виде» (Косточкин 1958: 136).

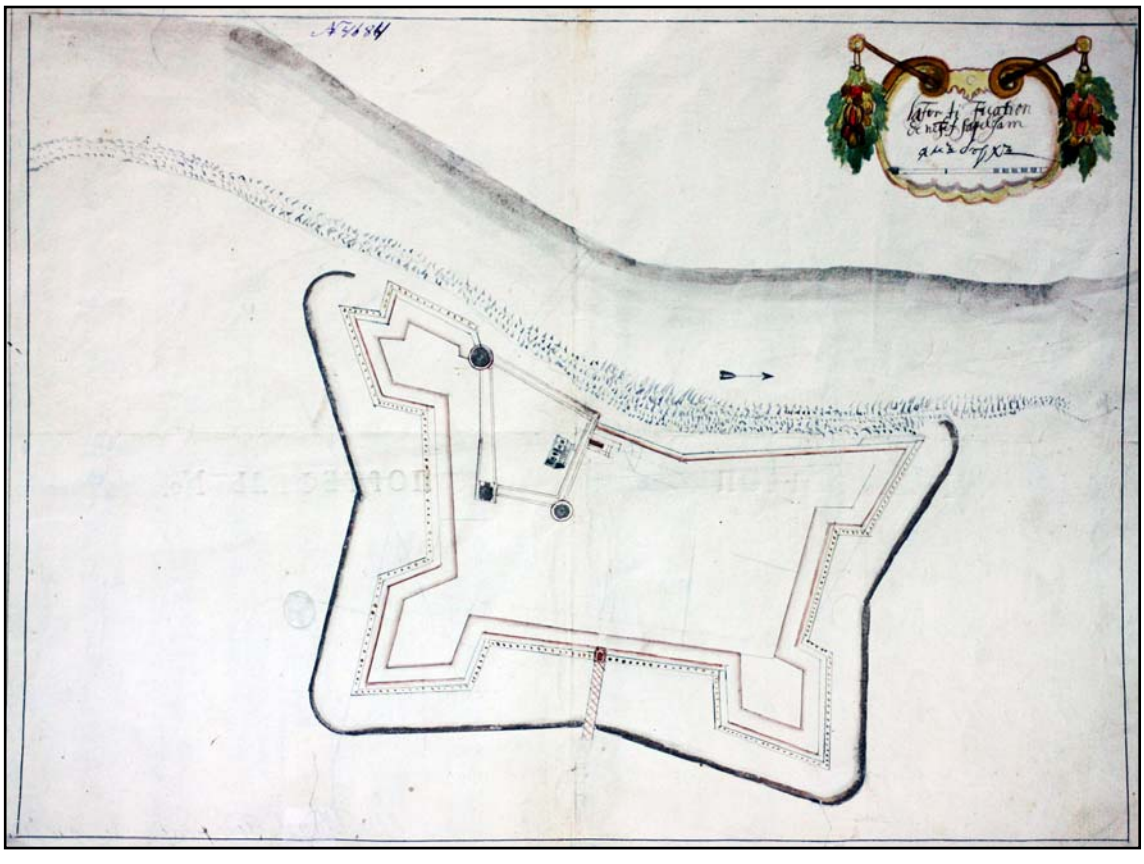

Рис. 6. «La Fortification de neuf sapel jam» («Укрепления новой крепости Ям»). Первая половина XVIII в. НИОР БАН. Собрание рукописных карт. Основная опись, №815.

Fig. 6. "La Fortification de neuf sapel jam" ("The fortifications of the new Yam fortress"). First half of 18th century. Library of the Russian Academy of Sciences. Research Department for Manuscripts. Collection of handwritten plans. Main inventory, no. 815.

План «La Fortification de neuf sapel Jam» — в красках, не указаны единицы измерения (название приведено на французском языке, можно предполагать, по аналогии с другими планами на французском языке из Собрания Петра I, что и единицы измерения подразумеваются соответствующие — туаз (франц. *toise*)), 32×41,5 (Исторический очерк... 1961: 162). На чертеже изображена бастионная крепость на берегу реки, состоящая из четырех бастионов, трех бастионных фронтов со стороны напольной стороны, рва с линией частокола у подошвы эскарпа, помещенного в частокольную канавку, воротного устройства с мостом, перекинутого через ров, линии контрэскара. Бастионная крепость на данном плане является второй линией обороны, включающей в себя первую — четырехбашенную каменную крепость. Совершенно очевидно, что автор проекта под этой каменной крепостью имел в виду древнюю новгородскую каменную цитадель, которую предназначалось сохранить внутри новой, отвечающей времени и новым технологиям оборонного зодчества и огнестрельной науки бастионной крепости: «горжа по берегу р. Луги была сомкнута по прямому направлению валом, который доходил до старой каменной крепостцы, обращенной в цитадель» (Ласковский 1861: 501—502).

Но очевидно, что этим устройство петровской крепости не ограничивалось. Согласно распоряжениям Петра I, которые содержатся в инструкции к фельдмаршалу Шереметеву (Инструкция... 1889: 176—177), «которая вместе с тем весьма хорошо обрисовывает взгляд Государя на распорядительную часть» (Ласковский 1861: 501—502), под валгангом трех куртин, обращенных к напольной стороне, располагались деревянные казармы для солдат. Устройство их, очевидно, было следующим: они представляли собою цепь деревянных срубов, помещенных под валгангом куртин. Такое проектирование было предусмотрено самим Петром I. Так, в письме к Шереметеву он указывает: «Пока делают больверк, в то время рубить под все куртины казармы (на которые надобно земли по крайней нужде 9 фут. Рейнландских, а по прямому 13; а для высоты земли впустить их в зем-

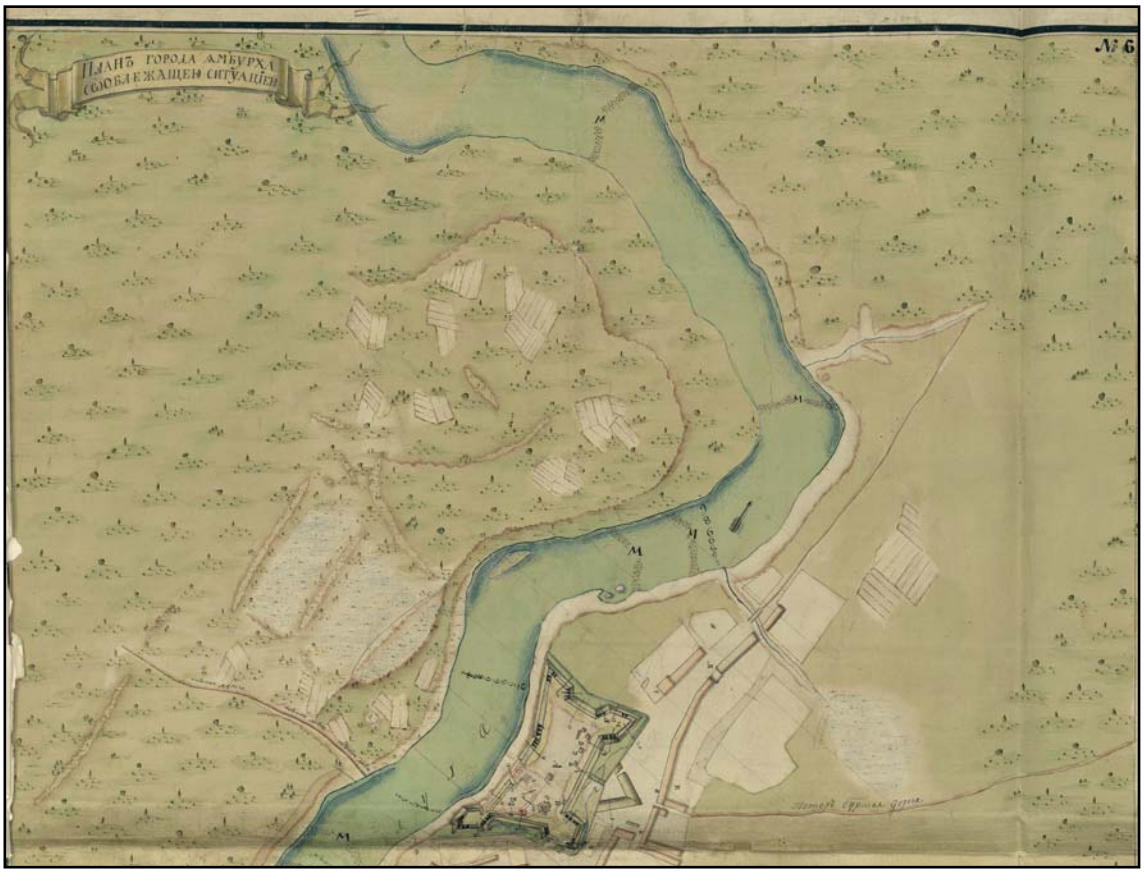

Рис. 7. «План города Амбурха с облежащею ситуациею». РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 710. Копия 1768 г. плана 1741 г.

Fig. 7. "Plan of Amburh town with surroundings". Russian State Historical Archive. Fund 1399. Inv. 1, dossier 710. Copy made in 1768 from a plan of 1741.

лю по самой камень) которые великое убежище солдатам от бомб и подспорье земляной работе...» (Инструкция... 1889: 176—177). Деревянные казармы были спроектированы не только на территории бастионной крепости, но и в каменной, о чем свидетельствует указание Петра I фельдмаршалу Шереметеву: «В каменном городе у той стены, что к Луге, изнутри надлежит сделать казармы о двух жильях широкия, а стену каменную для ея худобы разломать несколько, и потом сверх оных казарм во всю стену зделать батарею высотою против каменной стены, с которой возможно очищать все поле за рекою» (Инструкция... 1889: 176—177).

Для получения дополнительной информации и уточнения при реконструкции бастионной крепости Ямбург XVIII в. можно использовать и более поздние планы. Например, план Ямбурга 1741 г. (Кирпичников 1984), «План города Амбурха с облежащею ситуациею» (РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. №710. Копия 1768 г. плана 1741 г.; рис. 7), «План города Ямбурга с положением крепости и прежних обывательских дворов» (Косточкин 1958) второй половины XVIII в., «Вид и план землянаго вала в городе Ямбург» (Атлас... 1839) второй половины XVIII века, план Ямбурга 1784 г. (РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. №709; ПСЗРИ 1839: 10).

Бастионная крепость на плане 1741 г. несколько отличается. С напольной стороны показано устройство равелина с, очевидно, небольшим воротным устройством, целью которого являлась защита воротного комплекса главной бастионной крепости. На бастионах и куртинах показаны амбразуры для пушек. Бастион, расположенный рядом с каменной крепостью, спроектирован примерно так же, как и на плане Ласковского, а противоположный бастион у реки — так же, как на плане из Собрания Петра I в виде полубастиона. Ров так же, как и на обоих планах, здесь показан наполненным водой. План крепости 1761 г. (Косточкин 1958), «скопированный с какого-то, может быть, немного более раннего чертежа архитектурным учеником Иваном Ивановым», также изображена четырехбастионная крепость Ямбург. Крепость имеет четыре полноценных бастиона (бастион у каменной крепости небольших размеров, в отличие

от трех других, которые спроектированы примерно равных размеров), ров, наполненный водой, сообщающийся с рекой Лугой, воротное устройство с напольной стороны с мостом через ров, линию контрэскарпа. Бастионная крепость так же, как и на остальных планах, здесь является второй линией обороны, включающей внутри себя более раннюю новгородскую каменную цитадель. Возможно, необходимость проведения обмеров крепости и ее территории и составления данного чертежа возникла из-за реализации проекта строительства здесь суконной фабрики, в связи с чем на территории крепости проводились предварительные работы по расчистке территории: «По сведениям, от старожилов собранным, при построении в Ямбурге суконной фабрики, в начале 1760 года, восточная сторона вала и остатки древних зданий из плитнаго камня, разчищены и разсыпаны по окрестностям, для возвышения мест, тогда же планированных под обывательские домы. В 1816 году, большая половина сего вала, по Высочайше утвержденному плану, поступила, вместе с прочими казенными зданиями и землями, под ситцевую фабрику» (Глаголев 1839: 113). План 1784 г. условно показывает бастионную крепость двойной линией с показанием двух бастионов. Условность вполне очевидна, так как в 1781 г. по указу Екатерины II, с целью создания в Ямбурге промышленного пригорода столицы, должны были разобрать верхние части каменной крепости. «Вид и план землянаго вала в городе Ямбург», опубликованный в 1839 г. в «Атласе к материалам для статистики Российской Империи» (Атлас... 1839), схож в некоторой степени по своей объемно-планировочной структуре с самым ранним изображением крепости, с планом первой половины XVIII в. из собрания Петра I. На плане изображены два бастиона: один — обращенный к напольной стороне, и второй — обращенный к реке Луге, и три куртины, одна из которых расположена по берегу реки Луги. Очевидно, это фиксационный план, выполненный на тот момент, когда бастионная крепость приходила в упадок, — сохранились только два бастиона и три куртины, очертания которых и посажены на план.

Исходя из числовых показателей бастионов крепости Ямбург, которые содержатся в приведенных выше планах, можно сделать вывод, что чертежи первой половины XVIII в. из собрания Петра I и 1741 г. во многом схожи и, видимо, крепость была построена исходя примерно из этих параметров. Таким образом, даже если план из петровского собрания и был только проектным (хотя он мог быть проектным и реализованным), близость его показателей фиксационному плану 1741 г. показывает, что вероятнее всего, в таком контексте и была построена петровская крепость Ямбург. Хотя необходимо понимать, что план 1741 г. также имеет большую долю условности, поскольку крепость ко времени снятия плана постепенно приходила в негодность и запустение.

В ходе анализа приведенных письменных и картографических материалов, а также использования современной топографической съемки петровской бастионной крепости, можно представить некую ее реконструкцию. Необходимо заметить, что достаточно хорошо сохранившиеся остатки крепости, зафиксированные при помощи топографической съемки, не совсем совпадают планиграфически с наиболее достоверными ее планами — чертежом первой половины XVIII в. и планом 1741 г. Но все же очевидно, что за основу был взят именно тот план, что содержится в «Иностранных рукописях» Петра I. Все четыре бастиона крепости широкие, но имели не одинаковую объемно-планировочную структуру. «При проектировании любой многоугольной фортификации инженер сначала определяется в решении, по какой линии полигона укрепления — внутренней или наружной — ему необходимо произвести начертание бастионного фронта» (Степанов 2000: 40). Итальянский способ подразумевал проектирование по внутренней линии, французский способ, начиная с Пагана, — наружный. Крепость Ямбург на чертеже первой половины XVIII в. спроектирована по наружной линии полигона, это видно в том числе и по слегка заметным линиям, отходящим от фасов, их продолжению, упирающиеся в угол примыкания противоположенного фланка и куртины. Это так называемые оборонительные линии. Они составляют расстояние от обороняющегося фланка до фланкируемой им вершины — угла шпица смежного бастиона. Оборонительные линии крепости Ямбург находились по отношению к фланкам бастиона под углом 65º—67º—70º, что не соответствовало, например, системе Вобана, где этот угол составлял 87—89º. Длина фасов составляет примерно от 1/6 линии наружного полигона (бастионный фронт, обращенный к напольной стороне, включающий куртину с воротным комплексом) до приблизительно 1/4 линии наружного полигона крепости. Таким образом, этот параметр крепости Ямбург на чертеже не совсем совпадает с общепринятыми европейскими стандартами (1/3 от линии наруж-

ного полигона), очевидно, в силу необходимости приспособления новой бастионной крепости к имеющемуся рельефу и уже имеющимся устаревшим крепостным сооружениям. Углы наружного полигона равны от 85º до 102º—104º. В XVII — начале XVIII вв. считалось, что, чем больше угол полигона, тем эффективнее оборона, поэтому его старались проектировать как можно шире, приближаясь к 180º. Оборонительные линии крепости Ямбург на чертеже первой половины XVIII в. образуют 3 бастионных фронта (плюс изломанная линия куртины, обращенная к реке Луге). Углы шпица (исходящие углы) бастионов крепости Ямбург составляли от 62º (полубастион у реки Луги)[1], примерно 61º—83º (бастион у каменной цитадели) до 71º—80º (бастионы напольной стороны). То есть, бастионы проектировались широкими, вне существующей тогда во многих европейских странах (в особенности у итальянских инженеров со второй половины XVI в.) тенденции к зауживанию исходящего угла. Подобные шпицы проектировали и во французской, и в голландской, и в итальянской, и в немецкой системе Георга Римплера. Так, Вобан в рамках своей системы считал, что «углу бастиона никогда не надлежит более 100, ниже менше 60 градусов быть; ежели он болше то неможет Фас по надлежащему дефендован быть; ежели он менше, то он долго неможет стоять, против временной непогоды и подкопов; такожде и от пушечной стрельбы...» (Вобан 1724: 14), а Георг Римплер, описывая существующую на тот момент тенденцию к уменьшению угла шпица, к проектированию его более острым, писал, что «но понеже... исходящие углы умаленны бывают, то вопрошается, коль много то умаление позволитися может, и в том все нынешние инженеры согласны, что даже до 60 градусов то учинитися может... угол в 60 градусов, толь же добр, как и в 90 градусов, есть ли токмо из доброй материи построен был» (Римплер 1708: 5).

Фланки бастионов крепости перпендикулярны оборонительным линиям, что являлось правилом в XVII в. и использовалось начиная с французского инженера Пагана, а впоследствии употреблялось и Вобаном[2]. При этом оборонительные линии крепости Ямбург на плане упираются в углы куртины — при таком построении фланковый огонь считался наиболее эффективным. Фланки крепости Ямбург не были короткими, они не составляли половины длины фасов, что в XVII в. являлось отличительным признаком именно французской системы Вобана. В XVI в. короткие фланки использовались итальянскими и голландскими инженерами, в течение XVII столетия инженеры этих фортификационных школ увеличивали протяженность фланков бастионов. Только в системе Вобана фланки оставались короткими. Фланки крепости Ямбург не короткие, а длинные, ни на одном из известных планов не показаны как двойные, они были одинарными. Что отличает ее от, например, двойных фланков Малого земляного города Новгорода, которые изображены на нескольких чертежах, в том числе и на тех, которые принадлежат, как и самый ранний план Ямбурга, собранию иностранных рукописей Петра I. Отличаются они и от двойных фланков первоначальной дерево-земляной Санкт-Петербургской крепости, к бастионам которой, «к их наружной отлогости были присыпаны примерно наполовину высоты главного вала земляные пониженные фланки» (Степанов 2000: 47). Длина их фасов практически одинаковая — 40 м и 41,1 м (топосъемка). Таким образом, числовые исчисления этого параметра бастионной структуры Ямбурга близки скорее к германским параметрам.

Что касается реконструкции устройства куртин: их было 4. «Вобан и современные ему французские инженеры учитывали прежний опыт строительства военных сооружений, сделав из него совершенно определенный вывод — чем короче куртина, тем эффективнее действует оборона» (Степанов 2000: 45). Длина куртин крепости Ямбург составляла: у куртины, примыкающей к полубастиону, — от 52,9 м (план первой половины XVIII в.) до 56,2 м (современная топосъемка); у куртины, примыкающей к бастиону у каменной цитадели, — от 65,8 м (план первой половины XVIII в.) до 81,32 м (современная топосъемка); у куртины с воротным комплексом — от 101,16 м (план первой половины XVIII в.) до 94,9 м (современная топосъемка); длина изломанной куртины, обращенной к реке Луге и несколько повторяющей береговую линию, включая отрезок каменно-

[1] Исходящий угол получился не полным из-за условий рельефа, из-за необходимости приспособления бастиона к береговой линии реки Луги, поэтому его не вполне можно применять для сравнения с европейскими стандартами, так же как и в ситуации со шпицами бастиона у каменной цитадели.

[2] В XVI в. фланковая оборона была ориентирована не на оборонительные линии, которые обороняли фасы бастиона, а на длинные куртины, поэтому фланки проектировались перпендикулярно им, а не оборонительным линиям, как в XVII в.

го прясла ранней крепости, — 184,67 м (план первой половины XVIII в.) и 206,75 м (современная топосъемка).

Совершенно очевидно, что крепость Ямбург строилась не просто с учетом передовых европейских технологий того времени, но ее объемно-планировочную структуру максимально приспосабливали к имеющемуся рельефу местности, что сближает ее с другими бастионными крепостями Новгородской земли рассматриваемого периода. Под куртинами, как уже было сказано выше, были устроены деревянные казармы для защиты от навесного огня. Структура их также была подробно описана выше. Посередине одной из куртин были расположены ворота с мостом через ров. На плане из Собрания иностранных рукописей Петра I нанесен воротный комплекс, изображенный достаточно условно, арочной конструкции. К нему вплотную примыкает мост, очевидно, деревянный (на плане заштрихован), перекинутый через ров. Крепость Ямбург была обведена рвом, на плане первой половины XVIII в. из петровского Собрания, у подошвы эскарпа — палисад. Он показан в канавке, идущим по всему периметру крепости. Подобное защитное сооружение использовали для обороны сухих рвов в европейских бастионных крепостях. О нем, в частности, упоминают в своих сочинениях и Кегорн, и Вобан: «Ежели ров сухой, то неприятелю переход чрез ров, и подведение минера к стене крепости можно еще труднее зделать. В средине рва во всю длину атакованных фасов поставить надлежит палисадник, а на тех местах, где палисадник кончится, положить хорошия капониры для обороны того палисадника, чего ради неприятельскому минеру скоро и без великаго страху чрез ров к бастионам крепости притти будет неможно, пока весь палисадник разорен не будет, а тот палисадник ему весьма будет трудно разорить, когда ров будет довольной глубины и ширины» (Вобан 1744: 180). Оборонительная задача палисада сводилась к тому, чтобы не допустить осаждающей стороне подвести минные подкопы под основание эскарпа и таким образом не взорвать его: «Неприятель в таком случае вынужден будет тот палисадник малыми подкопами один ряд за другим взрывать, а прежде того ему не можно будет, на высоте бреша ложемент свой делать. Как он те ряды палисадника все разорит, и свой ложемент на высоте бреша делать зачнет, то надлежит по нем из трех или из 4-х поставленных в ретраншемент пушек вкось с боку, а из других пушек и из мортир спереди бить» (Вобан 1744: 182), «...и в округ оного полисады, и тако не можно будет таино мины подвесть» (Вобан 1724: 139). Палисад употреблялся не только во французской фортификационной системе, но и в голландской, о нем упоминает известный голландский военный инженер Минно Кегорн: «Пред сим ложаментом 3 фута[3] (0,85 м — *Н. С.*) от их стены постановляется один ряд полисадов, да бы неприятель к сеи стене с петардою не мог приближится... Кругом главного бастиона 12 руты от стены один ряд полисадов постановляется...» (Кугорн 1709: 12, 81). В качестве аналогии также можно привести шведскую крепость Ниеншанц, где он показан на многочисленных проектных планах, вокруг рва также была устроена частокольная канавка, на расстоянии 3 м от подошвы эскарпа, с частоколом, которая была обнаружена и зафиксирована в ходе археологических работ П. Е. Сорокина (Сорокин 2008; Сорокин и др. 2009: 194).

Завершая характеристику оборонительной структуры крепости Ямбург, опирающуюся на письменные и картографические материалы, а также материалы современной топосъемки, следует отметить, что она, несомненно, была спроектирована в соответствии с имевшимися в то время европейскими стандартами фортификационного зодчества; применительно к ней чаще всего использовали технологии, характерные именно для французского способа укрепления Вобана, приспособленные под местные условия и собственные традиции русского оборонного зодчества. И это несмотря на то, что в конце XVII — начале XVIII в. разнообразные фортификационные школы разных стран постепенно вырабатывают более или менее единые удобные стандарты оборонительного строительства, используют одни и те же или близкие параметры, технологии. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что в реальности крепость была построена с некоторыми не очень значительными отклонениями от проектного плана, что, в общем, в принципе совершенно не исказило замысел автора проекта, так как числовые параметры не соблюдены в небольшой степени.

В настоящий момент сохранилось три бастиона с примыкающими к ним куртинами в северной части крепости и в южной, земляные укрепления с южной стороны частично срыты. Юго-западный бастион сохранился частично, не на полную высоту, поскольку был потревожен поздним строительством на его площади памятника. Также частично были

[3] Очевидно, имеется в виду амстердамский фут, равный 0,283133 м.

потревожены его фасы и фланки. Но форма и структура бастиона угадывается и соответствует проектному плану 1703 г., фиксационному плану 1741 г. и плану современной топосъемки. В северной и южной части крепости сохранился ров, в западной части — пруд, стекающий в северную часть рва. На территории крепости находится городской парк.

Литература

Атлас... 1839: *Атлас к материалам для статистики Российской Империи*. 1839. Санкт-Петербург: Литограф. заведение Ив. Селезнёва.

Вобан С. 1724. *Прямый способ укрепления городов*. Санкт-Петербург.

Вобан С. 1744. *Книга о атаке и обороне крепостей*. Санкт-Петербург.

Глаголев А. 1839. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников. В: *Материалы для статистики Российской Империи, издаваемые, с высочайшаго соизволения, при статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел*. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел.

Журнал... 1770: *Журнал или Поденая записка Блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго с 1698 года, даже до заключения Нейштатскаго мира*. 1770. Ч. I. Санкт-Петербург. Типография Императорской Академии наук.

Инструкция... 1889: Инструкция Борису Петровичу Шереметеву (1703 июня 5). В: *Письма и бумаги Петра Великого*. Т. 2. Санкт-Петербург: Гос. типография, 176—177.

Исторический очерк... 1961: Андреев А.И., Чеботарев Г.А. (ред.). 1961. *Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела библиотеки Академии наук. Карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры. Собрание Петра I*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Кильдюшевский В.И., Курбатов А.В. 1995. Новые исследования крепости Ям. В: Массон В.М. (отв. ред.). *Фортификация в древности и средневековье (материалы методического семинара ИИМК)*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 103—105.

Кирпичников А.Н. 1972. Раскопки древнего Ямгорода. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *АО 1971 года*. Москва: Наука, 42—43.

Кирпичников А.Н. 1979. Крепости бастионного типа в средневековой России. В: Лихачев Д.С. (отв. ред.). *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник*. 1978. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 471—499.

Кирпичников А.Н. 1984. *Каменные крепости Новгородской земли*. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.

Косточкин В.В. 1958. К характеристике памятников военного зодчества Московской Руси конца XV в. — начала XVI в. *МИА* 77, 101—142.

Кугорн М. 1709. *Новое крепостное строение на мокром или низком горизонте*. Москва.

Ласковский Ф.Ф. 1861. *Материалы для истории инженерного искусства в России*. Ч. II. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук.

Ласковский Ф.Ф. 1861. *Карты, планы и чертежи к II части материалов для истории инженерного искусства в России*. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук.

План города Ямбурга. РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 709.

План города Ямбурга. РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 710.

ПСЗРИ 1839: *Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Книга чертежей и рисунков (планы городов)*. 1839. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.

Римплер Г. 1708. *Римплерова манира о строении крепостей*. Москва.

Россия XVII века... 2003: *Россия XVII века. Воспоминания иностранцев*. 2003. Смоленск: Русич.

Сорокин и др. 2009: Сорокин П.Е., Поляков А.В., Иванова А.В., Михайлов К.А., Лазаретов И.П., Гукин В.Д., Ахмадеева М.М., Глыбин В.А., Попов С.Г., Семенов С.А. 2009. Археологические исследования крепостей Ландскрона и Ниеншанц в устье реки Охты в 2008 году. Предварительные результаты. В: Сорокин П.Е. (отв. ред.). *Археологическое наследие Санкт-Петербурга* 3. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 188—203.

Степанов С.Д. 2000. *Санкт-Петербургская Петропавловская крепость. История проектирования и строительства*. Санкт-Петербург: Белое и черное.

Яковлев В.В. 1931. *Эволюция долговременной фортификации*. Москва: Госвоениздат НКО СССР.

Яковлев В.В. 1945. Петр I — основоположник военно-инженерного дела в России. *Военная мысль* (4—5). Москва: Военное издательство народного комиссариата обороны, 99—108.

Bogdanowski J. 1975. Basteje ziemne Malopolski w świetle traktatu Rei tormentariae... (XV—XVI w.). In: Kloza M. (redaktor naczelny). *Bastejowe fortyfikacje w Polsce*. Wrocław: Prace Naukowe, 25—34.

Duffy C. 1979. *Siege Warefare. The Fortress in the Early Modern World 1494—1660*. London: Routledge and Kegan Paul Ltd.

Griffith P. 2006. *The Vauban Fortifications of France*. Oxford: Osprey Publishing.

La Fortification de neuf sapel Jam. НИОР БАН. Собрание рукописных карт. Основная опись. №815.

Malachowicz E. 1975. Bastejowe fortyfikacje Wrocławia. In: Kloza M. (redaktor naczelny). *Bastejowe fortyfikacje w Polsce*. Wrocław: Prace Naukowe, 99—123.

Munthe L. 1902. *Kongl. Fortifikationens historia*. T. I (planscher). Stockholm.

Stankiewicz J. 1975. Niektóre problem bastejowych fortyfikacji Gdańska w pierwszej polowie XVI wieku. In: Kloza M. (redaktor naczelny). *Bastejowe fortyfikacje w Polsce*. Wrocław: Prace Naukowe, 147—157.

References

Atlas k materialam dlia statistiki Rossiiskoi Imperii (Atlas Annexed to the Materials for Statistics of the Russian Empire). 1839. Saint Petersburg: “Iv. Seleznev” Publ. (in Russian).

Vauban, S. 1724. *Priamyi sposob ukrepleniia gorodov (A Straightforward Way to Defend Cities)*. Saint Petersburg (in Russian).

Vauban, S. 1744. *Kniga o atake i oborone krepostei (Book on Siege and Defense of Fortresses)*. Saint Petersburg (in Russian).

Glagolev, A. 1839. In *Materialy dlia statistiki Rossiiskoi Imperii, izdavaemye, s vysochaishago soizvoleniia, pri statisticheskom otdelenii Soveta Ministerstva vnutrennikh del (Materials for Statistics of the Russian Empire, edited with the Royal permission by the Statistics Department of the*

Council of the Ministry of Interiors). Saint Petersburg: Typography of the Interior ministry (in Russian).

Zhurnal ili Podenaia zapiska Blazhennyia i vechnodostoinyia pamiati gosudaria imperatora Petra Velikago s 1698 goda, dazhe do zakliucheniia Neishtatskago mira (Journal or a Day Book of the Blessed and Commemorable Emperor Peter the Great from 1698 until Nystad Peace). 1770. Part I. Saint Petersburg. Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Instruktsiia Borisu Petrovichu Sheremetevu (1703 iiunia 5). V: *Pis'ma i bumagi Petra Velikogo (Peter the Great's Letters and Documents)* 2. Saint Petersburg: State Typography, 176—177 (in Russian).

Andreev, A.I., Chebotarev, G.A. (eds.). 1961. *Istoricheskii ocherk i obzor fondov rukopisnogo otdela biblioteki Akademii nauk. Karty, plany, chertezhi, risunki i graviury. Sobranie Petra I (Historical Essay and Review of the Funds of the Manuscript Section of the Academy of Sciences Library. Maps, plans, blueprints, drawings and engravings. Peter I Collection).* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kil'diushevskii, V.I., Kurbatov, A.V. 1995. In *Fortifikatsiia v drevnosti i srednevekov'e (materialy metodicheskogo seminara IIMK) (Fortification in Antiquity and Middle Ages (proceedings of the methodological workshop of the Institute of History of Material Culture)).* Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 103—105 (in Russian).

Kirpichnikov, A.N. 1972. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1971 goda (Archaeological Discoveries of 1971).* Moscow: "Nauka" Publ., 42—43 (in Russian).

Kirpichnikov, A.N. 1979. In *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. 1978 (Cultural Sites. New Discoveries. 1978).* Leningrad: "Nauka" Publ., 471—499 (in Russian).

Kirpichnikov, A.N. 1984. *Kamennye kreposti Novgorodskoi zemli (Stone Fortresses of the Novgorod Land).* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kostochkin, V.V. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology)* 77, 101—142 (in Russian).

Kugorn, M. 1709. *Novoe krepostnoe stroenie na mokrom ili nizkom gorizonte (New Fortress Built in a Wetland or a Valley).* Moscow (in Russian).

Laskovskii, F.F. 1861. *Materialy dlia istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii (Materials for the History of Engineering in Russia).* Part II. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Laskovskii, F.F. 1861. *Karty, plany i chertezhi k II chasti materialov dlia istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii (Maps, plans and blueprints for the II part of Materials for the History of Engineering in Russia).* Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

*Plan goroda Iamburga (Plan of Yamburg Town)***.** Russian State Historical Archive. Fund 1399, Inv. 1, dossier 709 (in Russian).

*Plan goroda Iamburga (Plan of Yamburg Town)***.** Russian State Historical Archive. Fund 1399, Inv. 1, dossier 710 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. Kniga chertezhei i risunkov (plany gorodov) (Complete Code of Laws of the Russian Empire. Corpus one. Book of blueprints and drawings (urban plans)). 1839. Saint Petersburg: "Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii" Publ. (in Russian).

Rimpler, G. 1708. *Rimplerova manira o stroenii krepostei (Rimpler's Method to Build Fortresses).* Moscow (in Russian).

Rossiia XVII veka. Vospominaniia inostrantsev (Russia of 17th c. Memoirs of Foreigners). 2003. Smolensk: "Rusich" Publ. (in Russian).

Sorokin, P.E., Poliakov, A.V., Ivanova, A.V., Mikhailov, K.A., Lazaretov, I.P., Gukin, V.D., Akhmadeeva, M.M., Glybin, V.A., Popov, S.G., Semenov, S.A. 2009. In *Arkheologicheskoe nasledie Sankt-Peterburga (Archaeological Heritage of Saint Petersburg)* 3. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 188—203 (in Russian).

Stepanov, S.D. 2000. *Sankt-Peterburgskaia Petropavlovskaia krepost'. Istoriia proektirovaniia i stroitel'stva (Peter and Paul Fortress. History of its Design and Construction).* Saint Petersburg: "Beloe i chernoe" Publ. (in Russian).

Iakovlev, V.V. 1931. *Evoliutsiia dolgovremennoi fortifikatsii (Evolution of Long-Term Fortification).* Moscow: "Gosvoenizdat" Publ. of the USSR People's Commissariat of Defense (in Russian).

Iakovlev, V.V. 1945. In *Voennaia mysl' (Military Thought)* (4—5). Moscow: "Voennoe izdatel'stvo" Publ. of the People's Commissariat of Defense, 99—108 (in Russian).

Bogdanowski, J. 1975. Basteje ziemne Malopolski w świetle traktatu Rei tormentariae... (XV—XVI w.). In: Kloza M. (redaktor naczelny). *Bastejowe fortyfikacje w Polsce*. Wrocław: Prace Naukowe, 25—34.

Duffy, C. 1979. *Siege Warefare. The Fortress in the Early Modern World 1494—1660.* London: Routledge and Kegan Paul Ltd.

Griffith, P. 2006. *The Vauban Fortifications of France.* Oxford: Osprey Publishing.

La Fortification de neuf sapel Jam. Library of the Russian Academy of Sciences. Research Department for Manuscripts. Collection of handwritten plans. The main inventory. №815.

Malachowicz, E. 1975. Bastejowe fortyfikacje Wrocławia. In: Kloza M. (redaktor naczelny). *Bastejowe fortyfikacje w Polsce*. Wrocław: Prace Naukowe, 99—123.

Munthe, L. 1902. *Kongl. Fortifikationens historia.* T. I (planscher). Stockholm.

Stankiewicz, J. 1975. Niektóre problem bastejowych fortyfikacji Gdańska w pierwszej polowie XVI wieku. In: Kloza M. (redaktor naczelny). *Bastejowe fortyfikacje w Polsce.* Wrocław: Prace Naukowe, 147—157.

Статья поступила в номер 18 апреля 2014 г.

Natalya Skripinskaya (Saint Petersburg, Russian Federation). Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences[1].

Natalya Skripinskaya (Sankt Petersburg, Rusia). Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiinţe a Rusiei.

Скрипинская Наталья Юрьевна (Санкт-Петербург, Россия). Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: karkassonn@mail.ru

Address: [1] Dvortsovaya Nab., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation

А. И. Сакса

Старый кафедральный собор в Выборге — уникальный объект культурного наследия

Keywords: Russia, Finland, Vyborg, medieval cathedral, archaeological-architectural research.

Cuvinte cheie: Rusia, Finlanda, Vîborg, catedrală medievală, cercetare arhitectural-arheologică.

Ключевые слова: Россия, Финляндия, Выборг, средневековый кафедральный собор, архитектурно-археологическое исследование.

A. I. Saksa

The Old Cathedral in Vyborg — a Unique Object of Cultural Heritage

The cultural heritage object of the 15th to 18th centuries "Church of St. Mary and St. Joseph and St. Olaf and the Clock Tower" is situated in the central part of Vyborg. Modern researchers date the construction of this stone temple to the first half of the 15th century. The church itself, which presumably was initially wooden, is first mentioned in a document of 1403 kept in the archives of Vatican. During the period of the temple's existence, it was repeatedly reconstructed. By now, only its external walls have survived.

Archaeological excavations at this site were conducted in 1886, 1913 and 1985—1991. The main phases of its construction were defined and the related architectural remains investigated. However, such problems as the time of the construction of the first stone church, identification and dates of all the reconstructions still are unsolved.

In 2010—2012, we carried out architectural measurements of this monument and archaeological excavations on its external southern side and inside the cathedral near its northern stone wall limiting the initial medieval space of the 15th century church. These investigations have resulted in definition of exact and reliable picture of the condition of the surviving walls of the edifice, identification of previously unknown reconstructions of different dates and traces of repairs on the walls. In addition, a three-dimensional model has been built of the ruins of the cathedral and the Clock Tower constituting a single complex with the latter.

A. I. Saksa

Vechea catedrală din Vîborg — un obiect unicat al patrimoniului cultural

Obiect de patrimoniu cultural — complexul „Biserica Sf. Maria şi a Sf. Olaf şi Turnul cu Ceas" din sec. XV—XVIII se află în partea centrală a Vîborgului. Cercetătorii contemporani datează edificarea acestui lăcaş din piatră în prima jumătate a sec. XV. Biserica, care inițial, probabil, era din lemn, este menționată pentru prima dată în unul dintre documentele din 1403, care se păstrează în arhiva Vaticanului. Catedrala a fost de mai multe ori refăcută, iar în momentul actual s-au păstrat doar pereții exteriori.

Cercetări arheologice în acest sit au fost realizate în 1886, 1913 şi între 1985—1991. Au fost determinate etapele de bază ale construcției şi au fost cercetate resturile arhitecturale, aferente fiecăreia dintre etape. În acelaşii timp, asemenea probleme, precum perioada de construcție a primei biserici din piatră, identificarea şi datarea tuturor refacerilor, au rămas nerezolvate.

Între 2010—2012 noi am realizat primele măsurători arhitecturale ale monumentului, însoțite de săpături arheologice în partea sudică exterioară şi în interiorul catedralei, lângă peretele nordic din piatră, al cadrului inițial al bisericii de sec. XV. Ca urmare a acestui fapt a fost obținută o imagine exactă şi autentică a stării pereților conservați ai edificiului, au fost identificate alte câteva refaceri şi urme de reparație pe pereți. A fost creat modelul 3D al complexului unic, care include ruinele catedralei şi Turnul cu Ceas.

А. И. Сакса

Старый кафедральный собор в Выборге — уникальный объект культурного наследия

Объект культурного наследия — комплекс «Церковь Святой Марии и Святого Олафа и Часовая Башня» XV—XVIII вв. находится в центральной части Выборга. Современные исследователи относят строительство этого каменного храма к первой половине XV века. Сама церковь — первоначально, вероятно, деревянная — впервые упоминается в одном из хранящихся в архиве Ватикана документов 1403 года. За время своего существования собор неоднократно перестраивался. К настоящему времени сохранились лишь его наружные стены.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© А. И. Сакса, 2014.

Археологические раскопки на этом памятнике проводились в 1886, 1913 и 1985—1991 годах. Были определены основные этапы его строительства и изучены относящиеся к ним архитектурные остатки. В то же время такие вопросы, как время строительства первой церкви из камня, выявление и датировка всех ее перестроек, остались без ответа.

В 2010—2012 гг. нами были проведены архитектурные обмеры памятника и археологические раскопки с внешней южной стороны и внутри собора у северной каменной стены первоначального средневекового объема церкви XV века. В результате получена точная и достоверная картина состояния сохранившихся стен постройки, выявлены ранее не известные разновременные перестройки и следы ремонтов на стенах. Была создана трехмерная модель руин собора и входящей с ним в единый комплекс Часовой башни.

Строительная история собора. Общие сведения

Объект культурного наследия, комплекс «Церковь Святой Марии и Святого Олафа и Часовая Башня» XV—XVIII вв. (Кафедральный собор XV—XVIII вв.)», находится в центральной части Выборга по адресу: улица Сторожевой башни, дом 6. В средние века это был центр защищенной в 1470-е годы каменной стеной городской территории (рис. 1). О времени строительства церкви из камня нет единого мнения. Современные исследователи относят строительство каменного храма к первой половине XV в. (Ulla-Riitta Kauppi, Mihail Miltšik 1993: 48—49; Тюленев 1995: 50—54, 82) или, более узко, ко времени между 1435 и 1445 гг. (Hiekkanen 2004: 250—251; 2007: 548—551). Различаются лишь представления о конкретных годах постройки, что связано с трактовкой сохранившихся источников по истории церкви. Также у исследователей этого памятника церковной архитектуры не сложилось, ввиду отсутствия достаточного количества достоверных источников, единого мнения по датировке последующих ранних этапов в его истории.

Католический приход в Выборге, вероятнее всего, был основан с постройкой шведами замка в 1293 г., но не позднее Ореховского мирного договора 1323 г. Первое письменное известие о нем датируется 1352 г. Сама церковь — первоначально, вероятно, деревянная — впервые упоминается в одном из хранящихся в архиве Ватикана документов 1403 г. В нем отмечается, что она освящена в честь Св. Марии и Св. Олафа. Деревянная церковь, предположительно, сгорела при осаде города новгородцами в 1411 г. Нам неизвестно, была ли она вскоре после этого заново отстроена в дереве. Известно, однако, что в 1418 г. папа Римский обещал на семь лет отпущение грехов всем тем, кто ходил в церковь и не забывал поддержать своими пожертвованиями ее восстановление. Такая помощь косвенно указывает на значительные затраты, скорее всего, связанные с каменным строительством. Более подробные сведения отсутствуют. Но в одной из папских булл 1449 г. отмечается, что церковь получила много пожертвований. Самым заметным дарителем был, вероятно, король Карл Кнутссон, который держал свой двор в замке в 1442—1448 гг.

Весной 1477 года в городе случился большой пожар, во время которого церковь сильно пострадала, остались лишь каменные стены. Храм был заново отстроен в 1494 г., когда, согласно существовавшей на одной из колонн надписи, были возведены своды. В этой надписи, однако, говорится лишь о сводах — трехнефный церковный зал снабдили сводами, — и в таком случае существует вероятность, что наружные стены были выложены уже после 1418 г., и только своды соорудили в 1494 г.

Первоначальный вид церкви известен лишь в общих чертах (рис. 2). Трехнефный церковный зал первоначально имел размеры

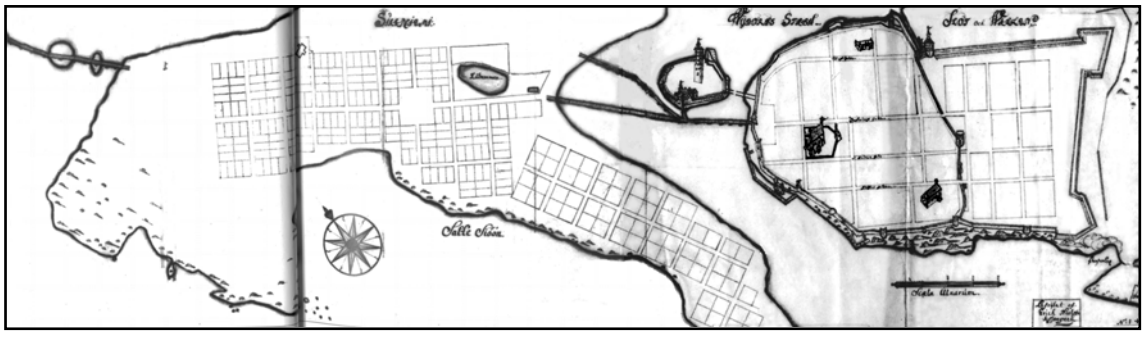

Рис. 1. Проект Эрика Аспегрена регулярной застройки Выборга 1642 г. (по Kauppi Ulla-Riitta, Miltšik Mihail 1993: 19).

Fig. 1. Erik Aspegren's plan of 1642 for regular house-building in Vyborg (after Kauppi Ulla-Riitta, Miltšik Mihail 1993: 19).

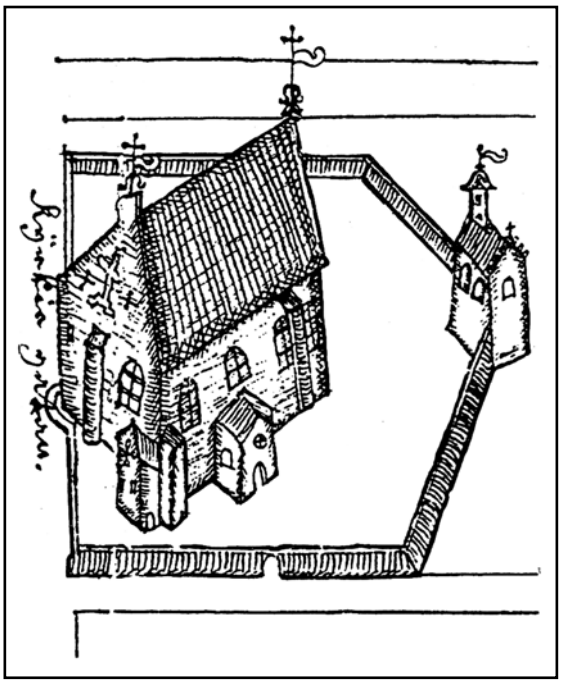

Рис. 2. Кафедральный собор Выборга в середине XVII в. Деталь из карты-проекта Эрика Аспегрена регулярной застройки Выборга 1642 года.

Fig. 2. The cathedral of Vyborg in the mid-17th century. A detail of Erik Aspegren's plan of 1642 for regular house-building in Vyborg.

37,0×19,4 м. На восточной стене существовала своеобразная колокольня.

В 1554—1578 гг. и затем снова, начиная с 1618 г., она служила кафедральным собором новой Выборгской епархии. Собор сильно пострадал во время сокрушительного городского пожара 1628 г. После этого к концу 1630-х гг. постройка была расширена с северной и западной стороны до современных размеров. Во время штурма Выборга войсками Петра I в 1710 г. собор получил частичные разрушения от бомбежки. В 1720 г. Петр I, будучи в Выборге, «указал большую кирху отделать и освятить церковью». Отремонтирован собор был к 1725 г., когда в нем устроили иконостас и 9 сентября освятили во имя Рождества Христова. Храм в дальнейшем в XVIII в. подвергался перестройке (рис. 3). С постройкой в 1788 г. в городе нового православного Преображенского собора богослужения в нем прекратились. Во время русско-шведской войны 1788—1790 гг. здание использовалось как склад боеприпасов русского флота. Большой городской пожар 1793 г. повредил его настолько, что храм решили не восстанавливать, тем более что в Выборге к этому времени уже был построен новый собор — Преображенский. Кафедральный собор передали провиантской комиссии, которая в 1805—1809 гг. приспособила здание под зерновой склад. Во время проведения работ по устройству под новое использование постройка окончательно утратила свои средневековые формы. В 1913 г. здание снова приспособили под православную церковь. С 1918 по 1940 гг., в составе независимой Финляндии, в нем располагалась лютеранская церковь. Здание было разрушено в 1940 г., во время так называемой «Зимней войны» (Neuvonen 1994: 110; Неувонен, Пёюхья, Мустонен 2006: 61—62). К настоящему времени сохранились лишь его наружные стены.

Это обстоятельство предоставляет возможность провести максимально полное архитектурно-археологическое исследование руин кафедрального собора с использованием современных методов и приборов.

Археологические исследования в соборе

Впервые на этом памятнике археологические раскопки были проведены в 1886 г. финским археологом Й. Р. Аспелином. Он сосредоточил свое внимание на погребениях в северной, пристроенной позднее к средневековому объему церкви, части, поскольку его целью было найти захоронение епископа Микаэля Агриколы (Rinne 1914: 64, 93—94). В 1913 г., в связи с планами переоборудовать старый кафедральный собор под православную церковь, раскопки в соборе провел Юхани Ринне, основной задачей которого было выяснить историю его строительства (Rinne 1914). В процессе раскопок были выявлены первоначальная форма этой культовой постройки, ее строительные этапы и позднейшие пристройки, а также конструкция стен и их толщина. При раскопках обнаружены остатки полов разного уровня и несущих своды колонн, которые разделяли церковь на три нефа. Центральный из них был приблизительно такой же ширины, как и боковые. Ю. Ринне констатирует, что так же, как и в остальных таких церквях, у ее северной стены находится ризница (сакаристо), а у южной — оружейная комната (асехуоне). Под северной (более поздней) частью постройки стены старой ризницы сохранились еще на половину первоначальной высоты — она позднее была переоборудована под родовые захоронения (склепы). С южной стороны церкви при раскопках были выявлены основания боковых стен оружейной комнаты и следы дверного проема в стене постройки на этом месте. В полной мере осно-

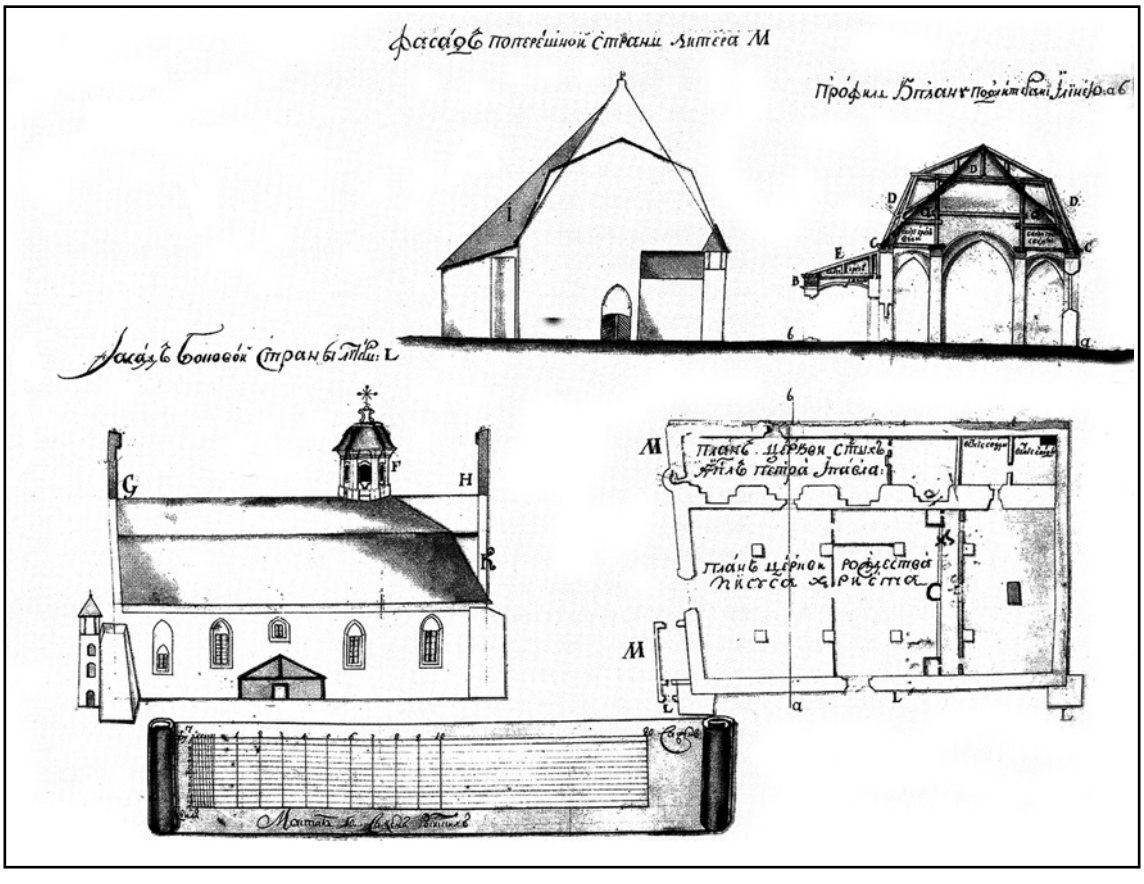

Рис. 3. Проект расширения бывшего кафедрального собора на время его использования в качестве православной церкви. Автор Егор Исаков, 1744 г. Западный и южный фасады, разрез и план (по Kauppi Ulla-Riitta, Miltšik Mihail 1993: 48).

Fig. 3. Plan of expansion of the former cathedral for the period of its exploitation as an orthodox temple. Architect Egor Isakov, 1744. The western and southern façades, section and plan (after Kauppi Ulla-Riitta, Miltšik Mihail 1993: 48).

вания этих пристроек не были открыты (Rinne 1914: 56).

При раскопках выяснилось, что толщина стен церкви составляла около 1,20 м, за исключением фундамента, верхняя часть которого также была сложена на известковом растворе, и который с внутренней стороны выступал от стены примерно на 15 см. Стены оружейной комнаты и ризницы были толщиной около 1 м, но по конструкции не отличались от кладки стен самой церковной постройки. Это, по мнению Ю. Ринне, означало, что между строительством церкви и обеих рассматриваемых пристроек не было большого временного разрыва. Относительно оружейной комнаты можно сказать, что она была построена после того, как основной объем уже был готов, поскольку она пристроена позднее, без перевязки камней кладки. По ризнице такого однозначного ответа не было получено, поскольку места соединения ее с кладкой северной стены церкви были скрыты угловыми колоннами и позднейшей кирпичной кладкой (Rinne 1914: 58). Ценные данные получены также и по убранству церкви, оконным и дверным проемам. Юхани Ринне по результатам своих раскопок составил план здания со всеми разновременными пристройками, а также его разрез, что существенно помогло при дальнейших исследованиях этого архитектурного памятника XV—XVIII вв. (рис. 4).

В 1936 г. при ремонтных работах в соборе провел исследования Илкка Кронквист, но его отчет отсутствует в архиве музейного ведомства Финляндии (Meurman 1983: 17—18).

В советское время, начиная с 1950-х гг., на этом памятнике проводились обмерные работы, предлагались различные варианты его восстановления и использования. Предлагались также варианты реконструкции собора на разное время (рис. 5).

В 1985—1991 гг. внутри руин кафедрального собора и снаружи у его стен разведочные раскопки небольшими площадями произвел В. А. Тюленев. В связи с безвременной кончиной коллеги результаты этих раскопок опубликованы не полностью и в общем виде (Тюленев 1992: 177—181; 1995: 50—54, 82,

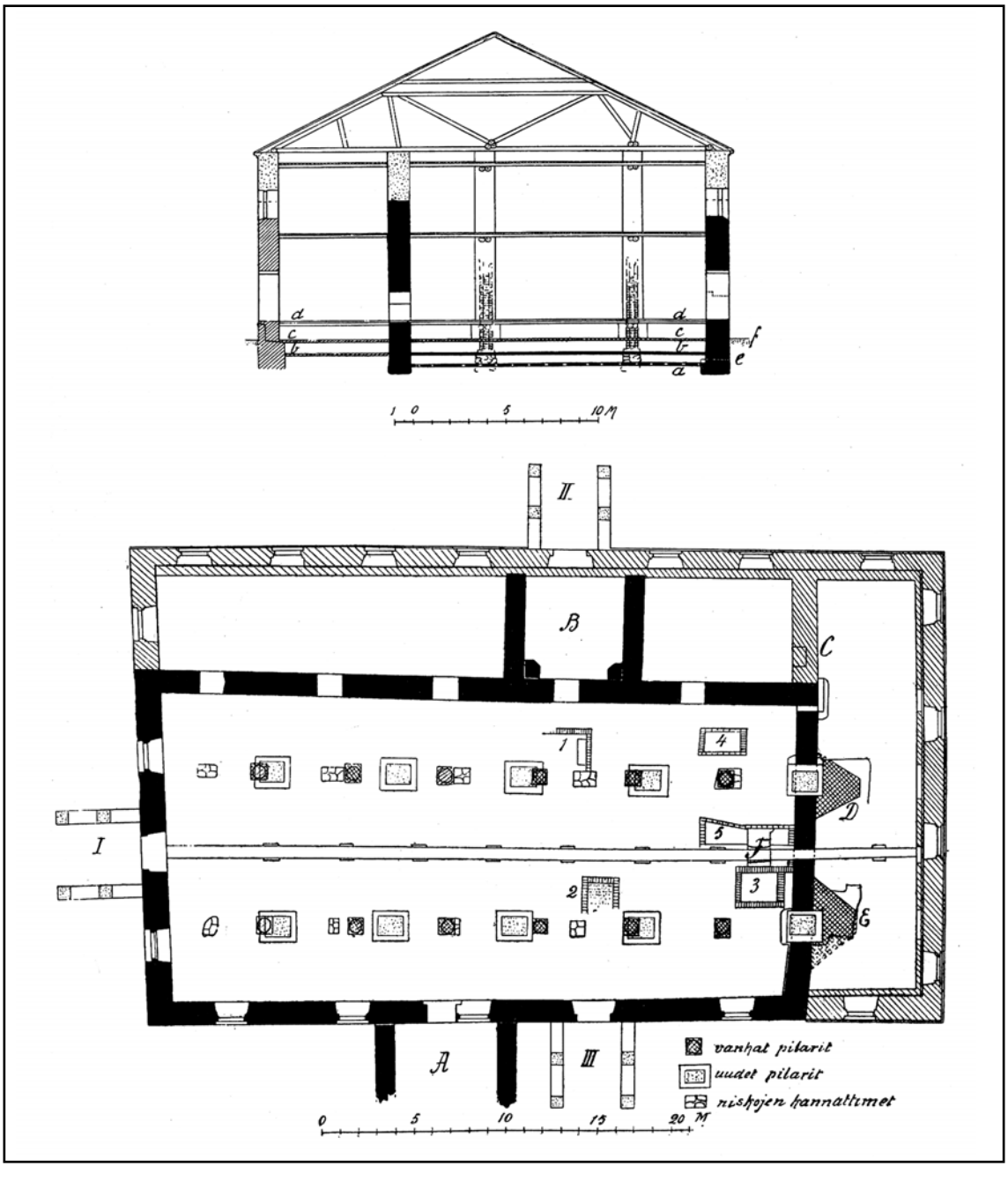

Рис. 4. План и разрез кафедрального собора (по Rinne 1914).

Fig. 4. Plan and section of the cathedral (after Rinne 1914).

рис. 16). По имеющимся в архивах ИИМК РАН и ИА РАН кратким отчетам о раскопках можно все же получить достаточно полное представление о местах раскопок, их основных результатах и сделанных находках. Наиболее важными и значимыми из них являются открытые внутри руин собора разновременные архитектурные детали и конструкции, стены и колонны, установление их конструктивной и хронологической взаимосвязи. К ним относятся выявленное снаружи у западной стены основание крыльца и нижней части каменной стены от ризницы (?) у северной стены, а также остатки каменных вымосток и погребений в шурфах по внешнему периметру постройки. По результатам всех проведенных в соборе раскопок и с привлечением сохранившихся письменных источников и графических материалов В. А. Тюленев реконструировал этапы строительства кафедрального собора Выборга (Тюленев 1992: 177—181; 1995: 52—54, 82, рис. 16) (рис. 6).

Первый этап строительства каменной церкви он относит, возможно, ко времени око-

Рис. 5. Реконструкции кафедрального собора на 1494 г. и XVIII в. (по Kauppi Ulla-Riitta, Miltšik Mihail 1993: 143).

Fig. 5. Reconstructions of the cathedral by 1494 and the 18th century (after Kauppi Ulla-Riitta, Miltšik Mihail 1993: 143).

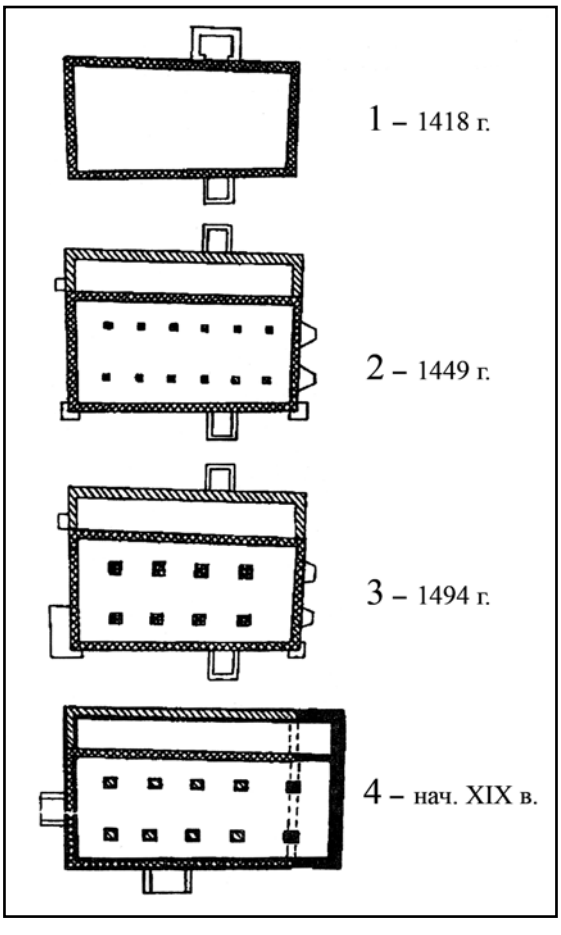

Рис. 6. Этапы строительства кафедрального собора по В.А. Тюленеву (Тюленев 1995: 82).

Fig. 6. Phases of the cathedral's construction after V.A. Tyulenev (after Тюленев 1995: 82).

ло 1418 г., когда было заложено асимметричное в плане каменное здание с внешними размерами 37,7×16—19,5 м. Перекрытие либо могло быть плоским, либо, что более вероятно, его не успели построить вообще.

Второй этап относится ко времени около 1449 г., когда на средства Карла Кнутсона здание было достроено со сводами неизвестной конструкции, опиравшимися на шесть пар тонких колонн. С севера к церкви была сделана пристройка шириной 7 м, и в обеих частях здания на одном уровне был настлан второй пол. Именно эту церковь разрушил тотальный пожар города 1477 г.

Третий этап относится к ее восстановлению и реконструкции в 1494 г., о чем свидетельствует сохранившаяся на колонне надпись о постройке сводов. Все три нефа главного зала перекрыли новыми звездчатыми сводами. Высота центрального нефа была несколько больше боковых. Своды возвели уже только на 4-х парах массивных квадратных колонн по линиям опор предыдущего этапа. Базы этих столбов соответствовали уровню нового третьего пола (Тюленев 1992: 177—181; 1995: 54, 82, рис. 16).

На основании изображений собора в XVII в. и археологических раскопок Ю. Ринне можно сказать, что в древности он представлял собой высокий трехнефный храм зального типа, прямоугольный в плане, с размерами 36×18,5 м. Перекрыт он был двускатной островерхой крышей. Стены собора сложены из валунного камня и кирпича, который обрамлял оконные проемы и порталы. С севера к храму примыкала ризница, с юга — оружейная комната — притвор для хранения оружия прихожан. Апсиды отсутствовали.

На плане 1744 г. хорошо видно, что к северной стене основного объема пристроен меньший храм, в то время имевший посвящение

св. апостолам Петру и Павлу, а на плане 1642 г. на западном фасаде собора показана выступающая стена, как бы разделяющая эти две его разновременные части. Ю. Ринне предполагал, что расширение собора произошло по инициативе лютеранского епископа Паавали Юстена (1554—1563 гг.) около 1554 г. в связи с созданием Выборгской епархии. В первоначальной северной стене тогда заложили окна, после чего она превратилась во внутреннюю стену. С востока храм также был достроен. В результате его размеры достигли 42×25 м. Была выложена новая черепичная крыша. Упомянутый чертеж 1744 г. зафиксировал ее замену на более низкую кровлю с переломом, которая должна была завершать только основной объем. Северный же храм получил самостоятельное односкатное покрытие. На чертеже видны и другие, еще готические черты его архитектуры: стрельчатые портал и оконные проемы, а также своды, перекрывавшие каждый неф, причем средний свод был несколько выше боковых. Их разобрали в начале XIX в., заменив плоским потолком.

Основным результатом проведенных в старом кафедральном соборе Выборга раскопок можно считать определение и характеристику этапов его строительства, изучение относящихся к ним архитектурных остатков, конструктивных особенностей и деталей внутреннего убранства. В то же время многие важные вопросы истории церкви (с 1554 г. кафедрального собора) остались без ответа. К ним относятся вопросы датировки строительства первой церкви из камня, наличие и расположение предшествующей ей деревянной церкви, выявление и датировка всех перестроек, расширений и ремонтов здания за всю ее более чем 500-летнюю историю. А они во многих случаях в связи с разрушительными пожарами, изменением конфессиональной принадлежности и даже функций были основательными. Сюда же следует отнести также определение времени возникновения и существования кладбища при церкви. Отдельным вопросом стоит вероятное погребение в соборе в 1557 г. известного просветителя епископа Микаэля Агриколы.

Как уже выше отмечалось, находящиеся в самом центре Выборга руины без преувеличения выдающегося памятника церковной архитектуры XV—XVIII вв. были предметом обсуждения планов дальнейшего восстановления и приспособления собора, начиная с 1950-х гг. К этому вопросу вновь вернулись во второй половине 1970-х и в 1980-е гг. в период активной реставрационной деятельности в Выборге. В значительной степени и раскопки В. А. Тюленева были продиктованы этим обстоятельством.

В настоящее время в связи с угрожающим состоянием многих еще сохранившихся объектов исторической архитектуры города и их средневековых элементов и настоятельной потребностью их изучения, консервации и сохранения, проблема руин кафедрального собора Выборга опять встала в разряд первостепенных. Продолжение археологического изучения остатков кафедрального собора необходимо для получения достоверной информации о состоянии подземных частей здания, сохранности и конструктивных особенностях относящихся к ее строительной истории архитектурных элементов в целях подготовки научно и технологически обоснованного проекта его консервации и возможного восстановления. Новый этап исследований базируется на проведенных ранее на этом объекте исследованиях и на знании, полученном за последние десятилетия на других аналогичных объектах в России, Финляндии и странах Европы. Появились и новые методы исследований, в частности в области фиксации и обмеров архитектурных памятников, а также новые технологические приемы и материалы, применяемые при реставрационных работах на разрушающихся остатках древней архитектуры.

С этой целью по инициативе финского «Общества Микаэля Агриколы» (г. Турку) в 2010 г. была достигнута договоренность между Обществом, администрацией МО «Выборгский район Ленинградской области» и ИИМК РАН о проведении архитектурных обмеров и археологических раскопок на старом кафедральном соборе Выборга. Работы финансировались «Обществом Микаэля Агриколы» и «фондом Корделина» (Финляндия). Первый этап этого международного исследовательского проекта предусматривал проведение архитектурных обмеров руин с помощью современных приборов. Они были начаты в 2010 г. доцентом Кари Уотила (университет Турку) и продолжены в следующем году архитектором Пану Саволайненом (г. Турку). В результате получена точная и достоверная картина состояния сохранившихся стен постройки, выявлены разновременные кладки, «вычинки» и закладки на стенах, создана трехмерная модель руин собора и входящей с ней в единый комплекс Часовой башни.

В 2011 г. Выборгская археологическая экспедиция под руководством автора данной статьи приступила к археологическим раскопкам у южной стены собора на предполагаемом месте нахождения оружейной комнаты (раскоп I) и у его юго-западного

Рис. 7. Раскоп I, 2011 г. Пол времени Петра Первого внутри оружейной комнаты собора. Вид с востока.

Fig. 7. Excavation I of 2011. Floor of Peter I period inside the armoury of the cathedral. View from east.

Рис. 8. Раскоп I, 2011 г. Часть южной стены и фундамента кафедрального собора. Вид с юга.

Fig. 8. Excavation I of 2011. Part of the southern wall and foundation of the cathedral. View from south.

угла, где на ранних изображениях фиксируются небольшая башня и пристройка (раскоп II) (рис. 2, 3). Первый разведочный раскоп (7,5×2,5 м, 7 горизонтов культурного слоя) попал непосредственно внутрь нижней сохранившейся части оружейной комнаты, захватив обе ее стены. В нем было найдено 10 монет 1731—1752 гг. и ниже великолепно сохранившийся кирпичный пол, на котором найдены серебряная чешуйка 1718 или 1719 г. и медная монета 1720 г. — прямые свидетельства начала истории существования церкви в качестве православного собора (рис. 7). По этому полу мог ходить Петр Великий во время посещения города и собора в 1720 г.! Ниже сохранились свидетельства шведского периода: остатки погребений, кладка и фундамент стен, закладки и порог древнего входа, различных проемов и — в самом низу, на глубине около 3 м — каменная прямоугольная выкладка (возможно, один из самых ранних склепов) (рис. 8). Параллельно стене собора выявлена стена из валунов и бревно — следы еще одного этапа строительства церкви, и не исключено, что речь может идти о более раннем предшествующем храме. В перекрывающем скалу материковом мелкозернистом песке выявлены погребения, относящиеся, вероятно, к этой первой городской церкви (радиоуглеродные даты — конец XIV — начало XV вв.). В раскопе I у южной наружной первоначальной стены средневековой церкви раскопки были доведены до материкового слоя песка и самых нижних крупных фундаментных валунов.

В угловом раскопе II (3,5 м по восточной стенке, 4 м по южной, 6,5 м по западной и 2 м по северной) выявились нижние части всех зафиксированных на ранних изображениях собора в его юго-западном углу пристроек: башни-колокольницы и прямоугольной кирпичной постройки неизвестного назначения. Раскопки на этом участке были приостановлены и раскоп законсервирован в связи с обнаружением нетронутого погребения с южной стороны основания башни. Предполагается продолжить раскопки на более широкой площади с целью выявить границы и время существования кладбища при церкви, а также часть древней церковной ограды, изображенной на плане 1642 г. (рис. 1; 2).

В сезон 2012 г. внутри собора напротив входного проема в северной его стене был заложен разведочный шурф размерами 4×3 м, примыкавший своей южной стороной непосредственно к внешней стороне северной

Рис. 9. Раскоп 2013 г. Нижняя часть раскопа и северная стена собора (пристройки XVI—XVII вв.). Вид с востока-юго-востока.

Fig. 9. Excavation of 2013. The lower section of the excavation and the northern wall of the cathedral (annexes of the 16th and 17th centuries). View from ESE.

каменной стены первоначального объема церкви XV в. Целью было определить характер кладки этой стены. При раскопках выяснилось, что первоначальная каменная стена была облицована при расширении церкви в XVI в. к северу, когда она стала внутренней, кирпичной кладкой. В этот небольшой по размерам раскоп попали также следы заложенного кирпичами проема в этой стене и другие следы переложенной в древности кирпичной кладки. Стена уже на этом небольшом своем участке оказалась вовсе неоднородной.

Выяснилось также, что значительная часть внутреннего объема собора заполнена на глубину до 2,3—2,5 м остатками обрушившихся при взрыве бомбы кровли, перекрытий и внутренней стены собора. Для получения дополнительной информации по кладке обеих северных стен — средневековой XV в. и более поздней, относящейся к пристройке XVI или XVII в. (по Тюленеву — 1449 г.) необходимо было в первую очередь расчистить внутреннее пространство церкви от остатков обрушений военного времени и послевоенного неуклонного разрушения сохранившихся остатков стен здания. С этой целью в августе-сентябре 2013 г. на площади длиной 8,5 м (по стенам) и шириной 7,5 м (между обеими стенами) была произведена выемка строительного мусора до глубины 2,3—2,5 м. Решение о приостановке работ на этом уровне было продиктовано тем обстоятельством, что под слоем битых кирпичей вскрылись сохранившиеся элементы конструктивных деталей и погребальных сооружений нижней части собора. К ним относятся части трех опорных колонн, трех погребальных склепов, каменная стена, относящаяся, вероятно, к средневековой ризнице, открытая еще в раскопках В. А. Тюленева, а также следы не менее семи-восьми этапов перестроек в северных стенах церкви XV в. и пристройки XVI—XVII вв. (рис. 9). Никаких находок вещей, за исключением профилированных кирпичей от сводов собора, не обнаружено. В склепах не было останков погребенных. Это, видимо, указывает на то, что они вскрывались в более позднее время (раскопки Й. Аспелина в конце XIX в.?).

Открытые элементы многовековой истории памятника не отражены в имеющихся графических материалах и не учитывались при составлении реконструкции этапов строительства собора (рис. 5; 6). Стало очевидным, что раскопки в соборе следует продолжить на более широкой площади, с тем,

чтобы стали видны и понятны вся сложность и этапы его строительной истории, которая, как стало очевидно, была значительно более сложной, чем ранее считалось. Для этого, прежде всего, необходимо вычистить всю внутреннюю часть здания от строительных остатков. Неудовлетворительное, можно сказать — угрожающее, состояние нижних частей сохранившейся северной стены собора делает целесообразным продолжить раскопки в его северной пристройке XVI—XVII вв. лишь при одновременном их закреплении. С целью надежной консервации вскрытых первоначальных остатков нижней части собора они были засыпаны песчаным отсевом.

Результаты работ позволяют обратиться к истории строительства и функционирования собора практически заново, опираясь на достоверные новые фактические данные. Они вновь обращают наше внимание на древнюю городскую святыню, добавляют ей легитимности и служат основой для дальнейших исследований. Выборг в очередной раз демонстрирует свой статус исторического города европейского значения.

Литература

Неувонен П., Пёюхья Т., Мустонен Т. 2006. *Выборг. Архитектурный путеводитель*. Выборг: «СН».

Тюленев В. А. 1992. Кафедральный собор Выборга: к вопросу о строительной истории. В: Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А. (ред.). *Древности славян и финно-угров*. Доклады советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 16—22 мая 1986 г. Санкт-Петербург: Наука, 177—181.

Тюленев В. А. 1995. *Изучение старого Выборга*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.

Hiekkanen M. 2004. Piispa Mikael Agricolan hautapaikka ja mahdollisuudet sen arkeologiseen tutkimukseen. In: Tuusvuori O. (toim.). *Agricola työryhmän julkaisuja* 1. Turku: Agricola-Työryhmä, 51—59.

Hiekkanen M. 2007. *Suomen keskiajan kivikirkot*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

Kauppi U.-R., Miltšik M. 1993. *Viipuri. Vanhan Suomen pääkaupunki*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

Meurman O.-I. 1983. Viipurin kivikirkot. *Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita* 6. Helsinki: Viipurin Suomalainen Kirjallisuusseura.

Neuvonen P. 1994. *Viipurin historiallinen keskusta. Rakennusperinnön nykytila*. Helsinki: SHS.

Rinne J. 1914. Viipurin entinen tuomiokirkko. *Suomen museo 1914*. Helsinki, 53—67, 79—94.

References

Neuvonen, P., Pöyhja, T., Mustonen, T. 2006. *Vyborg. Arkhitekturnyi putevoditel' (Vyborg. Architectural Travel Guide)*. Vyborg: "SN" Publ. (in Russian

Tiulenev, V.A. 1992. In *Drevnosti slavian i finno-ugrov (Antiquities of Slavs and Finno-Ugric Peoples)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ., 177—181 (in Russian).

Tiulenev, V.A. 1995. *Izuchenie starogo Vyborga (Investigation of Old Vyborg)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Hiekkanen, M. 2004. Piispa Mikael Agricolan hautapaikka ja mahdollisuudet sen arkeologiseen tutkimukseen. In: Tuusvuori O. (toim.). *Agricola työryhmän julkaisuja* 1. Turku: Agricola-Työryhmä, 51—59.

Hiekkanen, M. 2007. *Suomen keskiajan kivikirkot*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

Kauppi, U.-R., Miltšik, M. 1993. *Viipuri. Vanhan Suomen pääkaupunki*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

Meurman, O.-I. 1983. Viipurin kivikirkot. *Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita* 6. Helsinki: Viipurin Suomalainen Kirjallisuusseura.

Neuvonen, P. 1994. *Viipurin historiallinen keskusta. Rakennusperinnön nykytila*. Helsinki: SHS.

Rinne, J. 1914. Viipurin entinen tuomiokirkko. *Suomen museo 1914*. Helsinki, 53—67, 79—94.

Статья поступила в номер 30 апреля 2014 г.

Aleksandr Saksa (Saint Petersburg, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences [1].

Aleksandr Saksa (Sankt Petersburg, Rusia). Doctor în ştiinţe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiinţe a Rusiei.

Сакса Александр Иванович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: saksa@mail.natm.ru

Address: [1] Dvortsovaya Nab., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation

Знаки времени

Signs of time
Semnele timpului

М. В. Иващенко

Керамические клейма из херсонесского «нимфеума»

Keywords: Chersonesos, 4th century BC, “Nymphaeum”, crypt, filling, complex, amphora, stamps, magistrates, manufacturers, “the most ancient” wall.

Cuvinte cheie: Chersones, secolul IV î.e.n., „nimfeum”, cavou, astupare, complex, amforă, ștampile, magistrați, fabricanți, zidul „cel mai vechi”.

Ключевые слова: Херсонес, IV в. до н. э., «нимфеум», склеп, засыпь, комплекс, амфоры, клейма, магистраты, фабриканты, «древнейшая» стена.

M. V. Ivashchenko

Ceramic Stamps from Chersonesos “Nymphaeum”

The article publishes and analyzes ceramic stamps from the “Nymphaeum”. This complex, which was located near the city gate of the 16th curtain in the south-eastern sector of Chersonesos, was excavated in 1957—1958 by S. F. Strzelecki. During the two years of excavation, epigraphic material consisting of 17 ceramic stamps (Thasos, Mende, Acanthus and Heraklea) was discovered there, 16 of which were on an amphorae and one on a tile. The time span of the stamps is wide enough: from the late 5th century BC till the 30s of the 4th century BC. Apparently, filling of the “Nymphaeum” was done simultaneously, for which purpose garbage from the city dump was used. On the basis of the two latest Herakleian stamps of the magistrate Σιλανός and manufacturer Αἰσίμιδας, the author assumes that both the filling of “Nymphaeum”, as well as the first phase of construction of the “Hellenistic” defensive wall, erected over “Nymphaeum”, are dated to the late 40s — early 30s of the 4th century BC.

M. V. Ivashchenko

Ştampile ceramice din „nimfeumul” de la Chersones

Articolul reprezintă introducerea în circuitul științific și analiza ștampilelor ceramice din „nimfeum”. Complexul respectiv, localizat lângă porțile urbane din curtina 16, în sectorul de sud-est al Chersonesului, a fost cercetat între 1957—1958 de către S. F. Strjelețki. Timp de două campanii de săpături a fost descoperit un material epigrafic, alcătuit din 17 ștampile (Thasos, Mende, Akanth și Heraclea), 16 dintre care erau aplicate pe amfore și una pe țiglă. Intervalul cronologic în care pot fi datate piesele este destul de larg: de la sf. sec. V î.e.n. până la începutul anilor 30 ai sec. IV î.e.n. Cel mai probabil, „nimfeumul” a fost astupat într-o perioadă scurtă de timp, pentru aceasta utilizându-se resturile de pe gunoiștea orașului. În baza celor două ștampile târzii de tip Heraclea ale magistratului Σιλανός și fabricantului Αἰσίμιδας se consideră, că astuparea „nimfeumului”, precum și prima etapă de contrucție a zidului de apărare „elinistic”, ridicată deasupra „nimfeumului” pot fi datate la sf. anilor 40 — înc. anilor 30 ai sec. IV î.e.n.

М. В. Иващенко

Керамические клейма из херсонесского «нимфеума»

В статье публикуются и анализируются керамические клейма из «нимфеума». Данный комплекс, располагавшийся возле городских ворот 16 куртины на юго-восточном участке Херсонеса, исследовался в 1957—1958 гг. С. Ф. Стржелецким. За два года раскопок в нём был обнаружен эпиграфический материал, состоящий из 17 керамических клейм (Фасоса, Менды, Аканфа и Гераклеи), 16 из которых на амфорах и одно на черепице. Временной диапазон оттисков достаточно широк: от конца V в. до н. э. до начала 30-х гг. IV в. до н. э. По-видимому, засыпь «нимфеума» была произведена единовременно, причём для этого использовали мусор, взятый с городской свалки. На основании двух самых поздних гераклейских клейм магистрата Σιλανός и фабриканта Αἰσίμιδας предполагается, что засыпь самого «нимфеума», а также первый этап строительства «эллинистической» оборонительной стены, возведённой над «нимфеумом», датируются концом 40-х — началом 30-х гг. IV в. до н. э.

Так называемый «нимфеум» — вырубленное в скале прямоугольное сооружение, уходящее под крепостную стену эллинистического времени, — исследовался в Херсонесе в 1957—1958 годах.

Впервые раскопки на этом юго-восточном участке Херсонесского городища проводились в 1899 году К. К. Косцюшко-Валюжиничем. Им была вскрыта до основания фундамента хорошо сохранившаяся стена с крепостны-

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© М. В. Иващенко, 2014.

ми воротами, рядом с которыми находилось массивное здание, в дальнейшем получившее название «казарма». С внешней стороны у ворот был обнаружен неразграбленный, закрытый каменной плитой склеп (№1012), сооружённый внутри стены при её строительстве (Косцюшко-Валюжинич 1899: 2 сл.).

В дальнейшем директор Херсонесского музея К. Э. Гриневич, занимавшийся изучением крепостных сооружений Херсонеса, обратил внимание на то, что «казарма» расположена под углом к 16 куртине эллинистической стены. Он произвёл зачистку территории между «казармой» и внутренней частью стены. Ниже уровня её фундамента были обнаружены остатки забутовки второй стены, уходящей под фундамент более поздней. В результате К. Э. Гриневич вполне обоснованно определил её как «древнейшую» и датировал концом V в. до н. э. (Гриневич 1927: 21—23).

В середине 50-х гг. прошлого столетия заведующий античным отделом музея С. Ф. Стржелецкий заметил, что фундамент «эллинистической» стены в районе «казармы» имеет явную просадку, и решил выяснить причину этого. В 1957 г. была вновь проведена расчистка территории между стеной и «казармой». Исследования продолжались на протяжении двух полевых сезонов при непосредственном участии заведующей фондами музея А. М. Гилевич; ею же были составлены описи обнаруженного материала. В течение первого сезона была вновь расчищена «древнейшая» стена, а рядом с эллинистической стеной обнаружена верхняя часть сооружения, уходящего под неё и ориентированного так же, как и «древнейшая» стена. Уже в самом начале расчистки котлован стал затопляться подпочвенной водой. По сообщению участника этих раскопок, в то время студента Саратовского университета В. И. Каца, вода поступала столь мощно, что ручной помпой приходилось откачивать её по шесть-семь часов, после чего час-два выбирать грязь, насыщенную обломками керамики. Естественно, что проследить стратиграфию засыпи комплекса не удалось. В связи с этими трудностями работы пришлось приостановить. Находки первого года раскопок, а ими являлись исключительно фрагменты керамики, были включены в первую опись (РА НЗХТ. Ф. 9. Д. 779. Оп. 36475). Работа по расчистке сооружения была завершена в следующем 1958 г., а обнаруженный материал составил отдельную опись (РА НЗХТ. Ф. 9. Д. 779. Оп. 36476.). С. Ф. Стржелецкий дал первую интерпретацию исследованного комплекса: он определил его как общественный водоём у городских ворот — нимфеум (РА НЗХТ. Д. 1040).

Хотя материалы из раскопок «нимфеума» не появились в печати, сам памятник вызвал определённый интерес. В первую очередь разгорелась дискуссия о его назначении. Первым, кто усомнился в том, что комплекс являлся нимфеумом, был Е. Н. Жеребцов. Он полагал, что данное сооружение является склепом. Автор пытался доказать, что общественный источник не мог находиться за пределами ранней городской стены. К сожалению, в его статье даны ошибочные размеры сооружения — были уменьшены его ширина и длина. Все эти искажения понадобились для того, чтобы доказать, что склеп №1012, обнаруженный К. К. Косцюшко-Валюжиничем, и «нимфеум», являются смежными сооружениями (Жеребцов 1979: 34—37).

Однако приведённые Е. Н. Жеребцовым аргументы в пользу погребального характера данного сооружения убедили далеко не всех. Через два десятилетия Е. Я. Рогов предложил вернуться к первоначальной интерпретации комплекса как «нимфеума». При этом исследователь указал, что общественные источники существовали во многих греческих полисах не только внутри городской черты, но и за её пределами: при храмах, святилищах, священных рощах и т. д. В качестве примера им был приведён другой нимфеум, обнаруженный в Херсонесе. Данное сооружение находилось в первой половине IV в. до н. э. за пределами города на склоне балки, где позднее был построен театр (Рогов 2001: 109—110).

Вместе с тем, дискуссия на этом не закончилась. Относительно недавно в неё вступила А. В. Буйских. Она разобрала все возможные варианты архитектурных сооружений, подобных «нимфеуму», и пришла к выводу, что данный комплекс не может быть цистерной, а являлся склепом. По её мнению, современный уровень знаний об архитектурно-планировочных и конструктивных особенностях погребальных сооружений, с одной стороны, и общественных водоёмов — с другой, даёт основание считать такую интерпретацию сооружения единственно возможной (Буйских 2008: 57—58). Также А. В. Буйских предположила, что фундамент «древнейшей» стены, обнаруженной К. Э. Гриневичем, является не чем иным, как расположенной вдоль древней дороги террасой для установки надгробных сооружений (Буйских 2008: 47).

В настоящее время точку в выяснении функционального назначения этого комплекса ставить пока нет оснований, хотя гипотеза А. В. Буйских представляется наиболее при-

емлемой. Однако, в любом случае, вне зависимости от предназначения сооружения, особый интерес вызывает дата прекращения его функционирования. Нет сомнений, что засыпка склепа/«нимфеума» произошла либо незадолго, либо в ходе строительства перекрывшей его 16 куртины. Установление точной даты этого события имеет прямое отношение к выяснению времени сооружения линии оборонительных стен города, которые продолжали функционировать на протяжении всего эллинистического периода (Антонова 1996: 101).

Среди обнаруженного в склепе/«нимфеуме» материала наиболее точными хронологическими реперами, несомненно, являются зафиксированные здесь 16 фрагментов амфор и одной черепицы с оттиснутыми на них клеймами (табл. 1), датирующие возможности которых были использованы далеко не полностью.

Первое упоминание об этом материале содержится в тезисах доклада В.И. Каца на конференции 1966 г. в Борисоглебском пединституте. Он датировал засыпку «нимфеума» 70—60-ми гг. IV в. до н.э. (Кац 1966: 11). Вполне понятно, что в тезисах отсутствует сколь-нибудь серьёзная аргументация предложенной даты.

Е.Н. Жеребцов с самим материалом засыпи практически не работал, хотя и предположил, что датировать время существования склепа можно в пределах середины IV — рубежа IV—III вв. до н.э. (Жеребцов 1979: 36).

Позже Е.Я. Рогов полагал, что засыпь комплекса была произведена в два этапа: первый раз — после прекращения его функционирования, а второй — в начале строительства оборонительной стены. В связи с этой интерпретацией он детально проанализировал лишь тот керамический материал, который был обнаружен во второй год раскопок. В качестве датирующего материала Е.Я. Роговым были привлечены не только керамические клейма, но и отдельные амфорные фрагменты, а также чернолаковая керамика. Среди профильных частей амфор были отмечены фрагменты позднепухлогорлых хиосских сосудов (амфоры с перехватом в нижней части горла) III-C типа, амфоры с коническим туловом и протоколпачковой ножкой V-A типа, а также ножки и профильные части фасосских, мендейских, одной пепаретской и гераклейских амфор. Любопытно, что среди всего этого массива имеется также одна ножка синопской амфоры I-A типа, который С.Ю. Монахов датирует первой третью IV в. до н.э. (Рогов 2001: 110—113; Монахов 2003: 18—20, 146—147).

Таблица 1.

Керамические клейма из «нимфеума»

Центры производства	№ описей, количество клейм	
	36475	36476
Фасос	1	1
Менда	1	—
Аканф	—	1
Гераклея	8	4/1[1]
Итого	16/1	

[1] В числителе амфорные клейма, в знаменателе — черепичные.

Вместе с тем, Е.Я. Роговым были отмечены фрагменты чернолаковых, в том числе и расписных аттических сосудов второй половины V — первой трети IV в. до н.э. (Рогов 2001: 113—116). В целом по совокупности всего материала, обнаруженного в комплексе, его засыпь было предложено датировать первой третью IV в. до н.э. (Рогов 2001: 117).

С данной датировкой засыпи склепа/«нимфеума» согласился Р.В. Стоянов. Однако он уточнил, что это произошло до строительства 16 куртины — во время сооружения стены 1927 г., обнаруженной К.Э. Гриневичем (Стоянов 2003: 333).

Практически ту же дату прекращения функционирования склепа/«нимфеума» дают А.В. Буйских — около 70-х, не позднее 60-х гг. IV в. до н.э. (Буйских 2008: 66), и С.Ю. Монахов — середина 60-х гг. IV в. до н.э. (Монахов 2003: 86).

Вместе с тем, сверка всего клеймёного материала из «нимфеума», хранящегося в фондах Херсонесского заповедника, позволяет внести определённые коррективы в предложенные ранее чтения надписей в некоторых оттисках, восстановить легенды в тех клеймах, которые ранее считались не прочитанными, а также включить в свод оттиски, которые по разным причинам выпали из поля зрения исследователей. В настоящей работе в связи с появлением новых разработок хронологии гераклейских и фасосских клейм (Debidour 1979; Avram 1996; Garlan 1999; Кац 2007) уточнены абсолютные датировки отдельных оттисков, в результате чего удалось более точно датировать время засыпи склепа/«нимфеума».

Показательно, что среди более чем 100 амфор, фрагменты которых зафиксированы в данном комплексе, клеймёными оказались лишь 16. Это, по всей видимости, связано с тем, что значительная часть транспортной тары из засыпи могла относиться ко времени, предшествующему появлению практики массового клеймения амфор.

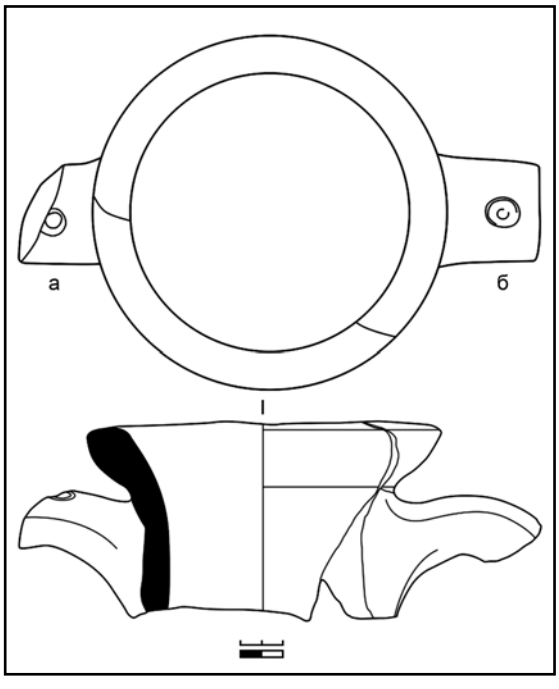

Рис. 1. Горло фасосской амфоры из «нимфеума».

Fig. 1. Neck of a Thasos amphora form the “Nymphaeum”.

В этой связи особый интерес представляет горло фасосской амфоры (рис. 1), на обеих ручках которой оттиснуты клейма в виде энглифических кружков (кат. №1). По мнению С. Ю. Монахова, данная амфора относится к раннебиконическому типу II-B-1, который датируется первой четвертью IV в. до н. э. (Монахов 2003: 67), т. е. временем, когда уже существовала практика систематического клеймения амфор на Фасосе. Однако не исключено, что этот сосуд мог относиться и к более раннему времени. Дело в том, что энглифические колечки являлись распространённой меткой для амфор разных центров эпохи классики и эллинизма. Обычно они небольшие по размеру, слабо вдавлены и расположены на разных частях сосудов: горлах, ручках и даже ножках. Эти кружки, как правило, определяются как метки гончаров, выполненные тростинкой при сушке амфор перед помещением их в гончарную печь (Федосеев 2010: 344). Однако на нашем сосуде клейма другие: они больше по размеру, глубокие, с бугорком в центре. Несомненно, они выполнены не тростинкой, а более прочным инструментом — костью или металлической трубочкой. К тому же гончару не было никакой необходимости делать одновременно две метки на противоположных ручках амфоры для выяснения степени её готовности перед обжигом. В связи с этим, как нам представляется, можно предположить, что в данном случае мы имеем дело со специальными оттисками гончара, старавшегося таким образом выделить свои сосуды. Поэтому не исключено, что наша амфора была изготовлена ещё до появления магистратского клеймения и датируется концом V в. до н. э.

Вполне возможно, что к этому же времени относится энглифическое клеймо, выполненное на стенке гераклейской амфоры в виде полуколечка (кат. №16). Остальные 14 амфорных и одно черепичное клеймо, обнаруженные в данном комплексе, датируются намного точнее.

К группе фасосских клейм относится оттиск на ручке амфоры, изготовленной при магистрате Ἀρχη(-) в мастерской фабриканта Καλλιφῶν (кат. №2). В своё время Ю. Г. Виноградов поместил клейма подобного типа в 3-ю позднюю группу своей хронологической классификации, которую датировал 370—340 гг. IV в. до н. э. (Виноградов 1972: 27). В дальнейшем А. Аврам отнёс деятельность этого магистрата в начало группы «E» (ок. 362 г. до н. э.), а И. Гарлан — в середину группы «D» (ок. 367 г. до н. э.) (Avram 1996: 57, tabl. III; Garlan 1999: 177). По уточнённой хронологии В. И. Каца, данный чиновник исполнял магистратуру в конце третьего этапа клеймения на Фасосе, что соответствует первой половине 60-х гг. IV в. до н. э. (Кац 2007: 415, прил. II).

Одиннадцать амфорных и один черепичный оттиск принадлежат Гераклее Понтийской (табл. 2). Из них легенды десяти клейм восстанавливаются достаточно надёжно[1]. Пять оттисков содержат отдельные имена ранних фабрикантов (кат. №9—13): Ἀγάθων, Ἀρίστιππος, Διονύσιος I, Διονύσιος II и Εὐρύδαμος. Из них четыре оттиска относятся к РФГ и датируются они концом V — началом первого десятилетия IV в. до н. э.

К фабрикантским клеймам относится ещё один треугольный оттиск, содержащий имя Διονύσιος II. На настоящий момент в керамической эпиграфике Гераклеи известно не менее 15 штампов (прямоугольных и фигурных), содержащих одно имя Διονύσιος. Судя по всему, они принадлежат нескольким омонимам. Мастерская Διονύσιος II появилась, видимо, в начале I МХГ, когда ещё трудился Διονύσιος I. Именно поэтому в данном эргастерии стали использоваться фигурные (треугольные, ромбовидные и круглые) штам-

[1] Датировка клейм дана в соответствии с недавно разработанной В. И. Кацем хронологической системой гераклейского клеймения (см.: Кац 2007: 429—430, прил. V).

пы. Известны треугольные клейма, содержащие одно имя Διονύσιος II, и оттиски, в которых оно сопровождается именами эпонимов: IA МХГ — Λυ(-) (первая половина 90-х гг.) (Зегебарт 1990: №18); IIA — Σῶσις (80-е гг.)[2]; IIБ — Διονύσιος 1 (70-е гг.) (Юргевич 1895: 125, №16). Однако наше клеймо, судя по всему, относится к периоду IA МХГ, который датируется первой половиной 90-х гг. IV в. до н. э.

Двумя клеймами представлены магистраты IA МХГ Ἀριστοκλῆς (кат. №5) и Ἱα(-) (кат. №6) — первая половина 90-х гг. IV в. до н. э. Одно клеймо Κρωμνιας (кат. №7) принадлежит магистрату IIA МХГ — 80-е гг. IV в. до н. э.

Среди этой, относительно узкой по датировке, серии оттисков резко выделяются два клейма. Первое из них (амфорное) принадлежит магистрату Σιλανός (кат. №8). Впервые данное клеймо было упомянуто Е. Я. Роговым. Он отнёс Σιλανός ко второй ранней группе И. Б. Брашинского и датировал началом второй четверти IV в. до н. э. (Рогов 2001: 110). Однако в настоящий момент имеются основания усомниться в правильности предложенной датировки. Целая амфора II-3 конического типа с аналогичным оттиском была обнаружена только в одном закрытом комплексе — яме-складе №9 (1962 г.) с поселения у с. Николаевка в Нижнем Поднестровье (Мелюкова 1975: 24, 27—28, 206, рис. 9: 19), С. Ю. Монахов датировал деятельность данного эпонима рубежом 40—30-х гг. IV в. до н. э. (Монахов 1999: 371; 2003: 136). Эта дата была уточнена В. И. Кацем, поместившим Σιλανός в IVB МХГ — начало 30-х гг. IV в. до н. э. (Кац 2007: 430, прил. V).

Последнее из гераклейских клейм выполнено на керамиде. В однострочном оттиске с большой долей вероятности восстанавливается имя фабриканта Αἰσίμιδας, выполненное ретроградно (кат. №17). Этот эргастериарх известен в клеймах магистратов Euryphōn и Σιλανός (Брашинский 1980: 161, №258; Монахов 2003: 324, табл. 94/5; Молев 2010: 261, №41). Данные эпонимы, судя по хронологии В. И. Каца, исполняли свои обязанности в 40-х — начале 30-х гг. IV в. до н. э. Это даёт нам возможность отнести деятельность фабриканта Αἰσίμιδας к тому же времени. Таким образом, два последних клейма практически одновременны и являются, как минимум, на четыре десятилетия более поздними, чем предшествующие им гераклейские оттиски.

[2] Неопубликованный оттиск из Суворовского села, хранится в Керченском музее.

Таблица 2.
Распределение гераклейских клейм во времени

Хронология	Оп. 36475	Оп. 36476	Всего
РФГ (405—396 гг. IV в.)	2	2	4
I МХГ (90-е гг. IV в.)	3	—	3
II МХГ (80—70-е гг. IV в.)	1	—	1
III МХГ (60—50-е гг. IV в.)	—	—	—
IV МХГ (40—30-е гг. IV в)	—	1/1	1/1
Не читаются	2	—	2
Итого	8	3/1	11/1

Единичными экземплярами в этой коллекции представлены оттиск Менды с изображением *головы юноши в круге* (кат. №3) и так называемое «колесовидное» клеймо (кат. №4).

На сегодняшний день хронологическая классификация мендейских клейм разработана слабо, поскольку, в отличие от большинства других производственных центров, практика маркирования керамической тары в Менде не приобрела массового характера. Однако, по мнению В. И. Каца, находки целых сосудов в археологических комплексах различных памятников позволяют относительно точно хронологически определить наше анэпиграфное клеймо в пределах конца V — первой четверти IV в. до н. э. (Кац 2007: 171—172).

«Колесовидные» клейма первоначально относили к Фасосу (Виноградов 1972: 41; Брашинский 1980: 155), но уже в конце 70-х гг. прошлого века В. И. Кац усомнился в правильности такой локализации (Кац 1979: 178—179). Эти сомнения подтвердились, когда в Аканфе были обнаружены остатки керамических мастерских, производивших амфоры с «колесовидными» клеймами (Амперер, Гарлан 1992: 19). По поводу хронологии оттисков этого центра существуют разные точки зрения. Так, С. Ю. Монахов и В. И. Кац предположили, что данные клейма датируются 80—70-ми — 30-ми гг. IV в. до н. э. Причём показательно, что для определения нижней хронологической границы начала аканфского клеймения был использован единственный оттиск из засыпи склепа/«нимфеума», а для верхней — керамический комплекс засыпи балки при постройке театра в Херсонесе (Монахов 2003: 86; 2013а, 297—298; 2013б, 265; Кац 2007: 201).

Относительно недавно И. Гарлан отнёс всю группу аканфских «колесовидных» клейм

к последней трети IV в. до н. э. (Garlan 2006: 124; 2010: 382). Эти выводы подтверждает материал из раскопок фракийского Севтополя, где наряду с «колесовидными» оттисками встречаются фасосские, книдские, синопские и херсонесские клейма, нижняя граница хронологии которых не заходит за 315 г. до н. э. (Балканска 1984: 146 155; Balkanska, Tzochev 2008: 188—205). Однако, судя по сопутствующему клеймёному материалу, наш оттиск вполне может датироваться концом 40-х — началом 30-х гг. IV в. до н. э.

Таким образом, анализ керамических клейм, зафиксированных в склепе/«нимфеуме», показывает, что в данном комплексе представлен материал не менее чем семидесятилетнего периода — с последнего десятилетия V в. до н. э. и до начала 30-х гг. IV в. до н. э. При этом в первой описи были зафиксированы клейма конца V — середины 60-х гг. IV вв. до н. э., а во второй — оттиски от конца V в. до н. э. до начала 30-х гг. IV в. до н. э.

Анализ всего эпиграфического материала позволяет следующим образом реконструировать историю данного участка оборонительной стены Херсонеса Таврического. Нимфеум или, что более вероятно, склеп появился за пределами городских стен на территории некрополя ещё в V в. до н. э., во время существования «древнейшей» стены или террасы (Буйских 2008: 44). Через семьдесят лет (конец 40-х — начало 30-х гг. IV в. до н. э.), при возведении «эллинистической» оборонительной стены, он был засыпан. Причём материал для засыпи был привезён откуда-то с городской свалки, отсюда и его значительный хронологический разброс. Практически к такому же выводу пришёл Р. В. Стоянов. Он предположил, что строительство как нижнего яруса 16 куртины, так и склепа №1012 датируется серединой — началом третьей четверти IV в. до н. э. (Стоянов 2003: 327). Однако мы считаем возможным повысить эту датировку ещё на десять лет.

Приложение.
Каталог керамических клейм из «нимфеума»

Фасос

«Протоклейма»

№1. Энглифические колечки (рис. 2: 1а-б). Инв. №17/36476. Амфорное горло с двумя ручками, на каждой из которых оттиснуто клеймо. Конец V в. до н. э.

Магистратское клеймо

ΑΡΧΗ(-)

№2. [Καλ/λιφῶν Θα]/σι(.ν) Ἀρχη (-) серьга ←. (рис. 2: 2). Инв. №10/36475.

Аналогии: Garlan 1999, №407.

Дата: первая половина 60-х гг. IV в. до н. э. (Кац 2007: 414, прил. II).

Менда

№3. Голова юноши в круге ↑→. По окружности ветвь плюща (рис. 2: 3). Инв. №9/36475.

Аналогии: IOSPE, III, №3756—3764.

Дата: конец V — первая четверть IV вв. до н. э. (Кац 2007: 171—172).

Аканф

№4. Μ/[Ε]/Δ (рис. 2: 4). Инв. №7/36476.

Аналогии: IOSPE, III: №3466—3487; Bon, Bon 1957: №2147.

Дата: вторая — третья четверть или последняя треть IV в. до н. э. (Garlan 2006: 124; Кац 2007: 201; Гарлан 2010: 382).

Гераклея Понтийская

Магистратские

ΑΡΙΣΤΟΚΛΗΣ — I A MXГ

№5. [Θεοξ]έν/[ο Ἀρισ]το/[κλέο]ς (рис. 2: 5). Инв. №4(а)/36475.

Аналогии: IOSPE, III: №861—865.

Эпоним и дата: Ἀριστοκλῆς — первая половина 90-х гг. IV в. до н. э. (Кац 2007: 429, Прил. V/2).

ΙΑ (-) — I A MXГ

№6. [Εὐρ]υδ/άμο] Ἰα(-) (рис. 2: 6). Инв. №4(б)/36475.

Аналогии: IOSPE, III: №784—786.

Эпоним и дата: Hia(-) — первая половина 90-х гг. IV в. до н. э. (Кац 2007: 429, Прил. V: 2).

ΚΡΩΜΝΙ (-) — II A MXГ

№7. Θεοξ(ένος)/гроздь↓/Κρωμ(νι(-) (рис. 2: 7). Инв. №4(в)/36475.

Аналогии: IOSPE, III: №869—872.

Эпоним и дата: Κρωμνι(-) — 80-е гг. IV в. до н. э. (Кац 2007: 429, прил. V/3).

ΣΙΛΑΝΟΣ — IV B MXГ

№8. Ἡρακ[λείδα]/Σιλανό[ς гроздь←] (рис. 2: 8) Инв. №4(б)/36476.

Аналогии: IOSPE, III: №829—832; Николаевка (Мелюкова 1975: 206, рис. 9: 5, 19).

Эпоним и дата: Σιλανός — конец 40-х начало 30-х гг. IV в. до н. э. (Кац 2007, 430, Прил. V/5).

Фабрикантские

ΑΓΑΘΩΝ — PФГ — I MXГ

№9. Ἀγά[θ]/ωνο[ς] (рис. 2: 9) Инв. №4(г)/36475.

Аналогии: IOSPE, III: №1201—1205(а).

Фабрикант и дата: Agathōn — конец V — 90-е гг. IV в. до н. э. (Кац 2007: 429, прил. V: 1).

ΑΡΙΣΤΙΠΠΟΣ — PФГ — I MXГ

№10. Ἀριστ/ίππος ← (рис. 2: 10) Инв. №3/36476.

Аналогии: IOSPE, III: №1261—1268.

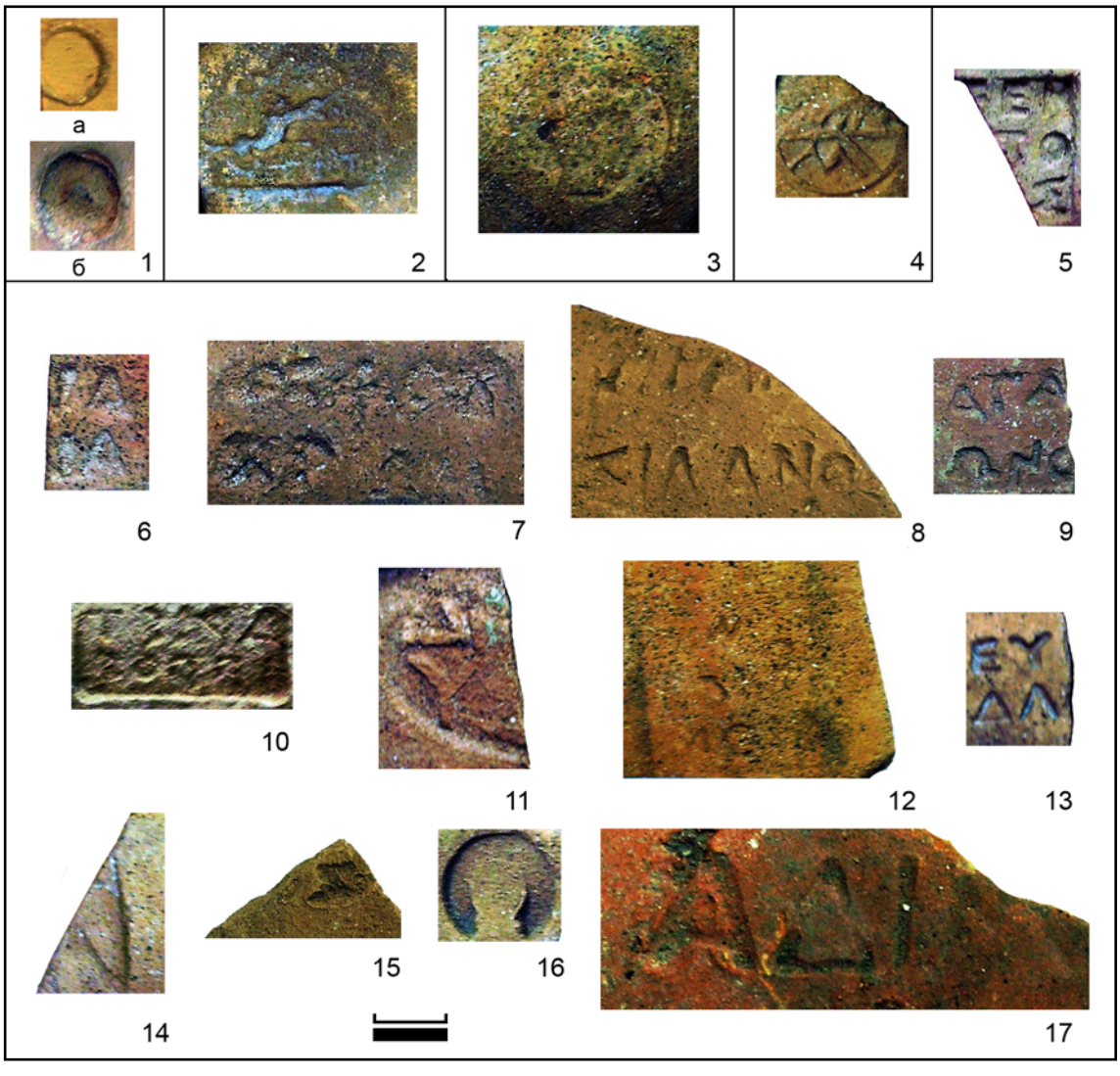

Рис. 2. Керамические клейма из «нимфеума»: 1 — Фасос; 2 — Менда; 3 — Аканф; 4—17 — Гераклея.

Fig. 2. Ceramic stamps form the "Nymphaeum": 1 — Thasos; 2 — Menda; 3 — Acanthus; 4—17 — Heraclea.

Фабрикант и дата: Ἀρίστιππος — конец V — 90-е гг. IV в. до н. э. (Кац 2007: 429, прил. V: 1).

ΔΙΟΝΥΣΙΟΣ I — РФГ – I МХГ

№11. Δι[ον]/υσ[ίο] (рис. 2: 11) Инв. №4(а)/36476.

Аналогии: IOSPE, III: №1456.

Фабрикант и дата: Διονύσιος I — конец V — 90-е гг. IV в. до н. э. (Кац 2007: 429, прил. V: 1).

ΔΙΟΝΥΣΙΟΣ II—I A МХГ

№12. [Δι]ον/υσ/[ί/ο] ← *По сторонам треугольника* (рис. 2: 12). Инв. №4(д)/36475.

Аналогии: IOSPE, III: №1431—1435.

Фабрикант и дата: Διονύσιος II — первая половина 90-х гг. IV в. до н. э. (Кац 2007: 429, прил. V: 2).

ΕΥΡΥΔΑΜΟΣ — РФГ — I МХГ

№13. Εὐ[ρυ]/δά[μο] (рис. 2: 13) Инв. №4(е)/36475.

Аналогии: IOSPE, III: №1557—1561.

Фабрикант и дата: Εὐρύδαμος — конец V — 90-е гг. IV вв. до н. э. (Кац 2007: 429, прил. V: 1).

Клейма, в которых легенды не восстановлены

№14. [- - -]/[- - -]α (рис. 2: 14) Инв. №4(ё)/36475.

№15. [- - -]/[- - -]ς (рис. 2: 15) Инв. №4(ж)/36475.

Анэпиграфное клеймо

№16. Полуколечко. (рис. 2: 16) Инв. №20/36476.

Оттиск на черепице

ΑΙΣΙΜΙΔΑΣ - IV МХГ

№17. [Αἰσι]μίδα ← (рис. 2: 17) Инв. №34/36476.

Новый штамп.

Фабрикант и дата: Αἰσίμιδας — 40-е — 30-е гг. IV в. до н. э. (Кац 2007: 429, прил. V: 5).

Литература

Антонова И. А. 1996. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки. *ХС* 7, 101—132.

Балканска А. 1984. Амфори и амфорни печати. *Севтополис (Бит и култура)* 1. София: Българската академия на науките, 115—158.

Брашинский И. Б. 1980. *Греческий керамический импорт на Нижнем Дону*. Ленинград: Наука.

Буйских А. В. 2008. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. *МАИЭТ*. Suppl. 5. Симферополь: Деметра.

Виноградов Ю. Г. 1972. Керамические клейма о. Фасос. *НЭ* 10, 3—63.

Гарлан И. 2010. Последние достижения греческой керамической эпиграфики на Западе. *АМА* 14, 371—395.

Гилевич А. М. 1957. *Нимфеум*. Архив НЗХТ. Д. 1040. Л. 1—61.

Граков Б. Н. 1956. *Гераклея Понтийская. Клейма на горлах амфор и на калиптерах и керамидах* (IOSPE, III). Архив ИА РАН. Ф. Р-2. №2179.

Граков Б. Н. 1956. *Фасос. Клейма на ручках и горлах амфор*. (IOSPE, III). Архив ИА РАН. Ф. Р-2. №2166.

Гриневич К. Э. 1927. Древнейшая оборонительная стена в Херсонесе, обнаруженная разведкой в 1927 г. *Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе, 10—13 сентября 1927 года*. Севастополь: Издательство Херсонесского музея, 20—23.

Жеребцов Е. Н. 1979. Новые данные о херсонесском склепе 1012. *КСИА* 159, 34—37.

Зегебарт К. 1990. Археологические данные о торговых связях Гераклеи Понтийской с населением Нижнего Прикубанья в IV—III вв. до н. э. В: Ждановский А. М., Марченко И. И. (отв. ред.). *Древние памятники Кубани (материалы семинара)*. Краснодар: Управление культуры Краснодарского крайисполкома, 45—55.

Кац В. И. 1966. Массовый амфорный материал конца V — IV вв. до н. э. как источник по торговле в античную эпоху. В: Бескоровайный И. И. (отв. ред.). *Тезисы докладов научной конференции 1966 г.* Борисоглебск: Типография Воронежского областного управления по печати, 9—12.

Кац В. И. 1979. Экономические связи позднеклассического Херсонеса. *АМА* 4, 176—191.

Кац В. И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). *БИ* 8. Симферополь; Керчь: Деметра.

Косцюшко-Валюжинич К. К. 1901. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 г. *ИАК* 1, 1—55.

Молев Е. А. 2010. *Боспорский город Китей*. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина.

Монахов С. Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье: Комплексы керамической тары VII—II вв. до н. э.* Саратов: Саратовский университет.

Монахов С. Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре*. Москва: Киммерида; Саратов: Саратовский университет.

Монахов С. Ю. 2013а. Амфоры Аканфа. Новые находки и заметки о специфике амфорного производства в полисе. В: Марченко И. И. (отв. ред.). *Шестая Международная Кубанская археологическая конференция*. Краснодар: Экоинвест, 294—230.

Монахов С. Ю. 2013б. Ещё одна находка аканфской амфоры и некоторые размышления о характере аканфского амфорного производства. *ДБ* 17, 258—268.

Мелюкова А. И. 1975. *Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка*. Москва: Наука.

Рогов Е. Я. 2001. Общественный источник в юго-восточной части херсонесского городища. *Археологія* (4), 106—119.

Стоянов Р. В. 2003—2004. Мемориальный погребальный комплекс V в. до н. э. возле южных городских ворот Херсонеса Таврического. *Stratum plus* (3), 324—335.

Федосеев Н. Ф. 2010. К интерпретации комплекса №23 поселения Старая Богдановка 2 на хоре Ольвии и об энглифических колечках. *АМА* 14, 339—349.

Юргевич В. Н. 1895. Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденные в Феодосии в 1894 году. *ЗООИД* XVIII, 87—174.

Avram A. 1996. *Les timbres amphoriques*. 1. *Thasos. Histria*. VIII. Paris; Bucarest: Diffusion de Boccard.

Balkanska A., Tzochev Ch. 2008. Amphora stamps from Seuthopolis — Revised. In: Гергова Д. (отг. ред.). *Phosphorion. Studia in Honorem Mariae Čičikova*. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 188—205.

Bon A.-M., Bon A. 1957. Les timbres amphoriques de Thasos. *Études thasiennes* IV. Paris: Édition de Boccard.

Debidour M. 1979. Réflexions sur les timbres amphoriques thasiens. *Thasiaca* (BCH Suppl. 5). Athènes; Paris, 269—314.

Garlan Y. 2006. L'interpretation des timbres amphoriques «à la roue» d'Akanthos. *BCH* 130.

Garlan Y. 1999. *Les timbres amphoriques de Thasos*. Vol. I. *Timbres Protothasiens et Thasiens anciens*. Paris: Édition de Boccard.

References

Antonova, I. A. 1996. In *Khersonesskii sbornik (Chersonessos Collected Works)* 7, 101—132 (in Russian).

Balkanska, A. 1984. In *Sevtopolis (Bit i kultura) (Seuthopolis (Everyday Life and Culture))* 1. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 115—158 (in Bulgarian).

Brashinskii, I. B. 1980. *Grecheskii keramicheskii import na Nizhnem Donu (Greek Ceramic Import in Lower Don Region)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Buiskikh, A. V. 2008. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Proceedings on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)*. Suppl. 5. Simferopol: "Demetra" Publ. (in Russian).

Vinogradov, Iu. G. 1972. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* 10, 3—63 (in Russian).

Garlan, I. 2010. In *Antichnyi mir i arkheologiia (Ancient World and Archaeology)* 14, 371—395 (in Russian).

Gilevich, A. M. 1957. *Nimfeum (Nymphaeum)*. Arkhiv Natsional'nogo zapovednika «Khersones Tavricheskii» (Archive of the National Preserve "Chersonesos Tauric"). Dossier 1040. Sheet 1—61 (in Russian).

Grakov, B.N. 1956. *Gerakleia Pontiiskaia. Kleima na gorlakh amfor i na kalipterakh i keramidakh (Heraclea Pontica. Stamps on Necks of Amphorae, on Calipterae and Ceramides)* (IOSPE, III). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-2, no. 2179 (in Russian).

Grakov, B.N. 1956. *Fasos. Kleima na ruchkakh i gorlakh amfor (Thasos. Stamps on Handles and Necks of Amphorae).* (IOSPE, III). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-2, no. 2166 (in Russian).

Grinevich, K.E. 1927. In *Vtoraia konferentsiia arkheologov SSSR v Khersonese, 10—13 sentiabria 1927 goda (Second Conference of USSR Archaeologists in Chersonesos, September, 10—13.1927).* Sevastopol: Chersoneses Museum, 20—23 (in Russian).

Zherebtsov, E.N. 1979. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief Reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR)* 159, 34—37 (in Russian).

Zegebart, K. 1990. In *Drevnie pamiatniki Kubani (materialy seminara) (Ancient Sites of Kuban (Proceedings of seminar)).* Krasnodar: "Upravlenie kul'tury Krasnodarskogo kraiispolkoma" Publ., 45—55 (in Russian).

Kats, V.I. 1966. In *Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii 1966 g. (Theses of Academic Conference in 1966).* Borisoglebsk: "Tipografiia Voronezhskogo oblastnogo upravleniia po pechati" Publ., 9—12 (in Russian).

Kats, V.I. 1979. In *Antichnyi mir i arkheologiia (Ancient World and Archaeology)* 4, 176—191 (in Russian).

Kats, V.I. 2007. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* 8. Simferopol; Kerch: "Demetra" Publ. (in Russian).

Kostsiushko-Valiuzhinich, K.K. 1901. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 1, 1—55 (in Russian).

Molev, E.A. 2010. *Bosporskii gorod Kitei (Bosporan Town Cytea)*. Simferopol; Kerch: "ADEF-Ukraina" Publ. (in Russian).

Monakhov, S. Iu. 1999. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoi tary VII—II vekov do n.e. (Greek Amphorae in the Pontic Region. Complexes of Ceramic Ware from the 7th—2nd Centuries BC).* Saratov: Saratov State University (in Russian).

Monakhov, S. Iu. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiia amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare (Greek Amphorae in the Pontic Region. Typology of Amphorae of the Main Ceramic Ware Exporting Centers)*. Moscow: "Kimmerida" Publ.; Saratov: Saratov State University (in Russian).

Monakhov, S. Iu. 2013. In *Shestaia Mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia (Sixth International Kuban Archaeological Conference)*. Krasnodar: "Ekoinvest" Publ., 294—230 (in Russian).

Monakhov, S. Iu. 2013. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of Bosphorus)* 17, 258—268 (in Russian).

Meliukova, A.I. 1975. *Poselenie i mogil'nik skifskogo vremeni u s. Nikolaevka (Settlement and Necropolis of Scythian Age near the Village of Nikolaevka)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Rogov, E. Ia. 2001. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (4). Kiev, 106—119 (in Russian).

Stoianov, R.V. 2003—2004. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropokogy)* (3), 324—335 (in Russian).

Fedoseev, N.F. 2010. In *Antichnyi mir i arkheologiia (Ancient World and Archaeology)* 14, 339—349 (in Russian).

Iurgevich, V.N. 1895. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* XVIII, 87—174 (in Russian).

Avram, A. 1996. *Les timbres amphoriques*. 1. *Thasos. Histria*. VIII. Paris; Bucarest: Diffusion de Boccard.

Balkanska, A., Tzochev, Ch. 2008. Amphora stamps from Seuthopolis — Revised. *Phosphorion. Studia in Honorem Mariae Čičikova*. Sofia: "Prof. Marin Drinov" Publ., 188—205.

Bon, A.-M., Bon, A. 1957. Les timbres amphoriques de Thasos. *Études thasiennes* IV. Paris: Édition de Boccard.

Debidour, M. 1979. Réflexions sur les timbres amphoriques thasiens. *Thasiaca* (BCH Suppl. 5). Athènes; Paris, 269—314.

Garlan, Y. 2006. L'interpretation des timbres amphoriques «à la roue» d'Akanthos. *BCH* 130.

Garlan, Y. 1999. *Les timbres amphoriques de Thasos*. Vol. I. *Timbres Protothasiens et Thasiens anciens*. Paris: Édition de Boccard.

Статья поступила в номер 29 марта 2014 г.

Mikhail Ivashchenko (Saratov, Russian Federation). Saratov State University[1].

Mikhail Ivashchenko (Saratov, Rusia). Universitatea de Stat din Saratov.

Иващенко Михаил Вениаминович (Саратов, Россия). Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

E-mail: m.ivashchenko@list.ru

Address: [1] Astrakhanskaya St., 83, Saratov, 410012, Russian Federation

Л. С. Клейн

«Русь» в системе этнонимов как ключ к происхождению термина

Keywords: ethnonyms, area, Norman hypothesis, Antinormanists, word formation, finnophone tribes, Russian chronicle.

Cuvinte cheie: etnonime, areal, ipoteza normandă, antinormanzi, formarea cuvintelor, triburi finofone, cronici ruseşti.

Ключевые слова: этнонимы, ареал, норманнская гипотеза, антинорманисты, словообразование, финноязычные племена, русская летопись.

L. S. Klejn

“Rus’” in the System of Ethnonyms as a Clue to the Origin of the Term

The ethnonym *Rus’* is included by Khaburgaev into the group of ethnonyms of finnophone origin (like Sum’, Yam’, Ves’, Vod’, Liv’ etc.) that are formed as monosyllable collective nouns ending with *-ь* (from Finnish *-i, -e*). The peoples so denoted populated a strict area on the eastern shore of the Baltic Sea and adjacent territories. These were names of finnophone tribes (peoples) and of their neighbours, *Rus'* belongs to the latter: it is the name still used by the Finns and Estonians to call the Swedes. Consequently, this term is of northern, finnophone origin, and from finnophone population it came to Slavs, and the latter started using it to call newcomers from Scandinavia, i.e. the Normans. It still does not explain why the Finns gave this name to their neighbors, but it does not cancel the northern, finnophone origin of the term.

L. S. Klejn

„Rus” în sistemul de etnonime: cheie pentru proveniența termenului

După G. A. Haburgaev, etnonimul „rus” face parte din grupul de etnonime formator de cuvinte de proveniență finlandeză (sumi, iami, vesi, vodi, livi ș.a.), care este alcătuit din substantive cumulative monosilabice cu terminația *-ь* (din finlandezele *-i, -e*). Popoarele desemnate astfel ocupau un areal clar definit pe țărmul de est al Mării Baltice și teritoriile adiacente. Aici intră denumirile triburilor (popoare) vorbitoare de finlandeză și vecinii acestora. Din ultima categorie face parte și termenul „rus”, prin intermediul căruia și astăzi finlandezii și estonienii îi desemnează pe suedezi. Astfel, acest termen este de proveniență nordică, din mediul vorbitor de limbă finlandeză, de unde el ulterior a pătruns la slavoni, care au început în același mod să-i numească pe normanzii veniți din Scandinavia. În acest moment nu ne este foarte clar, de ce finlandezii îi denumeau astfel pe vecinii lor din vest, însă proveniența termenului este una nordică, finlandeză.

Л. С. Клейн

«Русь» в системе этнонимов как ключ к происхождению термина

Этноним «русь» входит, по Г. А. Хабургаеву, в словообразовательную группу финноязычных по происхождению этнонимов (сумь, ямь, весь, водь, ливь и т. п.), состоящих из односложных собирательных существительных на *-ь* (из финского *-i, -e*). Обозначенные так народности занимали четкий ареал по восточному побережью Балтийского моря и прилегающим территориям. Сюда входят названия финноязычных племен (народностей) и соседей финноязычного населения. К последним принадлежит и термин «русь», которым финны и эстонцы до сих пор обозначают шведов. Следовательно, термин этот северного, финноязычного происхождения, и от финноязычного населения он попал к славянам, ставшим так же обозначать пришельцев из Скандинавии — норманнов. Почему финны так назвали своих западных соседей, остается не вполне ясным, но это не отменяет северного, финноязычного происхождения термина.

В споре о варягах (см. Клейн 2009: 60—71, 213) существенную роль, скорее эмоциональную, чем содержательную, играет вопрос о происхождении термина «русь». При этом на первое место обычно выдвигают этимологию термина: происходит ли он от норманнского названия гребцов (корень roþ-), или от норманнского же названия дружины (drótts), или от названия притока Днепра (Рось), или от элемента иранского этнонима (рокс-аланы) и т. п. Опровержение одной из этих этимологий считается достаточным основанием для отвержения всей связанной с ним гипотезы об этническом происхождении этнонима и о локали-

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© Л. С. Клейн, 2014.

зации его корней. Поэтому антинорманисты потратили много усилий для критики и отвержения норманнских этимологий термина «русь», особенно они издеваются над томсеновским выведением термина из норманнского слова «гребцы». Между тем, этимология большинства хорошо известных этнонимов (германцы, франки, англы, италики, финны и т. д.) неизвестна, что не мешает нам прослеживать исходную локализацию этих этнонимов и их этнические корни. Поэтому нужно принять за исходный принцип, что отсутствие надежной этимологии для термина «русь» не имеет никакого значения для прослеживания его судьбы.

Зато очень важно положение этого термина в морфологической системе родственных терминов и локализация этой системы.

Как показал Г. А. Хабургаев (1979: 167—169), этнонимия «Повести временных лет» с точки зрения морфологии состоит из двух блоков. Один, самый большой, образован формами множественного числа, и к нему принадлежат почти все наименования славянских племен (словене, вятичи, радимичи, северяне, ляхи, хорвате и т. д.), а также все прочие народы (немьци, волохы, печенези, козари и т. д.). Другой, поменьше, включает в себя собирательные имена, и весь он (за двумя исключениями) состоит из наименований финноязычных и балтоязычных племен лесной полосы Восточной Европы, колонизуемой славянами и соседящей с ними. Этот блок делится на две весьма заметно территориально разделенные группы — западную, где сосредоточены собирательные имена, оканчивающиеся на *-ь* (чудь, весь, сумь и др.), и восточную, где собирательные имена оканчиваются на *-а*, *-я* (меря, мурома, мордва и др.).

В западной группе есть имена многосложные (самоядь, черемись, голядь) — они обозначают народности, расположенные далеко на восток от основного ядра группы, собственно, уже в расположении восточной группы. Есть даже имя (серебь), обозначающее некий далекий и малознакомый славянский народ. А основное ядро группы состоит из односложных (в прошлом двусложных) слов, как бы сконструированных по одной модели: согласный — гласный — согласный (или два согласных) — ерь («мягкий знак», в прошлом гласный, который передавал здесь финноязычный i).

Эти термины Г. А. Хабургаев перечисляет в алфавитном порядке, всякий раз указывая места упоминания в ПВЛ (я здесь их опускаю): *весь* (раскрывается как обозначение *вепсов*), *корсь*, *либь* — *любь* — *ливь*, *пермь*,

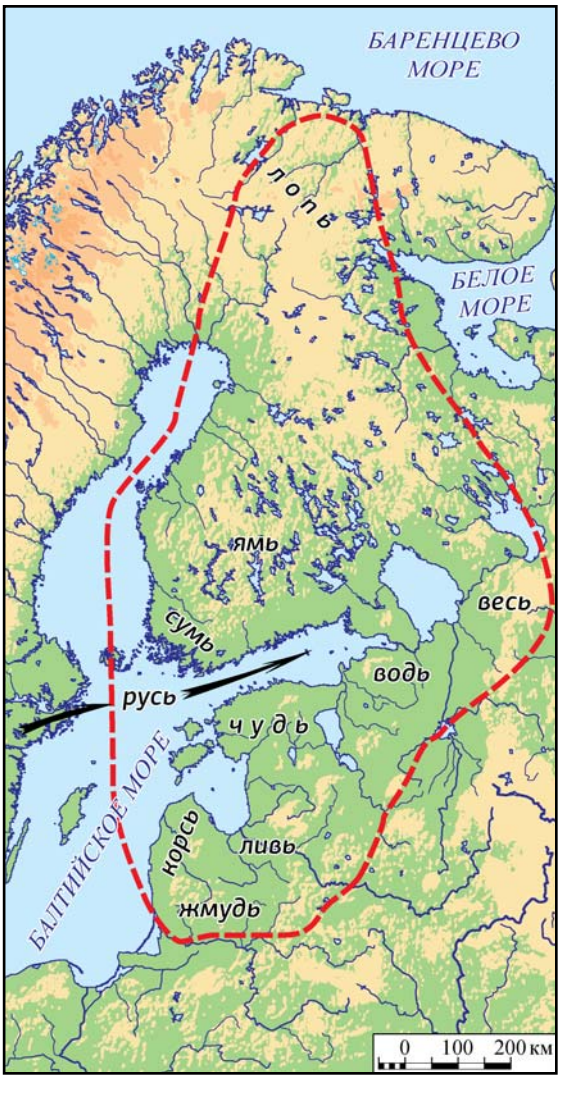

Рис. 1. Локализация племен с этнонимами на *-ь*. Ареал очерчен пунктиром. Стрелками показано движение западных соседей финноязычного населения, называемых им *руотси* — русь.

Fig. 1. Localization of tribes with monosyllabic ethnonyms on *-ь*. The area is outlined by a dotted line. Arrows show the movement of the western neighbors of the Finnish-speaking population, called by them *ruotsi* (rus).

чюдь (дожило до наших дней как *чухонцы*), *ямь*. В Новгородских списках летописи к ним добавлены также *водь* и *сумь* (раскрывается как финское *suomi*). Вот в эту линейку терминов и входит термин «*русь*». Г. А. Хабургаев (1979: 215—220) убедительно показывает, что термин этот воспринимался в славянской среде как иноязычный. Так что же, спрашивает В. В. Фомин (2010), желая обесценить значимость этой системы: значит, «русь» обозначает финноязычный или балтоязычный народ? Нет, это значит лишь, что термин до его проникновения к славянам бытовал у финноязычного населения, а какой народ

он обозначал, это другой вопрос. Очевидно, тот же народ, который он обозначает у финнов и эстонцев до сих пор — их западных соседей (ныне шведов).

Г. А. Хабургаев помещает племя *ямь* (от финск. *hääme*) на Карельском перешейке, Е. А. Мельникова на своей карте (Melnikova 2013: 326, map 2) с вескими основаниями сдвигает его к северо-западу, помещая севернее нынешнего Хельсинки). *Сумь* (из *суоми*), по Г. А. Хабургаеву, — еще дальше, по берегам Юго-Западной Финляндии, *водь* — к югу от реки Нева, *весь* — за Волховом к востоку, *чудь* — к западу от Чудского озера, *ливь* — южнее, к северу от низовий Западной Двины (у Мельниковой — к югу), *корсь* — к югу от этих низовий, *пермь* — далеко от них, между верховьями Печоры и Камы. Как видим, в основном (за исключением перми) это восточное побережье Балтийского моря и его заливов. Позже к этой системе для нас присоединились с севера *лопь* (лопари, Лапландия, ныне на побережье Баренцева моря, раньше жили и значительно южнее, к западу от Онежской губы) и с юга *жмудь* (юго-восточнее ливи по Двине). Это и есть тот ареал, где в финноязычной (вряд ли балтоязычной) среде зародился этноним «русь» для обозначения западных соседей, приходивших из-за моря. Он мог обозначать свеев, мог обозначать и более далеких данов. Через своих северных финноязычных соседей этих новых знакомцев узнали в VIII веке и стали так звать и славяне, вероятно, поначалу в районе Старой Ладоги.

У финноязычного населения этот термин звучал *ruotsi*: финны (суоми — та самая сумь) и эстонцы зовут до сих пор шведов *руотси* (у эстонцев *роотси*). Значит, они сохранили память, что руотси приходили со стороны Швеции. Было бы легче, если бы название шведов звучало на финском как *руосси* — тогда бы *русь* образовывалась фонетически безупречно. А так есть трудности. Возможно, какие-то диалектные особенности прошлого нам неизвестны. Е. В. Пчелов (2010: 204) правильно указывает, что «руотси» при переходе в славянский превращается в «русь» по той же модели, по которой «суоми» превращается в «сумь». При этом он добавляет, что «тс» в «руотси» мог дать у славян «с» так же точно, как «пс» в «вепсы» дал «с» в «весь». Трудности не отменяют основного: русь — этноним, пришедший к восточным славянам с северо-запада, со стороны Швеции. И это вполне согласуется с летописью о пришествии племени русь, «от них же и ны прозвашася».

Фомин в указанной статье считает, что народ, называвшийся именем Русь, не может быть норманнами — что летопись отличает его от норманнов. Он приводит такой аргумент: «в известии под 862 г. — послы «идоша за море, к варягом, к руси; сице бо тии звахуся варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, анъгляне, друзии гъте, тако и си». Фомин поясняет: «русь специально выделена летописцем из числа других варяжских, говоря сегодняшним языком, западноевропейских народов и не смешивается со шведами, норвежцами, англами-датчанами и готами». И переводит цитату так: «И пошли за море к варягам, к руси, ибо так звались варяги — русь, как другие (у Фомина подразумевается: народы.— *Л.К.*) зовутся шведы, иные же норманны, англы, другие готы, эти же — так». Получается, что русь вроде бы не варяги, не норманны. Понимание этой фразы у Фомина неверное, перевод неточен. Фраза явно читается иначе (в скобках проставляю пояснительные слова): «И пошли за море к варягам, к руси, ибо те варяги звались (в оригинале: тии звахуся варязи) русью, как другие (варяги) зовутся свеями, иные же норманнами (здесь: норвежцами), англами, иные готами, а вот эти (звались) так». То есть все они варяги, по представлениям летописца. Фомин же слову *тии* («те») в своем переводе ошибочно придал значение «так».

Летописец был близок к реальности, хотя перечислял очень далекие народы. Все они действительно германоязычны и северноевропейского происхождения, большей частью скандинавского. Не должны были сюда войти англы, но поскольку значительная часть Англии была захвачена данами (Дэнло), летописец присоединил и англов к варягам, что ему простительно. Современному исследователю — нет.

Вот какие выводы с непреложностью следуют из словообразовательной системы, в которую входит этноним «русь».

Литература

Клейн Л. С. 2009. *Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон*. Санкт-Петербург: Евразия.

Пчелов Е. В. 2010. *Рюрик*. Москва: Молодая Гвардия.

Фомин В. В. 2010. *Клейн как диагноз, или голый «конунг»*. Интервью в интернете. [Электронный ресурс]. URL: https://app.box.com/shared/dxgfruk5d5). Дата обращения 17.11.2010.

Хабургаев Г. А. 1979. *Этнонимия «Повести временных лет»*. Москва: Московский университет.

Melnikova E. 2013. Mental maps of the Old Russian chronicle-writer of the early twelfth century. In: Bjerg L., Lind J. H., Sindbæk S. M. (eds.). *From Goths to Varangians. Communication and cultural exchange between the Baltic and the Black Sea.* Black Sea Studies, 15. Aarhus: Aarhus University Press: 317—340.

References

Klejn, L. S. 2009. *Spor o variagakh. Istoriia protivostoianiia i argumenty storon (The Varangian Dispute. History of Confrontation and Arguments of Opponents)*. Saint Petersburg: “Eurasia” Publ. (in Russian).

Pchelov, E. V. 2010. *Rurik*. Moscow: “Molodaia Gvardiia” Publ. (in Russian).

Fomin, V. V. 2010. *Klein kak diagnoz, ili golyi «konung» (Klejn as a Diagnosis, or a Naked “Konung”)*. Web Interview. Available at: https://app.box.com/shared/dxgfruk5d5 (accessed 17.11.2010) (in Russian).

Khaburgaev, G. A. 1979. *Etnonimiia «Povesti vremennykh let» (Ethnonimy of the “Primary Chronicle”)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Melnikova, E. 2013. Mental maps of the Old Russian chronicle-writer of the early twelfth century. In: Bjerg L., Lind J. H., Sindbæk S. M. (eds.). *From Goths to Varangians. Communication and cultural exchange between the Baltic and the Black Sea.* Black Sea Studies, 15. Aarhus: Aarhus University Press: 317—340.

Статья поступила в номер 30 мая 2014 г.

Leo Klejn (Saint Petersburg, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences, Professor.

Leo Klejn (Sankt Petersburg, Rusia). Doctor în ştiinţe istorice, profesor.

Клейн Лев Самуилович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук, профессор.

E-mail: lsklejn@gmail.com

А. Г. Шпилев

Перстни с христианской символикой конца X — XVII вв. из Курской области

Keywords: Kursk Region (Russia), Medieval Ages, Christian symbolism, Russian Orthodox Christianity, Russian jewelry.

Cuvinte cheie: regiunea Kursk (Rusia), Evul Mediu, simbolism creștin, creștinism ortodox rusesc, arta giuvaergeriei rusești.

Ключевые слова: Курская область (Россия), средневековье, христианский символизм, русское православное христианство, русское ювелирное искусство.

A. G. Shpilev

Rings with Christian Symbols of the Late 10th — 17th cc. from Kursk Region

The article analyzes a collection of rings with Christian symbols dated by the late 10th — 17th centuries from Kursk region (Russia). Images are divided into several types — people, birds, animals, plants, geometric symbols (pentagram, swastika). Some of these characters are associated with Jesus Christ, some find direct links with biblical scenes. According to the author, most of the rings considered in the paper is of Eastern Christian (Ancient Russia, Byzantium, Balkans) origin, while some of them may be cheap Byzantine decorations. Byzantine influences can be traced until the end of the 17th century. Influence of the Catholic world is less noticeable, and rings with swastika may be such possible borrowing.

A. G. Shpilev

Inele cu simboluri creştine de la sfârşitul sec. X — sec. XVII din regiunea Kursk

Articolul prezintă analiza colecției de inele cu simboluri creştine de la sfârşitul sec. X — sec. XVII din regiunea Kursk (Rusia). Imaginile de pe inele includ mai multe motive: oameni, păsări, animale, plante, simboluri geometrice (pentragramă, svastică). O parte din aceste simboluri sunt legate de Iisus Hristos, altele au corespondențe directe în subiectele biblice. În opinia autorului, majoritatea inelelor prezentate în articol sunt de provenienţă est-creştină (Rusia Kieveană, Bizanț, Balcani), iar o parte din ele pot să fie podoabe ieftine bizantine. Impulsurile bizantine pot fi urmărite până la sf. sec. XVII. Mai puțin se observă influența lumii catolice. Probabil, de acolo provin inelele cu svastică.

А. Г. Шпилев

Перстни с христианской символикой конца X — XVII вв. из Курской области

В статье анализируется коллекция перстней с христианскими символами конца X — XVII вв. из Курской области (Россия). Изображения делятся на несколько видов: люди, птицы, животные, растения, геометрические символы (пентаграмма, свастика). Часть этих символов связана с Иисусом Христом, часть имеет прямые соответствия с библейскими сюжетами. По мнению автора, большая часть из рассматриваемых в статье перстней имеет восточнохристианское (Древняя Русь, Византия, Балканы) происхождение, при этом часть из них может являться дешевыми византийскими украшениями. Византийские импульсы прослеживаются вплоть до конца XVII в. Влияние католического мира менее заметно. Вероятным заимствованием оттуда могут быть перстни со свастиками.

Среди средневековых курских украшений конца X—XVII вв. выделяется группа из 30 перстней с изображениями, имеющими прямые соответствия в области христианского символизма. Помещенные на этих перстнях рисунки можно условно разделить на несколько частей: христианские святые, аллегорические сцены, монограммы и символы.

Перстень с изображением святого (1 экз.)

Городище Кудеярова Гора (Курчатовский район).

Случайная находка в осыпях склонов городища. Хранится в фондах НИИ археологии юго-востока Руси КГУ (Енуков 2005: 263—264, рис. 54: 4).

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© А. Г. Шпилев, 2014.

Перстень литой, белого металла (свинцово-оловянистый сплав?), с пустотелым шестиугольным щитком в виде ромба с двумя срезанными вершинами. Общая длина кольца — 26 мм, диаметр дужки — 21 мм, толщина дужки — 3 мм. На прорисовке, помещённой в монографии В. В. Енукова «Славяне до Рюриковичей», щиток перстня изображен прикреплённым к дужке (рис. 1: 1) (Енуков 2005: рис. 54: 4), на самом деле дужка соединяется с краями щитка, составляя с ним одну плоскость (рис. 1: 1б). Толщина щитка — 5 мм, высота — 21 мм, ширина в средней части — 17 мм, по краям — 11 мм. Щиток и дужка имеют чётко различимые литьевые швы. На щитке изображён воин в кольчуге, с застёгнутым на правом плече плащом, прикрывающим левую руку. В правой руке воин держит копьё, в левой — маленький каплеобразный щит с тремя расположенными друг над другом кругами. Вокруг головы — нимб (рис. 1: 1а). Фигура заключена в непрерывный ободок, идущий по краю щитка.

Согласно В. В. Енукову, «подобные сюжеты хорошо известны в историографии, а практически точные аналогии имеются в материалах сфрагистики. В близкой графике на актовых печатях изображался св. Дмитрий или, несравненно чаще, св. Фёдор. По мнению В. Л. Янина, из-за отсутствия детальных признаков точно установить имя святого невозможно, однако принадлежность находки к кругу христианских древностей не вызывает сомнений» (Енуков 2005: 264, 267). В. В. Енуков считает, что находка связана со средой русских дружинников, причём перстень явно принадлежал христианину с высоким социальным статусом и был утерян при штурме городища во время разгрома Владимиром Святославичем «посемьского» объединения северян (Енуков 2005: 267, 272).

На взгляд автора, жёстко привязать утерю перстня именно к гибели находившегося на городище Кудеярова Гора позднероменского укрепленного поселения нельзя. Однако его принадлежность к древнерусскому времени несомненна, что позволяет предварительно датировать перстень концом X—XI вв.

Стилистически перстень с Кудеяровой Горы может быть отнесен к кругу «византийских древностей». Низкое качество сплава, из которого он сделан, позволяет предположительно отнести данное украшение или к недорогим, массовым, изготовленным из дешёвых металлов привозным византийским изделиям, или же к украшениям, произведённым на Руси по византийским образцам.

Перстни с аллегорическими сценами (3 экз.)

Деревня Филиппова (Октябрьский район). Случайная находка.

Перстень литой, белого металла, с круглым щитком. Толщина щитка — 4,5 мм, высота и ширина — 17 мм, вес — 7,94 г. На обратной стороне щитка имеется чётко различимый литьевой шов. На щитке, в круглой рамке, выпуклое изображение плывущего корабля с двумя людьми на борту и развернутым прямоугольным парусом, нижние концы которого закреплены двумя веревками к поднятым носовой и кормовой частям корабля. На парусе ряды выпуклых точек изображают переплетённые волокна (рис. 1: 2).

Согласно А. С. Уварову, корабль является одним из пяти древнейших христианских символов. Плывущий корабль означал человеческую жизнь или христианскую церковь, в последнем случае его могли изображать стоящим на спине рыбы (Уваров 1908: 103, 109, 159, 162).

Стилистически перстень можно отнести к кругу византийских украшений. Предположительная датировка — конец X — XIII вв.

Деревня Переверзево (Золотухинский район). Случайная находка.

Перстень бронзовый литой. Общая длина и ширина — 22 мм, толщина кольца — 1,5 мм, ширина — 4 мм, вес — 4,13 г. Щиток овальный (11×12 мм), толщина — 2 мм. На щитке изображен корабль с 4 кругами по борту. Посередине судна установлена мачта-крест с одной перекладиной и двускатным навершием. У мачты стоят два человека с поднятыми руками (рис. 1: 3). Предположительная датировка — XVI—XVII вв.

Хутор Духовец (Курский район). Случайная находка.

Перстень литой, белого металла, с круглым щитком. Общая длина перстня — 25 мм, диаметр дужки — 24×25 мм, толщина — 3 мм. Толщина щитка — 1 мм, высота — 13 мм, ширина — 15 мм. На обратной стороне щитка имеется чётко различимый литьевой шов. Украшение в местах соединения дужки со щитком надломлено, вследствие чего щиток имеет наклонное положение.

На щитке изображён плывущий корабль с двумя рядами прямоугольников на борту и мачтой в виде ствола дерева, увенчанного виноградными гроздьями. С обеих сторон мачты изображено по две человеческие фигуры. Очертания голов позволяют, по крайней

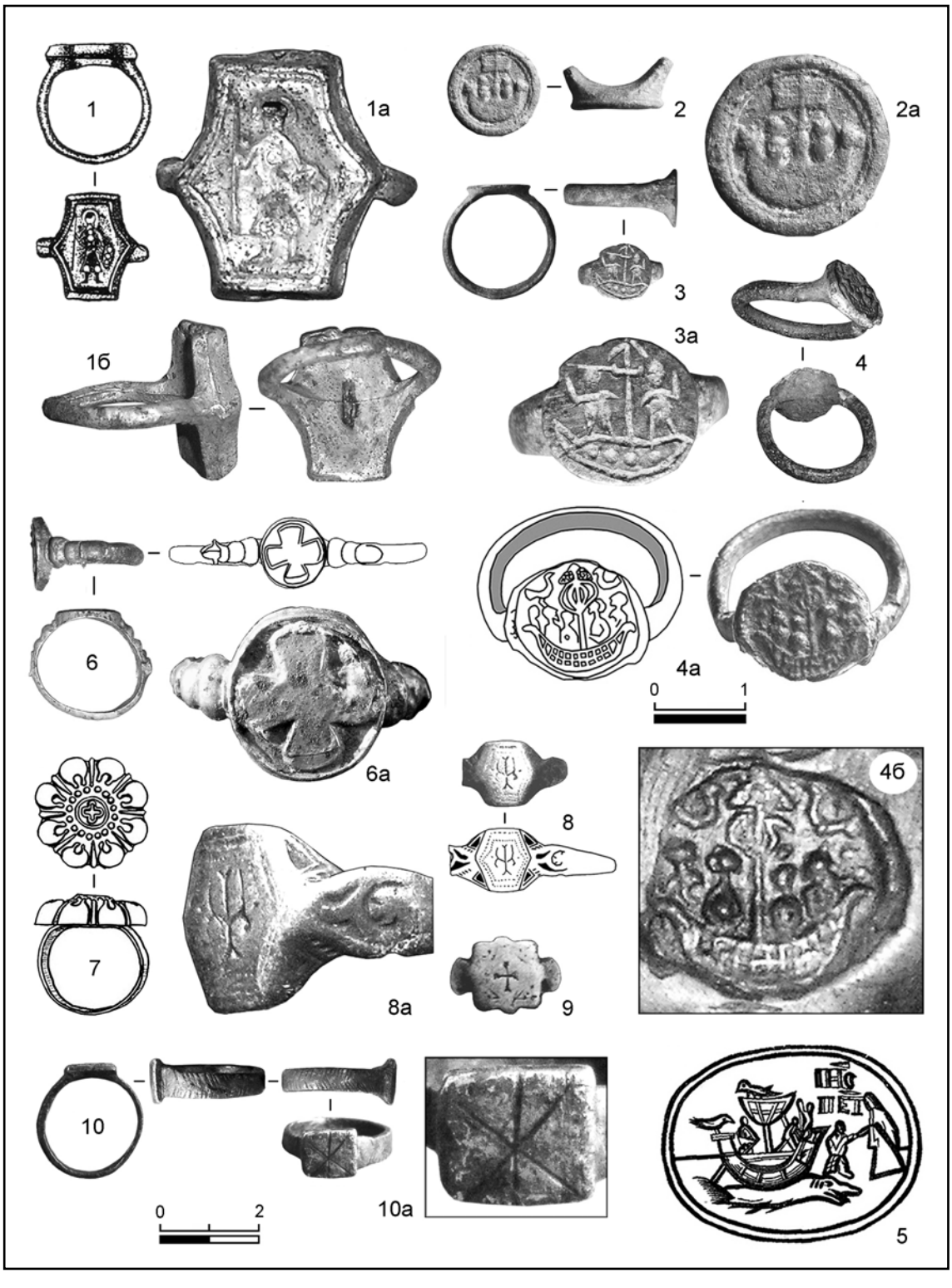

Рис. 1. 1 — Кудеярова Гора (по Енуков 2005: рис. 54: 4); 2 — Филиппова; 3 — Переверзево; 4 — Духовец; 5 — гемма, б/м (по Уваров 1908: рис. 26); 6 — Беловский р-н; 7 — Липинский курганный могильник (Октябрьский р-н), курган №97, раскопки П.И. Засурцева, 1949 г. (по Засурцев 1949); 8 — Рыльский р-н; 9 — Киев, клад из усадьбы Есикорского, 1885 г. (по Кондаков 1896: табл. V: 1); 10 — Коренское (б/м — без масштаба).

Fig. 1. 1 — Kudeyarova Gora (after Енуков 2005: рис. 54: 4); 2 — Filippova; 3 — Pereverzevo; 4 — Duhovetc; 5 — gemm, n/s (after Уваров 1908: рис. 26); 6 — Belovsky district; 7 — Lipinsky burial mounds (Oktyabrsky district), kurgan №97, excavation by P.I. Zasurtsev, 1949 (after Засурцев 1949); 8 — Rilsky district; 9 — Kiev, treasure from the estate of Esikorsky, 1885 (after Кондаков 1896: табл. V: 1); 10 — Korenskoe (n/s — not sized).

мере, у двоих изображённых предположить наличие бород. Лица людей подняты к верхней части мачты. На головах двух крайних людей стоят клюющие виноград птицы с длинными изогнутыми шеями и расширяющимися хвостами (павлины?) (рис. 1: 4).

На наш взгляд, ряд деталей этого изображения имеет чёткие соответствия в христианском символизме. Мачта корабля на перстне из Духовца представлена в виде ствола дерева с лозами и виноградными гроздьями, которые в христианской символике обозначали Спасителя, говорившего о себе: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода… Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне и Я в нём, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Иоан. 15 : 1—2, 5).

Клюющие виноградные грозди павлины символизируют бессмертие, достигнутое путем приобщения к христианскому учению. Данный сюжет достаточно часто присутствует на раннесредневековых византийских изображениях, мозаиках и ювелирных украшениях (Шпилев 2010: 229). Наиболее близкой из известных автору аналогий является помещённая в работе А. С. Уварова прорисовка геммы с евангельским сюжетом о хождении Христа по морю. На ней представлен поддерживаемый рыбой корабль с парусом, тремя человеческими фигурками на борту, сидящими на мачте и корме голубями, тонущий Пётр и спасающий его Христос (Уваров 1908: 162, рис. 26) (рис. 1: 5).

Возможно, изображение на перстне из Духовца тоже связано с Евангелием и символически передаёт сюжет об укрощении бури: «И когда вошёл Он в лодку, за Ним последовали ученики Его. И вот, сделалось великое волнение на море, так что лодка покрылась волнами; а Он спал. Тогда ученики Его, подойдя к Нему, разбудили Его и сказали: Господи! Спаси нас, погибаем. И говорит им: что вы так боязливы, маловерные? Потом, встав, запретил ветрам и морю, и сделалась великая тишина» (Матф. 8 : 23—26).

Если это предположение правильно, тогда смысл изображения на духовецком перстне должен толковаться как христианская церковь (лодка с первопризванными апостолами Петром, Андреем, Иаковом и Иоанном), обретающая бессмертие (стоящие на головах апостолов павлины) посредством приобщения к учению Христа (ствол дерева с виноградными гроздьями и лозами), оберегающего её от гибели.

Сложный символизм сюжета и высокая проработанность деталей, сочетающаяся с низкопробным (вероятно, оловянисто-свинцовым) сплавом перстня, позволяет предположительно отнести его или к недорогим, изготовленным из дешёвых металлов византийским привозным изделиям, или же к украшениям, произведённым на Руси по византийским образцам. Предварительная датировка перстня из Духовца — конец X — XI вв.

Перстни с христианской символикой

Кресты (6 экз.)

Беловский район. Предположительно, окрестности с. Долгий Колодезь. Случайная находка. Хранится в фондах КГОМА (КМА 280/49/26).

Перстень литой, белого металла, с круглым щитком. Общая длина перстня — 20 мм, диаметр кольца — 23 × 18,5 мм, толщина — 1 мм, ширина — 5 мм у щитка и 3 мм в середине. Дужка кольца снаружи выпуклая, внутри плоская. На внешней стороне дужки по всей длине прослеживаются наплывающие друг на друга валикообразные утолщения, особенно крупные и чёткие в местах соединения дужки со щитком. С одного бока дужки виден след от литьевого канала. Дужка примыкает к краям щитка. Толщина щитка — 1,5 мм, диаметр — 13 мм. На щитке выпуклое литое изображение помещенного в круг равноконечного креста с равномерно расширяющимися лопастями. В нескольких местах креста прослеживается выпуклая полоска, идущая с небольшим отступлением вдоль его краев (рис. 1: 6).

На территории Древней Руси находки крестов и крестовидных подвесок с равномерно расширяющимися к окончаниям лопастями в основном характерны для ранних комплексов. Вероятно, перстень из Беловского района также может относиться к кругу раннехристианских русских древностей, начавших распространяться на территории современной Курской области в конце X — XI вв.

Гочевский курганный могильник (Беловский район). Курган №45. Раскопки П. С. Рыкова. 1912 г. Хранится в фондах Государственного Эрмитажа (ГЭ 816/287).

Перстень серебряный пластинчатый усатый (рис. 2: 2). Диаметр перстня — 24 мм. Вес — 5,55 г. В центре щитка изображен че-

тырехконечный крест из двух образованных насечками парных линий.

Перстень был обнаружен на пальце левой руки женского скелета, погребённого на уровне дневной поверхности по обряду частичной кремации (Рыков 1912: Л. 92—93). Возможно, это захоронение христианки, родственники которой похоронили умершую женщину с соблюдением языческого погребального ритуала.

По совместному присутствию в погребении остатков очелья и головного венчика захоронение датируется 2-й половиной 1020-х — 1030-ми гг. (Шпилев 2005: 205—206; 2008: 52—55).

Липинский курганный могильник (Октябрьский район). Курган №97. Раскопки П.И. Засурцева 1949 г. Местонахождение перстня автору неизвестно. Описание даётся по прорисовке из полевой документации.

Перстень серебряный, с пустотелым щитком в виде восьмилепесткового цветка и пластинчатой дужкой. В середине щитка из капелек зерни сделан круг, внутри которого помещено изображение заключённого ещё в один круг четырёхконечного креста. Согласно прорисовке П.И. Засурцева, общая длина перстня — 28 мм, толщина щитка — 9 мм, высота щитка — 26 мм, толщина дужки — 1 мм (рис. 1: 7).

Перстень был найден у правой руки женского скелета, погребённого по обряду подкурганного трупоположения в могильной яме. По составу сопроводительного инвентаря погребение датируется концом X—XI вв.

Рыльский район. Случайная находка.

Хранится в фондах Железногорского краеведческого музея.

Фрагмент щиткового перстня, литого, белого металла. Щиток шестиугольный в виде ромба с двумя срезанными вершинами. Ширина щитка — 12 мм, высота — 10 мм, толщина — 1 мм. В центре щитка выгравировано изображение креста с раздваивающимися на концах перекрестиями. Поперечные перекрестья выходят из столба под небольшими наклонами вверх, их окончания имеют более длинные разветвления, напротив развилок — по черте. Крест обрамлен повторяющей форму щитка двойной линией из точек. С одной стороны щитка сохранилась достаточно большая часть дужки, которая имеет примыкающее к щитку расширение овальной формы, украшенное треугольниками, наклонными и изогнутыми линиями. Дужка плавно сужается (ширина за овальным расширением — 6 мм, ширина в середине — 4 мм). Похожие изображения присутствуют и на незначительных остатках кольца с другой стороны щитка (рис. 1: 8).

Перстень со стилистически близким изображением заключённого в ромб креста с расширяющимися окончаниями (рис. 1: 9) входил в состав клада, обнаруженного в 1885 г. в Киеве на усадьбе Есикорского (Кондаков 1896: 124—132, табл. V: 1). Последний отнесён Г.Ф. Корзухиной к IV группе древнерусских кладов, укрытых между 70-ми гг. XII в. и 1240 г. (Корзухина 1954: 105, 117—118).

Моисеевский археологический комплекс (Хомутовский район). Случайная находка. Хранится в фондах КГОМА (КМА 280/49/84).

Фрагмент щиткового перстня из литого белого металла. Щиток квадрифолийной формы: ширина — 19 мм, высота — 20 мм, толщина — 1 мм. С обеих сторон щитка остатки дужки высотой 5 мм. Изображение на щитке представляет три наложенные друг на друга крестообразные фигуры различной формы. Первая (внешняя) — большой крест с закруглёнными лопастями, в местах соединения которых с внешней стороны изображены точки в небольших полукружиях. Вторая (средняя) — в виде вдавленного креста с ромбовидным средокрестием. Третья (внутренняя) — выпуклый крест с трёхлопастными криновидными концами (рис. 2: 5).

Анализ случайных находок и результаты археологических исследований на территории комплекса (А.Е. Алихова, 1955 г., и Р.С. Веретюшкин, 2005 г.) позволяют датировать древнерусские слои памятника серединой XII — XIII вв. (Шпилев 2009: 23—25).

Село Марица (Льговский район). Случайная находка. Хранится в фондах КГОМА (КМА 232/49/90).

Фрагмент щиткового перстня из литого белого металла. Щиток шестиугольный в виде ромба с двумя срезанными вершинами: ширина — 19 мм, высота — 14 мм, толщина — 1 мм. Вес — 1,98 г. На щитке линиями выгравировано изображение украшенного точками четырёхлучевого креста с расширяющимися концами (рис. 2: 6). Предположительная датировка — конец X — XI вв.

Гочевское поселение (Беловский район). Раскопки Г.Ю. Стародубцева и А.В. Зорина. 2004 г. Хранится в фондах КГОМА (КМА 174/66/24).

Перстень пластинчатый бронзовый с несомкнутыми заостренными концами, 20 × 21 мм. Ширина кольца в середине — 7 мм, у краев — 1 мм, толщина щитка — 0,5 мм, тол-

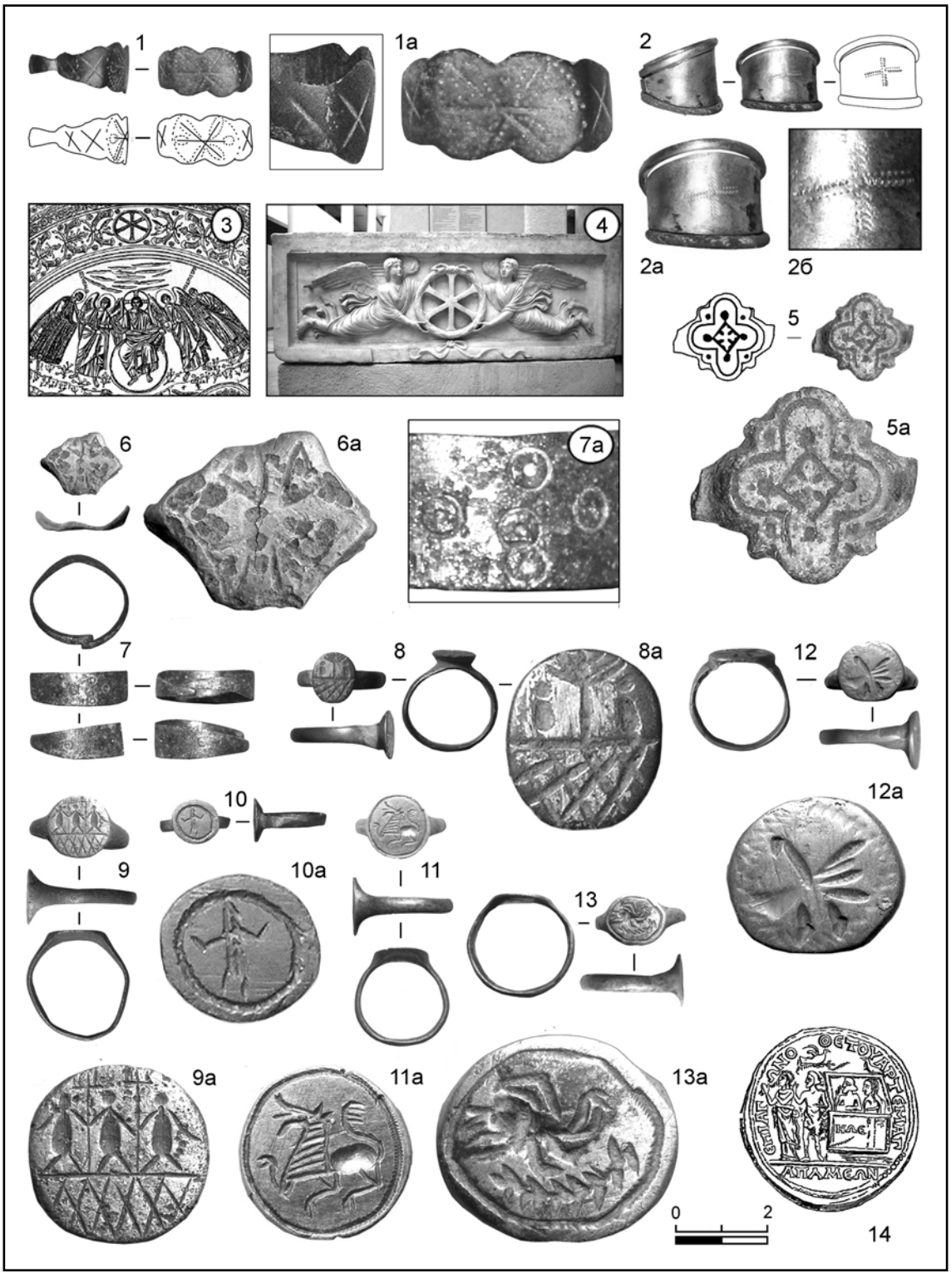

Рис. 2. 1, 9, 11—13 — Курская область; 2 — Гочевский курганный могильник (Беловский р-н), курган №45, раскопки П. С. Рыкова; 3 — роспись церкви Сан-Витале, VI в. (Равенна, Италия) (по Фрикен 1885: рис. 41); 4 — саркофаг, Археологический музей Стамбула (Турция) (по Раннехристианские саркофаги...); 5 — Моисеево; 6 — Марица; 7 — Гочевское поселение (Беловский р-н), раскопки Г. Ю. Стародубцева и А. В. Зорина, 2004 г.; 8 — Духовец; 10 — Тазово; 14 — монета г. Апамеи (Фригия), III в., б/м (по Уваров 1908: рис. 24) (б/м — без масштаба).

Fig. 2. 1, 9, 11—13 — Kursk region; 2 — Gochevsky burial mounds (Belovsky district), barrow no.45, excavation by P.S. Rykov; 3 — mural in the Basilica of San Vitale, 6th c. (Ravenna, Italy) (after Фрикен 1885: рис. 41); 4 — sarcophagus, Istanbul Archaeology Museum (Turkey) (after Раннехристианские саркофаги...); 5 — Moiseevo; 6 — Maritsa; 7 — Gochevo (Belovsky district), excavation by G.Y. Starodubtsev, A.V. Zorin, 2004; 8 — Duhovets; 10 — Tazovo; 14 — coin of the city Apamea in Phrygia, 3rd c, n/s (after Уваров 1908: рис. 24) (n/s — no sized).

щина кольца на концах — 1 мм. На лицевой части перстня изображен крест из пяти кружков с точками посередине и ещё по одному кружку на боковых частях перстня (рис. 2: 7).

Кольцо было обнаружено при разборке 1-го пласта заполнения ямы 31. По предположению исследователей, «вероятно, яма 31 представляет собой остатки сгоревшего хозяйственного сооружения, заглублённого в землю на 50—60 см и относящегося к древнерусскому периоду (XII в.)» (Стародубцев, Зорин 2004: 3).

Монограмма (2 экз.)

Коренское городище (Рыльский район). Случайная находка.

Перстень литой бронзовый. Общая длина — 24 мм, диаметр кольца — 22 мм, ширина кольца — 5 мм. Кольцо по краям украшено наклонными насечками. Щиток подквадратный (11×10 мм) с вырезанными тремя перекрещивающимися линиями (рис. 1: 10). Предположительная датировка — XI—XIII вв.

Хутор Духовец (Курский район). Случайная находка.

Перстень литой бронзовый с фигурными щитком и боковинами. Общая длина — 22 мм. Ширина щитка — 15 мм. Щиток украшен тремя перекрещивающимися линиями, обрамленными точками. На боковинах выгравировано по два «андреевских» креста (рис. 2: 1). Предположительная датировка — конец X — XIII вв.

На щитках этих двух перстней может быть изображен один из вариантов монограммы Христа. Подобная христограмма помещена над фигурой Спасителя в апсиде византийской церкви Св. Виталия (Basilica di San Vitale) VI в. в Равенне (рис. 2: 3) (Фрикен 1885: 170—171, рис. 41) и внутри венка, поддерживаемого двумя ангелами, на раннехристианском саркофаге из Археологического музея Стамбула (İstanbul Arkeoloji Müzesi, Турция) (рис. 2: 4).

Люди (3 экз.)

Хутор Духовец (Курский район). Случайная находка.

Перстень бронзовый литой. Общая длина — 21 мм, ширина — 19,5 мм, толщина кольца — 1 мм, ширина — 4 (у щитка) — 3 (в середине) мм. Щиток круглый (диаметр — 10 мм), толщина — 3 мм. В верхней части щитка изображено дерево с расходящимися ветвями кроны и стоящие по сторонам от него две человеческие фигуры. Нижняя часть щитка заштрихована перекрещивающимися линиями (рис. 2: 8). Вероятно, на перстне изображен сюжет «Адам и Ева у древа познания добра и зла». Вес — 2,81 г. Предположительная датировка — XVI—XVII вв.

Курская область. Случайная находка.

Перстень бронзовый литой. Общая длина — 24 мм, ширина — 22,5 мм, толщина кольца — 1 мм, ширина — 4 (у щитка) — 2,5 мм. Щиток круглый (диаметр — 11,5 мм), толщина — 1,5 мм. Вес — 3,15 г. В верхней части щитка изображены трое идущих людей, держащихся за руки. Люди несут два длинных граблевидных орудия и меч или саблю. Нижняя часть щитка заштрихована перекрещивающимися линиями (рис. 2: 9). Возможно, на перстне изображен библейский сюжет о Св. Троице, явившейся Аврааму в виде трёх путников. Предположительная датировка — XVI—XVII вв.

Село Тазово (Золотухинский район). Случайная находка.

Перстень бронзовый литой. Общая длина — 15 мм, ширина кольца — 15 мм. Щиток круглый (диаметр — 10 мм). На щитке выгравировано изображение человека с поднятыми в молитвенном жесте руками. Изображение заключено в круг (рис. 2: 10). Предположительная датировка — XVII—XIX вв.

Село Тазово находится на дороге из Курска в Курскую Коренную Рождества Пресвятой Богородицы мужскую пустынь (Золотухинский р-н), в которой с июня по сентябрь пребывает чудотворная Курская Коренная икона Божией Матери «Знамение», привлекающая для поклонения большое число православных паломников. Возможно, одному из этих паломников и принадлежал перстень с молящейся человеческой фигурой.

Звери (1 экз.)

Курская область. Случайная находка.

Перстень серебряный литой. Длина перстня — 21 мм, ширина кольца — 20 мм. Щиток круглый (диаметр — 11 мм), толщина — 1,5 мм, вес — 2,77 г. На щитке выгравировано изображение льва, идущего влево. Композиция заключена в непрерывный ободок (рис. 2: 11). Предположительная датировка — XVI—XVII вв.

Христианский символизм соотносит льва с Иисусом Христом. Христианское сочинение II—IV вв. «Физиолог» сообщает о льве, что «три свойства он имеет. Первое его свойство таково: когда ходит по дорогам и прихо-

дит к нему запах охотников, то хвостом своим заметает следы свои, чтобы следующие по следам его охотники не нашли логова его и не поймали его. Так и Спас мой, мысленный лев “из колена Иуды”, “корень Давидов”, посланный вечносущим Отцом, скрыл мысленные следы свои, то есть божественность. До сошествия своего с ангелами как ангел был, с архангелами — как архангел, с престолами — как престол, с властями — как власть. И вошел в чрево Богородицы Марии, чтобы спасти заблудшего человека: “И Слово плотию стало и обитало с нами”. …О льве второе. Когда спит в пещере, бодрствуют очи его, ибо открыты они. В Песнях Соломон свидетельствует, говоря: “Я сплю, а сердце мое бодрствует”. Ведь плоть Господа моего спит на кресте, а божественность его “одесную Отца” бодрствует. Ибо “не дремлет и не спит, хранящий Израиль”,— говорит пророк. О льве третье. Когда львица рождает детеныша, мертвым рождает его, и охраняет детеныша, пока не придет отец на третий день и не дунет в лицо ему и не пробудит его. Так и Бог Вседержитель, Отец всего, на третий день пробудил “рожденного прежде всей твари Сына”, Господа нашего Иисуса Христа, из мертвых, чтобы он спас заблудший род человеческий. Хорошо сказал Иаков: “…и как молодой лев; кто пробудит его?”» (Физиолог 1996: 124—125).

Птицы (4 экз.)

Курская область. Случайная находка.

Перстень бронзовый литой. Общая длина — 20 мм, ширина — 20 мм, толщина кольца — 1 мм, ширина — 4,5 (у щитка) — 2,5 мм. Щиток овальный (11,5×13 мм), толщина — 1 мм. На щитке выгравировано изображение летящего голубя. Рисунок заключен в ободок из небольших продольных линий (рис. 2: 12). Вес — 2,88 г. Предположительная датировка — XVI—XVIII вв.

Возможно, на перстне помещён символический образ Св. Духа, часто изображавшегося в виде голубя с распахнутыми крыльями. Согласно раннехристианскому теологу и писателю Тертуллиану (вторая половина II — первая половина III вв.): «Так Он снизошел на Господа в образе голубя, чтобы природа Духа Святого была явлена через живое существо, которому присущи чистота и невинность, ибо даже тело голубя лишено желчи. Потому-то Господь и говорит: Будьте просты, как голуби!» (Тертуллиан 1994: 97).

Курская область. Случайная находка.

Перстень серебряный литой. Общая длина — 20 мм, ширина — 21,5 мм, толщина кольца — 1 мм, ширина — 4 (у щитка) — 3 мм. Щиток овальный (10×12 мм), толщина — 1 мм. На щитке схематическое изображение летящей вправо птицы с веткой под лапами. Вокруг рисунка непрерывный линейный ободок (рис. 2: 13). Вес — 2,23 г. Предположительная датировка — XVII—XVIII вв.

Возможно, на перстне изображен библейский сюжет о голубе, несущем Ною ветвь маслины. По мнению Тертуллиана, его символическое значение заключается в том, что: «Ведь точно так же после вод потопа, которыми было вычищено древнее нечестие, после, можно сказать, крещения мира, голубь-вестник, выпущенный из ковчега и возвратившийся с оливковой ветвью (что даже у язычников служит знаком мира), возвестил землям о прекращении небесного гнева. Таким же образом происходит и духовное воздействие на землю, то есть на нашу плоть, выходящую из купели после очищения от прежних грехов: подлетает голубь Святого Духа, принося мир от Бога» (Тертуллиан 1994: 97).

Однако на курском перстне летящий голубь держит ветвь в лапах, тогда как в библейском тексте четко указывается на то, что голубь принес Ною ветку в клюве: «Голубь возвратился к нему в вечернее время, и вот, свежий масличный лист во рту у него, и Ной узнал, что вода сошла с земли» (Быт. 8 : 11).

В монографии по раннехристианской символике А. С. Уваров в качестве примера раннего изображения этого сюжета подробно проанализировал отчеканенную в правление римского императора Септимия Севера (193—211 гг.) монету фригийского г. Апамеи (рис. 2: 14). Согласно А. С. Уварову, созвучие имени города и слова «ковчег» позволило резчику монеты соотнести их и изобразить ковчег с надписью «Ной» на стенке. «В ковчеге виден Ной с женою, отличающейся длинными волосами. Перед ковчегом вторично изображены Ной и его жена, молебно поднявшие руки. С одной стороны прилетает голубь, держащий в лапках масличную ветвь, с другой стороны на краю ковчега сидит ворон, упоминающийся также в рассказе книги Бытия. Это изображение сохранилось не только на греческих монетах Апамеи, но также перешло во фрески римских катакомб в совершенно одинаковом составе, черта в черту, и несмотря на то, что сделано греческим художником, представляет нам в своем составе любопытные отступле-

ния от перевода семидесяти толковников… отступление от библейского рассказа, одинакового во всех текстах, состоит в масличной ветке, которую голубь не держит “в устех твоих”, как сказано в книге Бытия, а держит ногами» (Уваров 1908: 149—150, рис. 24).

Описывая далее различные изображения голубя с ветвью на раннехристианских памятниках, А. С. Уваров отмечает, что «на одних памятниках голубь держит ветку в клюве, на других держит он её когтями, но это отличие не имело никакого влияния на символическое значение… Заимствовав из книги Бытия символ, выражающий мир… христиане стали посредством его иконно передавать все формулы, происшедшие от самого слова и от понятия о мире» (Уваров 1908: 151).

Исходя из вышесказанного, изображение на курском перстне могло означать «мир» или «благую весть».

Город Льгов. Случайная находка в районе т. н. «Староверского кладбища» на городском лугу, расположенном в петле р. Сейм.

Перстень литой бронзовый с круглым щитком. Общая длина перстня — 18 мм, ширина кольца в середине — 21 мм, толщина — 1 мм, ширина — от 5 мм у щитка до 3 мм к середине. Дужка снаружи выпуклая, изнутри плоская. Щиток плоский, толщина щитка — 1 мм. На щитке выгравировано изображение пеликана, повернувшегося вправо (рис. 3: 1). Необходимо отметить полное соответствие изображения действительному облику пеликана. Это может свидетельствовать о том, что резчик или лично видел птицу, или пользовался изображениями очевидцев. Данное наблюдение важно, потому что очень часто в средневековой Европе пеликана, называемого русскими «неясытью» (Даль 1955: 543), изображали с коротким клювом.

Рядом с перстнем были обнаружены русские копейки великокняжеского периода правления Ивана IV Грозного — 1533—1547 гг. Возможно, перстень также относится к этому времени.

В христианском символизме пеликан часто трактуется как образ Иисуса Христа. Например, в гимне «Adoro te devote» Фомы Аквинского (XIII в.): «Иисус любимый, Пеликан благой (Pie Pelicane, Jesu Domine), Ты меня очисти Кровью пресвятой. Этой Крови капля может мир омыть от греха и кары, от духовной тьмы».

«Физиолог» (II—IV вв.) сообщает о пеликане следующее: «По природе он очень чадолюбив. Когда рождает птенцов, и они немного вырастают, то бьют родителей по лицу. Родители же бьют их и убивают. Позднее сжалятся родители их и три дня оплакивают детей, которых они убили. В третий день мать их пронзает свой бок и, кровь свою на мертвые тела птенцов изливая, воскрешает их. Толкование. Так и Господь в Исайе сказал: “Сынов родил я и возвысил, они же меня отвергли”. Творец всего родил нас, и мы бьем Его. Как мы бьем Его? “Служим твари, а не Творцу”. Взойдя на крестное древо, Спаситель, пронзив бок свой, источил кровь и воду для спасения и жизни вечной. Кровь — сказав, “взяв чашу, благословил…”, воду же — в крещении к покаянию» (Физиолог 1996: 127).

По другому варианту этой легенды, детей умертвляет не один из родителей, а змея. Так, преподобный Максим Грек (ок. 1470—1555) в «Сказании о птици неясыти» пишет: «Неясыть птица подобна есть жеравлю, питает же ся змиями, гнездо же свое складывает на высочайших каменах, или столпех и древесех, дети своя брегущи от змии; змия бо естеством враждующи на ня; егда родители птенцем отлетают с гнезда кормли для, тогда ядовитая змия, вошедши на гнездо их, убивает; ащели нельзе ей будет на гнездо ползати, смотрит ино место, ли древо высоко стояще близ гнезда их, и дыхает ядовитым и горчайшим своим дыханием на ветре противу их и тако убивает их ветром ядовитым. Родитель же их или рождьшая, прилетевши и узревши их умерших стоит над ними, криле свои распростерши и носом своим биет в перси своя до крови и истекшею оттуда кровию своею каплющею на них, оживляются. Толкование: птица убо сия образ Христу Богу нашему, птенцы же ея умерщвлени образ суть нам языком уязвленным бывшим злоначальным смысленним змием, а змия образ есть диаволу, уязвившему нас, биение же в перси и кровь истекшая образ суть страсти Спасове и животворней крови Его, им же мы веровавшие исцелехом и ожихом, по рекшему пророческому слову: язвою его мы вси исцелехом» (Максим Грек 1897: 220—221).

Именно такое прочтение образа Спасителя мы видим на картине неизвестного художника второй половины XIX в. «Пеликан, питающий птенцов своею кровью» из фондов Егорьевского историко-художественного музея (Московская область) (Егорьевские диковины 2008: 86) (рис. 3: 2).

Обширнейший обзор символических ассоциаций пеликана с Иисусом Христом приведен в работе А. А. Морозова «Из истории осмысления некоторых эмблем в эпоху

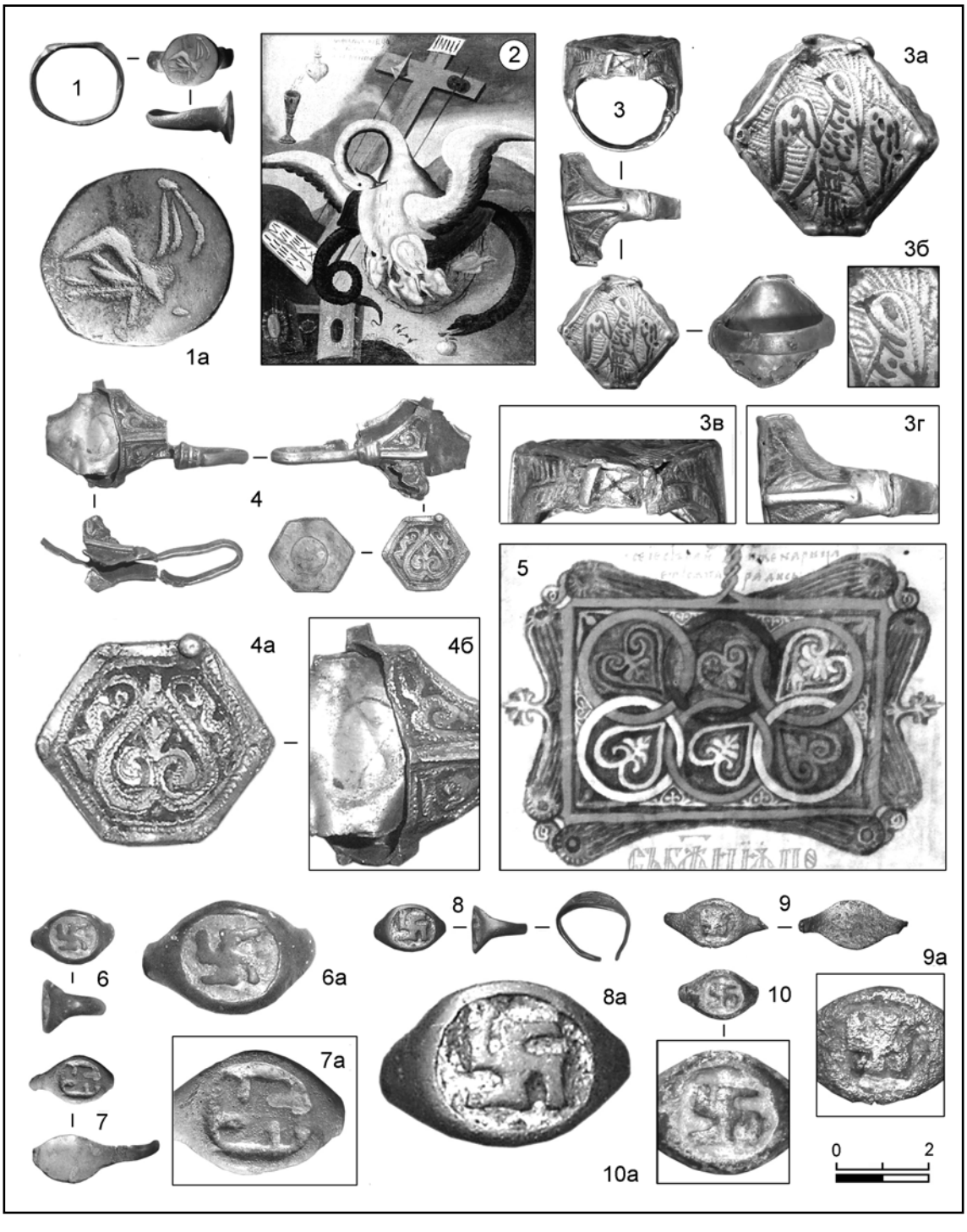

Рис. 3. 1 — Льгов; 2 — Пеликан, питающий птенцов своею кровью. 2-я пол. XIX в. Неизвестный художник (по Егорьевские диковины 2008: 86); 3, 4 — Большеалешневский клад; 5 — Рай. Рисунок. Евангелие Добрейшко, начало XIII в. (по Спиргис 2013: 452, рис. 2); 6 — Асмолово; 7 — Ратское поселение; 8—10 — Якунино.

Fig.3. 1 — Lgov; 2 — Pelican feeding chicks with its blood. Second half of 19th c. Unknown painter (after Егорьевские диковины 2008: 86); 3, 4 — Bolshealeshnevsky treasure; 5 — Paradise. Figure. Gospel of the Dobreishko, early 13th c. (after Спиргис 2013: 452, рис. 2); 6 — Asmolovo; 7 — Ratskoe settlement; 8—10 — Yakunino.

Ренессанса и барокко (пеликан)» (Морозов 1978: 38—66).

Деревня Большая Алешня (Хомутовский район). Большеалешнинский клад. Случайная находка.

Перстень серебряный литой. Общая длина — 24—26 мм (щиток в профиль имеет сильный наклон), ширина кольца у щитка — 23 мм. Щиток шестиконечный, в виде ромба со срезанными вершинами. Ширина — 26 мм,

высота — 25 мм. На щитке помещено выгравированное и украшенное чернью изображение орла (рис. 3: 3).

Перстень входил в состав клада серебряных украшений, найденного в 2009 или 2010 г. во время осенней распашки поля у д. Большая Алешня на глубине 30—40 см. Клад состоял из еще одного перстня с изображением крина, 7 или 8 височных колец в виде украшенных рубчатой проволокой шариков, около 15 пустотелых накладок от рясен, свитой из двух проволок гривны и половины колта. Набор вещей в кладе представляет украшения знатной русской женщины второй половины XII — первой трети XIII вв. Клад мог быть укрыт во время монгольского нашествия на земли Великого княжества Черниговского в 1239 г.

В христианском символизме орёл олицетворял воскресение и новую жизнь, начавшуюся с крещенской купели. Согласно «Физиологу» (II—IV вв.): «Давид говорит: “Обновится, как у орла, юность твоя”. Почему называется орлом? Потому что живет вечно… Когда он старится, становятся тяжелыми его крылья, и он слепнет. И что тогда он делает? Ищет источник чистой воды, поднимается в небесный эфир и сжигает перья свои и тьму своих глаз. Тогда спускается к источнику и погружается трижды. И обновляется, и становится молодым. Толкование. И ты, житель нового града, если имеешь одежду ветхого человека, и глаза сердца твоего слепы, найди мысленный источник — Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего: “Меня покинули, источник воды живой”, и поднимись на высоту солнца правды, Иисуса Христа, и “совлеки ветхого человека с делами его”, и погрузись трижды в вечный источник, во имя Отца, Сына и Святого Духа. Совлеки ветхую одежду дьяволову и “облекись в нового (человека), созданного по Богу”. И исполнится на тебе пророчество Давида: “Обновится, как у орла, юность твоя”» (Физиолог 1996: 128—129).

Еще одно символическое обоснование образа орла мы находим у Максима Грека, соотносившего орла с Иисусом Христом: «Орел велик Христос есть, крила же его новый и ветхий завет, имиже Христова церкви Божия подымаема и подмогаема, превыше летает всех козней бесовских и живет в пустыни, сиречь в тишине и безмолвии, не боящися еретических шатаний и бурных навет их. Без ума убо нецыи спираются и юность орлову глаголют орла птичного и пернатого, обновление бо птицы пернатые на всяком году бывает и обветшает, а юность орла разумного, великого сиречь Христа и всех праведных единою бывает и пребывает во веки жива, ядрена и необетшаема» (Максим Грек 1897: 21).

Крин, растительный побег (1 экз.)

Деревня Большая Алешня (Хомутовский район). Большеалешнинский клад. Случайная находка.

Перстень серебряный литой, сильно поврежден, кольцо и щиток сплющены, лицевая пластина щитка отделена. Общая длина сплющенного украшения — 36 мм. Лицевая пластина шестиконечная, в виде ромба со срезанными вершинами. Ширина — 16 мм, высота — 16 мм. На щитке помещено выгравированное изображение крина (рис. 3: 4).

Перстень входил в состав клада, датированного второй половиной XII — первой третью XIII вв. (подробнее см. Перстень с орлом).

В христианской символике изображение побега является символом рая. Согласно Р. Спиргису: «Растительный орнамент приходит с Востока, где он всегда был связан с символикой райского сада. Эту идею восприняло христианское искусство, и нескончаемые соединения пальметт были для эстетического восприятия человека того времени как видения таинственного мира и символы божественного откровения… Тезис о растительном орнаменте как символе рая подтверждает Евангелие Добрейшко начала XIII в., где над одной заставкой из шести пальметт в сердцевидных обрамлениях, вписанных в круглые медальоны, и четырьмя птицами по углам композиции, расписанной в растительном стиле…, есть надпись: “…се есть рай иже нарицается парадис”…» (Спиргис 2013: 371, 452, рис. 2) (рис. 3: 5).

Свастика, гамматический крест (5 экз.)

Село Асмолово (Рыльский район). Случайная находка на территории городища.

Перстень бронзовый литой с круглым щитком. Щиток залит светлой эмалью, в середине — выпуклое изображение правосторонней свастики. Общая длина — 13,5 мм, ширина кольца — 4 мм, кольцо сплошное. Ширина щитка — 13 мм, высота — 12 мм. Диаметр круга с изображением — 9,5 × 10,5 мм (рис. 3: 6).

Ратское поселение (Курский район). Случайная находка на территории поселения.

Фрагмент бронзового литого перстня с круглым щитком. Щиток залит светлой

эмалью, в середине — выпуклое изображение правосторонней свастики. Ширина щитка — 13 мм, высота — 11 мм. Диаметр круга с изображением — 10×9 мм. Ширина сохранившейся дужки у основания — 4 мм, к середине дужка сужается (рис. 3: 7).

Деревня Якунино (Курский район). Случайные находки в окрестностях деревни.

№1. Перстень бронзовый литой с круглым щитком. Щиток залит светлой эмалью, в середине — выпуклое изображение правосторонней свастики. Общая длина — 12 мм, ширина кольца у щитка — 5 мм, на концах — 2,5 мм, кольцо несомкнутое. Ширина щитка — 12 мм, высота — 11 мм. Диаметр круга с изображением — 10×8,5 мм (рис. 3:8).

№2. Перстень бронзовый литой с круглым щитком. На щитке остатки светлой эмали, в середине — выпуклое изображение правосторонней свастики. Ширина щитка — 12 мм, высота — 10,5 мм, толщина — 1 мм. Диаметр круга с изображением — 9×7,5 мм. Ширина дужки у основания — 6 мм, к середине — 2 мм (рис. 3: 9). Хранится в фондах КГОМА (КМА 305/49/128).

№3. Фрагмент перстня бронзового литого с круглым щитком. В середине щитка выпуклое изображение правосторонней свастики. Ширина щитка — 13 мм, высота — 11 мм, толщина — 1,5 мм. Диаметр круга с изображением — 9×7,5 мм. Ширина дужки у основания — 6 мм (рис. 3: 10). Хранится в фондах КГОМА (КМА 305/49/127).

Согласно М. В. Седовой, аналогичные курским перстням украшения из Новгорода датируются XIV в.: «10 незаконченных перстней… отлитые из меди в одной односторонней литейной форме, найдены вместе, в комплексе ювелирной мастерской 80—90-х годов XIV в. (7/6-13-1334). Пять из них изогнуты по форме пальца, а остальные представляют собой плоские заготовки со следами литейных заусениц. На щитках законченных перстней обнаружены следы эмали. Точно такой же перстень найден на Михайловском раскопе в слое, который датируется 1319—1323 гг. (Мих11-20-39). Аналогичные перстни известны в материалах из новгородских курганов XIII—XIV вв. и в древностях Прикамья» (Седова 1981: 135, рис. 49: 18).

Изображение свастики или гамматического креста достаточно широко используется в христианском искусстве, начиная с первых веков его существования. Мы видим её в декоративной отделке христианских церквей — храм Рождества Христова IV в. (Палестина), церковь Св. Пантелеймона IV—VI вв. в Плаошнике (Македония), церковь V—VI вв. в Шавей Цион (Shavei Zion, Израиль), храм Св. Софии VI в. в Стамбуле, базилика V—VII вв. в Хирбет Мадрас (Hirbet Madras, Израиль), собор Св. Софии XI в. в Киеве, Спасо-Преображенский собор XI в. в Чернигове, храм Девы Марии (Бетэ Марьям, Biet (Beta) Maryam) XII в. в Лалибэле (Эфиопия) и др.; орнамента на саркофагах — саркофаг Стилихона IV в., церковь Св. Амвросия (Basilica di Sant'Ambrogio, Милан), одежде Христа — Добрый Пастырь на фресках III—IV вв. в катакомбах Рима и Неаполя) — и христианских священнослужителей — могильщик Диоген из катакомб Калликста в Риме, священник на барельефе XIV в. из церкви Св. Иоанна Крестителя в Шоттесбруке (Shottesbrooke, Berkshire, Англия), надгробие аббата Симона де Гилланса (Simon de Gillans) XIV в. из музея Клюни (Musée de Cluny) в Париже, священник на правой части триптиха «Семь таинств» (Seven Sacraments Altarpiece, около 1445—1455 гг.) Рогира ван дер Вейдена из Королевского музея изящных искусств в Антверпене, надгробие епископа Уолкотта Етмана-Биггса (Wolcott Yeatman-Biggs) 1920-х гг. из собора Св. Михаила (St. Michael's Cathedral) в Ковентри (Coventry, West-Midlands, Англия) и др.

Пытаясь определить, что же для ранних христиан символизировал гамматический крест, обратимся к работе А. фон Фрикена, который, изучая в конце XIX в. раннехристианские надписи и символические изображения, обратил внимание на то, что «гамматический крест встречается на христианских памятниках прежде всего рядом с эпитафиями, раньше Константина. Мы видим его возле надписи III в. из катакомбы города Кьюзи, в Тоскане; на надгробной плите римского происхождения, сохраняющейся теперь в собрании древностей города Бергамо, вместе с монограммой Константиновской, возле эпитафии 363 г. и в сопровождении монограммы, венка и пальмы. Во многих других примерах равносторонний крест с загнутыми концами является пополнением катакомбных надгробий, или отдельно подле имени умершего, или между А и Ω» (Фрикен 1877: 154).

Последнее замечание очень важно, т. к. в христианской традиции эти буквы обычно размещались по обе стороны изображения Иисуса Христа, сказавшего о себе «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель» (Откр.1 : 8) и являлись его устойчивыми символическими атрибутами.

Вероятно, такую же символическую роль играло изображение свастики и на сосудах

для причастия. Так, на мозаике византийской церкви Св. Пантелеймона IV—VI вв. в Плаошнике (Охрид) изображены два павлина по бокам наполненного вином сосуда со свастикой на горле (см. Византийская держава...) (рис. 4: 1). В христианской символике пара симметрично расположенных по сторонам виноградной грозди или чаши со священным вином павлинов обозначала бессмертие души (павлин), обретённое путём приобщения к учению Христа, символически изображаемого в виде виноградной лозы или чаши с вином: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — Виноградарь» (Иоан.15:1); «Сия чаша есть Новый Завет в моей крови, которая за Вас проливается» (Лук.22:20).

Схожий мотив видим мы и на мозаике из Национального музея римского искусства (Museo Nacional de Arte Romano) в г. Мерида (Испания), где дважды изображен один и тот же сюжет — две рыбы (дельфины?) по бокам сосуда для причастия, на стенке которого нарисована свастика (рис. 4: 2). В христианском символизме рыба является одним из древнейших символов и связана как непосредственно с Христом, так и с последователями христианской религии. Согласно А. фон Фрикену, когда на эпитафиях изображалась «монограмма Христа, между двумя плывущими к ней дельфинами; это, конечно, праведные, стремящиеся к Спасителю» (Фрикен 1877: 108). А.С. Уваров, описывая найденную в пещерах Св. Петра и Маркеллина в Риме надгробную плиту III в. с надписью и изображением двух дельфинов по бокам, предположил: «повторение символа дельфина и симметрическое их расположение затрудняет объяснение их значения. Они могут означать Христа в смысле *spiritus in bono Christi*, или также могут относиться к *spiritus* и означать души праведников в раю» (Уваров 1908: 141). Таким образом, мозаика из Испании может символически изображать христиан в виде рыб, причащающихся от сосуда с кровью Спасителя.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что в случаях изображения по сторонам свастики букв «альфа» и «омега», а также помещения гамматического креста на сосудах для причастия и сцены символического причащения верующими из этих сосудов, свастику можно соотнести с одним из символов, использовавшихся ранними христианами для обозначения Иисуса Христа.

Если это предположение верно, то свастика на древнерусских перстнях из Курской области также может быть связана с символическим изображением Спасителя, которое было перенято у позднеримской и византийской цивилизаций жителями средневековой Европы.

Все известные автору свастики на перстнях из Курской области правосторонние, тогда как свастики на приведенных в качестве примеров объектах как правосторонние, так и левосторонние, и изредка оба типа свастик изображаются вместе.

Пятиконечная звезда, пентаграмма, пентакль (4 экз.)

Хутор Духовец (Курский район). Случайная находка. Хранится в фондах КГОМА (КМА 149/61/7).

Фрагмент перстня литого бронзового. Длина сохранившегося фрагмента — 25 мм, ширина щитка — 13 мм. На щитке выгравировано изображение пятиконечной звезды с точками в середине и по бокам. На прилегающих к щитку частях кольца вырезаны три перекрещивающиеся линии (рис. 4: 3).

Село Банищи (Льговский район). Случайная находка на территории поселения у городища Соловень.

Фрагмент перстня литого бронзового. Длина сохранившегося фрагмента — 20 мм, ширина щитка — 13 мм. На щитке выгравировано изображение пятиконечной звезды (рис. 4: 4).

Деревня Ратманово (Железногорский район). Случайная находка. Хранится в фондах Железногорского краеведческого музея.

Фрагмент литого бронзового перстня. Длина сохранившегося фрагмента — 19 мм, ширина щитка — 12 мм. На щитке выгравировано изображение пятиконечной звезды с точками в середине и по бокам. На сохранившихся частях кольца — части рисунка из линий (рис. 4: 5).

Ишутинское городище (Рыльский район). Случайная находка.

Перстень литой бронзовый. Общая длина — 21 мм, ширина кольца — 21 мм. Высота щитка — 15 мм, ширина щитка — 15 мм. На щитке выгравировано изображение пятиконечной звезды с точками в середине и по бокам. Изображение заключено в непрерывный круг. На прилегающих к щитку частях кольца вырезаны знаки в виде трех перекрещивающихся линий (рис. 4: 6).

Предположительная датировка всех курских перстней с изображением пятиконечной звезды — конец X — XI вв.

Ареал нахождения известных автору перстней с пятиконечной звездой на щитке за пределами Курской области достаточно обширен и включает в себя земли Древней Руси,

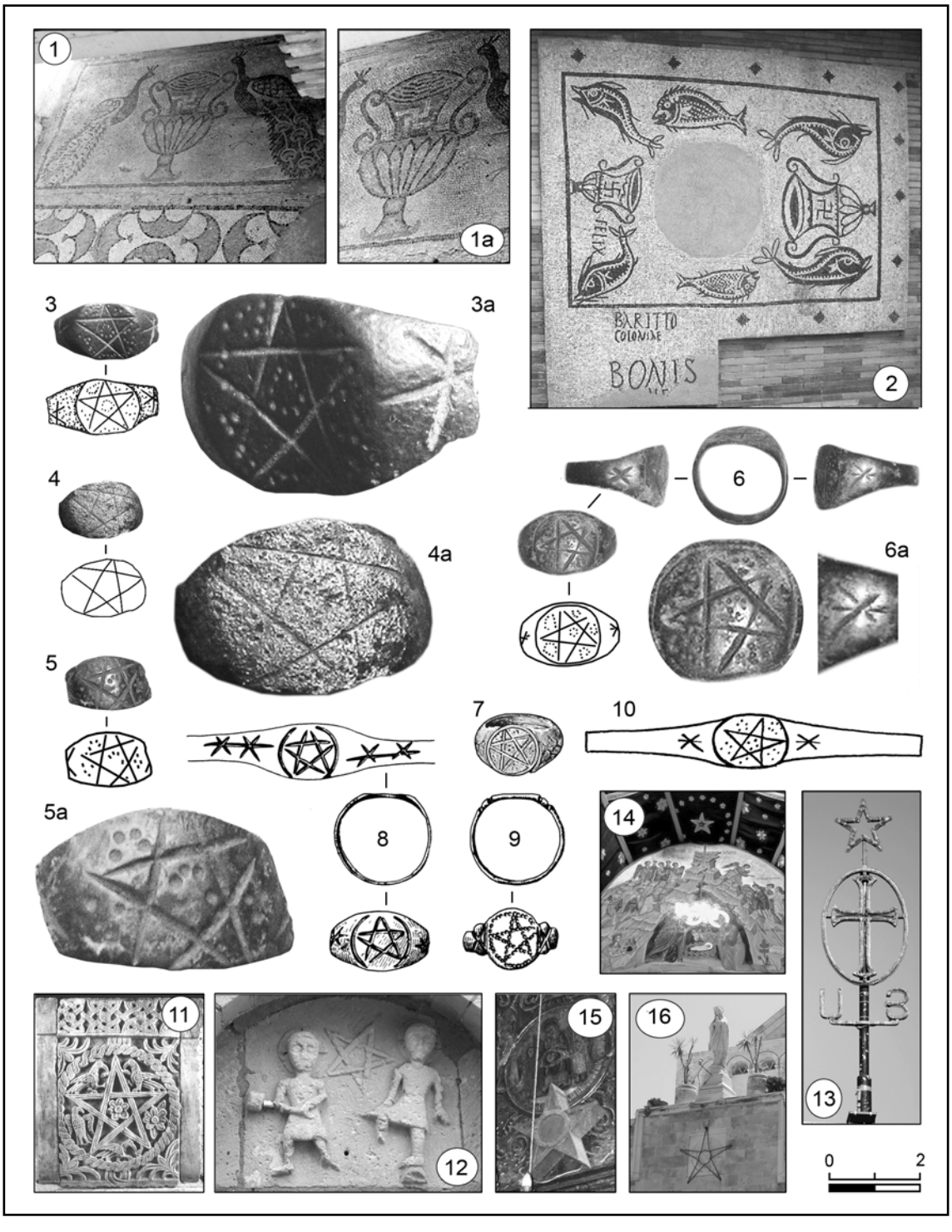

Рис. 4. 1 — мозаика, церковь Св. Пантелеймона, IV—VI вв., Плаошник (Македония); 2 — мозаика, Национальный музей римского искусства, Мерида (Испания); 3 — Духовец; 4 — Банищи; 5 — Ратманово; 6 — Ишутино; 7 — Суздальский уезд (Россия), б/м (по Спицын 1905: рис. 283); 8, 9 — Стырмен (Болгария) (по Генсель и др. 1970: рис. 8: 14, 15); 10 — Преслав (Болгария), б/м (по Чангова 1969: рис. 20); 11 — барельеф, церковь Св. Петра и Моисея, XI в., Солин (Хорватия) (по Fiskovic 2001—2002: 199); 12 — барельеф, церковь Сент-Илер, XII в., Салль-ан-Тулон (Франция); 13—15 — храм Рождества Христова, Вифлеем (Палестина); 6 — церковь Св. Екатерины, Вифлеем (Палестина) (б/м — без масштаба).

Fig. 4. 1 — mosaic, Saint Panteleimon Church. Plaošnik (Republic of Macedonia); 2 — mosaic, Museo Nacional de Arte Romano. Mérida (Spain); 3 — Duhovets; 4 — Banishi; 5 — Ratmanovo; 6 — Ishutino; 7 — Suzdal county (Russia), n/s (after Спицын 1905: рис. 283); 8, 9 — Stărmen (Bulgary) (after Генсель и др. 1970: рис. 8: 14, 15); 10 — Preslav (Bulgary), n/s. (after Чангова 1969: рис. 20); 11 — bass-relief, St. Peter and Moses Church, 11th c., Solin (Croatia) (after Fiskovic 2001—2002: 199); 12 — bass-relief, the Church of St. Hilaire, 12th c., Salles-en-Toulon (France); 13—15 — the Church of the Nativity. Bethlehem (Palestinian territories); 16 — the Church of St. Catherine. Bethlehem (Palestinian territories) (n/s — no sized).

Византийской империи и Болгарского царства.

Киев. Найденный на территории города перстень хранится в фондах Музея истории Киева (Михайлик 2006: 56, рис. 2: 22).

Шокшово или Васильки (Суздальский уезд, Владимирская губерния, Россия). Найден в 1852 г. во время раскопок курганов А. С. Уваровым (Шокшово) или К. Н. Тихонравовым (Васильки) (Спицын 1905: 121, 149, рис. 283) (рис. 4: 7).

Херсонес (Крым). Найден К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1888—1907 гг. при раскопках византийского Херсонеса (г. Севастополь) (Наследие 2011: 246, 531).

Городище Стырмен (Болгария). Два перстня найдено на территории городища в 1962—1968 гг. польской археологической экспедицией в слоях IX—X вв. (Генсель и др. 1970: рис. 8: 14, 15) (рис. 4: 8, 9).

Преслав (Болгария). Найден в 1960—1961 гг. Й. Чанговой при раскопках светской постройки второй половины X в. ур. «Селище» на территории древнего Преслава (Чангова 1969: 224—225, рис. 20) (рис. 4: 10).

Пятиконечная звезда (пентаграмма, пентакль) известна очень давно. В ближневосточном символизме ей приписывались свойства защиты от злых сил, а одним из наиболее известных синонимов-названий пентаграммы была «Печать царя Соломона»[1]. Возможно, от принимающих новую религию жителей восточных провинций Рима, и в первую очередь иудеев, пятиконечная звезда пришла в христианство и стала одним из его символов.

Наиболее яркими из известных автору примеров использования пентаграммы для украшения христианских сооружений является барельеф с заключенной в круг пятиконечной звездой в окружении птиц и цветов из церкви Св. Петра и Моисея XI вв. г. Солина (Хорватия)[2] (Fiskovic 2001—2002: 199) (рис. 4: 11), а также размещенный справа от входа в церковь Сент-Илер (Saint-Hilaire) XII в. в Салль-ан-Тулон (Salles-en-Toulon, коммуна Вальдивьенн, департамент Вьенна, Франция) барельеф с двумя мужскими фигурами с нимбами и пятиконечной звездой в середине (см. Commune de Valdivienne) (рис. 4: 12).

В христианском символизме пятиконечную звезду обычно соотносят с пятью ранами Христа, однако не менее популярно отождествление её с Вифлеемской звездой, возвестившей волхвам о появлении Спасителя и указавшей им место рождения Иисуса.

Как известно, в христианстве нет устоявшегося и общепринятого канона для изображения Вифлеемской звезды. На произведениях искусства и религиозных предметах мы видим звезды 6-лучевые, 8-лучевые, 10-лучевые, 25-лучевые и т. д. В самом Вифлееме в храме Рождества Христова место рождения Спасителя отмечено серебряной звездой с 14 лучами. Однако эти лучи символизируют количество остановок Христа на Крестном пути, изображение же самой Вифлеемской звезды, украшающей расположенные здесь христианские храмы и монастыри, как правило, имеет пять лучей. Именно пятилучевая звезда помещена над крестом, установленным рядом с входом в церковь Рождества Христова (рис. 4: 13). Пятиконечная звезда вышита в середине покрова над иконой «Рождество Христово» в алтаре над Вифлеемской звездой (рис. 4: 14). Пятиконечная звезда украшает верхнюю часть расположенного в этом же храме алтаря армянской церкви (рис. 4: 15). И наконец, ажурная пятиконечная звезда закреплена поверх креста над главным входом в церковь Св. Екатерины католического францисканского монастыря (рис. 4: 16), вместе с православным греческим и армянским монастырями составляющих единый комплекс, окружающий место рождения Спасителя и построенную над ним церковь.

Если соотнесение изображенных на средневековых перстнях пятиконечных звезд с христианским символизмом и Вифлеемской звездой верно, то этот знак должен трактоваться как «звезда надежды», символ душевных и физических устремлений христианина, возможно, как знак паломничества. Вероятным подтверждением этому служит описанное изображение пятиконечной звезды у входа в церковь Сент-Илер (Франция), находящуюся на французском отрезке знаменитого «Пути Святого Иакова» — дороги паломников к мощам апостола Иакова, погребенного в г. Сантьяго-де-Компостела (Santiago de Compostela, Испания), третьей по значимости, после Иерусалима и Рима, святыне католического мира.

---

[1] Нередко название «Печать царя Соломона» также соотносится и с шестилучевой «Звездой Давида» (гексаграммой), что объясняется фактом длительной взаимозаменяемости и равноправности этих символов. Яркое свидетельство этому мы можем видеть на рельефах позднеримской «Белой синагоги» (Кфар Нахума) из Капернаума у озера Киннерет (Галилея, Израиль).

[2] Сейчас барельеф, являющийся составной частью купели, находится в баптистерии Св. Иоанна Крестителя в г. Сплит (Хорватия).

Можно констатировать, что рассмотренное собрание средневековых курских перстней с христианской символикой, несмотря на относительную малочисленность, достаточно разнообразно как по типам представленных украшений, так и по стилистике изображений.

Помещенные на курских перстнях сюжеты ещё раз подтверждают огромное влияние, которое на протяжении веков оказывали на «русский мир» византийское православие и византийское религиозное искусство. Об этом, в частности, свидетельствует ряд курских перстней конца X — XI вв., которые, предположительно, можно отнести или к недорогим византийским изделиям, или же к украшениям, сделанным на Руси по византийским образцам. Это же «византийское» влияние, но в уже более ослабленном виде, наблюдается и на курских перстнях XVI—XVII вв., где присутствуют заимствованные из византийского христианского символизма сюжеты, однако уже нет изделий, которые с уверенностью могут быть определены в качестве привозных.

Возможно, часть символов могла прийти на Русь не с православного Востока, а с католического Запада. Например, перстни со свастиками. Этот популярный во времена развитого европейского Средневековья символ (или украшение) могли перенять тесно взаимодействующие с католическим населением Северной Европы жители Новгорода, из которого перстни с гамматическим крестом затем уже распространялись в другие русские области.

Благодарности

За разрешение использовать в статье изображения хранящихся в фондах их музеев предметов автор приносит свою благодарность директору Государственного Эрмитажа доктору исторических наук М. Б. Пиотровскому и заведующему Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа доктору исторических наук А. Ю. Алексееву, директору Курского государственного областного музея археологии Г. Ю. Стародубцеву и главному хранителю А. В. Зорину, директору Железногорского краеведческого музея Т. Г. Моталыгиной и главному хранителю И. А. Шелковниковой, директору НИИ археологии юго-востока Руси (КГУ) В. В. Енукову и зав. сектора фондов и музейной работы А. Г. Рагунштейну. За помощь при работе над материалами для статьи автор также благодарит С. А. Остроухова, А. В. Сотникова, С. В. Емельяненкова, Ю. В. Костина и Д. А. Акулова.

Литература

Византийская держава...: *Византийская держава. Общеисторический форум. Византийская изобразительная традиция и иконография. Богоявление: вопросы иконографии.* [Электронный ресурс]. URL: http://theatron.byzantion.ru/topic.php?forum=15&topic=10. Дата обращения 28.11.2014 г.

Генсель и др. 1970: Генсель В., Дымачевски У., Дымачевски А., Гильчерувна С. 1970. Результаты польских археологических исследований в городище Стырмен, округ Русе в Болгарии (1962—1968). *СА* (3), 233—241.

Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка* II. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.

Егорьевские диковины 2008: *Егорьевские диковины. Сокровища, редкости, курьезы и прочие замечательные вещи из коллекции М. Н. Бардыгина, ныне собрания Егорьевского историко-художественного музея*. 2008. Москва: Интерроса.

Енуков В. В. 2005. *Славяне до Рюриковичей*. Курский край III. Курск: Учитель.

Засурцев П. И. 1949. *Липинские курганы. Опись находок*. НА КГОМА. VI-23/3, 4.

Кондаков Н. 1896. *Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода* I. Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов.

Корзухина Г. Ф. 1954. *Русские клады IX—XIII вв.* Москва; Ленинград: АН СССР.

Максим Грек 1897: *Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии* 1897. Ч. 3. Казань: Типо-литография Императорского Университета.

Михайлик Л. П. 2006. Металлические перстни X — первой половины XIII в. из Киева (хронология, типология). *РА* (3), 52—62.

Морозов А. А. 1978. Из истории осмысления некоторых эмблем в эпоху Ренессанса и барокко (пеликан). В: Базанов В. Г. (отв. ред.). *Миф — фольклор — литература*. Ленинград: Наука, 38—66.

Наследие 2011: *Наследие византийского Херсона. Каталог выставки к 185-летию раскопок Херсонеса Таврического*. 2011. Севастополь: Телескоп; Остин: ИКА Техас.

Раннехристианские саркофаги...: *Раннехристианские саркофаги и надгробия. Археологический музей Стамбула*. [Электронный ресурс]. URL: pankrat-v.livejournal.com/10309.html. Дата обращения 12.07.2013 г.

Рыков П. С. 1912. *Дневник раскопок курганного могильника близ Городища с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных на средства Императорской археологической комиссии в июне — июле 1912 г.* Рукописный архив ИИМК. Ф.1. Д.116 за 1912 г.

Седова М. В. 1981. *Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X—XV вв.)*. Москва: Наука.

Спиргис Р. 2013. Археологические свидетельства рас-

пространения христианства на землях даугавских ливов в XI—XII вв. В: Лопатин И.В. (отв. ред.). *АИППЗ* 58. Москва; Псков: ИА РАН, 370—380, 452—459.

Спицын А.А. 1905. Владимирские курганы. *Известия ИАК* 15. Санкт-Петербург, 85—172.

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. 2004. *Отчет об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с. Гочево Беловского района Курской области) в 2004 г*. НА КГОМА I-128.

Тертуллиан 1994: Квинт Септимий Флорент Тертуллиан. 1994. *Избранные сочинения*. Москва: Прогресс.

Уваров А.С. 1908. *Христианская символика* 1. *Символика древнехристианского периода*. Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Собко.

Физиолог. 1996. Санкт-Петербург: Наука.

Фрикен А. фон. 1877. *Римские катакомбы и памятники начального христианского искусства* 2. *Надписи и символические изображения*. Москва: Издание К.Т. Солдатенкова.

Фрикен А. фон. 1885. *Римские катакомбы и памятники начального христианского искусства* 4. *Живопись и пластика у первых христиан Запада и Востока*. Москва: Издание К.Т. Солдатенкова.

Чангова Й. 1969. Гражданска постройка с местността «Селище» в Преслав. *Известия на археологическия институт* XXXI. София: Българската Академия на науките, 219—229.

Шпилев А.Г. 2005. Погребения с головными венчиками и очельями как показатели этнокультурных и политических процессов на Верхнем Псле в XI в. (по материалам Гочевского курганного некрополя). В: Наумов А.Н. (отв. ред.). *Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII—XIV вв*. Тула: РИФ «ИНФРА», 192—215.

Шпилев А.Г. 2008. Об эволюции южносеверянского головного убора с очельем и венчиком (конец X—XI в.). *Русский сборник*. Труды кафедры Отечественной истории древности и средневековья Брянского госуниверситета им. академика И.Г. Петровского 9. Брянск: Карат, 43—59.

Шпилев А.Г. 2009. Височные кольца Курского края (2-я половина VIII — 1-я половина XIII в.). В: Наумов А.Н. (отв. ред.). *Верхнее Подонье: Археология. История* 4. Тула: Гриф и К, 5—33.

Шпилев А.Г. 2010. Украшения роменского времени из Курской области (вторая половина VIII — конец X вв.). *Stratum plus* (5), 221—274.

Commune de Valdivienne. [Electronic resource]. URL: http://www.mesvoyagesenfrance.com/D86/Valdivienne.html. Дата обращения 12.07.2013.

Fiskovic I. 2001—2002. Reljef kralja Petra Kresimira IV. *Starohrvatska prosvjeta*, Vol. III. No. 28—29. [Electronic resource]. URL: http://hrcak.srce.hr/index.php?show=toc&id_broj=6735. Дата обращения 12.07.2013.

Museo Nacional de Arte Romano. [Electronic resource]. URL: http://www.livius.org/ei-er/emerita/emerita_augusta_museum.html. Дата обращения 12.07.2013.

References

Vizantiiskaia derzhava. Obshcheistoricheskii forum. Vizantiiskaia izobrazitel'naia traditsiia i ikonografiia. Bogoiavlenie: voprosy ikonografii (Byzantine Empire. General Historical Forum. Byzantine Painting Tradition and Iconography. The Epiphany: Iconographic Issues). [Electronic resource]. Available at: http://theatron.byzantion.ru/topic.php? forum=15&topic=10 (accessed 28.11.2014) (in Russian).

Hensel, W., Dymaczewski, U., Dymaczewski, A., Hilczerowna, Z. 1970. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 233—241 (in Russian).

Dahl, V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language)* II. Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei" Publ. (in Russian).

Egor'evskie dikoviny. Sokrovishcha, redkosti, kur'ezy i prochie zamechatel'nye veshchi iz kollektsii M.N. *Bardygina, nyne sobraniia Egor'evskogo istoriko-khudozhestvennogo muzeia* (*Egorievsk Curiosities. Treasures, Rarities, Curiosities and Other Wonderful Objects from M.N. Bardygin's Collection, Now Belonging to the Collections of the Egorievsk Museum of Art and History*). 2008. Moscow: "Interrosa" Publ.

Enukov, V.V. 2005. *Slaviane do Riurikovichei (The Slavs before the Rurik Dynasty)*. Kurskii krai (Kursk Region) III. Kursk: "Uchitel'" Publ. (in Russian).

Zasurtsev, P.I. 1949. *Lipinskie kurgany. Opis' nakhodok (Lipinskie Kurgans. List of Finds)*. Scientific Archive of the Kursk State Regional Museum of Archaeology. VI-23/3, 4 (in Russian).

Kondakov, N. 1896. *Russkie klady. Issledovanie drevnostei velikokniazheskogo perioda (Russian Hoards. Study of Antiquities of the Grand Princes Period)* I. Saint Petersburg: "Tipografiia Glavnogo Upravleniia Udelov" Publ. (in Russian).

Korzukhina, G.F. 1954. *Russkie klady IX—XIII vv. (Russian Hoards of 9th —13th cc.)* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Sochineniia prepodobnogo Maksima Greka, izdannye pri Kazanskoi dukhovnoi akademii (Works by Reverend Maximus the Greek, edited by the Kazan Ecclesiastical Academy). 1897. Part 3. Kazan: "Tipo-litografiia Imperatorskogo Universiteta" Publ. (in Russian).

Mikhailik, L.P. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 52—62 (in Russian).

Morozov, A.A. 1978. In *Mif — fol'klor — literatura (Myth — Folklore — Literature)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 38—66 (in Russian).

Nasledie vizantiiskogo Khersona. Katalog vystavki k 185-letiiu raskopok Khersonesa Tavricheskogo (Legacy of the Byzantine Chersonessos. Exhibition Catalogue to the 185th Anniversary of Excavations of Tauric Chersonesos). 2011. Sevastopol: "Teleskop" Publ.; Austin: "ICA Texas" Publ. (in Russian).

Rannekhristianskie sarkofagi i nadgrobiia. Arkheologicheskii muzei Stambula (Early Christian Sarcophagi and Gravestones. Archaeological Museum of Istanbul). [Electronic resource]. Available at: pankrat-v.livejournal.com/10309.html (accessed 12.07.2013) (in Russian).

Rykov, P.S. 1912. *Dnevnik raskopok kurgannogo mogil'nika bliz Gorodishcha s. Gocheva Oboianskogo uezda Kurskoi gubernii, proizvedennykh na sredstva Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii v iiune — iiule 1912 g. (Journal of Archaeological Excavations on the Barrow Necropolis near a Fortified Settlement at Gochevo Village (Oboyanski District of Kursk Guberniya, Conducted at the Expense of the Royal Archaeological Commission in June-July 1912)*. Hand-Written Archive of the Institute for the History of Material Culture. Fund 1, dossier 116 of 1912. (in Russian).

Sedova, M.V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X—XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th —15th cc.)* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Spirgis, R. 2013. In *Arkheologiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land)* 58. Moscow; Pskov: Institute of Archaeology of the

Russian Academy of Sciences, 370—380, 452—459 (in Russian).

Spitsyn, A.A. 1905. In *Izvestiia Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 15. Saint Petersburg, 85—172 (in Russian).

Starodubtsev, G. Iu., Zorin, A.V. 2004. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh Gochevskogo arkheologicheskogo kompleksa (s. Gochevo Belovskogo raiona Kurskoi oblasti) v 2004 g. (Report on the Rescue Excavations of Gochevo Archaeological Complex (Gochevo Village, Belovsky Raion, Kursk Oblast), in 2004).* Scientific Archive of the Kursk State Regional Museum of Archaeology I-128 (in Russian).

Quintus Septimius Florens Tertullianus. 1994. *Izbrannye sochineniia (Selected Works)*. Moscow: "Progress" Publ. (in Russian).

Uvarov, A.S. 1908. *Khristianskaia simvolika (Christian Symbols)* 1. *Simvolika drevnekhristianskogo perioda (Symbols of Early Christian Period)*. Moscow: "Tipografiia G. Lissnera i D. Sobko" Publ. (in Russian).

Fiziolog (Physiologus). 1996. Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).

Friken, A. von. 1877. *Rimskie katakomby i pamiatniki nachal'nogo khristianskogo iskusstva (Roman Catacombs and Sites of Early Christian Art)* 2. *Nadpisi i simvolicheskie izobrazheniia (Inscriptions and Symbolic Images)*. Moscow: "K.T. Soldatenkov" Publ. (in Russian).

Friken, A. von. 1885. *Rimskie katakomby i pamiatniki nachal'nogo khristianskogo iskusstva (Roman Catacombs and Sites of Early Christian Art)* 4. *Zhivopis' i plastika u pervykh khristian Zapada i Vostoka (Pictorial and Plastic Art with the First Christians of the West and East)*. Moscow: "K.T. Soldatenkov" Publ. (in Russian).

Changova, J. 1969. In *Izvestiya na arkheologicheskiya institut (Reports of Archaeological Institute)* XXXI. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 219—229 (in Bulgarian).

Shpilev, A.G. 2005. In *Kulikovo pole i Iugo-Vostochnaia Rus' v XII—XIV vv. (Kulikovo Field and South-Eastern Russia in 12th—14th cc.)*. Tula: "RIF 'INFRA'" Publ., 192—215 (in Russian).

Shpilev, A.G. 2008. In *Russkii sbornik (Russian Collected Papers)* 9. Bryansk: "Karat" Publ., 43—59 (in Russian).

Shpilev, A.G. 2009. In *Verkhnee Podon'e: Arkheologiia. Istoriia (Upper Don Region: Archaeology. History)* 4. Tula: "Grif i K" Publ., 5—33 (in Russian).

Shpilev, A.G. 2010. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropokogy)* (5), 221—274 (in Russian).

Commune de Valdivienne. Available at: http://www.mesvoyagesenfrance.com/D86/Valdivienne.html (accessed 12.07.2013).

Fiskovic, I. 2001—2002. Reljef kralja Petra Kresimira IV. *Starohrvatska prosvjeta*, Vol.III. No. 28—29. Available at: http://hrcak.srce.hr/index.php?show=toc&id_broj=6735 (accessed 12.07.2013).

Museo Nacional de Arte Romano. Available at: http://www.livius.org/ei-er/emerita/emerita_augusta_museum.html (accessed 12.07.2013).

Статья поступила в номер 25 марта 2014 г.

Andrey Shpilev (Kursk, Russian Federation). Kursk State Regional Museum of Archaeology [1].

Andrey Shpilev (Kursk, Rusia). Muzeul arheologic regional de stat din Kursk.

Шпилев Андрей Геннадьевич (Курск, Россия). Курский государственный областной музей археологии.

E-mail: kgoma@mail.ru

Address: [1] Pionerov St., 6, Kursk, 305001, Russian Federation

Таланты и лепты античного мира

Talents and Lepta of the Antiquity
Talentele şi lepte antichităţii

Е. Я. Туровский

Монетное дело Херсонеса: между Митридатом Евпатором и императором Тиберием (63 г. до н. э. — 37 г. н. э.)

Keywords: Chersonesos, Pharnaces II, Emperor Tiberius, coins, countermarks.

Cuvinte cheie: Chersones, Pharnaces II, împăratul Tiberius, monede, contramărci.

Ключевые слова: Херсонес, Фарнак II, император Тиберий, монеты, надчеканки.

E. Ya. Turovsky

Monetary Business of Chersonesos: between Mithridates Eupator and Emperor Tiberius (63 BC — 37 AD)

Coinage of Chersonesos in the time period between Mithridates and Emperor Tiberius is understudied. There are three copper issues that can be dated to the rule of King Pharnaces II. Only issues coined during the rule of this king in Chersonesos had such countermarks as monogram "ПАР", 'star' and 'star and crescent'. Mithridates's issues, with rarest exceptions, did not have any countermarks. Similarly, no countermarks are found on the issues dated by the first time the city was granted freedoms, nor on the subsequent issues. The two varieties of coins of the "first eleutheria" were not coined simultaneously, but rather one replaced the other. Such personal name as Apollonid did not belong to a monetary magistrate, but rather to a tyrant. It is known that Apollonid's name was mechanically deleted from legends of some coins with the help of a file. Emperor Tiberius's rule was marked by silver and gold Chersonesos coins with the Emperor's head and maiden with a bow and a lance. The legend of such coins read: city name, monogram "ПАР" and year of the city era.

E. Ya. Turovsky

Monedele Chersonesului: de la Mitridates Eupator la împăratul Tiberius (63 î.e.n. — 37 e.n.)

Emisiunile monetare ale Chersonesului de la moartea lui Mitridates Eupator și pînă la domnirea lui Tiberius sunt cercetate insuficient. În prezentul articol sunt evidențiate trei emisiuni de monedă din cupru, care pot fi atribuite domniei regelui Pharnaces II. Doar emisiunile acestui domnitor aveau aplicate contramărci de tipul „ПАР", „stea", „stea și semilună". Emisiunile din timpul lui Mitridates, cu foarte rare excepții, nu purtau contramărci. Nu aveau contramărci nici primele emisiuni apărute după ce orașul a fost declarat liber, nici cele ce au urmat. Cele două tipuri de monede din perioada „primei elefterii" nu erau emise simultan, ci una i-a luat locul celeilalte. Numele Apollonid aparținea, cel mai probabil, tiranului, și nu magistratului monetar. Sunt cunsocute monede, de pe care inscripția „Apollonid" a fost îndepărtată mecanic cu ajutorul unui rașpel. Din perioada domniei lui Tiberius datează monedele din argint și aur cu reprezentarea capului împăratului și a fecioarei în picioare, cu arc și lance. În legenda acestor monede erau indicate denumirea orașului, monograma „ПАР" și anul erei locale.

Е. Я. Туровский

Монетное дело Херсонеса: между Митридатом Евпатором и императором Тиберием (63 г. до н. э. — 37 г. н. э.)

Период монетной чеканки Херсонеса времени от гибели царя Митридата до правления императора Тиберия является плохо изученным. Выделены три медных выпуска, которые могут быть отнесены к правлению царя Фарнака II. Только выпуски времени правления этого царя в Херсонесе имели надчеканки монограмма «ПАР», «звезда», «звезда и полумесяц». Выпуски митридатовского времени, за редчайшими исключениями, надчеканок не имели. Не имели надчеканок и выпуски времени первого дарования городу свободы, и последующие за ними. Две разновидности монет выпусков «первой элевтерии» выпускались не одновременно, а одна сменила другую. Личное имя Аполлонид принадлежало не монетному магистрату, а, скорее всего, тирану. Известны монеты, из легенд которых имя Аполлонид удалялось механически с помощью напильника. Ко времени правления императора Тиберия относятся серебряная и золотая херсонесские монеты с изображением головы императора и стоящей Девы с луком и копьём. В легенде этих монет обозначались: имя города, монограмма «ПАР» и год городской эры.

Время непосредственно после правления Митридата — одно из самых темных в истории Херсонеса. После поражения Митридата в его борьбе с Римом и его гибели город оказался в зависимости от боспорских правителей. Нужно сказать, что этот исторический этап во многом покрыт пеленой неизвестности не только для Херсонеса, но и для Боспора. В период от поражения Фарнака при Зеле в 47 г. до н. э. до начала междоусобной войны

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© Е. Я. Туровский, 2014.

сыновей Аспурга в 45 г. н. э., как в своеобразном калейдоскопе, правители и правительницы сменяли друг друга на боспорском престоле: Асандр, Митридат Пергамский, Динамия, Скрибоний, Полемон I, Пифодорида, Аспург, Гипепирия, Полемон II, Митридат II, Котис I. Для многих из этих правителей точно неизвестны даже годы их правления (Виноградов 1992: 130).

После гибели Митридата первый городской выпуск, очевидно, был осуществлен в годы правления царя Фарнака II (63—47 гг. до н. э.). Это крупная медная монета (обол) с изображением мужской головы и Девы с копьем и луком (рис. 1). Монеты очень редкие, до сих пор известно не более десяти экземпляров этих монет, одну из них впервые издал А. В. Орешников. На лицевой стороне монеты изображена мужская голова с явно портретными чертами, в которой А. В. Орешников (Орешников 1912: 36, рис. 12; 1922: 235) и вслед за ним А. Н. Зограф (Зограф 1922: 337) видели портрет одного из членов дома Митридата VI. Правда, А. В. Орешников усматривал в портрете черты сына Митридата VI — Ариарата IX, царя Каппадокии, А. Н. Зограф же воздержался от более конкретной идентификации. К. В. Голенко полагал, что на херсонесских оболах изображен Асандр (Голенко 1962: 55). Однако, на мой взгляд, наиболее оправдано видеть в данном персонаже царя Фарнака. Асандр, как известно, не был потомком Митридата Евпатора, а мужской портрет на херсонесских монетах имеет явные черты сходства с великим царем. Именно ко времени Фарнака относит выпуск оболов В. А. Анохин, который при этом воздерживается от точной идентификации портрета, лишь в одном месте указывая: «голова (Фарнака?)» (Анохин 1977: 60). Это заключение представляется вполне справедливым.

Чем можно объяснить чрезвычайную редкость херсонесских монет времени Фарнака? Объяснений может быть два: первое — чрезвычайно малый размер эмиссии; второе — повсеместное изъятие монет из обращения в силу каких-то, скорее всего, политических обстоятельств. Первое объяснение, по-видимому, следует исключить. Большинство известных монет имеют признаки длительного обращения, а некоторые экземпляры надчеканку «восьмилучевая звезда» (рис. 1: 1). Ещё одна монета этого типа (публикуется впервые) размером 32 мм, весом 15,6 г, носит следы длительного обращения, без надчеканок, но имеет большое сквозное отверстие (рис. 1: 2).

Признаки херсонесских оболов царя Фарнака II не характерны для номинальных,

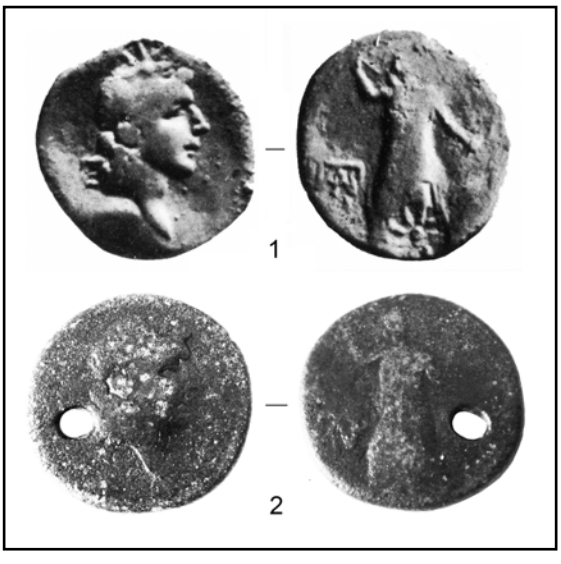

Рис. 1. Херсонесские оболы с портретом Фарнака II: 1 — ГИМ, №21; 17,3 г, 31 мм (по Анохин 1977: №199); 2 — ЧК; 16,65 г, 30 мм. Фото автора.

Fig. 1. Chersonesos obols with Pharnaces II portrait: 1 — SHM, No. 21; 17,3 g, 31 mm (after Анохин 1977: №199); 2 — private collection; 16,65 g, 30 mm. Photo by the author.

церемониальных выпусков. Значит, следует признать второе объяснение. Что же необычного в этом херсонесском выпуске? Сам факт чеканки городской монеты при Фарнаке ничего особенно не показывает, поскольку городские монеты в Херсонесе выпускались и при Митридате Евпаторе. У херсонесских монет времени Фарнака только одна отличительная черта — портрет царя на лицевой стороне. Это первый случай появления в репертуаре сюжетов херсонесской нумизматики портрета реального человека (Туровский 2011: 387, 388). Кроме того, это самый крупный на эти времена номинал херсонесской меди — четвертной, по-видимому, по отношению к выпускам времени Митридата Евпатора.

Какие же политические обстоятельства привели к изъятию из обращения херсонесских оболов? Справедливости ради следует подчеркнуть, что о политике Фарнака в отношении Херсонеса, по сути, ничего не известно. Приходится полагаться на косвенные свидетельства. Появление царского портрета на лицевой стороне херсонесских монет можно рассматривать как признак усиления зависимости города от боспорских властей. Напомню, что все херсонесские монеты времени Митридата Евпатора имели на лицевой стороне изображение верховной херсонесской богини Партенос (Анохин 1977: №192—195; 197,198; Туровский, Горбатов 2013: №225—230).

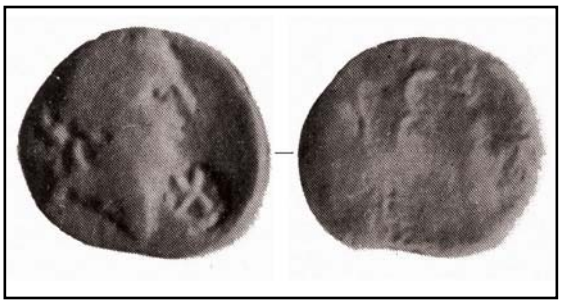

Рис. 2. Херсонесский тетрахалк времени Фарнака. ГИМ, №1674; 6,12 г, 20 мм (по Анохин 1977: №202).

Fig. 2. Chersonesos Tetrachalk of Pharnaces' time. State Historical Museum, No. 1674; 6,12 g, 20 mm (after Анохин 1977: №202).

Рис. 3. Херсонесский тетрахалк времени Фарнака. ЧК; 5,7 г, 21 мм (по Туровский, Горбатов 2013: №236).

Fig. 3. Chersonesos Tetrachalk of Pharnaces' time. Private collection, 5,7 g, 21 mm (after Туровский, Горбатов 2013: № 236).

Другим косвенным показателем нелюбви херсонеситов к Фарнаку служит факт их дипломатической активности с целью обретения независимости от Боспора, как только такая возможность представилась. С неудачной попыткой Митридата Пергамского (после гибели Фарнака) свергнуть узурпатора Асандра и захватить боспорский престол, по-видимому, совпадает по времени посольство в Рим Г. Юлия Сатира, сына Феагена (IOSPE I^2: №691). В результате дипломатических усилий этого человека городу были дарованы Цезарем свобода-элевтерия и избавление от уплаты налогов (Ростовцев 1917: 1—3; Анохин 1977: 74; Зубарь 1994: 13).

Весьма вероятно, что размер налогов, возлагаемых на Херсонес боспорским правителем, был столь велик, что серьезно подрывал благосостояние граждан. Военная помощь Боспора вряд ли была в эти времена особенно необходимой, поэтому Херсонес стремился установить прямые контакты с Римом, который в ряде случаев освобождал пограничные города от налогов с тем, чтобы эти средства использовались для укрепления их обороноспособности (Abbott, Johnson 1926: 53). Вероятно, с получением элевтерии в городе был восстановлен политический режим, существовавший до его подчинения Митридату.

По-видимому, с получением городом «свободы», гарантированной Римом, монеты с портретом ненавистного Фарнака были целиком изъяты из обращения и переплавлены для осуществления новых монетных выпусков. Фарнак был у власти 16 лет, и названные оболы, очевидно, были основным средством денежного обращения на внутреннем рынке города, но, как представляется, не единственным.

На мой взгляд, именно ко времени Фарнака следует отнести ещё два крайне редких херсонесских выпуска, которые объединяет общая надчеканка «звезда — полумесяц». Первая из них имеет тип: лицевая сторона — голова Девы; оборотная — кадуцей и монограмма ПАР (рис. 2). Вторая: лицевая сторона — голова Зевса; оборотная — пучок молний. Эта монета имеет ещё надчеканку «монограмма ПАР» (рис. 3). Большая редкость этих монет позволяет предполагать, что они были изъяты из обращения вместе с монетами с портретом Фарнака. Существует мнение, что надчеканка «звезда — полумесяц» относится ко времени правления на Боспоре царицы Динамии, поскольку её золотые статеры украшала эта традиционная, ещё ахеминидская эмблема понтийских царей, а Динамия как дочь Митридата имела на неё права. На мой взгляд, это вряд ли справедливое суждение, поскольку и Фарнак был сыном Митридата и имел на родовую эмблему не меньшие права.

Хочу подчеркнуть ещё и следующий момент: ни одна из монет митридатовского времени никаких надчеканок не имела. На монетах «первой элевтерии» также надчеканки не отмечены, на последующих выпусках тоже. Таким образом, именно на шестнадцатилетний период правления Фарнака, очевидно, приходятся монеты с надчеканками трёх видов. Ещё один интересный момент, связанный с монетным делом Херсонеса времени Фарнака, — это нанесение надчеканки «монограмма ПАР» на старые монеты IV в. до н. э. (рис. 4).

Говоря о херсонесских выпусках времени Фарнака II, нельзя обойти вниманием интересную статью М. М. Чорефа, специально посвященную этому вопросу (Чореф 2012: 230—250). Начну с того, что вызывает неприятие. На иллюстрации автор даёт изображение тетрадрахмы Херсонеса лисимаховского типа, как он полагает, времени Фарнака II (Чореф 2012: 232, рис. 1: 6). В том, что тетрадрахма

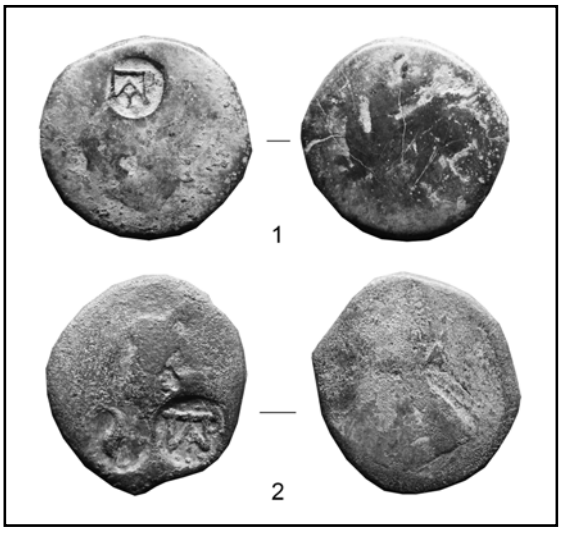

Рис. 4. Херсонесские тетрахалки «Дева — грифон» с надчеканкой «ПАР» времени Фарнака II: 1 — ЧК; 6,45 г, 21 мм; 2 — дополнительная надчеканка «дельфин». ЧК, 5,87 г, 20 мм. Фото автора.

Fig. 4. Chersonesos Tetrachalk "Parthenos — a griffin" with a countermark of "ПАР", Pharnaces' time: 1 — Private collection; 6,45 g, 21 mm; 2 — additional countermark, "dolphin". Private collection; 5,87 g, 20 mm. Photo by the author.

имеет отношение к Херсонесу Таврическому, на мой взгляд, сомнений нет; последнее же утверждение исследователя, очевидно, совершенно невозможно. Остановлюсь на этих вопросах подробнее. На то, что тетрадрахма имеет отношение к Херсонесу, указывают два наиболее часто встречающихся в легендах херсонесских монет элемента: имени города в форме «ХЕР» и монограммы верховной херсонесской богини Партенос — «ПАР». В данном случае не столь важно, отчеканены монеты в самом Херсонесе или специально для Херсонеса в другом месте, например, в Византии.

Что касается датировки выпуска, то признать справедливым мнение М. М. Чорефа не позволяют условия находки монет. До сих пор известны две такие тетрадрахмы, обе они происходят из клада, найденного в 30-е гг. XX века на территории Малой Азии (древняя Вифиния). Вместе с херсонесскими монетами в состав клада входили несколько десятков тетрадрахм вифинского царя Прусия II, который правил в 182—149 гг. до н. э. Очевидно, что временем правления этого династа и следует датировать клад, скорее всего, ближе к середине II в. до н. э.; к слову, такую же датировку предлагает и Х. Сейриг, специально изучавший этот клад (Seyrig 1971: 25). В любом случае, ко времени правления Фарнака II монеты относиться не могут.

Теперь о позитивных моментах статьи М. М. Чорефа. Прежде всего, это мысль о чеканке в Херсонесе части статеров Фарнака II. Не буду повторять развёрнутую аргументацию автора, отмечу суть. Статеры великого царя царей Фарнака с монограммой ХЕ чеканились именно в Херсонесе, а не в Пантикапее, иначе трудно объяснить, что означает эта монограмма и почему она включена в состав легенды монет (Чореф 2012: 233—236). В этом случае получает дополнительное подтверждение, что Херсонес при Фарнаке находился в большой зависимости от этого царя.

Вполне вероятно и предположение о том, что оригинальная монограмма на одной из монет типа «Дева — олень с опущенной головой», в состав которой однозначно входит Ф, есть монограмма царя Фарнака (Чореф 2012: 238—240). К тому же, на некоторых из этих монет известны надчеканки «звезда и полумесяц», как и на других монетах времени Фарнака II (Туровский, Горбатов 2013: №226а).

Рассмотрим теперь важный и давно обсуждаемый в научной литературе вопрос: когда начинается «первая элевтерия» и когда она заканчивается. Текст декрета в честь Гая Юлия Сатира свидетельствует, что его усилиями Херсонес получил права свободного города. М. И. Ростовцев определял дату посольства между маем 46 и январем 45 г. до н. э. (Ростовцев 1917: 1—3). Нужно отметить, что, согласно преобладающей в историографии точке зрения, «первая элевтерия» длилась очень недолго и завершилась или сразу же после убийства Цезаря (Ростовцев 1917: 18; Белов 1948: 97; Голенко 1964: 50), или около 42 г. до н. э., когда Марк Антоний лишил некоторые города Востока дарованных ранее элевтерий (Голубцова 1951: 72; Кадеев 1981: 15; Сапрыкин 1987: 55). В правомерности таких выводов усомнился В. М. Зубарь, который справедливо отметил, что вряд ли имеющиеся в настоящее время данные позволяют безоговорочно утверждать, что в конце 40-х гг. до н. э. элевтерия была утрачена Херсонесом, и он вновь оказался под властью боспорских царей (Зубарь 1987: 116—129). Неоднозначность ситуации и недостаточность источников заставляет привлечь в контексте названной проблемы данные нумизматики.

Возвращение прежней независимой жизни, очевидно, было воспринято жителями Херсонеса с восторгом, в его ознаменование был осуществлен выпуск, запечатлевший столь славное событие в истории полиса. Считается, что этот выпуск медных

Рис. 5. Херсонесский обол времени «первой элевтерии». 14,85 г, 24 мм (по Туровский, Горбатов 2013: №233).

Fig. 5. Chersonesos obol "the first eleutheria" time. 14,85 g, 24 mm (after Туровский, Горбатов 2013: №233).

оболов имеет две разновидности: на первой надпись ΕΛΕΥΘΕ ΧΕΡCΟΝΗC, изображение бодающего быка на аверсе и Дева, поражающая лань, и монограмма ПАР на реверсе; вторая представлена монетами с теми же типами, меняющимися местами: на лицевой стороне Дева с ланью и надпись ΧΕΡC ΕΛΕΥ, на оборотной — бык и имя ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΟΥ. Большинством исследователей априори предполагалась параллельность выпуска монет обеих разновидностей. То, что это, скорее всего, не так, будет показано несколько ниже.

Думается, что сам этот монетный выпуск был наполнен для херсонеситов глубоким символизмом и смыслом: типы аверса и реверса дают два наиболее популярных сюжета полисных монет эпохи независимости, которые, очевидно, выступали в качестве городских гербов (παρασιμων) Херсонеса.

До сих пор, по сути, обычно полагалось, что обе разновидности выпуска с девизом «свободный Херсонес» осуществлялись параллельно и в течение достаточно небольшого срока (Анохин 1977: 148). Внимательное изучение монет серии привело меня к выводу, что выпуски двух разновидностей монеты не были одновременными. Более ранним следует считать, очевидно, выпуск без личного имени, но с монограммой ПАР (рис. 5). Эти монеты продолжают ту же традицию, которая возникла в херсонесском монетном деле при Митридате и была продолжена при Фарнаке. Её основная особенность — наличие монограммы ПАР, единственное исключение — монеты «бородатая голова — молнии», но все эти монеты имеют надчеканку «ПАР».

По номиналу этот выпуск, очевидно, обол. По всей видимости, выпускались такие монеты много лет (при этом, может быть, и не каждый год), поскольку ранние выпуски монет этого сорта имеют диаметр 24—25 мм, вес

Рис. 6. Херсонесские оболы времени Аполлонида: 1 — 12,5 г, 23 мм (по Туровский, Горбатов 2013: №233); 2 — с удалённым именем; ЧК; 6,8 г, 20 мм. Фото автора.

Fig. 6. Chersonesos obol, Apollonid's time: 1 — 12,5 g, 23 mm (after Туровский, Горбатов 2013: №233); 2 — with a remote name; private collection; 6,8 g, 20 mm. Photo by the author.

до 16 г (например, эрмитажный экземпляр №251 — 25 мм; 15,53 г), а более поздние редуцированные экземпляры имеют диаметр 20—21 мм, вес 5—7 г.

Оболы второй разновидности также имеют все признаки как относительной длительности выпуска, так и постепенного редуцирования веса. На оболе второй разновидности относительно первой лицевая и оборотная сторона меняются местами, исчезает монограмма «ПАР», в последний раз в монетной практике Херсонеса в легенде монеты появляется личное имя. Относительно того, кому принадлежало это имя, мнений немного. А. Л. Бертье-Делагард полагал, что это имя чиновника, ответственного за выпуск монеты (Бертье-Делагард 1906: 62—63). Ту же точку зрения разделяет и В. А. Анохин (Анохин 1977: 71—73). На мой взгляд, полагать, что за этим именем скрывается магистрат, контролировавший выпуск монеты в Херсонесе, по-видимому, нет оснований. В этом убеждает следующий факт: на целом ряде подобных монет из их легенды при помощи напильника (его следы хорошо видны под слоем патины) удалено личное имя ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΟΥ, при этом девиз «свободный Херсонес» в легенде монет новые власти не смущал, и он не удалялся (рис. 6). Случай для античной нумизматики Северного Причерноморья беспрецедентный. Маловероятно, что какой-то монетный магистрат мог быть удостоен такого способа по-

Рис. 7. Херсонесские тетрахалки последней четверти I в. до н. э.: 1 — с именем города под шеей персонажа, 9,15 г, 20 мм; 2 — с именем города справа от персонажа, 8,12 г, 19 мм (по Туровский, Горбатов 2013: №238, 239).

Fig. 7. Chersonesos Tetrachalk, last quarter of the I century BC: 1 — with the city name under the neck of the character. 9,15 g, 20 mm; 2 — with the city name to the right of the character. 8,12 g, 19 mm (after Туровский, Горбатов 2013: №238, 239).

Рис. 8. Херсонесский тетрахалк конца I в. до н. э. — I в. н. э. 5,62 г, 19 мм (по Туровский, Горбатов 2013: №240).

Fig. 8. Chersonesos fetrachalk, end of the I century BC — I century AD. 5,62 g, 19 mm (after Туровский, Горбатов 2013: №240).

литической мести, как удаление имени из легенды монет; к тому же практика маркировки монет именами контролирующих магистратов не применялась (к моменту выпуска монет Аполлонида) уже более половины столетия. Конечно, за именем Аполлонид скрывается не простой чиновник. К сожалению, ближе нам Аполлонид не известен. Можно только гадать, был ли Аполлонид первым архонтом, тираном или ещё кем-то. Скорее всего, тираном. Может быть, тем самым, которого помог свергнуть неизвестный гражданин, чествуемый в большой, к сожалению, сильно повреждённой надписи (IOSPE I^2: 355).

В Херсонесе около середины второй половины I в. до н. э. произошло два важнейших события. Первое — изменение общественного строя. Реальным отражением этого факта стало изменение формул декретов, которые стали приниматься не от лица номофилаков и диойкета, а от лица проэдров. Это обстоятельство, по мнению большинства специалистов, свидетельствует об изменении характера политического режима, вероятно, от умеренно-демократического к аристократическому. Это мнение подтверждает большое число эпиграфических памятников римского времени, где ведущие административные должности из поколения в поколение занимают представители наиболее знатных херсонесских родов. Я рискну предположить, что между демократическим и аристократическим режимами был небольшой период тирании.

С изменением политического режима примерно совпадает и второе выдающееся событие — введение городской эры. На мой взгляд, не представляется слишком смелым связать эти два события. Свержение тирании вполне могло послужить достаточным поводом для введения нового городского летоисчисления. При этом вызывает удивление, что обозначение дат херсонесской эры на монетах начинается спустя полстолетия, а на декретах еще позднее.

Между завершающими выпусками монет с именем Аполлонида и датированными монетами с портретом императора можно разместить только два типа меди. Первый имеет тип: мужская голова вправо с длинными, кудрявыми волосами в венке, на тяжелом подбородке борода, переданная крупными прядями. Голова персонажа поднята кверху, губы изображены слишком близко к носу. Имеются два варианта лицевой стороны: на одном имя города расположено под обрезом шеи (рис. 7: 1), на другом — справа перед лицом (рис. 7: 2). Для отождествления изображения с каким-либо божеством или реальным персонажем данных не имеется.

Изображение на оборотной стороне монет практически одинаково: Дева в зубчатой короне в рост с занесенным копьем в левой руке и луком в правой руке; слева от фигуры монограмма «ПАР», изображение заключено в точечный ободок. Отличаются только размеры лука: небольшой и большой. Впервые такой тип изображения Девы, как на данных монетах, появился на оболах с изображением Фарнака, в дальнейшем он становится основным на оборотных сторонах херсонесских монет вплоть до прекращения деятельности херсонесского монетного двора в III в. н. э.

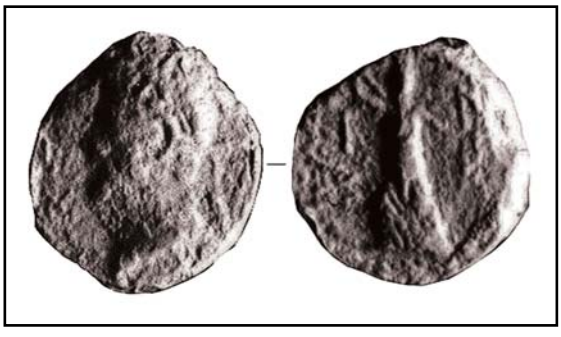

Рис. 9. Херсонесская серебряная монета времени императора Тиберия. 2,85 г, 18,7 мм (по Туровский, Горбатов 2013: №245).

Fig. 9. Silver coin of Chersonesos of time of Emperor Tiberius's time. 2,85 g, 18,7 mm (after Туровский, Горбатов 2013: №245).

Рис. 10. Херсонесский статер. 18 мм (по Туровский, Горбатов 2013: №242).

Fig. 10. Gold stater of Chersonesos of Emperor Tiberius's time. 18 mm (after Туровский, Горбатов 2013: №242).

Другой выпуск херсонесской меди этого времени имел практически тот же монетный тип, но оформленный несколько иначе: голова бородатого персонажа вправо, справа имя города и в районе лба многолучевая звезда; на оборотной стороне такая же Дева, как и на предыдущем выпуске, под монограммой «ПАР» и знак Δ с удлиненной гранью (это или монограмма, или знак номинала — 4) (рис. 8).

Последний сюжет в этой статье связан с херсонесскими монетами времени императора Тиберия (Туровский, Горбатов 2013: №242, 245). Обе монеты уникальные: одна золотая, другая — серебряная. Обе монеты имеют в составе легенды монограмму «ПАР» и год херсонесской эры. До сих пор считалось, что золотая чеканка, как и чеканка датированных монет, началась во времена императора Клавдия (Анохин 1977: 64; Сидоренко 2001: 437—438). Чеканку времени этого правления, по мнению В. А. Сидоренко, начинал датированный серебряный выпуск 68 или 67 г. х. э., что соответствует 42—43 гг. н. э. (Сидоренко 2001: 437).

Нужно отметить, что выпуск серебряных херсонесских денариев — кратковременный, но не разовый момент в истории монетного дела Херсонеса. Известны выпуски за два разных года херсонесской эры (обе монеты уникальные, обе в очень плохом состоянии). Обратимся к серебряной монете времени императора Тиберия. Л. с.: голова императора влево, перед лицом имя города. О. с.: стоящая Дева с луком и копьем, слева монограмма «ПАР», под ней год BN (?). 18,7 мм; 2,85 г. (рис. 9). Практически повторяет тип серебряной монеты золотой статер 52 г. х. э. (рис. 10). Может быть, они даже отчеканены общими штемпельными парами, хотя плохое состояние серебряной монеты не даёт возможности для однозначных заключений. Вряд ли стоит искать в мужской голове на монетах портретные черты Тиберия. Эти выпуски открывают длинную серию подобных, на которых римский император выступает как таковой без персонификации портрета к конкретному правителю (исключение составляет реалистическая серия начала III в., но она лежит за рамками нашего рассмотрения). Опыт выпуска датированных серебряных монет был непродолжительным, скорее всего, от него решили отказаться, а монеты изъяли из обращения.

Исходя из сказанного, хочу предложить следующую примерную схему херсонесской чеканки в означенный период. После смерти Митридата Евпатора Херсонес попадает под контроль Фарнака II, при котором осуществляется выпуск нескольких типов медных монет. Старший номинал имел на лицевой стороне изображение царя Фарнака, вероятно, тогда же на херсонесском монетном дворе чеканили и статеры царя Фарнака. Смерть Фарнака и посольства Херсонеса в Рим привели к дарованию Цезарем городу свободы (элевтерии). Вероятно, в Херсонесе был восстановлен прежний умеренно-демократический режим, который существовал в городе ещё до понтийской оккупации. Лет через 5—10 демократический режим в городе был свергнут и установлена тирания. Отражением этого события стал выпуск монет с именем тирана. Его свержение незадолго до 24 г. до н. э. было ознаменовано механическим удалением имени с легенды монет. Свержение тирании, скорее всего, было ознаменовано принятием новой херсонесской эры. Со времён императора Тиберия, а если точнее, с 28 г. н. э., начинается выпуск датированных монет, вначале золотых и серебряных, а позднее и медных.

Литература

Анохин В.А. 1977. *Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XII в.н.э.).* Киев: Наукова думка.

Белов Г.Д. 1948. *Херсонес Таврический.* Ленинград: Наука.

Бертье-Делагард А.Л. 1906. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса. *ЗООИД* XXVI, 215—276.

Виноградов Ю.Г. 1992. Херсонес, Боспор и Рим. *ВДИ* (3), 130—139.

Голенко К.В. 1962. К датировке некоторых монет Херсонеса. *НЭ* III, 49—55.

Голубцова Е.С. 1951. *Северное Причерноморье и Рим на рубеже н.э.* Москва: Наука.

Зограф А.Н. 1922. Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики. *ИРАИМК* 2, 337—397.

Зубарь В.М. 1987. Из истории Херсонеса Таврического на рубеже н.э. *ВДИ* (2), 118—129.

Зубарь В.М. 1994. *Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории.* Киев: Наукова думка.

Кадеев В.И. 1981. *Херсонес Таврический в первые века н.э.* Харьков.

Орешников А.В. 1912. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского. *Нумизматический сборник* II, 1—35.

Орешников А.В. 1922. Олицетворение общины Херсонеса Таврического на монетах. *ИРАИМК* 2, 159—164.

Ростовцев М.И. 1917. Цезарь и Херсонес. *ИИАК* 63, 1—21.

Сапрыкин С.Ю. 1987. Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикии). *СА* (1), 48—57.

Сидоренко В.А. 2001. Золотая монетная чеканка Херсонеса I—II вв.н.э. *МАИЭТ* VIII, 436—453.

Туровский Е.Я. 2013. К вопросу о зависимости Херсонеса Таврического от Боспорского царства по нумизматическим и эпиграфическим данным. В: Вахтина М.Ю. и др. (редкол.). *Боспорский феномен: греки и варвары на евразийском перекрестке.* Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19—22 ноября 2013 г.) Санкт-Петербург: Нестор-История, 657—662.

Туровский Е.Я., Горбатов В.М. 2013. *Монеты античного и средневекового Херсонеса. Каталог-определитель.* Симферополь: ДИАЙПИ.

Чореф М.М. 2012. Территориально-административное устройство Боспорского царства при Фарнаке II по нумизматическим данным. В: Сердюк Е.М. (отв. ред.). *Сугдейский сборник* V. Мат-лы V Судацкой международной научной конференции «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре». Киев; Судак: Горобец, 230—250.

Abbott F.F., Johnson A.C. 1926. *Municipal Administration in the Roman Empire.* Princeton: Princeton University Press.

Seyrig H. 1971. Un Pseudo-Lysimaque de Crimée. *RN*, 1—25.

References

Anokhin, V.A. 1977. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e.—XII v.n. e.) (Chersonessos Coinage (4th Century BC — 12th Century AD)).* Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

Belov, G.D. 1948. *Khersones Tavricheskii (Tauric Chersonesos).* Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Bert’e-Delagard, A.L. 1906. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* XXVI, 215—276 (in Russian).

Vinogradov, Iu.G. 1992. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 130—139 (in Russian).

Golenko, K.V. 1962. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* III, 49—55 (in Russian).

Golubtsova, E.S. 1951. *Severnoe Prichernomor’e i Rim na rubezhe n.e. (Northern Black Sea Region and Rome at the Turning of Ages).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Zograf, A.N. 1922. In *Izvestiia Rossiiskoi akademii istorii material’noi kul’tury (Reports of the Russian Academy for the History of Material Culture)* 2, 337—397 (in Russian).

Zubar’, V.M. 1987. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (2), 118—129 (in Russian).

Zubar’, V.M. 1994. *Khersones Tavricheskii i Rimskaia imperiia. Ocherki voenno-politicheskoi istorii (Tauric Chersonesos and the Roman Empire. Essays on Military and Political History).* Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

Kadeev, V.I. 1981. *Khersones Tavricheskii v pervye veka n.e. (Tauric Chersonesos in the First Centuries AD).* Kharkov (in Russian).

Oreshnikov, A.V. 1912. In *Numizmaticheskii sbornik (Numismatical Collected Works)* II, 1—35 (in Russian).

Oreshnikov, A.V. 1922. In *Izvestiia Rossiiskoi akademii istorii material’noi kul’tury (Reports of the Russian Academy for the History of Material Culture)* 2, 159—164 (in Russian).

Rostovtzeff, M.I. 1917. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 63, 1—21 (in Russian).

Saprykin, S. Iu. 1987. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 48—57 (in Russian).

Sidorenko, V.A. 2001. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Proceedings on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* VIII, 436—453 (in Russian).

Turovsky, E. Ia. 2013. In *Bosporskii fenomen. Greki i varvary na Evraziiskom perekrestke (The Phenomenon of Bosporan Kingdom. Greeks and Barbarians on the Crossroads of Eurasia).* Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ., 657—662 (in Russian).

Turovsky, E. Ia., Gorbatov, V.M. 2013. *Monety antichnogo i srednevekovogo Khersonesa. Katalog-opredelitel’ (Coins of Ancient and Medieval Chersonesos. Catalogue and Guide).* Simferopol: “DIAIPI” Publ. (in Russian).

Choref, M.M. 2012. In *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Works)* V. Kiev; Sudak: “Gorobets” Publ., 230—250 (in Russian).

Abbott F.F., Johnson A.C. 1926. *Municipal Administration in the Roman Empire.* Princeton: Princeton University Press.

Seyrig H. 1971. Un Pseudo-Lysimaque de Crimée. *RN*, 1—25.

Статья поступила в номер 5 марта 2014 г.

Evgenij Turovsky (Sevastopol, Crimea). Candidate of Historical Sciences. Reservation Chersonesos Tauric [1].

Evgenij Turovsky (Sevastopol, Crimeea). Candidat în ştiinţe istorice. Rezervaţia „Chersonesos Tauric”.

Туровский Евгений Яковлевич (Севастополь, Крым). Кандидат исторических наук. Заповедник «Херсонес Таврический».

E-mail: turovs_1@mail.ru

Address: [1] Drevnyaya St., 1, Sevastopol, 299045, Crimea.

Л. В. Носова

Тира середины I в. н. э.: политическая история по данным нумизматики

Keywords: Lower Dniester region, Tyras, Roman Empire, Roman provincial coins.

Cuvinte cheie: Nistrul de Jos, Tyras, Imperiul Roman, monede provinciale romane.

Ключевые слова: Нижнее Поднестровье, Тира, Римская империя, римские провинциальные монеты.

L. V. Nosova

Tyras in the Middle of the 1st Century AD: Political History by Numismatic Data

Copper coins with the legend KAICAPOC CEBACTOY and Emperor's head on obverse have been known since the 19th century. Earlier it was assumed that the coins of Tyras were minted in one denomination. New finds have made it possible to talk about three denominations at least. Scholars unanimously believe that the aes in question were the first provincial type of coins of Tyras, minted in the early principate epoch. However, the precise attribution of the coins remains unsolved (Augustus, Claudius, Vespasianus). The author dates the anonymous copper to Nero's times. The presence of Roman soldiers in Tyras conditioned circulation of Roman large aes in the local market. The first appearance of the Romans was a consequence of the Bosporan war in the 40s and/or of the annexation of Thrace. Some military contingent deployed in Tyras during Nero's period. Under Nero — about 57 AD — an important event happened which signalized a new stage in relations between Rome and Tyras. This event became the beginning of a new chronology and it was commemorated in the "senatorial" emission (the legend IERAC CYNKΛHTOY). Simultaneously, or a little later, Tyras issued copper coins for Nero (KAICAPOC CEBACTOY). They were probably struck according to a monetary system into which Roman and Greek denominations were integrated (1 dupondius = 8 chalkoi, 1 as = 4 chalkoi, etc.).

L. V. Nosova

Orașul Tyras în mijlocul sec. I d.Hr.: istoria politică în baza datelor numismaticii

Monede din cupru, emise de orașul Tyras, cu portretul împăratului și legenda KAICAPOC CEBACTOY sunt cunoscute din sec. XIX. Se presupunea că ele erau bătute într-o singură valoare nominală. Noile descoperiri ne permit să vorbim despre cel puțin trei valori. Cercetătorii consideră, că moneda anonimă din cupru este prima emisiune de tip provincial a Tyrasului din perioada principatului timpuriu; o atribuire mai concretă rămâne dificilă (Augustus, Claudius, Vespasian). Autorul consideră că monedele din cupru cu reprezentarea imperatorului pot fi datate în perioada lui Nero. Prezența soldaților romani în oraș a determinat faptul, că monedele romane de tip aes au intrat pe piața Tyrasului. Prima apariție a romanilor a reprezentat o urmare a războiului bosporan de la jumătatea anilor 40 și/sau anexiunii Traciei. În perioada lui Nero contingentul militar al imperiului de asemenea era localizat în Tyras. În jurul anului 57 a avut loc un eveniment care a pus bazele unei noi etape în relațiile dintre Tyras și Roma, precum și a unei noi ere, fapt marcat printr-o emisiune a senatului (monedele cu legenda IERAC CYNKΛHTOY). Odată cu monedele „senatului" sau ceva mai târziu, Tyras a emis o monedă din cupru cu legenda KAICAPOC CEBACTOY. Cel mai probabil, monedele erau bătute după sistemul, în care coexistau asul roman și chalkul grecesc (dupondiu = 8 chalki; as = 4 chalki; quadrans = chalk).

Л. В. Носова

Тира середины I в. н. э.: политическая история по данным нумизматики

Медные монеты Тиры с портретом императора и легендой KAICAPOC CEBACTOY известны с XIX века. Ранее предполагалось, что монеты были чеканены в одном номинале. Новые находки позволяют говорить, по меньшей мере, о трех номиналах. Исследователи признают анонимную медь первой тирской эмиссией провинциального типа периода раннего принципата; более конкретная атрибуция монет остается неоднозначной (Август, Клавдий, Веспасиан). Автор считает, что медь Тиры с портретом императора датируется временем Нерона. Пребывание в городе римских солдат обусловило усвоение рынком Тиры *aes* Рима. Первое появление римлян было следствием боспорской войны середины 40-х годов и/или аннексии Фракии. В период Нерона военный контингент империи также дислоцировался в Тире. При Нероне — около 57 года — произошло событие, положившее начало новому этапу во взаимоотношениях Тиры и Рима и новому летоисчислению, что было отмечено «сенатской» эмиссией (монеты с легендой IERAC CYNKΛHTOY). Одновременно с «сенатскими» монетами или немногим позже Тира выпустила медь с легендой KAICAPOC CEBACTOY. Монеты были чеканены, вероятно, по монетной системе, в которой сосуществовали римский асс и греческий халк (дупондий=8 халков; асс=4 халка; квадранс=халк).

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© Л. В. Носова, 2014.

Медная эмиссия Тиры с портретом императора и легендой KAICAPOC CEBACTOY на аверсе и этниконом и изображением орла на реверсе известна с XIX в. (Бурачков 1884: 93, № 78, табл. XII: 79). Грубые по исполнению монеты одно время даже считались подделкой. Вопрос об их подлинности был снят в 1940 г., когда экземпляр такой меди впервые был обнаружен в ходе археологических раскопок в Тире (Зограф 1957: 13, прим. 27, 31—32; 2002: 222—223). Впоследствии аналогичные находки на памятнике фиксировались неоднократно. Сейчас уже никто из нумизматов не разделяет точку зрения о выпуске монет *in question* в правление Александра Севера (Бурачков 1884: 93, № 78, табл. XII: 79; Юргевич 1889: 12, № 110—112, табл. 2: 110). Специалисты единодушно определяют медь с легендой KAICAPOC CEBACTOY как первую тирскую эмиссию провинциального типа, выпуск которой имел место в период раннего принципата, в I в. н. э. Однако вся прочая атрибуция монет по сегодняшний день остается неоднозначной (Minns 1913: 664; Зограф 1951: 114; Карышковский, Клейман 1985: 88; Анохин 1989: 98; Сон 1993: 30; Bârca 1999: 375; Фролова 2006: 43—44; Burnett et al. 2006: 42—43).

В вышедшем в 1985 г. монографическом исследовании истории Тиры П. О. Карышковский высказал предположение, что анонимные монеты с изображением императора были чеканены в одном номинале (Карышковский, Клейман 1985: 89, сноска). Уже тогда гипотезе противоречило значительное колебание веса и размеров известных экземпляров. Увереннее о выпуске нескольких номиналов позволили говорить монеты рассматриваемого типа с буквенными дифферентами.

В 1988 г. в Тире была обнаружена самая крупная монета с легендой KAICAPOC CEBACTOY (D = 32,9 мм; вес 20,5 г). На реверсе, справа от орла, имелась вырезанная в основном штемпеле греческая «Н», обозначавшая, судя по всему, номинал «8». После длительного перерыва возобновив в I в. н. э. собственную чеканку, Тира, как и ряд центров восточных провинций империи, использовала, вероятно, монетную систему, в которой сосуществовали римский асс и греческий халк (Носова 2005: 32, прим. редактора). По этой системе 1 халк = 1/64 денария; так как 1 асс = 1/16 денария, то 1 асс равнялся 4 халкам, а монета с дифферентом «Н», соответственно, равнялась 8 халкам = 2 ассам = 1 дупондию[1]. Такое соотношение номиналов фактически приравнивало халк[2] к «the smallest coin» Римской империи — квадрансу (Burnett et al. 1998: 36): 1 дупондий = 2 асса = 4 семиса = 8 квадрансов.

В 2000-е годы при раскопках Тирского городища были обнаружены еще два экземпляра анонимной меди с буквенным дифферентом («Δ» и «Δ» или «А»). Литера «Δ» четко определяется на реверсе одной монеты (вес после чистки 9,41 г, диаметр 25,1 мм, ОАМ, инв. № 54705) и, судя по всему, обозначает номинал 4 халка (квадранса?) = 1 асс (Булатович, Носова 2010: 158, № 25). Учитывая наличие дупондия (экземпляр с «Н») весом 20,5 г, вероятнее всего, что и на второй монете (вес 13,97 г, диаметр 26,4 мм, ОАМ, инв. № 55191) помещена «**Δ**» (4), а не «**А**» (1). Но и выпуск более мелкого номинала также вероятен: среди новых находок зафиксирована монета без дифферента, весом 4,70 г (2 халка, или квадранса?), диаметром 21 мм (ОАМ, инв. № 55369), которую предварительно можно обозначить как семис.

Для определения номинала показательным является не только вес монет, но и диаметр монетного кружка. Тирская медь с «Н» на реверсе — дупондий (?) — имеет диаметр 30—33 мм (табл. 1, № 1, 2). Дупондиями, вероятно, были и монеты без дифферента, но с близкими размерно-весовыми данными (табл. 1, № 3, 4). Более мелкие номиналы, — асс (дифферент «Δ») и, предположительно, семис («В»?), — имеют диаметр монетного кружка 24—27,5 мм (табл. 1, № 6—14) и 21 мм (табл. 1, № 15) соответственно.

Предложенное деление на номиналы хранящейся в музейных коллекциях тирской анонимной меди, конечно же, достаточно условно. Как видно из таблицы, вес и диаметр монет не всегда находятся в прямо пропорциональной зависимости. В ГИМе хранятся экземпляры с противоположным соотношением параметров: ГИМ 15019 — при весе 18,01 г имеет диаметр 27 мм (табл. 1, № 4), и наоборот, ГИМ 15020 — при диаметре 31 мм име-

[1] Аналогичная практика применялась, в частности, в монетном деле городов Сирии (Burnett et al. 1998: 35—36). Так, в сирийской Антиохии чеканился халк (Burnett et al. 1998: 629, № 4302), вес которого (около 2,5 г) близок весу предполагаемого «тирского» халка. Основными номиналами в Антиохии (как и в Тире?) были, по-видимому, дупондий и асс (Burnett et al. 1998: 588).

[2] Как писал А. Н. Зограф, халк — «единственная ощутимая единица медной монеты в древнегреческом монетном деле». Однако опознать эту единицу и ее производные с уверенностью можно «лишь в исключительных случаях, когда монеты снабжены соответствующими обозначениями» (Зограф 1951: 47—48). Ответить на вопрос, как менялся вес этой единицы в зависимости от географии и времени, пока не представляется возможным.

Таблица 1.

Размерно-весовые данные анонимных монет из Тиры середины I в. н.э.

№ п/п	Место хранения	Диаметр, мм	Вес, г	Букв. дифферент	Литература
1	ОАМ 54307	32,9	20,5	H	Носова 2005: 31. Рис. 1, 2.
2	Париж 967	31	16,92	H	Фролова 2006: 53, № 3, табл. X: 4.
3	ОАМ 53698	28	8,07 1/2 утрачена		Карышковский, Коциевский 1979: 93, № 24.
4	ГИМ 15019	27	18,01		Фролова 2006: 53, № 1, табл. X: 2. Рис. 1: 1.
5	ГИМ 15020	31	10,47		Фролова 2006: 53, № 2, табл. X: 3.
6	ОАМ 55190	27,5	10,51 1/3 обломана		Не опубликована.
7	Париж 965	25	14,04		Фролова 2006: 53, № 6, табл. X: 7.
8	ОАМ 53323	24,3	13,39		Карышковский, Коциевский 1979: 93, № 22.
9	ОАМ 55191	26,4	13,97	Δ (?)	Не опубликована.
10	ОАМ 53789	24,5	10,90		Булатович 1989: 86, № 32.
11	Париж 966	24,5	10,34		Фролова 2006: 53, № 4, табл.X: 5.
12	ОАМ 54705	25,1	9,42	Δ	Булатович, Носова 2010: № 25
13	ОАМ 53644	25	8,07		Карышковский, Коциевский 1979: 93, № 23.
14	ОАМ 54842	25,2	6,02		Булатович, Носова 2010: № 24.
15	ОАМ 55369	21	4,70		Не опубликована.

ет вес 10,47 г (табл. 1, № 5). Колебание веса при приблизительно равном диаметре объясняется как различной степенью изношенности находок, так и тем, что при чеканке, возможно, не придерживались строго весового стандарта. Так что предполагаемый «семис» (B) на самом деле мог быть «квадрансом» (A). Кроме того, монеты меньшего, чем у дупондия, диаметра, но явно большего, чем у асса, веса могли представлять собой «промежуточный» номинал в 1,5 асса (6 халков). Не исключено, что Тира выпускала номинал 1,5 халка (табл. 1, № 15).

Таким образом, на данном этапе исследования речь идет об эмиссиях Тирой около середины I в. н. э. медных монет, по меньшей мере, трех номиналов: 1 дупондий = 8 халков и 1 асс = 4 халка; гипотетически — 1 семис = 2 халка.

На протяжении многих лет нумизматический материал остается едва ли не единственным источником для воссоздания истории Тиры в I веке н. э. Поэтому не удивительно, что с момента обнаружения по сегодняшний день медь с портретом императора и легендой KAICAPOC CEBACTOY привлекает внимание исследователей. На вопрос, — когда были чеканены эти монеты, — разные ученые отвечали по-разному.

Одни датируют монеты с орлом периодом правления Августа. Эта интерпретация, предложенная Минзом в начале XX века, была поддержана А. Н. Зографом (Minns 1913: 664; Зограф 1951: 114; Фролова 2006: 41, 52—53).

П. О. Карышковский относил монеты с надписью KAICAPOC CEBACTOY к эпохе первых Флавиев (Карышковский, Коциевский 1979: 92), конкретнее, — к правлению, как еще в XIX в. полагал А. Гримм, Веспасиана (Карышковский, Клейман 1985: 88). К мнению одесского ученого присоединились В. А. Анохин (1989: 98) и исследовательница Тиры Н. А. Сон (1993: 30).

В вышедшей не так давно статье В. Бырка привел аргументы для доказательства датировки анонимных монет Тиры временем Клавдия (Bârca 1999: 369—382).

Последняя работа, в которой упоминается тирская медь, — «Roman Provincial Coins». В Supplement II к первому тому авторы издания изложили три[3] существующие интерпретации, указав, что «an attribution to Augustus seems more likely» (Burnett et al. 2006: 42—43). Такая атрибуция логично[4] вытекает из легенды аверса (Карышковский, Коциевский 1979:

[3] Мнение о датировке монет временем правления Александра Севера не учитывается, как несостоятельное.

[4] Если рассматривать KAICAPOC CEBACTOY не как часть титулатуры, а как имя императора.

Рис. 1. 1, 2 — портрет римского императора на анонимных монетах Тиры; 3—8 — римские монеты с портретами императоров: 3 — Августа; 4, 5 — Клавдия; 6, 7 — Нерона; 8, 9 — Веспасиана (1 — по Фролова 2006: табл. X: 2; 2 — по Носова 2005: 31; 3—7 — по Sutherland 1984: pl. 10: 547b; 16: 99; 21: 439; 8 — по Mattingly, Sydenham 1986).

Fig. 1. 1, 2 — portrait of a Roman emperor on anonymous coins of Tyras; 3—8 — portraits of Roman emperors on Roman coins: 3 — Augustus; 4, 5 — Claudius; 6, 7 — Nero; 8, 9 — Vespasianus (1 — after Фролова 2006: табл. X: 2; 2 — after Носова 2005: 31; 3—7 — after Sutherland 1984: pl. 10: 547b; 16: 99; 21: 439; 8, 9 — after Mattingly, Sydenham 1986).

92) и подтверждается провинциальными монетами Августа (Burnett et al. 1998: 306, № 1629—1630; 429, №2556; 565, № 3724, 3727; 590, № 4004; 680, № 4938, etc.).

Нужно заметить, что все три трактовки — это всего лишь версии, каждая из которых имеет свои «pro» и «contra». Учитывая приведенные выше новые данные по монетам с легендой KAICAPOC CEBACTOY, попытаюсь, насколько можно убедительней, обосновать свою версию: выпуск анонимной тирской меди был осуществлен в годы правления Нерона (рис. 1).

В первой половине — середине I века в Тире имели хождение: монеты фракийских царей Реметалка I и Реметалка II; чеканенные в Риме сестерции и ассы; монеты Ольвии и Боспорского царства первой половины — середины I века. Кроме того, отмечены тирские выпуски: с изображением мужской головы в венке и этниконом на аверсе и надписью IEPAC CYNKΛHTOY в венке на реверсе; а также с портретом императора и легендой KAICAPOC CEBACTOY на аверсе и этниконом и изображением орла на реверсе.

Монеты последних царей Фракии

Ранее всех в Нижнем Поднестровье, по-видимому, появились монеты Фракии. Фракийские выпуски, судя по нумизматическому материалу из Тиры, были в обращении еще с конца I в. до н. э. (со времени Реметалка I). Поначалу монеты последних одрисских царей, вероятно, принималась жителями города в качестве платежного средства стихийно (Карышковский, Клейман 1985: 89).

Из-за плохой сохранности металла иногда невозможно точно определить, в период правления какого именно Реметалка чеканена та или иная монета. Среди находок нередки экземпляры с надчеканками, часть которых, — монограммы имени POIMHTAΛKOY в лигатуре, — хорошо известны на территории Фракии (Paunov 2010). Возможно, во Фракии или в одном из западнопонтийских греческих городов было наложено еще одно, неоднократно отмеченное на фракийских монетах из Тиры клеймо — буквы «AP» в лигатуре (Алексеев 2008: 86). На происходящей из Тиры меди сапейской династии зарегистрирована также местная контрамарка — «TYP» в прямоугольном клейме (Фролова 2006: 43). Особо следует отметить (см. ниже) очень изношенные экземпляры фракийской меди с круглой надчеканкой «мужская голова в повязке, вправо» (рис. 2).

Значительное количество находок фракийских монет на памятнике исследователи расценивают как доказательство не только экономических, но и тесных политических связей между Тирой и Фракией (Карышковский, Клейман 1985: 86—87; Диамант 1982: 116), и даже как подтверждение существования протектората фракийских правителей над городом в I в. н. э. (Сапрыкин 1997: 52—53).

Медные монеты Римской империи

Римские монеты в Северо-Западном Причерноморье не являются чем-то уникальным. Но эмиссии I в.[5] всегда вызывают интерес, тем более, если это редкая для регио-

[5] Так называемый безмонетный период для Днестро-Пруто-Дунайского междуречья (Нудельман 1985: 46, 57).

Рис. 2. Медная монета первой половины I в. н. э. из Тиры (коллекция ОАМ, инв. № 55079).

Fig. 2. Copper coin of the first half of the Ist century AD from Tyras (collection of Odessa Archaeological Museum, no. 55079).

на медь первой половины столетия. Город Тира — единственный пункт, где при раскопках крупная медь Юлиев-Клавдиев попадается регулярно. Среди находок большинство составляют сестерции и ассы Клавдия. По-видимому, в правление именно этого императора его монеты, а также монеты его предшественников вошли в денежное обращение Тиры.

Долгое время в слоях Тиры встречалась лишь очень изношенная римская медь с контрмарками: наиболее типичная — тирская надчеканка («TYP» в прямоугольном клейме); единичная — латинский штемпель «QVA» на сестерции времени Клавдия с изображением Агриппины Старшей (Коциевский 1982: 121—122, № 6). «DP» в прямоугольном клейме и энглиф «A» отмечены только на сестерциях Тиберия и Клавдия (Зограф 1957: 121, № 125; Карышковский, Коциевский 1979: 96, № 86).

Присутствие городского клейма практически на всей меди первых принцепсов дало повод говорить о том, что в Тире «*вдруг* оказалось… значительное количество римских медных монет, позволившее насытить ими местный денежный рынок, предварительно снабдив их, видимо, не без позволения Рима, своими надчеканками» (Анохин 1989: 97). Предположение о единовременном (одноразовом?)[6] поступлении римской меди в Тиру в качестве экономической помощи империи городу представляется маловероятным.

Дело в том, что до 80-х гг. прошлого столетия среди клейменых монет Клавдия из Тиры, надписи на которых удалось восстановить, были только экземпляры без букв «PP» в легенде. Как полагает большинство специалистов, такие выпуски восходят к самому началу правления Клавдия (к первой половине 40-х гг.)[7]. Согласно сторонникам этой даты, титул «Pater Patriae» (принят императором в январе 42 г.) появился на меди лишь в начале 50-х гг., когда после перерыва римский монетный двор возобновил выпуск *aes* (Карышковский, Клейман 1985: 89).

Кроме того, ученым была известна найденная в Тире посмертная тетрадрахма Лисимаха, чеканенная в Византии (Карышковский, Клейман 1985: 87, рис. 29: 4). Помимо клейма «TYP», на тетрадрахме стояла и более, по всей видимости, ранняя контрамарка «CL. CAES», которая налагалась после аннексии Римом Фракии на монеты, продолжавшие хождение на территории бывшего одрисского государства (Mattingly 1965: XXVIII; Burnett et al. 1998: 311, 321—322, № 1782). Собственно, монета Византия и позволила обозначить 46 г. как *terminus post quem* властями Тиры осуществлялось клеймение римских монет (Карышковский, Клейман 1985: 89).

Среди нумизматического материала, собранного на городище за последние три десятилетия, наряду с надчеканенной потертой медью империи, зарегистрированы и неклейменые, относительно малоизношенные ассы Клавдия[8] как без титула *Pater Patriae*, так

[6] Также единовременно, но немногим ранее, по мнению В. А. Анохина, в город поступила и фракийская медь. Исследователь связывает это событие с успешным завершением боспорской кампании и с новоназначенным легатом Мезии А. Дидием Галлом, который мог предоставить Тире субсидию монетами упраздненного Фракийского царства (Анохин 1989: 97).

[7] В Тире и других пунктах находят монеты Клавдия определенных типов. Их специфика заключается в том, что монеты каждого типа делятся на две серии, единственным различием между которыми являются буквы PP в легенде аверса. Эта аббревиатура отсутствует на первой серии, но присутствуют на монетах второй. Теоретически, датирование обеих групп меди не должно представлять особых трудностей, так как известно, что Клавдий принял титул «Pater Patriae» в январе 42 г. После этого император правил еще 12 лет, и, по логике вещей, количественно должны были бы преобладать медные выпуски с «PP» в титулатуре. Но, судя по нумизматическим находкам, дело обстоит с точностью наоборот. Медь с буквами «PP» на лицевой стороне доминирует только в самой Италии. Медные монеты Клавдия, происходящие из других регионов империи, в подавляющем большинстве не имеют в легенде звания «Отец Отечества». Существуют разные точки зрения на причины этого явления (библиографию вопроса см., например: Kemmers 2006: 90). В общем, «the date of issue of the specific types is a matter of discussion» (Kemmers 2006: 90). Догадки и наблюдения касаются, в основном, северо-западной части Римской империи. Останавливаюсь на этом вопросе, потому что датировка *aes* Клавдия играет немаловажную роль в попытках моделировать историческую ситуацию, сложившуюся в середине I в. в Нижнем Поднестровье.

[8] Также Августа и Тиберия.

и с ним. Похоже, что монеты разных годов выпуска поступали в Тиру если не регулярно, то, по крайней мере, неоднократно. Возможно, наложение городского клейма производилось администрацией города на протяжении какого-то периода, а поначалу (и позже?) римская медь, как ранее фракийская, принималась жителями города в качестве платежного средства стихийно и вообще не клеймилась.

Сам тезис о предоставлении имперскими властями субсидии городу для обеспечения нужд местного рынка (Анохин 1989: 97—98) спорен. В низовьях Днестра пока неизвестны археологические памятники-поселения, которые бы надежно датировались первой половиной — серединой I в. (Гудкова 1997: 28; Сон 1997: 282—286). Оседлая жизнь региона в I в. н. э. сосредотачивалась в Тире[9]. Территория располагавшегося на противоположном берегу Никония после длительного периода запустения повторно была обжита не ранее рубежа I—II вв. н. э. (Бруяко, Дзиговский, Секерская 2008: 178—180). Но и тогда, и позже в качестве торгового партнера (по крайней мере, такого, расчет с которым осуществлялся бы не путем натурального обмена, а по схеме «товар — деньги — товар») левобережный населенный пункт, судя по всему, не представлял для Тиры большого интереса (Бруяко, Дзиговский, Секерская 2008: 72).

Несколькими экземплярами в Тире представлена чеканка I в. Боспора[10] и Ольвии. Однако в торговле с этими гипотетическими контрагентами сестерции и ассы Юлиев-Клавдиев вряд ли участвовали [11] — находки медных монет первых императоров единичны не только в Поднестровье, но и во всем Северном Причерноморье.

Сестерции и ассы римского монетного двора предназначались, в первую очередь, для нужд самого Рима и Италии (Mattingly 1965: XXII—XXIII). В денежном обращении городов восточных провинций[12], хотя их чеканка и была привязана к римской монетной системе, крупная медь Рима не использовалась. Тира же в середине I в., по общепринятому мнению, вообще не входила в состав империи. Каким же образом около середины I в. н. э. попадали в нижнеднестровский город крупные римские номиналы меди, и в какой ситуации они могли быть усвоены местным рынком?

Медные эмиссии Клавдия (те же, что и в Тире, номиналы и типы[13]) и их имитации в значительном количестве фиксируются на памятниках римской эпохи в западной части империи. Сестерции и особенно ассы Клавдия хорошо представлены в ряде пунктов Пиренейского полуострова, а также на территории Британии, Галлии, Паннонии, Мезии (Gurt Esparraguera 1975: 109—110). Что касается городов Испании, по мнению специалистов, изобилие ассов (и их имитаций) указывает на то, что эта медь предназначалась для нужд обычного денежного обращения: местные монетные дворы были закрыты Калигулой, и на рынке ощущался недостаток разменной монеты (Mattingly 1965: XXII—XXIII; Blazquez Cerrato 2004: 326—327). Но в определенные зоны упомянутых регионов крупная медь поступала, прежде всего, как жалованье для действующих там войск империи (Gurt Esparraguera 1975: 109—110, 116).

Анализ нумизматического материала из мест дислокации римских гарнизонов на рейнской и дунайской границах показал, что на территории военных лагерей периода раннего принципата подавляющее большинство находок[14] приходится на римскую медь, преимущественно на ассы (Kemmers 2006: 90—91, 252; Kunisz 1996: 72). Если на Рейне значительная доля меди — продукция ближе расположенного двора Лугдунума, то на Дунае — «almost all bronze coins represent the senatorial coinage of Rome» (Kunisz 1996: 68). Главным фактором, определившим распространение монет Юлиев-Клавдиев в Нижнем Подунавье, было движение и развертывание римских войск.

И в случае Тиры довольно раннее (поначалу, возможно, лишь периодическое) пре-

[9] Даже на ближайшем к Тире поселении Молога-1, начало жизнедеятельности которого исследователь памятника А. Е. Малюкевич относит к середине I в. н. э., не найдено ни одной монеты этого столетия.

[10] На одном есть тирская надчеканка (Фролова 2006: 48, 130, табл. X: 1).

[11] А. Н. Зограф упоминает экземпляр меди Тиберия (Зогаф 1930: 13, № 2) и один асс Клавдия с клеймом «TYP» (Зограф 1940: 215) как происходящие из Ольвии, но указывает, что обе монеты были куплены в Парутино. Найден также сестерций Нерона. В целом, до начала II в. проникновение римских монет в Ольвию носило случайный характер (Карышковский 1965: 74). Ситуация изменилась со времени Антонинов, то есть с появлением в Ольвии римских войск (Карышковский 1988: 118).

[12] Там, как правило, была налажена чеканка собственной провинциальной и городской монеты; кроме того, местная медь по весовым нормам отставала, порой значительно, от крупных номиналов римской меди.

[13] Типы *Minerva*, *Ceres*, *Libertas*, *Constantiae*, *Spes* (Gurt Esparraguera 1975: 110).

[14] Без учета кладов, так как тезаврировали обычно золотые и серебряные монеты.

бывание в городе римских солдат обусловило усвоение местным рынком монет империи. Первый небольшой контингент какое-то время мог находиться в городе в правление Клавдия, после аннексии территории бывшего царства Одрисов и образования провинции Фракия, то есть сразу после 46 г. Во-первых, оккупация римлянами придунайских областей поставила перед Римом проблему создания и укрепления в Нижнем Подунавье имперской границы, защита которой ранее возлагалась на фракийских царей. Во-вторых, стремление империи упрочить свои позиции в городах Северо-Западного Причерноморья могло быть следствием римско-боспорской войны середины 40-х гг. Рим мог ввести в Тиру воинские подразделения из опасения, что в городах Северо-Западного Причерноморья у мятежного Митридата VIII могут найтись сторонники, или же, что более вероятно, используя город как промежуточный опорный пункт при подготовке и проведении похода Дидия Галла. Для переброски сухопутных войск на Боспор свои суда Риму предоставили греческие города, в частности, Византий (Tac. Ann., XII, 63; Горончаровский 2002: 203; Сарновски 2006: 128)[15]. Не таким ли образом редкая не только для Поднестровья лисимаховская тетрадрахма, чеканенная в Византии, попала в Тиру? Надчеканка «TYP» была наложена на монеты империи как гарантия их законности в пределах города, вероятнее всего, в конце правления Клавдия (Карышковский, Клейман 1985: 89).

Косвенным свидетельством «транзитного» пребывания римлян в Поднестровье уже в первой половине — середине I в. является уникальная для региона находка в окрестностях Тирасполя (то есть вблизи древних переправ) монеты Калигулы (Муссуров, Носова 2002: 269, 273). Эта вторая обнаруженная в Днестро-Пруто-Дунайском треугольнике медная монета Калигулы, в отличие от первой, по-видимому, чеканенной в Риме (Нудельман 1976: 60, № 25), относится к выпускам 37—38 гг. Сегобриги (Тарраконская Испания). В литературе неоднократно отмечалось, что монеты Римской империи, найденные очень далеко от места их чеканки, не попадали (возможно, лишь за редким исключением) в район обнаружения путем обычного торгового обмена. Наиболее вероятное объяснение таких «экзотических» находок — проникновение их в регион с римскими легионерами, переведенными из соответствующих «экзотических» провинций империи (Kunisz 1996: 72). Удовлетворительная для медных эмиссий времени Августа — Клавдия сохранность указывает на непродолжительность обращения монеты из Испании. Похоже, что вскоре после выпуска асс оказался в Поднестровье, вероятнее всего, при Клавдии или Нероне.

В правление Нерона какой-то военный контингент империи также мог дислоцироваться в Тире. Со времени Клавдия[16], после основания провинции Фракия, или самое позднее — в начале царствования Нерона был создан Мезийский флот. До эпохи Флавиев именно на него возлагалась задача безопасности дунайской границы на участке Нове — устье Дуная[17]. Если военная экспедиция Плавтия Сильвана в Таврику около 63 г. имела место, то для переброски в Крым войск могли использоваться, как считает Т. Сарновский, только корабли Мезийского флота (Сарновски 2006: 128). В этой военной кампании могла быть задействована и Тира.

На сестерциях Клавдия из рейнского региона и Мезии нередко встречаются контрмарки «DVP» и «DV» соответственно (рис. 3: 1—3). Надчеканка монет для дальнейшего их использования проводилась, очевидно, централизовано военной администрацией базировавшихся в провинциях легионов и меньших вспомогательных подразделений римской армии; в Мезии, возможно, — в главных лагерях в Рациарии и Эскусе (Martini, Paunov 2004: 162—163). Согласно Р. Мартини и Е. Паунову, клеймение широко осуществлялось при Клавдии и в первые годы правления Нерона, в период между 45/46 и 55/60 гг. (Martini, Paunov 2004: 170). Учитывая, что при Нероне (54—64 гг.) медь начали выпускать лишь в 60-е годы, вероятнее, что клейма «DVP» и «DV», приравнивавшие сестерций

[15] Так что, если субсидия Рима Тире имела место, то, похоже, в форме финансовой помощи военным союзникам.

[16] Или даже со времени Августа (Златковская 1951: 52).

[17] Здесь уместно упомянуть ещё один памятник, где медь Юлиев-Клавдиев встречена неоднократно, — городище Орловка, расположенное у древней переправы на левом берегу Дуная (Бондарь, Булатович 2001—2003: 152). Сходство ассортимента (те же номиналы и даже типы) римских монет в Орловке и Тире может быть расценено как косвенное свидетельство синхронного поступления эмиссий Рима в оба пункта. В обоих случаях монеты не выходили за пределы городищ. Столь буквальное совпадение характеристик нумизматического материала вряд ли случайно. Вероятно, появление на «Каменной горе» первого римского лагеря (позднее кастель в дунайской линии обороны границ империи) относится, как считала исследовательница памятника Р. Д. Бондарь, к середине — второй половине I в. н. э. (Бондарь 1996: 11).

Рис. 3. Сестерции Клавдия с надчеканками: 1, 2 — из Паннонско-Мёзийского региона; 3 — из Рейнского региона; 4 — из Тиры (1—3 — по http://www.romancoins.info/countermark-Richard-Baker.html; 4 — по Фролова 2006: табл. IX: 4).

Fig. 3. Claudius' sestertii with countermarks: 1, 2 — aes found in Pannonia/Moesia region; 3 — one found in the Rhine region; 4 — sestertius found in Tyras. (1—3 — after http://www.romancoins.info/countermark-Richard-Baker.html; 4 — after Фролова 2006: табл. IX: 4).

к дупондию, появились на монетах Клавдия в правление его преемника.

Контрмарка «DP» (ретроградно), стоящая на потертых сестерциях с городским штемпелем «TYP» из Тиры (рис. 3: 4), принадлежат, очевидно, к той же серии, что и клейма рейнского и дунайского лимесов. Среди доступных мне опубликованных монет точно такой же, как тирская, надчеканки я не обнаружила. Возможно, контрмарка «DP» была наложена в самой Тире синхронно [18] аналогичному клеймению монет в соседней Мезии и также представителями римской военной администрации, что предполагает её наличие в Тире в начальный период правления Нерона.

Медные выпуски Тиры

К началу правления Нерона, к «золотому пятилетию», восходит и чеканка Тирой первых после длительного перерыва собственных денег — меди с легендой IERAC CYNKΛHTOY. Это были годы, когда под влиянием Сенеки и Бурра юный император усилил роль сената, что сказалось и на монетном деле — на большинстве выпущенных в империи монет из золота и серебра ставили буквы «EX SC» (Sutherland 1984: 135). В этот отрезок времени — около 57 года — произошло какое-то событие, которое ознаменовало новый этап во взаимоотношениях Тиры и империи и, изменив, возможно, статус города, положило начало новому летоисчислению. По-видимому, важную роль в переменах сыграл римский сенат, что и было отмечено эмиссией с изображением юношеской головы как персонификации не́когда высшего органа государственной власти Рима (Коциевский 1982: 120; Карышковский, Клейман 1985: 89).

Одновременно «сенатским» монетам (что вполне вероятно, учитывая единичность [19] находки и явную парадность эмиссии) или немногим позже, в правление Нерона Тира выпустила медь с легендой KAICAPOC CEBACTOY. Город входил в сферу непосредственных интересов империи, что, наряду с использованием на внутреннем рынке Тиры римских эмиссий, обусловило чеканку монет провинциального типа по римской весовой системе (дупондий — асс — семис). Хотя, быть может, анонимная медь провинциального типа — реакция города на изменение политики принцепса и относится ко второй половине правления Нерона. Частичный возврат

[18] Энглиф «А», приравнивавший монету к ассу (?), должно быть, более поздняя надчеканка.

[19] Опубликовавший монету А. С. Коциевский (1982: 120) датировал её последними годами правления Тиберия или первыми — Клавдия. Н. А. Сон, принимая датировку П. О. Карышковского, отрицает интерпретацию изображения на реверсе как персонификацию римского сената, усматривая в представленной на монете мужской голове сходство с Нероном (Сон 1993: 21—22). В. А. Анохин, датируя монету временем Клавдия, видит в изображении на реверсе Аполлона (1989: 97, 117, № 477). Последняя трактовка, казалось бы, подтверждается публикациями ранее неизвестных монет (кстати, так же, как и первый экземпляр — из приватных коллекций) с той же легендой IEPAC CYNKΛHTOY, но несколько иного типа (Алексеев, Лобода 2010: 136, рис. 2: 3—4). В частности, перед изображением юношеской головы с длинными волосами, в венке, имеется дополнительная деталь — лук. «Говорящие» дифференты, естественно, послужили стимулом для поиска новых толкований изображения, например, как Августа в образе Аполлона Стрельца (Алексеев 2012: 115—118). Такая лежащая на поверхности интерпретация выглядит заманчивой и при датировке квазиавтономных монет временем Нерона: в провинциях императоров обожествляли при жизни, а Нерона сравнивали именно с Аполлоном (правда, обычно Нерона, как и Августа, сопоставляли с Кифаредом). Но еще раз подчеркну: ни один экземпляр меди этого типа не найден при археологических раскопках. Редкость монеты с легендой IERAC CYNKΛHTOY и примитивизм изображений на ней стимулируют, кроме нумизматов, также и изготовителей подделок. Подлинность многих якобы тирских монет, пополняющих последние десятилетия коллекции частных лиц, вызывает серьёзные сомнения.

к старым республиканским традициям длился недолго. Уже в 59 г. к префектам, назначавшимся императором, переходит контроль над государственной казной. В 64 г. Нерон вернулся к системе Клавдия: с золота и серебра исчезает знак «EX S.C.», постепенно император монополизирует право выпуска денег, даже в столице права сената на эмиссии меди были фактически номинальными (Mattingly 1965: clxx—clxxi).

С «сенатской» эмиссией Тиры обычно коррелируют появление еще одной тирской контрамарки — «овальный штемпель с изображением обращенной вправо мужской безбородой головы в венке, скрепленном лентой, концы которой свисают вдоль шеи» (Карышковский, Клейман 1985: 86—88). Полагают, что в обоих случаях (и на монете, и в клейме) изображение юношеской головы являлось олицетворением римского сената[20]. Имеющие эту контрмарку монеты, как правило, очень изношенные, иногда практически стертые (рис. 2: 2). Среди поддающихся определению находок с таким штемпелем известна одна тирская монета I в. до н.э. и медь Реметалка II. На меньших по размерам монетах стоит одно, на более крупных — два клейма[21]. Имевшие давнее хождение в городе монеты фракийских царей, очевидно, не нуждались в надчеканке, пока Тира, по крайней мере *de jure*, была автономной. Изменение статуса города (отмечено введением новой эры и выпуском монеты с упоминанием «священного сената»?) повлекло за собой меры по упорядочиванию денежного обращения. Наложение клейма (от имени сената?) гарантировало законность обращения монет уже несуществующего государства. Этого не требовалось циркулировавшим в Тире медным монетам Рима — их выпуск традиционно осуществлялся с разрешения сената (SC — Senatus Consultum).

* * *

Высказывалось предположение, что «Тира, следуя после гетского разгрома в фарватере римской политики, оказалась поначалу в союзе с фракийскими царями… После превращения Фракии в римскую провинцию и создания самостоятельной провинции Мезия Тира была поставлена в аналогичное положение, но уже в союзе с царем аорсов Фарзоем, римским клиентным правителем. Однако во всех этих случаях сам Рим и с его подсказки вассальные цари фракийцев и сармат признавали за Тирой ее собственные органы управления и государственное устройство» (Сапрыкин 1997: 55). Для подтверждения первой части гипотезы (симмахия Тиры и Фракии) вполне правомерно привлекаются как одно из основных доказательств нумизматические материалы. Что касается второй части, — протекторат Фарзоя над Тирой, — данные нумизматики, скорее, ее опровергают. Рим, по-видимому, рано начал использовать Тиру под военную базу. В этом качестве город и мог «опекать» союзный империи Фарзой.

Большинство исследователей считает, что после организации в 46 г. провинции Фракия Добруджа и прилегающие к Дунаю населенные фракийцами земли отошли к созданной ранее Мезии (Златковская 1951: 51; Карышковский, Клейман 1985: 84 и др.). Граница между Мезией и Фракией в различные периоды — вопрос сложный и по сей

[20] На данном этапе принять такую трактовку можно лишь отчасти. Почти все опубликованные монеты с надчеканками «мужская безбородая голова вправо» находятся в частных коллекциях; два экземпляра меди с клеймами, переданные в ОАМ сотрудниками Белгород-Тирской экспедиции, — подъемный материал. Упоминавшаяся в литературе более ранняя, почти стертая монета Тиры, имеющая такую же контрмарку и послужившая доказательством тирского происхождения клеймения (Карышковский, Клейман 1985: 86), до сих пор известна в единственном числе. В вышедшем недавно «Сводном каталоге монет города Тиры» одесского коллекционера Г.И. Макандарова на зарисовках монет из Тиры представлены как довольно искусные, так и «варварские» по исполнению клейма с изображением мужских голов в повязках (фракийские цари?) и венках (императоры?) (Сводный каталог 2007: 43—51). Судя по этим иллюстрациям, речь может идти о совершенно разных штемпелях. Необходимо сравнение надчеканок из Тиры как между собой, так и с похожими контрмарками на монетах из других регионов, например, из Болгарии. Гипотетически подобные контрамарки могли принадлежать фракийским царям (см., например: Paunov 2010) или/и римским императорам, которые ставили свое клеймо на монеты предшественников. Овальное или квадратное клеймо с изображение «мужской головы в лавровом венке, вправо» — одна из самых распространенных римских надчеканок (Baker 2004).

[21] Насколько я могу судить, монеты с такими контрмарками имеют небольшой вес. Из-за очевидной зависимости количества наложенных клейм от величины монеты напрашивается сопоставление числа надчеканок с числом денежных единиц, например, тех же халков или, учитывая эпоху и вес анонимных монет с орлом, — квадрансов. Понимая примитивность предложенного решения, хотелось бы обратить внимание на любопытное совпадение. На реверсе фракийской монеты из коллекции ГИМа (№ 12363, вес 7,99 г) наложены две надчеканки «мужская голова в царской повязке», а на аверсе, кроме AP и «колоса», стоит клеймо «B» (2?) (Фролова 2006: 43).

день не решенный. Некоторые ученые склоняются к мнению, что мезийская часть бывшего царства Одрисов оставалась в составе провинции Фракия, по крайней мере, до правления Веспасиана (библиографию см.: Karavas 2001: 64). Учитывая прочность фракийско-тирских экономических и политических связей в предшествующий период, не исключено, что город Тира после римской аннексии Фракии перешел «по наследству» под «покровительство» (если не в вопросе военной защиты, то, по крайней мере, в вопросе финансов) администрации одноименной провинции. Возможно, этим объясняется некоторое сходство, прослеживаемое в монетном деле столицы провинции и далекой Тиры[22]. Хотя вполне вероятно, что совпадения объясняются политикой империи в целом.

Пришедший к власти в результате победы в гражданской войне Веспасиан пытался вернуть Риму его былую власть и силу и подавлял тенденции к самостоятельности. Для контроля над финансами император стремился сосредоточить чеканку денег в Риме и начал закрывать один за другим монетные дворы в провинциях. Свободы многих греческих городов в составе империи были ограничены (Suet. Vespas. 8). Поэтому выпуск монет Тирой в правление Веспасиана представляется проблематичным.

Литература

Алексеев В.П. 2008. *Исследования по античной нумизматике*. Одесса: Фридман.

Алексеев В.П. 2012. О семантике изображений на монетах Тиры с надписью «ΙΕΡΑϹ ϹΥΝΚΛΗΤΟΥ». *Stratum plus* (6), 113—118.

Алексеев В.П., Лобода П.Г. 2010. Нумизматические раритеты античной Тиры в новых находках. *Stratum plus* (6), 133—140.

Анохин В.А. 1989. *Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Бондарь Р.Д. 1996. Некоторые итоги изучения городища Орловка (Картал) на Дунае. В: Станко В.Н. (отв. ред.). *Древнее Причерноморье. III чтения памяти проф. П.О. Карышковского*. Тезисы юбилейной конференции 12—14 марта 1996 г. Одесса: Астропринт, 9—11.

Бруяко И.В., Дзиговский А.Н., Секерская Н.М. 2008. *Никоний римской эпохи*. Одесса: СМИЛ.

Булатович С.А. 1989. Античные монеты из Тиры (1979—1986). В: Самойлова Т.Л. (отв. ред.). *Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья*. Сб. науч. трудов. Киев: Наукова думка, 81—88.

Булатович С.А., Носова Л.В. 2010. Монетные находки в Тире (1996—2001 гг.). В: Крыжицкий С.Д. (отв. ред.). *Тира — Белгород — Аккерман (материалы исследований)*. Одесса: Печатный дом, 147—173.

Бурачков П. 1889. *Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря*. Ч.I. Одесса: Типография А. Шульце.

Горончаровский В.А. 2002. Боспор и Рим в правление Митридата VIII. В: Фролов Э.Д. (ред.). *Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире*. Сборник научных статей. Санкт-Петербург: СПбГУ, 197—206.

Гудкова А.В. 1997. Поздние скифы в низовьях Днестра. В: Яровой Е.В. (отв. ред.). *Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н.э. — IV в.н.э.)*. Материалы полевого семинара, г. Тирасполь — с. Глинное, 28—30 августа 1997 г. Тирасполь: ПГУ, 27—30.

Диамант Э.И. 1982. Две серебряные монеты фракийских царей, найденные в Тире. В: Янин В.Л. (отв. ред.). *Нумизматика античного Причерноморья*. Сборник научных статей. Киев: Наукова думка, 114—117.

Зограф А.Н. 1930. Римские монеты в Ольвии. *ИГАИМК* 6 (4), 1—15.

Зограф А.Н. 1951. *Античные монеты*. МИА 16.

Зограф А.Н. 1940. Монеты из раскопок Ольвии в 1935—1936 гг. В: *Ольвия* 1. Киев: АН УССР, 211—257.

Зограф А.Н. 1957. *Монеты Тиры*. Москва: АН СССР.

Зограф А.Н. 2002. Очерк монетных находок на территории древней Тиры. *ПИФК* XII, 222—228.

Карышковский П.О. 1965. Находки монет Римской империи в Ольвии. *НС* 2, 50—75.

Карышковский П.О. 1982. Ольвия и Рим в I в.н.э. В: Гудкова А.В. (отв. ред.). *Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье*. Сборник научных трудов. Киев: Наукова думка. 6—28.

Карышковский П.О. 1988. *Монеты Ольвии*. Киев: Наукова думка.

Карышковский П.О., Клейман И.Б. 1985. *Древний город Тира*. Киев: Наукова думка.

Карышковский П.О., Коциевский А.С. 1979. Античные монеты из раскопок Тиры. В: Карышковский П.О. (отв. ред.). *Античная Тира и средневековый Белгород*. Сборник научных трудов. Киев: Наукова думка, 88—98.

Коциевский А.С. 1982. Несколько неизданных монет Тиры из частных собраний. В: Янин В.Л. (отв. ред.). *Нумизматика античного Причерноморья*. Сборник научных статей. Киев: Наукова думка. 117—125.

Муссуров А.И., Носова Л.В. 2002. Римские монеты I—IV вв.н.э. из окрестностей Тирасполя. В: Кетрару Н.А. (отв. ред.). *Северное Причерноморье: от энеолита до античности*. Сб. науч. ст. Тирасполь: ПГУ, 269—276.

Носова Л.В. 1996. Новые нумизматические находки в Тире. В: Буйских С.Б. (отв. ред.). *Мир Ольвии (Памятник исследователю и исследование памятника)*. Материалы юбилейных чтений, посвященных 90-летию со дня рождения профессора Л.М. Славина (1906—1996). Киев: ИА НАНУ, 157—159.

Носова Л.В. 2005. Монеты Тиры середины I в.н.э. В: Молчанов А.А. (отв. ред.). *XIII Всероссийская нумизматическая конференция*, 11—15 апреля

[22] Так, например, в Перинфе на монетах начала правления Нерона с изображением молодого императора как СЕВАСТОС, а также с изображением матери Нерона Агриппины и его жены Октавии вместо Σ и Е используются С и Є (Burnett et al. 1998: 318—319).

2005 г. ТДиС Москва: Альфа-Принт, 31—32.
Нудельман А.А. 1985. *Топография кладов и находок единичных монет*. АК МССР 8. Кишинев: Штиинца.
Сарновски Т. 2006. Плавтий Сильван и «эскадра-призрак» на Черном море в I в.н.э. *ВДИ* (1), 117—131.
Сапрыкин С.Ю. 1997. Тира и фракийские цари. *Археологія* (4), 46—57.
Сводный каталог 2007: Макандаров Г.И. (сост.). 2007. *Сводный каталог монет города Тира*. Одесса: ЧП Фридман.
Сон Н.А. 1993. *Тира римского времени*. Киев: Наукова думка.
Сон Н.А. 1997. О хоре Тиры в первые века н.э. В: Охотников С.Б. (отв. ред.). *Никоний и античный мир Северного Причерноморья*. Сборник научных статей Международной археологической конференции. Одесса: Ветаком, 282—286.
Фролова Н.А. 2006. *Каталог монет античной Тиры*. Москва: РОССПЭН.
Юргевич В.Н. 1889. Монеты города Тиры, хранящиеся в музее Императорского Одесского Общества истории и древностей. *ЗООИД* 15, 1—12.
Baker R. 2004. The countermarks found on ancient Roman coins: a brief introduction. *ACTA ACCLA* (August). [Electronic resource]. URL: http://www.accla.org/actaaccla/baker2.html. Дата обращения 10.04.2012.
Bârcă V. 1999. Considération concernant les monnaies du Ier siècle ap.J.-Chr. à Tyra. *Thraco-Dacica* XX (1—2), 369—382.
Blazquez Cerrato C. 2004. La presencia de moneda en la provincia de Zamora: análisis del poblamiento a través del documento monetal. *Zephyrus* (57), 319—366. [Electronic resourse]. URL: http://gredos.usal.es/jspui/bitstream/10366/71602/1/La_presencia_de_moneda_en_la_provincia_d.pdf. Дата обращения 20.01.2014.
Burnett et al. 1998: Burnett A., Amandry M., Ripollès P.P. 1998. *Roman Provincial Coinage*. Vol. I: *From the death of Caesar to the death of Vitellius (44 BC — AD 69)*. P. I, II. First published 1992. Reprinted with corrections. London; Paris: Cambridge University Press.
Burnett et al. 2006: Burnett A., Amandry M., Ripollès P.P., Carradice I. 2006. *Roman Provincial Coinage*. Supplement 2. [Electronic resourse]. URL: www.uv.es/~ripolles/rpc_s2. Дата обращения 07.08.2012.
Gurt Esparraguera J.M. 1975. Las monedas de Claudio I, halladas en Clunia. *Pyrenae* XI, 109—125. [Electronic resource]. URL: http://www.raco.cat/index.php/Pyrenae/article/viewFile/164908/242416. Дата обращения 12.02.2013.
Karavas J. 2001. *The evolution of roman frontier defense systems and fortifications the lower Danube provinces in the first and second centuries AD*. Durham theses. Durham University. Available at Durham E-Theses Online. [Electronic resource]. URL: http://etheses.dur.ac.uk/3957. Дата обращения 8.05.2013.
Kemmers F. 2006. Coins for a legion. An analysis of the coin finds from Augustan legionary fortress and Flavian canabae legionis at Nijmegen. *SFMA* 21. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern.
Kunisz A. 1996. Money in the Military Community in the Early Empire. *Notae Numismaticae — Zapiski Numizmatyczne* (1). Kraków: Muzeum Narodowe w Krakowie; Sekcja Numizmatyczna Komisji Archeologicznej PAN, 58—72.
Martini R., Paunov E. 2004. Early Roman imperial countermarked coins from Moesia: first critical observations (typology, frequency, chronology and analysis of distribution). В: Лазаренко И. (науч. ред.). *Нумизматични и сфрагистични приноси към историята на Западното Черноморие*. Международна конференция. Варна, 12—15 септември 2001 г. Acta musei Varnaensis II. Варна: Зограф, 159—174.
Mattingly H. 1965. *Coins of Roman Empire in the British museum: Augustus to Vitellius*. Vol.I. London: Clowes & Sons (reprint).
Mattingly H., Sydenham E.A. 1986. The Roman Imperial Coinage: Vespasian to Hadrian. In: Sutherland C.H.V., Carson R.A.G. (eds.). *The Roman Imperial Coinage*. Vol. II. London: Spink & Son Limited.
Museum of Countermarks on Roman Coin. 6. Denominational Countermarks on Julio-Claudian Coins. [Electronic resource]. URL: http://www.romancoins.info/CMK-Denominational.html. Дата обращения 5.03.2013.
Paunov E.I. 2010. Roman countermark on a bronze coin of Rhoemetalces I, king of Thrace. *American Journal of Numismatics* 25, 117—123.
Sutherland C.H.V. 1984. The Roman Imperial Coinage: from 31 BC to AD 69. In: Sutherland C.H.V., Carson R.A.G. (eds.). *The Roman Imperial Coinage*. Vol.I. London: Spink & Son Limited.

References

Alekseev, V. P. 2008. *Issledovaniia po antichnoi numizmatike (Studies into Ancient Numismatics)*. Odessa: “Fridman” Publ. (in Russian).
Alekseev, V. P. 2012. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul’turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropokogy)* (6), 113—118 (in Russian).
Alekseev, V. P., Loboda, P. G. 2010. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul’turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropokogy)* (6), 133—140 (in Russian).
Anokhin, V. A. 1989. *Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor’ia (Coins of Ancient Cities in North-Western Pontic Region)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
Bondar’, R. D. 1996. In *Drevnee Prichernomor’e. III chteniia pamiati prof. P. O. Karyshkovskogo (Ancient Pontic Region. 3rd Readings in the Memory of the Professor P.O. Karyshkovsky)*. Odessa: “Astroprint” Publ., 9—11 (in Russian).
Bruiako, I. V., Dzigovskii, A. N., Sekerskaia, N. M. 2008. *Nikonii rimskoi epokhi (Nikonium of the Roman Age)*. Odessa: “SMIL” Publ. (in Russian).
Bulatovich, S. A. 1989. In *Arkheologicheskie pamiatniki stepei Podnestrov’ia i Podunav’ia (Archaeological Sites of the Steppes from the Dniester and Danube Regions)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 81—88 (in Russian).
Bulatovich, S. A., Nosova, L. V. 2010. In *Tira — Belgorod — Akkerman (materialy issledovanii) (Tyras — Belgorod — Akkerman (Materials from the Research))*. Odessa: “Pechatnyi dom” Publ., 147—173 (in Russian).
Burachkov, P. 1889. *Obshchii katalog monet, prinadlezhavshikh ellinskim koloniiam, sushchestvovavshim v drevnosti na severnom beregu Chernogo moria, v predelakh nyneshnei Iuzhnoi Rossii (The General Catalogue of the Coins of Greek Colonies from the Northern Shore of the Black Sea in the Limits of Modern Southern Russia)*. Part I. Odessa: “A. Schulze” Publ. (in Russian).
Goroncharovskii, V. A. 2002. In *Antichnoe gosudarstvo. Politicheskie otnosheniia i gosudarstvennye formy v antichnom mire (Ancient State. Political Relations and State Types in the Ancient World)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 197—206 (in Russian).
Gudkova, A. V. 1997. In *Chobruchskii arkheologicheskii kompleks i voprosy vzaimovliianiia antichnoi i varvarskikh kul’tur (IV v. do n. e. — IV v. n. e.). Materialy polevogo seminara (Ciobruci Archaeological Complex and the Problem of Interaction Between the Ancient and Barbarian Cultures (4th Century BC — 4th Century AD). Abstracts of the Field*

Seminar). Tiraspol: Transnistria State University, 27—30 (in Russian).
Diamant, E. I. 1982. In *Numizmatika antichnogo Prichernomor'ia (Numismatics of Ancient Pontic Region).* Kiev: "Naukova dumka" Publ., 114—117 (in Russian).
Zograf, A. N. 1930. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 6 (4), 1—15 (in Russian).
Zograf, A. N. 1951. *Antichnye monety (Ancient Coins).* Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Researches in Archaeology) 16 (in Russian).
Zograf, A. N. 1940. In *Ol'viia (Olbia)* 1. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, 211—257 (in Russian).
Zograf, A. N. 1957. *Monety Tiry (Coins of Tyras).* Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
Zograf, A. N. 2002. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Issues of History, Philology, and Culture)* XII, 222—228 (in Russian).
Karyshkovskii, P. O. 1965. In *Numizmatika i sfragistika (Numismatics and Sigillography)* 2, 50—75 (in Russian).
Karyshkovskii, P. O. 1982. In *Pamiatniki rimskogo i srednevekovogo vremeni v Severo-Zapadnom Prichernomor'e (Sites of Roman Time and Middle Ages in the North-Western Pontic Region).* Kiev: "Naukova dumka" Publ.. 6—28.
Karyshkovskii, P. O. 1988. *Monety Ol'vii (Coins of Olbia).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
Karyshkovskii, P. O., Kleiman, I. B. 1985. *Drevnii gorod Tira (Ancient Town Tyras).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
Karyshkovskii, P. O., Kotsievskii, A. S. 1979. In *Antichnaia Tira i srednevekovyi Belgorod (Ancient Tyras and Medieval Belgorod).* Kiev: "Naukova dumka" Publ., 88—98 (in Russian).
Kotsievskii, A. S. 1982. In *Numizmatika antichnogo Prichernomor'ia (Numismatics of Ancient Pontic Region).* Kiev: "Naukova dumka" Publ.. 117—125 (in Russian).
Mussurov, A. I., Nosova, L. V. 2002. In *Severnoe Prichernomor'e: ot eneolita do antichnosti (The Northern Pontic Region: from Eneolithic to Antiquity).* Tiraspol: Transnistria State University, 269—276 (in Russian).
Nosova, L. V. 1996. In *Mir Ol'vii (Pamiatnik issledovateliu i issledovanie pamiatnika) (World of Olbia (A Monument to the Researcher and Research of the Site)).* Kiev: Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine, 157—159 (in Russian).
Nosova, L. V. 2005. In *XIII Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia (13th All-Russian Numismatic Conference).* Moscow: "Al'fa-Print", 31—32 (in Russian).
Nudel'man, A. A. 1985. *Topografiia kladov i nakhodok edinichnykh monet (Topography of Hoards and Finds of Isolated Coins).* Arkheologicheskaia karta Moldavskoi SSR (Archaeological map of Moldavian SSR) 8. Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).
Sarnovski, T. 2006. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (1), 117—131 (in Russian).
Saprykin, S. Iu. 1997. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (4), 46—57 (in Russian).
Makandarov, G. I., Compilation. 2007. *Svodnyi katalog monet goroda Tira (General Catalogue of Coins of the Town of Tyras).* Odessa: "Fridman" Publ. (in Russian).
Son, N. A. 1993. *Tira rimskogo vremeni (Tyras in Roman Time).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
Son, N. A. 1997. In *Nikonii i antichnyi mir Severnogo Prichernomor'ia (Nikonium and the Ancient World of the Northern Pontic Region).* Odessa: "Vetakom" Publ., 282—286 (in Russian).
Frolova, N. A. 2006. *Katalog monet antichnoi Tiry (Catalogue of Coins of the Ancient Tyras).* Moscow: "ROSSPEN" Publ. (in Russian).
Iurgevich, V. N. 1889. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* 15, 1—12 (in Russian).
Baker, R. 2004. The countermarks found on ancient Roman coins: a brief introduction. *ACTA ACCLA* (August). Available at: http://www.accla.org/actaaccla/baker2.html (accessed 10.04.2012).
Bârcă, V. 1999. Considération concernant les monnaies du Ier siècle ap. J.-Chr. à Tyra. *Thraco-Dacica* XX (1—2), 369—382.
Blazquez Cerrato, C. 2004. La presencia de moneda en la provincia de Zamora: análisis del poblamiento a través del documento monetal. *Zephyrus* (57), 319—366. URL: http://gredos.usal.es/jspui/bitstream/10366/71602/1/La_presencia_de_moneda_en_la_provincia_d.pdf. Accessed 20.01.2014.
Burnett et al. 1998: Burnett, A., Amandry, M., Ripollès, P. P., Carradice, I. 1998. *Roman Provincial Coinage*. Vol. I: *From the death of Caesar to the death of Vitellius (44 BC — AD 69)*. P. I, II. First published 1992. Reprinted with corrections. London; Paris: Cambridge University Press.
Burnett et al. 2006: Burnett, A., Amandry, M., Ripollès, P. P., Carradice, I. 2006. *Roman Provincial Coinage.* Suppl. 2. Available at: www.uv.es/~ripolles/rpc_s2 (accessed 07.08.2012).
Gurt Esparraguera, J. M. 1975. Las monedas de Claudio I, halladas en Clunia. *Pyrenae* XI, 109—125. Available at: www.raco.cat/index.php/Pyrenae/article/viewFile/164908/242416 (accessed 12.02.2013).
Karavas, J. 2001. *The evolution of roman frontier defense systems and fortifications the lower Danube provinces in the first and second centuries AD*. Durham theses. Durham University. Available at Durham E-Theses Online. Available at: http://http://etheses.dur.ac.uk/3957/ (accessed 8.05.2013).
Kemmers, F. 2006. Coins for a legion. An analysis of the coin finds from Augustan legionary fortress and Flavian canabae legionis at Nijmegen. *SFMA* 21. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern.
Kunisz, A. 1996. Money in the Military Community in the Early Empire. *Notae Numismaticae — Zapiski Numizmatyczne* (1). Kraków: Muzeum Narodowe w Krakowie; Sekcja Numizmatyczna Komisji Archeologicznej PAN, 58—72.
Martini, R., Paunov, E. 2004. Early Roman imperial countermarked coins from Moesia: first critical observations (typology, frequency, chronology and analysis of distribution). In: Lazarenko I. (ed.). *Numizmatichni i sfragistichni prinosi kăm istoriyata na Zapadnoto Chernomorie*. Acta musei Varnaensis II. Varna: Zograf, 159—174.
Mattingly, H. 1965. *Coins of Roman Empire in the British museum: Augustus to Vitellius*. Vol. I. London: Clowes & Sons (reprint).
Mattingly, H., Sydenham, E. A. 1986. The Roman Imperial Coinage: Vespasian to Hadrian. In: Sutherland C. H. V., Carson R. A. G. (eds.). *The Roman Imperial Coinage*. Vol. II. London: Spink & Son Limited.
Museum of Countermarks on Roman Coin. 6. Denominational Countermarks on Julio-Claudian Coins. Available at: http://www.romancoins.info/CMK-Denominational.html (accessed 5.03.2013).
Paunov, E. I. 2010. Roman countermark on a bronze coin of Rhoemetalces I, king of Thrace. *American Journal of Numismatics* 25, 117—123.
Sutherland, C. H. V. 1984. The Roman Imperial Coinage: from 31 BC to AD 69. In: Sutherland C. H. V., Carson R. A. G. (eds.). *The Roman Imperial Coinage*. Vol. I. London: Spink & Son Limited.

Статья поступила в номер 28 апреля 2014 г.

Liudmila Nosova (Odessa, Ukraine). Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of Ukraine [1].

Liudmila Nosova (Odesa, Ucraina). Museul de arheologie din Odesa, Academia Naţională de Ştiinţe a Ucrainei.

Носова Людмила Валентиновна (Одесса, Украина). Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины.

E-mail: liunos@hotmail.com

Address: [1] Lanzheronovskaya St., 4, Odessa, 65026, Ukraine

Звонкие цветы средневековья

Hard Flowers of the Middle Ages
Flori neveştejite ale Evului Mediu

Г. Ю. Стародубцев

Русские монеты последней четверти X — первой половины XI вв. и денежное обращение домонгольский Руси

Keywords: Kievan Rus', numismatics, zlatnik, srebrenik, dirham, issue, "crisis of eastern silver", coinless period.

Cuvinte cheie: Rusia Kieveană, numismatică, zlatnik, srebrenik, dirham, emisiune, „criza argintului oriental", perioadă nemonetară.

Ключевые слова: Киевская Русь, нумизматика, златник, сребреник, дирхем, эмиссия, «кризис восточного серебра», безмонетный период.

G. Yu. Starodubtsev

Russian Coins in the Last Quarter of the 10th — first half of the 11th Centuries and Russian Monetary Circulation in pre-Mongol Rus'

The author uses some earlier available data as well as new finds to analyze possible reasons for coinage of zlatniks and srebreniks in the last quarter of 10th — first half of 11th cc., as well as transition from dirhams and Anglo-Saxon coins to German coins in the second half of 11th c., and then to the coinless period in the 12th c. — 1330s-1340s. The author concludes that the emission by the Kievan knyazes seems to be an attempt to address the problem of insufficient money stock in the condition of the 'crisis of eastern silver'.

G. Yu. Starodubtsev

Contribuții la problema circulației monedelor ruse în ultimul sfert al sec. X — prima jumătate a sec. XI și circulația monetară în Rusia premongolă

Articolul se adresează problemelor numismaticii ruseşti vechi şi a circulației monetare de pe teritoriul Rusiei Kievene din sec. XI—XIII. În baza datelor care sunt deja cunoscute specialiştilor, dar şi a unor descoperiri noi, sunt analizate posibilele motive care au dus la emisiunea monedelor din aur de tip zlatnik şi a celor de argint de tip srebrenik din ultimul sfert al sec. X — prima jumătate a sec. XI. De asemenea, se atrage atenția asupra trecerii de la utilizarea dirhamilor şi monedelor de tipuri anglosaxone la monedele de tipuri germanice, care a avut loc în a doua jumătate a sec. XI. Se analizează şi cauzele care au dus la instaurarea perioadei nemonetare din sec. XII — anii 30—40 ai sec. XIV. Autorul consideră, că emisiunile cnejilor kieveni au reprezentat o tentativă de soluționare a problemei lipsei masei monetare în condițiile „crizei argintului oriental".

Г. Ю. Стародубцев

К вопросу об обращении русских монет в последней четверти X — первой половине XI вв. и русском денежном обращении домонгольской Руси

Статья посвящена проблемам древнерусской нумизматики, а также денежного обращения на территории Киевской Руси в XI—XIII вв. На основе имевшихся ранее данных и новых находок анализируются возможные причины чеканки златников и сребреников в последней четверти X — первой половине XI вв., а также перехода во второй половине XI в. от употребления дирхемов и монет англосаксонских типов к монетам германских типов, а затем в XII — 30—40-е гг. XIV вв. — к безмонетному периоду. На основе анализа делаются выводы об эмиссии киевских князей, как попытке решения проблемы нехватки денежной массы в условиях «кризиса восточного серебра».

История изучения златников и сребреников насчитывает более двух столетий. К числу первых исследователей относятся Ф. И. Круг, Я. Я. Волошинский, А. А. Куник, И. И. Толстой (Круг 1807: 64; Волошинский 1853: I—XIII, 1—14; Куник 1860; Толстой 1882; 1893: 310—368). В XX в. проблемами определения древнейших русских монет занимались известнейшие нумизматы А. В. Орешников, А. А. Ильин, В. М. Потин, М. П. Сотникова, И. Г. Спасский (Ильин 1924: 1—18; Орешников 1930: 173—174; Потин 1965: 15—16; Сотникова 1968: 114—137; 1971: 15—41; 1982: 134—138; Спасский 1970:

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© Г. Ю. Стародубцев, 2014.

47—56; 1974: 31—49). В 1983 г. появился сводный каталог известных на то время монет, изданный М.П. Сотниковой и И.Г. Спасским (Сотникова, Спасский 1983).

За многолетнюю историю изучения вопроса сложилось устойчивое мнение о том, что чеканка сребреников была «тщетной попыткой создать собственную монету, когда неиссякавший столетиями приток дирхемов в Южную Русь резко сократился во второй половине X в., … эпизодически и малочисленны были монетные выпуски… спорадические выпуски сребреников… удовлетворяли потребность в монете не так для ее основного назначения, как для «репрезентативного» использования — в качестве пожалований, во время торжественных церемоний и т.д.» (Сотникова, Спасский 1983: 110). По мнению В.Л. Янина, «постоянный выпуск монеты не был налажен; продукция эпизодических выпусков очень быстро уходила из обращения отчасти в сокровище… Такие эпизодические выпуски ни в коей мере не могли способствовать укреплению монетного обращения. Напротив, они даже могли приводить к усилению колебаний цен на серебро и к большему расшатыванию монетного обращения» (Янин 2009: 190—191).

Не вызывает сомнений, что чеканка златников имела в первую очередь политический характер. Об этом свидетельствуют: во-первых, изображение князя и легенда («Владимир на столе» / «Владимир, а се его злато») на монетах, имеющих перед собой в качестве прототипа солид византийских императоров Василия II и Константина VIII (976—1025); во-вторых, отсутствие массового оборота золотых монет на территории Киевской Руси. В то же время, повторяя диаметр (20—23 мм), весовую норму (4,0—4,4 г) и пробу (916—958°) солидов, златники, судя по их находкам в Пинском 1804 г. (6 экз.) и Кинбурнском 1863 г. (3 экз.) кладах, вместе ними участвовали в международном денежном обращении.

Относительно сребреников дело обстояло гораздо сложнее. Поэтому, на наш взгляд, необходимо еще раз вернуться к рассмотрению истории денежного обращения последней четверти I — начала II тысячелетия н.э. на территории арабского Востока и Киевского государства.

В конце VIII в. на Русь начинается массовый приток восточного серебра в виде дирхемов, которые в IX в. весили в среднем 2,73 г. В начале X в. наряду с дирхемами в 2,73 г в обращение начинают поступать более тяжелые монеты в 3,41 г. До середины X в. система денежно-весовых единиц существует как общерусская, а затем разделяется на две местные системы — северную и южную (Янин 2009: 170, 230). В частности, денежное обращение в северянском Посемье со второй четверти X в. обеспечивалось только обрезанными в круг дирхемами (Лебедев, Зорин 2009: 575—598; Енуков, Лебедев 2011: 49—58). По мнению В.Л. Янина, в южных областях Руси обращение дирхема доживает лишь до 960-х гг. (Янин 2009: 186), и древнейшие русские монеты были выпущены уже в тот момент, когда дирхем на юге полностью исчез из обращения (Янин 2009: 191).

Однако за последние полвека изучено полтора десятка кладов с обрезанными в круг дирхемами, из которых 12 сосредоточены на территории племенного союза северян с наибольшей концентрацией в курском Посемье (Лебедев, Зорин 2009: 576). Временной интервал сокрытия этих кладов составляет 930—970-е гг. Недавно в НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета поступил небольшой клад резан с городища Кудеярова Гора (Погореловка 2) Льговского района Курской области, по предварительным данным, сокрытый в 980-е гг. (Лебедев, Стародубцев 2011: 55).

В конце 30-х гг. X в. начался «кризис восточного серебра». Он продолжался более двухсот лет и обусловил чрезвычайную пестроту веса монет, которые начинают рубить и резать с целью получения более мелких платежных единиц. Монеты на Руси начинают принимать не на счет, а на вес, о чем убедительно свидетельствуют находимые в кладах и при археологических раскопках весы и гирьки-разновесы.

Основных причин «серебряного кризиса» было, по крайней мере, три. Во-первых, это интенсивный отток серебряных монет-дирхемов в предшествующее кризису время за пределы эмитента, главным образом, на Север и в Восточную Европу, пропорционально чему происходило истощение запасов этого металла у его экспортеров (вывозимое серебро оседало там и больше не возвращалось обратно). Во-вторых, диаметрально противоположная этому все усиливающаяся нужда в средствах обращения на внутреннем рынке в связи с бурным ростом городов, расширением товарного производства и торговли, развитием товарно-денежных отношений и ускорением самого процесса обращения. В-третьих, он был связан с монетарной

политикой властей, которым для фискальных целей было удобно получать дополнительную выгоду от постепенного уменьшения пробы серебра, которое началось в середине X века.

Нарастание нехватки серебра, ощущаемое со второй половины X в., сопровождалось таким же процессом порчи серебряного дирхема — понижением пробы (уменьшением серебра) и повышением веса (увеличением лигатуры) (Раджабли 1997: 43). Резкое увеличение нормы дирхема свидетельствовало об изменении монетной стопы. Оно было вызвано изменениями в качестве рудного серебра в связи с исчерпанием рудников с наиболее ценными серебряными рудами (Янин 2009: 153). Так называемое «ухудшение» качества дирхемов в X в., о котором судят на основании чисто внешних признаков (ломкость монеты, изменение ее цвета и т. д.), свидетельствовало не только об ухудшении пробы серебра, но и об изменении компонентов лигатуры. Это был первый этап преднамеренной порчи чекана и обращения низкопробного дирхема. По мере обострения «серебряного кризиса» не только «чёрные» дирхемы сасанидских типов, но и обычные, куфические, чеканятся из все более и более плохого серебра (из сплавов серебра с медью и меди с оловом) (Массон 1935: 229; Давидович 1960: 99—107; 1966: 103—134; Сайпанов 1976: 54—57). Они уже не могли служить средством торговли с другими странами. Как и «чёрные» дирхемы, куфические монеты постепенно приобретали принудительную стоимость и могли теперь обращаться только «у себя дома». Мы почти не знаем кладов серебряных дирхемов IX—X веков в Средней Азии, а клады куфических монет XI века там находят. «Чёрные» дирхемы обращались только на местных рынках. Международную торговлю, так же, как и в Западной Европе, обслуживали золотые монеты. В связи с «серебряным кризисом» возросла роль золота в денежном деле. Его чеканят много, и оно, хотя и низкопробное, служит для торговли внутри мусульманского мира. Но обращается оно не как штучная монета, а по весу (Гусейнов 1971: 103—115).

При таком «галопирующем» понижении доли серебра в дирхеме он быстро редуцировал, становясь почти медным. Порча монеты (путем уменьшения в ней пробы и увеличения лигатуры) становилась визуально нецелесообразной — теперь «дирхем» мало чем отличались от медных фельсов. Тогда-то, чтобы продолжить иллюзорное бытие серебряного дирхема, стали прибегать к серебрению монет. Именно в это время родилась технология амальгирования и наступил второй этап порчи серебряного дирхема — чекан и обращение низкопробных посеребренных дирхемов. Впервые о посеребренных биллоновых монетах писал Е. А. Пахомов. Это были «почти медные… со следами только серебрения» (Пахомов 1927: 51) монеты.

К какому периоду отнести начало серебрения низкопробных дирхемов? Даты на монетах Исмаиллинского клада — 545 и 552 гг. хиджры — указывают на время конкретной эмиссии — это произошло при халифе ал-Муктафи Лиамриллахе (530—555 гг. хиджры / 1136—1160 гг.). Но применялось ли серебрение монет раньше, сказать трудно. Более ранние монеты крайне редки, а на имеющихся нет следов серебрения (Раджабли 1997: 44).

Во второй половине XI в. серебряный «голод» продолжался, и вскоре пришлось отказаться и от серебрения медных монет и перейти к чекану натуральной меди. Это ознаменовало начало третьего, самого длительного этапа серебряного кризиса — периода чеканки и обращения медных монет, всецело охвативших сферу обращения серебра в денежной торговле.

Пертурбации в монетном деле, связанные с «серебряным кризисом», привели к прекращению поступления на территорию Древнерусского государства, не имевшего собственных серебряных разработок, серебра с Востока. При этом в течение всего XI в. на Русь поступает западноевропейский денарий (Янин 2009: 17).

В настоящее время наиболее аргументированная гипотеза происхождения русской денежно-весовой системы предложена В. Л. Яниным. Ее основное отличие от существовавших ранее теорий заключается в том, что она построена на основе тщательного анализа обширного нумизматического материала. Основные положения этой концепции могут быть сведены к следующему. Первое знакомство восточных славян с денежно-весовыми единицами относится к первым векам новой эры (Янин 2009: 16—17). В это время на территории Восточной Европы обращаются значительные массы римских серебряных монет — денариев. Средний вес римского денария (3,41 г) лег в основу славянской гривны в 68,22 г, в соответствии с традиционным славянским счетом на 20, 40 и 80. Гривна весом в 68,22 г, бытовавшая в IX — первой половине X в., была более древним элементом системы, чем гривна серебра. В. Л. Янин допускает и другую возможность, а именно,

первоначально термин «гривна» обозначал единицу, равную не 20, а 40 денариям, т. е. около 136,44 г.

Наиболее уязвимой концепция В. Л. Янина является в своей исходной точке. Знакомство восточнославянских племен с римским денарием еще не доказано археологически. Нет ни одного факта, свидетельствующего о бытовании гривны в 68,22 г на протяжении почти 500 лет — с конца IV до конца VIII вв.

Скорее всего, именно с «серебряным кризисом», приведшим к прекращению поступления куфических дирхемов, и связано начало чеканки киевскими князьями собственной серебряной монеты. При этом общие запасы серебра в Киевской Руси в конце X — начале XI вв. были вполне достаточными для введения и поддерживания собственной монетной чеканки. Они, несомненно, были даже более значительными, чем к моменту возобновления чеканки в Русском государстве в конце XIV в., так как громадное количество серебра в XIII—XIV вв. ушло в Золотую Орду в результате платежей «ордынского выхода».

О том, что сребреники являются результатом эмиссии, свидетельствуют следующие факты. Во-первых, по данным М. П. Сотниковой и И. Г. Спасского, известна, по крайней мере, 221 пара штемпелей. Из них: 171 — Владимира (тип I — 45, II — 66, III — 42, IV — 18), 41 — Святополка (с именем Святополк — 28, Петрос — 5, Петор — 8), 6 — Ярослава (с написанием «Ярослав» — 3, «ЯRoслав» — 3) и 3 штемпеля неизвестных типов (Сотникова, Спасский 1983: табл. 3). Наличие такого количества штемпелей, с одной стороны, указывает на их нестойкость и недостаточный уровень развития монетного дела. Об этом же свидетельствует тот факт, что монеты чеканились на кружках, отлитых в складных двухсторонних формах. С этим связаны встречающиеся на них дефекты литья: отверстия-«свищи», «заливы» и неплотно прилегающие «заплаты» (Сотникова, Спасский 1983: 107). С другой стороны, большое количество штемпелей говорит о значительных потребностях рынка[1].

Во-вторых, о широком бытовании сребреников свидетельствуют широкая география их находок и количество монет, обнаруженных в Нежинском 1852 г. (200 экз.) и Киевском 1876 г. (120 экз.) кладах, а также в курганах около с. Митьковка Брянской области 1952—1953 гг. (13 экз.). Сомнительно, что такое количество сребреников являлось пожалованием «в связи с определенными событиями» (Сотникова, Спасский 1983: 110). В пользу этого нашего утверждения указывают находки их обрезков (клад из с. Денисы Переяславского уезда 1912 г.) и обломков (Нежинский 1852 г. и Киевский 1876 г. клады, курган около с. Липино Курской области 1948 г.), а также сохранность значительного количества монет, имеющих заметные следы потертости в результате хождения. К тому же среди них встречаются перечеканенные и даже обрезанные экземпляры (Сотникова, Спасский 1983: 110). Использование же сребреников наряду с дирхемами в качестве мониста (как, например, в погребениях из имения Вотня Могилевской губернии 1873 г., около с. Митьковка Брянской области 1952—1953 гг.) также свидетельствует об их широком бытовании наряду с куфическими монетами.

Кроме того, не вызывает удивления и то обстоятельство, что лишь 33 сребреника имеют пробу выше 600°, 12 — ниже 500°, 21 — 375—300°. абсолютное большинство «сребреников» практически серебром не является, т. к. по своему составу они медные (Сотникова, Спасский 1983: табл. 4). Это было связано с «кризисом восточного серебра» и в точности повторяет ситуацию с куфическими монетами в Средней Азии, когда они уже не могли служить средством торговли с другими странами, постепенно приобретали принудительную стоимость и могли теперь обращаться только «у себя дома». Поэтому вызывает сомнение, что отчеканенные экземпляры «очень быстро уходила из обращения отчасти в сокровище…, а главным образом, вероятно, как сырье ювелирного ремесла» (Янин 2009: 290). Можно предположить, что высокопробные древнерусские монеты могли чеканиться для внешнего рынка, а медные — для внутреннего. Косвенно об этом могут свидетельствовать находки исключительно высокопробных сребреников в кладах западноевропейских монет X—XI вв. на территории Польши, Германии, Норвегии и Швеции (Сотникова, Спасский 1983: 57—58, 103).

Относительно весовой нормы сребреников дело обстоит также сложно. В. Л. Янин предполагает метрологическую связь древнейших

[1] Археологические данные позволяют утверждать, что Киев не являлся единственным местом, где осуществлялась чеканка монет в X в. При раскопках 1971—1973 гг. на Большом Горнальском городище обнаружены «три серебряных брактеата, битых одним штампом, и обрезок серебряного кружка — заготовки для подобной монеты» (Куза 1981: 29, 38). Эти находки позволяют предположить вероятность существования на городище одного из центров местного чекана подражаний дирхемам.

русских серебряных монет с дирхемом и считает, что их весовая норма в пределах 2,9—3,3 г точно соответствует норме древнерусской куны в южнорусской денежно-весовой системе, т. к. в основе этой системы лежит единица, производная от византийской литры — киевская литра. Порождением данного вида денежного счета был целый ряд мелких единиц, одной из которых являются русские сребреники (Янин 2009: 217). Что касается веса малых монет «Ярославля серебра», то он заключен в пределах 1,18—1,57 г, что говорит о другой денежно-весовой системе, схожей в весе с монетами англосаксонского чекана. С этим мнением согласны М. П. Сотникова и И. Г. Спасский (Сотникова, Спасский 1983: 108). Однако значительные отклонения от нормы в 3 г, достигающие 0,5—0,8 г как в большую, так и в меньшую стороны, позволяют согласиться с мнением, высказанным еще И. И. Толстым, о том, что древнерусские сребреники чеканились без соблюдения какой-либо весовой нормы (Толстой 1882: VII). Вероятно, именно поэтому вес медных сребреников только ориентирован на «средний» дирхем.

Исходя из вышеизложенного, с большой долей вероятности, можно утверждать, что, скорее всего, сребреники киевских князей Владимира и Святополка являются результатом эмиссии, направленной на удовлетворение потребностей в первую очередь внутреннего рынка южнорусских земель в монете для торговых операций. Что же касается «Ярославля сребра», то большинство исследователей единодушны в том, что, во-первых, чеканка этих монет осуществлялась в Новгороде (основываясь на ареале распространения сребреников как большого, так и малого веса), во-вторых, автором штемпелей монет малого веса с большей долей вероятности был мастер западноевропейского происхождения (Потин 1968: 146; Молчанов 1973: 85; Сотникова, Спасский 1983: 103). В пользу новгородского чекана говорят и обнаруженные в Швеции, Германии и Санкт-Петербургской губернии литые копии с монет типа «Ярославле сребро» (Сотникова, Спасский 1983: 202—203).

В то же время с прекращением поступления куфических дирхемов[2] всё большую роль в русском денежном обращении в землях новгородских словен, кривичей, полочан, Прибалтики и восточной части Волго-Окского междуречья с начала 20-х гг. XI в. постепенно начинает играть западный денарий (Янин 2009: 173, табл.). Особенности состава монетных кладов XI в. позволили В. Л. Янину выделить в денежном обращении севера Руси два периода. Первый из них — рубеж X — первая половина XI вв., когда клады денариев включают сначала очень большой, а затем все же весьма заметный процент куфических монет. И второй — вторая половина XI в., когда клады состоят почти исключительно, а иногда и исключительно из западноевропейских монет (Янин 2009: 175).

Клады второй половины XI в. свидетельствуют о переходе от употребления дирхема и монет англосаксонских типов к употреблению главным образом монет обычных германских типов и монет фрисландских и родственных им типов. Обращение денария продолжалось на протяжении всего XI в. На рубеже XI—XII вв. ввоз денария в Восточную Европу прекращается[3], что может быть объяснено полной деградацией серебряной западноевропейской монеты, которая в результате постепенной порчи в фискальных целях к началу XII в. перестала быть пригодной для обращения вне феода, чеканившего ее. В то же время исключительно сложная смесь разнотипных монет в кладах рубежа XI—XII вв. связана с тем, что время, к которому они относятся, было временем конца монетного обращения на Руси, временем перехода от монетного обращения к безмонетному (Янин 2009: 177—178).

В южнорусских землях на протяжении всего XI в. ничего подобного не происходит. С наступлением феодальной раздробленности здесь, вероятно, развиваются местные денежно-весовые системы, рыночная сфера действия которых была ограничена территориальными рамками отдельных земель.

В истории русского денежного обращения период времени, охватывающий XII — 30—40-е гг. XIV вв., получил название безмонетного. Никаких внутренних причин для отказа от монет как средства денежного обращения не было. Ремесло и торговля вплоть до монголо-татарского нашествия развивались на Руси по восходящей линии. Причины возникновения этого периода и характер денежного обращения в это время остаются наименее изученными проблемами русской нумиз-

[2] Позднейшая восточная серебряная монета, обнаруженная в русском (и вообще в европейском) монетном кладе, датируется 1015 г. (Янин 2009: 172).

[3] Последний клад западноевропейских монет на территории Восточной Европы Н. П. Бауер датирует 1120 г. (Янин 2009: 175).

матики. Следовательно, основную причину следует видеть в начавшейся феодальной раздробленности Руси, ликвидировавшей единую экономическую и политическую основу организации монетного производства и денежного обращения.

Изучение письменных источников позволяет констатировать, что основные единицы древнерусских денежно-весовых систем сохраняются. Денежная терминология предшествующего периода не только не исчезает, но, напротив, свидетельствует о дальнейшем развитии гривенно-кунной денежно-весовой системы. Самые крупные денежные единицы существуют в виде слитков серебра северного (новгородского) и южного (киевского) веса. В то же время появляются новые денежные понятия и термины, например, «мортка». Происходит, вероятно, дальнейшее постепенное обособление местных особенностей денежного счета, отразившееся при возобновлении монетной чеканки в конце XIV—XV в. в различиях весовых норм монет отдельных русских княжеств.

Одним из самых спорных остается вопрос о конкретных формах денежного обращения в безмонетный период. По мнению В.Л. Янина, «денежные слитки до второй половины XIV в. остаются единственными серебряными единицами денежного обращения в северной русской системе» (Янин 2009: 182). Однако обращение серебряных слитков, обслуживавших лишь очень крупные торговые операции, имело, конечно, ограниченный характер. Мелкие платежные единицы — куны, резаны и др., перестав обозначать серебряные монеты, получили какое-то другое ценностное содержание.

Еще в 1950-х гг. В.Л. Янин выдвинул интересную гипотезу о платежной роли в безмонетный период некоторых изделий древнерусского ремесла. Для выполнения функций средств платежа эти изделия должны были удовлетворять, прежде всего, двум условиям — иметь постоянную и определенную стоимость, а также быть максимально стандартизированными. Этим требованиям вполне удовлетворяли овручские шиферные пряслица, очень широко распространенные на территории Руси и часто находимые в городских центрах в количествах, явно превосходящих хозяйственные потребности в них. Аналогичную роль могли играть некоторые виды каменных и стеклянных бус и стеклянные браслеты. Следует особо подчеркнуть, что бусы и пряслица встречаются в монетных кладах. Более того, ареал шиферных пряслиц практически совпадает с территорией монетного обращения Руси IX — начала XII вв. (Янин 2009: 212—213).

Позднее И.Г. Спасский высказал предположение о выполнении роли платежного средства на территории Северо-Западной Руси так называемых раковин каури (Спасский 1970: 70—71). Эти раковины были широко распространены в качестве денег в Африке, Азии и Европе. Они встречаются при раскопках в Новгороде и Пскове, особенно много их найдено в Прибалтике, известны они и в Верхнем и Среднем Поволжье.

Очень популярные в прошлом теории меховых и кожаных денег еще не исчерпывают проблему в целом. Обращение пушнины в качестве средства платежа ограничивалось, вероятно, районами, богатыми промысловым пушным зверем, где хорошо был развит охотничий промысел. Что касается обращения кожаных денег, не имевших практически никакой собственной стоимости и представлявших собой, по сути, кредитные деньги, то самое их существование в древности долгое время вообще отрицалось нумизматами. В середине XX в. в Испании была обнаружена рукопись, содержавшая описание путешествия Абу Хамида ал-Гарнати в Центральную и Восточную Европу, которое он совершил в середине XII в. Особый интерес для изучения денежного обращения имеет сообщение этого арабского путешественника, относящееся к русской территории, о том, что он наблюдал торговые расчеты с помощью старых беличьих шкурок, лишенных шерсти: «Рассчитываются они между собой старыми беличьими шкурками, на которых нет шерсти, и которые нельзя ни на что никогда использовать, и которые ни на что не годятся. Если же шкурка головы белки и шкурка ее лапок целы, то каждые восемнадцать шкурок стоят по счету [славян] серебряный дирхем, связывают [шкурки] в связку и называют ее *джукн*. И за каждую из таких шкурок дают отличный круглый хлеб, которого хватает сильному мужчине.

На них же покупают любые товары: невольниц, и невольников, и золото, и серебро, и бобров, и другие товары. И если бы эти шкурки были в какой-нибудь другой стране, то не купили бы тысячу их вьюков за *хаббу* и не пригодились бы они совсем ни на что. Когда они [шкурки] испортятся в их домах, то их [иногда даже] рваные, несут в мешках, направляясь с ними на известный рынок, на котором есть некие люди, а перед ними работники. И вот они кладут их перед ними, и работники нанизывают

их на крепкие нитки, каждые по восемнадцать в одну связку, и прикрепляют на конец нитки кусочек черного свинца, и припечатывают его печаткой, на которой имеется изображение царя. И берут за каждую печать одну шкурку из этих шкурок, пока не опечатают их все. И никто не может отказаться от них, на них продают и покупают» (Путешествие… 1971: 35—36).

Этому рассказу, казалось бы, не оставляющему никаких сомнений в существовании на Руси кожаных денег, все же не следует поспешно придавать абсолютного значения. Во-первых, сообщение ал-Гарнати может относиться к очень ограниченной территории. К этому можно заметить, что нам неизвестен маршрут его путешествия по территории Руси. Скорее всего, он пролегал по южнорусским землям. Во-вторых, например, по сообщению Гильбера де Ланнуа (побывавшего в Новгороде зимой 1412—1413 гг.), в качестве мелких денег использовались «testes des gris et des martres», т. е. «головы» белок и куниц. Однако в результате ведущихся в Новгороде вот уже более полувека систематических археологических раскопок обнаружены сотни тысяч хорошо сохранившихся кожаных изделий и обрывков кожи, но среди этих находок нет ни одной, которую можно было бы хоть как-то связать с кожаными деньгами. В то же время в хорошо датированных слоях безмонетного периода часто находят кошельки, аналогичные кошелькам из более ранних и более поздних слоев «монетного» времени, но, к сожалению, без содержимого.

В конце XIII в. начинается выход из «серебряного кризиса». В Западной Европе появляются первые полновесные и высокопробные серебряные монеты. В XIII в. после завоевания монголо-татарами Средней Азии, Ирана, Месопотамии, Кавказа, Крыма и части Восточной Европы с покоренных земель собирались огромные дани, массы награбленного благородного металла стекались в сокровищницы ханов, и «серебряный кризис» был преодолен.

Только в конце XIII — XIV вв. монгольские ханы наладили чеканку больших масс серебряной монеты. Возобновившаяся во второй половине XIV — начале XV в. русская монетная чеканка являла несколько различных местных денежно-весовых систем, генетически связанных с весовыми нормами безмонетного периода.

Литература

Волошинский Я. Я. 1853. Описание древнейших русских монет, принадлежащих Минцкабинету Университета Св. Владимира, из числа найденных близ Нежина в мае месяце 1852 года. В: *Труды Комиссии, Высочайше утвержденной при университете Св. Владимира для описания губерний Киевского учебного округа*. Киев: раздел «Смесь», I—XIII, 1—14.

Гусейнов Р. А. 1971. Из истории денежного обращения в Передней Азии в XI—XII вв. *НЭ* IX, 103—115.

Давидович Е. А. 1960. Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв. *НЭ* II, 99—107.

Давидович Е. А. 1966. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах. *НЭ* VI, 103—134.

Енуков В. В., Лебедев В. П. 2011. Клад дирхемов с городища Кудеярова гора. *Stratum plus* (6), 49—58.

Илин А. А. 1924. Топография кладов древних русских монет X—XI вв. и монет Удельного периода. В: *Труды Нумизматической Комиссии РАИМК* 5. Ленинград: Государственное издательство, 1—18.

Круг Ф. И. 1807. *Критические разыскания о древнейших русских монетах, изданные Императорской Академиею Наук*. Санкт-Петербург.

Куза А. В. 1981. Большое городище у с. Горналь. В: Седов В. В. (отв. ред.). *Древнерусские города*. Москва: Наука, 6—39.

Куник А. А. 1860. *О русско-византийских монетах Ярослава I Владимировича с изображением Георгия Победоносца. Историко-нумизматическое исследование*. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук.

Лебедев В. П., Зорин А. В. 2009. Денежное обращение на территории курских северян в IX—X вв. В: Евглевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 7. Донецк: Донецкий национальный университет, 575—598.

Лебедев В. П., Стародубцев Г. Ю. 2011. Кошелёк с 17 северянскими резанами X в. из Курской области. В: Калинин В. А. (отв. ред.). *XVI Всероссийская нумизматическая конференция*. Тезисы докладов и сообщений. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 53—55.

Массон М. Е. 1935. *К истории горной промышленности Карамазара*. Труды Таджикской базы АН СССР 4. Геология и геохимия. Москва: Ленинград: АН СССР.

Молчанов А. А. 1973. К вопросу о художественных особенностях и портретности изображений на древнейших русских монетах. *Вестник МГУ* (3). Серия IX. История. 72—86, ил.

Орешников А. В. 1930. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. *Известия АН СССР*. Серия VII. Отделение гуманитарных наук. Ленинград: Государственная Академическая Типография, 173—174.

Пахомов Е. А. 1926. *Монетные клады Азербайджана*. Труды Общества обследования и изучения Азербайджана 3. Баку: АзФАН.

Потин В. М. 1965. О так называемых «скандинавских подражаниях» монетам Ярослава Мудрого. *Тезисы докладов второй научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии*. Москва: ИИ АН СССР, 15—16.

Потин В.М. 1968. *Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Историко-нумизматический очерк*. Ленинград: Советский художник.

Путешествие… 1971: *Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Центральную и Восточную Европу (1131—1153 гг.)*. 1971. В: Большакова О.Г. (ред.). Москва: Наука.

Раджабли А. 1997. *Нумизматика Азербайджана (Очерки истории монетного дела и денежного обращения Азербайджана)*. Баку: Элм ве Хаят.

Сайпанов Б.С. 1976. Проблема «серебряного кризиса» денежного обращения на Востоке в нумизматической литературе. *Вестник МГУ* (1). История. Москва: МГУ, 54—57.

Сотникова М.П. 1968. Сребреники Киевского клада 1876 г. В: *Нумизматика и сфрагистика* 3. Киев: Наукова думка, 114—137.

Сотникова М.П. 1971. Нежинский клад 1852 г. (реконструкция состава). В: *Нумизматика и сфрагистика* 4. Киев: Наукова думка, 15—41.

Сотникова М.П. 1982. Сребреники Ярослава Мудрого. В: Столяр А.Д. (отв. ред.). *Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья (межвузовский сборник)*. Ленинград: ЛГУ, 134—138.

Сотникова М.П., Спасский И.Г. 1983. *Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI вв.* Ленинград: Искусство.

Спасский И.Г. 1970. *Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк*. Ленинград: Аврора.

Спасский И.Г. 1974. Накануне тысячелетия монетной чеканки Древней Руси. *Нумизматика и сфрагистика* 5. Киев: Наукова думка, 31—49.

Толстой И.И. 1882. *Древнейшие монеты Великого княжества Киевского. Нумизматический опыт*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.

Толстой И.И. 1893. О древнейших русских монетах X—XI вв. *ЗРАО* 6 (3). Санкт-Петербург, 310—368.

Янин В.Л. 2009. *Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода*. Москва: Языки славянских культур.

References

Voloshinskii, Ia. Ia. 1853. In *Trudy Komissii, Vysochaishe utverzhdennoi pri universitete Sv. Vladimira dlia opisaniia gubernii Kievskogo uchebnogo okruga (Proceedings of the Royal Commission at St. Vladimir University, instituted to Describe Guberniyas within Kiev Academic District)*. Kiev: part «Smes'» (Miscellanea), I—XIII, 1—14 (in Russian).

Guseinov, R.A. 1971. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* IX, 103—115 (in Russian).

Davidovich, E.A. 1960. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* II, 99—107 (in Russian).

Davidovich, E.A. 1966. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* VI, 103—134 (in Russian).

Enukov, V.V., Lebedev, V.P. 2011. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (6), 49—58 (in Russian).

Ilin, A.A. 1924. In *Trudy Numizmaticheskoi Komissii RAIMK (Proceedings of the Numizmaticheskoi Komissii Russian Academy for the History of Material Culture)* 5. Leningrad: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ., 1—18 (in Russian).

Krug, F.I. 1807. *Kriticheskie razyskaniia o drevneishikh russkikh monetakh, izdannye Imperatorskoi Akademieiu Nauk (Critical Studies on the Earliest Russian Coins, edited by the Royal Academy of Sciences)*. Saint Petersburg (in Russian).

Kuza, A.V. 1981. In *Drevnerusskie goroda (Towns in Early Rus')*. Moscow: "Nauka" Publ., 6—39 (in Russian).

Kunik, A.A. 1860. *O russko-vizantiiskikh monetakh Iaroslava I Vladimirovicha s izobrazheniem Georgiia Pobedonostsa. Istoriko-numizmaticheskoe issledovanie (On the Russian-Byzantine Coins of Yaroslav I Vladimirovich with the Image of Saint George. A Historical and Numismatic Research)*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Lebedev, V.P., Zorin, A.V. 2009. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 7. Donetsk: Donetsk National University, 575—598 (in Russian).

Lebedev, V.P., Starodubtsev, G. Iu. 2011. In *Shestnadtsataia Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia (16th All-Russian Numismatic Conference)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 53—55 (in Russian).

Masson, M.E. 1935. *K istorii gornoi promyshlennosti Karamazara (On History of the Mining Industry in Karamazar)*. Trudy Tadzhikskoi bazy AN SSSR (Proceedings of Tajik Base of the USSR Academy of Sciences) 4. Geologiia i geokhimiia (Geology and Geochemistry). Moscow: Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Molchanov, A.A. 1973. In *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seria IX. Istoriia *(Moscow State University Bulletin*. Series IX. History) (5), 72—86 (in Russian).

Oreshnikov, A.V. 1930. In *Izvestiia Akademii nauk SSSR (Bulletin of the USSR Academy of Sciences)*. Series VII. Humanities Department. Leningrad: "Gosudarstvennaia Akademicheskaia Tipografiia" Publ., 173—174 (in Russian).

Pakhomov, E.A. 1926. *Monetnye klady Azerbaidzhana (Monetary Deposits of Azerbaijan)*. Trudy Obshchestva obsledovaniia i izucheniia Azerbaidzhana (Proceedings of the Society for Survey and Study of Azerbaijan) 3. Baku: Academy of Sciences of the USSR, Azerbaijan Branch (in Russian).

Potin, V.M. 1965. In *Tezisy dokladov vtoroi nauchnoi konferentsii po istorii, ekonomike, iazyku i literature skandinavskikh stran i Finliandii (Proceedings of the II Scientific Conference on History, Economy, Language and Literature of Scandinavian Countries and Finland)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for History, 15—16 (in Russian).

Potin, V.M. 1968. *Drevniaia Rus' i evropeiskie gosudarstva v X—XIII vv. Istoriko-numizmaticheskii ocherk (Ancient Russia and European States in 10th —13th cc. Historical and Numismatic Study)*. Leningrad: "Sovetskii khudozhnik" Publ. (in Russian).

Puteshestvie Abu-Khamida Al-Garnati v Vostochnuiu i Tsentral'nuiu Evropu (1131—1153 gg.) (Travels of Abu-Khamid Al-Garnati in Eastern and Central Europe (1131—1153)). 1971. In: Bolshakov O. G. (ed.). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Radzhabli, A. 1997. *Numizmatika Azerbaidzhana (Ocherki istorii monetnogo dela i denezhnogo obrashcheniia Azerbaidzhana) (Numismatics of Azerbaijan (Essays on History of Coinage and Currency Circulation in Azerbaijan))*. Baku: "Elm ve Khaiat" Publ. (in Russian).

Saipanov, B.S. 1976. In *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seria Istoriia *(Moscow State University Bulletin*. Series History*)* (1), 54—57 (in Russian).

Sotnikova, M.P. 1968. In *Numizmatika i Sfragistika (Numismatics and Sigillography)* 3. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 114—137 (in Russian).

Sotnikova, M.P. 1971. In *Numizmatika i Sfragistika (Numismatics and Sigillography)* 4. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 15—41 (in Russian).

Sotnikova, M.P. 1982. In *Severnaia Rus' i ee sosedi v epokhu rannego srednevekov'ia (Northern Rus' and its Neighbors in Early Middle Ages)*. Leningrad: Leningrad State University, 134—138 (in Russian).

Sotnikova, M.P., Spasskii, I.G. 1983. *Tysiacheletie drevneishikh monet Rossii. Svodnyi katalog russkikh monet X—XI vv. (A Millennium of the Earliest Coins of Russia. Central Catalogue of Russian Coins of 10th — 11th cc.)*. Leningrad: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

Spasskii, I.G. 1970. *Russkaia monetnaia sistema. Istoriko-numizmaticheskii ocherk (Russian Monetary System. Historical and Numismatic Study)*. Leningrad: "Avrora" Publ. (in Russian).

Spasskii, I.G. 1974. In *Numizmatika i Sfragistika (Numismatics and Sigillography)* 5. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 31—49 (in Russian).

Tolstoi, I.I. 1882. *Drevneishie monety Velikogo kniazhestva Kievskogo. Numizmaticheskii opyt (The Earliest Coins of the Great Kiev Principality. Numismatic Experience)*. Saint Petersburg: "Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk" Publ. (in Russian).

Tolstoi, I.I. 1893. In *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Russian Archaeological Society)* 6 (3). Saint Petersburg, 310—368 (in Russian).

Yanin, V.L. 2009. *Denezhno-vesovye sistemy domongol'skoi Rusi i ocherki istorii denezhnoi sistemy srednevekovogo Novgoroda (Monetary and Weight Systems of pre-Mongol Rus' and Essays on History of Medieval Novgorod's Monetary System)*. Moscow: "Iazyki slavianskikh kul'tur" Publ. (in Russian).

Статья поступила в номер 15 февраля 2013 г.

Gennady Starodubtsev (Kursk, Russia). Candidate of Historical Sciences. The Kursk State Regional Museum of Archaeology[1].

Gennady Starodubtsev (Kursk, Rusia). Candidat în ştiinţe istorice. Muzeul arheologic regional de stat, Kursk.

Стародубцев Геннадий Юрьевич (Курск, Россия). Кандидат исторических наук. Курский государственный областной музей археологии.

E-mail: arch1962@mail.ru

Address: [1] Pionerov St., 6, Kursk, 305001, Russian Federation

А. В. Кривенко

Находки сербских средневековых монет в междуречье Прута и Днестра

Keywords: Prut-Dniester region, Old Orhei, Costeşti, Stefan Uroš IV Dušan, settlements of the Golden Horde, Serbian medieval coins.

Cuvinte cheie: interfluviul Pruto-Nistrean, Orheiul Vechi, Costeşti, Stefan Uroš IV Dušan, așezările Hoardei de Aur, monede medievale sârbe.

Ключевые слова: междуречье Прута и Днестра, Старый Орхей, Костешты, Стефан Урош IV Душан, золотоордынские поселения, сербские средневековые монеты.

A. V. Crivenco

Serbian Medieval Coins Found on the Territory between the Rivers Prut and Dniester

It is the first publication of findings of Serbian medieval coins in the Prut-Dniester region. Fifteen silver coins and imitations are presented in the paper. They were unearthed in Moldova (in Costesti settlement and near some villages in the south of the country), as well as in Orlovka (Odessa region, Ukraine). Most coins relate to issues of Stefan Uros IV Dusan (1331—1355). The author suggests that the Serbian coins entered in the Golden Horde settlements in this region from Dobrogea and circulated here together with the Bulgarian coins in 30—50s of the 14th century. This publication will serve as an additional source of information for reconstruction of historical context in the western periphery of the Golden Horde.

A. V. Crivenco

Descoperirile de monede medievale sârbe din interfluviul Pruto-Nistrean

Pentru prima dată sunt publicate descoperirile de monede medievale sârbe de pe teritoriul interfluviului Pruto-Nistrean. Articolul prezintă 15 monede și imitații din argint, descoperite în Moldova (în Costești și lângă câteva locuități din sudul țării), și în Orlovka (regiunea Odesa, Ucraina). Majoritatea monedelor au fost emise în timpul domniei lui Stefan Uroš IV Dušan (1331—1355). Autorul consideră, că monedele sârbe pătrundeau în așezările Hoardei de Aur din interfluviul Pruto-Nistrean de pe teritoriul Dobrogei și circulau aici, împreună cu monedele bulgare, între anii 30—50 ai sec. XIV. Prezenta publicație va reprezenta o sursă adițională pentru reconstrucția istoriei periferiei de vest a Hoardei de Aur.

А. В. Кривенко

Находки сербских средневековых монет в междуречье Прута и Днестра

Впервые публикуются находки сербских средневековых монет на территории Пруто-Днестровья. В работе представлены 15 серебряных монет и подражаний, обнаруженных в Молдове (в Костештах и у ряда населенных пунктов юга страны), а также в Орловке (Одесская область, Украина). Основная часть монет относится к выпускам Стефана Уроша IV Душана (1331—1355). Автор предполагает, что сербские монеты поступали в золотоордынские поселения региона из Добруджи и обращались здесь, наряду с болгарскими монетами, в 30—50-х гг. XIV в. Настоящая публикация послужит дополнительным источником сведений для реконструкции исторической картины западной периферии Золотой Орды.

В 40-х гг. XIII в. междуречье Прута и Днестра было завоевано монгольской армией во главе с джучидом Бату. Впоследствии эта территория становится западной окраиной Улуса Джучи (Золотой Орды) — огромного государства, простиравшегося от Дуная до юга Сибири. Благодаря близости к Балканам Золотая Орда играла важную военно-политическую роль в регионе, которая возрастает в период правления в западных районах Улуса темника Ногая.

С 70-х гг. XIII в. он начал проводить самостоятельную от центральных властей политику на большом пространстве запада Золотой Орды, включавшем и Северное Причерноморье. Одним из признаков независимости Ногая стал выпуск монет с его личной тамгой. Такие серебряные и медные монеты чеканились в городе Сакчи (Oberländer-Târnoveanu 1993: 291—304). Расположенный в Нижнем Подунавье, этот важный торговый центр мог быть ставкой Ногая. Недавние

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© А. В. Кривенко, 2014.

исследования (Казаров, Кривенко 2010: 139—146) показали, что от имени темника монеты чеканились и в другом городском центре региона — Акча Кермане (ныне Белгород-Днестровский, Украина).

С военной мощью и политическим влиянием Ногая были вынуждены считаться как Византия (император Михаил VIII Палеолог выдал за Ногая свою дочь Ефросинью), так и другие балканские государства — Болгария и Сербия (Веселовский 1922: 40). После смерти Ногая в 1300 г. политическое влияние Золотой Орды на юго-западных соседей не прекратилось. Исследователи истории Пруто-Днестровья расходятся во мнении касательно того, как осуществлялась эта власть — «непосредственно и безраздельно или через болгарского царя, связанного с золотоордынским ханом вассальными отношениями» (Руссев 1999: 90).

В XIV в. в результате градостроительной деятельности золотоордынских властей в лесостепной зоне Пруто-Днестровского региона появились новые города (Бырня 1984: 31—37). Один из них известен как городище Костешты (датируется второй четвертью XIV в.), другой — как Шехр ал-Джедид (сейчас Старый Орхей), получивший развитие в 1360-х гг. Несмотря на то, что в средневековых письменных источниках не найдено сведений, которые мы могли бы соотнести с этими памятниками, археологические данные позволяют считать их материальную культуру городской. Кроме того, весомым подтверждением значимости указанных поселений является факт чеканки ими собственной монеты (Янина 1977: 193—212; Абызова, Травкин 2000: 351—359; Nicolae 2005: 89—91).

Имеющиеся публикации нумизматических материалов позволяют лишь в общих чертах обозначить особенности регионального монетного чекана того периода. Очевидно, что основой денежного обращения были джучидские серебряные данги и медные пулы — как местные (в первую очередь, монеты Костештского поселения, Шехр ал-Джедида и Сакчи), так и привозные из Крыма, Приазовья, Поволжья и прочих районов Золотой Орды. Заметную часть денежного обращения составляли монеты южных соседей региона — государств Балканского полуострова (прежде всего, Болгарии) и Малой Азии, с которыми Золотая Орда поддерживала политические и торговые связи.

В 2011—2012 гг. в публикациях (Krivenkov, Ovtcharov 2011; Crivenco, Ovčarov 2012) были представлены болгарские средневековые монеты, найденные в Пруто-Днестровье, преимущественно в Костештах (Яловенский район, Молдова) и Орловке (Ренийский район Одесской обл., Украина). В процессе сбора сведений о них авторы сталкивались с информацией о сербских монетах, найденных там же — большей частью на городище Костешты и на поселении около села Орловка. Поэтому целью настоящей статьи, которая является первой публикацией о сербских средневековых монетах из Пруто-Днестровского междуречья, — ввести в научный оборот данные о таких находках. Автору удалось собрать сведения о 15 сербских монетах — *динарах* и подражаниях им (рис. 1), сейчас находящихся в частных коллекциях в Молдове и Украине [1].

Находки из с. Орловка включают шесть монет (каталог, №4, 5, 7, 11, 12, 13). Орловское городище расположено на левом берегу Дуная, на узком участке (10—12 км), ограниченном с запада озером Кагул, а с востока — озерами Ялпуг и Кугурлуй (рис. 2). В древности и средневековье оно имело большое транспортное и военно-стратегическое значение, так как здесь располагалась единственная в этом районе переправа через Дунай на пути из Добруджи в Пруто-Днестровье. Монетные находки золотоордынского периода (Кривенко, Казаров 2012) свидетельствуют в пользу предположения о существовании поселения у с. Орловка с конца XIII в. до середины XIV в. Вместе с джучидскими здесь были найдены сербские и болгарские монеты.

Значимая часть молдавских находок (три экземпляра — каталог, №1, 3, 8) происходит с территории Костештского городища, которое расположено в 35 км к югу от Кишинева (см. рис. 2). В период своего расцвета золотоордынское поселение у Костешт, по всей видимости, являлось крупнейшим в Пруто-Днестровье (Полевой 1969: 146—147).

Несмотря на ряд публикаций, основная масса нумизматических находок из Костешт по-прежнему не введена в научный оборот.

Три монеты найдены на юге Молдовы (см. рис. 2) — у сел Баймаклия и Кеселия Кантемирского района (каталог, №9, 10) и у с. Лопацика Кагульского района (каталог, №15). Одна монета (каталог, №2) была обнаружена в Ново-Аненском районе у села Спея. По словам находчика, этой сербской монете сопутствовала находка серебряной монеты Золотой Орды, которая была определена как ярмак Туда Менгу, чеканенный в Крыму в 683 г. х.

[1] Автор благодарит Р. Исламова (Измаил, Украина), Д. Бурдейного, А. Голбана, И. Коваленко, В. Остроухова, А. Прокопова, И. Числова (Кишинев, Молдова) за предоставленные нумизматические материалы.

Рис. 1. Сербские монеты (№1—12) и подражания (№13—15).

Fig. 1. Serbian coins (№1—12) and imitations (№13—15).

(1284/1285 гг.). Точное место находки еще двух монет (№6, 14) установить не удалось.

Самые ранние из описываемых здесь монет относятся к периоду правления короля Стефана Уроша II Милутина (1282—1321) (каталог, №1, 2), который удостоился упоминания его современником Данте Алигьери в «Божественной комедии», где ему вменялась в вину чеканка подражаний венецианской монете:

И не украсят царственного сана
Норвежец, португалец или серб,
Завистник веницейского чекана…[2]

Одна из этих монет (каталог, №1) от большинства других, более поздних, отличается сильной потертостью, полученной вследствие ее длительного обращения.

Девять монет являются выпусками короля Стефана Уроша IV Душана. Из них четыре (каталог, № 3—6), с титулом «король», отчеканены в первой половине его правления — в 1331—1345 гг. Пять монет (каталог, № 7—12) выпущены в период 1345—1355 гг., когда он именовал себя императором (царем). «Царские» динары Стефана Уроша IV являются самыми поздними из представленных сербских монет.

Заслуживают внимания и три подражательные монеты. Один экземпляр (каталог, №13) представляет известную в нумизматической литературе разновидность подражаний с кириллической надписью «Георге». К. Дочев относит ее к выпускам нелокализованного монетного двора, находившегося в Сербии или на Адриатическом побережье, между городами Дубровник и Улцинь. Эмиссия датируется предположительно 1325—1335 гг. Высказано мнение и о бол-

[2] Данте Алигьери. Божественная комедия. Пер. М. Лозинского. Песнь 19. Строки 139—141.

Рис. 2. Топография находок средневековых сербских монет в Пруто-Днестровском регионе.

Fig. 2. Location of finds of medieval Serbian coins in the Prut-Dniester region.

гарском происхождении этих подражаний (Дочев 2009: 248, 251—252).

Особенности монетного типа двух других подражательных монет (каталог, №14, 15) позволяют причислить их к имитациям как сербских динаров, так и венецианских гроссо конца XIII — первой половины XIV вв.

Вес большей части представленных сербских монет варьируется в пределах 1,00—1,21 г. М. Йованович указывает, что средний вес динаров Стефана Уроша IV в королевский период (1331—1345) соответствовал 1,4—1,6 г, но к концу царского периода (1345—1355) он понизился до 1 г (Јовановић 2001: 32). По мнению С. Стоякович, смена монетных типов была связана с изменением весовой нормы (Стојаковић 2000: 24). Однако анализ весовых данных известных автору настоящей статьи экземпляров не позволяет подтвердить это предположение.

Две монеты (каталог, №4, 5), похоже, были обрезаны, что привело к утрате части монетного поля с легендой. Их вес заметно ниже и составляет 0,65 и 0,8 г.

Три динара несут на себе контрамарки размером 3,5—4,0 мм каждая. На двух монетах (каталог, №5, 11) они имеют форму кружка, на одной (каталог, №10) — форму кружка с другим кружком внутри. Болгарские исследователи считают, что подобные надчеканки на сербских и других серебряных монетах ставились правителями Добруджи (Кузев 1961; Овчаров 2013). В пользу такой точки зрения свидетельствует факт, что все экземпляры с надчеканками найдены около с. Орловка, у р. Дунай, разделяющей Пруто-Днестровье и Добруджу.

Анализ представленных монет позволяет высказать некоторые предположения.

Период проникновения сербских монет в Пруто-Днестровское междуречье, по всей видимости, приходится на 30—50-е гг. XIV в. На это указывают военно-политические события, произошедшие к тому времени в регионе. В 1330 г. в битве у г. Велбужд (ныне Кюстендил, Болгария) сербский король Стефан Урош III (1321—1331) разгромил болгарское войско во главе с царем Михаилом Шишманом (1323—1330). Победитель предоставил власть над Болгарией своему племяннику Ивану Стефану (сыну сестры Анны-Неды, вдовы погибшего Михаила Шишмана), который на короткое время стал царем Болгарии. Взошедший на трон в 1331 г. новый сербский король Стефан Урош IV Душан, несмотря на свержение Ивана Стефана, продолжил хорошие отношения с Болгарией. Этому способствовал и династический брак между королём Сербии и Еленой, сестрой нового царя Болгарии Ивана Александра (1331—1371) (Чиркович 2009: 81, 82).

Сербские монеты, участвовавшие в обращении на территории болгарской Добруджи, дополняли болгарские серебряные эмиссии, отличавшиеся пониженным, в сравнении с сербскими монетами, содержанием серебра (Овчаров 2013: 129). Из Добруджи посредством торговых связей динары проникали в более северный регион — в Пруто-Днестровье, находившееся под властью Золотой Орды, но испытывавшее некоторое болгарское влияние, о чем свидетельствуют нередкие находки болгарских монет (Krivenkov, Ovtcharov 2011; Crivenco, Ovčarov 2012). Подавляющая часть болгарских монет относится к периоду правления царя Ивана Александра. Известна только одна более ранняя монета, времени Михаила Шишмана, и одна монета — Ивана Срацимира (1356—1396).

Основная масса сербских и болгарских монет, найденных в регионе, выпущена в один хронологический промежуток — в 30—50-е гг. XIV в. Очевидно, они совместно участвовали в денежном обращении изучаемой территории, наряду с преобладающими на рынке джучидскими монетами.

Упадок золотоордынского города в Костештах в 50-х гг. XIV в. привел к сокращению торговых и иных связей и прекращению притока монет из Балкан.

Топография находок представленных в данной статье монет свидетельствует о добруджском пути проникновения сербских монет в Пруто-Днестровье (см. рис. 2). Так, большинство экземпляров найдено у с. Орловка на Дунае, несколько — в центральной Молдове (в Костештах) и три монеты — на пути между ними, у сел Баймаклия, Кеселия и Лопацика на юге Молдовы.

Структура и масштабы монетного обращения Пруто-Днестровья в домолдавский период недостаточно изучены, в первую очередь, из-за того, что огромный массив монетных находок еще не введен в научный оборот. Настоящая публикация сербских монет послужит дополнительным источником сведений для изучения истории и экономических связей западной периферии Золотой Орды.

Каталог [3]

Сербия

Стефан Урош II Милутин (1282—1321)

Динар.

1. AR, 1,2 г, 19,5×20,0 мм.

Аверс: VROSI RE X S STEFAN

Реверс: IC XC

Димитријевић 2001: 50, № 22; Љубић 1875: 56, тип VI: 44, Tab. V: 3 (рис. 1: 1).

2. AR, 1,19 г, 21,0×22,0 мм.

Аверс: MONETA / REGIS VROSI

Реверс: IC XC

Љубић 1875: 79, тип I: 15, Tab. VI: 9 (рис. 1: 2).

Стефан Урош IV Душан, король (1331—1345)

Динар.

3. AR, 1,1 г, 20,0 мм.

Аверс: ST IP ROIOM/X REX RIA

Реверс: IC XC/N *

Љубић 1875: 106, тип III.c: 1, Tab. VII: 18; Јовановић 2001: 34—35 (рис. 1: 3).

4. AR, 0,65 г, 15,0 мм. Обрезана?

Аверс: X REX RIA/…

Реверс: IC XC/R *

Димитријевић 2001: 119—129, № 42 (Д. нема са R I); Љубић 1875: 113, тип II.b: 113 (рис. 1: 4).

5. AR, 0,8 г, 15,0×16,0 мм. Обрезана? Контрамаркирована.

Аверс: …/REX STEFA

Реверс: IC XC/* R

Димитријевић 2001: 123, № 42/13; Љубић 1875: 98, тип II.b: 15, Tab. VII: 7 (рис. 1: 5).

6. AR, 0,8 г, 15,0×16,0 мм. Имеет отверстие.

Аверс: +MONITA/REX STEFA

Реверс: IC XC/N*

Љубић 1875: 100, тип II.b: 60; Јовановић 2001: 34, № 5 (рис. 1: 6).

Стефан Урош IV Душан, царь (1345—1355)

Динар.

7. AR, 1,0 г, 19,0 мм.

Аверс: INPERATO/R STEFANI

Реверс: IC XC/N O

Димитријевић 2001: 151, № 59; близок к Љубић 1875: A, 104, тип I.b: 1—4 (рис. 1: 7).

8. AR, нет данных, 20,0 мм.

Аверс: СФЪ ZP

Реверс: IC XC/И O

Димитријевић 2001: 162, № 66/5; Љубић 1875: B, 110, тип I.b/α: 1 (рис. 1: 8).

9. AR, 1,21 г, 18,0×19,0 мм.

Аверс: IPOR STFA/…

Реверс: IC XC

Димитријевић 2001: 144, № 52; Љубић 1875: 108, тип A IV.d, Tab. VII, #23 (рис. 1: 9).

10. AR, 1,08 г, 19,0×20,0 мм. Имеет отверстие.

Аверс: IPOR STFA/ELIA IPAE

[3] Автор выражает глубокую признательность профессору Саво Накиченовичу (Белград, Сербия) за помощь в атрибуции монет.

Реверс: IC XC

Близок к Љубић 1875: 108, тип IV.d: 13; Јовановић 2001: 40, № 36 (рис. 1: 10).

11. AR, 0,93 г, 17,0×19,0 мм. Контрамаркирована.

Аверс: …/ELIA IPO

Реверс: IC XC

Димитријевић 2001: 144, № 52; Љубић, 1875: 108, тип A IV.d, Tab. VII: 23 (рис. 1: 11).

12. AR, 1,04 г, 19,0 мм. Контрамаркирована.

Аверс: STEFANVS IP/… ATX

Реверс: IC XC

Љубић 1875: 107, тип IV.c: 2, Tab. VII: 22; Јовановић 2001: 40—41 (рис. 1: 12).

Подражания сербским или венецианским монетам с неясной атрибуцией

13. AR, 1,16 г, 20,0 мм.

Аверс: ГЕОРГЕ/Х…

Реверс: IC XC

Димитријевић 1983: fig. 9; Dochev 2009: 548—550 (рис. 1: 13).

14. AR, 1,0 г, нет данных.

Аверс: …

Реверс: IC XC (рис. 1: 14).

15. AR, 1,41 г, нет данных.

Аверс: …

Реверс: IC XC (рис. 1: 15).

Литература

Абызова Е. Н., Травкин С. Н. 2000. Некоторые особенности медных джучидских монет с поселения Костешты (Бессарабия). В: Евглевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 1. Труды по археологии. Донецк: ДНУ, 351—359.

Бырня П. П. 1984. *Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье*. Кишинев: Штиинца.

Веселовский Н. И. 1922. *Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время*. Петроград: Российская Государственная Академическая Типография.

Дочев К. 2009. *Каталог на българските средновековни монети XIII—XIV век: Типове, варианти, цени*. Велико Търново: Центрекс.

Јовановић М. 2001. *Српски средњовековни новац*. Београд: Linea Art.

Казаров А. А., Кривенко А. В. 2010. Находки золотоордынских монет Сакчи в Молдове и в Украине. Новый монетный двор — Акча Керман. *Revista Arheologică*, Seria nouă VI (2). 138—145.

Кривенко А. В., Казаров А. А. 2012. Джучидские монеты из находок у с. Орловка (Одесская обл., Украина). В: Миргалеев И. М. (ред.). *Нумизматика Золотой Орды* 2. Казань: ИИ АН РТ, 25—37.

Кузев А. 1961. Грошове на Стефан Душан с контрамарки. *Археология* III (2), 14—17.

Полевой Л. Л. 1969. Монеты из раскопок и сборов на поселении Костешты-Гырля (1946—1959 гг.). В: Полевой Л. Л. (отв. ред.). *Далёкое прошлое Молдавии*. Кишинёв: Картя Молдовяняскэ, 146—160.

Руссев Н. Д. 1999. *На грани миров и эпох. Города низовьев Дуная и Днестра в конце XIII—XIV вв*. Кишинев: ВАШ.

Стојаковић С. 2000. Смањење и стабилизовање конвничке стопе ар-динара за време владавине цара Стефана IV Душана. *Dinar* 13, 20—24.

Чиркович С. 2009. *История Сербов*. Москва: Весь мир.

Янина С. А. 1977. «Новый город» (= Янги-Шехр = Шехр ал-Джедид) — монетный двор Золотой Орды и его местоположение. *Труды ГИМ* 49. *Нумизматический сборник*. Вып. 1. Ч. 5. , 193—212.

Crivenco A., Ovčarov V. 2012. Monede medievale bulgăreşti descoperite pe teritoriul dintre Prut şi Nistru. In: *XIII Simpozion de Numismatica, rezumatele comunicărilor*. Chişinău: Muzeul Naţional de Arheologie şi Istorie a Moldovei, 23—26.

Dimitrijević S. 2001. *Katalog zbirke srpskog srednjovekovnog novca Sergija Dimitrijevića*. Beograd: Srpska akademija nauke i umetnosti, Zavod ya udzbenike i nastavna sredstva.

Krivenko A., Ovtcharov V. 2011. Bulgarian Coins Found on Kosteshty Site in Moldova. В: Лазаренко И. (ред.). *Acta Musei Varnaensis* VII (2). Варна: Онгъл, 223—228.

Ljubić S. 1875. *Opis jugoslavenskih novaca*. Zagreb: Artistićko-tipografićki zavod Dragutina Albrechta.

Nicolae E. 2005. Monedele de tip Costeşti-Gîrla. In: *Simpozion de Numismatică*. Chişinău, 26—28 noiembrie 2003. Comunicări, studii şi note. Bucureşti: Editura Enciclopedică, 89—104.

Oberländer-Târnoveanu E. 1993. Un atelier monétaire inconnu de la Horde d'Or sur le Danube: Saqčylsaccea (XIIIe—XIVe siècles). In: *Actes du XIe Congrès International de Numismatique* III. Bruxelles, 8—13 septembre 1991. Louvain-la-Neuve, 291—304.

Ovtcharov V. 2013. Countermarked coinage of Dobrudja. A detailed investigation (case report). In: Peţan A. (editor-in-chief). *Revista doctoranzilor in istorie veche şi arheologie* I. Cluj-Napoca, 129—135.

References

Abyzova, E. N., Travkin, S. N. 2000. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (European Steppes in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 351—359 (in Russian).

Bârnea, P. P. 1984. *Moldavskii srednevekovyi gorod v Dnestrovsko-Prutskom mezhdurech'e (XV — nachalo XVI v.) (Moldavian Medieval Town in the Dniester-Prut Interfluve (15th — Early 16th Century))*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Veselovsky, N. I. 1922. *Khan iz temnikov Zolotoi Ordy Nogai i ego vremia (Nohai, the Khan from the Golden Horde Tumen Leaders, and His Time)*. Petrograd: "Rossiiskaia Gosudarstvennaia Akademicheskaia Tipografiia" Publ. (in Russian).

Dochev, K. 2009. *Katalog na bălgarskite srednovekovni moneti XIII—XIV vek: Tipove, varianti, tseni (Catalogue of Bulgarian Medieval Coins from 13th—14th Centuries: Types, Variants, Prices)*. Veliko Tărnovo: "Tsentreks"

Publ. (in Bulgarian).

Jovanović, M. 2001. *Srpski srednjovekovni novac (Serbian Medieval Money)*. Beograd: "Linea Art" Publ. (in Serbian).

Kazarov, A.A., Krivenko, A.V. 2010. In *Revista Arheologică*, Seria nouă VI (2). 138—145 (in Russian).

Krivenko, A.V., Kazarov, A.A. 2012. In *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 2. Kazan': II AN RT, 25—37 (in Russian).

Kuzev, A. 1961. In *Arkheologiya (Archaeology)* III (2). Sofia, 14—17 (in Bulgarian).

Polevoy, L.L. 1969. In *Dalekoe proshloe Moldavii (Remote Past of Moldavia)*. Kishinev: "Cartea Moldovenească" Publ., 146—160 (in Russian).

Russev, N.D. 1999. *Na grani mirov i epokh. Goroda nizov'ev Dunaia i Dnestra v kontse XIII—XIV vv. (On the Edge of Civilizations and Epochs. Cities in the Lower Reaches of the Danube and the Dniester in Late 13 th—14 th cc.)*. Kishinev: High Anthropological School University (in Russian).

Stojaković, S. 2000. In *Dinar* 13, 20—24 (in Serbian).

Ćirković, S. 2009. *Istoriia Serbov (History of the Serbians)*. Moscow: "Ves' mir" Publ. (in Russian).

Ianina, S.A. 1977. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 49. *Numizmaticheskii sbornik (Numismatical Collected Works)* 5 (1), 193—212 (in Russian).

Crivenco, A., Ovčarov, V. 2012. Monede medievale bulgăreşti descoperite pe teritoriul dintre Prut şi Nistru. In: *XIII Simpozion de Numismatica, rezumatele comunicărilor*. Chişinău: Muzeul Naţional de Arheologie şi Istorie a Moldovei, 23—26.

Dimitrijević, S. 2001. *Katalog zbirke srpskog srednjovekovnog novca Sergija Dimitrijevića*. Beograd: Srpska akademija nauke i umetnosti, Zavod ya udzbenike i nastavna sredstva.

Krivenko, A., Ovtcharov, V. 2011. Bulgarian Coins Found on Kosteshty Site in Moldova. In: Lazarenko I. (ed.). *Acta Musei Varnaensis* VII (2). Varna: Ongăl, 223—228.

Ljubić, S. 1875. *Opis jugoslavenskih novaca*. Zagreb: Artistićko-tipografićki zavod Dragutina Albrechta.

Nicolae, E. 2005. Monedele de tip Costeşti-Gîrla. In: *Simpozion de Numismatică*. Chişinău, 26—28 noiembrie 2003. Comunicări, studii şi note. Bucureşti: Editura Enciclopedică, 89—104.

Oberländer-Târnoveanu, E. 1993. Un atelier monétaire inconnu de la Horde d'Or sur le Danube: Saqčy-lsaccea (XIIIe—XIVe siècles). In: *Actes du XIe Congrès International de Numismatique* III. Bruxelles, 8—13 septembre 1991. Louvain-la-Neuve, 291—304.

Ovtcharov, V. 2013. Countermarked coinage of Dobrudja. A detailed investigation (case report). In: Peţan A. (editor-in-chief). *Revista doctoranzilor in istorie veche şi arheologie* I. Cluj-Napoca, 129—135.

Статья поступила в номер 1 мая 2014 г.

Andrei Crivenco (Tiraspol, Moldova). Candidate of Geographical Sciences. "T.G. Shevchenko" Transnistria State University [1].

Andrei Crivenco (Tiraspol, Moldova). Candidat în ştiinţe geografice. Universitatea de Stat din Transnistria „T.G. Şevcenco".

Кривенко Андрей Валерьевич (Тирасполь, Молдова). Кандидат географических наук. Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко.

E-mail: crivenco@inbox.ru

Address: [1] 25 October St., 128, Tiraspol, 3300, Moldova

Н. А. Алексеенко, Л. В. Дергачёва, Ю. А. Цепков

Новые находки молдавских монет в юго-западном Крыму

Keywords: Crimean coin findings, Moldavian medieval coins, groats and half groats.

Cuvinte cheie: descoperiri monetare din Crimeea, monede medievale moldoveneşti, groşi şi jumătăţi de groşi.

Ключевые слова: крымские монетные находки, молдавские средневековые монеты, гроши и полугроши.

N. A. Alekseienko, L. V. Dergaciova, Ju. A. Tzepkov

New Findings of Moldavian Coins From the South-Western Crimea

The authors present fifteen coins found in different locations of the South-Western Crimea. These were Moldavian emissions minted in the last quarter of 14th — early 16th centuries. Presence of these finds in the South-Western part of the peninsula can tell not only about participation of Moldavian coins in the monetary circulation in this region, but also about development of commercial and political links between the Genoese colonies and Moldavia.

N. A. Alekseienko, L. V. Dergaciova, Ju. A. Tzepkov

Monede moldoveneşti recent descoperite în sud-vestul Crimeei

În articolul de faţă sunt publicate cincisprezece piese care au fost descoperite în diferite locaţii din Crimeea de sud-vest. Monedele prezentate aparţin emisiunilor moldoveneşti, bătute în sec. XIV — începutul sec. al XVI. Prezenţa acestora în regiunea de sud-vest a peninsulei poate indica nu doar participarea lor la circulaţia monetară, dar şi dezvoltarea relaţiilor comerciale şi politice dintre coloniile genoveze şi statul moldovenesc.

Н. А. Алексеенко, Л. В. Дергачёва, Ю. А. Цепков

Новые находки молдавских монет в юго-западном Крыму

В статье представлены данные о пятнадцати монетах, которые были найдены в различных районах юго-западного Крыма. Монеты относятся к молдавским эмиссиям, выпущенным в последней четверти XIV — начале XVI вв. Присутствие этих находок в юго-западной части полуострова может свидетельствовать не только об участии молдавских монет в денежном обращении региона, но и о развитии торговых и политических связей между генуэзскими колониями и молдавским государством.

Находки монет Молдавского княжества на территории средневекового Крыма — явление достаточно редкое. На сегодняшний день среди обильно представленных джучидских и татаро-генуэзских монет они вместе с западноевропейскими выпусками занимают совсем незначительное место и представлены, как правило, единичными экземплярами. Очевидно, в денежном обращении региона они не играли столь существенной роли, как генуэзские аспры и фолери. Однако, их присутствие среди нумизматического материала полуострова, безусловно, свидетельствует о контактах местного населения со своими соседями из Пруто-Днестровского междуречья.

Единичные находки молдавских монет уже были зафиксированы при раскопках Алустона (Адаксина и др. 1994: 15; Кирилко 1997: 182—183, рис. 2) и Херсона[1]. Они также известны на городище Неаполя Скифского (Харко 1961: 217, №4; рис. 1: 4), Фуны (Кирилко 1997: 181—182, рис. 1), Солхата-Крыма (Крамаровский 1989: 153); в случайных находках юго-западной части Крыма (Dergaciova, Bojko-Gagarin 2014). Отмечены монеты молдавских господарей и на территории генуэзских крепостей Солдайя (Бырня, Руссев 1999: 212, №28; Майко 2009: 97—98, рис. 2) и Чембало (Алексеенко 2008: 9—15, №1—4; Alekseienko 2011: 13, nr. 2—4), а также на Мангупе (Бырня, Руссев 1999: 207, №26).

[1] В нумизматическом собрании Национального заповедника «Херсонес Таврический» присутствуют, к сожалению, пока не изданные, монеты молдавских господарей, происходящие из раскопок данного городища.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© Н. А. Алексеенко, Л. В. Дергачёва, Ю. А. Цепков, 2014.

И, видимо, этот список не останется окончательным. Исследования продолжаются, а на некоторых памятниках они только начинаются. И кто знает, что нас ожидает впереди? Появление новых находок может существенно изменить нынешнее представление об их распространении и указать на присутствие несколько иного объема молдавских эмиссий в денежном обращении средневекового Крыма. Введение в оборот более десятка новых монет, обнаруженных в юго-западном Крыму только за последний год — явный тому пример.

Судя по карте распространения монет Молдавии в Северо-Западном Причерноморье, которую составили П. П. Бырня и Н. Д. Руссев (Бырня, Руссев 1999: 212, рис. 36), Крым являлся одной из особых контактных зон, где сталкивались интересы нескольких политических и экономических сил: византийцев и золотоордынцев Крыма, итальянских дожей Генуи и Венеции, литовских князей и королей Польши. Среди них свое место, надо полагать, занимали и молдавские правители. Такая локализация нумизматического материала вовсе не представляется случайной. Судя по всему, она отражает особенности исторического развития Молдавского государства, его политические и экономические устремления того периода.

Новые монеты, происходящие с территории ближайшей округи Севастополя, принадлежат к той же эпохе, хотя, в известной мере, и расширяют ее хронологические границы, показывая, что молдавская монета и в XVI в. по-прежнему оставалась в орбите финансово-экономических интересов населения Крыма.

Наиболее ранние монеты (гроши) относятся к последней четверти XIV в. — времени правления Петра I (каталог, №1) и Стефана I (каталог, №2). Одна из них происходит из района современной Балаклавы и, видимо, имеет непосредственное отношение к крепости Чембало, а другая — из окрестностей села Тополи, вблизи Симферополя. Грош Петра I, выполненный из доброкачественного серебра, относится к ранним эмиссиям и характеризуется наличием шести лилий на щите реверса. Данный тип, по мнению К. Пырван, отчеканен не ранее 1382 г. и не позднее 1386 г. (Pârvan 2003: 432—433). Монета Стефана I из металла с низким содержанием серебра сохранилась довольно плохо. Ее «пористая» и частично стертая поверхность не позволяет различить все составляющие легенд аверса и реверса. На основе немногих видимых элементов можно утверждать, что данный грош относится к эмиссиям с немецкоязычным названием страны MOLDER LANG (T).

Стоит отметить, что, в отличие от молдавских монет первой половины XV в., которые в значительном количестве зарегистрированы не только не территории Молдавии, но и на территории Крыма, к примеру, Симферопольский клад (Дергачева 2012: 199—221), эмиссии конца XIV в., выпущенные от имени Петра I и Стефана I, редко встречаются в изолированных находках. Их распространение ограничивается, в основном, территорией Карпато-Прутского региона (Цара де Сус), будучи спорадично зарегистрированы на территории Пруто-Днестровского региона (Цара де Жос) и даже в находках из Белгород-Днестровской крепости (Богуславский, Дергачева 2010: 78—79, 84, №1, 2; 2014). Впрочем, при незначительном распространении монет Петра и Стефана в коммерческих центрах Цара де Жос в конце XIV в., их количество возрастает по мере приближения к генуэзских колониям Северо-Западного Причерноморья (Руссев, Мельников 2003—2004: 490—491, №1; Dergaciova 2012: 151—161).

Наибольшим количеством представлены эмиссии Александра I (каталог, №3—7). Из пяти известных экземпляров один грош, выпущенный в середине его правления, обнаружен около с. Викторовка Бахчисарайского района (каталог, №5); остальные два гроша, отчеканенные в первые годы его княжения (каталог, №3—4) и два медных анэпиграфных полугроша, битые во второй половине правления (каталог, №6—7) происходят из Севастопольского района.

Ко времени правления Александра I и/или его ближайших наследников Ильяша I и Стефана II, вплоть до 40-х гг. XV в., относят выпуск медных монет типа «Аспрокастрон» (каталог, №8). Важным является то обстоятельство, что данные эмиссии не были предусмотрены для широкого хождения. За редким исключением (Nicolae 2009: 219), диапазон их распространения ограничивался Белгородом на Днестровском лимане. Поэтому находка такой монеты в Севастопольском районе является значимым фактом.

Следующая монета — это ранее не встречавшийся в Крыму грош Ильяша I (каталог, №9). Он найден в Альминской долине (вероятно, у села Вилино Севастопольского района). Грош относится к типу со схематизированным изображением некоего сооружения (тернарного знака) на щите реверса (Nicolae 1996: 189). О. Илиеску относит этот тип ко второй половине правления Ильяша (Iliescu 1970: 29—30).

Два следующих гроша, выполненные из низкокачественного серебра, относятся к периоду нестабильности и внутренних потрясений. Один из них, найденный в Севастопольском районе, отчеканен при Стефане II (каталог, №10), а второй, только с определенной долей вероятности отнесенный к эмиссиям Петра II, обнаружен около села Орловка Севастопольского района (каталог, №11). Грош Стефана II относится к немногочисленным и редким эмиссиям, на которых легенда аверса расположена против часовой стрелки. Из сохранившихся букв видна первая буква имени эмитента (S) и вторая часть легенды с титулом господаря (…OIWOD)[2]. Грош, найденный у села Орловка, ввиду плохой сохранности, неразличимой легенды реверса и стертости некоторых компонентов, формирующих изображение на геральдическом щите, не может быть с точностью определен. Впрочем, ввиду того, что на данной монете различима сокращенная титулатура господаря …•WO (на реверсе) и присутствует буква, по форме напоминающая …R…, (на аверсе), можно предположить, что монета относится к одному из монетных типов Петра II. Судя по описанию монеты, данный тип не был известен составителям нумизматического каталога (Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977: cf. 72—73).

К денежным выпускам Стефана III, который провел одну из самых значимых монетных реформ, относятся два гроша. Один из них был обнаружен в составе клада/кошеля в районе «Красный камень» (каталог, №12), монета относится к выпускам первого типа и уже была описана в литературе (Алексеенко 2013: 35, №14). Другой грош, обнаруженный между селами Орловка и Вишневое, в районе Качинской долины, относится ко второму монетному типу, отчеканенному во второй половине его правления (каталог, №13).

Самые поздние из представленных монет, были отчеканены при Стефане IV и происходят из находок Белогорского (каталог, №14) и Севастопольского (каталог, №15) районов. Они характеризуются наличием классического изображения головы быка с атрибутами на аверсе и двойного креста на реверсе. Изображения обеих сторон вписаны в асимметричные щиты. Примечательно, что обе монеты перфорированы и, скорее всего, использовались как украшения[3].

Находки монет молдавских владетелей среди нумизматического материала крепости Чембало в Балаклаве, а также в ее непосредственной округе, на территории Севастопольского административного района, да и вообще в юго-западном Крыму, ставит ряд вопросов. В частности, о наличии тесных контактов местного населения с Молдавией и участии монет последней в денежном обращении Крыма не только в заключительный период существования здесь итальянских владений вплоть до их падения в 1475 г., но и позже, когда эта территория попала под контроль Османской империи.

Подтверждением этого тезиса, на наш взгляд, является и то немаловажное обстоятельство, что в крепости Чембало молдавские монеты находят на совершенно разных участках. К примеру, две монеты происходят из барбакана башни консула Барнабы Грилло (1463 г.) (Адаксина, Кирилко, Мыц 2004: 119, №74; 2005: 60, №18; Алексеенко 2008: 12—13, рис. 2; 4), где находился один из входов в крепость; одна монета была найдена в помещении №2, примыкавшем к «консульской» церкви на территории замка города св. Николая (Алексеенко 2008: 11—12, рис. 1); еще один экземпляр был обнаружен у двухапсидного храма (Адаксина, Кирилко, Мыц 2006: 209, рис. 139: 3; Алексеенко 2008: 13, рис. 3), в непосредственной близости от башни-донжона и крепостной цитадели на горе Кастрон. Это, на наш взгляд, косвенным образом свидетельствует об участии молдавских монет в денежном обращении крепости и ее округи; причем, что следует особо отметить, как серебряных, так и медных выпусков.

Думается, что появление новых находок на территории юго-западного Крыма лишний раз подтверждают мнение о том, что основные центры средневековой Таврики с прилегающими к ней районами, так или иначе, входили в сферу интересов Молдавского государства. Были это контакты, связанные с поиском вероятных союзников (Кирилко 1997: 183—184), или же традиционные торговые связи, на данный момент трудно утверждать однозначно. Не исключено, что здесь имели место оба эти фактора. Не следует забывать, что в середине XV в. и Молдавия, и Генуя были заинте-

[2] Стоит отметить, что монета данного типа со схожей легендой известна в единственном экземпляре в государственном собрании Муниципального Музея Бухареста, коллекция Марии и др. Г. Северяну, инв. №120858, и по сей день остается не изданной.

[3] В связи с этим возникает вопрос, продолжали ли молдавские монеты поступать на полуостров в качестве денег после ухода генуэзцев из Крыма или же они привозились на полуостров уже после перфорирования и не использовались в денежном обращении.

ресованы как в развитии своих торговых отношений, так и в поиске надежных союзников в связи с обострявшейся внешнеполитической обстановкой. Напомним, что в 1458 и 1472 гг. республика Св. Георгия настоятельно рекомендовала администрации Кафы поддерживать самые тесные отношения с причерноморскими владетелями, среди которых значился и союзник молдавского господаря — Монкастро (Iorga 1895: 50).

Каталог

Молдавия

Монетный двор: Сучава

Петр I (около 1375—1391)

Грош 1382—1384/1386

Аверс. +… ET… WOIW. Голова быка анфас, между рогами пятилепестковая роза, справа полумесяц, слева роза. Точечный ободок.

Реверс. +S… AVINS… ✤ Геральдический щит: I три балки, II шесть лилий. Точечный ободок.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977: cf. 48—49, nr. 93—122, тип с шестью лилиями в щите; Pârvan 2003: 432—433.

1. AR, ? г, около 19 мм, обломана, пробита. Найдена в Балаклавском районе.

Стефан I (1394—1399)

Грош 1394—1399

Аверс. …GEPA… WOIWOD. Голова быка анфас, между рогами пятиконечная звезда, справа полумесяц, слева роза (?). Точечный ободок.

Реверс. ✿ MOLDE… ✿ LANG. Геральдический щит: I три балки, II две лилии. Точечный ободок.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977: cf. 58, nr. 351—351b.

2. AR-BI, 1,15 г, 18,5 мм, стерта. Найдена около с. Тополи, Симферопольский район; http://forum.violity.kiev.ua/viewtopic.php?t=188226 (дата обращения 25.04.2010, эта монета).

Александр I (1399/1400—1432)

Грош 1399/1400—1402

Аверс. Голова быка анфас, между рогами пятиконечная звезда, справа полумесяц, слева звезда. Точечный ободок.

Реверс. Геральдический щит: I три балки, II две лилии. Точечный ободок.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977: cf. 59—60, nr. 356—367, tip I; Iliescu 2000: 79, faza I; Pârvan 2000: 566.

3. AE, 0,7 г, около 18 мм, стерта. Найдена в Севастопольском районе.

Аверс. SALEXANDERV (1h).

Реверс. SMOLDA… (1h).

4. AE, 0,7 г, 17 мм, обломана, стерта. Найдена в Севастопольском районе.

Аверс. SALEXANDER… (1h).

Реверс. …MOLDAVI… (12h).

Грош 1409—1415

Аверс. +MONEALEXANDRI. Голова быка анфас, между рогами пятиконечная звезда, справа роза, слева полумесяц. Точечный ободок.

Реверс. +WD•MOLDAVIENSIS. Геральдический щит: I три балки, II пять лилий; роза над щитом, полумесяц справа. Точечный ободок.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977: cf. 61, nr. 381—382, tip III; Iliescu 1970: 27, серия III (1409—1415); Iliescu 2000: 80, фаза III (1409—1431), выпуск IV (1409—1415).

5. AE, 0,8 г, 17,5 мм. Найдена у с. Викторовка, Бахчисарайский район.

Полугрош 1425/1430

Аверс. Голова быка анфас, между рогами пятиконечная звезда, справа роза, слева полумесяц. Точечный ободок.

Реверс. Геральдический щит: I три балки, II семь лилий; буква A справа от щита. Точечный ободок.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977: cf. 62, nr. 418, tip V; Iliescu 1970: 28, серия V (1430); Iliescu 2000: 82, фаза III (1409—1430), выпуск IX (параллельный) (1425—1430).

6. AE, 0,6 г, 13×15 мм. Найдена в Севастопольском районе.

7. AE, 1,0 г, 15 мм, реверс сильно стерт. Найдена в Севастопольском районе.

Монетный двор: Четатя Албэ (Белгород-Днестровский)

Тип «Аспрокастрон»

40-е гг. XV века

Аверс. Голова быка анфас, между рогами пятиконечная звезда, справа роза, слева полумесяц. Точечный ободок.

Реверс. **ТС**ЛКОРПСА (**ТС** даны в лигатуре) равносторонний крест, точки между лучами. Точечный ободок.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977: cf. 75, nr. 575—576, тип II; Lunardi 1980: 142—143, nos. LR2— LR3; Nicolae 2009: 220—224.

8. AE, ? г, 16 мм, стерта. Найдена в Севастопольском районе.

Монетный двор: Сучава

Ильяш I (1432—1442, с перерывами)

Грош 1436—1442

Аверс. +ELI… WODA. Голова быка анфас, между рогами пятиконечная звезда, справа роза, слева полумесяц. Точечный ободок.

Реверс. +ELIAS•W… A. Геральдический щит: схематичное изображение сооружения (тернарный знак), дополненный сверху крестом; буква I (?) справа от щита. Точечный ободок.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977: cf. 67—68, nr. 489—494, tip IV; Iliescu 1970: 29—30, tip IV (1436—1442); Nicolae 1996: 189.

Рис. 1. Молдавские средневековые монеты: 1 — Петр I; 2 — Стефан I; 3—7 — Александр I; 8 — тип «Аспрокастрон»; 9 — Ильяш I; 10 — Стефан II; 11 — Петр II (?); 12—13 — Стефан III; 14—15 — Стефан IV (1,25:1).

Fig. 1. Moldavian medieval coins: 1 — Peter I; 2 — Stephan I; 3—7 — Alexander I; 8 — “Asprocastron” type; 9 — Iliaş I; 10 — Stephan II; 11 — Peter II (?); 12—13 — Stephan III; 14—15 — Stephan IV (1,25:1).

9. AE посеребренная, 1,5 г, 19 мм, стерта. Найдена в Альминской долине (вероятно, у с. Вилино), Севастопольский район.

Стефан II (1433—1447, с перерывами)

Грош 1435—1443

Аверс. DOWIO… S. Голова быка анфас, между рогами пятиконечная звезда, справа роза, слева полумесяц. Точечный ободок.

Реверс. …MVLDAVIE… Геральдический щит: I три балки, II крыло; тернарный знак над щитом. Точечный ободок.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977: cf. 70, nr. 518—520, тип III; Iliescu 1970: 31, tip III (1435—1443).

10. AR-BI, 1,01 г, 20 мм, пробита, стерта. Найдена в Севастопольском районе.

Петр II (?) (1447—1448)

Грош

Аверс. +M… R (?)I•WOI. Голова быка анфас, между рогами пятиконечная звезда, справа роза, слева полумесяц (?). Точечный ободок.

Реверс. +MO…•WO. Геральдический щит: I лилии (? видны две), II балки (видна одна); буква n над щитом. Точечный ободок.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977: cf. 72—73, nr. — (тип не издан).

11. AR-BI, 1,2 г, около 18 мм, стерта, пробита ножом. Найдена у с. Орловка, Севастопольский район.

Стефан III (1457—1504)

Грош 1457—1476

Аверс. +MONETAMOLDAVIE. Голова быка анфас, между рогами пятиконечная роза, справа роза, слева полумесяц. Точечный ободок.

Реверс. +STEFANVSVOIEVODA. Геральдический щит: I крест над розой, II три балки. Точечный ободок.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977: cf. 78—80, nr. 604—607, тип Ia, розетка 1; Iliescu 1970: 33, тип I (1457—1476); Oberländer-Târnoveanu 2005: 307, тип I, вариант 1, подвариант *a* (1465/1467—1475/1476).

12. AR, 0,5 г, около 15 мм. Найдена в соста-

ве клада/кошелька вместе с золотоордынскими и татаро-генуэзскими монетами у с. Широкое (район заказника «Красный камень»). Алексеенко 2013: 35, №14 (этот экз.).

Грош 1480—1504

Аверс. +MONETAMOLDA. Голова быка анфас, между рогами пятилепестковая роза, справа полумесяц, слева роза. Точечный ободок.

Реверс. +STEFA… VOIEV. Геральдический щит: двойной крест. Точечный ободок.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977: cf. 83, nr. 713g, тип II b, розетка 2; Iliescu 1970: 33, tip II (1480—1504); Oberländer-Târnoveanu 2005: 307, тип II, вариант 1, подвариант b (1476/1479—1497).

13. AR, 0,7 г, 13,5 мм, двойной удар аверса и реверса. Найдена между селами Орловка и Вишневое, в районе Качинской долины.

Стефан IV (1517—1527)

Грош 1517—1527

Аверс. +IWCTEФАНАВОЕ… О. Асимметричный щит: голова быка анфас, между рогами пятиконечная звезда, справа роза, слева полумесяц. Точечный ободок.

Реверс. +Д… МОЛДАВ*СКОН. Асимметричный щит: двойной крест; роза справа и слева от щита. Точечный ободок.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977: cf. 87, nr. 768.

14. BI-AE, 0,8 г, 19 мм, пробита. Найдена в Белогорском районе.

Аверс. +IWCTEФАНАВОЕВОДА*ГОСПО. Асимметричный щит: голова быка анфас, между рогами пятиконечная звезда, справа полумесяц, слева роза. Точечный ободок.

Реверс. +ДАР*ЗЕМ… ДАВ*СКОН. Асимметричный щит: двойной крест; роза справа и слева от щита. Точечный ободок.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977: cf. 86—87, nr. 762—765.

15. AE посеребренная, 0,7 г, 18 мм, пробита. Найдена в Севастопольском районе.

Литература

Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Лысенко А. В., Мыц В. Л., Татарцев С. В., Тесленко И. Б., Семин С. В. 1994. Исследования крепости Алустон. *Археологические исследования в Крыму. 1993 год*. Симферополь: Таврия, 10—15.

Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. 2004. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 г.* МЮКАЭ III. Санкт-Петербург; Симферополь: ГЭ.

Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. 2005. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 г.* МЮКАЭ IV. Санкт-Петербург; Симферополь: ГЭ.

Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. 2006. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005 г.* МЮКАЭ V. Санкт-Петербург; Симферополь: ГЭ.

Алексеенко Н. А. 2008. Взаимоотношения Крыма с Северо-Западным Причерноморьем в XV в. по нумизматическим данным: молдавские монеты на территории генуэзской крепости Чембало. *ДП* VIII, 9—15.

Алексеенко Н. А. 2013. Комплекс позднесредневековых монет из окрестностей Севастополя как индикатор широких контактов населения Юго-Западного Крыма. *ДП* X, 28—38.

Богуславский Г. С., Дергачева Л. В. 2010. Молдавские монеты из раскопок 2005—2007 гг. в Гражданском дворе Белгород-Днестровской крепости и некоторые проблемы постройки стен Гражданского двора. *ЗОНТОАМ* I, 73—91.

Богуславский Г. С., Дергачева Л. В. 2014. Средневековые монеты из раскопок 2005—2010 гг. в Гарнизонном дворе Белгород-Днестровской крепости. *ЗОНТОАМ* II. Одесса, в печати.

Бырня П. П., Руссев Н. Д. 1999. Монеты средневековой Молдавии. *Stratum plus* (6), 176—262.

Дергачева Л. 2012. Клад молдавских монет XV в., найденный в окрестностях Симферополя. *Stratum plus* (6), 199—221.

Кирилко В. П. 1997. О находке молдавской монеты на Фуне. *Археология Крыма* 1 (1). Симферополь, 181—184.

Крамаровский М. Г. 1989. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII—XIV вв. *Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа*. Ленинград: ГЭ, 141—157.

Майко В. В. 2009. Молдавские монеты XV в. в средневековой Сугдее. *Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция*. Москва: Нумизматическая литература, 97—98.

Руссев Н. Д., Мельников О. Н. 2003—2004. Тайна «Каратов замка Илличе». *Stratum plus* (6), 479—494.

Харко Л. П. 1961. Монетные находки Тавро-Скифской экспедиции 1946—1950 и 1957 гг. *МИА* 96, 214—222.

Alekseienko N. 2011. Monetary circulation in Genoese Cembalo (14th—15th cc.) and Ottoman Balaklava (1475—1783). *Al XII-lea simpozion de numismatică.* Programul şi rezumatele comunicărilor. Chişinău, 13.

Buzdugan G., Luchian O., Oprescu C. 1977. *Monede şi bancnote Româneşti*. Bucureşti: Sport.

Dergaciova L. 2012. Noi descoperiri numismatice din secolul al XIV-lea provenind din zona limanul Bugului. *MCSEE* IV, 151—161.

Dergaciova L., Bojko-Gagarin A. 2014. Noi descoperiri de monede moldoveneşti în regiunea de nord-est a Mării Negre. *CN* XVI (2010), 235—249.

Iliescu O. 1970. *Moneda în România (491—1864)*. Bucureşti: Meridiane.

Iliescu O. 2000. Aspecte ale economiei monetare în Moldova sub domnia lui Alexandru cel Bun. *RI* S. N. 11 (1—2), 59—95.

Iorga N. 1895. *Acte şi fragmente cu privire la istoria românilor*. Vol. III. Bucureşti: Cultura neamului românesc.

Lunardi G. 1980. *Le monete delle colonie Genovesi*. Genova: Società ligure di storia patria.

Nicolae E. 1996. Descoperiri monetare de la Suceava (I). *BSNR* 86—87 (140—141), 179—198.

Nicolae E. 2009. Date noi privind monedele şi contramărcile de tip Asprokastron. *Studia Varia in Honorem Professoris Ştefan Ştefănescu Octogenarii*. Bucureşti; Brăila: Istros, 217—226.

Oberländer-Târnoveanu E. 2005. Emisiunile monetare bătute pe teritoriul Moldovei în vremea lui Ştefan cel Mare (1457—1504) — Analiză critică. *CN* IX—XI (2003—2005), 299—388.

Pârvan K. 2000. Monede moldoveneşti descoperite în Dobrogea. *Istro-Pontica. Muzeul Tulcea la a 50-a aniversare*. Tulcea, 563—572.

Pârvan K. 2003. Încă un lot de monede moldoveneşti din tezaurul de la Rachelu (com. Luncaviţa), judeţul Tulcea. *Peuce* S.N. I (XIV). Tulcea, 431—446.

References

Adaksina, S.B., Kirilko, V.P., Lysenko, A.V., Myts, V.L., Tatartsev, S.V., Teslenko, I.B., Semin, S.V. 1994. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1993 god (Archaeological Researches in the Crimea in 1993)*. Simferopol: "Tavria" Publ., 10—15 (in Russian).

Adaksina, S.B., Kirilko, V.P., Myts, V.L. 2004. In *Materialy Iuzhnokrymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Materials of South-Crimean Archaeological Expedition)* III. Saint Petersburg; Simferopol: State Hermitage Museum (in Russian).

Adaksina, S.B., Kirilko, V.P., Myts, V.L. 2005. In *Materialy Iuzhnokrymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Materials of South-Crimean Archaeological Expedition)* IV. Saint Petersburg; Simferopol: State Hermitage Museum (in Russian).

Adaksina, S.B., Kirilko, V.P., Myts, V.L. 2006. In *Materialy Iuzhnokrymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Materials of South-Crimean Archaeological Expedition)* V. Saint Petersburg; Simferopol: State Hermitage Museum (in Russian).

Alekseenko, N.A. 2008. In *Drevnee Prichernomor'e (Ancient Pontic Region)* VIII, 9—15 (in Russian).

Alekseenko, N.A. 2013. In *Drevnee Prichernomor'e (Ancient Pontic Region)* X, 28—38 (in Russian).

Boguslavskii, G.S., Dergaciova L.V. 2010. In *Zapiski otdela numizmatiki i torevtiki Odesskogo arkheologicheskogo muzeia (Proceedings of the Department of Numismatics and Toreutics of Odessa Archaeological Museum)* I, 73—91 (in Russian).

Boguslavskii, G.S., Dergaciova, L.V. 2014. In *Zapiski otdela numizmatiki i torevtiki Odesskogo arkheologicheskogo muzeia (Proceedings of the Department of Numismatics and Toreutics of Odessa Archaeological Museum)* II. Odessa, (in print) (in Russian).

Bârnea, P.P., Russev, N.D. 1999. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropokogy)* (6), 176—262 (in Russian).

Dergaciova, L. 2012. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropokogy)* (6), 199—221 (in Russian).

Kirilko, V.P. 1997. In *Arkheologiia Kryma (Archaeology of Crimea)* 1 (1). Simferopol, 181—184 (in Russian).

Kramarovskii, M.G. 1989. In *Itogi rabot arkheologicheskikh ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha (Results of Works of Archaeological Expeditions of the State Hermitage Museum)*. Leningrad: State Hermitage Museum, 141—157 (in Russian).

Maiko, V.V. 2009. In *Piatnadtsataia Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia (15th All-Russian Numismatic Conference)*. Moscow: "Numizmaticheskaia literatura" Publ., 97—98 (in Russian).

Russev, N.D., Melnikov, O.N. 2003—2004. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropokogy)* (6), 479—494 (in Russian).

Kharko, L.P. 1961. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Researches on the Archaeology)* 96, 214—222 (in Russian).

Alekseienko, N. 2011. Monetary circulation in Genoese Cembalo (14th—15th cc.) and Ottoman Balaklava (1475—1783). *Al XII-lea simpozion de numismatică.* Programul şi rezumatele comunicărilor. Chişinău, 13.

Buzdugan, G., Luchian, O., Oprescu, C. 1977. *Monede şi bancnote Româneşti*. Bucureşti: Sport.

Dergaciova, L. 2012. Noi descoperiri numismatice din secolul al XIV-lea provenind din zona limanul Bugului. *MCSEE* IV, 151—161.

Dergaciova, L., Bojko-Gagarin, A. 2014. Noi descoperiri de monede moldoveneşti în regiunea de nord-est a Mării Negre. *CN* XVI (2010), 235—249.

Iliescu, O. 1970. *Moneda în România (491—1864)*. Bucureşti: Meridiane.

Iliescu, O. 2000. Aspecte ale economiei monetare în Moldova sub domnia lui Alexandru cel Bun. *RI* S.N. 11 (1—2), 59—95.

Iorga, N. 1895. *Acte şi fragmente cu privire la istoria românilor*. Vol. III. Bucureşti: Cultura neamului românesc.

Lunardi, G. 1980. *Le monete delle colonie Genovesi*. Genova: Società ligure di storia patria.

Nicolae, E. 1996. Descoperiri monetare de la Suceava (I). *BSNR* 86—87 (140—141), 179—198.

Nicolae, E. 2009. Date noi privind monedele şi contramărcile de tip Asprokastron. *Studia Varia in Honorem Professoris Ştefan Ştefănescu Octogenarii*. Bucureşti; Brăila: Istros, 217—226.

Oberländer-Târnoveanu, E. 2005. Emisiunile monetare bătute pe teritoriul Moldovei în vremea lui Ştefan cel Mare (1457—1504) — Analiză critică. *CN* IX—XI (2003—2005), 299—388.

Pârvan, K. 2000. Monede moldoveneşti descoperite în Dobrogea. *Istro-Pontica. Muzeul Tulcea la a 50-a aniversare*. Tulcea, 563—572.

Pârvan, K. 2003. Încă un lot de monede moldoveneşti din tezaurul de la Rachelu (com. Luncaviţa), judeţul Tulcea. *Peuce* S.N. I (XIV). Tulcea, 431—446.

Статья поступила в номер 7 апреля 2014 г.

Nicholas Alekseienko (Sevastopol, Crimea). Dr. Études Medievales. National Preserve of Tauric Chersonesos[1].

Nicholas Alekseienko (Sevastopol, Crimeea). Dr. Études medievales. Rezervaţia „Hersonesul Tauric".

Алексеенко Николай Александрович (Севастополь, Крым). Кандидат исторических наук. Национальный заповедник «Херсонес Таврический».

E-mail: chembalo@yandex.ru

Lilia Dergaciova (Kishinev, Moldova). Doctor of History. Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova[2].

Lilia Dergaciova (Chişinău, Moldova). Doctor în istorie. Institutul Patrimoniului Cultural, Academia de Ştiinţe a Moldovei.

Дергачёва Лилия Валентиновна (Кишинёв, Молдова). Доктор истории. Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы.

E-mail: dergaciova.lili@gmail.com

Jurij Tzepkov (Sevastopol, Crimea). National Preserve of Tauric Chersonesos[3].

Jurij Tzepkov (Sevastopol, Crimeea). Rezervaţia „Hersonesul Tauric".

Цепков Юрий Александрович (Севастополь, Крым). Национальный заповедник «Херсонес Таврический».

E-mail: chembalo@yandex.ru

Addresses: [1, 3] Drevnyaya St., 1, Sevastopol-45, 299045, Crimea; [2] Stefan cel Mare Bd., 1, Kishinev, MD-2001, Moldova

Список сокращений

АВ — Археологические вести. Санкт-Петербург.
АзФАН — Азербайджанский филиал Академии наук СССР. Баку.
АИМ — Археологические исследования в Молдавии. Кишинёв.
АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
АК МССР — Археологические культуры Молдавии. Кишинев.
Академия ВЭГУ — Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия. Уфа.
АМА — Античный мир и археология. Саратов.
АН СССР — Академия наук СССР. Москва.
АО — Археологические открытия. Москва.
АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
БАН — Библиотека Академии Наук. Санкт-Петербург.
БГУ — Белорусский государственный университет. Минск.
БИ — Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БС — балтийская система высот.
ВАН — Вестник Академии наук СССР. Москва.
ВВ — Византийский временник. Москва.
ВДИ — Вестник древней истории. Москва.
ВИ — Вопросы истории. Москва.
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Таллин.
ВИЖ — Военно-исторический журнал. Москва.
ВООПИК — Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры.
ВРГНФ — Вестник Российского гуманитарного фонда. Москва.
ГААРК — Государственный архив Автономной республики Крым. Симферополь.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры. Ленинград.
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств. Москва.
ГУМНИЦ — Государственный университет, межотраслевой научно-информационный центр. Пенза.
ГЭ — Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.
ДБ — Древности Боспора. Москва.
ДонГУ — Донецкий Государственный Университет. Донецк.
ДП — Древнее Причерноморье. Одесса.
ЗИИМК — Записки Института истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.
ЗОНТОАМ — Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. Одесса.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества. Санкт-Петербург.
ИА НАНУ — Институт археологии Национальной академии наук Украины. Киев.
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук. Москва.
ИАК — Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИАК — Императорская археологическая комиссия. Санкт-Петербург.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИИ АН СССР — Институт истории Академии наук СССР. Москва.
ИИАК — Известия Императорского археологического общества. Санкт-Петербург.
ИИМК — Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.
ИИЯЛ ДНЦ РАН — Институт истории, языка и литературы Дагестанского научного центра РАН. Махачкала.
ИОЛЕАЭ — Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Москва.
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры. Петроград — Ленинград.
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
КГОМА — Курский государственный областной музей археологии. Курск.
КГУ — Курский государственный университет. Курск.
КМА — Курский музей археологии. Курск.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва.
КФ ИА НАНУ — Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины. Симферополь.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии СССР. Ленинград.
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАР — Материалы по археологии России. Санкт-Петербург; Москва.
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МДАПВ — Матеріали досліджень з археології Прикарпаття і Волині. Львів.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МХГ — Магистратская хронологическая группа.
МЮКАЭ — Материалы Южно-крымской археологической экспедиции. Санкт-Петербург; Симферополь.
НА КГОМА — Научный архив Курского государственного областного музея археологии. Курск.
НЗХТ — Национальный заповедник Херсонес Таврический. Севастополь.
НиЖ — Наука и жизнь (журнал). Москва.
НИОР БАН — Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук. Санкт-Петербург.
НИОРК БАН — Научно-исследовательский отдел редкой книги Библиотеки Академии наук. Санкт-Петербург.
НИС — Новгородский исторический сборник. Новгород.
ННЗ — Новгород и Новгородская земля. Новгород.
ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород.
НС — Нумизматика и сфрагистика. Москва.
НС — Нумизматический сборник. Москва.
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва.
ОАМ — Одесский археологический музей Национальной академии наук Украина. Одесса.
ОРК — Очерки русской культуры. Москва.
ПГПУ — Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского. Пенза.
ПГОИАХМЗ — Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Псков.
ПГУ — Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко. Тирасполь.
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск.
ПКНО — Памятники культуры: новые открытия. Москва.
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской Империи.
ПССІАЕ — Питання стародавньої, середньовічної історії, археології та етнографії. Чернівці.
РА — Российская археология. Москва.
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры. Ленинград.
РАН — Российская Академия наук. Москва.
РГИА — Российский Государственный Исторический Архив. Санкт-Петербург.
РФГ — Ранняя фабрикантская группа.
СА — Советская археология. Москва.
САИ — Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СГЭ — Сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград — Санкт-Петербург.
Сканд. сб. — Скандинавский сборник. Таллинн.
СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Москва.
СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII в. Ленинград; Санкт-Петербург.
СПЛ XV—XVII вв. — Словарь промысловой лексики Северной Руси XV—XVII вв. Санкт-Петербург.
СРНГ — Словарь русских народных говоров. Ленинград; Санкт-Петербург.
СРНДРС, 1991 — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. (Л.Г.Панин). Новосибирск.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Ленинград.
ТТЗ — Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь.
УДЖ — Український історичний журнал. Київ.
ХС — Херсонесский сборник. Севастополь.
ЧКМ — Чернівецький краєзнавчий музей. Чернівці.
ЧКМ Фонды — Черновицкий краеведческий музей, фонды. Черновцы.
ACCLA — Ancient coin club of Los Angeles.
AMM — Acta Militaria Mediaevalia. Kraków; Sanok.
BCH — Bulletin de correspondence Hellénique. Paris.
BSNR — Buletinul Societăţii Numismatice Române. Bucureşti.
CMRS — Cahiers du Monde Russe et Soviétique. Paris.
CN — Cercetări Numismatice. Bucureşti.
EJ — Elbinger Jahrbuch. Elbing.
FAH — Fasciculi Archaeologiae Historicae. Łódź.
IOSPE, III — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. III.
JMH — The Journal of Military History. Lexington.
MCSEE — Monedă şi comerţ în Sud Estul Europei. Sibiu.
RI — Revista Istorică. Bucureşti.
RN — Revue Numismatique. Paris.
SFMA — Studien zu Fundmünzen der Antike. Mainz am Rhein.
SMDDUUW — Studia i materiały do dziejów dawnego uzbrojenia i ubioru wojskowego. Kraków.
SMHW — Studia i materiały do historii wojskowości. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź.
SMYA — Suomen muinaismuisto yhdistyksen aikakausikirja. Helsinki.
WA — Wratislavia Antiqua. Wrocław.
ZH — Zapiski Historyczne. Toruń.
ZNUJ — Zeszyty naukowe uniwersytetu Jagiełłońskiego. Kraków.

Авторам *Stratum plus*

Stratum plus. Археология и культурная антропология (сокращенно Stratum plus) — международный рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным проблемам археологии и культурной антропологии. Публикуемые материалы — результаты аналитических исследований, авторской интерпретации, качественная публикация новых источников. Помимо материалов по археологии и культурной антропологии, принимаются к публикации материалы по древней и средневековой истории, этнологии, нумизматике, эпиграфике и другим вспомогательным историческим дисциплинам.

Stratum plus выходит шесть раз в год на русском языке по единому издательскому плану:

№	Тематика номера	Материалы принимаются не позднее	Время выхода номера
1-й номер	Палеолит. Мезолит	1 ноября	Февраль
2-й номер	Неолит. Энеолит. Бронзовый век	1 декабря	Апрель
3-й номер	Ранний железный век. Античная эпоха	1 января	Июнь
4-й номер	Римское время. Эпоха Великого переселения народов	1 февраля	Август
5-й номер	Средние века	1 марта	Октябрь
6-й номер	Нумизматика и эпиграфика	1 апреля	Декабрь

Материалы, поступившие в редакцию после указанной даты, могут рассчитывать на выход в соответствующем тематическом номере следующего годового цикла.

Датой поступления материала в номер считается дата принятия редактором окончательного варианта статьи к публикации.

Материалы на других языках принимаются для перевода и публикации в журнале на русском языке по согласованию с редактором номера.

Порядок приема и рецензирования статей

При подготовке работ к публикации в журнале *Stratum plus* следует строго выполнять следующие редакционные требования:

Редакционная этика

• *Stratum plus* не печатает статьи о материалах, которые могут считаться похищенными.

• К публикации допускаются оригинальные, не публиковавшиеся ранее материалы. Автор материала обязан проинформировать редакцию, если его статья находится на рассмотрении в других изданиях или в печати находится измененная версия той же статьи, а также о том, в каких печатных изданиях ранее публиковались данные материалы. Подтверждение о том, что материал ранее не публиковался, фиксируется в форме-соглашении с автором.

• Убедительно просим авторов сообщать об источниках финансирования исследования, для предотвращения возможных конфликтов (форма-соглашение п. I.6.).

• Редакция журнала следует закону об авторском праве Республики Молдова и соответствующим международным соглашениям. Авторы ответственны за получение всех необходимых разрешений для публикации материалов, используемых в статье. Подтверждение прав на использование материалов для публикации фиксируется в форме-соглашении с автором.

• Автор не вправе размещать копию опубликованного в журнале материала в электронных базах данных и личных интернет-ресурсах. Может быть размещена лишь аннотация с обязательным указанием адреса статьи (линка) на сайте журнала.

• Электронная версия статьи (файл в формате PDF) может распространяться среди друзей и коллег, но не предоставляться на общедоступных ресурсах.

• Автор вправе свободно распоряжаться опубликованным материалом и переиздавать его в любых других изданиях. Однако, при этом он должен не нарушать исключительных прав журнала *Stratum plus*, указывая место первой публикации материала.

• *Stratum plus* может предоставить право третьей стороне на переиздание, в случае, если получено разрешение от автора соответствующего материала. Если же автор отказывает третьей стороне, то редакция *Stratum plus* действует в соответствии с решением автора.

• Призываем всех авторов соблюдать научную корректность в работах, содержащих критику в адрес коллег. В противном случае редакция оставляет за собой право отклонить материал или исправить его стиль.

• При рассмотрении материалов редколлегией журнала *Stratum plus* основное внимание обращается на научную ценность, ясность изложения и требования научной этики.

Структура подачи материалов

Материалы предоставляются в завершенном виде одним пакетом:

• **форма-соглашение с автором** является обязательной для заполнения и фиксирует согласие автора с требованиями и условиями публикации в журнале. Форма-соглашение доступна для скачивания по ссылке http://www.e-anthropology.com/Avtoram/default.aspx или по требованию, обратившись по адресу stratumplus@gmail.com. Без сопроводительной формы-соглашения материал на рассмотрение редакции не принимается;

• **текст** в электронном виде (в печатном виде текст высылается на адрес редакции — по желанию автора или по требованию редакции);

• **список** использованной **литературы** (требования к оформлению см. ниже);

• **иллюстративный материал:** рисунки, фотографии, таблицы/диаграммы с исходными файлами, использованными для их построения.

Порядок работы с принимаемыми материалами

1. Авторы получают подтверждение о поступлении материала в редакцию (обычно по электронной почте).

2. В течение месяца редакция сообщает автору о принятии или отклонении его материала (в последнем случае с объяснением причин, опираясь на заключения рецензентов), либо о необходимости доработок.

3. Редакция оставляет за собой право отклонить статью, не отвечающую установленным требованиям или тематике журнала.

4. Авторы получают PDF-версию макета своей статьи для утверждения к печати. Пожалуйста, обратите внимание, что на данной стадии допускаются только те исправления, которые не вносят принципиальных изменений в макет сверстанной статьи.

5. После того как материал принят в печать, внесение существенных дополнений или изменений не допускается. Если автор желает внести изменения, материал может быть отложен до начала работы над следующим номером журнала.

6. Датой поступления материала в номер считается дата принятия редактором окончательного варианта статьи к публикации.

7. В некоторых случаях материал может быть отложен по причине переполнения номера (с 2010 года максимальный объем материалов в любом номере составляет не более 300 страниц).

8. Автор опубликованного материала получает бесплатно экземпляр журнала и PDF-версию своей статьи*. Кроме того, автору предоставляется скидка в 30% от розничной стоимости журнала, в котором публиковался его материал, и 10% от розничной цены любого другого номера журнала, выпущенного в текущем году.

Порядок рецензирования статей

Научные статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. Порядок рецензирования статей смотрите на нашем сайте по ссылке http://www.e-anthropology.com/Avtoram/default.aspx#peer-review.

Технические требования

Текст

• Материалы принимаются в форматах ***.doc** и ***.rtf**.

• Не следует набирать заголовки и выделения в тексте всеми прописными буквами.

Объем

Монографии и статьи

Объем монографии, представляемой в журнал, вместе с иллюстрациями, подписями к ним и списком литературы не должен превышать половину объёма номера журнала, то есть 150 страниц. Для справки: в стандартную страницу нашего журнала умещается около 5000 знаков кириллицы (с пробелами, без заголовков и иллюстраций).

Объем статьи/рецензии, представляемой в журнал, согласовывается с редактором номера.

Резюме (и рекомендации по подготовке)

Резюме является источником информации об основном содержании и изложенных в публикуемой работе результатах исследований; устраняет необходимость чтения полного текста работы в случае, если она представляет для читателя второстепенный интерес; используется в информационных системах для поиска документов и информации.

---

* с 2014 г.

Резюме должно быть:

• оригинальным, содержательным (отражать основное содержание работы и результаты исследований), структурированным;

• компактным (укладываться в объем **от 600 до 1500** символов с пробелами);

• с адекватным и качественным переводом на английский язык (машинный перевод на английский язык не принимается и дает право редакции отклонить материал).

Резюме должно включать следующие аспекты содержания работы:

• предмет, тема, цель работы (указываются в том случае, если они не полностью раскрыты в заголовке);

• методы проведения работы (описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы);

• результаты работы (приводятся основные результаты, авторские выводы, оригинальные открытия);

• выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в работе.

В резюме следует избегать:

• фраз, дублирующих заглавие работы;

• общих слов, лишних вводных фраз (например, «*автор статьи рассматривает...*»), сложных грамматических конструкций;

• общеизвестных положений;

• сведений историографического характера, если они не составляют основное содержание работы, не приводить названия ранее опубликованных работ.

Ключевые слова (и рекомендации по написанию)

Ключевые слова должны раскрывать следующие аспекты работы: регион, хронология, тематика, специальная терминология.

Иллюстрации

• Журнал *Stratum plus* печатается в чёрно-белом режиме. Для такой печати единственно допустимый режим изображения — **GRAYSCALE** (оттенки серого). Для электронной версии журнала принимаются цветные фотографии в режиме изображения **RGB COLOR**. Режим изображения выставляется при сканировании или подготовке иллюстраций.

• Иллюстрации сохраняются в **растровом формате *.tif** (без сжатия). В этом формате размер файлов будет больше, но качество лучше. Рисунки принимаются и в векторном формате (*.ai, *.eps, в исключительных случаях — *.cdr), а также на бумаге в контрастном чёрно-белом варианте. Фотографии также должны быть контрастными.

• Разрешение должно быть **не менее, чем 300 точек на дюйм** (на реальный размер изображения), но если необходимо показать мелкие детали на иллюстрации, разрешение должно быть выше.

• При сканировании или подготовке иллюстрации в параметрах файла выставляется размер с учетом формата печатного поля журнала *Stratum plus*:

1 колонка — 7,23×24,3 см;

2 колонки — 15×24,3 см.

В это поле должна поместиться, кроме иллюстрации, подрисуночная подпись. Изображение на рисунке не должно сливаться с рамкой рисунка. Отступ по краям рисунка должен быть не менее 3—5 мм.

• Диаграммы должны быть оформлены в программе **MS Excel**. При этом обязательно вместе с диаграммами MS Excel предоставлять также таблицы, на основе которых они были выстроены.

• Если рисунок содержит **номера или текст**, они должны быть **впечатаны** в электронном виде, а не вписаны от руки. Исключение составляют архивные материалы.

• Иллюстрации, вставленные в MS Word или Excel-файл, не принимаются.

• Список иллюстраций и подписей к ним предоставляется в сопроводительной к материалу форме-соглашении (см. структуру подачи материала).

• При пересылке крупных материалов используйте файлообменник, например: **http://www.sendspace.com**

Таблицы

Наглядный материал может быть представлен в табличной форме.

• Таблица строится в программе MS Excel или MS Word:

• Таблицы должны иметь номер и заголовок (на английский язык заголовок не переводится).

• Если Таблица включает рисунки, то их необходимо прислать отдельно в формате *.tif или *.jpg.

Подготовка текста

Процесс обработки публикаций будет более оперативным, если рукопись представлена в соответствии с требованиями. Рекомендации по подготовке текста смотрите на нашем сайте по ссылке http://www.e-anthropology.com/Avtoram/default.aspx#text.

Библиография и система ссылок

Для публикации в журнале *Stratum plus* статьи или монографии используется нижеприведенная система составления внутритекстовых ссылок и оформления библиографии.

В случае несоответствия данным требованиям присланные материалы будут отправлены автору для доработки.

Оформление ссылок в тексте статьи

(Govedarica 2004: 55 ff.)

(Вишняцкий 2005: 213, рис. 3)

(Тельнов и др. 2002: 28—29, рис. 6: 10, 12—19; 7: 5, 7, 16—22; 8: 2—5)

(НАРМ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16)

(Herod. Hist. IV, 2)

(Быт. 2: 15)

(16 Пчелы, 142(141))

Оформление ссылок на иллюстрации и таблицы, помещенные в публикуемой работе

(рис. 1: 4, 5—7; 2: 1, 3—10; 3: 1, 2)

(табл. 1; 2)

Если в материале используются иллюстрации, взятые из других публикаций, то подписи к ним должны содержать ссылки: (по Иванов 2012: 55, рис. 25).

Оформление списка литературы

Ссылка на книгу/монографию[1]:

Govedarica B. 2004. *Zeptertäger-Herrscher der Steppen. Die frühen Ockergräber des älteren Äneolithikums im karpatenbalkanischen Gebiet und im Steppenraum Sudost- und Osteuropas*. Mainz: Zabern.

Вишняцкий Л. Б. 2005. *Введение в преисторию: Проблемы антропогенеза и становление культуры*. Кишинев: Высшая антропологическая школа.

Тельнов и др. 2002: Тельнов Н., Степанов В., Руссев Н., Рабинович А. 2002. …*И разошлись славяне по земле*. Кишинев: Высшая антропологическая школа.

Если монография опубликована в одном из номеров продолжающегося или периодического издания и занимает лишь часть номера, курсивом следует выделять только название издания, с обязательным указаним страниц.

Пассек Т. С. 1949. Периодизация трипольских поселений. *МИА* 10, 25—60.

Зиньковский К. В. 2013. Жилища племен трипольской культуры. *Stratum plus* (2), 27—100.

Если публикуемая монография заняла полностью номер соответсвующего издания, то курсивом следует выделять только название монографии и не указывать страницы.

Смирнов К. Ф. 1961. *Вооружение савроматов*. МИА 101.

Ссылки на другие типы работ[2]

Ссылка на сборник статей и материалы конференций

Братченко С. Н., Константинеску Л. Ф. 1987. Александровский энеолитический могильник. В: Шапошникова О. Г. (отв. ред.). *Древнейшие скотоводы степей юга Украины*. Киев: Наукова думка, 17—31.

Angelova I. 1991. Chalcolithic Necropolis near the Town Tărgovište. In: Lichardus J. (Hrsg.). *Kupferzeit als historische Epoche*. Bonn: Habelt, 101—105.

Auxiette G. 1995. La parure en schiste. In: Ilett M., Plateaux M. (dir.). *Le site néolithique de Berry-au-Bac „Le Chemin de la Pêcherie“ (Aisne)*. Paris: CNRS éditions, 181—183.

Рындина и др. 1993: Рындина Н. В., Иденбаум Г. В., Колосова В. С. 1993. Сульфидные медные плавки в металлургии позднего энеолита Северо-Восточных Балкан. В: Georgieva P. (ed.). *The Fourth Millenium B.C. Proceedings of the International Symposium, 28—30. August 1992, Nessebur, Bulgaria*. Sofia: New Bulgarian University, 137—145.

---

[1] Указание на издательство обязательно, за исключением тех случаев, когда название издания приводится в сокращенном виде, при этом полный вариант названия с издательством приводится в Списке сокращений.

[2] Указание на издательство и страниц обязательно; для сборников статей необходимо указать редактора / отв. редактора.

Ссылка на раздел (главу) в томе многотомного издания

Телегин Д. Я. 1985. Среднестоговская культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном левобережье Украины. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 305—320.

Ссылка на статью в продолжающемся издании

Мовша Т. Г., Чеботаренко Г. Ф. 1969. Энеолитическое курганное погребение у ст. Кайнары в Молдавии. *КСИА* 115, 45—49.

Кореневский С. Н. 1998. Поселение «Замок» у города Кисловодска (нижний слой). *МИИКН СК* 1, 96—147.

Amiot C. 1985. Un fragment de bracelet en schiste trouvé à Crenay (Haute-Marne). *Préhist. Protohist. Champ. Ard.* 9, 19—21.

Kaufmann D., Günther H. 1984. Ein Siedlung mit Gesichtsdarstellung der späten Stichbandkeramik von Heldrungen, Kr. Artern. *AuF* 29: 4, 153—160.

Ссылка на статью в периодическом издании

Клейн Л. С. 2005—2009. Полевой дневник археолога (памятка). *Stratum plus* (4), 517—525.

Рунич А. П. 1967. Энеолитическое поселение близ Кисловодска. *СА* (1), 228—233.

Рассамакін Ю. Я., Будников О. Б. 1993. Проблеми раннього степового енеоліту у світлі вивчення нових пам'яток. *Археологія* (3), 128—142.

Ссылка на диссертацию

Свинцов В. И. 1997. *Логические основы редактирования текста*. Дисс. … д-ра филол. наук. Москва.

Ссылка на автореферат

Пшеничная Т. А. 1984. *Русская техническая книга, 1725—1880 гг.* Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Москва.

Ссылка на интернет-ресурс

В ссылке на Интернет-ресурс обязательно указывается дата обращения.

Vajda E. J. 2009. *Dene-Yeniseic in past and future perspective*. URL: http://www.nostratic.ru/books/%28246%29 dy_vajda_perspective.pdf. Дата обращения 19.04.2011.

Монеты Боспора. URL: http://bosporan-kingdom.com/121-3003/12.html. Дата обращения 12.02.2012 г.

Zeno.ru: 131933: *Oriental Coins Database*. Islamic World/Jujid/Unindentified/Silver. 131933: Juchid AR dang. URL: http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=131933. Дата обращения 26.08.2013 г.

Если Вы цитируете по интернет-изданию книгу, которая уже была издана в печатном виде, повторяется весь формат обычной ссылки, а затем даётся указание на электронный адрес:

Пигулевская И.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий А.М. 1958. *История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века*. Москва: Наука. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/pigulevskaja_istorija/00.aspx. Дата обращения 22.03.2011 г.

Ссылка на архивные материалы

НАРМ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16.

Дитлер П. А. 1962. *Отчет археологической экспедиции Адыгейского научно-исследовательского института, проведенной в 1962 году в Лабинском районе, бывшем Ярославском, Краснодарского края в пос. Колосовка на р. Фарс под руководством П. А. Дитлера*. Архив ИА РАН. № 2662.

Submissions

Stratum plus. *Archaeology and Cultural Anthropology* (abridged as Stratum plus) is an international peer-reviewed academic journal focusing on topical issues of Archaeology and Cultural Anthropology. We publish results of analytical research and interpretations, as well as new sources in good quality. Besides papers on archaeology and cultural anthropology, we also accept studies in early and medieval history, ethnology, numismatics, epigraphics and other auxiliary historic disciplines.

Stratum plus comes out six times a year in the Russian language, in conformity with the established editorial plan:

Nr.	Subject	Paper submission deadlines	The issues comes out in
Number 1	Palaeolithic. Mesolithic	1 November	February
Number 2	Neolithic. Bronze Age	1 December	April
Number 3	Iron Age. Ancient Time	1 January	June
Number 4	Roman Time. The Migration Period	1 February	August
Number 5	Middle Ages	1 March	October
Number 6	Numismatics. Epigraphics	1 April	December

Any submission received after the deadline can be published in the respective thematic volume in the following year.
The submission date is the date when the final version of your paper is approved for publication by the editor.
Submissions in other languages that are to be translated and published in the journal in the Russian language shall be negotiated with the editor of the respective volume.

Submission and Peer-Review

While preparing your papers for submission to Stratum plus, please follow these publication rules:

Editorial Ethics

• Stratum plus does not publish articles about material which is suspected as looted.

• We accept only original submissions that have not been published elsewhere. The author shall inform the editors if the same paper is being considered for publication elsewhere, or if a different version of the same is in press. As well, the author shall inform the editor where this paper has been already published. You will need to confirm the fact that your submission has not been yet published anywhere when filling in the Declaration&Submission Form.

• We insistently ask you to inform us about any sources of funding to your research, to avoid any possible conflict Declaration&Submission Form, p. I.6.

• Stratum plus complies with the Republic of Moldova law on copyright and the rspective international conventions. You will be responsible for obtaining all the required permissions to publish any material used in your submission. You will need to confirm existence of such rights to use this material in your publication by filling in the Declaration&Submission Form.

• You will not be entitled to place a copy of your publication in e-repositories and personal web-resources. You may only place a summary with compulsory reference (link) to the article on the site of the journal.

• You may share an electronic version of your article (.pdf) among your friends and colleagues, but you may not offer it on publicly accessible resources.

• You shall be entitled to freely possess your publications and republish them elsewhere. However, you shall not violate Stratum plus exclusive rights, and therefore shall be required to indicate the place of the first publication of your paper.

• Stratum plus may offer the right to republication to a third party upon your consent. Should you refuse, Stratum plus shall abide by your decision.

• We urge all contributors to observe scholarly ethics in your papers that contain critics to your colleagues. Otherwise, the editors shall reserve the right to reject any such submission or correct its style.

• While reviewing, the Stratum plus Editorial Advisory Board's main concern is whether the academic value, clarity of narration and adherence to academic ethics is observed in these submissions.

Submission Checklist

You should submit your complete paper in a package:

• Declaration&Submission Form is compulsory and is to confirm your consent to the requirements and terms of publication. The Form can be downloaded (http://www.e-anthropology.com/English/Contribute/default.aspx#Cheklist) or requested by email to stratumplus@gmail.com. The editors shall not accept any submission without this accompanying Form.

• **Text** in MS Word (a printed copy shall be sent subject to the contributor's own desire or editors' demand).

• **List of references** (see requirements below).

• **Illustrations** include: drawings, photos, tables/graphs with original files used to build them.

Submission Process

1. You will be informed that your submission has been received (usually by email).

2. Within a month, the editors will inform you on whether your submission is accepted or not (with due explanations in the latter case, based on reviewers' assessments), or whether it requires certain improvements.

3. The editors shall reserve the right to reject any submission that does not meet the requirements or the subjects of the journal.

4. You will receive a proof (in .pdf format) of your paper for endorsement. Please note that only such amendments shall be accepted at this stage, which do not make any major changes to the layout.

5. Once your submission has been accepted for publication, no further additions or changes are admitted. If you wish to make any further changes, your paper may be postponed until the next volume of the journal is in process.

6. The submission date is the date when the final version of your paper is approved for publication by the editor.

7. In some cases a publication may be postponed due to the overflow of submissions to the respective volume (since 2010, the maximum capacity of any volume is no more than 300 pages).

8. You will be entitled to a free copy of the volume with your publication and .pdf of your article (from 2014). Besides, you will benefit of a 30% discount on retail price of the same volume and a 10% discount on retail price of any other volume published in the same year.

Peer-Review

All submissions are peer-reviewed. We practice double blind peer-review, which implies anonymity of both the reviewers and the author. Details about our review process you may find on http://www.e-anthropology.com/English/Contribute/default.aspx#peerreview.

Technical requirements

Text

- Contributions shall be accepted in *.doc and *.rtf formats.
- Please, do not use Caps Lock in headlines and highlighted text.

Length

Monographs / Articles

A monograph submitted to the journal along with all its figures, captions to them and list of references shall not exceed one half of the volume's length, i.e. 150 pages. For your information: a standard page in our journal includes about 5,000 Cyrillic characters (with spaces, without headlines and figures).

Length of an article/review shall be negotiated with the volume's editor.

Abstract (and how to write)

An abstract is a source of information on the main content and findings exposed in the publication; it makes reading the full text redundant, should the reader have no primary interest in it; it is used by information systems to search for documents and information.

An abstract shall be:

- authentic, comprehensive (reflecting the main content and findings exposed in your paper), well structured;
- concise (**600—1500 characters** with spaces);
- written in proper English.

Your abstract shall contain the following aspects of your work:

- subject, topic and aim of your paper (these should be mentioned, unless fully exposed in the title of the paper);
- research methods (you should define them if they are a novelty and are interesting in view of your paper);
- findings (main results, your conclusions, genuine discoveries);
- you may supply your conclusions with recommendations, assessments, proposals, hypotheses, as described in your paper).

You should avoid when writing your abstract:

- any phrase that duplicates the title of your paper;
- common wordings, redundant introductory phrases (for instance, the author of the article considers...), complex grammar constructions;
- commonly known arguments;
- information of historiographic nature, unless these make the main content of the paper, titles of earlier published papers.

Keywords (how to write)

Keywords shall disclose the following aspects of your submission: region, chronology, subjects, special terminology.

Illustrations

• Our journal is printed in black-and-white style. This type of print only accepts images in **GRAYSCALE**. We accept color pictures in **RGB COLOR** for the digital version of the journal. You may choose the quality of your images while scanning or otherwise preparing your illustrations.

• Illustrations shall be saved in **bit map (raster graphics) format *.tif** (uncompressed). This format makes the file size larger and better in quality. Illustrations are accepted in vector format too (*.ai, *.eps, in exceptional cases in *.cdr), as well as on paper in contrast black and white version (photographs shall be high contrast).

• Resolution shall be **no less than 300 dpi** (to the real image size); yet, if small details are expected to be seen, the resolution must be higher.

While scanning or otherwise preparing your illustrations, please set the following image size in your file settings, with regard to the standard print field in Stratum Plus:

1 column — 7.23×24.3 cm;

2 columns — 15×24.3 cm.

Please remember that the same field shall also contain the caption. The image on your figure should not merge with the outline. Please leave at least 3—5 mm indents from the margins of the figure.

• Graphs shall be drawn in **MS Excel**. Besides, please, supply your **MS Excel** graphs with the original tables.

• If your drawing contains **numbers or a text**, please, don't input them by hand, they must be **inserted digitally**; the only exception is made for the archive materials.

• The list of illustrations and captions shall be submitted in the Declaration&Submission Form that shall be attached to your submission (see the Submission Checklist).

• For larger files, please, use a file exchanger like: http://www.sendspace.com/

Tables

Contributions can also be supported by tables.

• Tables shall be drawn in MS Excel or MS Word:

• Tables shall be numbered and titled.

• If a table contains drawings, these shall be sent apart in a graphic format *.tif or *.jpg. Please, do not insert your illustrations in MS Word / Excel file.

Text Formatting

Your publications will be processed quicker if your submission meets the following requirements. You may find recommendations on text preparation on our site http://www.e-anthropology.com/English/Contribute/default.aspx#text. If you have any questions, before submitting your paper please contact our Technical Department at stratumplus@gmail.com

Bibliography and references

We insistently recommend the contributors of articles and monographs to use the following system of references in the text and list of references.

Contributions failing to follow this recommendation shall be sent back for improvements.

References in the text:

(Govedarica 2004: 55 ff.)

(Вишняцкий 2005: 213, рис. 3)

(Тельнов и др. 2002: 28—29, рис. 6: 10, 12—19; 7: 5, 7, 16—22; 8: 2—5)

(НАРМ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16)

(Herod. Hist. IV, 2)

(Genes. 2: 15)

(16 Bees, 142(141))

References to illustrations and tables used in the publication:

(fig. 1: 4, 5—7; 2: 1, 3—10; 3: 1, 2)

(table 1; 2)

Should you borrow illustrations from other publications to use them in your manuscript, please insert relevant references in captions: "(after Иванов 2012: 55)".

List of references:

Reference to a book /monograph [1]:

Haynes G. 2002. *The Early Settlement of North America*. Cambridge: Cambridge University Press.

Govedarica B. 2004. *Zeptertäger-Herrscher der Steppen. Die frühen Ockergräber des älteren Äneolithikums im karpatenbalkanischen Gebiet und im Steppenraum Sudost- und Osteuropas*. Mainz: Zabern.

Тельнов и др. 2002: Тельнов Н., Степанов В., Руссев Н., Рабинович А. 2002. …*Разошлись славяне по земле*. Кишинев: Высшая антропологическая школа.

If a monograph is published in one of the volumes of a continued publication, its title shall be indicated in italic, followed by the title and the number of the volume, in plain font. If the title is given in abridged form, place of publication shall not be indicated, because it is mentioned in the list of abbreviations. For example:

Пассек Т. С. 1949. Периодизация трипольских поселений. *МИА* 10.

Other references [2]:

Reference to a collective volume and conference proceedings:

Walker A. 1984. Extinction in hominid evolution. In: M.H. Nitecki (ed.). *Extinctions*. Chicago: Chicago Univ. Press, 119—152.

Angelova I. 1991. Chalcolithic Necropolis near the Town Târgovişte. In: Lichardus J. (Hrsg.). *Kupferzeit als historische Epoche*. Bonn: Habelt, 101—105.

Рындина и др. 1993: Рындина Н. В., Иденбаум Г. В., Колосова В. С. 1993. Сульфидные медные плавки в металлургии позднего энеолита Северо-Восточных Балкан. В: Georgieva P. (ed.). *The Fourth Millenium B.C.* Proceedings of the International Symposium, 28—30. August 1992, Nessebur, Bulgaria. Sofia: New Bulgarian University, 137—145.

Reference to a section (chapter) in a book published in many volumes:

Телегин Д. Я. 1985. Среднестоговская культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном левобережье Украины. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 305—320.

Reference to an article in a serial publication:

Stuart A.J., Lister A.M. 2011. Extinction chronology of the cave lion Panthera spelaea. *QSR* 30, 2329—2340.

Stuart et al. 2004: Stuart A.J., Kosintsev P.A., Higham T.F.G., Lister A.M. 2004. Pleistocene to Holocene extinction dynamics in giant deer and woolly mammoth. *Nature* 431, 684—689.

Reference to an article in a periodical:

Клейн Л. С. 2005—2009. Полевой дневник археолога (памятка). *Stratum plus* (4), 517—525.

Рунич А. П. 1967. Энеолитическое поселение близ Кисловодска. *СА* (1), 228—233.

Reference to a dissertation

Свинцов В. И. 1997. *Логические основы редактирования текста*. Дисс… д-ра филол. наук. Москва.

Reference to a dissertation abstract

Пшеничная Т. А. 1984. *Русская техническая книга, 1725—1880 гг.* Автореф. дисс… канд. ист. наук. Москва.

Reference to a web resource

Any on-line reference shall include the date of inquiry:

Vajda E.J. 2009. *Dene-Yeniseic in past and future perspective*. URL: http://www.nostratic.ru/books/%28246%29 dy_vajda_perspective.pdf. Date of inquiry June 19, 2011.

If you refer to an on-line book which has its earlier print edition, the reference shall follow the usual order, and then indicate the on-line address:

Пигулевская И.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий А.М. 1958. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Москва: Наука. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/pigulevskaja_istorija/00.aspx. Date of inquiry March 22, 2011.

Reference to an archive

НАРМ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16.

Дитлер П. А. 1962. *Отчет археологической экспедиции Адыгейского научно-исследовательского института, проведенной в 1962 году в Лабинском районе, бывшем Ярославском, Краснодарского края в пос. Колосовка на р. Фарс под руководством П. А. Дитлера*. Архив ИА РАН, № 2662.

---

[1] It is mandatory to indicate the publisher.

[2] It is required to indicate the publisher and the number of pages; it is mandatory to indicate the editor in case of collective volumes.

Stratum plus. № 6 (2014)
Археология и культурная антропология.
2014. — 375 стр.

Подписано к печати 29. 12. 2014 г.

Университет «Высшая антропологическая школа»,
«Stratum plus» Р. Р.:
Адрес: ул. Зимбрулуй, 10а, Кишинев, MD-2024,
Республика Молдова

Формат 60×84 1/8. Бумага офсет №1. Печать офсетная.
Гарнитура «Liberation». Тираж 300 экз. Заказ № 4685.
Отпечатано в Г.П. ИПФ «Центральная типография»:
Адрес: ул. Флорилор 1, Кишинев, MD-2068,
Республика Молдова

Stratum plus. No. 6 (2014)
Archaeology and Cultural Anthropology.
2014. — 375 pp.

Endorsed for print December 29, 2014.

High Anthropological School University,
“Stratum plus” Journal:
Address: Zimbrului St., 10a, Kishinev, MD-2024,
Republic of Moldova

Format 60×84 1/8. Offset paper no. 1. Offset print.
Font “Liberation”. 300 copies. Order no. 4685.
Printed by State Owned Publisher “Tipografia Centrala”:
Address: Florilor St., 1, Kishinev, MD-2068,
Republic of Moldova